

КАЗАХСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПО ПРОБЛЕМАМ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НОМАДОВ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД «ФОНД НУРБУЛАТА МАСАНОВА»

НУРБУЛАТ ЭДИГЕЕВИЧ
МАСАНОВ

КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАЗАХОВ:

ОСНОВЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НОМАДНОГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАНИЕ 2-е, ДОПОЛНЕННОЕ

АЛМАТЫ
2011

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5Қаз)
М 31

Составители 2-го издания:
Л. Е. Масанова, И. В. Ерофеева

Масанов Н. Э.
М 31 Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевых обществ. Изд. 2-е, дополненное / Сост. Л. Е. Масанова, И. В. Ерофеева. – Алматы: Print-S, 2011. – 740 с.

ISBN 978-601-289-038-9

В монографии на основе изучения большого круга оригинальных исторических, археологических и этнографических источников исследуются основные особенности функционирования и жизнедеятельности кочевых обществ казахов, в частности система природопользования, хозяйство, социальная организация и социально-экономические отношения. Анализируются процессы адаптации кочевых обществ к специфическим ресурсам аридных экосистем, социально-экономические процессы, закономерности дисперсной и концентрированной организации общественного производства, община, родоплеменная система, разнообразные формы собственности и процессы их взаимодействия. Вместо заключения дается оригинальная концепция этногенеза и этнической истории казахского народа. Все это создает целостное представление о специфике кочевой цивилизации казахов. Книга предназначена для специалистов по дореволюционной истории Казахстана и всех интересующихся историей и культурой кочевых народов.

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5Қаз)

© ОФ «Фонд Нурбулата Масанова», 2011
© Л. Е. Масанова, И. В. Ерофеева,
сост. 2-го изд., 2011

ISBN 978-601-289-038-9

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

В октябре 2006 г. все должно было быть, как обычно. С середины 1990-х гг. у меня с Нурбулатом установилась неизменная традиция. Во время моих довольно частых поездок в Алматы он всегда встречал меня в аэропорту и следующий день мы проводили только вдвоем. Обычно гуляли по городу, который Нурбулат так хорошо знал и любил, обсуждая различные научные проблемы, совместные проекты и планы, просто разговаривая о всякой всячине. Все дела начинались для меня только через день после приезда. И в тот раз я заранее созвонился с Нурбулатом. Он сказал, что специально отменил поездку в Польшу, чтобы повидаться со мной. Обсудив, что будем делать после моего прилета, сказали друг другу «до скорого». За пятнадцать минут до отъезда в аэропорт я получил известие о его столь неожиданной и трагической смерти, которое никак не укладывалось в голове.

Верить не хотелось и в самолете, вопреки всему, я все еще тешил себя надеждой, что произошла какая-то нелепая ошибка. Но, когда в аэропорту я взглянул на лица встречавших меня людей, последняя надежда испарилась. На следующее утро состоялись похороны и я услышал много верных, добрых и хороших слов о Нурбулате Масанове – ученом, человеке и гражданине. Дочь президента Казахстана прислала очень теплую и трогательную телеграмму. Жаль, что при своей жизни Нурбулат далеко не всегда слышал такие слова. Но так уж издревле повелось.

Со дня безвременной кончины профессора Нурбулата Масанова прошло менее пяти лет и мы постепенно начинаем понимать значение его работ для казахстанской и мировой науки, а также его роль как организатора науки. В наше время узкой специализации Нурбулат был удивительно разносторонним ученым – антропологом и историком, политологом и социологом, да еще иногда и экономистом. И при этом всегда, даже в своих ненаучных увлечениях и хобби, он оставался профессионалом в лучшем смысле этого слова. Каюсь, я иногда посмеивался над его увлечением спортом, особенно теми играми, которые мало популярны в Казахстане, хотя выполняя его просьбу исправно привозил ему соответствующие американские справочники. Прочитав уже после смерти Нурбулата некоторые его спортивные обозрения, поразились высокому уровню его компетенции и в этих вопросах.

И все же Нурбулат Масанов как ученый был в первую очередь антропологом (этнографом) и историком. Мне уже доводилось говорить и писать о том, что в XX в. в Казахстане сложилась яркая и своеобразная школа по изучению кочевников, представленная такими учеными как А. Букейханов, С. Асфендияров, М. Вяткин, Е. Бекмаханов, С. Толыбеков, В. Шахматов, Э. Масанов-старший, Х. Аргынбаев, М. Муканов и некоторыми другими. Даже в Казахстане не все согласны с моим мнением, но как известно, «нет пророка в отечестве своем». Все мы, как ученые, сформировались не на пустом месте. Мы учимся даже на ошибках и упущениях наших предшественников и должны быть благодарны им за то, что они смогли сделать, работая в нелегких, подчас трагических условиях, как это приходилось делать многим казахстанским ученым в советское время. Критиковать легко, на этом иногда даже делаются научные карьеры. Творить свое и новое – гораздо труднее.

Кстати, научный нигилизм никогда не был свойственен Нурбулату Масанову. Его отличало уважительное отношение к предшественникам и современникам, даже к тем, с которыми он был несогласен. Другое дело, что он был не просто продолжателем лучших традиций казахстанской науки. Он не только подвел итоги и обобщил предыдущие исследования. Он внес огромный вклад в изучение кочевников и этногенеза казахского народа и продемонстрировал, что в специфических природно-экологических условиях Казахстана кочевое скотоводство отнюдь не было ущербным и отсталым феноменом. Напротив, оно было оптимальным видом производящей экономики. Именно оно определило особенности формирования казахского народа и его своеобразной культуры. И никто не описал весь производственный цикл кочевого хозяйства казахов и социальные отношения, возникавшие на его основе, детальнее и лучше, чем это сделал Нурбулат Масанов. Я уже не упоминаю о том, что его исследование вбило (надеюсь) последний гвоздь в столь живучую концепцию «кочевого феодализма».

Без постоянного обращения к работам Нурбулата Масанова дальнейшие исследования по истории и проблемам казахских кочевников, а также других кочевников евразийских степей, просто невозможно. Но тут имеются определенные трудности технического порядка. Главная книга Нурбулата Масанова, его *opus vitae*, «Кочевая цивилизация казахов», в которой он детально изложил и аргументировал свои взгляды на экономику и особенности функционирования казахского кочевого общества, уже давно стала библиографической редкостью. Ее переиздание, тем более в дополненном виде, давно уже стало насущной необходимостью. Поэтому можно только приветствовать, что подготовлено к публикации 2-е издание данной книги. Однако это должно стать лишь началом кропотливой и серьезной работы над научным наследием Нурбулата Масанова.

Многие важные статьи Масанова были опубликованы в различных сборниках и периодических изданиях. Зачастую они остаются труднодоступными или просто недоступными для ученых, живущих и работающих в других странах. Переиздание некоторых из этих статей в специальном сборнике представляется мне следующей актуальной задачей. Это сделает труды Масанова не только еще более известными. Это будет большой практической помощью его продолжателям и коллегам.

Но и это еще не все, что предстоит сделать. Некоторые работы Масанова вообще остаются до сих пор неопубликованными. Приведу один пример, имеющий большое значение для меня. Нурбулат исследовал не только кочевое прошлое. Во второй половине 1990-х гг., он более пяти лет отдавал много сил и времени американо-казахстанскому проекту по изучению современного состояния скотоводства в стране. И вклад его в успех этого исследования, вклад не только ученого, но и организатора, трудно переоценить. В частности, он разработал очень оригинальную и детальную анкету, настолько удачную, что ею руководствовались ученые, проводившие полевые исследования не только в Казахстане, но и в других центральноазиатских странах, и даже, уже по своей инициативе, в некоторых регионах Российской Федерации.

Помню, когда Нурбулат привез первый вариант своей анкеты в Медисон, я и мои коллеги в течение двух недель обсуждали ее самым дотошным образом, но в результате добавили и изменили в ней очень немного. А затем Нурбулат лично организовал и возглавил полевые работы по изучению состояния скотоводства в Казахстане, от западных до южных областей республики. Мы только финансировали, советовали, по возможности участвовали, обсуждали

предварительные результаты и выводы. Но основная работа непосредственно легла на плечи Нурбулата. И он с ней блестяще справился.

К сожалению, большинство материалов нашего совместного исследования до сих пор остаются неопубликованными; опубликованы только его некоторые предварительные итоги. По моей инициативе все они были переданы казахстанской стороне. Я убежден, что в первую очередь они являются достоянием казахстанской науки. Насколько я знаю, сейчас они хранятся в архиве Казахского научно-исследовательского института по проблемам культурного наследия номадов. Хочется надеяться, что они выйдут в свет еще при моей жизни. Но при всех обстоятельствах я уверен, что когда они будут опубликованы, они станут незаменимым научным материалом для всех, кто будет изучать состояние скотоводства в Казахстане в период краха колхозно-совхозной системы и перехода к новым производственно-экономическим формам.

Сам Институт являлся любимым детищем Нурбулата в последние годы его жизни. Он мечтал о том, чтобы Институт стал мировым центром по изучению кочевников. С самого начала он настаивал на том, что особенностью Института должно стать комплексное изучение феномена номадизма. Собственно это уникальное качество, столь редкое в наш век узкой специализации, и отличало его основателя, профессора Нурбулата Масанова. Сохранение и дальнейшая успешная работа этого Института будет лучшей данью памяти выдающемуся казахскому ученому, профессору Нурбулату Масанову.

***

Размышляя о научном творчестве и научном наследии Нурбулата Масанова, я восхищаюсь тем, как много он успел сделать за свою недолгую жизнь, и думаю о том, как многого

он смог бы еще достичь, если бы безвременная кончина не унесла его от нас в самом расцвете его таланта. И от этого становится очень грустно.

А. М. Хазанов,

Заслуженный профессор антропологии и центрально-азиатских исследований Университета Висконсин (Медисон, США), член Британской Академии, член-корреспондент Международного института по изучению кочевых цивилизаций (ЮНЕСКО), почетный член Общества по изучению Центральной Евразии

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Со времени выхода в свет монографии Нурбулата Эдигеевича Масанова, посвященной истории номадизма на территории Казахстана, прошло более 15 лет. Изданная в 1995 г. небольшим тиражом, она вызвала столь большой интерес среди специалистов-обществоведов постсоветских и западных стран, что за короткий срок стала научным раритетом.

Книга была подготовлена Н. Э. Масановым на основе докторской диссертации «Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период: историко-экологические аспекты номадизма», успешно защищенной в 1992 г. в специализированном совете по историческим наукам при Институте этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. В силу объективных причин – финансово-экономических трудностей переходного периода, – автору пришлось опубликовать свое диссертационное исследование в усеченном виде. В частности, в первом издании были опущены во многом инновационные разделы диссертации, посвященные происхождению, родовому составу и численности казахских жузов, принципиально важные для понимания истории и культуры кочевого общества казахов.

Нурбулат Масанов предполагал издать полный текст монографии и в 2005–2006 гг. активно работал над ним, чтобы к середине следующего года выпустить книгу в свет. Однако завершить научно-техническую подготовку рукописи к изданию он не успел... Тем не менее, основную часть работы над книгой он выполнил: значительно расширил ее

вторую главу, дополнив текст первого издания разделом о генеалогической структуре казахских жузов; отредактировал другие разделы, сформулировал обобщающие выводы по наиболее сложным аспектам рассматриваемой проблемы и заключения к каждой главе. Составителям настоящего издания осталось внести небольшие изменения в научно-справочный аппарат, соответствующие современным требованиям к оформлению научных изданий.

Дополненная и заново отредактированная автором «Кочевая цивилизация казахов» представляет собой фундаментальный научный труд, рассматривающий ключевые, базисные проблемы и далекого, и относительно недавнего исторического прошлого казахского народа. Она основана на широком круге самых разнообразных первоисточников, на данных естественнонаучных дисциплин, почти на всей доступной в наше время научной литературе по экологии, истории и этнографии кочевников евразийского континента. По признанию ведущих казахстанских и зарубежных ученых, монография Н. Э. Масанова стала первым опытом глубокого теоретического синтеза основных достижений гуманитарных и естественных наук в исследовании феномена кочевничества. Фактически она положила начало применению комплексного междисциплинарного метода к изучению истории и культуры казахов-кочевников. В настоящее время этот метод плодотворно используют в своих трудах сотрудники основанного Масановым в 2006 г. Казахского научно-исследовательского института по проблемам культурного наследия кочевников.

За прошедшие полтора десятилетия со дня выхода в свет первого издания книга Нурбулата Масанова получила широкий резонанс в научном мире, стала знаковой для казахстанской науки. По индексу цитируемости в отечественной и зарубежной научной литературе она относится к числу наиболее используемых специалистами научных трудов. В ней рассматриваются сложные, малоизученные и дискуссионные проблемы истории казахского кочевого общества, многие из которых впервые детально исследованы именно в этом труде, и это тоже одна из причин ее переиздания.

Объективная оценка вклада Н. Э. Масанова в их разработку дана в отзывах на рукопись его докторской диссертации и в опубликованных рецензиях крупнейших российских и казахстанских ученых, специализирующихся на изучении евразийских доиндустриальных обществ, на первое издание книги. Высказанные тогда компетентные суждения помогают проникнуть в творческую лабораторию автора «Кочевой цивилизации казахов», поэтому мы сочли уместным включить их в настоящее издание.

Наряду с номадоведческой тематикой Н. Э. Масанов внес весомый вклад в развитие и популяризацию политических знаний. Будучи президентом Ассоциации политической науки Казахстана, он стоял у истоков изучения чрезвычайно актуальных в наше время проблем социально-политической модернизации переходных обществ. В его трудах исследование особенностей эволюции политической системы Казахстана было связано с анализом государственного строительства, демократизации, национальной и этнической идентичности, конкурентоспособности и устойчивости общества. Конкретные результаты его политологических исследований нашли отражение в опубликованных им монографиях, научных и научно-популярных статьях и в серии интервью, данных различным СМИ.

Широкой общественности страны Нурбулат Масанов известен в основном как честный принципиальный политик, мужественный борец за претворение в жизнь идеалов демократии на постсоветском пространстве. Но большинство казахстанцев практически ничего не знает о его научно-исследовательской деятельности. В связи с этим мы поместили здесь краткий биографический очерк и список опубликованных научных работ Н. Э. Масанова, что позволит заинтересованному читателю составить ясное представление о диапазоне его творческих интересов, приоритетных направлениях научно-исследовательской деятельности.

В современную эпоху кризисного состояния исторической науки, когда на всем пространстве бывшего СССР – и Казахстан здесь не исключение – снижается уровень квалификации исследователей, девальвируется ценность науч-

ного знания как такового, утрачивается само представление о профессиональной и моральной ответственности за сказанное и написанное, чрезвычайно актуальной становится задача расширить доступ читателей к тем научным трудам отечественных ученых, которые определяли высшие достижения национальной науки в разные периоды ее истории. Одним из таких научных трудов является монография «Кочевая цивилизация казахов», занимающая видное место в культурном наследии казахского народа первого десятилетия его суверенного развития.

Переиздание главного труда жизни Нурбулата Масанова – это не только реализация стремления составителей облегчить доступ к подлинно научному знанию молодого поколения исследователей-номадологов, но и моральный долг перед памятью нашего духовного наставника, сильного и мужественного человека.

Для одной из нас он был преданным и любящим мужем, для другой – коллегой по профессии, многолетним сподвижником и другом. На протяжении многих лет каждая из нас при разных обстоятельствах по-новому открывала для себя Нурбулата Масанова, и всегда это общение сопровождалось удивлением, интеллектуальным обогащением, чувством гордости за казахский народ, породивший такого человека. И благодарностью судьбе за то, что она свела с ним.

*Л. Е. Масанова
И. В. Ерофеева*

Посвящается

светлой памяти моего отца

МАСАНОВА Эдиге Айдарбековича (1926–1965)

и моего деда

МАСАНОВА Айдарбека Баймухамедовича (1894–1937)

*«Мы часто слышим и в разговорах,
а иногда читаем и в серьезных книгах,
что "номады кочуют сегодня – там, завтра – здесь,
бродят по степи без толку и сами не знают,
куда судьба заведет их завтра".
В этих фразах нет ни одного слова правды...
Слова эти не заслуживают ни малейшей веры.
Нужна только добрая воля,
нужно только сердечное желание узнать истину,
и в калмыцкой перекочевке,
в перекочевке киргизов и других народов
мы найдем строгую последовательность,
строгую систему, которая докажет,
что порядок и гармония господствуют здесь,
как и во всем мире».*

Петр Небольсин (1852)

ВВЕДЕНИЕ

Всесторонний анализ пространственно-временных закономерностей развертывания всемирно-исторического процесса, реально определяющих динамику историко-культурного развития различных обществ, является актуальной задачей научных поисков, связанных с изучением стадийных и цивилизационных особенностей истории человечества. Характер и направленность процессов эволюции и трансформации различных обществ, уровень их цивилизационного развития определяются прежде всего процессом взаимодействия экологических и социально-экономических факторов, когда географическая среда влияет на основные параметры жизнедеятельности общества, а система материального производства, в свою очередь, посредством совершенствования техники и технологии, аккумуляции информации и как следствие внутреннего преобразования самого способа производства, воздействует на среду обитания и изменяет ее. Именно поэтому перед исследователями стоит задача объективного изучения как тех природных факторов, которые детерминировали пространственные закономерности функционирования человеческого общества, так и тех процессов трансформации географической среды, которые определялись деятельностью человека (Природа и общество, 1968; Взаимодействие природы и общества, 1973; Человек и среда обитания, 1974; Человек и природа, 1980; Общество и природа, 1981; Анучин, 1982; Козлов, 1983; Роль географического фактора в истории..., 1984; Петеем, 1988 и др.).

Многообразие естественно-природных условий, проявляющееся в особенностях орографии, климата, гидрографического режима, почвы, растительного покрова, ландшафтной зональности и т. п., в значительной степени определило многообразие типов и форм материального производства, хозяйственно-культурных типов (*Левин, Чебоксаров, 1955. С. 4–10; Андрианов, 1968; Чеснов, 1970; Чебоксаров, Чебоксарова, 1971* и др.), антропогеоценозов (*Алексеев, 1975; он же, 1984. С. 354–383*), а следовательно, и способов производства. Иначе говоря, географическая дифференция условий жизнедеятельности человека вполне закономерно определила возникновение и функционирование разнообразных способов адаптации человека к среде, существование различных форм трудовой деятельности и типов общественного производства, оптимально соответствующих ресурсному потенциалу каждой данной экологической ниши, а, следовательно, и уровень и основные параметры цивилизационного развития. «Различные общины, – говорил К. Маркс, – находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам» (*Маркс, Энгельс. Т. 23. С. 364*). В этой связи становится очевидной научная значимость исследования экологических детерминантов в развитии и жизнедеятельности различных способов производства и цивилизаций, выявления степени и характера зависимости общества от географической среды.

Большой научный интерес представляет исследование проблемы кочевничества как одного из наиболее рациональных в доиндустриальный период способов природопользования и утилизации скудных ресурсов засушливых регионов, занимающих почти четверть всей земной поверхности (*Андрианов, 1985. С. 242*). И поскольку кочевничество было вплетено в живую ткань естественно-природных процессов и имело место лишь в определенных пространственно-временных границах с известной амплитудой условий жизнедеятельности, то его следует понимать прежде всего

как форму взаимодействия и динамического равновесия естественно-природных и социально-экономических процессов, как специфическую форму адаптации человека в особых условиях среды обитания, как способ социального функционирования в определенных экологических нишах посредством кочевого скотоводческого хозяйства и соответствующего способа производства. Огромное эвристическое значение всестороннего исследования данного культурно-исторического феномена очевидно.

Научная значимость темы исследования во многом обуславливается тем, что и поныне более чем в 30 странах мира продолжает существовать кочевое скотоводческое хозяйство, охватывающее около 40 млн чел. (*Вайнштейн, 1989. С. 72; см. также: Андрианов, 1985. С. 241–242*). Изучение процесса взаимодействия природно-географических и социально-экономических факторов в среде номадов приобретает в данном случае несомненный практический интерес в связи с необходимостью приспособления современных кочевников к реалиям высокоразвитого индустриально-урбанизированного общества и определения путей и способов интеграции номадов в структуру современной цивилизации. Совершенно очевидно, что выработка эффективной стратегии интеграционных процессов невозможна без детального исследования всех элементов системы материального производства, общественных отношений, психологии и духовной культуры кочевников-скотоводов.

Особенный интерес вызывает изучение проблемы кочевничества в связи с важностью углубления и уточнения таких принципиальных вопросов теории всемирно-исторического процесса, как методология исследования сущности цивилизационного развития и онтологической природы различных способов производства, государственности и сословно-классовой дифференциации общества, отношений собственности и системы производственных отношений, общины и социальной организации и т. д. Изучение номадизма может значительно углубить существующие представления и дать важные дополнительные аргументы для наиболее адек-

ватного реальной действительности понимания социально-экономических и стадияльно-цивилизационных аспектов всемирно-исторического процесса (Андрианов, Марков, 1990 и др.). Научная значимость исследования проблемы номадизма представляется совершенно очевидной как с точки зрения углубления наших знаний о всемирно-исторических закономерностях развития общества, так и в плане конкретизации и детальной проработки всего спектра явлений и событий истории народов Евразии и Северной Африки.

Исследование цивилизационных и пространственно-временных законов исторического развития номадов представляется вполне возможным сквозь призму изучения истории и культуры, системы материального производства и общественных отношений казахов¹, одного из крупнейших кочевых народов Евразии нового времени, в наибольшей степени сохранившего к началу XX в. кочевой образ жизни (Аристов, 1896. С. 350; Соколовский, 1926. С. 4 и др.). В силу ряда объективных причин именно анализ культурно-бытовых реалий кочевников-казахов, является тем ключом, с помощью которого может быть обеспечено познание и всестороннее исследование механизма функционирования системы «общество – природа».

Объектом исследования была избрана кочевая цивилизация казахов XVIII – начала XX в., изучение которой ярко иллюстрирует способы адаптации номадов к условиям

¹ Казак как самоназвание народа впервые упоминается в источниках в XV–XVI вв. (МИКХ. С. 226; Бартольд. Т. II. Ч. 1. С. 270; Т. V. С. 170, 184, 212, 535 и др.) и функционирует вплоть до настоящего времени. С середины XVIII в. российская администрация и официозная историография с целью дифференциации их от русского казачества стали именовать казахов *киргизами* (Левшин, 1827; он же, 1832 и др.), поскольку вплоть до середины XIX в. предполагалось, что киргизы составляют *Старший жуз* казахов (см. подробнее Масанов Э. А., 1966 и др.). В 1925 г. было восстановлено историческое самоназвание *казак* (с 1935 г. в форме *казах*).

аридной экосистемы, особенности кочевой стратегии природопользования, специфику системы материального производства, социальной организации и общественных отношений. На этой основе возможно исследование кочевого хозяйственно-культурного типа, получившего широкое распространение на всем ареале степной, полупустынной и пустынной зоны умеренного пояса Евразии и пустынной и саванно-сахельской зоны Северной Африки от Тихого до Атлантического океанов, особенностей его историко-культурного функционирования.

Предметом исследования стало изучение общих закономерностей процесса взаимодействия природно-географических и социально-экономических факторов в условиях номадного общества. Предпринята попытка комплексного анализа рассматриваемой проблемы в неразрывной целостности эколого-природных и социокультурных факторов, предопределявших направленность и динамику эволюционного развития кочевничества как во времени, так и в пространстве. Сквозь призму взаимодействия и взаимовлияния системы материального производства и географической среды исследуются закономерности и особенности стратегии природопользования и главным образом основные направления воздействия естественно-природных процессов на социально-экономические явления, в частности, на процессы генезиса и эволюции номадизма, структуру хозяйственных занятий и типологию кочевого скотоводства. Анализируются экологические аспекты освоения засушливых регионов, система выпаса и кочевания, производственный цикл и процесс сезонного распределения пастбищных угодий в зависимости от условий среды обитания, особенности процесса производства и социальной организации, отношения собственности и процессы монополизации средств производства, социально-экономическая структура общества и уровень стадияльного и цивилизационного развития кочевничества. Номадный способ производства рассматривается как одна из наиболее оптимальных моделей экологической детерминированности способов жизнедеятельности.

тельности, динамично сбалансированного с природными ресурсами среды обитания антропогенным характером растительного покрова местообитаний кочевников.

Сочетание диахронного и синхронного методов исследования обусловило и хронологию нашего научного поиска. В историко-диахронном плане нами изучается процесс эволюции и трансформации номадизма. Такой подход позволяет императивно определить особенности историко-временного функционирования и хронологические циклы жизнедеятельности кочевого способа производства, процессы изменения его роли и места во всемирно-историческом развитии общества, а также в отдельные эпохи. В синхронно-логическом плане, несомненно, ведущем срезе нашего исследования, который имеет детерминирующее значение для диахронных аспектов проблемы, предпринимается попытка изучения алгоритма развития и общих закономерностей социально-экономического функционирования номадизма как специфического способа производства в пространстве на примере кочевого общества казахов XVIII – начала XX в.

Степень изученности проблемы

Историографическая панорама номадизма ярко демонстрирует удивительно многообразный спектр исследовательских приемов и методов изучения истории и культуры кочевых народов. Именно поэтому вполне закономерно наличие множества научных суждений и гипотез, точек зрения и концепций относительно законов исторического развития кочевничества во времени и пространстве. Анализ этого интегрального множества научных поисков потребовал бы от нас целой серии специальных изысканий. Учитывая ограниченные рамки исследования и отсылая читателя к специальным историографическим работам по кочевникам вообще (см.: Федоров-Давыдов, 1973; Хазанов, 1975а; Марков, 1976; Першиц, 1976; Коган, 1981; Исмаил, 1983; Попов, 1986; он же, 1986а; Крадин, 1987; Сулейменов, 1989 и др.) и казахам в частности (см.: Масанов, 1966; Ерофеева, 1979

и др.), в которых рассматриваются некоторые парадоксы научного поиска в сфере кочевничества, мы ограничимся кратким анализом исследований по экологии номадизма в вводной части и по отдельным аспектам истории и культуры кочевников в соответствующих разделах работы.

Процесс взаимодействия природных и социальных факторов в историко-культурном функционировании кочевых народов не являлся до сих пор предметом специального исследования. По-видимому, это объясняется как недооценкой роли географической среды в истории общества вообще (Круть, Забелин, 1988; Ямсков, 1988 и др.), так и всеобщностью POSSИБИЛИСТСКОГО подхода к анализу процессов взаимодействия общества и природы, присущего историографии конца XIX – середины XX в. (Козлов, Ямсков, 1989 и др.). Однако было бы неверным утверждать, что этой проблемы так или иначе не касались отдельные авторы. В историографии номадизма существует немало важных положений, высказанных исследователями по различным аспектам экологии кочевничества.

Характеризуя фактически впервые различные стороны хозяйственно-бытовой жизни кочевников-казахов, русская дореволюционная историография XVIII – начала XIX в. была весьма далека от мысли интерпретировать особенности культурно-исторического развития номадов в зависимости от географической среды (Рычков, 1762; он же, 1796; Паллас, 1773; Георги, 1799; Андреев, 1795–1796; Спасский, 1820; Броневский, 1830; Левшин, 1832 и др.). Правда, отдельные экологические аспекты жизнедеятельности кочевого хозяйства казахов были затронуты в работах некоторых авторов начала XIX в. (Гавердовский, 1803; Большой, 1822; Махонин, 1827 и др.).

В середине XIX в. в связи с созданием Русского географического общества впервые появляются работы, в которых связь кочевого образа жизни казахов с географической средой представлялась само собой разумеющимся императивом, не нуждающимся в какой-либо специальной аргументации (Бларамберг, 1848; Мейер, 1865; Валиханов, 1984–1985,

Казанцев, 1867; Потанин, 1867; Загряжский, 1874 и др.). Постепенно начинает осознаваться природная обусловленность многих сторон кочевого образа жизни, порожденных особенностями климата и отсутствием воды (Макшеев, 1856; Завалишин, 1867; Маев, 1871; он же, 1872; Балицкий, 1873 и др.). Н. И. Красовский писал, что «кочевой образ жизни народа есть следствие территориальных особенностей степи, способствующей разведению домашнего скота и более или менее препятствующей развитию всех остальных отраслей промышленности» (Красовский, 1868. Ч. III. С. 14). Выходят первые работы, в которых рассматриваются система выпаса и кочевания, выбор пастбищных угодий в зависимости от природно-климатических условий (Небольсин, 1852; Чорманов, 1871; он же, 1871а; Кальнинг, 1876 и др.), система хозяйства кочевников-казахов в связи с влиянием на нее природных факторов (Русанов, 1861; он же, 1870; Тяукин, 1861; Медведский, 1862; Гейнс, 1897–1898 и др.), затрагиваются проблемы антропогенного опустынивания во Внутренней орде (Плотников, 1871 и др.).

Следует отметить, что с этого времени формируются два разных подхода к пониманию характера взаимоотношений природы и общества в сфере кочевого хозяйства. Придерживаясь детерминистского взгляда, М. Чорманов писал о хозяйстве казахов: «...при таких условиях производства, промысел этот, предоставленный попечению самой природы, зависит всего более от состояния погоды и от качества почвы. Человек играет здесь самую пассивную роль: он нужен для того, чтобы скот не пошел по ветру и для того, чтобы отогнать хищного зверя» (Чорманов, 1871а). В свою очередь, сторонники другого подхода, признавая природную обусловленность возникновения и существования кочевничества, отмечали: «...не нужно думать, чтобы кочевник-киргиз вполне и слепо подчинялся окружающей его природе. Напротив, он пользуется ею по известному, обдуманному плану, с глубоким и верным расчетом, по выработанной многими поколениями системе» (Живописный альбом..., 1880. С. 328; см. также Медведский, 1862 и др.).

Последняя четверть XIX – начало XX в. характеризуются появлением многих работ по различным вопросам хозяйственно-бытовой жизни номадов в зависимости от лимитирующих и отчасти детерминирующих факторов среды обитания (Смирнов, 1887; Алекторов, 1888; Васильев, 1890; Шмидт, 1894; Остафьев, 1895; Брем, 1896; Ковалевский, 1896; Кранихфельд, 1898; Герн, 1899; Бенкевич, 1903; Диваев, 1904–1905 и др.). Особый интерес в этом плане представляют исследования по различным циклам производства, кочевания и выпаса (Джантюрин, 1883; Чорманов, 1883; он же, 1906; Александров, 1884; Кустанаев, 1894; Базанов, 1904 и др.). Наибольший вклад в описание хозяйства кочевников-казахов и показ его экологических детерминантов внес А. И. Добросмыслов серией прекрасных работ (Добросмыслов, 1893; он же, 1894; он же, 1895а).

Значительным шагом вперед стало издание десятков томов «Материалов по киргизскому землепользованию», которые положили начало детальному изучению кочевого хозяйства казахов едва ли не во всех формах и типах взаимосвязи общества и природы. В этом сериале сосредоточен огромный статистический и другой чрезвычайно многообразный фактический материал, сопровождающийся его первичным осмыслением и представляющий благоприятную возможность исследования едва ли не всех сторон процесса взаимодействия природных и социальных факторов. «Материалы по киргизскому землепользованию» стимулировали выход в свет важных работ П. Румянцева, А. Кауфмана, В. Скалова, П. Хворостанского и др. авторов, которые проанализировали отдельные аспекты зависимости хозяйства кочевников-казахов от географических условий.

Во второй половине XIX – начале XX в. в дореволюционной историографии прослеживается значительный спектр взглядов – от признания того, что «большая часть степей по своим природным условиям пригодна только для кочевой жизни, и, если вынудить кочевников перейти к оседлости, это, безусловно, явится причиной регресса и приведет к обезлюдению степей» (Радлов, 1989. С. 345), до географиче-

ского нигилизма. В это время формируется точка зрения об антропогенном характере географической среды и преобразующей роли человека в отношении нее (*Марш*, 1866 и др.).

Широкое распространение в этот и последующий периоды получают обвинения в адрес кочевников об их ответственности за опустынивание и нарушение экологического равновесия. Дело доходит до крайних оценок. Так, В. Васильев пишет в это время: «Поймем ли мы, что номад есть враг и природы и цивилизации, что он разрушитель богатств, создаваемых только трудами оседлости и земледелия?» (цит. по: *Масанов*, 1966. С. 281). Конец XIX в. знаменуется возникновением POSSИБИЛИСТСКОЙ научно-мировоззренческой парадигмы, которая «...отводит географической среде сугубо пассивную роль фундамента, на котором по своим собственным внутренним законам развивается общество» (*Ямсков*, 1988. С. 14; см. также: *Джонстон*, 1987. С. 62–64; *Козлов*, *Ямсков*, 1988 и др.). Результатом этого стало широкое распространение взгляда о прогрессивности скорейшего перевода номадов на оседлость (*Аничков*, 1899; он же, 1902 и др.).

Можно заключить, что дореволюционная историография постепенно эволюционировала от изначального императива географической обусловленности кочевого скотоводческого хозяйства к выводу об их негативном воздействии на природу и ответственности номадов за опустынивание в Евразии и Северной Африке. Обширный спектр различных подходов и методов исследования рассматриваемой проблемы в начале XX в. сужается в связи с набирающей силу тенденцией POSSИБИЛИЗМА и постепенно сводится к обоснованию необходимости скорейшего перевода кочевников на оседлый образ жизни.

Западная историография нового времени также характеризуется чрезвычайно широким диапазоном мнений и точек зрения относительно процессов взаимодействия общества и природы (*Джонстон*, 1987; *Круть*, *Забелин*, 1988; *Джеймс*, *Мартин*, 1988 и др.) – от натурсоциального направления до традиционного геодетерминизма. И если

одно из них возлагает на человека и в том числе на кочевников ответственность за превращение в пустыни самых плодородных земель Старого Света (*Марш*, 1866. С. 46 и др.), то другое, в основном, ведет речь о зависимости жизни и психологии человека и в том числе номадов от географической среды (*Ратцель*, 1896; он же, 1906 и др.). Наряду с этим постулируется взаимозависимый характер отношений кочевников и среды обитания (*Реклю*, 1900 и др.). В целом западная историография в своем развитии в этот период существенно не отличалась от русской дореволюционной литературы.

Качественно новый подход в развитии географических представлений о взаимоотношениях общества и природы связан с именем американского географа Э. Хантингтона (*Джеймс*, *Мартин*, 1988. С. 420–422 и др.), исследования которого непосредственно связаны с историей номадов. Он, в частности, полагал, что причиной массовых инвазий кочевников Центральной Азии и прежде всего монголов были циклические колебания климата, в особенности периодическая аридизация природных условий (*Huntington*, 1907 и др.). Идеи Э. Хантингтона имели важное значение в западной историографии и способствовали привлечению внимания ученых к проблемам взаимодействия общества и природы среди номадов.

Советская историография

В 20-е гг. XX в. продолжало бытовать различие точек зрения и взглядов на историко-культурное развитие кочевников в специфических природных условиях. Большая часть исследователей так или иначе признавала географическую обусловленность системы материального производства кочевников-казахов (*Бенкевич*, 1918; *Кенарский*, 1924; *Чулошников*, 1924; *Соколовский*, 1926; *Руденко*, 1927 и др.). Так, в частности, Б. А. Куфтин пишет в этой связи, что «поразительная приспособленность всего быта киргизов-степняков к таким громадным ежегодным передвижениям

позволяет единственно ему утилизировать колоссальные сухие пространства края, не поддающиеся пока иному использованию» (Куфтин, 1926. С. 13–14). Наряду с этим получают освещение различные стороны процесса кочевания, выпаса скота, посезонные особенности производственного цикла в зависимости от географической среды (Ашмарин, 1925; Фиельструп, 1927; Букейхан, 1927; Ищенко и др., 1928; Мацкевич, 1929 и др.). Н. Н. Мацкевичем было справедливо замечено, что «казакское кочевое, скотоводческое хозяйство складывалось под влиянием своеобразной естественно-исторической обстановки и является собой яркий пример приспособляемости человека в своей хозяйственной деятельности к природным условиям вообще, а также и к тем изменениям этих условий, которые происходят в результате воздействия на них деятельности человека» (Мацкевич, 1929. С. 1).

К сожалению, в последующее время в советской историографии полностью возобладал «географический нигилизм», исключивший природную среду из сферы исследования и поставивший во главу угла «закономерности» общественного развития вне их причинно-следственных связей. При этом взгляды ученых, отстаивавших необходимость учета экологического фактора в жизни общества, в частности Л. С. Берга, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Н. И. Вавилова и других, были отвергнуты. Безграничная вера в «человека-творца», «преобразователя природы и общества», концептуализированная в «Кратком курсе истории ВКП(б)», стала идеологической основой широко развернувшейся в начале 30-х гг. XX в. плановой кампании по переводу кочевников на оседлость, результатом которой стало предсказанное академиком В. В. Радловым «обезлюдение степи» (Абылхожин, Козыбаев, Татимов, 1989 и др.). Географический нигилизм стал одной из причин трагедии прежде всего кочевых народов бывшего СССР.

Результатом такого подхода стала всеобщность вывода об обязательности и прогрессивности перевода кочевников на оседлость, седентаризации как «высшей» стадии развития номадизма (Погорельский, 1949; Толыбеков, 1959; он же,

1971; Дахшлейгер, 1965; он же, 1973; Турсунбаев, 1973; Абрамзон, 1973; Плетнева, 1982 и др.). При этом вопрос о целесообразности и возможности безболезненного перехода на оседлость подменялся односторонними рассуждениями о прогрессивности седентаризации, тогда как экологические детерминанты кочевничества были исключены из сферы исследования. И хотя некоторые вопросы взаимодействия природы и общества были фрагментарно представлены в кочевниковедении (Потапов, 1947; он же, 1955 и др.), им никогда не уделялось значительного внимания.

Уже с середины 50-х гг. XX в., в теоретических разработках постепенно начинают звучать голоса о необходимости учета географической среды как важного фактора социально-экономических процессов в кочевой среде. Именно пространственная дифференциация в способах жизнедеятельности была положена в основу теории хозяйственно-культурных типов и выделения кочевого ХКТ (Левин, Чебоксаров, 1955; Андрианов, 1968; Чебоксаров, Чебоксарова, 1971 и др.), антропогеоценозов (Алексеев, 1975 и др.) и т. д. В. И. Козловым в этой связи было справедливо замечено, что «кочевников сухих степей... можно рассматривать как экологические таксоны, жизнь которых во многом определяется условиями их местообитания» (Козлов, 1983. С. 5). Важное значение в деле реабилитации географического фактора в истории общества имели исследования историко-географического характера (Шнитников, 1957; Федорович, 1950; Мурзаев, 1952 и др.), а позднее теоретические работы, имеющие методологическое значение (Пуляркин, 1968; Козлов, 1971; он же, 1983; Козлов, Покшишевский, 1973; Алексеева, 1977; Данилова, 1981; Ким, Данилова, 1981; Громов, 1981; Маркарян, 1981; он же, 1981а; Анучин, 1982; Баландин, Бондарев, 1988 и др.).

Историографическая ситуация в сфере кочевниковедения, деформированная географическим нигилизмом 30–50-х гг. XX в., начинает отчасти выправляться только в настоящее время. Прорыв в этом направлении связан прежде всего с исследованиями географов, занимающихся проб-

лемами современного номадизма (Федорович, Есауленко, 1969; Федорович, 1973; Назаревский, 1973 и др.). Большой интерес вызывают работы В. А. Пуляркина и Г. Ф. Радченко, в которых содержится глубокое исследование разнообразных экологических детерминантов хозяйства кочевников Южной Азии и саванно-сахельской зоны Северной Африки (Пуляркин, 1976; он же, 1976а; он же, 1982а; Радченко, 1982; она же, 1983 и др.). Серьезный анализ различных аспектов культурно-географического взаимодействия в среде номадов сделан в работах А. Н. Ракитникова и др. географов.

В этот период появляются и попытки этнографического осмысления системы взаимодействия природных и социальных процессов. Наибольший интерес представляют публикации, в которых рассматриваются экологические факторы генезиса номадизма (Акишев, 1972; Шилов, 1975; Марков, 1976; Артамонов, 1977; Еремеев, 1979; Косарев, 1981; он же, 1984; Зайберт, 1992 и др.), функционирования хозяйства кочевников Евразии и Северной Африки (Жданко, 1960; она же, 1968; она же, 1974; Першиц, 1961; он же, 1971; Вайнштейн, 1972; он же, 1973; Оразов, 1978; Руденко, 1961; Арвынбаев, 1969; Толыбеков, 1971; Никифоров, 1974; Басилов, 1973; Аполлова, 1976; Курылев, 1979 и др.). Значительный «экологический» комплекс идей представлен в работах Б. В. Андрианова, С. И. Вайнштейна, Г. Е. Маркова, А. М. Хазанова, в которых дается исследование некоторых сторон влияния географической среды на систему материального производства, процессы кочевания, направленность и протяженность миграционных маршрутов номадов и т. д. (Вайнштейн, 1972; он же, 1973; Хазанов, 1973; он же, 1974; он же, 1975а; *idem*, 1984; Марков, 1973; он же, 1973а; он же, 1979; Андрианов, 1978; он же, 1985; он же, 1989а и др.). Следует также отметить весьма плодотворную трактовку Л. С. Клейном экологических причин массовых нашествий кочевников (Клейн, 1974 и др.). Несомненный интерес в этом же плане представляют кочевниковедческие разработки Б. А. Литвинского (Литвинский, 1972; *idem*, 1989 и др.).

Особняком стоят многочисленные работы Л. Н. Гумилева, в которых рассматриваются различные стороны процесса взаимодействия общества и природы в кочевой среде. В его ранних исследованиях основным предметом научного анализа являлись вопросы генезиса и эволюции кочевничества в зависимости от циклических колебаний климата (Гумилев, 1966; он же, 1966а; он же, 1971 и др.), в более поздних – этнос, в том числе и кочевой, как естественно-биологическое и географическое явление (Гумилев, 1989; он же, 1989а; он же, 1990 и др.). Концепция Л. Н. Гумилева об этносе, неоднократно обсуждавшаяся на страницах научных изданий, не имеет к нашей работе непосредственного отношения, однако хотелось бы подчеркнуть, что до тех пор пока не будет проанализирован во всей интегральной целостности механизм взаимодействия и взаимовлияния природных и социальных процессов в синхронно-логическом плане, любые исследования диахронного характера будут представляться весьма сомнительными.

* * *

Таким образом, советская историография рассматриваемой проблемы в своем развитии прошла достаточно сложный путь. Саморазвитие научной мысли, придерживавшейся в 20-е гг. XX в. в основном геодетерминистских позиций, в последующее время было прервано. На смену детерминизму приходит постулированный в «Кратком курсе ВКП(б)» географический нигилизм, результатом гегемонии которого стал полный отказ от исследований в сфере взаимодействия общества и природы. Неучет географической среды в жизни кочевого общества и поппулистская концепция перевода номадов на оседлость привели к демографической катастрофе, когда у миллионов кочевников был экспроприрован скот, в результате чего и он и люди были обречены на голодную смерть. Другим следствием географического нигилизма стало то, что советская историография была обречена схоластически доказывать «прогрессивность» оседания. Лишь в последнее время ситуация стала

меняться к лучшему, появились работы по экологии кочевого общества. Тем не менее мы вправе заключить, что географический фактор в современной историографии кочевничества представлен явно недостаточно, в основном лишь в связи с изучением отдельных сторон хозяйства номадов, тогда как механизм его взаимосвязи с общественными процессами так до сих пор и не стал предметом исследования.

Западная историография

Западная историография новейшего времени в отличие от советской носила более творческий характер и продемонстрировала разнообразие подходов к анализу проблемы взаимодействия общества и природы. На одном ее полюсе находился трансформирующийся энвайронментализм, пытавшийся объяснить различные стороны деятельности и поведения человека экологическими причинами, а на другом – попсибилизм, по существу отрицавший географическую среду как фактор общественного развития (Джонстон, 1987 и др.).

В 50-е гг. XX в. в связи с появлением работ Дж. Стюарда в западной историографии формируется новое направление научного поиска – культурная экология. «Географический детерминизм и попсибилизм составляют предысторию экологической этнографии...» (Козлов, Ямсков, 1989. С. 90). Американский исследователь Ч. Франц возникновение культурной экологии объясняет тем, что представители структурного функционализма анализировали социальные отношения вне связи с экологическими и экономическими отношениями. При этом, выражая в целом попсибилистские настроения, он пишет, что сторонники культурной экологии, стремясь исправить эту ошибку, стали чрезмерно акцентировать внимание на значении природных условий и преувеличивать роль адаптации к ним человека (Frantz, 1978).

В исследованиях западных авторов по проблемам номадизма имеет место широкий спектр различных подходов и оценок. В своем развитии западная историография эволюционировала от восторженного отношения к энвайрон-

ментализму, особенно взглядам Э. Хантингтона, к равновесию между геодетерминизмом и попсибилизмом, а в последнее время все больше продвигается к культурной экологии. Вкратце рассмотрим взгляды западных авторов. По-прежнему бытует изучение миграций кочевников в зависимости от флуктуации или циклических колебаний климата (Brooks, 1949; Lattimore, 1962; Jenkins, 1974, etc.). Большой интерес в этом плане представляют многочисленные исследования о влиянии засухи на хозяйство кочевников и их реакции на нее (Birks, 1978; Production Pastorale et Société, 1978; Herzog, 1981; Bourgeot, 1982, etc.), трансформации различных типов хозяйства в зависимости от изменений климата (Brentjes, 1981, etc.). Признание важной роли географической среды в происхождении и жизнедеятельности кочевого скотоводческого хозяйства содержится в работах многих авторов (Тойнби, 1991. С. 183–186; Krader, 1955; idem, 1959; Lattimore, 1962; Ecsedy, 1981, etc.).

Рядом исследователей сделан справедливый вывод о том, что кочевничество является наиболее эффективным способом использования энергетических и биологических ресурсов аридных и семиаридных районов Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока и Центральной Азии, в наибольшей степени учитывающим интересы хрупкой экосистемы и обеспечивающим необходимое экологическое равновесие (Bundt, Heiland, Lang, etc., 1979; Hussel, 1981; Cant, 1984; The Future of Pastoral Peoples, 1981).

В последнее время западные ученые стремятся показать рациональность кочевого скотоводства, а местные специалисты все больше убеждаются в целесообразности использования богатого опыта номадов в развитии скотоводства (The Future of Pastoral Peoples, 1981. P. 15). Наряду с этим в исследованиях западных авторов прослеживаются разнообразные экологические детерминанты системы материального производства, прежде всего выпаса скота и процесса кочевания (Krader, 1955; idem, 1959; idem, 1963; Johnson, 1959; Boyle, 1972; Safi, 1982; Hussel, 1981; Лусуги, Глазер, 1984 и др.). Б. Глэтзэр и М. Кэзимир отмечают,

что для понимания различных типов и форм кочевого скотоводства необходим глубокий экологический анализ (*Glatzer, Casimir*, 1983. P. 308). Несомненный интерес представляют работы, в которых прослеживается взаимосвязь географической среды и социальной организации (*Torru*, 1976, etc.). В исследованиях Б. Спунера раскрывается взаимодействие экологических, технологических и социально-экономических аспектов номадизма (*Spooner*, 1973, etc.).

Важное значение имеют фундаментальные труды А. Дж. Тойнби, в которых основательно анализируется географическая зависимость кочевой цивилизации, особенности ее развития. «...Непрямая утилизация растительного мира степи через посредство животного создает основу для развития человеческого ума и воли. Круглый год кочевник должен искать корм для своего скота в суровой и скупой степи. В соответствии с годовым циклом он должен перемещаться по степным пространствам, преодолевая немалые расстояния... Кочевники не смогли бы одержать победу над степью, выжить в столь суровом естественном окружении, если бы не развили в себе интуицию, самообладание, физическую и нравственную выносливость...» (*Тойнби*, 1991. С. 185–186). Говоря о «наказании, постигшем кочевников», А. Тойнби очень метко заметил, что «ужасные физические условия, которые им удалось покорить, сделали их в результате не хозяевами, а рабами степи. Кочевники... стали вечными узниками климатического и вегетационного годового цикла. Наладив контакт со степью, кочевники утратили связь с миром» (*там же*. С. 186).

Вместе с тем следует заметить, что все больше специалистов совершенно справедливо возражают поссибилистам против перевода кочевников на оседлость, указывая на отсутствие соответствующих природно-климатических условий, водных и почвенных ресурсов для занятия земледелием, и подчеркивают, что седентаризационные процессы в аридной зоне, как правило, приводят лишь к ухудшению экологической ситуации и условий жизнедеятельности бывших номадов (*Konczacki*, 1978; *Bundt, Heiland, Land*, etc., 1979; *Nomadismus...*, 1982, etc.).

Наряду с этим многие исследователи, обеспокоенные судьбами кочевых народов, выражают опасения, что в условиях современного индустриально-урбанизированного общества кочевники фактически остались на периферии общественной жизни и не имеют шансов на выживание. Именно поэтому они предлагают под эгидой ЮНЕСКО и других международных организаций разработать эффективную программу их интеграции в экономическую структуру развивающихся стран, учитывающую как традиционные стереотипы и ценностные ориентации кочевников, так и природно-климатические условия среды обитания (*Herzog*, 1981; *Hussel*, 1981; *Bourgeot*, 1982; *Nomadismus...*, 1982; *Лусиги, Глазер*, 1984; *Cant*, 1984; *Schwartz S., Schwartz H.*, 1985; *Sullivan, Farris, Simpson*, 1985, etc.).

Одновременно взгляды целого ряда авторов представляют собой сложное переплетение геодетерминистских и поссибилистских подходов к изучению проблемы номадизма. Так, например, Л. Крэдер, с одной стороны, говорит о зависимости номадов от географической среды, а с другой, обвиняет кочевников в истощении пастбищных угодий и деградации окружающей среды (*Krader*, 1963; *idem*, 1966. P. 5, etc.). П. Бонт, отмечая экологические детерминанты номадизма в развитии процессов социальной дифференциации, пишет об их негативном воздействии на природные условия среды обитания (*Bonté*, 1978, etc.).

Поссибилистских взглядов на историко-культурное функционирование и жизнедеятельность кочевых народов придерживается значительная часть западных исследователей (*Grünert, König*, 1974; *Frantz*, 1978; *Stein*, 1980; *idem*, 1981; *Change and Development...*, 1981; *Neubert*, 1981; *Seiwert*, 1982, etc.). Так, например, К. Еттмар даже подвергает критике сторонников экологического метода исследования истории и культуры номадов и считает, что судьбы кочевничества должны рассматриваться в контексте всемирно-исторического процесса (*Jettmar*, 1981, etc.). Ч. Франц уверен в том, что нормы социальной организации практически не зависели от географической среды и уста-

новить в этом случае причинную связь почти невозможно (Frantz, 1978). Сторонники данного подхода требуют скорейшего перевода всех номадов на оседлость (Seiwert, 1982; Nomadismus..., 1982. S. 219–231, etc.).

* * *

Таким образом, в историографии кочевничества, несмотря на обилие различного рода исследований, процесс взаимодействия природных и социально-экономических факторов в историко-культурном развитии и жизнедеятельности кочевого общества специально фактически не изучался. В основном имеют место попытки анализа отдельных аспектов рассматриваемой проблемы, преимущественно связанных с системой хозяйства номадов, тогда как сам механизм равновесного и сбалансированного состояния кочевников в пространстве, процессы их адаптации к природным ресурсам среды обитания и потенциал антропогенной трансформации географических условий во взаимодействии и взаимосвязи с социально-экономическими процессами в кочевой среде никогда не становились предметом самостоятельного исследования.

Нами предпринимается попытка комплексного исследования основ жизнедеятельности номадного социума, процессов взаимодействия природно-географических и социально-экономических факторов в развитии кочевой цивилизации. В зависимости от природно-климатических условий среды обитания строится типология местообитаний номадов, анализируются процессы генезиса и эволюции кочевого способа производства, структура и типология скотоводческого хозяйства казахов, степень распространения и удельный вес нескотоводческих занятий. Посредством изучения процессов выбора и распределения пастбищных угодий, сезонной специфики системы кочевания и выпаса различных видов скота исследуется эвадaptiveвая стратегия природопользования номадов. Анализируется их адаптация к географическим условиям аридной экологической ниши посредством выработки особого эколого-биологического и социально-экономического механизма – закономерности

дисперсного состояния – обеспечивающего динамическое равновесие в естественно-природных и общественно-экономических процессах. Одновременно изучаются процессы интеграции номадов в различного рода социальные организмы, определяющие сложную структуру общества и обуславливающие функционирование разного рода систем общественных связей. Наряду с этим исследуются экологические детерминанты социально-экономических процессов, являющихся основой жизнедеятельности номадов, в том числе системы производственных отношений, отношений собственности, явлений концентрации средств производства и монополизации самой системы материального производства, социально-экономической структуры общества, форм зависимости и типов эксплуатации. В этой связи рассматриваются естественно- и социально-сегментирующие функции закономерности дисперсного состояния, выражающие, на наш взгляд, фундаментальные особенности номадного способа производства и определяющие дискретность и прерываемость процессов накопления средств производства в диахронном плане и стабильность, всеобщность и устойчивость процессов концентрации скота – в синхронном. Изучается специфика процесса производства в различных природных условиях как фактор многообразия форм социальной организации, производственных отношений, форм взаимодействия общинной собственности на землю и частной собственности на скот, коллективной организации трудового процесса и частного распределения продуктов общественного производства и т. д.

Учитывая это, дается обоснование наличия номадного способа производства, отражающего особенности системы материального производства и системы общественных отношений в кочевой среде (Андрианов, Марков, 1990 и др.). Исследуется процесс стагнации номадного способа производства в составе крупных централизованных государств. Изучение данного комплекса вопросов, ставшего предметом специального исследования, иллюстрирует научную новизну работы.

Цель нашей работы заключается в изучении механизма взаимодействия природных и социально-экономических процессов в развитии кочевой цивилизации, жизнедеятельности кочевого общества, выявлении общего и особенного в функционировании системы материального производства, специфики общественных отношений в среде кочевников.

Методологической основой работы стал прежде всего материалистический метод исследования общественных явлений и процессов, предполагающий первичность системы материального производства и примат трудовой деятельности. В данном случае природа, как правило, выступает в качестве важной субстанции в цепи взаимосвязанных явлений многомерного порядка и вследствие этого дает импульс общественным процессам, в конечном счете влияя на направленность социального и экономического развития общества, объективный и независимый от воли и сознания людей характер его функционирования и жизнедеятельности (М. Фридмен и др.).

Важное методологическое значение в этой связи имеют труды ряда исследователей, в которых серьезно обосновывается мысль об интегральной целостности и взаимной обусловленности природы и общества в историческом развитии человечества. Материалистическое понимание истории базируется прежде всего на рассмотрении производственной деятельности как всеобщего принципа и определяющего фактора всемирно-исторического процесса (А. Смит и др.).

Несомненное теоретическое значение имеют труды ряда ученых, в которых содержатся важные методологические положения, раскрывающие направленность и характер взаимоотношений общества и природы, основные принципы и закономерности их взаимодействия во всех сферах жизнедеятельности человека. В этой связи следует назвать многогранные исследования по истории научных представлений о взаимоотношениях природы и общества (Круть, Забелин, 1988 и др.), выявлению роли географического фактора в развитии общества (Анучин, 1982 и др.), философскому осмыслению данной проблемы (Плетников, 1981 и др.), этнической экологии (Козлов, 1983; Алексеев, 1984 и др.), проблемам

развития культуры (Маркарян, 1981а и др.), историческим этапам взаимодействия общества и природы (Ким, Данилова, 1981; Данилова, 1981 и др.). Важное методологическое значение имеют труды западных ученых (Тойнби, 1991; Эванс-Причард, 1985; Тернбул, 1981; Тэрнер, 1983; Бродель, Т. 1–3 и др.), прежде всего экологов (Девиньо, Танг, 1973; Одум, 1975; он же, 1986; Печчеи, 1985 и др.).

Источники и материалы

Основой данной работы служит комплекс исторических, этнографических и археологических материалов, статистических данных, публицистических, архивных и литературных источников, географических, экологических и сельскохозяйственных исследований, в которых содержится многообразный и достаточно репрезентативный фактический материал, позволяющий в достоверной и полноценной форме изучить поставленные в работе задачи.

Чрезвычайно разнообразный и насыщенный конкретными деталями этнографический материал представлен в русской дореволюционной литературе, в основном носившей описательный характер. Анализ огромного в количественном отношении этнографического и исторического материала, содержащегося в трудах русских ученых, путешественников, чиновников, просто очевидцев и военных, позволяет в аутентичной форме раскрыть и проанализировать весь комплекс рассматриваемых проблем. Особенно насыщены эмпирическим взаимодополняющим друг друга материалом работы П. И. Рычкова, П. С. Палласа, И. Г. Георги, И. Г. Андреева, Я. Гавердовского, Г. И. Спасского, Е. К. Мейендорфа, С. Большого, С. Броневского, А. И. Левшина, Я. Ханькова, М. Иванина, И. Ф. Бларамберга, А. Влангали, Ю. Гагемейстера, Ч. Ч. Валиханова, М.-С. Бабаджанова, Л. Мейера, П. Медведского, А. К. Гейнса, Н. Красовского, Г. Н. Потанина, Г. Загряжского, Б. Даулбаева, И. Алтынсарина, Х. Кустанаева, М. Чорманова, И. Казанцева, А. Е. Алекторова, А. Джантюрина, А. Н. Краснова, П. Небольсина, А. Диваева,

Н. Коншина, Р. Карутца, П. П. Румянцева, Б. А. Скалова и еще нескольких тысяч русских дореволюционных авторов.

Большой фактический материал сосредоточен в работах по обычному праву казахов, в частности в публикациях Н. И. Гродекова, Л. Баллюзека, А. Самоквасова, П. Маковецкого, Я. Гурлянда, Л. А. Словохотова и др. Были использованы сборники документов и материалов: «Полное собрание законов Российской империи», «Сборник узаконений о киргизах степных областей», «Прошлое Казахстана в источниках и материалах», «Материалы по казахскому обычному праву», «Материалы по истории Казахской ССР», «Материалы по истории политического строя Казахстана», «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках», «Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках», «Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв.» и др.

Главным источником этнографических и статистических данных стал фундаментальный сериал «Материалов по киргизскому землепользованию» в 13 томах, собранных под руководством выдающегося русского статистика Ф. А. Щербины по двенадцати уездам Казахстана; «Материалов по киргизскому землепользованию в Сырдарьинской области» в 4 томах, собранных под руководством П. А. Скрыплева; «Материалов по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области» в 4 томах, собранных под руководством П. П. Румянцева; «Материалов по повторному обследованию в 1910–1911 гг. хозяйства и землепользования киргиз Семипалатинской области» в 3 томах, собранных под руководством А. В. Переплетчикова; «Материалов по киргизскому землепользованию, собранных и разработанных статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района» в 5 томах; «Киргизского хозяйства в Акмолинской области по данным повторного статистического исследования в 1907–1909 гг.» в 5 томах и т. д. Всего было издано по казахам-кочевникам 35 томов статистических данных, в каждом из которых содержится фактический материал по нескольким сотням позиций. Было также выпу-

щено более двухсот ежегодных «Обзоров областей», в которых сосредоточен колоссальный источниковый материал, всесторонне характеризующий кочевое хозяйство казахов. Нами были также проработаны несколько десятков фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан, содержащие фактические данные практически по всему спектру рассматриваемых вопросов.

В целом имеющийся в нашем распоряжении источниковый материал, представляющий большие трудности в осмыслении и систематизации в виду его обилия, позволяет в достоверной и полноценной форме проанализировать весь комплекс поставленных задач. Сравнительно-сопоставительный анализ фактов и данных разнообразных и многочисленных источников позволяет избежать субъективной трактовки вопросов нашего исследования и исключить необъективные суждения и выводы. Изучение системы материального производства кочевых народов представляет большой практический смысл, поскольку ими был накоплен огромный опыт производственных навыков и технологических приемов по селекции и племенной работе со скотом, его выпасу и наиболее рациональной организации режима трудовой деятельности и т. п. Большой интерес представляет способность кочевого хозяйства быстро реагировать на изменение природно-климатических условий посредством перестройки организационной структуры производственного цикла. Следует отметить, что кочевничество – это не просто форма адаптации человека к сложным географическим условиям, но и совокупность рациональных приемов организации процесса производства, сумма знаний о биологии и этологии животных, об окружающей среде.

Вследствии этого встает вполне закономерная задача всестороннего исследования кочевого скотоводческого хозяйства и на этой основе использования его позитивного опыта в развитии животноводческого сектора народного хозяйства страны. Существенный интерес вызывает сбалансированное, равновесное состояние номадов по отношению к природным ресурсам среды обитания, поскольку наруше-

ние этого основополагающего принципа в виде так называемого «перевыпаса» привело, например, в современном Казахстане к крупномасштабным экологическим катастрофам. Так, в результате неоправданной концентрации скота и нерационального ведения животноводства было эродировано 55 млн га пастбищных угодий – почти треть всего пастбищного фонда республики. В данной ситуации опыт кочевниковедческих исследований приобретает вполне очевидный практический характер, позволяющий учитывать специфику хозяйственного освоения аридной зоны.

Заключая введение, мне хотелось бы выразить искреннюю признательность всем, кто словом и делом помогал мне в моей жизни и научной деятельности. Это, прежде всего, моя семья, мои родители. Мой отец – Эдиге Айдарбекович Масанов, безвременно погибший в 1965 г., всегда был для меня недостижимым идеалом, символом высокого служения науке. Моя мама – Сауле Мусатаевна Ахинжанова, библиотечный работник, вырастила меня в мире книг и посвятила свою жизнь тому, чтобы сделать из меня, прежде всего, человека, способствовала развитию и формированию моих личностных качеств. Большое влияние на меня оказали мой дед – Мусатай Бекбулатович Ахинжанов и мой дядя – Сержан Мусатаевич Ахинжанов – известные казахские ученые-историки. Всю свою жизнь стремилась восполнить мне утрату отца моя тетя Гульбанат Айдарбековна Масанова. Вся работа по подготовке книги к печати была выполнена моей женой Лаурой Масановой.

Учителем с большой буквы для меня стал близкий друг моего отца Вениамин Петрович Юдин, который всегда знал больше и смотрел на шаг дальше, чем кто-либо в исторической науке Казахстана. Его безграничные познания и острый, отточенный ум были для меня своего рода высшим критерием в моих научных поисках. Значительное влияние на формирование моих научных принципов оказало общение с Яковом Давыдовичем Серовайским – глубоко и оригинально мыслящим человеком критического склада ума, чье мнение всегда было для меня принципиально важным.

Особую благодарность хотелось бы выразить видным казахским этнографам – Халелу Аргынбаевичу Аргынбаеву и Марату Сабитовичу Муканову – крупнейшим знатокам традиционной культуры и быта казахов, за их поддержку и доброе заботливое отношение ко мне. Безгранично мое уважение к близкому другу моего отца Рамазану Бимашевичу Сулейменову, ставшему для меня символом интеллигентности и порядочности в науке. Многие мысли и идеи обсуждались и оттачивались в бесконечных спорах и дружеских беседах с Ж. Б. Абылхожиным и И. В. Ерофеевой.

Приношу также свою благодарность известным казахстанским ученым А. Х. Маргулану, А. Н. Нусупбекову, Г. Ф. Дахшлейгеру, Л. М. Ауэзовой, А. Е. Еренову и др. за их беспристрастный взгляд, благожелательность и поддержку.

Важное значение для меня имеют московский период моей жизни и связи с российскими учеными. И здесь хотелось бы выразить признательность за доброе и объективное отношение известным ученым, в разные годы поддержавшим мои научные изыскания: В. И. Козлову, Г. Е. Маркову, Р. Г. Кузееву, Ю. В. Бромлею, Л. А. Алаеву, С. А. Арутюнову, В. Н. Басилову, С. И. Бруку, Р. Ш. Джарылгасиновой, Т. А. Жданко, Н. Я. Жуковской, Б. Х. Кармышевой, Н. Н. Крадину, М. В. Крюкову, В. П. Курылеву, А. И. Першицу, Г. А. Федорову-Давыдову, А. М. Хазанову, А. Н. Ямскову и др.

Часть I. СИСТЕМА МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Глава 1. КОЧЕВНИЧЕСТВО И СРЕДА ОБИТАНИЯ

1.1. ТИПОЛОГИЯ МЕСТООБИТАНИЙ КОЧЕВНИКОВ

Функционирование кочевого скотоводческого хозяйства как особого типа производственной деятельности во многом детерминировалось географической средой. Именно поэтому кочевничество существовало только лишь в локальных пространственно-исторических границах с определенной амплитудой климатических условий жизнедеятельности в особых экологических нишах. Вследствие этого оно было тесно взаимосвязано с природными ресурсами среды обитания и посредством антропогенных процессов было органически включено в окружающую среду. Кочевые ареалы характеризуются рядом геофизических и природно-климатических условий.

Экологические зоны, занимаемые кочевниками в историческое и настоящее время, характеризуются рядом специфических особенностей, заметно отличающих их от других природных областей (*Капо-Рей*, 1958; *Мурзаев*, 1952; *он же*, 1966; *Петров*, 1973; *Зайчиков*, 1974; *Одум*, 1975. С. 499–509; *Мордкович*, 1982; *Радченко*, 1983; *Федорович*, 1973 и др.). Местообитания номадов могут быть типологизированы в соответствии с принципами общепринятой экологической систематики в качестве ареалов и маргинальных зон по ряду взаимосвязанных и взаимозависимых признаков.

Поскольку экосистема представляет собой совокупность всех пространственно локализованных организмов, связанных потоками энергии между собой и со средой обитания взаимо-

действиями экологического характера (*Одум*, 1975. С. 16–17; *Агесс*, 1982. С. 7; *Реймерс*, 1990. С. 559 и др.), то выделяемый нами ареал или ареальная зона должен соответствовать номадной экосистеме, когда кочевники-скотоводы и их среда обитания объединены в единое функциональное целое, возникающее на основе взаимозависимости и взаимодополнения и обеспечивающее саморегулирующуюся циркуляцию вещества, энергии и информации (*там же*).

В свою очередь, второй элемент нашей типологической схемы – маргинальная зона – может быть соотнесен с понятием «экотона», т. е. пограничной зоной между экосистемами, «зоной напряжения», имеющей значительную линейную протяженность и отличающуюся более высокой плотностью и разнообразием локализуемых здесь организмов – так называемым «краевым эффектом» (*Одум*, 1975. С. 203–204; *Агесс*, 1982. С. 8 и др.) – и выполняющей роль передатчика информации и потоков энергии между экосистемами.

К потенциально кочевым ареалам, на наш взгляд, следует отнести экосистемы, характеризующиеся аридностью и континентальностью природно-климатических условий, по-сезонной продуктивностью, разреженностью и низкой кормовой производительностью растительного покрова, вследствие этого, преобладанием ксеромезофитов, мезоксерофитов, ксерофитов, псаммофитов и галофитов, с очевидным антропогенным характером жизнедеятельности растительности. В основном, это степи, полупустыни, пустыни, горные и предгорные районы аридной зоны. По большей части эти ареалы ограничены изогиями 200–400 мм.

Дефицит атмосферных осадков в ареальных зонах, повышенная величина солнечной радиации, изменчивость и колебания природно-климатических условий, периодически повторяющиеся засухи, ограниченность водных и почвенных ресурсов, разреженность и низкая продуктивность растительного покрова, большая предрасположенность почвенного слоя к эрозии и опустыниванию, ветры и повышенная чувствительность экосистемы к внешним воздействиям являются ограничительными факторами; они лимитируют

хозяйственную деятельность человека и требуют от него своеобразных форм социокультурной адаптации. Кочевое скотоводческое хозяйство в условиях такого рода экосистем является доминирующей, а зачастую единственно возможной отраслью хозяйства не только в доиндустриальную эпоху, но и на современном этапе исторического развития.

К числу крупнейших ареалов номадизма относятся Казахстан, Монголия, Джунгария, Аравийский полуостров, пустыни и полупустыни Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии и отчасти Понто-Каспийского региона, Сахара и саванно-сахельская зона Северной Африки. Попытки использовать территории кочевых ареалов под земледельческое хозяйство, как правило, в долговременной перспективе малоэффективны; они наносят экосистеме непоправимый урон и усугубляют процессы эрозии и опустынивания.

Кочевой ареал в Казахстане охватывает территорию Туранской и Прикаспийской низменности, Устюрта, Тургайского, Предуральского (Эмбенского) плато, Бетпакдалы, Прибалхашской равнины, Центрально-Казахстанского мелкосопочника, Мугоджар, Мангыстауских гор, часть возвышенности Общий Сырт, а также предгорные и горные районы Алтая, Тарбагатая, Джунгарского и Заилийского Алатау, Киргизского хребта. В природно-ландшафтном отношении — это степная, полупустынная и пустынная зоны Казахстана, ограниченные изогиями менее 400 мм атмосферных осадков, со слабо развитой гидрографией. Следствием всеобщности преобладания кочевого скотоводческого хозяйства, нуждающегося в больших по площади охвата пастбищных угодьях, является низкая плотность населения на территории этого ареала — 1–1,5 чел. на км².

К маргинальным зонам относятся субаридные районы, обеспеченные атмосферными осадками в количестве более 400 мм, а также стабильными непересыхающими пресными водоемами естественного происхождения, либо реками с постоянным круглогодичным стоком воды. Находясь на стыке природно-ландшафтных зон, маргинальные районы ха-

рактеризуются более разнообразным и плотным растительным покровом, участками плодородной почвы, в частности аллювиального происхождения, более равномерным распределением атмосферных осадков по сезонам года, отсутствием сильных ветров, сдувающих снег в зимний период, сравнительно стабильными климатическими циклами и т. д.

Они, как правило, располагались по периферии кочевых ареалов (периферийные маргинальные зоны), в речных долинах, по которым могли вклиниваться вглубь кочевых ареалов, в околоозерных районах, лесостепной и низкогорной зонах (дискретные или локальные маргинальные зоны) и чаще всего располагались на стыке с оседло-земледельческими ареалами; кое-где они перемежались оазисами (оазисно-маргинальные зоны), либо в силу местных особенностей климата, рельефа, ландшафта играли роль разделительной полосы между различными кочевыми ареалами. Маргинальные зоны могли находиться и внутри оседло-земледельческих ареалов (дисперсные маргинальные зоны) и т. д.

В данных географических условиях чаще всего наблюдается наличие комплексного, так называемого «полукочевого» хозяйства (Першиц, 1961; Марков, 1976; Андрианов, 1985 и др.) с большим удельным весом прочих видов хозяйственной деятельности — обычно земледелия, стационарными пунктами торгового обмена, в том числе городами, но с преобладающей ролью различных форм скотоводства. Это было обусловлено тем, что природные ресурсы среды обитания, хотя и определяли нередко доминанту кочевого скотоводческого хозяйства, но в тех или иных пределах допускали занятие земледелием, рыболовством (Жданко, 1960 и др.). В результате этого в маргинальных зонах в зависимости от конкретных географических условий имелось огромное многообразие хозяйственных комплексов с различной отраслевой структурой.

К числу маргинальных зон можно отнести семиаридные районы Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока, Западной и Южной Сибири, предгорные районы Центральной Азии

и практически все оазисы, речные долины и околоозерные регионы на периферии аридной зоны Евразии и Северной Африки. Именно здесь локализовались многие города, торговые пункты, остановки Великого Шелкового пути и т. д.

Маргинальная зона на территории Казахстана охватывала оазисы, речные долины, околоозерные районы, предгорные и низкогорные участки преимущественно по периферии номадного ареала. Она включала, по-видимому, южную часть Западно-Сибирской низменности, некоторые предгорные районы на востоке и юго-востоке Казахстана, речные долины Сырдарьи, отчасти Иртыша, Тобола, Ишима, Урала, отдельных рек Семиречья, околоозерные районы Арала и т. д. Так, например, узкая полоса предгорий Алтая, Тарбагатая, Джунгарского и Заилийского Алатау, Киргизского хребта, где атмосферные осадки составляли в среднем 500 мм в год, представляла собой благоприятную среду для развития земледельческого хозяйства и именно здесь в XVIII–XIX вв. возникают города и различного рода населенные пункты. В свою очередь, Присырдарьинский регион за счет развитого поверхностного стока и аллювиальных почв, мягкой и непродолжительной зимы в равной мере был как центром земледельческого хозяйства (Макшеев, 1856 и др.), так и местом многочисленных зимовок кочевников-казахов (Гродеков, 1889 и др.).

Вследствие разнообразия природных условий в маргинальной зоне Казахстана существовали не только кочевое скотоводческое хозяйство, но и земледелие, рыболовство и т. д. Здесь развивались торговля, ремесло, строились города, а плотность населения была гораздо большей, чем в ареале номадизма. Взаимодействие кочевого скотоводства с прочими видами хозяйственной деятельности и в первую очередь с земледелием в маргинальных зонах определялось как развитием номадизма в ареальных экосистемах, социально-экономическими и политическими факторами, взаимоотношениями кочевников с оседло-земледельческими государствами и т. п., так и периодическими и многолетними колебаниями природно-

климатических условий. В случае, например, политической гегемонии номадов и военных конфронтаций городской образ жизни здесь мог приходиться в упадок, а земледелие – полностью или частично вытесняться из структуры хозяйственных занятий. Впрочем, такое могло случиться и в результате изменения природно-климатических условий, в частности аридизации климата, либо уменьшения полноводности речного стока и т. д. Под воздействием указанных причин могли происходить и обратные процессы, например, оседание номадов в условиях включения маргинальных зон в состав оседло-земледельческих государств и т. п.

В эпоху до Великих географических открытий, когда полностью преобладала внутриконтинентальная торговля, маргинальные зоны и возникающие здесь города играли чрезвычайно важную роль в системе общественного разделения труда в масштабах всей Евразии, являлись ретрансляторами культурных инноваций и т. д. (Литвинский, 1984; Байпаков, 1986; Байпаков, Ерзакович, 1971 и др.). В последующее время происходит снижение значимости указанных зон в процессах диффузии и аккультурации, городской образ жизни приходит в упадок, роль земледелия снижается. В целом динамика пространственно-временного взаимодействия кочевых ареалов и маргинальных зон коррелировалась аритмией социокультурных и прежде всего политических процессов, углублением системы общественного разделения труда, а также изменчивостью природно-климатических условий.

Таким образом, кочевничество в пространственном отношении было строго локализовано в пределах территорий с определенной характеристикой природных условий жизнедеятельности, т. е. было экологически детерминированно. Местообитания кочевых народов в зависимости от комплексности природных ресурсов и климатических условий, емкости экологической ниши можно подразделить в типологическом отношении на ареалы и маргинальные зоны, по-разному реагирующие и влияющие на хозяйственную деятельность человека, субстанционально предопре-

деляющие параметры и направленность развития системы материального производства, характер ее эволюции и трансформации.

Наряду с этим следует отметить, что характерные особенности природно-климатических условий на всем ареале Евразии и в частности в Казахстане сложились в основном в эпоху голоцена и за последние тысячелетия не претерпели значительных изменений. Как полагают исследователи, в послеледниковую эпоху завершилось формирование климата, естественно-природных ландшафтов и биоценозов казахстанской экосистемы. В частности, стабилизировались структура и состав растительного и почвенного покрова, особенности расположения и функционирования гидрографической сети, характер и степень увлажнения, термический режим и продолжительность теплого и холодного сезонов года, горизонтально-вертикальная зональность, весь комплекс природно-климатических условий (Шнитников, 1957; Климат Казахстана, 1959; Чупахин, 1968; Казахстан, 1969; Быков, 1979 и др.).

Однако, как свидетельствуют многочисленные палеоклиматические исследования, в исторически обозримое время прослеживается частичная изменчивость большинства элементов климата во времени (Вайсберг, 1980; Монин, 1980; Мизун, 1986 и др.). В наибольшей мере это касается степени увлажнения природно-климатических условий, количества атмосферных осадков, полноводности гидрографической сети, продолжительности теплого и холодного сезонов года.

Широкой известностью в этой связи пользуется, например, палеоботаническая схема Блитта-Сернандера, охватывающая эпоху голоцена. Согласно данной схеме, после окончания бореального периода с умеренно теплым климатом наступает атлантическая фаза с теплым и влажным климатом (климатический оптимум) в 5000–3000 гг. до н. э. (5475 ± 350 и 2975 ± 224). На смену атлантическому периоду приходит суббореальный с теплым и сухим климатом (рубеж III–II тыс. до н. э.), достигающим своего пика в фазу ксеротерма в XVIII–VIII вв. до н. э.

В начале I тыс. до н. э. наступает продолжающаяся и поныне субатлантическая фаза с прохладным и влажным климатом, характеризующаяся двумя так называемыми «малыми ледниковыми эпохами» в последних веках I тыс. до н. э. и в 1500–1800 гг. (Шнитников, 1957. С. 213–283; *Le Pua Ladjuri*, 1971; Хотинский, 1977; Дроздов, 1982; Вайсберг, 1980. С. 12; Вереш, 1979. С. 183–185; он же, 1985. С. 115–116; Косарев, 1981; он же, 1984; Хабдулина, Зданович, 1984; Герасимов, 1985. С. 62; Мизун, 1986. С. 93; Варущенко, Варущенко, Клиге, 1987. С. 210–218 и др.).

Дискуссионным остается вопрос о характере более частных климатических трансформаций. По мнению одних исследователей, в Евразии такие колебания климата были циклическими. Хорошо известна, например, гипотеза Петерсона-Шнитникова о 1800–1900-летних циклах колебания климата. В свою очередь, считает А. В. Шнитников, этот ритм подразделяется на фазы. Во-первых, на прохладно-влажную фазу в 300–500 лет, характеризующуюся увеличением стока рек, повышением уровня озер, возрастанием общей увлажненности климата. Следующей фазой была стадия сухого и теплого климата продолжительностью в 1000 лет, сопровождающаяся отступлением оледенения, усыханием болот и торфяников, уменьшением стока рек, понижением уровня озер, общей аридизацией климата. Между каждой из этих фаз, по мысли автора, существовали некоторые переходные периоды продолжительностью в 100–300 лет (Шнитников, 1957. С. 283–284).

При этом, отмечают исследователи, наиболее чувствительной к изменениям климата является переходная от одного ландшафта к другому зона. Вследствие этого и, по-видимому, в зависимости от изменения климата – увлажнения или усыхания, похолодания или потепления – маргинальные зоны могли поглощаться ареалами, а из ареалов могли выделяться по периферии новые маргинальные зоны (см. в этой связи: Гумилев, 1966; он же, 1966а; он же, 1971; Косарев, 1981; он же, 1984; Вереш, 1979 и др.).

Многие исследователи отрицают цикличность климатических трансформаций и признают непериодические флуктуации климата, которые также обуславливали изменение характера атмосферных осадков и приводили к передвижкам природно-ландшафтных зон (*Ле Руа Ладюри*, 1971 и др.). В этой связи было обращено внимание на то, что между VI и II тыс. до н. э. во всем Афро-Азиатском регионе происходила общая аридизация природно-климатических условий, что совпало по времени с возникновением земледелия и скотоводства (*Природа и ресурсы*, 1984. № 1. С. 4–5 и др.). Как бы то ни было, расходясь в конкретных оценках и взглядах, исследователи в принципе признают разнообразные колебания природно-климатических условий, их изменение во времени.

Безусловно такого рода климатические трансформации оказывали существенное влияние на характер хозяйственно-культурной деятельности человека и каждый раз требовали от него соответствующей перестройки всей системы жизнедеятельности. Флуктуации климата особенно сказывались на системе материального производства в маргинальных зонах и могли приводить к постепенному отказу от многоцелевой структуры хозяйства в тех случаях, когда эти районы поглощались ареалами, либо, наоборот, при выделении новой маргинальной зоны моноструктура хозяйства могла трансформироваться в полиструктуру и т. д. Такого рода процессы, вызванные, в частности, многолетним периодом засух в Северной Африке, происходили в саванно-сахельской зоне в 60–80-х гг. XX столетия. Аридизация климата способствовала опустыниванию данной зоны и последующему вытеснению земледелия из структуры хозяйственных занятий, массовой миграции оседлого и полукочевого населения в города, изменению образа жизни и рациона питания значительной части населения (*Скури*, 1984 и др.).

***

Таким образом, в результате флуктуаций климата в маргинальных зонах имели место преимущественно преобразования структуры хозяйственных занятий, тогда как в

кочевых ареалах происходили качественно иные процессы. Изменение климата в ареалах в рамках стабильной территории приводило к полной перестройке внутривидовой структуры, т. е. трансформации доминирующего типа хозяйства. Иначе говоря, если колебания климата в маргинальных зонах влекли за собой как бы вымывание одних типов хозяйства и повышение удельного веса других, то в ареалах – детерминировали внутриотраслевую перестройку и нередко – возникновение качественно новых типов хозяйства. Вместе с тем именно в ареалах прослеживается наибольшая консервативность хозяйственно-культурных типов, обусловленная жесткой экологической детерминированностью системы материального производства, тогда как в маргинальных зонах имеет место большая пластичность и гибкость хозяйственной адаптации как к природной, так и социальной среде.

1.2. ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ КОЧЕВНИЧЕСТВА

Система взаимодействия природно-географических и социально-экономических факторов, охватывающая все сферы жизнедеятельности кочевого общества, не может быть всесторонне исследована как интегральная целостность во всем своем многообразии без изучения и анализа проблемы генезиса и эволюции номадизма. Исследование закономерностей пространственно-временного возникновения и функционирования кочевничества необходимо как для изучения экологических детерминантов номадизма и процессов хозяйственного освоения человеком аридной зоны Евразии, так и для анализа динамики исторического развития народов данного региона.

Проблема спонтанного перехода скотоводов Евразии к кочевничеству в современной историографии представлена далеко неоднозначными и притом противоречивыми гипотезами. Так, например, до сих пор остается неясным, что же побудило различные скотоводческие племена к трансформации традиционного типа хозяйства и его качественной

перестройке. По мнению одних исследователей, скотоводы по мере увеличения у них количества скота были вынуждены осваивать новые пространства и интенсифицировать систему выпаса скота, что и явилось главной причиной перехода оседлых скотоводов к номадизму (Грязнов, 1957; История Казахской ССР. Т. 1. 1957; Боголюбский, 1959; Руденко, 1961; История Казахской ССР. Т. 1. 1977; Акишев, Байпаков, 1979 и др.).

Целый ряд исследователей полагает, что решающую роль в этом процессе сыграли климатические изменения в эпоху ксеротерма и перехода от суббореального к субатлантическому периоду по схеме Блитта-Сернандера (Сорокин, 1962; Сальников, 1967; Вереш, 1979; Викторова, 1980; Хабдулина, Зданович, 1984 и др.). Наибольшее развитие климатологическая концепция получила в трудах Л. Н. Гумилева (Гумилев, 1966; он же, 1966а и др.). Наряду с этим бытует точка зрения о том, что возникновение номадизма стало следствием распада первобытнообщинных отношений и экономического и политического давления на скотоводов с юга со стороны земледельческих государств (Хазанов, 1973; он же, 1975а и др.). В свою очередь, Л. С. Клейн главную причину возникновения кочевничества видит в осознании скотоводами военного преимущества кочевого быта (Клейн, 1980. С. 34).

Более обоснованной, на наш взгляд, представляется концепция Г. Е. Маркова. В основе перехода скотоводческих и пастушеских народов к номадизму, считает он, существовал сложный комплекс факторов – климатогенных, антропогенных, социально-экономических, политических, культурных и др., сумма которых и обеспечила генезис кочевничества. Непосредственным же толчком явились объективные изменения в географической среде, когда земледельческое хозяйство исчерпало себя в условиях аридизации климата в районах местообитания скотоводов (Марков, 1973; он же, 1976 и др.).

Несомненный интерес в этой связи вызывает и точка зрения В. А. Шнирельмана о том, что факторы, обусловившие развитие кочевничества, были далеко не адекватны в различных регионах. Им было предложено четыре типологические модели генезиса номадизма. Во-первых, в связи

с обострением земельного вопроса и перенаселением из земледельческо-скотоводческих общностей могли выделяться группы населения, которые в процессе переселения на окраины Ойкумены усиливали скотоводческую направленность своих занятий. Во-вторых, земледельцы могли отдавать скот на выпас своим соседям или активно его выменивать, что усиливало скотоводческое хозяйство на земледельческих окраинах. Эти модели, по мысли автора, вели к появлению того, что можно назвать «первичным кочевничеством». Две другие модели были связаны с производным от него «вторичным кочевничеством». Во-первых, скотоводческий акцент мог усиливаться в результате контактов с преимущественно скотоводческими группами населения и, во-вторых, некоторую роль в становлении номадизма, по-видимому, сыграли охотничьи группы населения (Шнирельман, 1988. С. 37, 48–50 и др.).

При этом практически все исследователи единодушны в том, что процесс эволюционного развития скотоводческого хозяйства древних насельников Евразии, начальной точкой отсчета которого является, по-видимому, рубеж V–IV тыс. до н. э., привел к возникновению кочевничества на рубеже II–I тыс. до н. э. К середине I тыс. до н. э. номадизм вступает на арену мировой истории как реальное историческое явление (Хазанов, 1975а; Марков, 1976 и др.). Особняком стоит точка зрения В. П. Шилова, утверждающего, что уже носители древнейшей и последующих культур в Нижнем Поволжье могут быть идентифицированы в качестве кочевников (Шолов, 1975. С. 81–91). Попытка В. П. Шилова более чем на тысячу лет удревнить возникновение номадизма не встретила поддержки в среде кочевниковедов.

Таким образом, становление кочевничества, как полагает наибольшая часть исследователей, возникло синхронно на всем ареале аридной зоны Евразии в начале I тыс. до н. э., когда произошла смена климатов – суббореального в своей ксеротермической фазе, обеспечившей соответствующие условия для возникновения номадизма, на субатлантический, более влажный и холодный.

Среди основных факторов, которые детерминировали возникновение номадизма и обусловили историческую закономерность его становления, следует выделить прежде всего природно-климатические. Наиболее важное значение имели такие особенности среды обитания, как повышенный баланс солнечной радиации, обеспечивающий сильный перегрев поверхности земли в летнее время года, периодическую повторяемость атмосферных засух, аридность и континентальность климата, недостаточность водных, растительных и почвенных ресурсов, зональность и сезонность функционирования фитоценозов, атмосферных осадков и т. д.

Эти природно-климатические факторы практически полностью исключали возможность культивирования нескотоводческих занятий и прежде всего земледелия. Свидетельством тому является, например, то обстоятельство, что в настоящее время в Казахстане общая площадь пастбищных и сенокосных угодий составляет почти 190 млн га (85,5% всех сельскохозяйственных угодий в республике), а продуктивность земледелия чрезвычайно низка и в среднем составляет 6–7 ц/га. Причем аналогичная ситуация имеет место и в других регионах планеты – кочевое скотоводство до сих пор сохраняет свои ведущие позиции и остается едва ли не единственным средством утилизации природных ресурсов в аридных зонах (Лусиги, Глазер, 1984. С. 24–35; Андрианов, 1985 и др.).

Недостаточность кормов, изреженность и низкая продуктивность растительного покрова вызвали потребность в огромных по площади выпаса пастбищных угодьях, требовавших периодических миграций в поисках подножного корма. Минимум пастбищных ресурсов в течение года составлял для одной овцы 5–7 га в зоне степей и 12–24 га в зоне пустынь и полупустынь Казахстана (Федорович, 1973 и др.). Еще большие цифры минимального выпаса мы имеем по сахарской, субсахарской и саванно-сахельской зонам и примерно аналогичные по Центрально-Азиатскому региону (подробнее см. 3.1, 5.1).

Другой причиной, приведшей к периодической смене пастбищ, стала недостаточность водных ресурсов. Отсутствие развитого поверхностного стока в сочетании с высокой нормой испаряемости, малочисленностью атмосферных осадков и гидрохимическим составом водных источников также диктовали настоятельную необходимость передвижений в поисках воды. Фактор континентальности природно-климатических условий вызвал меридиональную направленность кочевания на равнинах и вертикальную – в горных и предгорных районах. В свою очередь, плотность и глубина снежного покрова определяли возможность организации зимнего выпаса скота, поскольку овцы, например, самостоятельно тебеневались лишь при глубине его в 10–12 см, а лошади – 30–40 см. При этом наличие или отсутствие снежного покрова детерминировали стационарное состояние номадов из-за невозможности передвижений по снегу, либо, наоборот, необходимость их периодических миграций.

Динамичность экологической ниши, занятой кочевничеством, определялась прежде всего сезонно-зональным характером функционирования и локализации практически всех ресурсных элементов среды обитания. Зональность почв и растительного покрова, ландшафтная градиация в сочетании с сезонным характером продуктивности биоценозов, выпадения атмосферных осадков и полноводности водных источников, облачности, термического режима и циркуляции воздушных масс являлись в совокупности ведущим фактором в возникновении и становлении номадизма. Особенно важную роль играл фактор посезонной продуктивности растительного покрова, в наибольшей степени побуждавший скотоводов к периодическим миграциям (Медведский, 1862. Ч. 80. С. 296 и др.).

Высокая мобильность кочевников была призвана противостоять пространственно-временной изменчивости функционирования природных ресурсов среды обитания, прежде всего колебаниям в обеспечении скота кормами и водопоями (Радченко, 1983. С. 136 и др.). Вследствие этого

постоянно действующие стабильные экологические детерминанты номадизма прослеживаются достаточно определенно (Капо-Рей, 1958; Гумилев, 1966; Акишев, 1972; Хазанов, 1975; Федорович, 1973; Назаревский, 1973; Клейн, 1974; Пуляркин, 1976; Артамонов, 1977; Грайворонский, 1979; Радченко, 1983; Андрианов, 1985 и др.).

В социокультурном аспекте возникновение кочевничества было предопределено в значительной степени предшествующим процессом domestikации животных и эволюции скотоводческого хозяйства, накоплением знаний о содержании, выпасе и использовании скота, организации системы общественного производства в данных условиях среды обитания, особенностях окружающей среды. В процессе познания природных ресурсов экосистемы происходило формирование структуры стада, развитие организационных принципов данного способа производства и многоцелевой продуктивности скотоводческого хозяйства (мясо, молоко, шерсть, транспорт, тягло и т. д.), становление соответствующего уклада жизни и традиционно-бытовой культуры, совершенствование техники и технологии, возникло «всадничество» и т. д. (Грязнов, 1957; Черников, 1960; Сорокин, 1962; Маргулан и др., 1966; Шилов, 1975; Кузьмина, 1977; Смирнов, Кузьмина, 1977; Грач, 1980; Кадырбаев, 1980; Шнирельман, 1980; он же, 1988; Косарев, 1981; он же, 1984; Зданович, 1988 и др.).

Комплекс технологических приемов и навыков, социокультурных механизмов в сочетании с опытом экологического освоения аридных пространств Евразии составили информационную и материальную базу для перехода скотоводческо-земледельческого типа хозяйства в новое качественное состояние и обеспечили возможность спонтанного и имманентного генезиса кочевничества.

Много споров вызывает вопрос о том, какова была стартовая позиция скотоводов на предшествующем кочевничеству этапе развития. Начиная с XVIII в. в связи с широким распространением теории трехступенчатого развития, долгое время считалось, что кочевничество как важная

фаза общественного развития возникает из занятия охотой и предшествует оседло-земледельческому образу жизни и типу хозяйства (Смит, 1935; Гердер, 1977; Зибер, 1959 и др. Историографию подробнее см.: Шилов, 1975; Марков, 1976; Шнирельман, 1980; он же, 1988 и др.). Однако исследованиями Э. Гана и последующих поколений ученых была обоснована точка зрения о том, что domestikация животных и развитие скотоводческого хозяйства базировались прежде всего на системе земледельческого производства и опыте оседлого образа жизни (Шилов, 1975; Марков, 1976; Шнирельман, 1980; он же, 1988 и др.).

Действительно, как показывают исследования эпохи бронзы и особенно культур финальной бронзы, развитие скотоводства и становление кочевничества протекали преимущественно в рамках оседлого образа жизни и комплексно-земледельческого типа хозяйства. Это положение достаточно иллюстрируется конкретными данными о трансформации андроновских и «андроноидных» форм культуры поздней бронзы в культуру ранних кочевников. В бронзовом веке на территории Казахстана и Центральной Азии уже наметилась тенденция к преобладающей роли скотоводческого хозяйства, которое в целом функционировало в условиях оседло-стационарной жизни древних насельников в речных долинах степной зоны Казахстана и отчасти Западной и Южной Сибири (Киселев, 1951; Грязнов, 1955; он же, 1957; Бернштам, 1957; Черников, 1960; он же, 1965; Маргулан и др., 1966; Массон, 1976; Маргулан, 1979; Акишев, Байпаков, 1979; Кузьмина, 1981; Косарев, 1981; он же, 1984; Зданович, 1988 и др.).

Как свидетельствуют археологические данные по Центральному Казахстану, все могильники и поселения эпохи бронзы локализируются непосредственно по краю надпойменных террас небольших степных рек. В то время как основным районом расположения курганов эпохи ранних кочевников является открытая степь (Маргулан и др., 1966. С. 428). Андроновские поселения Северного Казахстана находились только у рек и очень редко у озер при наличии

ключей. В VIII–VII вв. до н. э. впервые появляются памятники на водоразделах рек. Поселения V–II вв. до н. э. занимают высокие берега коренных террас, а погребальные комплексы расположены в равной степени как по коренным берегам рек, так и по степным просторам междуречий (Хабдулина, Зданович, 1984. С. 150–151). Исследователи, считающие, что именно оседло-земледельческий образ жизни послужил социокультурной базой для перехода скотоводческого хозяйства к номадизму, поскольку археологические памятники эпохи бронзы четко фиксируют оседлый образ жизни, полагают серьезными аргументами в пользу такого решения проблемы.

Однако такой вывод отнюдь не исключает многообразие форм перехода скотоводов к кочевому типу хозяйства. В этом смысле интересна точка зрения В. Шмидта, получившая развитие в работах С. И. Вайнштейна, о возможности сложения кочевничества на базе охотничьего хозяйства древних насельников Евразии (Вайнштейн, 1973 и др.). Л. Л. Викторова предложила объединить обе гипотезы. Кочевое скотоводство на территории Центральной Азии, считает она, формировалось, во-первых, посредством перехода земледельцев к номадизму в результате аридизации климата в период ксеротерма и, во-вторых, трансформации полuosедлого комплексного скотоводческо-охотничье-земледельческого хозяйства в кочевое (Викторова, 1980. С. 104–107 и др.).

При этом исследователи в процессе генезиса номадизма выделяют различные переходные стадии развития. Так, М. П. Грязнов, С. И. Руденко, С. С. Черников, А. Н. Бернштам, Л. П. Потапов и др. обращают внимание на такие переходные фазы, как придомное скотоводство, пастушество, яйлажное скотоводство и т. д. Исследователи обычно дифференцируют придомное скотоводство как специализированный выпас животных вблизи поселений, пастушество – как форму перегона скота от одного пастбищного участка к другому, яйлажное скотоводство – как отгонный тип хозяйства, когда стада на все лето отгонялись на сезонные паст-

бища в низкогорные и предгорные районы либо на выпас в степь (Грязнов, 1955; он же, 1957; Черников, 1957; он же, 1960; Потапов, 1955; Бернштам, 1957; Боголюбский, 1959; Руденко, 1961; Акишев, 1972 и др.).

Этим хозяйственно-организационным изменениям соответствовали трансформации в видовой структуре стада, которые в сущности сводятся к постепенному возрастанию удельного веса мелкого рогатого скота и конского поголовья и снижению доли крупного рогатого скота (Массон, 1976; Кадырбаев, 1980; Хабдулина, Зданович, 1984; Зданович, 1988 и др.). Как показывают современные этнографические исследования, например, по скотоводству народов Кавказа, в зависимости от конкретно-исторических, хозяйственно-культурных и экологических условий в действительности имеет место огромное многообразие форм и типов скотоводческого хозяйства (Шамиладзе, 1979. С. 21–22, 32–36, 43–44; Ямсков, 1987. С. 9–17, 20–23 и др.). Именно поэтому пока еще рано пытаться классифицировать ранние формы переходных типов хозяйства.

Важное значение для исследования проблемы генезиса номадизма имеет анализ технологических аспектов, в частности таких, как всадничество, предварительно датированное серединой II тыс. до н. э., появление колодцев – ориентировочно в конце того же тысячелетия, железных орудий, совершенствование конского снаряжения, развитие транспортного и мясо-молочно-шерстного направления в скотоводстве, изменение структуры стада, принципов организации общественного производства, направленности и ареала передвижений и т. д.

Иначе говоря, различного рода усовершенствования в технологическом арсенале и инновации в развитии материальной культуры, накопившиеся к эпохе раннего железа и составившие своего рода социокультурные механизмы перестройки системы материального производства, в совокупности с технологическими изобретениями детерминировали качественную трансформацию культур древних насельников эпохи бронзы, генезис и становление кочевничества. Види-

мо, в этой связи закономерно формирование скифо-сакской культурно-исторической общности на всем ареале Евразийских степей, полупустынь и пустынь умеренного пояса, олицетворявшей становление этнокультурной интеграции на базе кочевого хозяйственно-культурного типа (*Маргулан и др.*, 1966; *Литвинский*, 1972; *Артамонов*, 1973; *Акишев*, 1973; *Хазанов*, 1975; Скифо-сибирский зверинный стиль..., 1976; *Грязнов*, 1980; *Грач*, 1980; *Акишев*, 1984 и др.).

Особый интерес представляют материалы по эволюции конструкции конской узды и сбруи, средств и способов передвижения древних скотоводов. В памятниках андроновской и срубной культур на территории Казахстана, Западной Сибири и Поволжья найдено множество предметов архаического способа взнуздывания лошади, в частности костяных и роговых псалиев – приспособлений, связывающих удила с ремнями оголовья. В начале I тыс. до н. э. появляется новый тип узды: двусоставные бронзовые удила, который, однако, к середине того же тысячелетия вытесняется удилами с кольчатыми окончаниями, а псалии становятся двудырчатыми. При этом вместо бронзы и рога для изготовления узды начинают употреблять железо. В середине I тыс. до н. э. дышлового способ запряжки животных в транспортные средства (колесницы, повозки и т. п.) вытесняется оглобельным способом (*Кадырбаев*, 1980. С. 50–51, 54–57; *Викторова*, 1980. С. 107–111 и др.).

Таким образом, существенную роль в становлении и формировании кочевого скотоводческого хозяйства сыграли разнообразные технологические усовершенствования и технические новшества в эпоху бронзы и на стадии перехода к раннему железному веку. Они, несомненно, явились одним из факторов генезиса номадизма, поскольку способствовали оптимизации системы материального производства, ее большей адаптивности и приспособленности к изменяющимся природно-климатическим условиям.

В условиях кризиса традиционного для эпохи бронзы оседло-земледельческого и в том числе развивающегося в его рамках скотоводческого хозяйства, изменения кли-

мата, давления антропогенного фактора (*Марков*, 1973; *он же*, 1976 и др.) и целого ряда других объективных и субъективных причин серьезно встал вопрос о необходимости освоения новой экологической ниши – степных и пустынных пространств Евразии за пределами речных долин и низкогорных районов. Несмотря на то, что в предшествующий период скотоводами в процессе различного рода перегонов и отгонов был накоплен определенный опыт о функционировании естественно-природных явлений за пределами традиционных местообитаний, в целом достигнутый уровень знаний был явно недостаточен для экологического освоения пустынно-степных пространств. Как показывает практика классического номадизма, для самостоятельной организации кочевого скотоводства в оптимальном режиме был необходим более значительный экологический опыт.

Этот информационный минимум для адаптации в данных условиях среды обитания и при данном типе аграрного производства был настолько большим и включал такой объем и качество знаний, что его достижение могло быть обеспечено только лишь за счет межпоколенной передачи информации и аккумуляции ее на протяжении очень длительного исторического периода. Многие тайны пастушеско-кочевой технологии передавались от отца к сыну, от сына к внуку и так на протяжении многих поколений; они представляли собой своего рода «золотой фонд» народного опыта и знаний (*Арғынбаев*, 1969; *Погорельский*, 1949 и др.). Чаще всего нормальное функционирование кочевого типа хозяйства обуславливалось в прямом смысле слова прежде всего качественно-количественным объемом знаний общественного лидера и каждого индивида. Как свидетельствуют источники, нередко даже не все члены рода знали расположение колодцев (*Логашова*, 1976. С. 35 и др.).

Как правило, о всех нюансах и особенностях природных циклов, географии расположения сезонных пастбищ, кратчайших и разнообразных маршрутов кочевания, мест водопоя, гидрохимического состава водных источников, ци-

клов продуктивности растительного покрова, степени его поедания и усвоения скотом, процесса наживки и качества физического состояния животных, атмосферных осадков и паводкового разлива рек, времени установления и схода снежного покрова и о многом другом знали только лишь отдельные аксакалы (седобородые). Признание важности экологического опыта в жизни кочевников содержится во многих работах (Щербина, 1905. С. 26–28; Федорович, 1950. С. 37; Толыбеков, 1971 и др.). Для того, чтобы самому узнать о всех технологических аспектах функционирования системы материального производства и естественно-природных процессов, человеку порою не хватало целой жизни даже при условии выработанных веками и усвоенных поколениями предков знаний и опыта, переданных ему с «молоком и кровью матери».

Вследствие этого проблема номер один для любого кочевника-скотовода – это приобретение лимита знаний о характере природно-климатических условий, об особенностях функционирования среды обитания. Только лишь с помощью этого информационного минимума могло быть обеспечено хозяйственное освоение пустынно-степной зоны. В любом ином случае человека ждал бы неминуемый летальный исход (см. Волович, 1983. С. 93–119 и др.).

Как свидетельствует оседлый образ жизни древних насельников региона, земледельческо-скотоводческий тип хозяйства, локализация всех поселений эпохи бронзы в речных долинах и отсутствие следов пребывания человека в открытой степи и пустыне, такой объем знаний и экологический опыт о специфике функционирования и жизнедеятельности фитоценозов, природных циклов, атмосферных осадков, водных ресурсов и т. п. у них практически отсутствовал либо был весьма незначителен. Поэтому было бы наивным предполагать, что при наступлении засушливого периода и упадке земледелия скотоводы оставили свои оседлые поселения в поймах рек и ринулись осваивать открытые пространства степи и пустыни. В этой связи встает вопрос о способе освоения новой экологической ниши.

Видимо процесс познания природных ресурсов среды обитания носил спонтанный характер и сопровождался выработкой соответствующих социокультурных механизмов адаптации, т. е. прежде всего технологии выпаса, кочевания и организации общественного производства в оптимальном режиме, а также разнообразных элементов материальной культуры и самого образа жизни. Этот процесс основывался на постепенном возрастании удельного веса скотоводства в структуре хозяйства (эпоха бронзы), отказе от земледелия, постепенном переходе к сезонным передвижениям и периодическим отгонам и перегонам скота и последующем симбиозе скотоводства и охоты (рубеж бронзового и раннежелезного века). М. Ф. Косаревым было справедливо замечено, что приспособление к меняющейся географической среде происходило «...главным образом путем увеличения удельного веса наиболее рациональной в конкретной ландшафтно-климатической ситуации отрасли хозяйства» (Косарев, 1981. С. 22).

Полагаю, именно охота стала той ступенькой, которая обеспечила переход от пастушеского скотоводства к номадизму и одновременно стала способом освоения новой экологической ниши. На важную роль охоты в генезисе кочевничества косвенно указывает то, что миграции диких парнокопытных животных аридной зоны Евразии (сайгаков, джейранов, куланов, диких лошадей и верблюдов) во многом аналогичны перекочевкам номадов (Красная книга..., 1978. С. 69–74 и др.). Так, в частности, сайгаки в условиях данной экосистемы движутся в меридиональном направлении, а их миграции основываются на использовании факторов зональности и посезонной продуктивности растительного покрова и зависят от наличия водных источников (Афанасьев, 1960. С. 96; Журнов, 1982. С. 15–52, 56–91; Фадеев, Слудский, 1982. С. 27–56 и др.).

По-видимому, скотоводческие народы аридной зоны Евразии осваивали и познавали природные ресурсы и климат данной экологической ниши в процессе передвижения

на первых порах вслед за дикими животными, совмещая в той или иной форме скотоводство с занятием охотой в виде сезонно-мигрирующего перегонно-отгонного скотоводческого хозяйства. Тем самым обеспечивался процесс органического включения человека и его деятельности в функционирование географической среды.

Учитывая это, следует высказать еще ряд соображений. Во-первых, в эпоху увлажнения и сдвига природно-ландшафтных зон поголовье диких копытных животных могло существенно увеличиться и повлечь за собой возрастание значимости и роли охоты, кстати сказать, хорошо фиксируемых для Северного Казахстана (*Хабдулина, Зданович, 1984. С. 154*). При этом повышение удельного веса охоты может относиться к числу тех элементов материальной культуры, которые археологически слабо уловимы и почти не засвидетельствованы в выявленных памятниках.

Во-вторых, сезонно-мигрирующий охотничье-скотоводческий тип хозяйства, как исторически кратковременная и переходная стадия общественного развития, не приводил к формированию особого образа жизни, специфического комплекса материальной культуры, не требовал вовлечения всего населения в систему сезонных миграций вслед за дикими животными и вполне мог быть обеспечен в функциональном смысле деятельностью лишь отдельных, весьма немногочисленных, групп населения.

В этой связи напрашивается аналогия с системой выпаса кочевниками табуна лошадей (коса) в зимний период года, когда небольшая группа табунщиков (3–4 человека на 1000–1500 голов) отгоняла кос за много километров, иногда до 100–300 км, от зимовки и вплоть до наступления весеннего периода выпасала его на дальних пастбищах. Да и в теплый период года система выпаса табуна лошадей существенно не отличалась от технологии выпаса в зимний период (см. 4.1 и 4.2). При этом, следует заметить, табунщики пространственно были отделены от своих семей, а их труд сопровождался особым укладом и специфическим режимом жизнедеятельности.

Важно подчеркнуть, что в истории подобный сезонно-мигрирующий тип охотничье-скотоводческого хозяйства хорошо известен и многократно зафиксирован в разнообразных письменных и этнографических источниках. Сложение одной из форм номадизма, например, у североамериканских индейцев, уже в новое время происходило на основе весьма своеобразного симбиоза охоты на бизонов и коневодства (*Аверкиева, 1970. С. 10–36; Велтфиш, 1978. С. 198; Оплер, 1978. С. 268, 270, 272; Шнирельман, 1980. С. 196–202 и др.*).

Другим свидетельством возможности подобной интерпретации проблемы является особое, порой ритуальное, значение облавных охот в жизни всех кочевников Евразии (*Меховский, 1936. С. 60; Левшин, 1832. Ч. 3. С. 207; Петров, 1961. С. 81–82; Вайнштейн, 1972. С. 202–205; Ларичев, Тюрюмина, 1975. С. 101; Султанов, 1982. С. 60–61 и др.*). Особенно значительной была роль облавных охот у монголов эпохи сложения грандиозной империи Чингиз-хана, ей придавали военно-политическое и порою даже сакральное значение (*Владимирцов, 1934. С. 40 и др.*). Небезынтересно отметить, что обряд усыновления Тэмучжина Ван-ханом и обряд братания последнего с Есугеем включал в себя помимо всего прочего произнесение следующего ритуализированного выражения:

На врага ли поспешно ударить
Как один, общей силой ударим.
Или дикого зверя облавить –
Как один общей лавой облавим.

Такое важное значение, которое придавалось облавным охотам, вероятно, можно рассматривать как одну из форм реминисценцирующего переживания некогда всеобщего способа жизнедеятельности кочевых народов. Тем более, что источники недвусмысленно указывают на то, что монголы, прежде чем стать кочевниками, были охотниками (*Владимирцов, 1934; Козин, 1941 и др.*), а в последующее время сочетали охоту со скотоводством (*Пиков, 1980. С. 129–130; Кычанов, 1980. С. 144*).

В этой связи следует отметить важную, на наш взгляд, мысль В. Г. Мордковича о том, что охоту можно рассматривать как акцию по очищению экологической ниши от диких животных в пользу домашних. И в этой борьбе за пастбища, полагает он, огромные массивы степных пространств были освоены скотоводческим хозяйством человека прежде всего за счет освобождения их от конкурентных видов диких животных (Мордкович, 1982. С. 183–186). Иначе говоря, необходимость охотничьего промысла обуславливалась потребностью освобождения среды обитания от конкурентных видов диких копытных животных, вытеснения и занятия их места в данной экологической нише.

* * *

Таким образом, можно предположить, что возникновение сезонно-мигрирующего охотничье-скотоводческого хозяйства первоначально было одним из многих вариантов развития системы материального производства в условиях кризиса земледелия и аридизации климата. В последующее время именно этот тип хозяйства оказался наиболее приспособленным к изменяющимся условиям среды обитания и конкурентоспособным, позволив значительно расширить жизненное пространство древним насельникам в процессе освоения новой экологической ниши. В результате развития охотничье-скотоводческого хозяйства и его проникновения в засушливые районы происходило познание природно-климатических условий, накапливался опыт экологической адаптации, совершенствовалась организация системы материального производства, вырабатывалась технология ведения хозяйства в новой географической среде. Одновременно происходило очищение экологической ниши от конкурентных видов диких животных.

Следует подчеркнуть, что этот процесс общественного развития носил спонтанный и совершенно объективный, независимый от воли и желания людей, характер. Иначе говоря, динамика историко-культурного развития общества под влиянием трансформации географической среды детерминировала возникновение сезонно-мигрирующего охотничье-

скотоводческого хозяйства в аридной зоне Евразии как закономерного и наиболее оптимального способа освоения новой экологической ниши, явившегося важной ступенью в качественной перестройке скотоводческого хозяйства и становлении кочевничества.

В своем дальнейшем развитии по мере постепенного сокращения и уменьшения числа конкурентных видов диких животных сезонно-мигрирующий охотничье-скотоводческий тип хозяйства неизбежно достигает своего объективного предела и исчерпывает себя как форма жизнедеятельности человека. Скотоводство, вытесняя посредством симбиоза с охотой диких животных из мест их обитания, в конечном счете, перестает нуждаться в охоте и самостоятельно заполняет освободившуюся экологическую нишу и осваивает ее во всеобщем масштабе. Кочевое скотоводство становится единственно возможной и наиболее рациональной формой материального производства в аридной зоне Евразии. Будучи более сбалансированным типом хозяйства в экологическом отношении, оно обеспечивает максимальную утилизацию природных ресурсов среды обитания.

Охота, и в том числе облавная охота, в последующее время играет только лишь вспомогательную, в основном регулирующую, роль и по мере необходимости выступает средством уничтожения конкурентных видов диких животных, когда их естественный цикл размножения и численность популяции начинают задевать интересы человека. Поэтому дикие копытные на пустынно-степных просторах Евразии могли сохраниться только на тех территориях, которые не были освоены человеком. Интересно отметить, что как только в 1931–1932 гг. была проведена кампания по оседанию кочевников-казахов, освободившаяся экологическая ниша стала немедленно заполняться дикими животными, прежде всего сайгаками, число которых в последующее время достигло нескольких миллионов голов (Фадеев, Слудский, 1982 и др.).

Весьма важное значение для анализа проблемы генезиса номадизма имеет вопрос о причинах, побуждающих все население включаться в процесс сезонных миграций.

Важнейшими причинами, повлекшими за собой всеобщую номадизацию населения, явились: большие затраты труда, требующие концентрации некоторой массы людей (*Капо-Рей*, 1958. С. 231 и др.), необходимость обеспечения соответствующей организации выпаса животных, их водообеспечения и т. д., многоцелевая продуктивность пользователей свойств (мясо, молоко, шерсть, тягло, транспорт и т. п.), потребность скорейшего использования скотоводческой продукции, организации ее хранения и сбережения, длительный цикл биологического воспроизводства животных, защита стад, создание предметов материальной культуры, обеспечение быта, репродуктивных функций, воспитание детей, передача им опыта и знаний экологической адаптации (семья) и т. д.

Поскольку основные детерминирующие причины номадизации основной массы населения очевидны, то все же остается неясным, когда и в результате чего в процесс сезонных кочевков преимущественно мужской части населения были вовлечены женщины, старики, дети, больные и др.? Казалось бы ответ ясен: когда на оседло-стационарных поселениях не осталось скота и вся масса животных была вовлечена в миграционный процесс.

Думается, что это могло произойти тогда, когда сезонно-мигрирующий тип хозяйства в части охоты исчерпал потенциал и емкость среды обитания, т. е. экологическая ниша в принципе была освобождена от конкурентных видов диких животных и заполнена домашним скотом. Во времени этот процесс мог занять несколько столетий, а мог быть достаточно кратковременным, но в любом случае он должен был охватывать период, достаточный для накопления соответствующего экологического опыта (минимум 3–5 поколений) и освобождения среды обитания от диких животных (минимум 100–150 лет), а также многократного прироста животных.

Судить об этом, вероятно, можно по такому показателю, как изменение структуры стада, в частности по возрастанию удельного веса мелкого рогатого скота – основного и главного вида животных в составе стада кочевников, и конского

поголовья. А доля крупного рогатого скота, по-видимому, должна была понизиться как минимум до 20%, чтобы можно было перейти к номадизму. Подтверждением этому является сопоставление структуры стада кочевников в средневековье и новое время. Так, например, в хозяйстве казахов в среднем по всему Казахстану удельный вес крупного рогатого скота составлял 12,3% (*Хозяйство казахов...*, 1980. С. 97 и др.).

При этом, как показывают специальные расчеты, для обеспечения прожиточного уровня средней семье в условиях кочевого образа жизни было необходимо как минимум 20–25 голов скота в условном переводе на лошадь (*Руденко*, 1961; *Шилов*, 1975. С. 83 и др.). Интересно, что при таком количестве скота доля крупного рогатого скота составляет в среднем 20% всего поголовья (см. 3.1, 8.1 и др.). Следует отметить, что у монголов доля крупного рогатого скота в структуре стада не превышала 14% (*Марков*, 1976. С. 104 и др.), а по другим данным – 22% (*Гонгор*, 1978. С. 110 и др.), у тувинцев – 14,6% (*Вайнштейн*, 1972. С. 15 и др.) и т. д.

Таким образом, в процессе эволюции сезонно-мигрирующего типа хозяйства происходит постепенное освобождение экологической ниши от конкурентных видов диких животных, в результате чего она осваивается скотоводческим хозяйством кочевников. На этой основе в процесс сезонных передвижений по мере возрастания трудовых затрат вовлекается вся масса скотоводческого населения. Вследствие этого происходит становление и формирование кочевничества как специфической системы материального производства и соответствующего образа жизни.

Эволюция номадизма

По вопросу о развитии кочевого хозяйственно-культурного типа с момента его становления и вплоть до новейшего времени историография проблемы носит достаточно однозначный характер. В литературе утвердился взгляд, что кочевничество эволюционировало по направлению от высокой мобильности и исключительной подвижности, не знавшей какой-либо терри-

ториальной привязки, к все менее интенсивному кочеванию и в конечном счете к постепенному оседанию на зимовках либо летних пастбищах. Одним из первых данную точку зрения обосновал М. П. Грязнов, а вслед за ним С. Е. Толыбеков, С. И. Руденко и особенно последовательно С. А. Плетнева, А. М. Хазанов и др. (Грязнов, 1955. С. 21; Толыбеков, 1959; Руденко, 1961; Плетнева, 1967; Хазанов, 1975а и др.).

Согласно схеме, составленной С. А. Плетневой, сквозь которую ею рассматриваются практически все социально-экономические, политические и этнокультурные аспекты истории кочевых народов, номадизм в своем эволюционном развитии проходит первоначально стадию так называемого *таборного*, т. е. круглогодичного, кочевания по неурегулированным маршрутам и, наконец, стадию кочевания с постоянными жилищами на зимовках, которая вела к оседанию номадов (Плетнева, 1982 и др.). С более дробной дифференциацией периодов развития кочевничества выступил А. М. Хазанов. Правда, отдельные элементы схемы С. А. Плетневой, особенно стадия таборного кочевания, подвергались критическому анализу в современной литературе (Хазанов, 1975а. С. 10–11; Марков, 1976. С. 282; Кадырбаев, 1980. С. 37 и др.).

Весьма близко к этой диахронной схеме прилегает концепция С. Е. Толыбекова, согласно которой кочевники-казахи в своем историко-культурном развитии проходят три стадии пастбищного скотоводства. Во-первых, стадию чистого кочевничества, якобы имевшую место в Казахстане в XV–XVIII вв. и характеризующуюся круглогодичным кочеванием и отсутствием сезонных пастбищ. Во-вторых, стадию полукочевого скотоводства, отличительной особенностью которой являлось пребывание на одном месте не менее 6 месяцев в году. Возникновение и существование такого типа хозяйства относится им к концу XVIII – началу XX в. Третья стадия – пастбищно-экстенсивного, почти оседлого скотоводства – имела место в горных, лесных и лесостепных районах и характеризовалась постоянными зимовками, постройками для скота и жильем, сенокошением и хлебопашеством (Толыбеков, 1971. С. 466–490).

С этими суждениями согласиться трудно. И вот почему. Еще в XIX в. было замечено, что монголы в зимний период года кочуют в отличие от казахов, которые «...проводят зиму на одних и тех же местах, перекочевывая в это время года только в редких, исключительных случаях... Монголы же перекочевывают по временам с места на место и зимою, хотя и реже, чем летом...» (Певцов, 1951. С. 110). Это было обусловлено тем, что в Монголии, находящейся на высокогорье (в среднем 1500 м над уровнем моря), сильные ветры в зимний период года сдували снег и, следовательно, не возникало препятствий к кочеванию (Мурзаев, 1952. С. 105, 192–219 и др.). Совсем другое дело в Казахстане. Здесь снежный покров, стабильно залегающий на большой территории в среднем на 6 месяцев в году, препятствовал кочеванию в этот период года. Поэтому казахи, за исключением лишь тех, кто находился в бесснежных районах, весь зимний период проводили оседло на стационарно устроенном стойбище (см. 4.1). Иначе говоря, традиция оседло-стационарного зимования у кочевников-казахов, как и у монголов – зимнего кочевания, была обусловлена природно-климатическими условиями и никак не была связана с историко-эволюционным развитием номадизма.

Вместе с тем археологические данные также не подтверждают теорию «таборного кочевания». У кочевников-казахов XV–XVIII вв. широко были распространены зимние жилища (Жолдасбаев, 1975 и др.). Другим важным аргументом, опровергающим указанную точку зрения, являются климатологические данные, свидетельствующие о том, что в 1500–1800 гг. имела место так называемая малая ледниковая эпоха, сопровождающаяся всеобщим похолоданием и увлажнением климата (Шнитников, 1957. С. 113–116, 138–168, 170–182, 198–199, 271–272, 280–281, 301; Ле Руа Ладюри, 1971; Хабдулина, Зданович, 1984. С. 139, 151; Герасимов, 1985. С. 62 и др.).

Следовательно в условиях более холодных и снежных зим ни о каком кочевании не могло быть и речи. В этой связи явно надуманными представляются стадии таборного и

круглогодичного кочевания без зимних стойбищ и стадии «чистого кочевничества», постулируемые авторами указанных схем. При этом, нельзя не заметить, что кочевничество возникает на стыке засушливой и увлажненной эпох и в основном развивается в субатлантическое время по схеме Блитта-Сернандера, т. е. в период похолодания и увлажнения (Шнитников, 1957 и др.).

Надо обратить внимание на то, что кочевание по неурегулированным пастбищам в силу самих природно-климатических условий было в принципе невозможно, поскольку ландшафтность и посезонно-зональное расположение растительного покрова, сезонное распределение атмосферных осадков и т. п. с самого момента возникновения номадизма императивно предполагали посезонно-зональную дифференциацию пастбищных угодий, а следовательно, их строгую географическую заурегулированность. Вследствие этого имела место естественно возникающая и природно закономерная посезонная дифференциация всех пастбищных территорий (см. 4.1 и др.). Таким образом, ни одна из указанных схем эволюционного развития кочевого скотоводческого хозяйства не представляется достаточно обоснованной.

Необходимо также остановиться на том, что во всех схемах отдавалась дань процессу седентаризации, как конечной стадии эволюционного развития номадизма. Надуманность данного постулата очевидна, так как в рамках аграрного общества при существовавшем в доиндустриальную эпоху уровне развития производительных сил занятие земледелием возможно только в тех районах, где количество атмосферных осадков не менее 400 мм либо имеется стабильный поверхностный сток (речная сеть).

В этом смысле Казахстан, представляющий на более чем 95% засушливую зону с числом атмосферных осадков менее 400 мм и со слабо развитым гидрографическим режимом, так же как и Монголия, Джунгария, Аравийский полуостров, Сахара и т. д., не представляет никаких условий для оседания. Проведенное в 1931–1932 гг. насильственное осе-

дание привело к массовому голоду и гибели почти 50% всего казахского населения и массовой откочевке за пределы Казахстана (Абылхожин, Козыбаев, Татимов, 1989 и др.).

Волонтаристская кампания по освоению целинных и залежных земель привела к эрозии 10 млн га плодородных земель (Казахстан, 1969 и др.), а современные методы ведения животноводства способствовали уничтожению еще 55 млн га (Правда. 5 июня 1979 г.), что составляет треть всех сельскохозяйственных угодий республики. В советское время ситуация еще больше усугубилась. На половине всей территории Казахстана земля либо эродирована, либо находится на последней стадии сбоя. Иначе говоря, оседание и оседлый образ жизни, соответствующие ему способы ведения хозяйства неэффективны в ареальных экосистемах даже в условиях индустриального общества и приводят к тому, что из сферы хозяйственного освоения выпадают миллионы гектаров земли.

Альтернатива кочевничеству как стратегии природопользования не найдена даже в таких развитых и богатых странах, как Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт и др. Что же касается Северной Африки, то здесь рядом стран было принято соглашение, запрещающее занятие земледелием в тех районах Сахеля, где осадков выпадает меньше 500 мм в год. Эта изогипета является границей региона, внутри которого возделывание земли при помощи современных методов приводит к опустыниванию территории (Григорьев, 1985. С. 202). В этой связи, видимо, закономерны такие экологические катастрофы, как гибель Арала, Балхаша и т. п.

Вследствие этого необходимо признание того, что процессы седентаризации в ареальных экосистемах принципиально невозможны в аграрном обществе и никогда в исторически обозримое время не имели места. Поэтому следует отказаться от мысли, что эволюционное развитие номадизма завершается оседанием. Процессы седентаризации могли иметь место только за пределами ареальных экосистем – в маргинальных зонах либо в оседло-

земледельческих ареалах. В ареалах номадизма оседание никогда не имело природной и материальной базы и даже в условиях индустриального общества нет альтернативы кочевничеству как наиболее рациональной стратегии природопользования. В своем историческом развитии номадизм постепенно умирает как способ производства, поскольку не может быть полностью адаптирован к условиям индустриального и урбанизированного общества.

Попытаемся реконструировать процесс эволюции номадизма. Кочевничество с момента своего возникновения эволюционировало по направлению от меньшей подвижности (отгонов-перегонов) к все большей (*чистое кочевничество*). В пользу данной интерпретации, главным образом, свидетельствуют не только совершенствование конского снаряжения (псалии, удила, стремя, седло и т. п.) и системы завьючивания транспортных животных (*Вайнштейн, Крюков, 1984* и др.), но и постепенная рецессия кибиточного способа кочевания, для которого любые естественные рубежи (горы, холмы, пересеченный рельеф, неровности почвы, камни, реки, озера и т. п.) служили практически непреодолимым препятствием.

Переход на завьючивание предметов материальной культуры (юрты, утвари, предметов быта, мебели, одежды и т. п.) на лошадь и верблюда и постепенный отказ от кибиточного способа кочевания, остаточные переживания о котором, например, у казахов фиксируются в XV–XVI вв. (*Рузбихан, 1976* и др.), способствовал резкой интенсификации системы передвижений, увеличению скорости и частоты кочевания, расширению ареала миграций и т. д. (*Гумилев, 1971; Вайнштейн, 1973; Кадырбаев, 1980; Вайнштейн, Крюков, 1984* и др.).

В результате этого формируется тип классических кочевников, общепризнанным эталоном которых для всех исследователей стали казахские номады (*көшпелі*) – адаевцы, табынцы, баганалинцы и аназские племена сабаа, руала, амарат (*Першиц, 1961. С. 32* и др.), совершавшие перекочевки до 2000 км и более в течение года. Однако это крайняя

специализация, являющая собой предельный вариант номадизма, который не должен заслонять для нас типический образ кочевника, совершающего сезонные миграции в диапазоне 50–100 км в течение года, проводящего зимний период года оседло на стационарно устроенном стойбище (*кыстау*) и ведущего кочевой образ жизни в теплый период года.

В процессе эволюции номадизма по направлению от меньшей подвижности ко все большей происходила интенсивная трансформация материальной культуры формирующихся номадов применительно к качественно новому образу жизни и типу хозяйства. В частности, генеральной линией эволюционного развития становится постепенное изживание нетранспортабельных и трудно хранящихся материалов (металл, керамика, стекло и т. п.), замена громоздких, тяжелых и плохо завьючиваемых предметов материальной культуры легкими и транспортабельными материалами (кожа, кошмы, дерево и т. п.), поддающимися быстрой сборке и разборке (юрта, мебель и т. п.). Именно такой перестройке подвергаются все части и элементы материальной культуры кочевников, что легко прослеживается при сравнении, например, материальной культуры саков и скифов, сарматов и усуней, юечжи и других номадов прошлого с культурой поздних кочевников (*Масанов, 1960; Акишев, Кушаев, 1963; Маргулан и др., 1966; Маргулан, 1986; он же, 1987; Аргынбаев, 1987; Муканов, 1981* и др.).

Переломным этапом явилась середина I тыс. н. э., когда становление классического номадизма в Центральной Азии (тюрки-тюцзюе, теле и др.) привело к возрастанию роли кочевников в судьбах народов Евразии и Северной Африки, их широкому выходу на арену мировой истории, коренному преобразованию этнополитической карты ойкумены (*Вайнштейн, 1973; Вайнштейн, Крюков, 1984* и др.). Аналогичные процессы трансформации происходят применительно к сфере собственности, социально-экономическим отношениям, семье и браку, хозяйственной типологии и духовной культуре и т. п. (*Марков, 1976; Хазанов, 1975а; Першиц, Хазанов, 1979; Еремеев, 1979; он же, 1982* и др.).

* * *

Таким образом, сложившаяся в IV–III тыс. до н. э. система материального производства – комплексное оседло-земледельческое со все более усиливающейся, особенно в период ксеротерма, скотоводческой ориентацией хозяйство и соответствующий ей образ жизни – в результате целого комплекса объективных причин (возрастание значимости скотоводства, появление всадничества и разнообразных технических и технологических новшеств, различных форм отгонно-перегонного хозяйства, снижения роли земледелия, углубления процессов адаптации, выработки новых социо-культурных стереотипов, изменения природно-климатических условий, антропогенного фактора, политических и этнодемографических трансформаций и т. п.) в процессе своего исторического развития подвергается разбалансировке и дестабилизации.

Вследствие этого снижаются адаптивные свойства данной хозяйственно-культурной системы и начинается ее постепенная перестройка, которая, по-видимому, с наибольшей силой охватила вторую половину II тыс. до н. э. (эпоха бронзы) – начало I тыс. до н. э. (эпоха раннего железа). В этот период, по-видимому, с одной стороны, данная система материального производства исчерпала свои потенциальные возможности и резервы имманентного развития, а с другой, получают распространение всевозможные отклонения инадаптивного характера, выражающие огромную вариантность и изменчивость форм производственной деятельности человека.

Наряду с этим климатические изменения, которые, по образному выражению Э. Ле Руа Ладюри лишь ««спускают с цепи» причинность чисто антропогенного характера» (Ле Руа Ладюри, 1971. С. 225), обуславливают постепенное освобождение экологической ниши, т. е. рецессию оседло-земледельческого типа хозяйства, что в свою очередь стимулирует активную эволюцию спонтанно возникающих инадаптивных групп населения и их хозяйственных механизмов. На этом этапе историко-культурного развития в

процессе дивергенции, по-видимому, получают распространение самые разнообразные типы хозяйственно-культурной деятельности – разброс и амплитуда их могли достигать самых полярных точек, но основная концентрация происходила вокруг различных вариантов отгонно-перегонного типа хозяйства.

В своем дальнейшем развитии инадаптивные группы, интенсивно заполняя освобождающиеся (речные долины, низкогорные районы и т. п.) и вновь возникающие (степь, полупустыня, пустыня, горы) экологические ниши, должны были пройти жесткий контроль эвадаптирующего отбора и обрести свою собственную устойчивость и экологическую сбалансированность. В результате среда обитания как бы отторгает не прошедшие адаптивного отбора хозяйственные группы. Быстрее и эффективнее других, по-видимому, смогли приспособиться к данным географическим условиям те социокультурные образования, которые смогли выработать соответствующие адаптивные механизмы во всех сферах деятельности и культуры посредством интенсивной аккумуляции информации высокой плотности об особенностях функционирования природных ресурсов новой экологической ниши.

Природно-исторический экзамен на выживание выдержали лучше других те хозяйственные группы, которые смогли органически объединить скотоводство с занятием охотой на диких копытных животных, что потребовало высокой степени сезонной подвижности на первых порах весьма немногочисленной группы людей (пастухов), тогда как остальная часть населения (женщины, дети, старики, больные и какая-то часть мужчин) могла какое-то время базироваться в оседло-земледельческих поселениях.

На этой основе формируется сезонно-мигрирующий охотничье-скотоводческий тип хозяйства, постепенно вовлекающий по мере высвобождения экологической ниши от конкурентных видов диких животных в процесс сезонных передвижений все большие группы населения и все большую массу домашних животных, что приводит к увеличению доли

более подвижных видов животных (овец, коз, лошадей, а позднее верблюдов) и уменьшению удельного веса крупного рогатого скота в структуре стада. Оседло-земледельческие поселения в этом случае могут трансформироваться в зимние либо сезонные стойбища, либо совсем забрасываться в зависимости от конкретных природных условий, рельефа, рисунка миграционных передвижений и т. п. К середине I тыс. до н. э., видимо, относится время окончательного становления кочевничества.

Следующим этапом в эволюции номадизма становится фаза углубления адаптивных возможностей системы, которая посредством имманентного накопления информации преобразуется и приобретает новое качество. Кочевничество эволюционировало от меньшей ко все большей подвижности, от непродолжительных передвижений на небольшие расстояния ко все более интенсивным и частым перекочевкам на все более значительные расстояния. И если в предшествующий период только складывалась система посезонного использования пастбищных угодий, то на данном этапе все больше возрастает плотность миграционных передвижений и прежде всего концентрация номадов на сезонных территориях.

По-видимому, именно в I тыс. до н. э. – середине I тыс. н. э. осваиваются под зимние пастбища безводные пространства пустынь, заканчивается формирование меридиональной, вертикальной, радиальной, широтной, эллипсоидной систем кочевания (Акишев, 1972; Хазанов, 1975а; Марков, 1976 и др.). Однако в целом скорость и ареал передвижения еще незначительны, а миграционный рисунок не отличается большой насыщенностью. К середине I тыс. н. э. кибиточная система кочевания на повозках достигает своего предельного уровня развития и в течение последующего тысячелетия полностью исчерпывает свой потенциал и отмирает.

К середине I тыс. н. э. накапливается новый запас информации в виде целого ряда технологических инноваций (появление стремени, новых элементов конской упряжи и

снаряжения, в частности жесткого седла, способов завьючивания, войлочной решетчатой юрты, других предметов материальной культуры, широкое распространение кожи, шерстоваляльных и других новых сырьевых материалов и т. д.) (Вайнштейн, 1973; он же, 1989а; он же, 1989б; Вайнштейн, Крюков, 1984; Кадырбаев, 1980; Амброз, 1973 и др.) и все более возрастает опыт экологической адаптации, увеличиваются знания об особенностях функционирования природных ресурсов среды обитания и т. п.

В результате этого кочевое скотоводство вступает в новую стадию развития – стадию «классического кочевничества», совпадающую с новым этапом аридизации географической среды (Шнитников, 1957. С. 268–271, 278–279 и др.). Этот этап в эволюции номадизма характеризуется максимальной приспособленностью к природно-климатическим условиям и высочайшей специализацией, принимающей порою крайние формы (передвижения на расстояние до 1000–2500 км с количеством перекочевок до 60–120 в течение года), активным участием кочевников в этнополитических процессах на Евразийском континенте, захватом политической и военной гегемонии в Азии, Северной Африке и Юго-Восточной Европе.

В этот период номадизм стабилизируется в своем развитии, достигая максимального уровня своего потенциала. Вплоть до эпохи Великих географических открытий и широкого распространения огнестрельного оружия кочевники играют доминирующую роль в жизни народов Евразии, поскольку полностью контролируют внутриконтинентальную торговлю, караванные пути и дороги, имеют неоспоримые преимущества в военной сфере и т. д. (Владимирцов, 1934 и др.).

Рубеж XV–XVI вв., знаменующийся общим кризисом номадизма, его вытеснением на периферию всемирно-исторического процесса, падением его влияния в военно-политической сфере, является началом нового, третьего этапа в исторических судьбах кочевничества. Если прежде кризисные явления (отсутствие кормов в неурожайные годы, аграрное перенаселение, джут и т. п.), порождаемые

в основном природно-климатическими изменениями, снимались посредством экспансий и массовых инвазий за пределы ареальных экосистем, то с этого времени наступает период стагнации и постепенного упадка.

На этом этапе кочевничество, сохраняя свое приоритетное положение в сфере природопользования в аридных зонах, постепенно замыкается в своем внутреннем развитии и вступает в фазу стагнации и застоя. Характерной чертой данной стадии развития является формирование нового этнокультурного облика кочевых племен, их постепенное включение в орбиту политического и военного господства крупных централизованных государств: Российской империи (казахи, калмыки, туркмены, киргизы и др.), Китая (монголы, джунгары и др.), Франции (номады Северной Африки), Турции (кочевники Ближнего Востока и др.) и т. д. Из власть преобладающих номады становятся власть зависимыми. Не менее очевидной чертой рассматриваемой фазы общественного развития является отсутствие серьезных технико-технологических новаций, организационных и социокультурных усовершенствований и изобретений.

В новейшее время, в век индустриально-урбанизированного развития, по-видимому, наступает финальная стадия развития номадизма: города, промышленные предприятия, земледелие осваивают земли номадов и вытесняют их все глубже в пустыню. Результатом этого являются беспрецедентные по своей жестокости «эксперименты» по оседанию кочевников, приводившие к голоду и массовому вымиранию некогда гордых «властителей мира». Попытки некоторых государств оказать помощь номадам и интегрировать их в социально-экономическую структуру современного общества, видимо, обречены на неудачу.

Глава 2. ПРИРОДА И КОЧЕВОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАЗАХСТАНА

2.1. ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

Обширная территория Казахстана, находясь на стыке различных географических зон, отличается разнообразием геофизических и природно-климатических условий и характеризуется рядом особенных черт и свойств. Из-за внутриконтинентального расположения в глубине материка Евразии между 40–55° с. ш. и 46–87° в. д. на значительном расстоянии как от Тихого и Атлантического, так и от Индийского и Северного Ледовитого океанов, природа Казахстана носит переходный характер между Западной Сибирью, Восточной Европой и Центральной Азией.

В геофизическом отношении Казахстан представляет собой, в основном, низкогорную равнину с обширными плоскими низменностями, приподнятыми плато и низкогорными массивами, чередующимися по всей территории региона. Высокогорные районы со снежными вершинами занимают восточную и юго-восточную части данной территории. Поверхность Казахстана имеет общий наклон с юга на север и с востока на запад, понижение происходит постепенно, причем высокогорные и низкогорные участки чередуются с межгорными долинами и обширными равнинами. Такой характер поверхности играет важную роль в формировании климата и размещении природных ландшафтов.

В равнинно-низкогорной части значительную территорию занимают Западно-Сибирская, Туранская и Прикаспийская низменности, которые характеризуются горизон-

тальными отложениями, небольшими речными долинами и впадинами, чередованием на юге обширных плоских равнин с песчаными массивами. В отличие от Западно-Сибирской, Туранская и Прикаспийская низменности плохо обводнены, большая часть рек маловодна и теряется в песках.

Значительную часть территории Казахстана занимают возвышенности: Устюрт, Тургайское, Предуральское (Эмбенское) плато, Бетпақдала, Прибалхашская равнина и часть возвышенности Общій Сырт. Возвышенности представляют собой горизонтально залегающие осадочные отложения, поверхность которых по большей части ровная, с небольшими повышениями. Имеются значительные песчаные массивы. Бетпақдала, Устюрт, Прибалхашская равнина плохо обводнены, имеют небольшие понижения с солончаками. В отличие от них, Тургайское плато сравнительно хорошо орошается ручьями и притоками рек Тобола и Ишима, Предуральское плато – рекой Эмбой и мелкими степными речками, Общій Сырт – многочисленными притоками Урала и т. д.

Низкогорные районы Казахстана, являющиеся основными участками равнинного региона, представлены древними, сильно разрушенными горными массивами, к которым относятся Центрально-Казахстанский мелкосопочник, Мугоджары и Мангыстауские горы. Они представляют собой чередование мелкосопочного рельефа, останцевых гор и выравненных участков, расчлененных долинами рек, котловинами и оврагами. Низкогорные районы играют важную роль в формировании климатических зон и являются естественным водоразделом между сточными и внутренними замкнутыми бессточными бассейнами, климаторазделом между севером и югом (Центрально-Казахстанский мелкосопочник) и Западным и Центральным Казахстаном (Мугоджары).

Высокогорные области Казахстана представлены горными системами Алтая, Саур-Тарбагатай, Джунгарского и Заилийского Алатау и другими западными отрогами Тянь-Шаня. Все горные системы имеют сложное орографическое и геологическое строение и отделены друг от друга обширными

межгорными впадинами. Они отличаются сильно расчлененным рельефом, множеством рек и озер, горными хребтами со снежными вершинами и многочисленными и сильно разветвленными отрогами, чередующимися с выравненными участками, межгорными котловинами и впадинами (Григорьев, Авсюк, Макеев и др., 1950. С. 27–140; Утимагамбетов, 1959. С. 9–13; Чупахин, 1968. С. 11–32; он же, 1970. С. 5–17; Федорович, 1969. С. 15–20; он же, 1969а. С. 78–89 и др.).

Особенности рельефа и атмосферных осадков в сочетании с другими географическими факторами определили гидрографический режим территории Казахстана. Основная часть водных ресурсов относится к области внутреннего стока и лишь северная часть региона – к сточному бассейну (бассейны рек Иртыша, Ишима, Тобола). Начало многим речным артериям и грунтовым водам дают горные районы (ледники, вечные снега, частые атмосферные осадки), что обеспечивает сравнительно стабильный характер их наполнения. По выходу из гор реки приобретают равнинный характер, условия их питания ухудшаются. Большая часть рек заканчивается в бессточных озерах или теряется в песках.

Реки равнинной части питаются в основном за счет таяния снегов, атмосферных осадков и грунтовых вод. Большинство равнинных рек пересыхает в летний период, образуя небольшие озера, солончаковые поверхности, заболоченные участки, либо уходят под землю, теряются в песках. Это обусловлено тем, что в Казахстане наблюдается значительное преобладание величины испарения с водной поверхности над суммой годовых осадков.

Густота речной сети уменьшается по направлению с севера на юг, в степной зоне она составляет на каждые 100 км² – 4–6 км, в полупустынной – 2–4 км, в пустынной – 0,5 км. Реки Казахстана варьируются также по сезонам основного стока. Весенний сток составляет у всех равнинных рек 86–90%, летний – 5–7, осенний – 1–3, зимний – 2–4%. Отличительной особенностью равнинной части Казахстана является редкая сеть рек с постоянным круглогодичным стоком воды и большая густота временных потоков.

Иной характер носит сток горных рек (наиболее крупные из них Или, Чу, Талас, Арысь, Каратал, Лепса, Чарын), у которых сток всего паводкового периода (с апреля по сентябрь) составляет в среднем 50–60% (Абрамович, Арефьева, Иогансон, 1950. С. 177–206; Чупахин, 1968. С. 51–55; Семенов, Шимкевич, 1969. С. 133–154 и др.).

На обширных пространствах Казахстана рассеяно несколько тысяч озер. Сильная изменчивость климатических условий и водного баланса приводит к непостоянству площади и режима озер, их геохимического состава. По мере нарастания засушливости с севера на юг доля бессточных озер и их минерализация увеличиваются. Из общего числа озер Казахстана 90% имеют площадь до 1 км². Преобладание мелких и небольших озер объясняется наличием слабо выраженных отрицательных форм рельефа, поскольку большая часть этих озер размещена в лесостепной и степной зонах Казахстана, в поймах крупных рек и в дельтовых участках бессточных рек.

Основными источниками питания озер являются поверхностные и грунтовые воды, талые снега и атмосферные осадки. Вследствие этого большинство озер – пресные или слегка солоноватые. Неравномерность водного баланса ведет к пересыханию значительной части озер летом и осенью, а также в многолетние маловодные периоды (Абрамович, Арефьева, Иогансон, 1950. С. 154–169; Чупахин, 1968. С. 56–60; Муравлев, Покровская, Россолимо, 1969. С. 154–169 и др.).

Географическое положение Казахстана – в центральной части Евразии в поясе умеренных широт – определило особенности и характер природно-климатических условий, являющихся результатом взаимодействия подстилающей поверхности, солнечной радиации и атмосферной циркуляции. Продолжительность солнечного сияния на территории Казахстана весьма велика и составляет в среднем от 2000 до 3000 часов в год. Поскольку величина притока солнечной радиации изменяется по направлению с севера на юг, а также по сезонам года, то закономерным итогом этого является ин-

тенсивный перегрев поверхности земли в летний период, когда величина суммарной радиации на юге более чем в четыре раза превосходит сумму радиации зимних месяцев (Чубуков, 1950. С. 141–148; Берлянд, Безверхний, 1959. С. 17–30; Чупахин, 1968. С. 32–37; Шварева, 1969. С. 90–91 и др.).

Следствием внутриконтинентального положения Казахстана является резко континентальный режим климатических условий, характеризующийся резкими суточными, сезонными и годовыми колебаниями температуры воздуха. Континентальность климата в Казахстане увеличивается в направлении с запада на восток. Наибольшая континентальность имеет место на северо-востоке Казахстана, где разность средних температур января и июля достигает 41°C. С продвижением к югу на большей части равнинной территории годовые амплитуды колебаний средних месячных температур равны 37–39°, за исключением крайней южной части, где они уменьшаются до 30–35°.

Весьма велики и суточные колебания температуры воздуха, которые в летний период составляют в среднем 12–16° (25–40% всех дней) и нередко достигают 25–30°, а в зимний – от 4 до 12° (50–70% всех дней), иногда достигая 16–20°. Наибольшие среднесуточные амплитуды колебаний воздуха наблюдаются на севере Казахстана в июне и июле (13–15°), а на юге – в августе и сентябре (18–20°) (Чубуков, 1950. С. 159–161; Байдал, 1959. С. 32–63; Кузнецов, 1959. С. 73–88; Чупахин, 1968. С. 38–43; Шварева, 1969. С. 91–92 и др.).

Другой особенностью климата Казахстана, обусловленной удаленностью от океанических источников влаги, является резко выраженная аридность, наиболее отчетливо проявляющаяся в равнинной его части, которая наименее обеспечена атмосферными осадками. Относительное увлажнение на севере Казахстана составляет 50–30% и, закономерно уменьшаясь по направлению к югу, не превышает в пустынной зоне 5%. В лесостепной зоне, расположенной севернее 54° с. ш. и охватывающей около 7% территории Казахстана, в среднем за год выпадает от 250 до 350–400 мм осадков; в степной зоне, расположенной севернее 50° с. ш. и состав-

ляющей более 20% его территории, их количество снижается до 200–300 мм. В полупустынной зоне, расположенной севернее 48° с. ш. и составляющей более 20% его территории, годовое количество атмосферных осадков колеблется в диапазоне 160–220 мм. В зоне пустынь (южнее 47–48° с. ш.), занимающих более 40% территории Казахстана, количество осадков уменьшается до 180–80 мм в год.

Недостаточность увлажнения усугубляется тем, что повсеместно, за исключением высокогорья, годовая величина испаряемости вследствие большой солнечной радиации значительно превышает годовое количество осадков: в лесостепной зоне в 2–3 раза, степной – 3–7, полупустынной – 7–20, пустынной – 10–12 (а в летний период в 20–70 раз). В предгорьях и горах Казахстана в среднем за год выпадает более 400 мм атмосферных осадков, достигая вблизи области современного оледенения 700–800 мм (Казахстан, 1950. С. 142–143, 241–242, 278, 291–292; Климат Казахстана, 1959. С. 17–30, 67–69, 73–88, 106, 237–246, 260–289; Чулахин, 1968. С. 37–38, 43–45, 75, 82–83, 89–91, 97, 102–103; он же, 1970. С. 24–27, 30–32, 38–39, 42–46; Казахстан, 1969. С. 90–97, 294–306 и др.).

Климат Казахстана характеризуется также неравномерным сезонным распределением атмосферных осадков. Зимой на равнинной части выпадает очень мало осадков – 50–100 мм (20–30% годовой нормы), к предгорьям и в горах их количество возрастает до 500 мм. Из-за этого почва зачастую, особенно в степной зоне, бывает оголена и промерзает на большую глубину, в Центральном Казахстане – до 200–250 мм. Большая же часть осадков выпадает в летний период: в лесостепи и степи – до 275 мм (60–80% годовой нормы), в пустыне – менее 50 мм (35–40%), в предгорной зоне и горах – до 600–700 мм.

Вследствие неравномерного выпадения осадков уже в весенний период наблюдаются умеренно засушливые погоды, а в мае – даже суховейно засушливые. Когда осадков бывает особенно мало, происходит сильное иссушение почвы. Почвенный покров из-за неравномерного распределе-

ния осадков, промерзания почвы, действия талых вод, сильного иссушения, пыльных бурь, суховеев и обильных летних осадков подвержен эрозии (Климат Казахстана..., 1959. С. 100–117, 260–289; Чулахин, 1968. С. 44–47, 75–76, 82–84, 90–92, 102–103; Казахстан, 1969. С. 96–115).

На территории Казахстана нередко бывает атмосферная засуха, представляющая собой жаркую и резко засушливую погоду. Засуха формируется радиационными процессами трансформации воздушных масс и характеризуется высокой испаряемостью, отсутствием осадков фронтального происхождения, незначительной облачностью и повышенной солнечной радиацией. Примерно в 50–70% случаев продолжительность засухи составляет в Казахстане 3–5 дней, в 25–30% случаев – 6–10 дней и в 5–12% случаев – 11–15 дней. В среднем на севере Казахстана в течение теплого полугодия (апрель–октябрь) бывает 8–10 случаев засухи различной продолжительности. К югу среднее число засух возрастает до 12–15. В отдельные годы оно колеблется от 2–10 (минимум) до 17–20 (максимум). В среднем число дней с засухой в теплое полугодие колеблется преимущественно в пределах 8–11 в месяц. В отдельные годы это число может возрастать до 17–29. Месяцев без засухи не бывает.

Среднее число дней с засухой составляет в лесостепной зоне 37 и в отдельные годы превышает 100, в степной – в среднем 69 и больше. В полупустынной зоне число дней с засухой в отдельные годы достигает 20–25 в один летний месяц. Результатом засухи является обмеление бессточных озер, водоемов и болот, понижение уровня и водоносности рек, их пересыхание и уменьшение уровня грунтовых вод, иссушение почвы, что обуславливает угнетенное состояние и усыхание пастбищной растительности, лесные и степные пожары и т. п. (Климат Казахстана..., 1959. С. 73–88, 117–138; Казахстан, 1969. С. 115–123 и др.).

Разнообразие орографических и природно-климатических условий определяет многообразие ландшафтов при сохранении хорошо выраженных горизонтальных и вертикальных географических зон. Широтная зональность в Казахста-

не проявляется не только в увлажненности, термическом режиме, но и продолжительности летнего и зимнего сезонов года, условным показателем которых являются устойчивые переходы средней суточной температуры воздуха соответственно через 15 и 0° С. Наиболее длительная зима (6 месяцев) и самое короткое лето (3 месяца) наблюдаются на севере Казахстана и, наоборот, самая короткая зима (менее 60 дней) и продолжительное лето (около 6 месяцев) имеют место на крайнем юге в пустынной зоне. В Центральном Казахстане зимний и летний сезоны по продолжительности примерно равны между собой.

Весна и осень повсеместно отличаются небольшой продолжительностью и характеризуются быстрым повышением температуры весной и менее интенсивным спадом осенью. Весенний период на всей территории Казахстана длится менее 50 дней, за исключением юга и предгорий юго-востока (2 месяца). Осень не превышает 2 месяцев на всей территории, за исключением Центрального Казахстана и Прииртышья (менее 50 дней).

Геофизические и природно-климатические условия определяют многообразие ландшафтов на территории Казахстана, группирующихся в четыре природно-ландшафтные зоны. Из-за особенностей рельефа широтная зональность в расположении ландшафтов не везде выражена одинаково равномерно. В северной части, в основном на плоских равнинных участках, располагается *лесостепная ландшафтная зона*, характеризующаяся суровым и резко континентальным климатом, максимальной средней мощностью снежного покрова в 30–50 см и продолжительностью его залегания в 150–160 дней.

Период активной вегетации растительности с температурой выше 10° в лесостепной зоне составляет 120–130 дней. Это – зона явно выраженного преобладания летних осадков (до 60% годовой нормы). Амплитуда колебаний среднесуточной температуры января и июля составляет 38–40°. Поверхностный сток невелик и преобладает вертикальный дренаж почвы. В лесостепной зоне почвы в основном черноземные,

толщина гумусного слоя достигает порой 75 см. Растительность состоит из злаков и разнотравья (Климат Казахстана, 1959. С. 73–75; Чупахин, 1968. С. 74–80; он же, 1970. С. 24–29; Казахстан, 1969. С. 294–295; Федорович, 1973. С. 210 и др.).

Значительную часть территории Казахстана занимает зона степей, протянувшаяся на 2200 км от северной части Прикаспийской низменности до Алтая. *Степная зона* характеризуется преобладанием равнинного рельефа и сухим резко континентальным климатом. Большая часть атмосферных осадков (около 50% годовой нормы) приходится на летний период. Максимальная средняя мощность снежного покрова составляет 30–40 см, а его длительность – 140–160 дней.

Вследствие неравномерности распределения снежного покрова и зимних оттепелей (в 50% всех зим наблюдаются оттепели с повышением температуры воздуха до 0°) при последующем резком похолодании почва в степной зоне иногда промерзает на 150–220 мм, наступает продолжительный гололед. Среднегодовая амплитуда колебаний температуры воздуха составляет 37–43°. Число дней в году с температурой выше 10° равно 135–160. Степная зона отличается развитием ветровой эрозии, наиболее проявляющейся в конце весны. Общее число дней с пыльными бурями в теплое время колеблется в среднем от 20 до 80.

Степная зона характеризуется большей засушливостью и континентальностью климата по сравнению с лесостепной. Если в последней число дней с осадками составляет в среднем за год 100–145, то в степной – 100–130, а число дней с гололедом – соответственно 5,3 и 6,2–8,7 в год. Причем в отдельные годы продолжительность гололеда может достигать в степной зоне 25 и более дней.

Почвы степной зоны черноземные с толщиной гумусного слоя от 25–30 до 60–70 см и каштановые – с гумусным слоем от 15 до 30 см, в меньшей степени – карбонатные, солончаковые и др. Растительность – разнотравная с преобладанием дерновинных злаков (ковыля, типчака, мятлика и т. п.) (Казахстан, 1950. С. 291–315; Климат Казахстана, 1959. С. 75–77;

Чупахин, 1968. С. 80–89; он же, 1970. С. 30–37; Казахстан, 1969. С. 295–299; Федорович, 1973. С. 210–211, 216; Мордкович, 1982; Чибилев, 1990. С. 48–93, 128–161 и др.).

Полупустынная зона отличается резко континентальным, засушливым климатом, жарким летом и суровой зимой. Среднегодовая амплитуда колебаний температуры воздуха составляет 37–41°. Максимальная средняя мощность снежного покрова не превышает 20–30 см, а на востоке зоны – 40–60 см, длительность его залегания 80–180 дней. Продолжительность периода с температурой воздуха выше 10° – 150–180 дней. Зимой выпадает 40% годовой суммы осадков. Продолжительность сухих периодов без атмосферных осадков изменяется в летний период в диапазоне 41–65 дней. Число дней с осадками в течение года составляет 80–100. Основные почвы зоны – светло-каштановые, имеются солонцы и т. п. Толщина плодородного слоя незначительна, широко распространены степные злаки и пустынные растения (эфемеры, полыни и т. п.).

Большую часть равнинного Казахстана занимает *пустынная зона*, характеризующаяся продолжительным жарким летом, очень холодной для данных широт зимой, малым количеством осадков, засушливостью, значительными суточными, сезонными и годовыми колебаниями температуры воздуха и почвы, отсутствием поверхностного стока, накоплением в верхних горизонтах почвы солей, большими песчаными массивами и т. д. Максимальная средняя мощность снежного покрова составляет от 20 до 1 см, его длительность – от 35 дней на юге до 120 на севере зоны и в предгорных районах.

Среднегодовая амплитуда колебаний температуры воздуха в пустынной зоне составляет 30–41°. Продолжительность периода с температурой свыше 10° – 150–215 дней. Число дней с осадками в течение года составляет 50–70. На долю зимних осадков приходится 30–65% годовой суммы. Суточные колебания температуры воздуха в среднем составляют 18–20°, а нередко и 25–32°. Среднее число дней с гололедом в течение года наибольшее на всей территории Казахстана – 9,7 (Казах-

стан, 1950. С. 278–291; Климат Казахстана, 1959. С. 77–87; Чупахин, 1968. С. 89–124; он же, 1970. С. 37–51; Казахстан, 1969. С. 299–304; Федорович, 1973. С. 211, 216; Петров, 1973; Залетаев, 1976; Чигаркин, 1984 и др.).

В результате устойчивых и сильных похолоданий после оттепелей и переохлажденных дождей повсеместно в Казахстане наблюдаются гололедные явления, повторяемость которых резко возрастает по направлению к горам и с севера на юг. Гололед является причиной джута – гибели скота из-за бескормицы, когда поверх снежного покрова или почвы образуется ледяная корка, которая не позволяет скоту потреблять сохранившийся под снегом травостой. Другим фактором, вызывающим джуты, являются сильные снегопады и метели. Средняя продолжительность метелей в течение года составляет 300–450 часов в Северном и Центральном Казахстане и 1–5 часов в Южном (Климат Казахстана, 1959. С. 328, 355–357; Федорович, 1973. С. 216 и др.).

Следствием засушливости, неравномерности сезонного распределения атмосферных осадков, бедности почвенных ресурсов, слабой обводненности, атмосферной засухи, промерзания почвы, сильных ветров, солнечной радиации, наличия огромных песчаных массивов является крайне низкая кормовая продуктивность растительного покрова. По мере аридизации природно-климатических условий и увеличения сухости воздуха производительность травостоя уменьшается с севера на юг и составляет в пустынной зоне 0,5–3,5 ц/га, в полупустынной – 2–3,5 ц/га, в степной и лесостепной – 3,5–12 ц/га. В горной и предгорной полосе продуктивность растительного покрова увеличивается: до 2,5–5 ц/га в зоне пустынных предгорий, до 3–17 ц/га в степных предгорьях и до 8–25 ц/га в горных и высокогорных районах Казахстана.

В видовом отношении в регионе преобладают мезофиты (48,9%), ксеромезофиты и мезоксерофиты (31,3%), ксерофиты (9,4%). В пустынной зоне наиболее распространены ксерофиты, псаммофиты и галофиты, приспособленные к жизни в условиях минимального водообеспечения. В степной – ксерофиты и мезофиты.

Для растительного покрова Казахстана характерны сезонная продуктивность, обусловленная различиями в продолжительности вегетационного периода, зональность и т. п. Так, например, развитие эфемеров и эфемероидов определяется увлажнением в зимний и ранневесенний периоды, в результате чего они достигают 100-процентной продуктивности весной и 50–60-процентной летом. Полынные же формы растительности достигают максимума продуктивности лишь к середине осени и наиболее поедаемы для скота становятся после осенних заморозков, когда улетучиваются их эфирные масла. Солянки идут в корм скоту только в осенне-зимний сезон, в то время как растительность песков пригодна для выпаса в течение всего года, но ее использование, в основном, приходится на тот период, когда другие пастбища бескормны.

Весна является временем наивысшей урожайности большинства злаковых травостоев, которые потребляются преимущественно в летний период. Осенью наступает время поедания полыней и большинства солянковых, а в степной зоне – злаков осенней вегетации. Зимой возрастает относительная поедаемость солянковой и полынной растительности, а также тростниковых зарослей (Казахстан, 1950. С. 224–241; *Соболев*, 1960. С. 10–14; Казахстан, 1969. С. 222–248; *Федорович*, 1973. С. 212–217; *Быков*, 1983 и др.).

Наряду с этим для растительного покрова характерны весьма значительные колебания урожайности, в частности в полупустынях в пределах 1:5,4 на песчаных пастбищах и 1:40 для разнотравья, в пустынях на песчаных пастбищах в пределах 1:5 и для однолетнего разнотравья 1:60. Такие значительные колебания продуктивности растительного покрова нередко влекут за собой губительные последствия для скотоводческого хозяйства (*Федорович*, 1973. С. 216–217 и др.).

* * *

Таким образом, географические условия Казахстанского ареала характеризуются повышенной величиной солнечной радиации, засушливостью и резко выраженной арид-

ностью, континентальностью, посезонной дифференциацией климата, его многолетней изменчивостью, бедностью водных и почвенных ресурсов, дефицитом атмосферных осадков, что в свою очередь ведет к крайне скудному растительному покрову, резкому колебанию его урожайности, посезонно-зональным особенностям вегетации, разреженности и низкой кормовой продуктивности пастбищного травостоя. Вследствие этого данная зона представляет собой очень хрупкую экосистему, обладающую повышенной чувствительностью к внешним воздействиям и хозяйственной деятельности человека. В результате освоения человеком аридной зоны Евразии была выработана особая форма социокультурной адаптации и природопользования – *кочевое скотоводческое хозяйство*.

2.2. КОЧЕВОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАЗАХСТАНА

Основное население Казахстана в XVI – начале XX в. составляли *казахи*, один из крупнейших кочевых и тюркоязычных народов Евразии. Из-за отсутствия аутентичных и репрезентативных исторических источников реальная и достоверная история казахов в XVI – начале XVIII в. практически нам неизвестна и едва ли может быть полноценно реконструирована в полном объеме. Начиная со второй трети XVIII в., с появлением значительного массива русских письменных источников, ситуация кардинально меняется. Казахи перестают быть *terra incognita* и с этого времени получают достаточное представительство в исторических источниках. Благодаря этому обстоятельству казахи как субъект исторического процесса становятся известными миру и именно с этого времени они становятся объектом исторического внимания, а позднее и научного изучения (*Масанов*, 1966 и др.).

Численность казахов в пределах территории современного Казахстана, согласно материалам едва ли не единственного по настоящему достоверного источника Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., составляла 3 392 751 чел. (81,7% общей численности населения

края). В Уральской области насчитывалось 460 173 чел. казахского населения, Тургайской – 410 904 чел., Акмолинской – 389 204 чел., Семипалатинской – 604 564 чел., Семиреченской – 515 001 чел., Сырдарьинской области – 741 811 чел., Мангышлакском уезде Закаспийской области – 63 795 чел., Внутренней орде Астраханской губернии – 207 299 человек.

Помимо этого значительные группы казахского населения проживали за пределами современной территории Казахстана. На севере Казахстана они локализируются по всему периметру российской границы – в Омском уезде Акмолинской области – 38 185 чел. (37,9% от всего населения уезда), Томской губернии – 24 643 чел. (1,2%), Тюкалинском уезде Тобольской губернии – 5148 чел. (2,4%), Астраханском уезде – 7204 чел. (3,2%), Красноярском уезде Астраханской губернии – 28 786 чел. (43,6%), Новоузенском уезде Самарской губернии – 6692 чел. (1,6%) и т. д.

На юге Казахстана, согласно материалам переписи 1897 г., они проживали в Ташкентском уезде – 163 105 чел. (36,3%) и Амударьинском отделе Сырдарьинской области – 47 145 чел. (24,2%), Красноводском уезде Закаспийской области – 10 394 чел. (19,3%), а также в Джизакском – 51 511 чел. (23,1%) и Ходжентском уездах – 11 465 чел. (6,1%) Самаркандской области, Пишпекском и Пржевальском уездах Семиреченской области и Андижанском – 123 382 чел. (34,2%), Маргеланском – 43 717 чел. (13,5%) и Наманганском уездах Ферганской области – 20 700 чел. (5,6%) (подробнее см.: *Хозяйство казахов...*, 1980. С. 14–27; *Алексеевко*, 1981; *Бекмаханова*, 1980; *она же*, 1986; *Масанов*, 1993. С. 104 и др.).

В городах проживало всего лишь 1,1% казахского населения, удельный вес оседлого населения был также крайне невелик. Так, например, в Кустанае по материалам переписи 1897 г. проживало всего лишь 463 казаха, Актюбинске – 96, Иргизе – 544, Тургае – 249, Форте Александровском – 327, Омске – 505, Акмолинске – 3020, Атбасаре – 232, Кокчетаве – 800, Петропавловске – 2201, Уральске – 499, Илецке – 35, Гурьеве – 2112, Калмыкове – 202, Темире – 166, Семипалатинске – 8873, Зайсане – 1614, Кокпекты – 787, Каркаралин-

ске – 2765, Павлодаре – 1335, Усть-Каменогорске – 656, Верном – 1869, Джаркенте – 199, Копале – 2093, Лепсы – 450, Пишпекке – 666, Пржевальске – 1366, Аулие-Ате – 589, Казалинске – 3358, Перовске – 2253, Чимкенте – 451, Туркестане – 1415, Ташкенте – 1911, Петро-Александровске – 61 казах и т. д. Абсолютно наибольшая часть казахов занималась скотоводческим хозяйством и вела кочевой образ жизни.

Характерной особенностью всех кочевых народов, в том числе и казахов, является сложная и широко разветвленная «родоплеменная» структура, охватывающая практически весь социум. Общество дробилось на множество иерархически организованных «племен», «родов», групп и более мелких подразделений и ответвлений, взаимосвязанных друг с другом сложной системой общественных отношений и традицией единого генеалогического древа (см. подробнее 6.2 и др.).

Казахи подразделялись на Старший, Средний и Младший жузы, каждый из которых имел свою специфичную и широко разветвленную «родоплеменную» организацию (*Аристов*, 1896; *Тынышпаев*, 1925; *Аманжолов*, 1959; *Востров*, *Муканов*, 1968 и др.). Первое упоминание о казахских жузах в исторических источниках относится к началу XVII в. (МИКХ. С. 242–243). Основой данного разделения казахов на три территориальных части стала, по-видимому, специфика хозяйственно-культурного и исторического процесса, протекавшего в трех ареалах, возникших в связи с естественным делением территории Казахстана на три географических части: Семиречье, Западный и Центральный, включая Северный и Восточный Казахстан (*Асфендияров*, 1935. С. 82; *Юдин*, 1983. С. 148 и др.).

Старший жуз (Ұлы жуз)

Казахи Старшего жуза традиционно занимали территорию Семиречья, в частности бассейна реки Или и ее многочисленных притоков, предгорья Джунгарского и Заилийского Алатау, Киргизского хребта и Каратау, междуречья Чу и

Таласа, а также районы верхнего и среднего течения Сырдарьи. Зимние пастбища в основном находились в равнинной части региона в песках, предгорных и речных долинах, низкогорных районах с пересеченным рельефом местности. Летние – при вертикальном кочевании – в горных и высокогорных районах Джунгарского Алатау и западных отрогов Тянь-Шаня, а при меридиональном кочевании по речным долинам и озерам на севере региона (МОТ. Т. II–IV и др.).

Казахи Старшего жуза по всей территории своего расселения в основном занимались кочевым скотоводческим хозяйством. В речных долинах, оазисах и на предгорных равнинах, сравнительно хорошо обеспеченных водными источниками разнообразного происхождения и атмосферными осадками, ими наряду со скотоводством практиковалось поливное земледелие и в том числе с помощью ирригационных сооружений (подробнее см. МОТ. Т. II–IV и др.).

Впервые Старший жуз как особое этнотерриториальное образование упоминается в исторических источниках в начале XVII столетия (МИКХ. С. 242–243). Племена казахов Старшего жуза, собирательно называемые этнонимом «уйсунь», нередко отождествляются с «усунями» древнекитайских династийных хроник. Эта гипотеза, выдвинутая впервые, кажется В. В. Григорьевым, еще в середине XIX в., получила затем широкое распространение в работах по этнической истории Южного Казахстана и более всего в советский период (Григорьев, 1871. С. 148; Аристов, 1894. С. 463–464; Чулошников, 1924. С. 105; Тынышпаев, 1925. С. 4–5; Вяткин, 1941. С. 100; Бернштам, 1949. С. 63; Адильгиреев, 1951. С. 85; Аманжолов, 1959. С. 30; Востров, Муканов, 1968. С. 29–31; Кузеев, 1974. С. 260–261; Пищулина, 1977. С. 242 и др.).

Однако этот тезис, основанный лишь на кажущемся созвучии этнообозначений, не имеет под собой никаких оснований не только потому, что между функционированием обоих этнонимов лежит огромная временная пропасть в полтора тысячелетия, но и по лингвистическим причинам. Дело в том, что древнекитайская транскрипция 'у-сунь' в

оригинале звучала как 'o-swдан' или 'uosuан' (Зуев, 1967. С. 5; Гафуров, 1972. С. 131 и др.). Поэтому скорее всего правы те авторы, которые настаивают на том, что казахский этноним «уйсунь» не имеет абсолютно никакого отношения к древнему термину 'у-сунь' (Бартольд, 1963. Т. II. Ч. I. С. 30. Примеч. 26 и др.).

Видимо, казахский этноним «уйсунь» гораздо более позднего происхождения и скорее всего восходит к монгольскому этнониму «ушин»/«хушин», широко известному в связи с разделением Чингиз-ханом своего наследства между своими сыновьями. Как известно, старший сын Чингиз-хана Джучи-хан получил в наследство от своего отца четыре тысячи воинов, две тысячи из которых и правый фланг его войска составляли воины племени хушин (Рашид-ад-Дин, 1952. С. 274 и др.). В свое время первым на это обратил внимание Н. А. Аристов, который вполне справедливо заметил, что казахские уйсунь – «это след монгольского рода "уйшин"» (Аристов, 1894. С. 425). Тем более, что большинство этнонимов казахских родов Старшего жуза, имеющих аналогии в этнообозначениях средневекового периода, явно монгольского происхождения (дулат, жалаир и др.).

В последующее время племя под названием уйсунь входило в состав узбеков Дашт-и Кыпчака (Семенов, 1954. С. 24) и, видимо, в эпоху завоевательных походов Мухаммад Шейбани-хана оно в общем движении узбеков в Мавераннахр выдвинулось на юг и юго-восток Казахстана. Здесь оно могло захватить политическую гегемонию среди местных племен номадов. Именно тогда в XVI в. уйсунь, по-видимому, и передали согласно общекочевой традиции свое имя всем зависимым племенам и родам.

Основными же насельниками территории расселения казахов Старшего жуза в средневековый период несомненно были кочевники, входившие в состав улуса Чагатая, а после его распада – в состав Моголистана. В восточных нарративах того времени неоднократно зафиксирован родоплеменной состав могольских племен. В их состав вхо-

дили следующие племена: кераит, канглы, аркануд, сулдуз, доглат, чорас, курлагут, карлук, итарчи, кончи//сагрычи, кушчи, байрин, калучи, булгачи, арлат, барлас, дохтуй, йарки, ордабеги, мекрит, шункарчи, нарин, долан, балыкчи, татар, туркат, хибат, узбек, даруга, куканут, кай, кадак, нойгут и др. (Юдин, 1965 и др.).

Однако не все из этих племен стали предками казахов Старшего жуза, поскольку часть из них проживала за пределами территории Юго-Восточного Казахстана в Джунгарии и Восточном Туркестане. Так, например, племя чорас в основном обитало на востоке Моголистана за пределами Семиречья (*Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас*, 1976 и др.). При этом значительная часть могольских племен в своих завоевательных походах покинула территорию Моголистана (Юдин, 2001. С. 96, 107, 132–135 и др.).

В процессе казахизации Южного и Юго-Восточного Казахстана, начавшейся, по-видимому, в 60-х гг. XV столетия и продолжавшейся вплоть до рубежа XVI–XVII вв., могольские племена постепенно потеряли свое политическое влияние и уступили его узбекско-казахским племенам. Более того, не исключено, что некоторые племена могли поменять свои этнообозначения и приобрести абсолютно новые имена.

В период джунгарской экспансии на запад казахи Старшего жуза вели многолетнюю борьбу за свои пастбищные угодья и, по-видимому, в 80-е гг. XVII столетия полностью утратили свои территории на востоке в Семиречье и были вытеснены далеко на запад в Присырдарьинский регион. Так, в частности в 1697 г. исторические источники сообщали, что границы калмыков «...смежны с западной стороны с народами с Казачьею Ордою по Талаш и по Чуйскую рекам и чрез камень Улутау...» (Гольденберг, 1976. С. 232). В первой половине XVIII в., свидетельствуют исторические источники, «...зенгор – кочевали при реке Или и около озера, на их языке называемого Балхаш-нур, лежащего под 48 градусом северной широты, в которое впадает река Или, и имели своих ханов и владельцев самовластных...» (Бакунин, 1995. С. 21).

Народные легенды и предания полны свидетельств о героической борьбе казахов с джунгарами. Только после разгрома джунгаров Цинским Китаем казахи Старшего жуза возвращаются на свои исконные земли в Юго-Восточный Казахстан и со второй половины XVIII в. заново осваивают регион Семиречья и более того постепенно продвигаются еще дальше на восток во Внутреннюю Азию. Исторические свидетельства середины XVIII в. (1748 г.) сообщали, что «в Большой орде ханов выбирают...; а хан у них жительство имеет в Ташкенте; а ныне у них хана нет и ханы у них не наследные, но выборные, а потому и прежних ханов никто не знает, понеже у них письменно гисторей не имеется» (КРО, 1961. С. 408).

Согласно казахским генеалогическим преданиям, мифологическим первопредком, основателем Старшего жуза, ошибочно называемого в русской дореволюционной и зарубежной литературе «Большой ордой» и нередко отождествляемого с кыргызами, являлся старший сын легендарного прародителя всех казахов Алаша или Котана – Уйсунь, Майкы, Байшора, Акарыс и т. д.

Родоплеменной состав казахов Старшего жуза практически во всех источниках, начиная со второй четверти XVIII в. и вплоть до начала XX в., представлен весьма противоречиво и далеко неадекватно. Самое раннее свидетельство М. Тевкелева от 1748 г. сообщает нам, что «в Большой орде десеть родов, все генерально называются Оуйсюн, а от онаго звание разделилось и имянуются, а имянно: Ботбой оуйсюн, Черм оуйсюн, Джанес оуйсюн, Сикам оуйсюн, Адбансуван оуйсюн, Сары оуйсюн, Слы оуйсюн, Чанечклы оуйсюн, Канлы оуйсюн, Чалаер» (КРО, 1961. С. 407; Из истории Казахстана..., 1938. Т. 2. С. 156).

П. И. Рычков в 1759 г. дал следующее описание казахов Старшего жуза: «Сия орда, по ныне за особливых своих владельцев признает одного хана, именуемаго Аувбасар и сына его Аблязи салтана. Ныне она людомством нижеписанных двух орд гораздо менее и убожее. Знатнейшие в ней роды: 1) Янышский (жаныс. – Н. М.), 2) Зыкымской (сей-

кым. – Н. М.) (при сих находится помянутый Авбасар-хан), 3) Чимарской (шымыр. – Н. М.), 4) Зюнской (уйсунь. – Н. М.), 5) Калынской (канлы. – Н. М.), 6) Чаны-Чидынской (шанышкылы. – Н. М.), 7) Абман-Суинской (албан-суан. – Н. М.), 8) Слыннской (ысты. – Н. М.), и при сих означенной Аблязисалтан владельцем находится» (Рычков, 1896. С. 71. § 146).

Исторические источники начала XIX в., в частности «Описание родов Большой орды» (1825 г.), свидетельствуют, что «киргизы Большой орды все вообще именуются юсунцами. Они делятся на пять родов, которые называются следующими именами: 1) Дулат, 2) Албан, 3) Джалаир, 4) Чапрашты, 5) Суан» (КРО, 1964. С. 223).

По данным Ч. Ч. Валиханова у Тобя был сын Уйсун, у которого, в свою очередь, было четыре сына – Коелдер, Мекрен, Майки и Когам. От Коелдера происходит Катаган, от Мекрена – Джалаир, от Майки – Абак и от Когамы – Канлы. От Абака ведут свое происхождение ысты, байдабек, шапырашты и ошакты. Сыновьями Байдабека были Сары-Уйсунь и Джаршак, от которого происходят албан, дулат и суван (Валиханов, 1961. Т. 1. С. 539).

Во второй половине XIX в. Е. Смирнов сообщал, что казахи Старшего жуза подразделяются на две ветви: уйсунь и дулат. В составе уйсуней указаны следующие рода: сары-уйсунь, сыргели, тарак, ысты, ошакты, оймаут, шапырашты, суан, абдан и катаган, а в составе дулатов: шымыр, шанышкылы, жаныс, канглы, жалаир, ботпай и сейкым (Смирнов, 1887. С. 318–319).

Еще более своеобразную структуру казахов Старшего жуза дал В. В. Радлов. Старший жуз, по его данным, подразделяется на «восточную и западную ветви (крылья)». «Восточный фланг от китайской границы до Исиккёля составляют роды суан и абдан...; западный фланг – сихым у Чемкенда, джамыс, темир, шымыр ботпай у Аулиеты, кур улус (люди бия Идеге), беш-тенг-бала..., сиргели, ысты, отакчы, джалаир, шаппас у Ташкенда. Встречаются и крепостные султанов: каракалпак, тюрюкпен, кангды и телёнгут» (Радлов, 1989. С. 111; он же, 1929. С. 21–22).

Генеалогические предания казахов, записанные выдающимся исследователем казахской этнографии Г. Н. Потаниным, гласят, что у прародителя казахов Старшего жуза Уйсуня было два сына Абак и Тарак (Потанин, 1883. С. 14). У Абака по одним источникам было три сына – Дулат, Албан и Суан, по другим – четыре, с добавлением Сары-Уйсуня. К ним присоединились еще четыре племени, происходившие от токал (второй жены), – шапырашты, ошакты, ысты и сыргели. От Тарака происходят жалаиры. А канглы и шанышкылы являются пришельцами, «влазниками» (*керме*) (Потанин, 1917. С. 56, 60, 61).

Согласно обобщенным народным преданиям (*шежере*) казахи Старшего жуза подразделялись на следующие родоплеменные группы: жалаир (*jalair*), ошакты (*oshakty*), дулат (*dulat*), канлы (*kanly*), сары-уйсунь (*sary-uissun*), шапырашты (*shaprashty*), шанышкылы (*shanyshkly*), сыргели (*syrgeli*), ысты (*yssty*), албан (*alban*) и суан (*suan*). Невыяснено место в составе казахов Старшего жуза катаганов (*kataghan*), бес-тамгалы (*besstamgaly*) и ряда других родовых групп.

Также не совсем ясна иерархическая структура казахских родоплеменных групп Старшего жуза. Но важный интерес в этой связи представляет замечание А. А. Черновского, который обследовал систему расселения казахов по бассейну реки Чу. «Расселение родов по течению реки Чу, – пишет он, – дает такую картину: выше всех расположена Большая орда, далее Средняя и ниже всех Малая. В пределах каждой орды старшие рода сидят выше по течению реки, чем младшие» (Черновский, 1915. С. 14). Возможно, действительно, субординированный порядок старшинства казахских родов определялся характером их территориального расселения, что было прямым следствием их военно-политического доминирования и возникшей на этой основе системы иерархических взаимоотношений. Скорее всего военно-политическое доминирование одних родоплеменных групп над другими осмысливалось и мифологизировалось в категориях и принципах генеалогического родства.

Источники начала XIX в. сообщают нам, что численность казахов Старшего жуза составляла 70 тыс. семей (Гавердовский, 1803. Л. 59 об.; Сласский, 1820. Ч. IX. Кн. 2. С. 87; МИКССР, 1940. Т. IV. С. 512 и др.). Ю. Гагемейстер в середине XIX в. оценивал их численность в 200 тыс. человек (Гагемейстер, Ч. II. 1854. С. 10). В конце того же столетия Н. А. Аристов полагал, что численность казахов Старшего жуза достигала 110 тыс. кибиток (Аристов, 1894. С. 400; он же, 1896. С. 353). Явно преувеличенными представляются подсчеты М. Тынышпаева, который дает цифру в 1200 тыс. человек (Тынышпаев, 1925. С. 63).

На самом деле численность казахов Старшего жуза на рубеже XIX–XX вв. в пределах современной территории Казахстана на основе анализа аутентичных источников может быть примерно оценена в 680–700 тыс. чел., в частности дулатов – в 200 тыс. чел., жалаилов – 100 тыс., ошакты – 15–20 тыс., албанов – 110–120 тыс., сары-уйсуней – 10 тыс., шапырашты – 55 тыс., сыргели – 35–40 тыс., ысты – 60–65 тыс., суанов – 30–35 тыс., шанышкылы – 10 тыс. и канлы – 50 тыс. человек.

Правомерность цифры численности казахов Старшего жуза в 650–700 тыс. чел. подтверждается и материалами Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., которая зафиксировала на территории их проживания в Верненском, Копальском, Джаркентском, Аулиеатинском и Чимкентском уездах 834 586 чел. (Хозяйство казахов..., 1980. С. 16–17 и др.). Если от этой цифры отнять число казахского населения, которое проживало на территории указанных уездов и относилось к Среднему и Младшему жузам, то мы получим искомое число.

Присоединение казахов Старшего жуза к России произошло в середине XIX в. Первоначально здесь было образовано в 1848 г. особое управление, которое осуществлял так называемый «пристав» при киргизах Большой орды. В 1856 г. на месте данного приставства создается Алатавский округ. В 1854 г. часть казахов Старшего жуза, проживавшая в северном Семиречье, вошла в состав Копальского

округа. Реформами 1867, 1886 и 1891 гг. казахи Старшего жуза образовали в составе Российской империи Копальский, Верненский и Джаркентский уезды Семиреченской области и Чимкентский и Аулиеатинский уезды Сырдарьинской области (КРО, 1964. С. 334–336, 491–495; МИПС, 1960. С. 282–283, 352, 387 и др.).

Уран (боевой клич) казахов Старшего жуза – *бахтияр* (Валиханов, 1961. Т. 1. С. 543; Гродеков, 1889. Прилож. 1. С. 2).

Уран группы абак – *акшабдар*, группы тарак – *коблан* (Потанин, 1917. С. 58 и др.).

Дулаты

Они были широко расселены на значительной территории Старшего жуза. Места их кочевий простирались в широтном направлении от среднего течения Или до Чу, Таласа и дальше вдоль предгорий Киргизского Алатау и Каратау до среднего течения Сырдарьи, а в меридиональном – от хребтов западных отрогов Тянь-Шаня до среднего течения Чу, Муюнкумов и южной оконечности озера Балхаш (Гавердовский, 1803. Л. 59 об.; Абрамов, 1867. С. 267–268; Востров, Муканов, 1968. С. 124, 126, 127, 153–155, 158–159 и др.).

Происхождение дулатов многими авторами связывается с восточной частью западных тюрок, известной в древнекитайских хрониках под именем «дулу» (Аристов, 1894. С. 461–463). С этой точкой зрения невозможно согласиться, поскольку древняя китайская транскрипция 'дулу' в оригинале соответствовала этнообозначению 'туглук' (tuet-liuk), что конечно же не может быть сопоставлено с этнонимом «дулат».

Сближение терминов 'дулу' и 'дулат' такой авторитетный исследователь как В. В. Бартольд назвал «совершенно невыносимым». «Название этого поколения до XVI в. включительно писалось дуглат; эти дуглаты, которые еще в XIII в. были ближайшими соседями живших на Селенге тайджитов и которых Рашид ад-Дин считал чистыми монголами, едва ли имеют что-нибудь общее с тюркскими дулу» (Бартольд, Т. V. С. 270), – писал в свое время выдающийся российский востоковед.

Таким образом, совершенно очевидно, что племенное название *дулат* напрямую восходит к монгольскому этнониму «доглат» (*duklat*). Доглаты были одним из самых близкородственных племен к роду Чингиз-хана, они происходили от потомков легендарной прародительницы монголов Алан-Гоа (*Alan-goa*), входили в племенное объединение 'нирун' и сыграли важную роль в политическом возвышении Чингиз-хана (*Рашид-ад-Дин*, 1952. С. 30, 87–88).

Во второй половине XIV в., пишет В. В. Бартольд, «дуглаты появляются в Средней Азии как весьма знатное племя, представители которого занимали выдающееся положение как в государстве Тимура и его преемников, так и в восточных областях бывшего государства Чагатая... Еще могущественнее были дуглаты в нынешнем Китайском Туркестане, где они господствовали на обширной территории в качестве князей, а иногда управляли всем государством как регенты и могли по своему желанию возводить на трон и низлагать принцев царствующей династии» (*Бартольд*. Т. V. С. 529–530).

В последующее время дулаты в форме 'доглат' упоминаются в составе племен Моголистана (*Юдин*, 2001. С. 75; *Пищулина*, 1977. С. 42–45 и др.). «Доглаты, – пишет известный казахстанский востоковед В. П. Юдин, – принимали активное участие в политической жизни Моголистана и были одним из его могущественных племен» (*Юдин*, 2001. С. 75). В разное время доглаты играли чрезвычайно важную роль в политической жизни Кашгара и Хотана, на границе Андижана и Ферганы, в Хисаре и, возможно, других районах Средней Азии (*Губарева*, 1980. С. 232.).

Вследствие этого, как нам представляется, совершенно закономерно, что дулаты вошли в состав казахов Старшего жуза и стали одним из влиятельнейших и многочисленных племен данного этнотерриториального объединения. Помимо этого, по данным А. Макшеева, дулаты с ветвью уйсунь упоминаются в составе полуоседлой тюркоязычной группы *курама*, локализуемой в Кураминском уезде (*Макшеев*, 1871. С. 37–38; *Аристов*, 1896. С. 388), а также в составе туркмен (*Галкин*, 1868. С. 6).

Численность. По своей численности дулаты были крупнейшей родоплеменной группой Старшего жуза. Еще в самом начале XIX в. их примерная численность оценивалась Я. Гавердовским и другими авторами в 40 тыс. кибиток (*Гавердовский*, 1803. Л. 59; МИКССР, 1940. Т. IV. С. 512; *Спаский*, 1820. Ч. IX. Кн. 2. С. 86 и др.). На середину того же столетия численность дулатов определялась уже в 37 672 кибитки (*Востров*, *Муқанов*, 1968. С. 24.). В конце XIX в., по данным Н. А. Аристова, их численность составляла 40 тыс. кибиток (*Аристов*, 1894. С. 400; *он же*, 1896. С. 352.).

В этой связи явным преувеличением являются цифры, содержащиеся в работе М. Тынышпаева, который оценивал численность дулатов на начало XX в. в 460 тыс. чел., в том числе в Чимкентском уезде в 140 тыс. чел., Аулиеатинском – 140 тыс., Верненском – 100 тыс. и Пишпекском уездах – 80 тыс. человек (*Тынышпаев*, 1925. С. 63; *он же*, 1926а. С. 13). Анализ более достоверных данных не подтверждает цифры, которые приводятся в работе М. Тынышпаева.

Так, согласно официальным данным российской администрации, в 1856 г. в состав только созданного тогда Алатавского округа было зачислено 9500 кибиток дулатов (*Толочко*, 1978. С. 45). Несколько позднее Н. А. Абрамов отметил, что в окрестностях Алматы в середине 60-х гг. XIX в. проживало 6672 кибитки дулатов (*Абрамов*, 1867. Т. I. С. 268). По данным А. Макшеева в Чимкентском округе в этот же период числилось 4800 кибиток дулатов, Аулиеатинском – 7850 кибиток, Ташкентском – 380 кибиток, Верненском – вместе с шапырашты 12 096 кибиток дулатов (*Макшеев*, 1871. С. 38–39; *Радлов*, 1989. С. 114. Подсчет мой. – Н. М.).

В начале 70-х гг. XIX в. «Материалами для статистики Туркестанского края» в Верненском уезде было зафиксировано более 7840 кибиток дулатов (40,4% от всего населения уезда) (См.: МСТК, 1872. С. 164–166. Подсчет мой. – Н. М.), Токмакском – 5250 кибиток дулатов (МСТК, 1872. С. 173–175. Подсчет мой. – Н. М.) и в Аулиеатинском уездах – 11 902 кибитки или же 59 510 казахов рода дулат (46,89% всего населения уезда) (*Логинов*, 1872. С. 82, 84, 90, 92).

Подсчет мой. – Н. М.). В конце 80-х гг. того же столетия в Чимкентском уезде, по данным Н. И. Гродекова, числилось 8824 кибитки казахов рода дулат (Гродеков, 1889. С. 17–19. Подсчет мой. – Н. М.). В итоге на этот период их общая численность составляла, по-видимому, почти 35 тыс. кибиток.

В начале XX столетия по данным Д. Федорова на 1 января 1908 г. в Пишпекском уезде насчитывалось 43 546 казахов рода дулат (Федоров, 1910. С. 109. Подсчет мой. – Н. М.), в Верненском уезде – более 61 тыс. дулатов (там же. С. 106. Подсчет мой. – Н. М.), а всего в Семиреченской области – более 104 600 чел. (там же. С. 106. Подсчет мой. – Н. М.). В 1913 г. в районе реки Чу и в низовьях Таласа было зафиксировано 2457 хозяйств казахов рода дулат (Черновский, 1915а. С. 14). «Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области», собранные под руководством П. П. Румянцева, засвидетельствовали, что численность дулатов в Верненском уезде в начале XX в. составляла 10 834 кибитки (МОТ. Т. IV. Ч. II. С. 48–68, 72–82, и др. Подсчет мой. – Н. М.).

Таким образом, казахи рода дулат составляли значительную часть казахского кочевого населения во всех трех южных уездах Казахстана – Верненском, Аулиеатинском и Чимкентском, а также в сопредельных уездах нынешнего Кыргызстана. Общая численность дулатов в конце XIX – начале XX в. составляла не менее 200 тыс. чел. и даже могла достигать до 220–230 тыс. человек.

Генеалогия. Дулаты подразделялись на четыре крупные родовые группы: ботпай, шымыр, сейкым и жаныс (Абрамов, 1867. С. 267). Правда, отдельные генеалогические предания включают в состав дулатов дополнительно еще сары-уйсуней, ысты, шапырашты и другие группы родов (Зибберштейн, 1936. С. 234; Гавердовский, 1803. Л. 59; КРО, 1964. С. 223, 305; Валиханов, 1961. Т. 1. С. 540–541 и др.), но эта информация, как правило, не подкрепляется современными казахскими шежере. Хотя совсем не исключено, что в позднесредневековую эпоху все вышеперечис-

ленные группы могли какое-то время находиться в орбите влияния дулатов либо вообще могли быть их составной частью, которая позднее отделилась от них.

Сейкым, по данным Южакова, подразделялись на следующие родовые группы: косийрек, шуулдак, тоготай и борас, а по спискам Алатавского округа на – кара-койлы, ак-койлы, косийрек и шуулдак (Аристов, 1894. С. 396). По Н. А. Абрамову сейкым распадался на пять родов: каракойлы, аккойлы, кусайрык, шуулдак и биглан (Абрамов, 1867. С. 267).

Более полные сведения, судя по всему, содержатся в работе М. Тынышпаева, который дает следующую структуру сейкым: борас (кара-койлы), тоготай, буас, шуулдак (байсеит), косайрык (токсеит), акылбек, куттыбай, ак-койлы (есбол, ескельды и кара) (Тынышпаев, 1925. С. 65). К. Жунисбаев говорит о следующих подразделениях внутри рода сейкым – кусирак, аккойлы, каракойлы, капал (Жунисбаев, 1962. С. 159).

Именно сейкым, пишет Н. А. Абрамов, проживали в районе Алматы. «Прочие же три главные роды дулатов, то есть будбай, чимыр и джаных, со своими разными подразделениями, кочуют далее Алматы к Ташкенту и по другую сторону к Копалу на правой стороне р. Или в разных местах... Весь же род сейкым имеет кочевки зимние и летние в горах Алатау, в ущельях р. Тургеня, Иссыка, Талгара, Биль-Булака, Кутурбулака, Алматы, Каскелена, Каргалов, Чемолгана, Узун-Агача, Каракастека и далее» (Абрамов, 1867. С. 268).

Ботпай, по данным Н. А. Аристова, состоял из двух родовых групп – кудайкул и шагатай. Кудайкул имели в своем составе следующие рода – бес-турсук, алим-жаныс, кудайкул и сиырши, а шагатай – есенбай, жан-койлык, асантайляк, акша, коджай, бийдас и куралыс (Аристов, 1894. С. 395. Примеч. 3). Ботпай, по М. Тынышпаеву, подразделялись на кудайкул (тортарыс), шагай (алты-арыс), бидас и королаз (Тынышпаев, 1925. С. 65).

Шымыр, по данным Южакова, разделялись на родовые группы – шинкожа и бекболат. В свою очередь, шинкожа делились на темир и шокай, а бекболат – на клыш, шил-

мамбет и бок-кайнат (Аристов, 1894. С. 396. Примеч. 1). По другим данным шымыр разделялись на кунту, самбет и кокрек (*там же*). М. Тынышпаев дает весьма похожий состав казахов рода шымыр – бекболат, шинкожа и темир (Тынышпаев, 1925. С. 66). К. Жунисбаев говорит о четырех ветвях внутри рода шымыр – кокирек, самбет, бестерек и кунту (Жунисбаев, 1962. С. 159).

Когда Кенесары Касымов в середине 40-х гг. XIX в. двинулся в Южный Казахстан, то «колени чемыр с Байзаком-датхою, Бельходжа-бием и Медеу-бием, колени сейким с Худайбергенем-датхою, колени ботпай с Сыпатай-батыром и Андес-батыром, колени шапырашты с Саурык-батыром, начальствовавший над дулатами тюре Рустем-султан и прочие начальники дулатов явились с подарками и с изъявлением покорности» (Кенесарин, 1992. С. 21).

Жаныс, по данным Н. А. Аристовой, дифференцировались на следующие родовые группы – жарылкамыс, жанту, жанташ, жаилмыс, баис, караман, капал, отемис, торткара и шегыр (Аристов, 1894. С. 396–397), у Южакова названы еще богожалы, акпай-кудай, олжанкул и отебай-толе (*там же*. С. 397. Примеч. 1). Согласно спискам Алатавского округа жаныс подразделялись на жолсеит, жарты, кыбрай и кудайкул (*там же*).

По материалам М. Тынышпаева, в их состав входили следующие роды: жарылкамыс, шегыр, отей, жалмамбет (бокейжайлы), жанту, оймаут, жантан (Тынышпаев, 1925. С. 66). По данным К. Жунисбаева, у основателя рода жаныс было три жены. От старшей жены (байбише) ведут свое происхождение жарылгамыс, жанту и жантак, от второй жены – капал, шегыр, а от третьей жены – оймауыт, бокенши (Жунисбаев, 1962. С. 159).

В исторических источниках содержится интересное сообщение о том, что в начале 1863 г. во время движения кыпчаков против кокандского хана Худояра предводитель рода жаныс Мумин-бек Шойбаков захватил Шымкент (Набиев, 1973. С. 65.).

Общий уран казахов рода дулат – бахтияр. Однако у каждого крупного подразделения дулатов был свой особый боевой клич. Уран казахов рода шымыр – шымыр и койгельды. Уран казахов рода сейкым – сейкым, кызыл и рысбек. Уран казахов рода ботпай – ботпай и самен. Уран казахов рода жаныс – жаныс и толе (Гродеков, 1889. Прилож. 1. С. 3; Аристов, 1894. С. 408; Тынышпаев, 1925. С. 28).

Жалаир

Жалаиры, в основном, локализуются в Семиречье в Копальском уезде, в предгорной зоне юго-западных склонов Джунгарского Алатау, Алтынемеля и Малайсары, междуречье Или и Каратала. Они находились по многочисленным притокам Каратала, в Прибалхашских песках, горах Архарлы. Жалаиры кочевали преимущественно по правому берегу реки Или от урочища Капчагай до гор Архарлы и Малайсары, Ичкеульмес, Мукур и Лабасы, по берегу Балхаша в низовьях рек Биже, Тентек, в песках Бестас, в Прибалхашских песках в районе Баканаса и низовьях Каратала, по юго-западным отрогам Алтынемеля до реки Или, а также в горах Каракой, Буракой, Даулбай и Кайракты. Они кочевали в верховья по правой стороне реки Каратал и по левобережью Каратала, по реке Коксу и озеру Сарыколь. Небольшая часть жалаириков располагалась по левому берегу Или до предгорий Заилийского Алатау и на правом берегу среднего течения реки Чу (Гавердовский, 1803. Л. 50 об.; Спасский, 1820. Ч. IX. Кн. 2. С. 87; Валиханов, 1961. Т. 1. С. 282, 451; Абрамов, 1867. С. 267–273; Аристов, 1894. С. 398; Востров, Муканов, 1968. С. 117–121, 124, 125, 137, 159 и др.). При этом незначительная часть жалаириков проживала в Присырдарьинском регионе.

Согласно казахским генеалогическим преданиям в системе иерархических родоплеменных отношений в Старшем жузе, «род жалаир считается ныне старшим» по праву первородства (Валиханов, 1961. Т. 1, 1961. С. 126, 217; Гродеков, 1889. С. 7; и др.). «Род джалаир считается ныне старшим. На пирах, при подаче кушаньев, спрашивают: есть

ли налицо старший из родов, джалаир»? «Такой почет джалаирам составляет, кажется, особенность побережья средней части Сыр-Дарьи, где, на разгран и между двумя половинами Джагатаева улуса, джалаиры монгольской гвардии начальствовали войсками и пользовались большим значением» (Аристов, 1894. С. 407–408. Примеч. 3).

Происхождение жалаилов большинством исследователей рассматривается в контексте общих процессов этногенеза родоплеменных групп казахов Старшего жуза. Так, известный русский этнограф Н. А. Аристов неоднократно указывал на то, что у жалаилов было общее происхождение с дулатами, киргизами, карлуками и албанами (Аристов, 1894. С. 406–407). Происхождение же самого этнонима *жалаир* однозначно было связано с названием монгольского средневекового племени жалаир (Валиханов, 1961. Т. 1. С. 203; Аристов, 1894. С. 406–407; Тынышпаев, 1925. С. 5–6; Аманжолов, 1959. С. 44–45; Пищулина, 1977. С. 242–243 и др.). Племя *жалаир* (*jalair*), как сообщают генеалогические предания монголов, было *inagan-bogol* и по наследству перешло к Чингиз-хану и его роду *борджигин* (*borjigin*). От них произошли великие эмиры (Рашид-ад-Дин, 1952. С. 19; Владимирцов, 1934. С. 64–68, 89; Кадырбаев, 1993 и др.).

В последующее время, отмечает В. В. Бартольд, жалаиры вошли в состав улуса Чагатая, играли там очень важную роль и пользовались большим влиянием. Они перекочевали из Семиречья в Среднюю Азию во второй половине XIII в. В XIV в. они располагались по бассейну среднего течения Сырдарьи с центром в городе Ходженте. При этом они долго боролись за власть с Тимуром (Бартольд, Т. V. С. 172). Помимо этого они были зафиксированы в «Бабурнамэ», где при личном имени, например приближенных Бабура употреблялось название племени, в частности Касим ишик-ага Джалаир (Губарева, 1980. С. 229, 230).

Этноним «жалаир», по-видимому, также фигурировал в составе западной части улуса Чагатая, позднесредневековых узбеков Дашт-и Кыпчака и Ногайской орды (мангытов) (Султанов, 1977. С. 166, 168, 170; Трепавлов, 2002. С. 500

и др.) Несколько позднее Фирдаус ал-Икбал сообщал, что узбеки Мавераннахра были разделены на четыре группы (тöпä). Он свидетельствует, что «конграты и кыйаты — одно тöпä; джалаиры и али-эли присоединились к кыйатам» (МИКХ. С. 452).

На основании этого можно предположить, что первоначально обитавшие на западе и северо-западе региона в составе улуса Чагатая и узбеков Дашт-и Кыпчака и Мавераннахра, жалаиры в процессе казахизации Южного и Юго-Восточного Казахстана постепенно мигрировали на юг и юго-восток региона и в итоге в XIX в. в составе казахов Старшего жуза заняли крайнюю восточную периферию в предгорьях Джунгарского Алатау. Помимо этого жалаиры упоминаются в составе тюркоязычной группы *курама*, проживавшей в середине XIX в. между Ташкентом и Ходжентом (Радлов, 1989. С. 102).

Численность. Одним из первых А. Макшеев указал, что в Алатавском округе в середине XIX в. насчитывалась 7321 кибитка жалаилов (Радлов, 1989. С. 114). В 80-х гг. XIX в. в Чимкентском уезде было зафиксировано 296 кибиток казахов рода жалаир (Гродеков, 1889. С. 18–19. Подсчет мой. — Н. М.). По другим данным, в низовьях Таласа и по бассейну реки Чу в начале XX в. числилось 734 хозяйства жалаилов (Черновский, 1915. С. 14).

Наиболее достоверным источником начала XX в., «Материалами по обследованию» под редакцией П. П. Румянцева, в Верненском уезде была зафиксирована небольшая группа жалаилов в 112 хозяйств (МОТ. Т. IV. Ч. II. С. 158, 192, 204. Подсчет мой. — Н. М.), тогда как в Копальском уезде ими же было отмечено 20 тыс. хозяйств жалаилов (*там же*. С. 98). Д. Федоров на 1 января 1908 г. оценивал численность жалаилов в Копальском уезде в 86 919 чел. (Федоров, 1910. Ч. 1. С. 107. Подсчет мой. — Н. М.), а их общую численность в Семиреченской области в более чем 86 900 чел. (*там же*. С. 80).

По оценочным данным Н. А. Аристова, примерная численность жалаилов в конце XIX в. составляла 17 000 кибиток (Аристов, 1894. С. 400; он же, 1896. С. 352). М. Тынышпаев,

в свою очередь, в начале XX в. дает явно завышенную цифру их численности в 130 тыс. чел., в том числе в Копальском уезде в 120 тыс. чел. и Аулиеатинском уезде – 10 тыс. человек (Тынышпаев, 1925. С. 63).

Таким образом, общая численность казахов рода жалаир на рубеже XIX–XX вв. составляла примерно около 100 тыс. человек.

Генеалогия. Источники начала XIX в. дают нам следующий состав жалаиров: андас, мурза, кушук, сыирши, кальпе, балгалы, спатай, карашапан, байшыгыр, кайшылы, арыктаным и кыгсылдар (КРО, 1964. С. 224). В 1845 г. с просьбой о принятии их в российское подданство обратились представители следующих родов жалаиров – кушук, мырза, спатай, калка, акбийом, арыктаным, байшегыр, сыирши, карачапан, балгалы (там же. С. 305).

В середине XIX в. Н. А. Абрамов упомянул в составе жалаиров две группы: чуманак и сырманак. Чуманак подразделялись на андас, мурза, карашапан, оракты, акбийом, кальпе и спатай, а сырманак – на арыктаным, байшыгыр, сыирши, балгалы и калшылы, к которым позднее присоединился род кушук (Абрамов, 1867. С. 267–268).

Ч. Ч. Валиханов в несколько более ранний период дал почти идентичную структуру жалаиров, в которой однако отсутствуют оракты (Валиханов, 1961. Т. 1. С. 542). Н. А. Аристов также дал аналогичную данным Н. А. Абрамова структуру жалаиров (Аристов, 1894. С. 397; он же, 1896. С. 352. См. также: Аманжолов, 1959. С. 43 и др.). Н. Балкашин ко всему этому включал в состав жалаиров также еще албанов и суанов (Балкашин, 1887. С. 29), что, возможно, отражает реминисценцию об общности их генеалогического происхождения?

По данным Шакарима жалаиры разделялись на андас, мырза, карашапан, оракты, акбуйым, калпе, сыпатай, арык тыным, сыирши, байшегыр, балгалы, кайшылы и кушик (Шакарим, 1990. С. 67). Но наиболее разветвленную структуру жалаиров дает М. Тынышпаев. Жалаиры, по его данным, распались на три рода: чуманак, сырманак и сииршы. Чуманак подразделялись на оракты, мырза, карачапан, мангытай, ку-

шук, кальпе, акбуйом и супатай, сырманак – на кайчлы, балгалы, арыктным, байшегыр, а сииршы подразделялись на сугур, тогымбет, баимбет и сырмбет (Тынышпаев, 1925. С. 68).

Уран казахов рода жалаир – бахтияр (Валиханов, 1961. Т. 1. С. 540–541; Гродеков, 1889. Приложение 1. С. 2; Аристов, 1894. С. 408; Тынышпаев, 1925. С. 28), коблан (Тынышпаев, 1925. С. 28), борибай (Аманжолов, 1959. С. 13).

Суан

Казахи рода суан (суван) локализуются преимущественно в предгорьях Алтынемеля и юго-восточных склонов Джунгарского Алатау, по правобережью Или от Коктерека на западе до реки Хоргос на востоке, небольшая группа в Присырдарьинском регионе, а также в смежных районах Западного Китая (См.: Гавердовский, 1803. Л. 59 об.; Валиханов, 1961. Т. 1. С. 451; Аристов, 1894. С. 398; Востров, Муканов, 1968. С. 131 и др.).

Происхождение. Согласно казахским народным преданиям прослеживаются близкое родство и общность происхождения албанов и суанов (Из истории Казахстана XVIII в., 1938. С. 156; КРО, 1961. С. 407 и др.). На близость этнонимов «албан» и «суан» указывает и то обстоятельство, что они оба в отличие от других этнонимов заканчиваются аффиксом – *ан*, засвидетельствованным в тюркских языках со значением редкого древнего множественного числа (Цаплин, 1975. С. 105). Важно отметить, что оба этнонима практически не известны за пределами собственно казахского круга этнообозначений, хотя имя суан и было зафиксировано в составе среднеазиатских узбеков (Радлов, 1989. С. 104).

Некоторые исследователи происхождения суанов связывают, основываясь на их гипотетическом родстве с дулатами, с племенами *дулу*, *дуглатами* и *доглатами* подобно тому, как это делается с албанами (Аристов, 1894. С. 401; Аманжолов, 1959. С. 35, 88; Юдин, 1965. С. 59; Востров, Муканов, 1968. С. 46; Пищулина, 1977. С. 238 и др.). Представляется, что это суждение носит научно необоснованный характер, поскольку базируется лишь на воз-

ном созвучии отдельных китайских транскрипций древнетюркских этнонимов с именем 'суан'. Думается, что суан является этнонимом все же более позднего чисто казахского происхождения.

И в этой связи есть смысл рассматривать этноним «суан» в связи с казахским словом 'su' ('вода'), как и часто встречающуюся форму «суван» с древне-уйгурским 'suv', 'sub', орхонским 'sub' (Менгес, 1979. С. 131 и др.). Вследствие этого может быть суан – это племя, живущее у воды? Если это так, то речь должна идти, по-видимому, о большой воде – озере или очень большой реке. В данном случае это может быть либо Сырдарья, либо Или. Упоминание этнонима «суан» в составе узбеков свидетельствует в данном случае в пользу Сырдарьи.

Численность. И. Г. Андреев еще в конце XVIII в. сообщал, что волость байсуан насчитывает 3500 кибиток (Андреев, 1796. Ч. 116. С. 79).

Численность казахов рода суан в конце XIX в., по подсчетам Н. А. Аристовой, составляла 4 тыс. кибиток (Аристов, 1894. С. 400; он же, 1896. С. 352). М. Тынышпаев приводит явно завышенную цифру их численности в 40 тыс. человек, проживавших в Джаркентском уезде (Тынышпаев, 1925. С. 63). При этом частично суаны проживали в китайских пределах, где их численность, по данным М. Венюкова, достигала 2 тыс. кибиток (Венюков, 1872. С. 28. См. также: МСТК. Вып. 1. С. 186 и др.). Такой компетентный автор как Н. Н. Пантусов оценивал численность суанов в Кульджинском крае в 70-е гг. XIX столетия в 9010 чел. (Пантусов, 1881. С. 149).

В начале XX в. Д. Федоров оценивал численность казахов рода суан на 1 января 1908 г. в 23 664 чел. (Федоров, 1910. Ч. 1. С. 108. Подсчет мой. – Н. М.), а всего в Семиреченской области в более чем в 22 000 чел. (там же. С. 80). Таким образом, общая численность суанов в начале XX в. составляла примерно около 30–35 тыс. человек.

Генеалогия. Казахские генеалогические предания начала XIX в. сообщают нам следующий состав суанов: токарстан, байтугай, багыс и жасагыр (КРО, 1964. С. 224), а записанные

в середине того же столетия шежере: байтугай, турдымбет, мурат (там же. С. 305). По материалам Ч. Ч. Валиханова – они подразделялись на байтугай, токарстан и кошкар (Валиханов, 1961. Т. 1. С. 542), по материалам Н. А. Аристовой – на байтугай и токарстан (Аристов, 1894. С. 397), а по данным М. Тынышпаева – на мурат, турдымбет и баубек, объединяемых общим названием токарстан (Тынышпаев, 1925. С. 66).

Уран казахов рода суан – райымбек, байсуан (Гродеков, 1889).

Албан

Самой восточной частью племен казахов Старшего жуза были албаны (адбан, абдан), которые расселялись по южному Семиречью в предгорной полосе юго-восточных склонов Алтынемельского хребта и северных склонов Заилийского Алатау, а также по речным долинам реки Или и ее многочисленных, в основном левых, притоков от Текеса до Чарына на востоке. Незначительная часть албанов локализуется и в Присырдарьинском регионе.

Начиная со второй половины XVIII в., албаны проникают в горные районы Западной Джунгарии (Гавердовский, 1803. Л. 59 об.; Зибберштейн, 1936. С. 235–237, 256; Голубев, 1861. С. 87; Валиханов, 1961. Т. 1. С. 235, 246, 276, 282; Аристов, 1894. С. 398; Востров, Муканов, 1968. С. 128–129, 131–132 и др.). В этой связи М. Ю. Венюков писал, что «адбаны же весьма охотно переходят доныне за границу, в Илийский округ (речь идет о Китае. – Н. М.), и стали особенно склонны к тому со времени возникновения в Кульдже мусульманского владения. Один из адбановских биев, Джитен, составил себе даже известность грабежами в наших пределах, которые он производил из-за границы» (Венюков, 1871. С. 336).

В 1846 г. пограничный начальник «сибирских киргизов» рапортовал генерал-губернатору Западной Сибири, что Кенесары Касымов «...находясь со своими приверженцами на местах между киргизами адбановского и дулатовского родов, запасся значительным продовольствием, закупал у киргизов лошадей (бегунцов) по дорогой цене...» (КРО, 1964. С. 326).

Происхождение албанов неясно, поскольку практически неизвестно сколько-нибудь достоверных и репрезентативных исторических свидетельств об их истории и этногенезе. По мнению ряда исследователей правомерно, базируясь на близком родстве албанов//адбанов с дулатами, связывать их происхождение и этническую историю с племенами *дулу*, *дуглат*, *доглат* (Аристов, 1894. С. 401, 461; Аманжолов, 1959. С. 34; Юдин, 1965. С. 59; Востров, Муканов, 1968. С. 46; Пищулина, 1977. С. 238 и др.). Мы можем лишь еще раз указать на неправомерность связи дулатов с дулу.

Также весьма сомнительной, во всяком случае, в этнолингвистическом плане, представляется попытка В. В. Вострова увязать появление этнонима «албан» с термином 'албату' (Востров, Муканов, 1968. С. 48). Монгольский *albatu* действительно в отношении своего сеньора должен был исполнять и платить повинность 'alban' (подробнее см.: Владимирцов, 1934. С. 164–165 и др.). Но едва ли казахские албаны были как-то связаны с монгольской системой зависимости и налогообложения.

Этноним «албан» не упоминается ни в составе узбеков Дашт-и Кыпчака, ни в составе племен Моголистана, ни в составе Ногайлы, ни в составе улуса Чагатая, ни тем более в составе средневековых кыпчаков. Но интересно, что в составе средневековых кераитов/хэрэитов упоминается племя *албат*. «Сотня Албакар-сотника, принадлежащего к ответвлению албат от племени кераит», входила в состав личной тысячи Чингиз-хана (Рашид-ад-Дин, 1952. С. 267).

Несмотря на это можно уверенно говорить о том, что появление родовой группы под названием «албан» скорее всего относится к более позднему, чисто казахскому, периоду истории. Именно поэтому оно не могло быть связано с монголами. Субстратной основой родоплеменной группы албан послужили, по-видимому, какие-то местные тюркоязычные племена кочевников Южного Казахстана и Семиречья. Возможно, одной из таких групп были дулаты, на что указывают и казахские генеалогические предания.

Что же касается самого этнонима «албан», то он оканчивается аффиксом *-ан*, засвидетельствованным в тюркских языках со значением редкого древнего множественного числа, а его этимология, основанная на мифологичности общественного сознания, может быть интерпретирована буквально, по мнению Ф. С. Цаплина, как 'герой', 'племя героев' (Цаплин, 1975. С. 105). Он возводит этноним «албан» к слову 'алп' (*герой*), засвидетельствованному в древнетюркских надписях (Малов, 1951. С. 375 и др.). Хорошо известно, что данное слово стало основой этнонима одного из средневековых кыпчако-половецких племен «alp erli ~alperi» (Баскаков, 1985. С. 136–137; см. в этой связи Менгес, 1979. С. 123 и др.).

Численность. В середине XIX в. албанов насчитывалось, по некоторым данным, 8477 кибиток (Востров, Муканов, 1968. С. 24). В начале 70-х гг. того же столетия в Верненском уезде было зафиксировано 5132 кибиток казахов рода албан (МСТК. Вып. 1. 1872. С. 164. Подсчет мой. – Н. М.). В 80-х гг. XIX в. в Чимкентском уезде было отмечено 230 кибиток албанов (Гродеков, 1889. С. 18. Подсчет мой. – Н. М.).

Тогда же в китайских пределах в Юго-Западной Джунгарии, по данным М. Венюкова, было зафиксировано более 2000 семей албанов (Венюков, 1872. С. 28; см. также: МСТК. Вып. 1. 1872. С. 186–187. Подсчет мой. – Н. М.). В 60-х гг. XIX столетия в Северо-Западном Китае насчитывалось 2500 кибиток казахов рода албан (МСТК. Вып. 2. 1873. С. 208. Подсчет мой. – Н. М.). Такой знающий автор, как Н. Н. Пантусов сообщал, что в 70-х гг. XIX столетия численность албанов в Кульджинском крае составляла 28 220 чел. (Пантусов, 1881. С. 150, 157–158. Подсчет мой. – Н. М. См. также: МСТК. Вып. 3. СПб., 1874. С. 129 и др.). На конец XIX в. Н. А. Аристов оценивал общую численность албанов в Семиречье в 15 500 кибиток (Аристов, 1894. С. 400).

Наиболее достоверные данные содержатся, несомненно, в «Материалах по обследованию» под руководством П. П. Румянцева, которые в начале XX в. с документальной точностью зафиксировали в Верненском уезде 2535 хозяйств албанов (МОТ. Т. IV. Ч. II. С. 4–22 и др. Подсчет мой. –

Н. М.). Тогда же Д. Федоров оценивал численность албанов в Верненском уезде на 01.01.1908 в 7341 чел. (Федоров, 1910. Ч. 1. С. 106), в Джаркентском уезде – в 74 065 чел. (там же. С. 108. Подсчет мой. – Н. М.), а в целом в Семиреченской области в более чем 82 000 чел. (Федоров, 1910. Ч. 1. С. 80).

По М. Тынышпаеву, численность казахов рода албан достигала 80 тыс. человек, в том числе в Джаркентском уезде – 70 тыс. и Верненском уезде – 10 тыс. чел. (Тынышпаев, 1925. С. 63). О. Исмагулов неоправдано занижил их численность более чем вдвое – до 50 тыс. чел. (Исмагулов, 1977. С. 14).

На самом деле общая численность казахов племени албан на рубеже XIX–XX вв. могла с учетом располагавшихся в Кульджинском крае достигать примерно 110–120 тыс. человек (Аристов, 1894. С. 400; Федоров, 1910. Ч. 1. С. 80; Тынышпаев, 1925. С. 63).

Генеалогия. Источники начала XIX в. дают нам следующий состав албанов: сегизсары, айтбозум, альжан, конырборик, кызылборик, ак-кыстык и кара-кыстык (Зибберштейн, 1936. С. 234; КРО, 1964. С. 223), а в середине того же столетия: айтбозум, сегизсары, кызылборик, конырборик и альжан (КРО, 1964. С. 305). Ч. Ч. Валиханов сообщает нам такой состав албанов: кызылборик, сегизсары, айтбозум, альжан, кыстык и конырборик (Валиханов, 1961. Т. 1. С. 541–542). Близкую структуру дают также В. В. Радлов (Радлов, 1989. С. 111), А. В. Каульбарс (МСТК, 1874. Вып. 3. С. 129), М. Венюков (Венюков, 1872. С. 28) и др.

По данным Шакарима, албаны подразделялись на кызылборик, конырборик, айтбозум, сегизсары, курман, алжан и кыстык (Шакарим, 1990. С. 67). Согласно казахским шежере, у Албана было два сына – Шыбыл и Сары. У Шыбыла, в свою очередь, также было два сына, от которых ведут свое происхождение рода кызылборик и конырборик (Аристов, 1894. С. 397; Тынышпаев, 1925. С. 67 и др.). От Сары ведут свое происхождение, по одним источникам, айтбозум, сегизсары, курман, альжан и от токал – кыстык (Аристов, 1894.

С. 397), по другим, сегизсары, айт, бозум, курман (Тынышпаев, 1925. С. 67). При этом ряд авторов дают айт и бозум отдельно как два самостоятельных рода (Аристов, 1894. С. 352; Тынышпаев, 1925. С. 67 и др.). Другие авторы дают их вместе как айт-бозум (Валиханов, 1961. Т. 1. С. 541–542; Венюков, 1872. С. 28; Востров, Муқанов, 1968. С. 47 и др.).

О. Исмагулов дает весьма специфический состав албанов. Они разделялись на две ветви – сары и шыбыл. В состав сары входили суиркул (с подродом сегизсары) и суйменди (с подразделениями айт, бозым, кыстык). Шыбыл разветвлялись на кызылборик (с подразделениями молболды и жолболды), конырборик (с подразделениями отей и бойдак) и курткамай (Исмагулов, 1977. С. 14).

Уран казахов рода албан – райымбек (Аманжолов, 1959. С. 13).

Сары-уйсунь

В списках Алатавского окружного управления от 1865 г. о казахах рода сары-уйсунь сказано: «Род этот постоянно и весь кочует по правую сторону реки Или; зимовки имеет в горах Кюньчуэль, Чурк и Ачу-таслы, летом же кочует по долине Терс-аккана (приток р. Коксу) и по южному склону (горы) Кутуркея, мешаясь с другими родами» (Аристов, 1894. С. 424. Примеч. 1).

На левый берег Или, пишет Н. А. Аристов, сары-уйсуни переместились в 1868 г. после учреждения Туркестанского генерал-губернаторства, когда река Или стала границей между Верненским и Копальским уездами. Сары-уйсуни выбрали Верненский уезд и переселились на левый берег Или с тем, чтобы жить вблизи родственных им дулатов. Их кочевки оказались расположены в песках Сарытаукум, отличающихся безводием и скудной растительностью (Аристов, 1894. С. 424. Примеч. 1).

В последующее время сары-уйсуни, в основном, располагались по левому берегу и в низовьях реки Или от реки Курту на севере до урочища Кара-Турангы, в песках Сарытаукум, в предгорьях Заилийского Алатау, а также по правому берегу

Таласа и по реке Курагаты до ее впадения в реку Чу (Гавердовский, 1803. Л. 59 об.; Аристов, 1894. С. 398, 423–424; Востров, Муканов, 1968. С. 124–126, 137, 159 и др.).

Происхождение сары-уйсуней безоговорочно увязывается большинством исследователей с «усунями» древнекитайских источников (Валиханов, 1961. Т. 1. С. 206, 400; Аристов, 1894. С. 402; Чулошников, 1924. С. 261; Аманжолов, 1959. С. 30–33; Востров, Муканов, 1968. С. 31 и др.). Однако, для обоснования подобного суждения, как правило, не приводится никаких доказательств. Совершенно очевидно, что нельзя основываться только лишь на предполагаемом и кажущемся созвучии китайской транскрипции и казахского этнонима. Поэтому вывод об исторической преемственности уйсуней от 'у-сунь' древнекитайских династийных хроник выглядит абсолютно нереально.

Тем не менее, в отношении сары-уйсуней Н. А. Аристов, в частности, полагал, что они были прямыми потомками древних усуней, образовавших «кара-киргизский народ». «После распада усуньского союза, безвозвратно утратив свою власть и первенство, поколение сары-уйсунь удалилось из среды кара-киргизов и пристало к канглам, а потом к дулатам...» «За кыргызское происхождение поколения сары-уйсунь говорят: 1) отсутствие в именах отделений его таких, которые имелись бы у дулатов и канглов; 2) нахождение в составе его отделения кырк или кырк, от имени которого вероятно произошло самое имя кыргызов; 3) совершенное отличие сары-уйсунской тамги от дулатовских и кангюйских и принадлежность ее к типу четырехугольника, ...указывающего на динлинское его происхождение; 4) самое имя поколения...» (Аристов, 1894. С. 463).

При этом, пишет Н. А. Аристов, «по своей малочисленности и особому происхождению, сары-уйсунское поколение не могло играть в Большой орде влиятельной роли, а потому, во-первых, оно не фигурирует в известных исторических событиях, и, во-вторых, вынуждено было вероятно и ранее довольствоваться для кочевков своих местностями, подобными "Желтым горам песку"» (там же. С. 464).

Можно уверенно предположить сравнительно позднее, средневековое появление этнонима «сары-уйсунь», связанное, по-видимому, с племенем *ушин/хушин* древних монголов и *уйсунями/уйшунами* в составе узбеков Дашт-и Кыпчака и Ногайской орды (Трепавлов, 2002. С. 504 и др.). Уйсуня упоминаются также в составе подразделения тохтамыш среди туркменовекинцев (ак-уйсунь, кара-уйсунь) (Галкин, 1868. С. 8).

Уйсуня пришли с северо-запада в Южный и Юго-Восточный Казахстан, возможно, в период узбекского завоевания Мавераннахра быстро и надолго добились там политического господства, дав казахам Старшего жуза свое имя. Собственно же сами сары-уйсуня являются, видимо, либо одной из частей средневековых уйсуней, либо их некогда доминантной группой, сохранившей историческое имя. Вследствие этого, видимо, закономерно, что уйсуня упоминаются как в составе узбекских племен Мавераннахра, так и в составе полуседлой тюркоязычной группы курама, проживавшей на территории Кураминского уезда (Записки РГО, 1867. Т. II. С. 37–38). Не исключено, что естественные процессы сегментации могли привести к тому, что казахские уйсуня пополняли состав узбеков и стали основой курамы.

Численность. В середине XIX в. сары-уйсуней насчитывалось 1700 кибиток (Востров, Муканов, 1968. С. 24). В 1885 г. в Верненском уезде насчитывалось 3433 казаха рода сары-уйсунь (Аристов, 1894. С. 424. Примеч. 1). В конце XIX столетия в Верненском уезде проживало 1200 кибиток казахов рода сары-уйсунь (там же. С. 423). В 80-х гг. XIX в. в Чимкентском уезде насчитывалось всего лишь 40 кибиток сары-уйсуней (Гродеков, 1889. С. 17). По подсчетам Н. А. Аристова в конце XIX в. их численность составляла 1500 кибиток (Аристов, 1894. С. 400; он же, 1886. С. 352).

В начале XX в. «Материалы по обследованию» под ред. Т. П. Румянцева зафиксировали в Верненском уезде 1464 хозяйства сары-уйсуней (МОТ. Т. IV. Ч. II. С. 126–148. Подсчет мой. – Н. М.). На тот же период Д. Федоров оценивал численность казахов рода сары-уйсунь в Верненском уезде на 01.01.1908 в 10 145 чел. (Федоров, 1910. Ч. 1. С. 106. Под-

счет мой. – Н. М.), а в Семиреченской области в более чем 10 000 чел. (там же. С. 80). Помимо этого небольшая группа сары-уйсуней в 328 хозяйств в начале XX в. проживала в низовьях Таласа и по бассейну реки Чу (Черновский, 1915. С. 14). М. Тынышпаев оценивает их общую численность в 10 тыс. человек, которые все проживали в Верненском уезде (Тынышпаев, 1925. С. 63).

Таким образом, общая численность казахов рода сары-уйсунь лишь немногим превышала 10 тыс. человек на рубеже XIX–XX вв. (Аристов, 1894. С. 400; он же. 1896. С. 352; МОТ. Т. IV. Отд. II. С. 205, 209; Ч. II. С. 198; Федоров, 1910. Ч. I. С. 80; Тынышпаев, 1925. С. 63 и др.).

Генеалогия. По данным Н. А. Аристова сары-уйсуни подразделялись на родовые группы: кутлумбет, жанай, жолай-танай, жан-досай, кулюке и кырк (Аристов, 1894. С. 422), по другим данным – на жакып, райымберды, жангельды, койке, кырк, кальча и кулюке (МСТК. Вып. 1. 1872. С. 166). Шакарим дает следующий состав сары-уйсуней – куттымбет, жанай, жолай, талай, жандосай, кулеке и кырык (Шакарим, 1990. С. 67). По другим данным, они включали всего лишь два рода: калча и жакып (Аристов, 1894. С. 396; Россия, 1913. Т. XIX. С. 368; Тынышпаев, 1925. С. 66).

Уран казахов рода сары-уйсунь – в известных мне исторических источниках не зафиксирован.

Шапырашты

Шапырашты кочевали главным образом по речным долинам Или и ее правобережных притоков, по правому берегу реки Чу и в предгорных районах Заилийского Алатау. Значительная часть казахов рода шапырашты была сконцентрирована в районе Алматы (Востров, Муканов, 1968. С. 124, 127, 128, 159 и др.).

В исторических источниках сохранился весьма любопытный факт о том, что в 1846 г. «...султаны и бии Большой орды, родов: дулатовского, абдановского, суановского, чапрашского и джелаирского... положили с непоколебимой

твердостью мятежного султана Кенесары Касымова... считать врагом нашим, не иметь с ним никаких сношений...» (КРО, 1964. С. 317–318).

Происхождение. О происхождении казахов рода шапырашты практически ничего не известно. Происхождение шапырашты, на наш взгляд, совершенно безосновательно связывается рядом исследователей с древними племенами чигилей и чумулов, упоминаемых Махмудом Кашгарским (Аманжолов, 1959. С. 36; Востров, Муканов, 1968. С. 50. и др.). Казахские генеалогические предания также связывают их близкими отношениями и общностью происхождения с дулатами и сары-уйсунями.

Можно лишь предположить, что они возникли на базе каких-то местных тюркоязычных групп кочевого населения Южного Казахстана. Что же касается самого этнонима «шапырашты», то совершенно очевидно, что он достаточно позднего – чисто казахского происхождения и за пределами Семиречья и казахского этноса практически нигде не известен.

Численность. В конце XVIII в. И. Г. Андреев сообщал, что в волости уйсунь-шапырашты, которая кочевала южнее Тарбагатая, насчитывается 1500 кибиток (Андреев, 1796. Ч. 116. С. 80). На середину XIX в. имеется цифра в 2000 кибиток (Востров, Муканов, 1968. С. 24). В конце XIX столетия Н. А. Аристовым их численность была определена в 7 тыс. кибиток (Аристов, 1894. С. 400; он же. 1896. С. 352).

В этой связи совершенно неправдоподобным представляются подсчеты М. Тынышпаева, который оценивает их численность в 70 тыс. человек, проживавших исключительно в Верненском уезде (Тынышпаев, 1925. С. 63). В действительности же, например, в начале 70-х гг. XIX в. в Верненском уезде насчитывалось всего лишь около 4000 кибиток шапырашты (МСТК. Вып. 1. 1872. С. 165. Подсчет мой. – Н. М.).

«Материалы по обследованию» под ред. П. П. Румянцева зафиксировали в начале XX в. в Верненском уезде 8384 хозяйства казахов рода шапырашты (МОТ. Т. IV. Ч. II. С. 36–48, 58–62, 68–70, 72–76, 180, 186, 192. Подсчет мой. – Н. М.).

Тогда же Д. Федоров оценивал их численность в Верненском уезде на 1 января 1908 г. в 50 210 чел. (Федоров, 1910. Ч. 1. С. 106. Подсчет мой. – Н. М.), в Пишпекском уезде – в 2326 чел. (там же. С. 109), а всего в Семиреченской области в более чем 51 500 чел. (Федоров, 1910. Ч. 1. С. 80). Помимо этого небольшая группа шапырашты в начале XX в. проживала в низовьях Таласа и по бассейну реки Чу – 368 хозяйств (Черновский, 1915. С. 14).

Таким образом, общая численность казахов рода шапырашты в начале XX в. может быть примерно оценена в 55 тыс. чел. (Федоров, 1910. Ч. 1. С. 80; Тынышпаев, 1925. С. 63 и др.).

Генеалогия. В «Описании родов Большой орды» от 1825 г. говорится о том, что казахи племени шапырашты имели в своем составе следующие родовые группы: теке, толемис, шыбыл, екей, ескожа, ажике и кеней (КРО, 1964. С. 224). В 1845 г. представители следующих родов шапырашты обратились к царским властям с просьбой о принятии их в российское подданство – асыл, шыбыл, апкыш, екей и ескожа (там же. С. 305). В 1846 г. бии трех родов шапырашты обратились к пограничному начальнику сибирских киргизов Н. Вишневному с просьбой о назначении старшим султаном Сюка Аблайханова – родов асыл, айкум и екей (там же. С. 318).

Согласно материалам Н. А. Аристова казахи рода шапырашты подразделялись на следующие родоплеменные группы: икей, искожа, асыл, шыбыл и айкым (Аристов, 1894. С. 400; он же, 1896. С. 352), а по другим источникам на – айкым, шыбыл, асыл, емыл и торетукум (Тынышпаев, 1925. С. 63). К. Жунисбаев говорит о том, что от шапырашты происходят три рода – малдыстык, желдыстык и кылдыстык. В составе желдыстык было два рода – асыл и шыбыл, в составе кылдыстык был один род – айкым, а в составе малдыстык было два рода – екей и емил (Жунисбаев, 1962. С. 159–160).

Уран казахов рода шапырашты – карасай (Гродеков, 1889. Прилож. 1. С. 2; Аристов, 1894. С. 408; Тынышпаев, 1925. С. 28; Жунисбаев, 1962. С. 162 и др.).

Сыргели

Казахи рода сыргели в XIX – начале XX в. в основном локализируются по среднему течению левого берега реки Чу, в низовьях Таласа, в верховьях реки Бугунь, в предгорной полосе Каратау (Гавердовский, 1803. Л. 59 об.; Востров, Муканов, 1968. С. 153–154 и др.), вблизи озер Акколь, Ащиколь, Сорколь и Бийликоль, по реке Асса (Спасский, 1820. Ч. IX. Кн. 2. С. 86–87; Назаров, 1968. С. 32; Аристов, 1896. С. 352; он же, 1894. С. 399 и др.).

Казахи рода сыргели, по-видимому, принимали активное участие в борьбе с джунгарской агрессией. В казахских преданиях сохранились различные описания деяний батыров из рода сыргели, в частности Ельчибек-батыра, Жайляубай-батыра и др., которые прославились своими подвигами в героическую эпоху «рыцарства» в первой половине XVIII в. (Валиханов, 1961. Т. 1. С. 224–225).

Происхождение казахского рода сыргели связывается В. В. Востровым с Ногайской ордой (Востров, Муканов, 1968. С. 52–53). В свою очередь, Н. А. Аристов, говоря об этногенезе сыргели, указывает на близость начертания тамги казахов рода сыргели с тамгами других казахских родов, в частности канглы, кыпчаков и даже кереев (Аристов, 1894. С. 404, 416). Близкую позицию занимает по этому вопросу и С. Аманжолов (Аманжолов, 1959. С. 16). Но гораздо важнее другое – это то, что род сыргели помимо Старшего жуза числится как в составе крупнейшего узбекского племени юз, так и в составе другого узбекского племени канжигалы-ктай, близкородственного племени кыпчак (Гребенкин, 1872. С. 100).

Это обстоятельство скорее всего указывает на то, что сыргели в позднесредневековую эпоху либо вышли из среды кыпчаков, а позднее – входили в состав узбеков Дашт-и Кыпчака, либо их происхождение и история были как-то взаимосвязаны. Это подтверждается и тем, что этноним «сыргели» встречается среди казахов рода уак в составе Среднего жуза (Масанов, 1980. С. 132).

В этой связи можно предположить, что этногенез казахского рода сыргели в отличие от ряда других племен Старшего жуза, происхождение которых было связано с улусом Чагатая и племенами Моголистана, был напрямую аффилирован с кыпчаками и узбеками Дашт-и Кыпчака. Предки сыргели появились в Южном Казахстане, по-видимому, в составе узбекских племен в процессе завоевания ими территории Мавераннахра.

Численность. В Чимкентском уезде в 80-х гг. XIX столетия насчитывалась 4871 кибитка казахов рода сыргели (Гродеков, 1889. С. 17–20. Подсчет мой. – Н. М.). Еще раньше А. Макшеевым отмечалось, что в Чимкентском округе проживало 800 кибиток сыргели, а в Ташкентском – 1410 кибиток (Радлов, 1989. С. 114). В начале XX в. по бассейну реки Чу и в низовьях Таласа было зафиксировано не более сотни хозяйств казахов рода сыргели (Черновский, 1915. С. 14).

Общая численность сыргели по подсчетам Н. А. Аристова составляла 7 тыс. кибиток (Аристов, 1894. С. 400; он же, 1896. С. 352). М. Тынышпаев, в свою очередь, явно завышает их численность до 70 тыс. человек, проживавших только в Чимкентском уезде (Тынышпаев, 1925. С. 63). На основании имеющихся фактических данных можно сказать, что общая численность казахов рода сыргели на рубеже XIX–XX вв. едва ли превышала 35–40 тыс. чел.

Генеалогия. Согласно казахским генеалогическим преданиям, у прародителя казахов рода сыргели было восемь сыновей, которые основали восемь родов: байжигит, карабатыр, батырлар, уштамгали, илибай, жакабай, айтбозум и торттамгалы (Аристов, 1894. С. 396; Востров, Муканов, 1968. С. 52). По другим данным они подразделялись на родовые группы: торттамгалы, уштамгалы, батырлар, карабатыр, жанай, бозеке (Тынышпаев, 1925. С. 67).

Уран казахов рода сыргели – бахтияр (Шмидт, 1927. С. 310), тоганас (Валиханов, 1961. Т. 1. С. 543; Гродеков, 1889. Прилож. 1. С. 2; Аристов, 1894. С. 408; Тынышпаев, 1925. С. 28; Аманжолов, 1959. С. 13 и др.).

Ысты (сты)

Казахи рода ысты преимущественно были сосредоточены в Семиречье в низовьях реки Или и ее притоков, вблизи Балхаша, а также по среднему течению Или вплоть до предгорий Заилийского Алатау, по левому берегу Чу, на северных и юго-восточных склонах Каратау, на пространстве от реки Бугунь до Шалдырозека, по среднему течению реки Карасу, по правому берегу Таласа, а также озерам Бийликоль, Акколь, Ащиколь и по реке Ассы в Чимкентском и Аулиеатинском уездах (Гавердовский, 1803. Л. 59 об.; Валиханов, 1961. Т. 1. С. 204; Гродеков, 1889; Аристов, 1894. С. 398; Востров, Муканов, 1968. С. 125, 137, 153–154, 158–159 и др.).

Происхождение казахов рода ысты, по мнению Н. А. Аристова и С. Аманжолова, было связано со средневековыми канглы (Аристов, 1894. С. 405, 415; Аманжолов, 1959. С. 14 и др.). В. В. Востров в этой связи совершенно априорно сделал заявление о том, что ысты с XIII в. непрерывно кочевали в районе рек Чу и Таласа (Востров, Муканов, 1968. С. 49). Это заявление, по-видимому, имело определенный политический подтекст. Дело в том, что общественная молва приписывала занимавшему в тот период должность Первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаеву принадлежность к роду ысты. Но совершенно очевидно, что казахский этноним «ысты» гораздо более позднего происхождения и он не фигурирует ни в составе племен Моголистана, ни в составе кочевых узбеков Дашт-и Кыпчака, ни в составе Ногайской орды, ни тем более в составе средневековых монголов или кыпчаков. Первое упоминание казахского рода ысты в исторических источниках относится к середине XVIII в. (КРО, 1961. С. 407; Из истории Казахстана XVIII в., 1938. С. 156 и др.).

В иерархической системе родоплеменных отношений казахов Старшего жуза род ысты считался самым младшим и зависимым. Не случайно, что выдающийся русский этнолог Н. А. Аристов писал в конце XIX в., что этот род не играл в Старшем жузе влиятельной роли и что «...поколение

исты, также немногочисленное и также чуждое дулатам... занимает дельту р. Или, столь же непригодную для высокого благосостояния кочевников-скотоводов местность, как и Сарытаукум» (Аристов, 1894. С. 464). Напомним, что А. А. Черновский в свое время также обращал внимание на то обстоятельство, что чем младше род, тем ниже по течению реки он располагается (Черновский, 1915. С. 14).

Численность. В середине XIX в. численность казахов рода ысты достигала 7514 кибиток (Востров, Муқанов, 1968. С. 24). В 70-х годах того же столетия в Аулиеатинском уезде было зафиксировано 6425 казахов рода ысты (Логинов, 1872. С. 92). В 80-х гг. XIX столетия в Чимкентском уезде насчитывалась 3521 кибитка ысты (Гродеков, 1889. С. 17–19. Подсчет мой. – Н. М.). По подсчетам Н. А. Аристова в конце XIX в. численность казахов рода ысты составляла 6000 кибиток (Аристов, 1894. С. 400; он же, 1896. С. 352).

В начале XX в. в Верненском уезде «Материалы по обследованию» под редакцией П. П. Румянцева зафиксировали 2573 хозяйства казахов рода ысты (МОТ. Т. IV. Ч. II. С. 58–62, 68–70, 150–158. Подсчет мой. – Н. М.). Тогда же Д. Федоров оценивал численность казахов рода ысты в Верненском уезде на 1 января 1908 г. в 11 574 чел. (Федоров, 1910. Ч. 1. С. 106. Подсчет мой. – Н. М.), а всего в Семиреченской области в 11 600 чел. (Федоров, 1910. Ч. 1. С. 80). В низовьях Таласа и по бассейну Чу в этот период было зафиксировано 1835 хозяйств казахов рода ысты (Черновский, 1915а. С. 14). М. Тынышпаев на начало XX столетия, судя по всему, дает наоборот несколько заниженную цифру их численности в 50 тыс. человек, в том числе в Чимкентском уезде – 20 тыс., Аулиеатинском – 20 тыс. и Верненском – 10 тыс. человек (Тынышпаев, 1925. С. 63).

Таким образом, общая численность казахов рода ысты на рубеже XIX–XX вв. может быть примерно оценена в 60–65 тыс. человек.

Генеалогия. Согласно казахским генеалогическим преданиям казахи рода ысты подразделялись на две ветви: тлик и оик (КРО, 1964. С. 305; Аристов, 1894. С. 396; Тынышпаев,

1925. С. 67; Востров, Муқанов, 1968. С. 49 и др.). Тлик по данным М. Тынышпаева, подразделялись на родовые группы: коныр, тасша и сульгетай, а оик – на кызылкурт, кокче-коз, сатек и ауз-суйген (Тынышпаев, 1925. С. 67). Близкую структуру дает и К. Жунисбаев (Жунисбаев, 1962. С. 159).

Уран казахов рода ысты – жауатар (Гродеков, 1889. Прилож. 1. С. 2; Аристов, 1894. С. 408; Тынышпаев, 1925. С. 28; Аманжолов, 1959. С. 12 и др.).

Ошакты

Ошакты кочевали, главным образом, в низовьях Таласа, на юго-восточных склонах Каратау и в близлежащих речных долинах в западной части Южного Казахстана (Аристов, 1894. С. 398; Востров, Муқанов, 1968. С. 153, 159 и др.).

Происхождение. Н. А. Аристов высказал довольно странное предположение о происхождении ошакты от огузов (Аристов, 1894. С. 415–416). Наряду с этим одни авторы называют их в числе близких родственников ысты и шапырашты (Аристов, 1894. С. 395; Востров, Муқанов, 1968. С. 52), другие – суанов (Южаков, 1867. № 7. С. 759–760). В виду того, что ошакты не упоминаются в составе других тюркоязычных народов, можно предположить, что под этим названием они появились достаточно поздно, а сам этноним относится к так называемому чисто казахскому пласту этнических обозначений.

При этом весьма интересно, что ошакты во второй половине XIX в. фигурируют в составе узбекских уйсуней, проживавших в районе Зеравшана и участвовавших в свое время во взятии Самарканда (Туркестанские ведомости. 1871. № 39; Аристов, 1894. С. 424). При этом А. Д. Гребенкин уточняет, что «песни уйшунов и язык их – чисто киргизские (т. е. казахские. – Н. М.)» (Гребенкин, 1872. С. 84). Интересно также, что в составе туркмен-йомудов упоминается род ошак (Галкин, 1868. С. 9; Иванов, 1940. С. 170, 174; Каррыев и др., 1954. С. 300 и др.). Но наибольший интерес представляет, видимо, упоминание *шаклы-уйшун* в составе элей Ногайской орды в русских документах XVI–XVII вв. (Трепавлов,

2002. С. 504.). На основании этого можно заключить, что, по-видимому, первоначальное ядро казахского рода ошакты либо восходит к позднесредневековым уйсуням, либо в процессе дивергенции, по-видимому, по среднему течению Сырдарьи ошакты сегментировались на несколько групп, одна из которых вошла в состав казахов Старшего жуза.

В этой связи, наверное, закономерно, что в системе генеалогических отношений родоплеменных групп казахов Старшего жуза, по свидетельствам самих представителей рода ошакты, вторыми после жалаириков по старшинству считались казахи ошакты (Гродеков, 1889. С. 7–8). Согласно казахским генеалогическим преданиям мать-основательница Старшего жуза Юпар-байбише в молодости еще до своего замужества родила внебрачного сына, которого, чтобы никто не видел, она спрятала в печи. Отсюда у казахов данного рода прозвище 'ошакты' от 'ошак' (печь) (Гродеков, 1889. С. 7–8; Аристов, 1894. С. 407–408. Примеч. 3; Аманжолов, 1959. С. 43 и др.). С этим, возможно, связана и другая легенда, услышанная мной во время одного из полевых опросов и указывавшая на то, что женщины из рода ошакты являются наилучшими хозяйками и женами среди женщин всех казахских родов и племен.

Численность. По оценочным данным Н. А. Аристова, численность ошакты на конец XIX в. составляла 2000 кибиток (Аристов, 1894. С. 400; он же, 1896. С. 352). М. Тынышпаев как обычно дает значительно более завышенную цифру в 70 тыс. чел., в том числе в Аулиеатинском уезде в 60 тыс. чел. и Чимкентском – в 10 тыс. человек (Тынышпаев, 1925. С. 63). Данные В. В. Вострова ближе к цифрам Н. А. Аристова (Востров, Муканов, 1968. С. 24).

Исторические свидетельства не подтверждают деклараций об их многочисленности. В начале 70-х гг. XIX столетия в Аулиеатинском уезде, согласно «Материалам для статистики Туркестанского края», числилось 9680 казахов рода ошакты (7,6% всего населения уезда) (Логинов, 1872. С. 90). В 80-х гг. XIX в. в Чимкентском уезде насчитывалось всего лишь 527 кибиток казахов рода ошакты (Гродеков, 1889.

С. 17–18. Подсчет мой. – Н. М.). В начале XX в. в низовьях Таласа и по бассейну реки Чу было зафиксировано 1663 хозяйства казахов рода ошакты (Черновский, 1915. С. 14).

Таким образом, общая численность казахов рода ошакты едва ли превышала 15–20 тыс. человек во второй половине XIX в. (Абрамов, 1867. С. 267–273; Логинов, 1872. С. 94; Аристов, 1894. С. 400; он же, 1896. С. 352; Черновский, 1915. С. 14 и др.).

Генеалогия. Относительно генеалогии родоплеменной группы ошакты казахские шежере содержат чрезвычайно мало информации. По материалам М. Тынышпаева, ошакты подразделялись на следующие родовые группы: байлы, тасжурек, коныр и аталык (Тынышпаев, 1925. С. 67; Востров, Муканов, 1968. С. 52).

Уран казахов рода ошакты в известных нам исторических источниках не указан.

Шанышкылы

Генеалогические предания казахов Старшего жуза считали представителей рода шанышкылы влазниками (керме), т. е. пришельцами, чужеродцами. Казахский род шанышкылы в основном располагался в Чимкентском и Ташкентском уездах по Сырдарье, в предгорьях Каратау, речным долинам Келеса, Арыси и Чирчика (Гавердовский, 1803. Л. 59 об.; Валиханов, 1961. Т. 1. С. 204; Аристов, 1894. С. 398–399, 404; Бекмаханова, 1980. С. 154; Бейсембиев, 1987. С. 79 и др.).

Происхождение казахов рода шанышкылы некоторыми авторами связывается, как нам представляется, совершенно безосновательно с древними кангюями и средневековыми канглы и кыпчаками (Аристов, 1894. С. 403–404; Тынышпаев, 1925. С. 6–7; Аманжолов, 1959. С. 69–72; Востров, Муканов, 1968. С. 32–36; Кайдаров, 1984. С. 34–47). По казахским генеалогическим преданиям прослеживается преемственность шанышкылы от узбекского-казахского племени катаган (Аристов, 1894. С. 395, 405).

Хатакины (*xatagin*) были одним из самых близкородственных монгольских племен к роду Чингиз-хана, они происходили от старшего сына легендарной прародительницы

монголов Алан-Гоа (*Alan-goa*) Буха-Хатаги (*Bugu-xatagi*), входили в племенное объединение 'нирун' и долго боролись против политического возвышения Чингиз-хана (*Рашид-ад-Дин*, 1952. С. 14–15, 116–117 и др.). Хатакины совместно с племенами салджиут, дурбан, татар и хонкират «покаялись друг другу клятвой, крепче которой нет среди монгол. Клятва эта заключается в следующем: они вместе зарубают мечом жеребца, быка и кобеля и говорят: "О господь неба и земли, слушай, какую клятву мы приносим! Эти [самцы] – корень и мужское начало этих животных. Если мы не сдержим своего слова и нарушим договор, пусть мы станем такими же, как эти животные". Таким способом они покаялись в том, что заключили союз [друг с другом и] будут воевать с Чингиз-ханом и Он-ханом» (*там же*. С. 117).

Катаганы – первоначально монгольское, а затем тюркизированное крупное племя. После своего выдвижения в Семиречье, катаганы играли весьма важную роль в исторических судьбах Средней Азии (*Кармышева*, 1976. С. 103–107, 238–246). Они также были зафиксированы в составе элей Ногайской орды (*Трепавлов*, 2002. С. 500).

В конце XVI в. катаганы в результате конфликта в регионе откочевали в Кашгар, а оставшаяся часть племени катаган в начале XVII в. была в основном уничтожена в ходе борьбы между Турсун-Мухаммадом и Есимом. С тех пор, как полагает известный казахстанский востоковед В. П. Юдин, катаганы в родоплеменном составе казахов отсутствуют (МИКХ. С. 326). Однако казахские народные предания гласят, что небольшая часть уцелевших катаганов с этого времени стала называться шанышкылы (*Валиханов*, 1961. Т. 1. С. 452; *Тынышпаев*, 1926а. С. 3 и др.). Тем не менее В. П. Юдин в свое время настаивал на неправомерности отождествления катаганов и шанышкылы (МИКХ. С. 326). По другим данным, катаганы были небольшим и независимым родом, занимавшим самостоятельную позицию среди племен Старшего жуза (КРО, 1964. С. 440, 448–449; *Аристов*, 1894. С. 399, 403, 405; *Валиханов*, 1961. Т. 1. С. 607; *Тынышпаев*, 1926а. С. 2, 6; *он же*, 1926. С. 8).

В этой связи интересно замечание А. Д. Гребенкина в отношении катаганов Мавераннахра о том, что «наружностью катаганец весьма сильно напоминает киргиза Сыр-Дарьи; но все резкие черты киргизского типа в нем сглажены, смягчены» (*Гребенкин*, 1872. С. 86).

В заключение надо сказать о том, что сам этноним «шанышкылы» также имеет аналогии в составе других тюркоязычных народов, в частности в составе ногайцев (*Гаджиева*, 1979. С. 61). В этой связи можно предположить, что этноним «шанышкылы» во всяком случае на рубеже средневековья и нового времени бытовал в среде тюркоязычных народов параллельно и наряду с этнообозначением «катаган». В пост-узбекский период казахизации Южного Казахстана этноним «шанышкылы», по-видимому, в течение XVII в. заместил и постепенно вытеснил из обращения этноним «катаган». Возможно причиной этого стала интеграция катаганов и шанышкылы, либо поглощение вторыми первых, либо политическое возвышение шанышкылы по отношению к катаганам.

Численность. По данным Н. А. Аристова, численность казахов рода шанышкылы совместно с родом канлы достигала в конце XIX в. 10 тыс. кибиток (*Аристов*, 1894. С. 400; *он же*, 1896. С. 351). В 80-х гг. XIX в. в Чимкентском уезде числилось всего лишь 65 кибиток шанышкылы и 413 кибиток шанышкылы совместно с родом канлы (*Гродеков*, 1889. С. 18–19. Подсчет мой. – Н. М.). Согласно подсчетам А. Макшеева, численность шанышкылы в середине того же столетия в Ташкентском округе составляла 2000 кибиток (*Радлов*, 1889. С. 114). Исходя из этих достаточно фрагментарных данных можно приблизительно оценить численность казахов рода шанышкылы в немногим более чем 10 тыс. человек.

Генеалогия. Генеалогическая структура казахского рода шанышкылы, по материалам М. Тынышпаева, включала следующие родовые группы: корбака, дархан, крьксадак, бектау, жансып, богыс (*Тынышпаев*, 1925. С. 67).

Уран казахов рода шанышкылы – айырлмас (*Гродеков*, 1889. Прилож. 1. С. 3; *Аристов*, 1894. С. 408; *Тынышпаев*, 1925. С. 28), **байтерек** (*Аристов*, 1894. С. 408), **шанышкылы**.

Канлы

Казахи рода канлы были расселены, в основном, по левобережью реки Или и в предгорьях Заилийского Алатау. Небольшие группы рода канлы имелись и в других районах Семиречья и Южного Казахстана, проживая по соседству и черезполосно с кочевниками из патронимической группы шанышкылы (Валиханов, 1961. Т. 1. С. 203, 204, 451, 452; Аристов, 1894. С. 398–399; Востров, Муканов, 1968. С. 121, 123–124, 137, 155 и др.). Происхождение казахского рода Старшего жуза канлы связывается некоторыми авторами с древними кангюями и средневековыми канглы и кыпчаками (Аристов, 1894. С. 403–404; Тынышпаев, 1925. С. 6–7; Аманжолов, 1959. С. 69–72; Востров, Муканов, 1968. С. 32–36; Кайдаров, 1984. С. 34–47). Правда, многие исследователи совершенно справедливо сомневаются в правомерности связи между древними кангюями и средневековыми канглы (Бартольд. Т. V. С. 272; Жданко, 1950. С. 111; Кузеев, 1974. С. 357–358 и др.). Поддерживая эту точку зрения, хочется сказать, что казахский этноним 'канлы' совершенно очевидно восходит к тюркскому этнониму «канглы». По-видимому, это является аргументом в пользу кыпчакского импульса в происхождении казахского рода канлы.

Вообще надо отметить, что этноним «канлы/канглы» широко распространен на всей территории расселения тюркских народов (Баскаков, 1985. С. 204; Волкова, 1973. С. 76, 84 и др.). Он встречается в составе элей Ногайской орды и узбекских племен Дашт-и Кыпчака (Трепавлов, 2002. С. 500 и др.). В последующее время канлы в результате сложных исторических коллизий вошли в состав племен Моголистана, получили новое название 'бекчик' и играли важную роль в истории Юго-Восточного Казахстана (Юдин, 2001. С. 74). В «Бабур-намэ» племя бекчик упоминается как одно из двух самых влиятельных племен в составе моголов (Губарева, 1980. С. 231). Но видимо термин 'бекчик' был политонимом и в конце концов не прижился в среде казахов, поскольку сохранился лишь этноним «канлы». Правда, среди узбеков Мавераннахра встречается этноним «бекчик».

Численность. В 80-х гг. XIX столетия совместная численность канлы с шанышкылы в Чимкентском уезде составляла всего лишь 444 кибитки (Гродеков, 1889. С. 17–19. Подсчет мой. – Н. М.). В середине XIX в. А. Макшеев на основе официальных данных указывал на то, что в Аулиеатинском округе насчитывалось 3500 кибиток канлы, а в Ташкентском – 1650 кибиток (Радлов, 1889. С. 114). Тогда же Н. А. Аристов оценивал совместную численность канлы и шанышкылы на рубеже XIX–XX вв. в 50 тыс. чел. (Аристов, 1894. С. 400; он же, 1896. С. 351 и др.).

В начале XX в. «Материалы по обследованию» зафиксировали в Верненском уезде 1202 хозяйства канлы (МОТ. Т. IV. Ч. II. С. 22–36. Подсчет мой. – Н. М.). Тогда же Д. Федоров оценивал численность канлы в Верненском уезде в 19 228 чел. (Федоров, 1910. Ч. 1. С. 106), а всего в Семиреченской области в 18 000 чел. (Федоров, 1910. Ч. 1. С. 80). Таким образом, общая численность казахов рода канлы может быть оценена в этот период примерно в 50 тыс. человек. Но при этом, по данным М. Тынышпаева, 160 тыс. канлы совместно с шанышкылы проживали в Ташкентском уезде.

Генеалогия. Согласно казахским генеалогическим преданиям канлы, по одним данным, подразделялись на сары-канлы (бес-ата) и кара-канлы (алты-ата) (Тынышпаев, 1925. С. 67), а по другим свидетельствам еще и на кызыл-канлы и ак-канлы (Кайдаров, 1984. С. 41). Сары-канлы включали в свой состав – омуртка, кумурска, алимбет, акбарак, султаным и токай, а кара-канлы – тогузбай, онбай, карманас, каспан, бадрак, кызыл-канлы (Тынышпаев, 1925. С. 67).

Уран казахов рода канлы – айырлмас (Гродеков, 1889. Прилож. 1. С. 3; Аристов, 1894. С. 408), *байтерек* (там же; Тынышпаев, 1925. С. 28).

***

Таким образом, происхождение большей части казахских племен Старшего жуза неясно. Можно предположить, что часть племен была местного автохтонного происхождения, а их этногенез был связан с племенами улуса Чагатай и

племенами Моголистана, в частности дулатов, части жалаи-ров, канлы//бекчик и связанных с ними родовых групп (шапы-рашты, албан и возможно суан и ысты). «...Старший жуз, – утверждал в свое время В. П. Юдин, – в основном сформиро-вался за счет могульских родов...» (Юдин, 2001. С. 85).

Другая часть казахских племен Старшего жуза была совершенно очевидно связана своим происхождением с узбе-ками Дашт-и Кыпчака и Ногайской ордой, а также с узбеками Мавераннахра, в частности уйсуней, часть жалаи-ров, куралас, оймаут, катаган, сыргели, часть канлы и близкие к ним рода с чисто казахскими этнонимами (шанышкылы и ошакты).

Такое переплетение и напластование узбекских и моголь-ских племен в составе казахов Старшего жуза говорит об общно-сти их истории и этногенеза. Можно предположить, что в процес-се казахизации Южного и Юго-Восточного Казахстана произо-шло смешение узбекских и могольских племен. И если узбекские племена жалаи-ров, уйсуней, канлы, сыргели, катаганов, а также шанышкылы и ошакты, двигавшиеся по направлению с запада на восток и с северо-запада на юго-восток заняли западные рубе-жи будущей территории казахов Старшего жуза, то местные ча-гатайские и могольские племена, в частности дулаты, часть жа-лаи-ров и возможно канлы//бекчик, а также шапырашты, албаны, суаны и ысты, остались на традиционных местах своего обита-ния и сохранили за собой восточную и срединную часть, а также предгорные пастбища на юге региона или маловодные пустыни.

В этой связи можно высказать предположение о том, что казахские племена Старшего жуза, которые практикова-ли вертикальную систему кочевания, скорее всего были либо автохтонными Южного и Юго-Восточного Казахстана (алба-ны, суаны, жалаиры, часть дулатов и канлы), либо имели опыт организации летнего горно-альпийского выпаса до сво-его прихода в данный регион, например в Восточном Казах-стане. Без опыта и знания горной растительности и рельефа местности кочевать на альпийских лугах было невозможно.

Привыкшие же к меридиональному выпасу скота в степной зоне Центрального и Западного Казахстана узбек-ские и ногайские племена после завоевания Южного и Юго-

Восточного Казахстана без опыта горно-альпийского выпаса и без знания особенностей функционирования экосисте-мы вряд ли ринулись бы осваивать незнакомые им горные пастбища. На основании этого можно предположить, что узбекские племена скорее всего остались на равнине вести привычный им и хорошо знакомый традиционный мериди-ональный тип кочевания, вытеснив автохтонов региона на восток и в сферу вертикального кочевания. Поэтому весь-ма вероятно, что казахские племена Старшего жуза, кото-рые кочевали с юга на север в меридиональном направле-нии, скорее всего были узбекского, либо ногайского, либо смешанного узбеко-ногайско-могольского происхождения. Правда все это, конечно же, не исключает неоднократно-го передела пастбищных угодий и этнонимического пере-оформления этнообозначений родоплеменной номенклату-ры казахов Старшего жуза.

Указание на то, что общим именем казахов Старшего жуза является этнообозначение 'уйсунь' и на то, что жалаи-ры в генеалогической иерархии были самым старшим и ав-торитетным племенем, прямо свидетельствует о том, что узбекско-ногайские и чагатайские племена, видимо, доми-нировали в системе институциональных отношений в процес-се этногенеза казахов Старшего жуза над местными ав-тохтонными племенами Моголистана.

В диахронном этнонимическом плане, как мы уже гово-рили, совершенно очевидна аналогия между дулатами и ду-глатами Монгольской империи Чингиз-хана и позднесредне-вековыми доглатами Моголистана, уйсунями//сары-уйсунями и монгольскими ушинами//хушинами и уйсунями/уйшунами Узбекского ханства и Ногайской орды, жалаирами и монголь-скими жалаирами, жалаирами чагатайского улуса и узбекски-ми и ногайскими жалаирами Дашт-и Кыпчака, канлы и сред-невековыми канглы кыпчакского союза племен, канглы Узбек-ского ханства, Ногайской орды и канглы//бекчик Моголистана.

В этой связи представляется возможным выделить два основных этнонимических пласта в составе номенклатуры этнонимов казахов Старшего жуза. Первый включает этно-

нимы, имеющие те или иные прототипы в средневековых монгольских и тюркских этнообозначениях (дулат//доглат//дуглат, ушин/хушин//уйсунь, жалаир, канглы//канлы). Сюда же можно отнести с некоторыми оговорками этноним 'сыргели', имеющий синхронные аналогии в среде узбеков Мавераннахра и казахов Среднего жуза.

Второй, этнонимы, не имеющие прототипов и аналогий в более ранних источниках и среди других тюрко-монгольских племен (ошакты, шапырашты, шанышкылы, албан, суан, ысты). Это более поздний, так сказать чисто казахский, этнонимический пласт, возникший, по-видимому, в течение XVI–XVII столетий.

В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что большая часть этнонимов казахов Старшего жуза и в первую очередь этнонимов более позднего происхождения, в частности «ошакты», «шапырашты», «шанышкылы», «ысты», «сыргели» и, что особенно интересно, «канлы», оканчиваются аффиксом *-ты, -лы*, означающим принадлежность кому-либо или обладание чем-либо (Кононов, 1980. С. 106 и др.; Донидзе, 1980. С. 93–94; Джанузаков, 1982. С. 118–119 и др.). Интересно и то, что для этнонимов более раннего, в основном монгольского, происхождения свойственен односоставной характер («дулат», «жалаир», «уйсунь», «канлы»), тогда как для более поздних, в основном казахских, – двухсоставной характер.

Помимо вышеназванных родовых групп среди казахов Старшего жуза на территории Южного и Юго-Восточного Казахстана проживал ряд автономных этнических групп, в частности катаганы, бестамгалы, толенгуты, шала-казахи и др., которые занимали самостоятельную позицию в традиционной внутриэтнической структуре (КРО, 1964. С. 440, 448–449; Аристов, 1894. С. 399. Примеч. 1; Смирнов, 1887. С. 318–319; Валиханов, 1961. Т. 1. С. 607; Тынышпаев, 1926. С. 4, 6; он же, 1926а. С. 8; Радлов, 1989. С. 111 и др.). Численность, например, бестамгалы достигала почти 2500 кибиток, т. е. превышала 10–12 тыс. человек. Также здесь обитали

небольшие группы ак-суйек – торе и кожа, пользовавшиеся огромным влиянием в общественной и политической жизни казахского социума.

Присущие всем кочевникам процессы сегментации, постоянно приводили к отрыву от основного ядра периферийных групп населения, в частности на юго-западе региона, где значительные группы казахских родов Старшего жуза перманентно вливались в состав полукочевого и полуоседлого населения Мавераннахра. Иной процесс имел место на юго-востоке и востоке Семиречья, где группы албанов и суанов выдвинулись далеко на восток на территорию Джунгарии, но при этом сохраняли свою казахскую идентичность.

Средний жуз (Орта жүз)

Казахи Среднего жуза традиционно занимали территорию Центрального, Северного и Восточного Казахстана, а также отчасти Южного – по среднему течению Сырдарьи. Места кочевков казахов Среднего жуза охватывали в широтном плане с запада на восток почти все пространство от водораздела Иргиз – Тургай – Тобол до Западного Алтая и Тарбагатая, а с юга на север – от среднего течения Сырдарьи, пустыни Бетпақдала и северной оконечности озера Балхаш до южных пределов Западно-Сибирской низменности, захватывая практически всю территорию Тургайского плато, Центрально-Казахстанского мелкосопочника, бассейны рек среднего течения Иртыша, низовья и среднее течение Ишима, Тургая и Тобола и доходя до Кулундинской и Ишимской степи (Рычков, 1887. С. 101–103; Броневский, 1830. Ч. 41. Кн. 119. С. 400; Ч. 43. Кн. 124. С. 237–238; Красовский, 1868. Ч. I. С. 115–217; МКЗ. Т. I–XII; Муканов, 1974 и др.).

Зимние пастбища казахов Среднего жуза располагались, в основном, в пустынной и полупустынной зонах на юге Казахстана, захватывая Присырдарьинский регион, и в лесостепной зоне – на севере Казахстана при меридиональном кочевании и на предгорных равнинах и низкогорных

участках, в речных долинах и околоозерных районах – при вертикальном кочевании. Летние пастбища при меридиональном кочевании находились в степной зоне, в районах с летним максимумом атмосферных осадков и сравнительно хорошо обеспеченных водными источниками, и при вертикальном кочевании – в низкогорных и высокогорных районах на альпийских и субальпийских лугах (МКЗ. Т. I–XII; Масанов, 1984. С. 44–94 и др.).

Казахи Среднего жуза в основном занимались кочевым скотоводческим хозяйством, а в речных и околоозерных районах широко практиковалось поливное земледельческое хозяйство с помощью ирригационных сооружений и рыболовство (Хозяйство казахов..., 1980 и др.). Занимались они также различными промыслами и ремеслами (подробнее см.: Масанов, 1960 и др.).

Впервые Средний жуз упоминается в исторических источниках во второй четверти XVIII в., но как справедливо было замечено известным казахстанским историком В. П. Юдиным к началу XVII в. уже существовало разделение казахов на жузы, поскольку именно к этому времени относится первое упоминание Старшего жуза (МИКХ. С. 243 и др.). Согласно оригинальным казахским генеалогическим преданиям, записанным в основном в XIX – начале XX в., казахи Среднего жуза ведут свое происхождение от второго сына легендарного прародителя казахского народа Алаша/Котана – Булаткожи/Ак-жола/Кара-кожи/Джанчуры, у которого, в свою очередь, было несколько сыновей, ставших родоначальниками племенных объединений казахов Среднего жуза.

В этноисторическом плане происхождение казахов Среднего жуза следует связывать в первую очередь с этнотерриториальной общностью средневековых кыпчакских племен, в состав которых в XI–XIII вв. были вовлечены как местные автохтонные группы населения, так и пришлые тюрко-монгольские группы кочевников (Ахинжанов, 1989 и др.). Кыпчаки вместе с кочевыми тюркоязычными и тюркизированными группами, вовлеченными в экспансионистские

походы монголов, а также с вошедшими в состав улусов Джучи и Чагатая номадами, составили этнокультурный субстрат казахов Среднего жуза.

В позднее средневековье большинство номадов региона были интегрированы в состав узбеков Дашт-и Кыпчака, консолидировавших исламизированные группы тюркоязычных кочевников, а также Ногайской орды. Очевидным подтверждением этому может служить этнонимический состав казахов Среднего жуза, который находит многочисленные аналогии не только в средневековых племенных этнонимах, но и прежде всего в синхронных названиях узбекских и ногайских племен (Семенов, 1954. С. 24, 29; Ахмедов, 1965. С. 46, 57; Гаджиева, 1979. С. 59–61; Султанов, 1982. С. 8–13, 16–36; Трепавлов, 2002. С. 500–504 и др.).

Системообразующую роль в образовании Среднего жуза сыграли территориальные и географические условия региона, которые в сочетании с особенностями ландшафта, рельефа и этнокультурными традициями определили специфику исторического и этнокультурного процесса в восточной половине Казахстана по водоразделу Тургай – Ир-гиз – Тобол – Тургайское плато – Мугоджарские горы.

«Киргиз-кайсакская Средняя орда, – писал в 1833 г. начальник штаба Отдельного Сибирского корпуса генерал-майор С. Броневский, – занимающая своими аулами все пространство степей между реками Тоболом, Тургаем, Ишимом, Нурой и Аягузом, озерами Аксакал-Барба, Кур-Гальджина, Балхаша и Нор-Зайсана, простирается в длину от востока к западу с лишком на 1700, а в ширину к границам Бухарии, Коканта и Ташкента, к Большой киргизской орде и к китайским границам, местами на 1500, а местами от 500 до 700 верст. Вся великая площадь сия, удобная к кочевой жизни, покрыта становьями и бесчисленными движущихся селений киргизского народа» (КРО, 1964. С. 265–266).

***

Таким образом, в этноисторическом плане происхождение казахов Среднего жуза следует, по-видимому, связывать с этнотерриториальной общностью средневековых

кыпчакских племен, с кочевыми тюркоязычными и тюркизированными группами улуса Орда-Еджена и в особенности с кочевыми узбеками позднего средневековья. Общность хозяйственных и политических интересов, как справедливо заметил впервые С. Д. Асфендиаров, а вслед за ним М. П. Вяткин, выработанная в данной экосистеме, способствовала возникновению этнокультурной общности, осознаваемой в генеалогических и этнических категориях (Асфендиаров, 1935. С. 82).

В течение своей истории, особенно в XVII – середине XVIII в. казахам Среднего жуза пришлось вести тяжелую борьбу на выживание с ойратами и Джунгарским ханством, теснившим их на востоке и северо-востоке, а в первой половине XVIII в. и с башкирами, претендовавшими на северные и северо-западные территории. В первой половине XVIII в. казахи Среднего жуза потеряли свои пастбища в восточной части региона и были вытеснены в Центральный Казахстан (Моисеев, 1991; Ерофеева, 1999 и др.). В 1748 г. М. Тевкелев писал, что «Средняя орда кочует по реке Тобол и по реке Ишим и на вершине реки Иртыш и на урочище Куктав» (КРО, 1961. С. 407).

После уничтожения Джунгарского ханства казахи Среднего жуза начинают двигаться на восток на освободившиеся после гибели джунгар земли и вновь осваивают Восточный и Северо-Восточный Казахстан, выдвигаются на юго-восток в северное Семиречье и постепенно проникают на территорию Джунгарии и в Северо-Западную Монголию (Балкашин, 1887; Потанин, 1881–1883. Вып. II, IV; Грумм-Гржимайло. Т. 2, 3. Вып. 2 и др.).

П. И. Рычков в середине XVIII столетия сообщал, что «Средняя орда протчих люднее и богачее. Обыкновенное ее кочевье по сю сторону Туркестана к Аральскому морю на вершинах Тоболу и Ишима рек при озере Аксакале, по Каракуму и по другим урочищам к Сибирской стороне» (Рычков, 1896. С. 71. § 146).

В середине XVIII в. начался длительный и мучительный процесс вхождения казахов Среднего жуза в состав России, продолжавшийся вплоть до середины XIX в., когда граница

Российской империи была перенесена в Присырдарьинский регион (Аполлова, 1960 и др.). В составе Российской империи они вошли в так называемое «Сибирское ведомство», подчинявшееся западно-сибирскому генерал-губернатору. В 1822 г. они были включены в сферу действия «Устава о сибирских инородцах». Тогда же была учреждена Омская область с четырьмя внутренними округами: Омским, Петропавловским, Семипалатинским и Усть-Каменогорским.

На основе «Устава о сибирских киргизах» от 1822 г. были образованы в 1824 г. Кокчетавский и Каркаралинский внешние округа, в 1831 г. – Аягузский, в 1832 г. – Акмолинский, в 1833 г. – Баян-Аульский и Уч-Булакский, в 1834 г. – Аман-Карагайский, позднее переименованный в Кушмурунский, в 1844 г. – Кокбектинский, а в 1859 г. – взамен Кушмурунского – Атбасарский внешние округа.

В 1854 г. вся восточная половина Казахстана была подразделена на «Область сибирских киргизов» и «Семипалатинскую область». В состав Семипалатинской области вошли казахи Кокбектинского, Аягузского (с 1860 г. – Сергиопольского) внешнего и Семипалатинского внутреннего округов. А казахи Каркаралинского, Кокчетавского, Акмолинского, Баян-Аульского и Кушмурунского внешних округов образовали «Область сибирских киргизов».

Согласно реформам 1868 и 1891 гг. казахи Среднего жуза образовали в составе Российской империи Кустанайский и Тургайский уезды Тургайской области; Омский, Акмолинский, Атбасарский, Кокчетавский и Петропавловский уезды Акмолинской области; Семипалатинский, Зайсанский, Каркаралинский, Павлодарский и Усть-Каменогорский уезды Семипалатинской области, Лепсинский и отчасти Копальский уезды Семиреченской области, а также вошли в состав Перовского, Чимкентского и Ташкентского уездов Сырдарьинской области (МИПС, 1960. С. 91–118, 135–136, 146–186, 319–324, 383–387 и др.).

Численность казахов Среднего жуза, по наиболее ранним сведениям И. Г. Андреева, составляла в конце XVIII в. 176 400 кибиток (Броневский, 1830. Ч. 42. Кн. 121. С. 186). Я. Га-

вердовский на самое начало XIX в. дает численность Среднего жуза в 160 400 семей (*Гавердовский*, 1803. С. 62 об.). А. И. Левшин оценивает их численность в 210 тыс. кибиток (*Левшин*, 1832. Ч. III. С. 3–4), Ю. Гагемейстер – немногим более 362 тыс. человек (*Гагемейстер*, 1854. Ч. II. С. 10), а Н. Красовский – как минимум в 500 тыс. человек (*Красовский*, 1868. Ч. I. С. 318).

Пожалуй, единственную реальную возможность для более или менее адекватного определения численности казахов Среднего жуза представляют «Материалы по киргизскому землепользованию», а также областные «Обзоры», издававшиеся с 80-х гг. XIX в. – по 1913 г., и прежде всего материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., которая выявила в пределах Акмолинской области – 427 389 чел., Семипалатинской области – 604 564 чел., в Лепсинском уезде Семиреченской области – 156 107 чел., в Кустанайском и Тургайском уездах Тургайской области – 204 176 чел. (см. подробнее: *Востров*, *Масанов*, 1980. С. 16–17 и др.). В итоге суммарная численность их составляла 1 392 236 человек.

И если учесть, что немалая часть казахов Среднего жуза проживала за пределами указанных областей, а также в Китае и Монголии, то представляется возможным предположить, что их общая численность на рубеже XIX–XX вв. могла достигать 1300–1500 тыс. человек. В том числе в пределах Казахстана могло проживать 1300–1350 тыс. чел., а с учетом казахов Китая и Монголии численность Среднего жуза превышала 1500 тыс. человек.

Самое раннее свидетельство о родоплеменном составе казахов Среднего жуза содержится в известном описании М. Тевкелева, который в частности указал на следующие подразделения – аргын, найман, кыпчак, керей, уак, таракты, толенгут. «В Средней орде сильной род Аргин, щисляется шеснатцать родов, ... Найман щисляется одинатцать родов, против Аргинского роду средственной... Кыпчак щисляется девять родов и перед Найманском роду безсильнея... всех родов безсильнея, да всех богатея, а имянно: Увак, Гирей, Тараклы» (КРО, 1961. С. 407).

Наряду с этим он сообщил, что «во оной же Большой орде один весьма сильной род Конград, и оной род принадлежит к Средней орде, ибо с давних лет от Средней орды отстал и кочует з Большою ордою вместе...» (КРО, 1961. С. 407–408). Весьма своеобразную структуру Среднего жуза во второй половине XVIII в. дал академик И. П. Фальк – атагай, найман, аргыннайман, кыпчак и уаккерей (Прошлое Казахстана..., 1935. С. 151).

«В сей Средней орде, – сообщал в середине того же столетия П. И. Рычков, – генерально четыре рода состоит, яко то: Найманы, Аргинцы, Увак-Гирейцы и Кыпчаки, из которых Найманский против всех прочих люднее и богатее» (*Рычков*, 1887. С. 103). Этой же структуры придерживался и капитан И. Г. Андреев (*Андреев*, 1795. Ч. 110. С. 74–79). В свою очередь, С. Броневский указал лишь на четыре подразделения в составе Среднего жуза: найман, аргын, кыпчак и уак (*Броневский*, 1830. Ч. 41. Кн. 119. С. 404). Н. Красовский в середине того же столетия указывал на наличие пяти частей – аргын, найман, кыпчак, уак и керей (*Красовский*, 1868. Ч. 1. С. 332–334). «Средняя киргизская орда, – писал тогда же Ч. Ч. Валиханов, – делится на пять главных родов: аргын, кыпчак, конрат, найман и уак-кирей» (*Валиханов*, 1961. Т. 1. С. 124).

Но наиболее полную структуру казахов Среднего жуза дали в своих работах Г. Н. Потанин, Н. А. Аристов, Н. Коншин и другие авторы (*Потанин*, 1883. Вып. IV. С. 14; он же, 1917. С. 56; *Аристов*, 1896. С. 353–377; *Коншин*, 1900). Согласно их исследованиям, полностью подтвержденным современными этнографическими изысканиями, казахи Среднего жуза подразделялись на следующие группы: кыпчак (*kypchak*, *qypchaq*), аргын (*argyn*), найман (*naiman*, *najman*), керей (*kerei*, *kerej*), конрад (*konrad*), уак (*uak*) и таракты (*tarakty*, *taraqty*).

Об иерархии и соотношении различных племен и племенных объединений Среднего жуза генеалогические предания дают далеко неоднозначные сведения. Так, по одним легендам у Булат-кожи было два сына Ак-кожа и Кара-кожа. От Кара-кожи ведут свое происхождение аргыны и найманы, а от Ак-кожи – кыпчаки и конрады. Уаки и керей были

пришельцами (*керме*). Таракты являлся племянником аргынов по женской линии (*Потанин*, 1916. С. 56). По другим легендам от Ак-кожи ведут свое происхождение найманы и конрады, а от Кара-кожи – аргыны и кыпчаки. Уаки и керей – пришельцы (*керме*). Таракты происходят от сестры Аргына (*Потанин*, 1916. С. 61–62). По данным М. Тевкелева, Таукёхан объединил кереев с уаками (*КРО*, 1961. С. 407).

Имя одного из мифических прародителей казахов Среднего жуза легендарного Ак-жола известный востоковед Ю. А. Зуев считает возможным по ряду семантических признаков отождествить с конкретной исторической личностью – казахским ханом Хакк-Назар-ханом (1538–1580 гг.), а имя другого мифологического отца-основателя Среднего жуза Булат-кожи, по мнению Ю. А. Зуева, можно сопоставить с именем Аргын (*Зуев*, 1981. С. 70–71). В этой связи хотелось бы заметить, что едва ли есть какой-либо смысл так буквально воспринимать Ак-жола или Булат-кожу, или любой другой легендарный персонаж за пределами мифологического или генеалогического пласта народного сознания. Совершенно очевидно, что подобных исторических персонажей в реальной истории никогда не существовало.

Аргыны

Крупнейшей племенной группой Среднего жуза и вообще всего казахского народа являлись аргыны. Они занимали огромную территорию в сотни тысяч квадратных километров и были расселены практически на всем пространстве от Тургайского плато до Восточного Казахстана. Но основная масса аргынов все же кочевала в районе Центрально-Казахстанского мелкосопочника. Они были расселены на всей территории Семипалатинской и Акмолинской областей, а по численности, составляя более половины казахского населения, преобладали в Павлодарском, Каркаралинском, Семипалатинском и Тургайском уездах.

Происхождение казахов рода аргын неясно. Многие исследователи до сих пор пытаются найти аналогии этнониму «аргын» среди древних и средневековых этнообозначений.

Так, в частности, одни авторы полагают, что они ведут свое происхождение от раннесредневековых басмылов (*Аристов*, 1896. С. 365–366; *Грумм-Гржимайло*, 1926. Т. 2. С. 256. Примеч. 1; *Гумилев*, 1970. С. 93. Критику на это мнение см.: *Аманжолов*, 1959. С. 36–37), другие же – от карлуков (*Востров*, *Муканов*, 1968. С. 68; *Муканов*, 1974. С. 48). Н. А. Аристов, а вслед за ним К. А. Пищулина, считают возможным сближать аргынов с *аркенудами* позднесредневекового Могилистана (*Аристов*, 1896. С. 314; *Пищулина*, 1977. С. 238 и др.). Но это невозможно не только по лингвистическим, но и по историческим основаниям (*Юдин*, 1965. С. 53 и др.).

В этническом отношении, по моему мнению, происхождение аргынов следует увязывать прежде всего со средневековыми кыпчаками, позднесредневековыми узбеками и возможно Ногайской ордой. В этой связи небезынтересно заметить, что основателем знатного кыпчакского племени «ильбори» был Кунан. С. М. Ахинжанов считает возможным сближать антропоним Кунан с именем одного из генеалогических предков всех казахов Котана (*Ахинжанов*, 1976. С. 92), носящим явно мифологический характер и обозначающим в персонифицированной форме начало всех начал, первооснову всего живого, естество и силу плодородия. В этой связи чрезвычайно интересна мысль К. Менгеса о том, что имя второго сына Чингиз-хана великого кагана Угэдэя могло звучать в тюркоязычной среде в форме *Gödän* (*Göden*), *Götän*, *Güdän* (*Менгес*, 1979. С. 116).

Несомненна также этническая связь аргынов со средневековыми узбеками Дашт-и Кыпчака, поскольку все основные родоплеменные подразделения аргынов находят очевидные этнонимические параллели в среде кочевых узбеков (*Кармышева*, 1976 и др.). Тем более, что и сам этноним «аргын» прямо фигурирует в составе родоплеменных групп узбеков Дашт-и Кыпчака (*Султанов*, 1977. С. 165–166, 168, 170, 174 и др.), как и в этнонимической номенклатуре Ногайской орды (*Трепавлов*, 2002. С. 502 и др.). При этом, что особенно интересно, аргыны фигурируют в составе племе-

ни минг в Ногайской орде. Минг были доминирующим племенем в составе узбеков Мавераннахра и занимали левую сторону от высочайшего престола. Более того, минги создали особую кокандскую династию и играли чрезвычайно важную роль в истории Кокандского ханства (Султанов, 1977. С. 166, 168, 170, 173–174). Вместе с тем аргыны упоминаются в составе крымских татаров, где они были, как отмечает В. В. Трепавлов, «самостоятельной и могущественной силой» (Трепавлов, 2002. С. 505. Примеч. 17).

При этом этноним «аргын», видимо, достаточно позднего узбекско-казахского происхождения. В семантическом плане, думается, можно рассматривать этноним «аргын» как сложное слово, состоящее из двух основ: *-arɫ – erɫ – r –* «человек» и которое, в свою очередь, сопоставляется с *er > ir –* «мужчина», «муж», и *-gyn*, означающим в древнетюркских языках «племя», «народность», «союз племен» (Цаплин, 1975. С. 105; Зуев, 1960. С. 103, 128 и др.). О возможности подобного анализа говорит Н. А. Баскаков в контексте этнонима «ербуга». (Баскаков, 1985. С. 136 и др.). Следует также обратить внимание на использование первой основы в казахских антропонимах, используемых для обозначения персонажей богатырского эпоса Ер-Косай, Ер-Кокше, Ер-Манас, Ер-Тостык и др. (См., например: Казахский фольклор..., 1972. С. 104–108, 130–134).

В этой связи несомненный интерес представляет этимология этнонима «аргын», предложенная А. Абдрахмановым – «западные племена» (Абдрахманов, 1979. С. 95–99), а еще более Т. Джанузаковым – «племенное объединение», «племенной союз», «множество племен» (Джанузаков, 1982. С. 63). Но наибольшей известностью пользуется народная этимология этого этнонима как 'смешанного племени'.

Численность аргынов, по сведениям Я. Гавердовского, в самом начале XIX в. достигала 68 тыс. семей (Гавердовский, 1803. Л. 60 и об., 61 об. – 62). По данным Бутовского, впервые обнародованные Н. А. Аристовым, численность аргынов в 1832 г. составляла 60 тыс. кибиток (Аристов, 1896. С. 377).

Анализ самого достоверного источника – «Материалов по киргизскому землепользованию» в сопоставлении с рядом других исторических источников показывает, что численность аргынов в начале XX в. составляла: в Павлодарском уезде – более 100 тыс. чел. (МКЗ. Т. IV. Табл. С. 2–51, 54–167, 174–207, 214–267. Подсчет мой. – Н. М.), Акмолинском – около 50 тыс. (МКЗ. Т. III. Ч. II. Общий очерк. С. 96; Аристов, 1896. С. 376); Тынышпаев безосновательно завышает их число до 150 тыс. чел. (Тынышпаев, 1925. С. 63), Каркаралинском – по одним сведениям около 90 тыс. чел. (МКЗ. Т. VI. Табл. С. 2–571. Подсчет мой. – Н. М.), а по другим – более 150 тыс. чел. (Логотов, 1929. Вып. XVIII. С. 46–47), Семипалатинском – около 65 тыс. (Логотов, 1929. С. 46), Кокчетавском – около 35 тыс. (Аристов, 1896. С. 375–376. Подсчет мой. – Н. М.). По данным Тынышпаева – 90 тыс. (Тынышпаев, 1925. С. 63), Тургайском – около 45 тыс. (ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 498. Л. 24; Тынышпаев, 1925. С. 63), Атбасарском – более 30 тыс. (МКЗ. Т. II. Табл. С. 10–79, 138–139, 146–147, 218–239. Подсчет мой. – Н. М.), Петропавловском – более 22 тыс. (МКЗ. Т. XII. С. 67); Кустанайском – 15 тыс. (МКЗ. Т. V. Табл. С. 34–43, 78–103, 174–179. Подсчет мой. – Н. М.), Омском – 13 тыс. чел. (МКЗ. Т. XI. Табл. С. 18–19, 26–31, 42–59, 62–63, 70–91. Подсчет мой. – Н. М.), в районе Чу и низовьев Таласа – 3500 чел. (Черновский, 1915. С. 14), Перовском уезде – около 3500 чел. (МСТК, 1872. С. 110, 111, 116. Подсчет мой. – Н. М. См. также МКЗ. Сырдарьинская область. Перовский уезд. Табл. С. 14–16, 20–22, 44–46, 98–100. Подсчет мой. – Н. М.), Чимкентском уезде – 1500 чел. (Гродеков, 1889. С. 18–19. Подсчет мой. – Н. М.) и т. д.

М. Тынышпаев значительно завышает численность аргынов – до 890 тыс. чел., в том числе в Каркаралинском уезде – до 190 тыс., Акмолинском – 150 тыс., Павлодарском – 150 тыс., Кокчетавском – 90 тыс., Атбасарском – 70 тыс., Петропавловском – 60 тыс., Семипалатинском – 50 тыс., Тургайском – 50 тыс., Кустанайском – 20 тыс., Омском – 20 тыс., Алтайском – 30 тыс. и Аулиеатинском – 10 тыс. человек (Тынышпаев, 1925. С. 63). Абсурдность этих данных

может быть проиллюстрирована хотя бы тем фактом, что, например, численность всего казахского населения в Каркаралинском уезде по переписи 1897 г. составляла 169 656 чел., Павлодарском – 142 562 чел., Кокчетавском – 79 041 чел. и т. д., что меньше, чем численность одних только аргынов по данным М. Тынышпаева.

Таким образом, общая реальная численность самого многочисленного племени в составе казахского народа аргынов составляла, вероятно, около 450–500 тыс. человек на рубеже XIX–XX вв.

Генеалогия. Очень сложным является вопрос о племенной структуре аргынов, поскольку зафиксированные в историографии десятки генеалогических преданий и легенд дают весьма противоречивые сведения, в основном, мифологического характера. Самое раннее свидетельство о племенном составе аргынов содержится в известном описании М. Тевкелева. «В Средней орде сильной род Аргин, – указывает он, – щисляется шеснатцать родов, а имянно: Каракисяк аргин, Сарчетем чакчак аргин, Каравол кисьяк аргин, Атаган аргин, Тобоклы аргин, Басантиен аргин, Канджигал караул аргин, Джанджар аргин, Тюрт увол аргин, Алтай аргин, Тебечь аргин, Борчи аргин, Карпак аргин, Агин калкаман аргин, Козуган аргин, Кокшал аргин» (КРО, 1961. С. 407. См. также: *Семейный, Моржанов*, 1961. С. 187–189).

В свою очередь, П. И. Рычков в середине XVIII века писал, что «Аргинский же род разделяется на девять поколений: 1-е именуется у них Чакчат, 2-е Чарджит, 3-е Тюртюул, 4-е Караул, 5-е Каракисяк, 6-е Канджагалы, 7-е Атчай, 8-е Тараклы и 9-е Кулчан-Аргинское» (*Рычков*, 1887. С. 103). Аналогичную структуру аргынов дал капитан И. Г. Андреев (*Андреев*, 1795. Ч. 110. С. 74). Я. Гавердовский в 1803 г. зафиксировал следующий состав аргынов: «чирд, чижит, тортоулы, караулы, кара-кисяк», алтай, «алтай-тараклы, кулчак», канжигалы, «сиряжитым», «верхние чактынцы», «побекли» (*Гавердовский*, 1803. Л. 60–62).

Весьма своеобразную структуру аргынов дал Н. Балкашин. По его данным аргыны подразделялись на момын, куандык, суюндык, таракты и каракисек. В состав момынов

входили племена бегендык и шегендык, а также атыгай, богыс, канжигалы, тобыкты, караул, басентеин, сарыжетим-шакшак. Куандык подразделялись на алтай, калкаман, агыс, карпык и темеш, а суюндык – на тортаул, карджас, козган, коксал (*Балкашин*, 1887. С. 29. Примеч.).

По данным Г. Н. Потанина: «У Аргына шесть сыновей: Мийрам-сопы, Кара-сопы, Сары-сопы, Ак-сопы, Надыр-сопы, Темир-сопы». У Мейрама, по его сведениям, было четыре сына: Суюндык, Куандык, Шубартпалы и Каракисек (Булаткожа), а у остальных – по одному сыну: у Кара-сопы – Караул, у Надыр-сопы – Сарыжетим, у Темир-сопы – Шакшак, у Ак-сопы – Тобыкты, у Сары-сопы – Басентеин (*Потанин*, 1883. Вып. IV. С. 14–15).

Очень интересны сведения об аргынах у Н. Коншина, информатором которого был предположительно сам Абай Кунанбаев. Он сообщает, что аргыны ведут свое происхождение от Акжолы. У Акжолы было два сына: от первой жены – Каракожа и от второй жены – Сумдык. У Каракожи от первой жены (байбише) был сын Мейрам, а от второй жены Момын (токал) три сына – Карасопы, Кеңджесопы и Басентеин. У Мейрама было пять сыновей – Куандык, Суюндык, Бегендык, Кегендык и Болат, у Карасопы – Атыгай и Караул, у Кеңджесопы – Тобыкты и Канжигалы, у Басентеина – Айтей, Бере и Самек. Последние семь родов называются жеты момын. У второго сына Акжолы Сумдыка было два сына Сарыжетым и Шакшак, которые называются токал-аргын (*Коншин*, 1900. С. 119–120).

Наибольший интерес представляют «Материалы по киргизскому землепользованию», в которых содержится самый репрезентативный материал. В родословных схемах Акмолинского уезда дается следующая родовая структура аргынов. У Каракожи был сын Когам, у которого – сын Мейрам. От старшей жены Мейрама (байбише) ведут свое происхождение Суюндык, Куандык, Бегендык и Шегендык, а от токал – шубартпалы (токаул), жалыкпас и камбар, от рабыни – каракесек и побочный сын – каржас (МКЗ. Т. III. Ч. I. Родословные схемы. С. 126).

Большой интерес представляют родословные схемы Каркаралинского уезда. У Аюкола было два сына Каракожа и Аккожа. У сына Каракожи Аргына было две жены Аргуль и Момын. У Аргуль (байбише) был лишь один сын Мейрам, а у Момын (токал) – пять сыновей: Атыгай, Караул, Басентеин, Канжыгалы и Тобыкты. У Мейрама было три жены: Зазия (байбише), Шубартпалы (токал) и Каркабат (рабыня). У Зазии было четыре сына (байбише-баласы): Суюндык, Куандык, Бегендык и Шегендык, у Шубартпалы – сын Шубартпалы, а у Каркабат – Болаткожа, который получил прозвище Каракесек (МКЗ. Т. VI. Родовые схемы. С. 100).

В Кустанайском уезде аргыны подразделялись на кыркмылтык, джиембет, сонжурек, тамай, кожемжар, бекембет, таз (алдиар) в Убаганской волости; на ермен, басентеин, алимбет, баимбет, кыркмылтык, тонмаюн и отей в Аманкарагайской волости (МКЗ. Т. V. Сведения о киргизских ордах и родах. С. 221, 223). В Павлодарском уезде у Каракожи было четыре сына – Мейрам, Басентеин, Кенджесопы и Карасопы. Среди сыновей Мейрама указаны Суюндык, Бегендык и Шегендык (МКЗ. Т. IV. Родовые схемы. С. 76).

Согласно более поздним материалам Г. Н. Потанина, у Аргына было три жены. От старшей жены Аркуль родился Мейрам-сопы, от токал Момын – Аксопы, Сарысопы и Карасопы, а от третьей жены родился Тянбис-сопы. Потомки Тянбис-сопы зовутся еки-шекты-аргын, От Аксопы ведут свое происхождение канжигалы и тобыкты, от Карасопы – караул и басентеин, от Сарысопы – дауд атагай. От Мейрам-сопы происходят Куандык, Суюндык, Бегендык, Шегендык и Каракесек (Потанин, 1917. С. 56–58, 61–63).

По М. Тынышпаеву аргыны подразделяются на мейрам, момын и токал-аргын. От Мейрама ведут свое происхождение куандык, суюндык, бегендык и шегендык (байбише-баласы), а также шубартпалы, каракесек (болаткожа) и камбар. От Момын происходят басентеин, атагай, караул, канжигалы и тобыкты (бес-момын), а от токал-аргын – жогары-шекты с подразделениями аманжол, сумжурек, апай

и жалдыбай, и томен-шекты с подразделениями жиембет, алимбет, беимбет, бегимбет, кыркмылтык, тонмоин, тешей, кохамжар, актажы и байтажы (Тынышпаев, 1925. С. 68–69).

По данным Шакарима, у Аюкола было два сына: от старшей жены – Каракожа и от младшей – Суюндык. От Суюндыка ведут свое происхождение саржетым и шакшак (токал-аргын). От старшей жены у Каракожи был сын Мейрам, а от младшей – Карасопы, Кенджесопы и Басентеин. От старшей жены у Мейрама были сыновья – Куандык, Суюндык, Бегендык и Шегендык, а от младшей жены – Болат (Каракесек) (Шакарим, 1990. С. 78).

Противоречивость и запутанность сведений о генеалогии аргынов убедительно демонстрируют лабильность и аморфность всей системы родоплеменного деления, ее мистифицированный и мифологический характер. Практически в каждом регионе или в каждом племени были свои легенда, миф, шежере. Отличия между ними были настолько значительны, что фактически они полностью опровергали друг друга.

Уран аргынов – акжол, каракожа, аманжол, аблай (Гродков, 1889. Приложения. С. 2; Потанин, 1917. С. 58; Тынышпаев, 1925. С. 29; Шмидт, 1927. С. 304; Аманжолов, 1959. С. 13 и др.).

Найманы

Одним из наиболее крупных племенных объединений казахского народа были найманы, которые, в основном, были расселены плотной и широкой зональной массой в предгорно-равнинной полосе от северной части Джунгарского Алатау на юге вплоть до Западного Алтая на севере в Восточном Казахстане. Найманы полностью преобладали в составе казахского населения Усть-Каменогорского, Лепсинского, Зайсанского и Атбасарского уездов. Небольшие группы найманов также располагались на северо-востоке и на юге Казахстана по среднему течению Сырдарьи.

Происхождение найманов в существующей историографии традиционно и априори принято связывать со средневековыми найманами эпохи зарождения Монгольской

империи Чингиз-хана (Аристов, 1896. С. 361; Тынышпаев, 1925. С. 14–18; Аманжолов, 1959. С. 52–58; Востров, Муканов, 1968. С. 61–65; Муканов, 1974. С. 38–45 и др.). Однако серьезных разработок этого аспекта этнической истории в казахстанской историографии пока не существует.

Происхождение же самих средневековых найманов одна из наиболее сложных и все еще до сих пор недостаточно изученных проблем истории Центральной Азии. Большая часть исследователей считает, что они были монголоязычного происхождения (Васильев, 1857; Бартольд. Т. V. С. 276; Владимирцов, 1934. С. 85, 96, 109; Гумилев, 1970. С. 136–139; История МНР, 1983. С. 124 и др.). Основным доводом в пользу такого решения является монгольская этимология самого этнонима «найман» от монгольского 'найман' ('восемь'). Другая, в основном казахстанская, часть исследователей полагает, что они были тюркоязычного происхождения, указывая на отдельные тюркские соответствия и аналогии в антропонимах и титулатуре (Бобровников, 1849. С. V; Аристов, 1896. С. 361; Шахматов, 1950. С. 96; Аманжолов, 1959. С. 53–56; Потапов, 1969. С. 175–176; Востров, Муканов, 1968. С. 61–63; Муканов, 1974. С. 38–42 и др.).

Относительно происхождения средневековых найманов была также высказана версия о том, что монгольский этноним «найман» является, возможно, калькой тюркского этнонима «сегиз-огуз», возникшего еще в середине VIII в. в районе между Верхним Иртышем и Орхоном от Хангая до Тарбагатая. Цегледи полагает, что частично монголизованные тюркоязычные по происхождению найманы в середине VIII в. жили в западной части Кобдо и в горных районах на запад от реки Кобдо. Их имя звучало в тюркизированной форме, означающей «владеющий восемью знаменами» (История Казахстана..., 2001. С. 49–50).

В позднесредневековую эпоху найманы были включены в состав узбекского этнокультурного объединения и Ногайской орды на территории Дашт-и Кыпчака и были их важной составной частью, о чем свидетельствуют многочисленные этнонимические параллели (Гребенкин, 1872. С. 81–83;

Шаниязов, 1974. С. 133–134; Кармышева, 1976. С. 108, 232, 236–237; Султанов, 1982. С. 13, 24, 35–36 и др.), а также присутствие этнонима «найман» в составе узбеков Мавераннахра и многих других тюркоязычных племен и народов.

Несмотря на все исторические коллизии, связанные с политическим доминированием тех или иных племен на обширных просторах степной зоны Казахстана и бесконечными передвижками и миграциями разнообразных родоплеменных групп кочевников, найманы, возможно, с небольшими перерывами на протяжении по меньшей мере семи столетий проживали в Восточном и Северо-Восточном Казахстане. В этой связи Карл Менгес совершенно справедливо заметил, что «...нет никаких исторических свидетельств о походах или передвижениях найманов на запад до областей современной Украины ни до, ни после вторжения Чингизхана...» (Менгес, 1979. С. 135).

Действительно, найманы – это совершенно уникальный и в то же время загадочный феномен стабильной и перманентной локализации одного этнонима в одной географической зоне на протяжении многих столетий. Разгадка этого «чуда», на наш взгляд, кроется в том, что значительная часть найманов практиковала вертикальную систему кочевания, сопряженную с немалыми трудностями, для преодоления которых необходим был большой опыт адаптации к кочеванию на горно-альпийских лугах.

Видимо, накопленный найманами на протяжении многих столетий и поколений огромный опыт экологической адаптации к условиям горно-долинного выпаса в зоне Алтайских и прилегающих к ним гор ставил их в привилегированное в хозяйственно-культурном плане положение по отношению к другим группам тюрко-монгольских кочевников и делал их сверхконкурентоспособными в борьбе за горно-альпийские пастбища.

В пользу данного вывода говорит и тот факт, что в течение XVIII–XIX вв. найманы систематически теснили казахские племена Старшего жуза с предгорных и горных пастбищ в Юго-Восточном Казахстане. К концу XIX столетия они уже

составляли большинство населения в Лепсинском уезде и неуклонно продвигались на юг региона в Копальский уезд. Более того, отдельные родовые группы найманов (кызаи, кара-кереи и др.) не встречая сопротивления активно осваивали горно-альпийские пастбища в Западной Джунгарии.

Можно предположить, что бесчисленные группы кочевников, на протяжении многих столетий выдвигавшиеся из Джунгарии на территорию Казахстана, просто просеивались сквозь кочевки и местообитания найманов, осваивая более близкую им степную зону, не требовавшую опыта вертикального кочевания. Нельзя отрицать и процессов интеграции, миксации и ассимиляции, но в любом случае накопленный найманами опыт экологической адаптации к условиям горно-долинного кочевания играл главную роль в хозяйственно-культурной самоидентификации и сохранении этнокультурных стереотипов и самого этнонима «найман».

Важно то, что казахи рода найман возводили свое происхождение к Окрешу, которого считали первопредком найманов. Интересно заметить, что род «окреш-найман» наряду с собственно найманами упоминается в составе узбеков Дашт-и Кыпчака в качестве самостоятельного и независимого подразделения (Семенов, 1954. С. 24 и др.). Этноним «окреш-найман» фигурирует и в составе ногайцев (Гаджиева, 1979. С. 59 и др.).

Численность. Найманы были одной из наиболее многочисленных родоплеменных групп в составе казахского народа. Еще в середине XVIII столетия один из наиболее компетентных авторов П. И. Рычков сообщал, что «...найманский род в Средней орде в немалом людстве еще состоит, и особого владельца Барак салтана имеет...» (Рычков, 1896. С. 71. § 146). В другом месте он же еще раз уточняет, что найманы в Среднем жузе «...протчих гораздо люднее и богачее...» (там же).

Общая численность найманов, по данным Я. Гавердовского, составляла в самом начале XIX в. 60 900 семей (Гавердовский, 1803. Л. 60, 62). Несколько позднее Бутов-

ский дает цифру их численности в 30 000 кибиток (Аристов, 1896. С. 377). В середине XIX в. А. Макшеев отмечал, что в Сергиопольском округе проживало 6694 кибитки найманов, в Копальском округе – 8410 кибиток найманов, в Ташкентском округе – 115 кибиток и несколько сотен в Перовском уезде (Радлов, 1989. С. 113–114). Итого по его подсчетам насчитывалось более 15 тыс. кибиток найманов.

М. Тынышпаев, обычно завышающий в своей работе все цифровые данные, указывал, что численность найманов в начале XX в. составляла 530 тыс. чел., в том числе в Лепсинском уезде – 150 тыс., Зайсанском – 100 тыс., Усть-Каменогорском – 110 тыс., Копальском – 80 тыс., Атбасарском – 40 тыс., Семипалатинском – 30 тыс., Перовском – 10 тыс. и Алтайском уездах – 10 тыс. человек (Тынышпаев, 1925. С. 63).

Согласно же более достоверным подсчетам Н. А. Логутова численность найманов в начале XX в. составляла в Зайсанском уезде 26 505 хозяйств, Усть-Каменогорском – 9494 хозяйства, Семипалатинском – 7194 хозяйства, Бухтарминском – 4207 хозяйств, Павлодарском – 1932 хозяйства и Каркаралинском уезде – 986 хозяйств (Логутов, 1929. С. 46). Всего, таким образом, по его подсчетам, насчитывалось более 50 тыс. хозяйств найманов.

По данным на 80-е гг. XIX в. в Перовском уезде насчитывалось 200 кибиток найманов, а в Чимкентском – 705 кибиток (Гродеков, 1889. С. 19–20). По другим же данным, в Перовском уезде в 70-е гг. того же столетия насчитывалось 588 кибиток найманов (МСТК. С. 110).

Основная часть найманов в начале XX в. локализуется в Лепсинском и отчасти Копальском уездах – 166 тыс. чел. (Федоров, 1910. Ч. I. С. 80). Помимо этого, согласно данным «Материалов по киргизскому землепользованию», в Усть-Каменогорском уезде насчитывалось 76 тыс. найманов (МКЗ. Т. IX. Ч. II. С. 2–227. Подсчет мой. – Н. М.), в Зайсанском – 70 тыс. (МКЗ. Т. VIII. Ч. II. С. 2–67, 110–375. Подсчет мой. – Н. М.), Атбасарском – около 40 тыс. (МКЗ. Т. II. Ч. II. С. 2–11, 70–147, 154–155, 166–219, 238–263. Под-

счет мой. – Н. М.), Павлодарском – около 4 тыс. (МКЗ. Т. IV. Ч. II. С. 70–75, 82–83, 90–91, 194–195, 202–207, 226–231, 238–243. Подсчет мой. – Н. М.) и в Перовском уездах – около 8 тыс. чел. (МКЗ. Перовский уезд. Табл. С. 50–52, 80–82, 86–88, 98–100, 104–106. Подсчет мой. – Н. М.).

Таким образом, общая численность казахов рода найман на рубеже XIX–XX вв. составляла примерно более 400 тыс. человек.

Генеалогия. Племенной состав найманов отличается исключительной разветвленностью и сложностью. Самое раннее свидетельство о структуре найманов содержится в описании М. Тевкелева: «В Средней же орде Найман щисляется одиннатцать родов..., а имянно: Ак найман, Бура найман, Булатчи найман, Карагирей найман, Терстамгалы найман, Дюрт увол найман, Кук джарлы найман, Иргенкли найман, Семиз найман, Баганалы найман, Садыр найман» (КРО, 1961. С. 407. См. также: Семенюк, Моржанов, 1961. С. 192–194).

По сведениям Н. Коншина, которого информировал, по-видимому, Абай Кунанбаев, родоначальником найманов был сын Аксопы Укреш. У Укреша было три сына – Домбаул, Сюгурши и Сарыжомарт. От Домбаула ведут свое происхождение казахи племени терстамгалы. От Сюгурши и его потомков ведут свое происхождение крупные племена кара-керей, матай, садыр и тортаул. При этом от кара-кереев происходят племена баис, байсыик, ак-найман, карамолда, их потомки – мурун, болатчи, байгана, байджигит, семиз-найман и др. У Матая было три сына – Аталык (от которого происходит крупный род кызаи), Кендже и Каптагай. От третьего сына Укреша Сарыжомарта происходят племена: каратай, баганалы, балталы (последние двое от рабыни), кокжарлы и бура. Потомки Сарыжомарта называются ергенекты-найман (Коншин, 1900. С. 120–121).

По М. Тынышпаеву найманы подразделялись на три основные ветви: терстамгалы (кетбука), сарыжомарт (ергенекты-найман) и толегетай. От терстамгалы ответвляются мамбет и рыскул. В свою очередь, сарыжомарт под-

разделяются на: баганалы, балталы, кокжарлы, бура, каратай. Толегетай состоит из трех частей: кара-керей, матай и садыр (Тынышпаев, 1925. С. 71–72).

Но наибольший интерес, бесспорно, представляют данные, содержащиеся в «Материалах по киргизскому землепользованию». Согласно родословным схемам Усть-Каменогорского уезда найманы происходят от Аксопы, у которого был сын Окреш. Интересно отметить в этой связи, что среди кочевых узбеков Дашт-и Кыпчака позднего средневековья как самостоятельное этноподразделение упоминается племя укреш-найман (Семенов, 1954. С. 24).

У Окреша было три сына – Дамбаул, Согурши и Сарыжомарт. От Дамбаула происходят казахи племени терстамгалы, а от Согурши и его внука Толегетая – кара-керей, матай, садыр и тортуул. От кара-кереев ведут свое происхождение семиз-найманы, ак-найманы, карамолда и баис, а от матая – каптагай, кенже, аталык (кызаи). От Сарыжомарта происходят балталы, баганалы, бура, кокжарлы и каратай (ергенекты-найманы) (МКЗ. Т. IX. Родословные схемы. С. 56. Почти аналогичная схема у Шакарима. См. Шакарим, 1990. С. 74).

Таким образом, племенная структура найманов очерчена достаточно однозначно в целом ряде исторических источников, что, несомненно, является результатом компактного и зонального расселения найманов, а также выработанного столетиями на основе особого образа жизни и общности хозяйственно-культурных традиций относительного единства мифологического сознания и генеалогических стереотипов.

Уран найманов – каптагай (Мейер, 1865. С. 92; Гродеков, 1889. Приложения. С. 2; Потанин, 1916. С. 58; Тынышпаев, 1925. С. 29; Аманжолов, 1959. С. 12; Муқанов, 1974. С. 45 и др.).

Кыпчаки

Третьим по численности родоплеменным объединением Среднего жуза были казахи рода кыпчак, проживавшие, главным образом, в Центральном Казахстане от среднего и нижнего течения Сырдарьи на юге до бассейна реки То-

бол на севере в меридиональном направлении. Кыпчаки составляли почти половину всего казахского населения в Кустанайском и Тургайском уездах Тургайской области. Места кыпчакских кочевок как бы надвое рассекали все пространство казахстанского ареала номадизма и занимали обширную приграничную область между местообитаниями казахских родоплеменных групп Среднего и Младшего жузов.

В отношении кыпчаков сохранилось, как нам кажется, весьма любопытное замечание выдающегося венгерского этнолога и путешественника Арминия Вамбери, который в середине XIX в. отметил, что «из всех киргизских племен принадлежащие к Средней орде кыпчаки лучше всего сохранили первоначальный тип, древние нравы и обычаи и чистоту своего языка» (Алекторов, 1900. С. 197).

Происхождение. Проблема происхождения кыпчаков обычно не вызывает никаких споров и дискуссий и абсолютным большинством исследователей априори решается достаточно однозначно – казахские кыпчаки считаются прямыми потомками средневековых кыпчаков (См., например: Аристов, 1896. С. 367–369; Аманжолов, 1959. С. 73–81; Востров, Муканов, 1968. С. 72–75 и др.). Однако в этой связи встает вопрос – почему именно данная родоплеменная группа сохранила этноним «кыпчак», ведь практически абсолютное большинство казахских племен и родов в той или иной мере ведут свое происхождение от средневековых кыпчаков?

В позднесредневековую эпоху кыпчаки, как известно, наряду с другими казахскими родоплеменными группами были включены в состав узбекского этнокультурного объединения и Ногайской орды. В последующее время средневековые кыпчаки положили начало формированию как самих казахов, так и современных татар, башкир, узбеков, каракалпаков, ногайцев и многих других тюрских и нетюрских народов.

Можно предположить, что этноним «кыпчак» сохранила за собой лишь та часть средневековых кыпчаков, для которой данный этноним не был политонимом. Более того, гипотетически можно полагать, что по линии границы между Средним

и Младшим жузом произошел своего рода «тектонический» разлом средневековых кыпчаков. Западная часть средневековых кыпчаков положила начало Младшему жузу, тогда как восточная – Среднему. Но сам этноним «кыпчак» сохранила за собой именно та часть кыпчакских племен, которая проживала по пограничной линии этого геополитического разлома казахстанских номадов. При этом казахские кыпчаки, возможно, были этническим дериватом как раз той группы кыпчаков, которая играла доминантную роль в Дашт-и Кыпчаке в позднесредневековый период. Однако не исключено, что естественные процессы сегментации кочевых этнообъединений могли по абсолютно неизвестным нам причинам сохранить этноним «кыпчак» за каким-то совершенно произвольно выделившимся подразделением средневековых кыпчаков и их приемников узбеков Дашт-и Кыпчака.

Численность кыпчаков Казахстана, по явно заниженным данным Я. Гавердовского, в самом начале XIX в. составляла 14 500 кибиток (Гавердовский, 1803. Л. 60 об. – 61 об. Подсчет мой. – Н. М.). В свою очередь, М. Тынышпаев в начале XX в. оценил общую численность кыпчаков в Казахстане в 160 тыс. чел., в том числе в Кустанайском уезде – в 70 тыс. чел., в Тургайском – в 50 тыс., в Перовском – в 20 тыс., в Павлодарском – в 10 тыс. и в Омском уезде – в 10 тыс. человек (Тынышпаев, 1925. С. 63).

Основные группы кыпчаков, согласно наиболее достоверному источнику – «Материалам по киргизскому землепользованию», были расселены в Кустанайском уезде – 45 тыс. чел. (МКЗ. Т. V. Табл. С. 18–35, 42–83, 98–119, 170–199. Подсчет мой. – Н. М.), Павлодарском уезде – 14 тыс. чел. (МКЗ. Т. IV. Табл. С. 26–31, 54–55, 82–83, 162–175, 218–219, 230–251. Подсчет мой. – Н. М.), Омском уезде – 10 тыс. чел. (МКЗ. Т. XI. Табл. С. 2–27, 34–39, 46–47, 54–55, 62–63. Подсчет мой. – Н. М.), Перовском уезде – 23 тыс. чел. (МКЗ. Перовский уезд. Табл. С. 14–16, 20–22, 26–28, 32–34, 38–40, 80–82, 98–100. Подсчет мой. – Н. М. См. также: Волости Перовского уезда. С. 110, 111. 116) и в Акмолинском уезде – около 9 тыс. человек (МКЗ. Т. III. Ч. II. Общий очерк. С. 96).

В Николаевском уезде Тургайской области тогда же было зафиксировано более 35 тыс. кыпчаков, а в Тургайском уезде – около 20 тыс. кыпчаков (ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 498. Л. 24–24 об.). В свою очередь, Н. А. Логутов привел следующие данные: в Павлодарском уезде в начале XX в. проживало около 15 тыс. кыпчаков, а всего в Семипалатинской области – около 17–18 тыс. кыпчаков (Логутов, 1929. С. 46).

Таким образом, общая численность кыпчаков на рубеже XIX–XX вв. может быть примерно оценена в 160–170 тыс. человек.

Генеалогия. Самые ранние свидетельства о родоплеменной структуре кыпчаков содержатся в классическом описании М. Тевкелева: «В Средней же орде Кипчак щисляется девять родов..., а имянно: Торы Айгырь кипчак, Кукборон кипчак, Туючка кипчак, Кытабак кипчак. Бултун кипчак, Карабалык кипчак. Танабога кипчак, Кундялян кипчак, Узун кипчак» (КРО, 1961. С. 407). По данным П. И. Рычкова «Кипчаки ж разделяют себя на пять колен. А именно: 1) Кипчакское само собою, потом 2) Кунделен, 3) Узун, 4) Танабуга, 5) Карабалык-Кипчакское» (Рычков, 1887. С. 103; он же, 1896. С. 71. § 146). Совершенно аналогичную структуру приводит и капитан И. Г. Андреев (Андреев, 1795. Ч. 110. С. 74–75).

По Я. Гавердовскому кыпчаки подразделялись на карабалык, танабуга, кольденен, муры-аягыр, узун (Гавердовский, 1803. Л. 60 об. – 61 об.). А. И. Добросмыслов указывает в составе кыпчаков следующие отделения: бултун, карабалык, кольденен, танабуга, торы-айгыр, узун (Добросмыслов, 1895а. С. 324). И. И. Крафт сообщает нам следующий состав кыпчаков: торы-айгыр, туючка, кытабак, бултун, карабалык, кольденен, танабуга, кокбарон (Крафт, 1898. С. 15–16. Радлов, 1989. С. 111).

М. Тынышпаев дает более подробную структуру кыпчаков. По его данным они подразделялись на четыре основные ветви: кара-кыпчак (кобланды), сары-кыпчак, ктай-кыпчак и кулан-кыпчак. Самое крупное подразделение кыпчаков кара-кыпчак состояло из следующих ответвлений: кольденен, карабалык, торы-айгыр, бултун, тары, узун. Кольденен подразделяется на караспан, чуманак, джантай, танабуга, а карабалык – на сопы, корсак и жолжаксы, а узун – на жарбасты,

сыгай и шаудр, бултун – на орыс и бегыс, тары – на жиембет, алатай, алтыбас, метей, турсунбай и кодас (Тынышпаев, 1925. С. 70). Источником данной схемы являются «Материалы по киргизскому землепользованию» (МКЗ. Т.V. Сведения о киргизских ордах и родах. С. 220–224, 228).

Уран кыпчаков – ойбас (Мейер, 1865. С. 92; Гродеков, 1889. Приложения. С. 2; Аристов, 1896. С. 367; Тынышпаев, 1925. С. 29; Шмидт, 1927. С. 311; Аманжолов, 1959. С. 12; Востров, Муканов, 1968. С. 75; Муканов, 1974. С. 58 и др.).

Кереи

Кереи были преимущественно сосредоточены в Северном и Северо-Восточном Казахстане по бассейну среднего течения Иртыша и Ишима и в предгорной полосе Западного Алтая. Они составляли значительную часть казахского населения в Петропавловском и Омском уездах.

Происхождение кереев большей частью исследователей однозначно связывается со средневековыми кераитами/хэрэитами (Востров, Муканов, 1968; Муканов, 1974 и др.), которые играли чрезвычайно важную роль в процессе становления Монгольской империи Чингиз-хана (Рашид-ад-Дин, 1952. С. 126–135; Козин, 1941 и др.). Лишь известный русский путешественник и исследователь Г. Е. Грумм-Гржимайло поставил под сомнение этническую связь кереев с кераитами/хэрэитами, указав на то, что китайские письменные источники для написания этих двух этнонимов обычно используют абсолютно разные иероглифы и обозначения (Грумм-Гржимайло, 1926. Т. 2. С. 409–411).

Что касается языковой принадлежности средневековых кераитов/хэрэитов, то большинство исследователей считают их монголоязычными, указывая на чисто монгольскую этимологию самого этнонима «хэрэит» – от монгольского 'хэрэ' 'ворон' (Бартольд, 1963. Т. I. С. 452; Гумилев, 1970. С. 106; Spuler, 1972. P. 121. Note 16; Сандаг, 1977. С. 25; Эрдниева, 1980. С. 52–53; История МНР. С. 124; Санчилов, 1977. С. 23–25 и др.). При этом они считают этническим дериватом кераитов/хэрэитов западную ветвь монголов – ойратов (oirad).

Другая часть исследователей настаивает на том, что кераиты были тюркоязычного происхождения, отмечая отдельные тюркские соответствия и аналогии в антропонимах и титулатуре (Аристов, 1896. С. 354; Аманжолов, 1959. С. 47–52; Востров, Муканов, 1968. С. 57–58; Муканов, 1974. С. 28–30 и др.). При этом они считают, что потомками кераитов/хэрэитов стали керей, керейты из Младшего жуза и кара-керей в составе найманов.

Со своей стороны, такой известный и авторитетный исследователь истории и культуры монголов как Л. Л. Викторова предложила компромиссный вариант – рассматривать кераитов как племя смешанного происхождения, включавшее в свой полиэтничный состав как тюркско-уйгурские группы кочевников, так и монгольязычных киданей, и собственно монголов (Викторова, 1980. С. 168).

При этом надо заметить, что помимо этого параллельно с термином «керей» широко известен другой казахский этноним «керейт», который фигурирует в составе позднесредневековых узбеков Дашт-и Кыпчака и среди племен Моголистана (Юдин, 1965. С. 52–53, 59–60 и др.). Наряду с этим следует указать на наличие самостоятельной группы керейт в составе родоплеменной группы жетыру казахов Младшего жуза, а также группы кара-керей в составе найманов.

Скорее всего этноним «керей» не имеет никакого отношения к средневековому этнообозначению «кераит». Этноним «керей», видимо, достаточно позднего происхождения, хотя также упоминается в составе узбеков Дашт-и Кыпчака и небольшого узбекского племени семиз (Султанов, 1977. С. 167, 171; Кармышева, 1976. С. 103 и др.). Но за пределами собственно казахского этноса керей практически нигде не фигурируют как крупное и самостоятельное племя. Так, что можно с большой долей уверенности говорить о том, что этноним «керей» – узбекско-казахское название, которое не имеет аналогий и прототипов в древности и средневековье. При этом этноним «керей» широко бытовал в этнонимической структуре казахского народа.

Можно предположить, что в результате сложных этнополитических процессов в XVII–XVIII вв., в первую очередь связанных с экспансией джунгаров, керей из восточного ареала своего первоначального обитания были разбросаны по всей территории расселения казахов Среднего и возможно Младшего жузов. Сегментация первоначального ядра кереев привела к тому, что часть кереев вошла в состав найманов (*кара-керей*), основная часть распалась на две группы ашамайлы и абак-кереев, а другая, могла стать ядром рода керейт из Младшего жуза.

При этом абак-керей, судя по этнониму 'абак', могли быть связаны как с казахами Старшего жуза (с керейтами Моголистана?), одним из родоначальников которых считается Абак, так и с родоплеменной группой уак из Среднего жуза. Причем не исключено, что сам этноним «абак», широко бытующий на всем восточном фланге ареала расселения казахов, может лингвистически восходить, по-видимому, к древнему сакско-иранскому этнониму «абий».

Численность. Общая численность кереев, по данным Я. Гавердовского, на самое начало XIX в. составляла 13 тыс. семейств (Гавердовский, 1803. Л. 60 об. – 61). В свою очередь, Н. А. Аристов почти столетием позже оценивал численность кереев в 75 тыс. чел. (Аристов, 1896. С. 377), а М. Тынышпаев – в 160 тыс. чел., показав, что в Петропавловском уезде проживало 40 тыс. чел., Омском – 20 тыс., Каркаралинском – 20 тыс., Зайсанском – 10 тыс., Алтайском – 10 тыс., Семипалатинском – 10 тыс., Павлодарском – 10 тыс., Акмолинском – 10 тыс. и Кустанайском уездах – 10 тыс. человек (Тынышпаев, 1925. С. 63).

Основная масса кереев, согласно «Материалам по киргизскому землепользованию», располагалась в Петропавловском уезде – около 25 тыс. чел. (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 67), Омском – более 13 тыс. (МКЗ. Т. XI. Табл. С. 26–43, 58–71. Подсчет мой. – Н. М.), Кустанайском – более 8 тыс. (МКЗ. Т. V. Табл. С. 2–19, 50–51, 78–79. Подсчет мой. – Н. М.), Зайсанском – более 4,5 тыс. чел. (МКЗ. Т. VIII. Табл. С. 66–111, 126–127, 330–331, 354–355. Подсчет мой. – Н. М.) и в Акмолин-

ском уездах – вместе с уаками около 14 тыс. чел. (МКЗ. Т. III. Ч. II Общий очерк. С. 96). Подсчеты Н. А. Логутова показывают, что в Каркаралинском уезде насчитывалось около 13 тыс. кереев (Логутов, 1929. С. 46; Коншин, 1901. С. 44. Подсчет мой. – Н. М.), Зайсанском – более 10 тыс., Семипалатинском – около 7 тыс. кереев, а всего в Семипалатинской области – около 35 тыс. кереев (Логутов, 1929. С. 46).

Таким образом, общая численность кереев на рубеже XIX–XX вв. в пределах современной территории Казахстана составляла примерно 90–100 тыс. чел. Помимо этого значительная часть кереев, как и найманов, проживала в Китае и Монголии (См., например: Грумм-Гржимайло, 1930. Т. 3. Вып. 2. С. 413–466). Всего же их насчитывалось около 150 тыс. человек.

Генеалогия. Родоплеменная структура кереев отличается сложностью и разветвленностью. Самые ранние свидетельства о составе кереев мы находим в работах капитана И. Г. Андреева. По его данным керееи подразделялись на две группы – ашамайлы и абакты. У Ашамайлы было четыре жены. От первой жены Ашамайлы происходят – исенбакты, именалы, тезагам и акимбет, от второй – кулсары, сырык и токумбет, от третьей – кучебалта и от четвертой – сиван с подразделениями: кунганы, чукбатар и шимойын. В свою очередь, абакты подразделяются на шереуши, сарбас, жастабан, мулки, каракас, меркит, кокчакоз, жадык, ажишемген (Андреев, 1795. Ч. 110. С. 76–79).

Н. А. Абрамов в середине XIX в. сообщал, что родоначальник кереев Абак дал начало двенадцати главным ответвлениям: абак-керей, жантыкей, жадык, каракас, шубар-айгыр, ители, сары-тогай, шереуши, молку, шинмойын, кунсадак и бекназар (Абрамов, 1866. Т. II. № 5. С. 155).

По Н. Коншину керееи происходят от двух братьев Сибана и Карабия и выходца из Старшего жуза Абака, который был женат на дочери Карабия. У Карабия было четыре сына – Балтаба, Кочубе, Тарычи (с отделениями курсары и аксары) и Танычи. Все потомство Сибана и Карабия называется ашамайлы-керей. От Абака ведут свое происхождение – жантекей, жадык, жастабан, ителе, шубар-айгыр,

молкы, кунсадак, каракас, шеруши, меркит, итемген, сарбас (Коншин, 1901. С. 121–122).

По М. Тынышпаеву керееи делятся на две ветви – ашамайлы и абак. Ашамайлы имеют следующие подразделения – балта, каракас, сибан, смаил и шимойын, а абак – меркит, жантекей, жадык, жастабан, шереуши, шубар-айгыр, кунсадак, ители, итемген, мулки, сарбас (Тынышпаев, 1925. С. 70).

Н. А. Аристов дает следующий состав кереев – жантекей, жадык, шереуши, ители, каракас, мулку, шубар-айгыр, меркит, жастабан, сарыбас, коксадак и култай-булат. Все эти рода, пишет он, назывались абак-керей (Аристов, 1896. С. 354–355. Примеч.). По данным Г. Е. Грумм-Гржимайло керееи подразделялись на жастабан, меркит, жантекей, ители, шереуши, каракас, мулку, сарбас, шубар-айгыр, кунсадак и шимойын (Грумм-Гржимайло, 1930. Т. 3. Вып. 2. С. 417–419).

Несколько иную структуру кереев, основанную на записях своего отца – известного казахского писателя Сабита Муканова, дает М. Муканов. Ашамайлы-керееи, по его данным, подразделялись на сибан, балта, кошебе и тарашы, а абак-керееи – на жантеке, жадык, каракас, шереуши, жастабан, ители, молкы, кунсадак, меркит, итемген и сарбас (Муканов, 1974. С. 38 и др.).

Уран кереев – акжол, каракожа, ошибай (Гродеков, 1889. Приложение. С. 2; Тынышпаев, 1925. С. 29; Аманжолов, 1959. С. 14; Муканов, 1974. С. 37 и др.).

Уак

Народные предания называют близкородственным кереем казахский род уак, который был дисперсно разбросан небольшими группами на всей территории от Тургайско-Тобольского водораздела до предгорной полосы Восточного Казахстана. Основная часть уаков была рассеяна по берегам Иртыша, Ишима, Тобола и Уйя. Они составляли значительную часть казахского населения в Петропавловском и Семипалатинском уездах.

Маленький род уак, локализуясь на востоке Казахстана, находился на переднем крае борьбы с джунгарской агрессией. «Когда спросили у Аблая, – пишет в этой связи Ч. Ч. Вали-

ханов, – кого он из батыров более уважает из всех трех орд, он отвечал: “Из предшествовавших мне мужей двое заслуживают удивления: Казыбек каракесековец, который возвратил от Галдана (речь идет о джунгарском Галдан-Цэрене. – Н. М.) 90 своих пленных, и Дерпсалы уаковец, также возвративший своих пленных. Первый взял просьбой и был сам у Галдана, а последний устрашил врага, сидя в своем ауле. Из моих батыров басентинец Малайсары по богатству, храбрости и по характеру и уаковец Баян по уму и храбрости стоят выше всех”» (Валиханов, 1961. Т. 1. С. 222).

Происхождение. Вопрос происхождения уаков остается неясным. Согласно народным преданиям уаки состояли в близком родстве с керейями и в военном союзе с ними занимали левый фланг (Валиханов, 1961. Т. 1. С. 182). На основании этого многие исследователи говорят об общности их этногенеза. Не отрицая этого вывода, хотелось бы обратить внимание на то, что в составе узбекских племен Мавераннахра (найманов, мингов и др.) находятся явные аналогии этнониму «уак» в форме «уактамгалы, вак – вах» (Гребенкин, 1872. С. 73, 81; Кармышева, 1976. С. 87, 90, 94 и др.).

Что же касается этнонимического аспекта проблемы, то в свое время нами была предложена возможная схема эволюции этнонима «уак» как производного от имени «абак» (*abak > aβak > awak > wak > uak*) (Масанов, 1980. С. 131. Консультацией по данному вопросу мы обязаны В. П. Юдину), что, с одной стороны, подтверждает их близкие отношения с керейями, а с другой, указывает на связи кереев и уаков с казахами Старшего жуза.

Численность. В начале XIX в. численность казахов рода уак оценивалась примерно в 8500 кибиток (Спаский, 1820. Ч. IX. Кн. 2. С. 107). По явно завышенным данным М. Тынышпаева, общая численность уаков составляла 90 тыс. чел., в том числе в Семипалатинском уезде – 30 тыс., Кокчетавском – 20 тыс., Петропавловском – 20 тыс. и в Павлодарском – 10 тыс. чел. (Тынышпаев, 1925. С. 63). Но его цифры, как правило, не находят подтверждения в аутентичных исторических источниках.

Согласно наиболее достоверному источнику – «Материалам по киргизскому землепользованию», уаки проживали в Семипалатинском уезде – около 30 тыс. чел. (Масанов, 1980. С. 134), Петропавловском – более 12 тыс. (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 67), Акмолинском – вместе с керейями более 10 тыс. (МКЗ. Т. III. Ч. II. Общий очерк. С. 96), Павлодарском – более 7 тыс. (МКЗ. Т. IV. Табл. С. 18–19, 46–47, 210–227. Подсчет мой. – Н. М.), Актюбинском уездах – более 1000 чел. (МКЗ. Т. VII. Табл. С. 70–71, 98–99, 110–111, 134–135, 138–139, 146–147). Небольшие группы уаков были рассеяны также в Кокчетавском, Усть-Каменогорском, Иргизском, Зайсанском и Омском уездах (МКЗ. Т. VIII. Табл. С. 66–67, 126–135, 230–231, 258–259, 350–355; МКЗ. Т. IX. Табл. С. 34–35; Масанов, 1980. С. 133–134 и др.).

По данным Н. А. Логотова в Семипалатинской области в 20-х гг. XIX в. насчитывалось 7295 хозяйств уаков, в том числе в Семипалатинском уезде – 5726 хозяйств, в Павлодарском – 1399 хозяйств и др. При этом он указывает на то, что общая численность уаков в Акмолинской области была примерно такой же, как и в Семипалатинской области (Логотов, 1929, С. 46).

Таким образом, общая примерная численность казахов рода уак на рубеже XIX–XX вв. составляла, по-видимому, около 60–70 тыс. человек.

Генеалогия. Родоплеменной состав самих уаков также свидетельствует об их близких отношениях как с племенами Старшего жуза (*сыргели*), так и Среднего жуза (*керейями, найманами и аргынами*).

Согласно казахским генеалогическим преданиям, уаки подразделялись на множество относительно автономных племенных групп, крупнейшими среди которых были шога-уаки (*байбише-баласы*), сыргели и ергенекты-уаки. Ергенекты-уаки включали в свой состав племена бийдалы, жансары, шайкоз и баржаксы. Помимо этого имелись и другие родоплеменные группы уаков – сарман, сарыбагыс, алимбет, есен, казы, жаукашар, еренче, байназар (Балкашин, 1887. С. 29; Тынышпаев, 1925. С. 70 и др.).

Уран уаков – жаубасар, бармак (Гродеков, 1889. Приложение. С. 2; Тынышпаев, 1925. С. 29; Аманжолов, 1959. С. 14; Муканов, 1974. С. 67 и др.).

Конрады

Одним из крупнейших племен Среднего жуза были конрады, которые в основном локализовались по среднему течению Сырдарьи в Южном Казахстане, а также на территории Мавераннахра. Они составляли абсолютно наибольшую часть казахского населения в Ташкентском уезде и весьма значительную часть в Чимкентском и Перовском уездах Сырдарьинской области.

Происхождение конрадов традиционно связывается с монгольским племенем «хонкират» (onggirad, konggirad, konkirad), находившимся в брачном союзе с правящим родом Чингиз-хана кият-борджигинами. Как известно старшая жена Чингиз-хана Бортэ была из рода хонкират (Рашид-ад-Дин, 1952. Т. 1. С. 68). В свое время Чингиз-хан послал вождем хонкиратов письмо следующего содержания: «Перед этим мы были друг другу названными братьями и сватами и вы имели [на нас] установленные обычаем права дядьев [по женской линии], если будете с нами в дружественных отношениях, мы также будем [вашими] союзниками и друзьями. А если будете враждовать [с нами], мы также будем враждовать [с вами]». Так как [кунгираты] дали благоприятный ответ, то помирились и стали заодно [с Чингиз-ханом]» (там же. С. 126). Когда Чингиз-хан разделил свою армию, то он включил хонкиратов в состав левого крыла монгольского войска (там же. С. 271, 273). Помимо этого он дал тысячу (minggan) хонкиратов в наследство своему второму сыну Чагатаю (там же. С. 275).

«Кунграты в Улусе Джучи, – пишет В. В. Трепавлов, – являлись одним из самых могущественных кипчакских элей. С появлением на исторической арене массы мангытов они оказались оттесненными на второй план» (Трепавлов, 2002. С. 505). Они входили в состав Ногайской орды.

Конрады в средневековый период упоминаются также в составе узбеков Дашт-и Кыпчака (Султанов, 1977. С. 165–166, 168, 170–171, 174 и др.). Более того, они участвовали

в выборах потомка Шейбана Абулхайра на ханский престол (Семенов, 1954. С. 24 и др.). Имея в виду это обстоятельство, Н. А. Аристов высказал чрезвычайно интересную мысль о том, что именно близостью позднесредневековых конгратов к ханскому престолу объясняется их миграция вслед за шейбанидами в Мавераннахр (Аристов, 1896. С. 370–371). При этом конграты по еще монгольской традиции располагались по левую сторону от престола шейбанидов (Султанов, 1982. С. 35). В последующее время они вошли не только в состав казахов, но и узбеков Мавераннахра и приаральских каракалпаков и др. (Жданко, 1950. С. 116–121; Ахмедов, 1965. С. 16, 46, 106; Шаниязов, 1974. С. 134; Кармышева, 1976. С. 86–95 и др.). Побывавший в 1820–1821 гг. в Средней Азии Е. К. Мейендорф сообщал, что «среди узбеков славится род кунграт тем, что разводит самых крупных баранов той же породы, что и у киргизов (казахов. – Н. М.), с широкими и жирными хвостами, называемыми курдюками» (Мейендорф, 1975. С. 111).

По-видимому, общее происхождение и традиционно сильные внутриэтнические связи казахских конрадов с родственными им узбекскими племенами конгратов Мавераннахра привели к тому, что задолго до середины XVIII в. казахские конрады начали смещаться в Присырдарьинский регион, Ташкентский оазис и постепенно проникать в Мавераннахр. К концу XIX в. наибольшая часть конрадов располагалась уже в Ташкентском уезде.

Численность. Еще в середине XVIII в. исторические источники сообщали, что вблизи города Туркестана кочевало около 5 тыс. кибиток казахов рода конрад (КРО, 1961. С. 553).

По явно завышенным подсчетам М. Тынышпаева численность конрадов в начале XX в. составляла около 210 тыс. чел., в том числе в Чимкентском уезде – 90 тыс., Перовском – 30 тыс., Ходжентском и Джизакском уездах – 90 тыс. чел. (Тынышпаев, 1925. С. 63). Включение в состав казахов конрадов, проживавших в Ходжентском и Джизакском уезде, скорее всего не совсем оправданно, поскольку они в своем большинстве входили в состав полукочевых узбеков (Кармышева, 1976. С. 86–95 и др.).

Согласно официальным источникам А. Макшеева, в середине XIX в. 3200 кибиток конрадов обитало в Туркестанском округе, 330 кибиток – в Чимкентском и 890 кибиток – в Ташкентском округе (Радлов, 1989. С. 113–114). По данным Н. И. Гродекова в Чимкентском уезде в конце XIX в. насчитывалось более 20 тыс. конрадов (Гродеков, 1889. С. 17–19; Подсчет мой. – Н. М.). «Материалы по киргизскому землепользованию» свидетельствуют, что в Перовском уезде в начале XX столетия проживало также около 20 тыс. конрадов (МКЗ. Перовский уезд. Табл. С. 80–82, 86–88, 92–94, 116–118, 122–124. Подсчет мой. – Н. М.). В районе реки Чу и низовьях Таласа было зафиксировано не более 600–700 конрадов (Черновский, 1915. С. 14).

Общая численность конрадов в пределах территории современного Казахстана может быть примерно оценена на рубеже XIX–XX вв. в 40 тыс. человек. Но значительно большая часть конрадов проживала в Ташкентском и других уездах Средней Азии, где их численность могла достигать до более чем 100 тыс. человек. Так что итоговая цифра их общей численности в этот период могла достигать 150 тыс. человек.

Генеалогия. Первое сообщение о родоплеменном составе конрадов содержится в известном описании М. Тевкелева: «...Конград разделяется на девять родов, а имянно: Байлар джанджар конград, Оразгелди конград, Кулджегач конград, Бочман конград, Токбулат конград, Яманбай конград, Каракуся конград, Етимляр конград, Куюш кансым конград» (КРО, 1961. С. 408. См. также: Крафт, 1898. С. 15; Семенюк, Моржанов, 1961. С. 190).

По Н. Коншину конрады происходят от Елетена, у которого было два сына, от которых ведут свое происхождение племенные группы коктенулы и котеншиулы (Коншин, 1901. С. 122, 126). По сведениям из «Материалов по киргизскому землепользованию», в Самаркандской области конрады подразделялись на две ветви – котенши и коктомуло, а свое происхождение они вели от Бигарса, основателя Среднего жуза (Материалы по землепользованию... Самаркандской

области, 1914. С. 17). Э. А. Шмидт дает следующую структуру конрадов – кошук, токбулат, жандар, алгый, кулшаган (Шмидт, 1927. С. 308–309).

Более обстоятельную картину дает М. Тынышпаев. По его данным конрады подразделялись на две ветви – котенши и коктен-улы. Котенши распадаются на три ветви – жаманбай, жетымдер и бошбан. В свою очередь, жетымдер состоит из двух частей – сары и сапар, а жаманбай – из сангыл, жиембай, майлыбай, ногай, киикши, куюскансыз, суттыбай, жарай и сасык. Причем бошбан, сары, сапар, сангыл и его сын мангытай образуют союз пяти родов – бесата (Тынышпаев, 1925. С. 69).

Более подробный состав приводит М. Муканов, по его данным конрады подразделялись на – жаманбай, аманбай, жетымдер, божбан, сангыл, байдар, жандар и кулуншак (Муканов, 1974. С. 64). Казахские шежере дают и другой, более мифологизированный вариант их генеалогии. Конрады подразделялись на байбори, култай, шыныбай, байсары и даракожа (Қонырат шежіресі, 1992. С. 6).

Уран конрадов – алатау, мукамал (Гродеков, 1889. Прилож. С. 2; Тынышпаев, 1925. С. 29; Аманжолов, 1959. С. 12; Востров, Муканов, 1968. С. 77–78; Муканов, 1974. С. 65 и др.).

Таракты

Самой небольшой племенной группой казахов Среднего жуза был род таракты, который нередко включают в состав многочисленных и влиятельных аргынов. Таракты были буквально распылены на всей территории Среднего жуза и, как правило, проживали по соседству с аргынами. Казахские народные предания дают этому обстоятельству следующее объяснение – Таракты был сыном сестры Аргына (МКЗ. Т. VI. Родовые схемы. С. 100 и др.).

В связи с тем, что казахский род таракты принимал активное участие в отражении джунгарской агрессии, в истории сохранилось предание о герое сражений с ойратами Байгозы-батыре тарактинце. Во время битвы с джунгарами казахи «...потерпели ужасный урон, наконец не выдержали

и бросились бежать. Впереди всех один высокий калмык на черной, как ночь, лошади с знаменем в руке вбивался в ряды киргиз (казахов. – Н. М.), сбросил многих с седла». Джаныбек-батыр в этой «ретираде» громко сказал: «Жаль, что не родилось ни одного казаха, который мог бы убить этого болвана». Тогда один молодой человек «...выехал вперед, обернулся, натянул стрелу; тетива взвизгнула, калмык закачался на лошади и упал, стрела... пошла зигзагами. Молодой батыр был так недоволен, что стрела его пошла не прямо, проговорил: "Этот, кажется, был в шкуре самого Аллаха". Смерть знаменосца произвела смятение в рядах неприятеля». Казахи выиграли битву. «Так начал свое батырство Байгозы тарактинец, и с этого времени все узнали его имя» (Валиханов, 1961. Т. 1. С. 223).

Происхождение рода таракты неясно, но обычно их история и происхождение трактуются в контексте истории и этногенеза самого большого казахского племени аргын. Этноним «таракты» встречается также среди казахов Младшего жуза в составе крупного рода табын.

Интересно, что этноним «таракты» упоминается в родоплеменном составе кочевых узбеков Мавераннахра (Гребенкин, 1872. С. 100; Кармышева, 1976. С. 90, 213 и др.), полукочевых каракалпаков (Жданко, 1950. С. 167 и др.), а также особой этнокультурной группы «курама», обитавшей в районе между Ташкентом и Ходжентом (Радлов, 1989. С. 102; Аристов, 1896. С. 388 и др.), что свидетельствует, по-видимому, об их общеузбекском (дашт-и-кыпчакском) происхождении. При этом этноним «таракты» также встречается, согласно русским документам XVI–XVII вв., в составе одного из элей Ногайской орды найманов в форме «тараклы-найман» (Трепавлов, 2002. С. 503).

Таким образом, можно предположить, что этногенез таракты был напрямую связан с кочевниками казахстанского ареала номадизма. В позднее средневековье они были, по-видимому, вовлечены в состав узбеков Дашт-и Кыпчака и Ногайской орды. В последующее время в процессе казахизации территории Казахстана отдельные сегменты таракты

вошли в состав различных подразделений родоплеменной структуры казахов, а также других соседних народов как на юге, так и на северо-западе региона.

Численность. По данным Я. Гавердовского численность таракты в самом начале XIX в. составляла около 4 тыс. семей (Гавердовский, 1803. Л. 60). По материалам Бутовского численность таракты в 1830 г. составляла 2380 кибиток (Аристов, 1896. С. 376. Подсчет мой. – Н. М.).

Н. А. Логутов оценивает численность таракты в Семипалатинской области в 747 хозяйств (Логутов, 1929. С. 46). «Материалы по киргизскому землепользованию» дают нам следующие данные: самые большие группы таракты проживали в Каркаралинском уезде – 2,3 тыс. чел. (МКЗ. Т. VI. Табл. С. 426–439, 538–539. Подсчет мой. – Н. М.), Перовском – 1,8 тыс. (МКЗ. Перовский уезд. Табл. С. 80–82, 86–88. Подсчет мой. – Н. М.) и Атбасарском уездах – 1,3 тыс. чел. (МКЗ. Т. II. Табл. С. 134–139, 206–207. Подсчет мой. – Н. М.).

Таким образом, общая численность казахов рода таракты на рубеже XIX–XX вв. едва ли достигала 10 тыс. человек, тогда как на начало XIX в. Я. Гавердовский, видимо, ошибочно оценивал их численность в 20 тыс. чел. Хотя не исключено, что часть таракты могла раствориться в составе аргынов либо каких-то других крупных родоплеменных группировок казахов.

Генеалогия. Родовой состав таракты, как и у всех казахских племен, носит аморфный и лабильный характер. Н. Коншин указывает на наличие в составе таракты следующих племен – али, сары, бокей, жантока, алеуке, когедай, апай и токтаул (Коншин, 1901. С. 42–43). В «Родовых схемах Каркаралинского уезда» в «Материалах по киргизскому землепользованию» таракты подразделяются на две основные ветви – али и сары. От сары ведет свое происхождение группа акымбет, а от али – жану, жанту, жантока и баянкарт (МКЗ. Т. VI. Родовые схемы. С. 118.).

Более полную схему приводит Шакарим. По его данным от первой жены Таракты ведут свое происхождение группы али, сары, кыдыр и жашы, от второй жены – елеуке, когедай, апай и токтаул, а от третьей жены – богеш, булдырык, атей и косанак (Шакарим, 1990. С. 76).

Уран таракты – жаубасар, жаукашар (Гродеков, 1889. Прилож. С. 2; Аманжолов, 1959. С. 13 и др.).

Среди казахов Среднего жуза также проживали различные племенные группы, которые занимали самостоятельное и независимое положение. В отличие от Старшего жуза в Среднем было очень мало *кожа*, но численность *торе* была достаточно значительной. Помимо них одной из наиболее известных племенных групп были *киргизы* (*kyrgyzu*), которых согласно народным преданиям привел в Средний жуз Аблай-хан. Обычно их именовали бай-киргиз и жана-киргиз (Левшин, 1832. Ч. II. С. 267; Валиханов, 1961. Т. 1. С. 207; Аристов, 1896. С. 369 и др.).

Небольшие группы киргизов были расселены в Центральном Казахстане. В Каркаралинском уезде насчитывалось 2162 киргиза (МКЗ. Т. VI. Табл. С. 90–95, 130–131, 170–175, 182–183, 246–251, 270–271, 302–315. Подсчет мой. – Н. М.), в Кокчетавском – 2274 киргиза (МКЗ. Т. I. Табл. С. 14–16, 74–76, 86–94, 110–112, 122–124. Подсчет мой. – Н. М.), в Акмолинском – 359 хозяйств киргизов (МКЗ. Т. III. Ч. II. Общий очерк. С. 96), в Атбасарском – 337 киргизов (МКЗ. Т. II. Табл. С. 242–243, 230–231, 238–239. Подсчет мой. – Н. М.), Актюбинском уездах – 106 киргизов (МКЗ. Т. VII. Табл. С. 94–95. Подсчет мой. – Н. М.) и др.

Наряду с этим следует указать на наличие в составе населения такой группы, как *шала-казахи* (*shala-kazakh*), которых, например, только в Усть-Каменогорском уезде насчитывалось 1352 чел. (МКЗ. Т. IX. Табл. С. 138–139, 166–167. Подсчет мой. – Н. М.).

Характерной чертой, присущей только казахам Среднего жуза, было то, что среди них фиксируется довольно многочисленная группа так называемых *толенгутов* (*tolengut*) – особой социальной группы с четко обозначенной тенденцией внутриплеменной консолидации. Наличие толенгутов, видимо, объясняется той продолжительной и многолетней войной, которую вели казахи Среднего жуза против джунгаров.

На территории Среднего жуза толенгуты фиксируются практически во всех уездах. Их численность достигала в Акмолинском уезде вместе с *торе* (*tore*) 928 хозяйств (МКЗ. Т. III. Ч. II. Общий очерк. С. 96), Павлодарском – 2208 чел. (МКЗ. Т. IV. Табл. С. 170–171, 194–203. Подсчет мой. – Н. М.), Зайсанском – 1332 чел. (МКЗ. Т. VIII. Табл. С. 30–31, 122–131, 234–235, 298–303, 354–355, 362–367. Подсчет мой. – Н. М.), Каркаралинском – 1889 чел. (МКЗ. Т. VI. Табл. С. 6–7, 94–95, 114–115, 146–147, 150–163, 190–191, 234–235, 242–243, 462–467. Подсчет мой. – Н. М.), Семипалатинском – 659 чел. (МКЗ. Т. X. Табл. С. 94–95, 98–99, 118–119, 250–251, 254–255. Подсчет мой. – Н. М.), Кустанайском – 840 чел. (МКЗ. Т. V. Табл. С. 10–11, 30–31, 98–99. Подсчет мой. – Н. М.), Актюбинском – 229 чел. (МКЗ. Т. VII. Табл. С. 34–35, 142–143. Подсчет мой. – Н. М.), Усть-Каменогорском уездах – 258 чел. (МКЗ. Т. IX. Табл. С. 30–35. Подсчет мой. – Н. М.). Обычно толенгуты сохраняли представление о своем происхождении и имели свою собственную генеалогию, которую вели от других крупных племен и родов Среднего жуза.

Общая численность казахов групп *торе*, *кожа* (*kozha*), толенгут, сарт (*sart*), киргиз, шала-казах, каракалпак (*karakalpak*) и др. на рубеже XIX–XX вв. может быть примерно оценена в 10–15 тыс. чел.

Общей тенденцией, присущей всем небольшим родоплеменным группам, в частности таракты, киргизам, каракалпакам, отчасти и толенгутам, было их постепенное поглощение более крупными племенными объединениями. Пожалуй, только шала-казахи сохраняли свое независимое положение, поскольку они по большей части вели полукочевой, а иногда и оседлый образ жизни, который играл в Казахстане ключевую этнодифференцирующую роль.

***

В заключении следует сказать, что названия крупнейших подразделений Среднего жуза находят многочисленные аналогии в этнонимах средневековой эпохи. Это так называемый этнонимический пласт первого порядка – «кыпчаки»,

«найманы», «конрады/конграты/хонкираты» и др. В отношении данного этнонимического пласта следует отметить, что механизм передачи названий племен, как и этническая история его носителей, нам практически неизвестны и непонятны.

Этнонимы «аргын», «керей», «уак», «таракты», которые имеют различного рода аналогии и прототипы в составе этнонимов Ногайской орды и узбекских племен Дашт-и Кыпчака, относятся к узбекско-ногайско-казахскому пласту этнонимов, история которых наименее изучена и в основном безосновательно интерпретируется с точки зрения так называемой народной этимологии.

В историческом отношении большинство племенных объединений Среднего жуза в позднесредневековый период были включены в сферу влияния узбекского этнокультурного комплекса Дашт-и Кыпчака и Ногайской орды (аргын, конрад, найман, кыпчак, керей, уак, таракты). Вследствие этого племенные названия казахов Среднего жуза имеют многочисленные аналогии среди узбеков, каракалпаков, кыргызов, ногайцев и других тюркоязычных народов.

Говоря об этногенезе родоплеменных групп казахов Среднего жуза можно предположить, что в степной зоне суперстратно-миграционные процессы играли большую роль, нежели автохтонность. Автохтонность, по-видимому, преобладала в хозяйственно-культурной сфере, где без опыта прежних поколений адаптация к условиям среды обитания была весьма затруднена.

В отличие от этого, в этнокультурной и собственно этнической сферах, наоборот, доминировал миграционный фактор, поскольку бесконечные перемещения племен и перманентный приток новых группировок номадов с территории Центральной Азии постоянно прерывали интеграционные процессы. Именно этим, возможно, объясняется то обстоятельство, что у крупнейшей родоплеменной группы в составе казахов аргынов нет прототипов среди древних этнонимов, тогда как имеющие богатую историческую основу кыпчаки, наоборот, не относятся к числу самых многочисленных казахских родоплеменных групп.

Вообще можно предположить, что, во-первых, мигранты в политической сфере чаще всего доминировали над автохтонами. Во-вторых, попадавшие в зависимость родоплеменные группы чаще меняли свои названия, нежели доминантные группы. Именно поэтому можно полагать, что автохтоны чаще меняли свои названия в сравнении с доминирующими мигрантами, которые чаще сохраняли свои исконные этнообозначения.

Но с другой стороны, явные автохтоны Восточного Казахстана найманы являются одним из самых многочисленных родов в составе казахов. Но этому существует другое объяснение, обусловленное особенностями их скотоводческого хозяйства и спецификой системы вертикального кочевания. Я уверен в том, что существует несомненная и закономерная связь между процессами исторической преемственности этнонимов, процессами этногенеза и этнической истории их носителей и особенностями их хозяйственной деятельности и их этнокультурными стереотипами.

Племенная структура внутри родоплеменных групп казахов Среднего жуза, также как и среди казахов Старшего и Младшего жузов, к сожалению, все еще не очерчена с достаточной полнотой, а сами генеалогические предания (шежере) очень часто противоречивы, лабильны и нередко носят совершенно очевидный мифологический, мистифицированный и порой даже откровенно вымышленный характер.

Казахам Среднего жуза, судя по всему, более чем казахам других жузов был присущ процесс сегментации родоплеменных групп, который вел к отрыву от территориального ядра периферийных групп по всему ареалу их расселения. Уже к XVIII в. в связи с уходом конрадов на юг Казахстана и в Мавераннахр произошел их фактический отрыв от Среднего жуза. Начиная с середины XVIII в. значительная часть казахов Среднего жуза, особенно абак-керей и найманы-кызаи, устремляются на восток вглубь Внутренней Азии, вытесняя монголоязычные кочевые племена, и к началу XX в. значительными массивами располагаются в Северо-Западном Китае (Джунгарии) и в Северо-Западной

Монголии (Пантусов, 1881. С. 149; Грумм-Гржимайло, 1930. Т. 3. Вып. 2. С. 413–466 и др.).

Среди казахов Среднего жуза также проживали группы торе, толенгутов, киргизов, шала-казахов и др., общая численность которых может быть примерно оценена в 10–15 тыс. человек.

Младший жуз (Кіші жүз)

Казахи Младшего жуза традиционно занимали территорию всего Западного Казахстана от водораздела Иргиз – Тобол – Тургай – Мугоджары до восточной оконечности Каспийского моря и низовьев Урала в широтном направлении и от нижнего и среднего течения Сырдарьи до Урала и Тобола – в меридиональном, захватывая огромную территорию, включающую полуостров Мангышлак, северную часть плато Устюрт, восточную часть Прикаспийской низменности и возвышенности Общей Сырт, Эмбенское и западную часть Тургайского плато, южную оконечность Уральских гор, Мугоджары, северную часть Туранской низменности и северное побережье Аральского моря.

Зимние пастбища казахов Младшего жуза в основном находились в пустынной и полупустынной зонах, песках и речных долинах, прибрежной полосе Аральского моря, Сырдарьи, Урала и их многочисленных притоков и рукавов. Летние – преимущественно в степной зоне, в речных долинах Тургая, Иргиза, Тобола, на Эмбенском и Тургайском плато (Рычков, 1887. С. 97–99; Бларамберг, 1848, Отд. II. С. 73–88; Мейер, 1865. С. 89–95 и др.).

Присоединение казахов Младшего жуза к России началось в 30-х гг. XVIII в. и продолжалось вплоть до середины XIX в. В составе России они образовали первоначально так называемое Оренбургское ведомство. В 1824–1828 гг. была создана особая система управления Младшим жузом, согласно которой были учреждены Западная, Средняя и Восточная части, меридионально протянувшиеся с юга на север и поделившие всю территорию Младшего жуза на три при-

мерно равные части. В 1855–1856 гг. была создана особая система управления присырдарьинскими казахами, которой была охвачена значительная часть казахов Младшего жуза, кочевавшая в низовьях Сырдарьи.

Реформами 1867, 1868, 1886 и 1891 гг. казахи Младшего жуза были включены в состав Уральского, Гурьевского, Лбищенского и Темирского уездов Уральской области; Иргизского и Актюбинского уездов Тургайской области; Мангышлакского уезда Закаспийской области; Перовского и Казалинского уездов Сырдарьинской области (Мейер, 1865. С. 6–87; МИПС, 1960. С. 9–51, 61–84, 205–260, 281–402; КРО, 1964; Добросмыслов, 1902 и др.).

Численность казахов Младшего жуза оценивалась по данным Я. Гавердовского, К. Шукур-Али-улы и Г. Шахмутаева в самом начале XIX в. в 165 700 семейств (Гавердовский, 1803. Л. 63 об. – 66 об.; МИКССР, 1940. Т. IV. С. 513–516). Г. И. Спасский в 1820 г. оценивал их численность в 158 200 семей (Спасский, 1820. Ч. IX. Кн. 2. С. 109). Общая численность казахов Младшего жуза на рубеже XIX–XX вв. составляла примерно 1200–1300 тыс. человек.

Впервые в исторических источниках Младший жуз упоминается во второй четверти XVII в., но как справедливо было замечено В. П. Юдиным, к началу XVII в. уже существовало разделение казахов на жузы, поскольку именно к этому времени относится первое упоминание в источниках Старшего жуза (МИКХ, 1969. С. 243). В середине XVIII столетия П. И. Рычков сообщал, что «Меньшая орда кочует в стороне Каспийского моря, по Орю, по Илеку, по Тургаям и по другим степным рекам и речкам, а иногда и подле самого Яика реки, временем же откочевывает в Каракалпаки к Аральскому морю, и на реку Сыр-Дарью, в то море впадающую» (Рычков, 1896. С. 71. § 146).

В традиционной системе генеалогических обозначений казахи Младшего жуза именуются этнонимом «алшын». Ю. А. Зуевым было предложено сопоставить этноним «алшын» с упоминаемыми в китайских хрониках танской эпохи этнонимами *a-la-tsie* (э-ло-чжи), *a-la*, *b'iaa-lat*, *pak-ta*, озна-

чающими «племя пегих лошадей», географическим наименованием 'Pega orda' на карте Бориса Годунова, дополненной и изданной Герардом в 1614 г., названием половецкого племени «улаш» и мифическим первопредком всех казахов «Алашем». При этом он попытался наметить основные этапы эволюции и распространения термина «ала-ат» (пегий конь) на территории Центральной, Внутренней Азии и Юго-Восточной Европы. Интересна и его попытка рассматривать этноним «алшын» как монгольское оформление тюркского термина (ala + монгольский аффикс действующего лица – чин) (Зуев, 1960. С. 124–125; он же, 1962. С. 106–116 и др.).

В этноисторическом плане происхождение казахов Младшего жуза совершенно справедливо увязывается с субстратными номадными группами Западного Казахстана, в частности со средневековыми кыпчаками, их преемниками позднесредневековыми узбеками и мангытами, образовавшими Ногайскую орду (Востров, Муканов, 1968. С. 86, 103; Пищулина, 1977. С. 234 и др.). Интересно отметить, что как в среде узбеков Дашт-и Кыпчака, так и Ногайской орды упоминается род «алшын» (Материалы по истории киргизов..., 1973. С. 210, 212, 214; Султанов, 1982. С. 35; Трепавлов, 2002. С. 499 и др.).

Согласно казахским генеалогическим преданиям казахи Младшего жуза ведут свое происхождение от третьего самого младшего сына мифологического первопредка казахов Алаша или Котана – Алшына/Карашоры и т. п., у которого, в свою очередь, было тоже три сына – Алим, Кадыр-кожа и Карт-казак, от которых соответственно происходят три главные группы Младшего жуза – алимулы, байулы и жетыру (Аманжолов, 1959. С. 41 и др.).

В середине XVIII столетия П. И. Рычков сообщал, что «в сей орде... знатнейшими родами почитаются. 1) Алчинской, 2) Аданской (адай. – Н. М.), 3) Моткорской (маскар. – Н. М.), 4) Таминской, 5) Табынской, 6) Китейской, 7) Караки-тейской, 8) Чумаканской (шомекей. – Н. М.), 9) Чиклинской (шекты. – Н. М.), 10) Джа-Сал-Байлинской (жагалбайлы. – Н. М.)» (Рычков, 1896. С. 71. § 146).

По генеалогическим преданиям казахи Младшего жуза подразделялись на три крупных объединения: алимулы (alimuly), байулы (baiuly, bajuly) и жетыру (zhetyru, djetiru, dzetiuruw). В свою очередь, алимулы дифференцируются на шекты (shekty), торткара (tortkara, tortqara), каракесек (karakessek, qarakesek), карасакал (karassakal, qaracakal), кете (kete) и шомекей (shomekey); байулы – на адай (adai, adaj), жаппас (zhappas), алаша (alasha), байбакты (baibakty, bajbakty), маскар (masskar), берш (bersh), тазлар (tazlar), есентемир (esentemyr), серкеш (serkesh), тана (tana), кызыл-курт (kyzylkurt, qyzylkurt), шихлар (shikhlar), алтын (altyn) и исык (issyk); а жетыру – на табын (tabyn), тама (tama), керде-ри (kerderi), кереит (kereit), толеу (toleu), рамадан (ramadan) и жагалбайлы (zhagalbayly, zhagalbajly).

Алимулы

В системе авторитарных отношений среди казахских родоплеменных групп Младшего жуза приоритет принадлежал объединению алимулы по праву первородства (Мейер, 1865. С. 4; Казанцев, 1867. С. 63; Аристов, 1896. С. 381 и др.). В 1748 г. М. Тевкелев сообщал, что «сильной род Алчин, а Алчин разделяется надвое, то есть Каракисяк и Байулы. Каракисяк всех сильнее, ищисляется шесть родов, а имянно: Чекли, Каракисяк, Чюмекей, Дюрткара, Каракете, Карасакал. В сих шести родах владельцем был Абулхаирхан» (КРО, 1961. С. 406.).

В 1805 г. оренбургский муфтий М. Хусаинов доносил Александру I, что алимулы разделялись на пять колен – «Чиклинское, Дюрткаринское, Каракисяцкое, Карасакальское и Казантипярское» (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 227).

И. Ф. Бларамберг свидетельствует, что «в киргизских народных сеймах, алимулинцы первые подают голос, первые делают определение, и принятие его одним родом дает полную власть к общему согласию и исполнению; предложенное же младшим родом не обязывает к исполнению алимулинцев. Как старейших по первородству родоначаль-

ника своего, им везде и во всяком случае оказывается наружное предпочтение» (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 74–75).

«...Первородство алимулинцев, – пишет Л. Мейер, – строго соблюдалось; их мнения и приговоры были обязательны для баюлинцев и семиродцев, но не наоборот; на приговор бия семиродского или баюлинского, в частном деле, можно было некоторым образом апеллировать бию алимулинскому, и он имел право уничтожить приговор» (Мейер, 1865. С. 4). Вслед за алимулы в системе авторитарных отношений располагались байулы и лишь затем жетыру.

Исторические источники середины XIX в. свидетельствуют, что места зимних кочевок родоплеменных групп объединения алимулы охватывали территорию от впадения Эмбы в Каспийское море до северо-западного побережья Аральского моря, включая пески Барсуки, Каракумы и дальше до низовьев Сырдарьи, междуречье Куван и Жанадарьи. Летние кочевья алимулы располагались на территории от озера Аксакал по рекам Тургаю, Тоболу, Иргизу, Ори, Илеку, Хобде, Эмбе, Уилу и на всем пространстве Мугоджарских гор (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 75–76; Мейер, 1865. С. 89–93; Галкин, 1868. С. 332 и др.).

В 1787 г. барон О. А. Игельстром доносил императрице Екатерине II, что «в киргиской Меньшой орде главной Алимулинской род против прочих двух (имеются в виду байулы и жетыру. – Н. М.) гораздо многочисленнее людьми и столь обширно располагается кочевьем, что одна половина оною кочует у Каспийского моря, а другая у р. Сыр-Дарьи» (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 99).

Численность родоплеменных групп алимулы в XIX – начале XX в. достоверно неизвестна. М. Тынышпаев как всегда завышает цифры и оценивает их численность в 530 тыс. чел. (Тынышпаев, 1925. С. 63). Но еще больше завышал численность казахов родоплеменного объединения алимулы оренбургский муфтий М. Хусаинов, указавший цифру в 150 000 кибиток (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 227).

По более достоверным данным различных исторических источников численность казахов алимулы составляла примерно 250–300 тыс. человек, в том числе шекты – 60–80 тыс., шомекей – 50–80 тыс., торткара – 30–40 тыс., кете – 40–50 тыс., каракесек – 15–20 тыс. и карасакал – 10 тыс. чел. (Гавердовский, 1803. Л. 63 об. – 66 об.; Бларамберг, 1848. Литера В; МСТК. Вып. 1. С. 113–118, 126–127; ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5041. Л. 28 об.; Тынышпаев, 1925. С. 63; Вяткин, 1947. С. 253 и др.).

Шекты. Одним из наиболее известных в истории племен в составе казахов этнообъединения алимулы была родоплеменная группа шекты, кочевки которой в основном локализируются в районе от низовьев Сырдарьи на юге дальше на север до песков Барсуки и еще дальше по рекам Иргиз, Орь, Илек, Эмба, Уил и др. (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 76–77; Мейер, 1865. С. 89, 91 и др. См. также: Ашмарин, 1925 и др.). Летом они кочевали по урочищам Большие и Малые Барсуки, Кок-Арал, около Аральского моря и в верховьях Эмбы. Зимой они располагались на урочищах Кок-Арал, Кок-Тарнак, Куланды-Топе (Галкин, 1868. С. 334).

Казахи рода таим родоплеменной группы шекты в середине XIX в. проживали летом по рекам Жаксыбай, Калдыгайты и Булдурты, а зимой на озере Суналы-куль (там же. С. 332). Казахи родов шорен и назар группы шекты летом кочевали по притокам Большой и Малой Хобды, Шибурты, по урочищам Беш-Тамак и Исенбай, а зимой располагались по Эмбе от урочища Комурган-Домошлы-Исбер (там же. С. 334). Помимо этого казахи рода шекты проживали на юге региона в пределах Хивинского ханства (Иванов, 1940. С. 224, 226, 228; Небольсин, 1852. С. 153 и др.).

В 1802 г. оренбургский военный губернатор Н. Н. Бахметев сообщал императору Александру I, что казахи рода шекты «почитаются в Орде сильными и своевольными... А пребывание свое имеют... по рекам Сыр и Куван дариям и в вершинах рек Эмбы и Илека...; в зимнее же время, когда снега в степи бывают мелки, подходят они жить по вершинам р. Илека близь

линии, противу крепостей Ильинской и Орской» (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 195). Над этим родом, сообщают источники, «как хан, так и прочие начальники никакой власти не имеют, а паче и сами еще их опасаются» (*там же*).

При этом казахи рода шекты наряду с адаевцами и табынцами в Младшем жузе и найманами-баганалинцами в Среднем жузе были одной из наиболее номадизированных групп казахского населения. Исторические источники свидетельствуют, что казахи рода шекты славятся своими конями (*Мейер*, 1865. С. 151). Тем не менее часть шектинцев в районе Приаралья практиковала занятие земледельческим хозяйством (*там же*. С. 93).

Как и все номады, казахи рода шекты были серьезными оппонентами установления в Казахстане системы государственной власти. Примечательно, что в 1797 г. войсковой атаман Уральского казачьего войска Д. Донсков доносил президенту Государственной военной коллегии, генерал-фельдмаршалу Н. И. Салтыкову, что «киргиз-кайсацкой Ишим хан, будучи в улусе» казахами рода шекты был «изрублен до смерти и имущество, в том улусе бывшее, разграблено!» (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 189). В этой связи очень интересно и сообщение тургайского губернатора от 1869 г. о противодействии казахов рода шекты установлению в Казахстане институтов власти российского самодержавия. В частности он доносил, что администрация «...среди шектинцев, кочующих в Барсуках и по западному берегу Аральского моря, вследствие громадных пространств, препятствующих... проникнуть в отдаленные места... встретила в дальнейшем образовании волостей затруднение за отказом киргиз принять новое положение...» (*Добросмыслов*, 1902. С. 462).

Происхождение и этническая история казахов рода шекты практически не изучены. Н. А. Аристов полагал, что этноним 'шекты' мог происходить от древнетюркского этнообозначения 'чик' (*Аристов*, 1896. С. 383–384). В. В. Востров на основе сопоставления тамговых знаков высказал весьма спорное пред-

положение о том, что шекты были образованы выходцами из племени найман (*Востров, Муканов*, 1968. С. 105).

Но если отбросить подобного рода спекуляции, то единственное на что реально можно указать, так это на то, что этноним «шекли» неоднократно упоминается в составе ногайского племени кыпчак (*Гаджиева*, 1979. С. 59, 61 и др.). Говоря об истории ногайцев, исследователи полагают, что в середине XIV в. произошло переселение мангытов с юга из улуса Чагатая на север региона. В XIV в. какая-то часть мангытов уже обитала в междуречье верхнего Тургая и Ишима. Также известно, что «авторы XV–XVI вв. застают эль мангытов, племя Эдиге, как и прочих будущих ногаев, между Яиком и Эмбой» (*Трепавлов*, 2002. С. 67). Видимо, в процессе этого передвижения мангытов по Дашт-и Кыпчаку происходила вполне естественная сегментация, которая приводила к отрыву отдельных родовых групп от основного ядра политического влияния.

Вследствие этого можно предположить, что этногенез казахского рода шекты был связан с какими-то местными кыпчако-ногайскими автохтонными родоплеменными группами, которые в постузбекский период вышли на арену истории в качестве самостоятельного этнокультурного образования. Это могло быть обусловлено как процессами сегментации и дифференциации кыпчако-ногайских родоплеменных групп, так и, наоборот, процессами этнополитической интеграции мелких подразделений номадов, находившихся в орбите политического влияния ногайцев.

В дальнейшем казахи рода шекты играли важную роль в истории Западного Казахстана. По-видимому, в начале XVIII в. шекты совместно с каракесеками и другими алим-улинскими родами активно поддерживали Абулхаира в его политическом возвышении, объединении казахов Младшего жуза и организации освободительной борьбы против внешней экспансии. В результате этого они в этот период стали одной из самых влиятельных и привилегированных родоплеменных группировок в составе казахов Младшего жуза.

В этнонимическом же плане есть очевидный смысл рассматривать термин «шекты» в качестве морфологического образования в одном ряду с другими собственно казахскими этнонимами, более всего известными в Старшем жузе, которые оканчиваются аффиксом *-ты, -лы*, означающим отношение к чему-либо или обладание чем-либо.

Численность. По данным Я. Гавердовского численность казахов рода шекты в самом начале XIX в. составляла 8700 семей (*Гавердовский*, 1803. Л. 64 об. – 65. Подсчет мой. – *Н. М.*). В 1805 г. К. Шукур-Али-улы и Г. Шахмутаров оценивали их численность на уровне 15 000 кибиток (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 515). Известно, что в 1786 г. 2200 кибиток шекты получили право перейти на внутреннюю, российскую, сторону Урала (*Вяткин*, 1947. С. 241; МИКССР, 1940. Т. IV. С. 86–87. Подсчет мой. – *Н. М.*). В 1787 г. от имени 10 000 кибиток казахов рода шекты была подписана присяга на верность российскому самодержавию (*Вяткин*, 1947. С. 252–253. Примеч. 1).

Оренбургский муфтий М. Хусаинов в 1805 г. сообщал, что шекты подразделялись на три рода: «Зякаим (жайкаим. – *Н. М.*), Зянклыч (жанклыш. – *Н. М.*) и Урусово (орыс. – *Н. М.*); оное же Чиклинское с сими от него отделениями считается более 25 000 кибиток» (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 227).

Один из наиболее авторитетных авторов середины XIX в. И. Ф. Бларамберг указывал, что среди подвластных российской администрации казахов в этот период числилось 4150 кибиток шекты (*Бларамберг*, 1848. Литера В). Тогда же А. Макшеев официально сообщал, что в Казалинском округе насчитывалось 14 505 кибиток казахов рода шекты (*Радлов*, 1989. С. 113).

По данным «Материалов для статистики Туркестанского края» в Казалинском уезде в начале 70-х гг. XIX столетия насчитывалось 4740 кибиток шекты (МСТК, 1872. Вып. 1. С. 126–127. Подсчет мой. – *Н. М.*). «Материалы по киргизскому землепользованию» свидетельствуют, что в начале XX в. в Казалинском уезде проживало около 45 тыс. шекты (МКЗ. Казалинский уезд. Табл. С. 14–16, 20–22, 26–28, 32–

34, 62–64, 68–70, 86–88, 92–94, 98–100, 128–130, 134–136, 140–142, 158–160, 164–166. Подсчет мой. – *Н. М.*), а в Актюбинском уезде – всего лишь 3,5 тыс. шекты (МКЗ. Т. VII. Табл. С. 14–15, 22–23, 34–35, 78–87, 90–91, 94–95, 102–111, 130–135, 142–147. Подсчет мой. – *Н. М.*). Помимо этого значительное число казахов рода шекты проживало в Иргизском и Темирском уездах, а также в Южном Приаралье.

Исходя из всего этого общая численность шекты на рубеже XIX–XX вв. может быть примерно оценена в 60–80 тыс. человек.

Генеалогия. Родоплеменной состав шекты в имеющихся исторических источниках очерчен как и у всех казахских родоплеменных групп крайне противоречиво. По И. Ф. Бларамбергу они подразделялись на три основные ветви – жайкаим, жанклыш и орус. В свою очередь, жайкаим разделялись на кулумбет, берденкул, баимбет, асан, тургунбай и назарша; жанклыш – на жаюп, куджай, шуют, андагул, темирбахты, сокыр (разделялись на карабай и кулбай); орыс – на алтынбай, ардан, татран, кулюк, палуан, кыргыз (делились на тат, истек, барак), кишкене-шекты (разделялись на чинай, жолчура, асан, аусан, кошманай, кутлук), болекшора (подразделялись на кабак, тлеу, назар, шурен и жикей) (*Бларамберг*, 1848. Отд. II. С. 76–77).

В материалах к отчету Оренбургской Пограничной комиссии за 1851 г. говорится о том, что шекты подразделялись на следующие роды – назар, шурен, тлеу, кабак, карабаш, жанклыш, жайкаым, кыргыз, каракисек и джикей (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5069. Л. 20 об.).

Довольно близкую к данным И. Ф. Бларамберга структуру казахов рода шекты дал Н. А. Аристов. По его материалам шекты также подразделялись на три группы – жанклыш, урус и жанакаим. В свою очередь, жанклыш разделялись на кулумбет, бурунджур, асан, туржанбай и баимбет, урус – на булчура, кишкене, палуан, алшинбай, кулак, киргиз, артак, татрак, жанакаим – на джаюк, куджай, андачул, сокыр, шиют, темир (*Аристов*, 1896. С. 384).

Заметно отличается родоплеменной состав шекты по данным «Материалов по киргизскому землепользованию», М. Тынышпаева, В. В. Вострова и др. (МКЗ. Т. VII. Таблица сведений о киргизских ордах и родах. С. 2, 4, 8, 9; *Востров, Муканов*, 1968. С. 104 и др.). Так, например, М. Тынышпаев полагал, что шекты в своем составе имели три ветви – орыс, баубек и жакаим. В свою очередь, орыс подразделялись на есеналы и болек, баубек – на жанклыш, кокбура и темирбахты, а жакаим – на акбура, кокбура, агыс, когыс, шынгыс и айдос (*Тынышпаев*, 1925. С. 74).

Уран шекты – *бактыбай* и *жанкожа* (*Тынышпаев*, 1925. С. 30), *аыртау* и *байтерек* (*Аманжолов*, 1959. С. 13), *аыртау* и *бактыбай* (*Гродеков*, 1889. Прилож. С. 1) и *бактыбай* (*Мейер*, 1865. С. 89, 91; *Аристов*, 1896. С. 384).

Торткара. Вслед за шекты по старшинству в составе алимулы следуют казахи родоплеменной группы торткара. Исторические источники середины XIX в. прямо указывали на то, что «по числу людей самые главные роды: Чумекеевский, Дюрткаринский (торткара. – Н. М.), Чиклинский (шекты. – Н. М.), Адаевский и Табынский» (*Мейер*, 1865. С. 94).

Кочевки казахов группы торткара в основном располагались по нижнему течению Сырдарьи – зимой и по рекам Иргиз и Орь – летом (*Бларамберг*, 1848. С. 78). В середине XIX в. Л. Мейер сообщал, что казахи рода торткара кочевали «летом по Иргизу в Мугоджарах, зимою на Сыре» (*Мейер*, 1865. С. 91). Тогда же М. Н. Галкин уточнял, что они как в летний, так и в зимний период года располагались по бассейну рек Иргиз и Сырдарья, по берегам Аральского моря и в песках Каракумах (*Галкин*, 1868. С. 334). Казахи торткара также проживали на юге региона в пределах Хивинского ханства (*Иванов*, 1940. С. 224, 226, 228, 229; *Небольсин*, 1852. С. 153 и др.). Казахи рода торткара в середине XIX в. занимались земледелием в Присырдарьинском регионе (*Мейер*, 1865. С. 93).

И. В. Виткевич, посетивший казахские степи в 1835–1836 гг., писал о казахах рода торткара, что «два отделения дюрткаринцев (Сеит-куль и Чубан) и два чумекейцев (Тока и Куняк) поссорились в прошлом году с закятчиями хивинскими и прибили их; поэтому отделения эти зимовали меж-

ду рекой Иргизом и песками Музбиль и Калмас и погубили почти весь скот свой» (Записки о Бухарском ханстве, 1983. С. 88). При этом «кайсаки и особенно чумекейцы и дюрткаринцы беспрестанно говорят о том, что ожидают, не пойдут ли русские на Хиву; они бы без всякого сомнения приняли в этом деятельное участие» (*там же*. С. 88).

Он же свидетельствует, что «часть рода дюрткара подходит к Орской крепости на мену; зимуют дюрткаринцы ...около Каракума, идут потом за Сырдарью, за Куван, в Кызыл-Кум, и подходят ближе к р. Аму, чем все прочие. Поэтому хивинцы и наложили на них руку и собирают с них подать, но если нет снегу, который здесь заменяет воду, то роды эти не удаляются от Кувана» (*там же*. С. 89).

Происхождение казахов рода торткара неясно. В. В. Востров считает их конгломератом, состоящим из переселившихся на запад казахов родоплеменных групп найман и керей (*Востров, Муканов*, 1968. С. 102). Думается, что для подобного вывода нет никаких оснований. Этноним «торткара» весьма созвучен и семантически близок к средневековому кыпчакскому этнониму «тортул» (*Ахинжанов*, 1976. С. 91; *Баскаков*, 1984. С. 65, 74 и др.). Близок он и к его, по-видимому, более поздним дериватам – ногайскому «тортулы аз» (*Трепавлов*, 2002. С. 499) и этнониму узбеков Мавераннахра «тартулы», который также бытовал среди конрадов, каракалпаков и других племен среднеазиатского региона (*Кармышева*, 1976. С. 66, 87, 93–95, 110, 133, 213, 215, 216).

Однако отсутствие собственно этнонима «торткара» как среди узбеков Дашт-и Кыпчака, так и Мавераннахра наводит нас на мысль о собственно казахском, а следовательно, более позднем по времени происхождении этнообозначения «торткара». Это подтверждается и тем, что торткара нет также и в составе башкиров и других тюркских народов, за единственным исключением кыргызов, в составе которых встречается этноним «торткара» (*Абрамзон*, 1960. С. 118, 132). В этой связи можно предположить, что данный этноним возник в среде каких-то местных, автохтонных группировок номадов в постузбекский период. В процессе политической

поддержки личности Абулхаир-хана в составе этнообъединения алимулы началось возвышение рода торткара, который приобрел определенное влияние и авторитет среди казахов Младшего жуза в первой половине XVIII в.

Численность. По подсчетам Я. Гавердовского, а также К. Шукур-Али-улы и Г. Шахмутарова численность казахов рода торткара в самом начале XIX в. составляла по их оценкам около 11 тыс. семей (Гавердовский, 1803. Л. 64; МИКССР, 1940. Т. IV. С. 514), а по явно завышенным данным оренбургского муфтия М. Хусаинова в тот же период их насчитывалось 30 000 кибиток (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 227).

В отличие от них гораздо более осведомленный автор И. Ф. Бларамберг на середину XIX столетия дает более скромную, но, видимо, более близкую к реальности цифру их численности в 3 тыс. кибиток (Бларамберг, 1848. Литера В. Подсчет мой. – Н. М.). Правда, данные И. Ф. Бларамберга касались лишь той части казахов рода торткара, которые находились в орбите влияния российской администрации.

В Казалинском уезде в середине XIX в. А. Макшеевым было отмечено 2650 кибиток казахов рода торткара (Радлов, 1889. С. 113), а во второй половине того же столетия там же было зафиксировано 1524 кибитки торткара (МСТК, 1872. Вып. 1. С. 127. Подсчет мой. – Н. М.). В начале XX в. «Материалами по киргизскому землепользованию» было подсчитано, что в Казалинском уезде проживало 11 669 чел. казахов группы торткара (МКЗ. Казалинский уезд. Табл. С. 14–16, 20–22, 26–28, 128–130, 140–142, 146–148, 158–160, 164–166. Подсчет мой. – Н. М.). Значительная часть торткара проживала в Иргизском уезде. Общая численность казахов рода торткара на рубеже XIX–XX вв., по-видимому, могла достигать 30–40 тыс. человек.

Вместе с тем не исключено, что какая-то часть торткара могла перебазироваться из Западного Казахстана в Среднюю Азию (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 514). Тем более, что казахи рода торткара довольно долго противостояли процессу вовлечения их в систему государственного управления Рос-

сийской империи. Так, например, в 20-х гг. XIX в. большой торговый караван Е. Кайдалова в сопровождении артиллерии (56 артиллеристов и двух конных орудий), 250 пехотинцев и 270 казаков с офицерами «...неоднократно подвергался нападениям киргиз родов шекты и турт-кара, – сообщают официальные источники, – родов весьма хищных и к России недоброжелательных» (Добросмыслов, 1902. С. 279).

Генеалогия. «Дюрткаринское разделяется на 4 отделения, – сообщал в 1805 г. оренбургский муфтий М. Хусаинов, – Бакчанское (бажжан. – Н. М.), Акмантукманское (аппак и тукман. – Н. М.), Тялтыкамское (талтакам. – Н. М.) и Касымтурумское (касым и турум. – Н. М.); а сии также отделены: Бакчанское на 4, Акмантукманское на 24, Тялтыкамское на 3, а Касымтурумское на 10 отделений» (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 227).

Согласно И. Ф. Бларамбергу, торткара подразделяются на четыре основные ветви – тукман, аппак, касым и турум. От тукман ведут свое происхождение – сеиткул, шопан, талтакам, коньсбек, каракетыр, от аппака – куламан, култас, караксы и ак-кыз, от касыма – бажжак, мазы и култыкара, и от турума через ветвь сексен – тогуз, кашан, лукман, шаудыр и аит (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 77–78). В материалах к отчету Оренбургской Пограничной комиссии за 1851 г. говорится о том, что торткара делились на кузаман, сексен и сюбан (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5069. Л. 20 об.).

Н. А. Аристов, ссылаясь на И. Казанцева, дает следующую структуру торткара: турум подразделялся на шаудар, аукман, кашан, тогуз и сексен, касым – на аит, сиксак, мазы и бажжан, аппак – на караксы, акбес и батан, тукман – на шакал, жангельды, шукурбай, коткулан и хангельды (Аристов, 1896. С. 380). Менее полную картину дает М. Тынышпаев, которую не критически у него заимствовал В. В. Востров (Тынышпаев, 1925. С. 74; Востров, Муканов, 1968. С. 102).

В «Материалах по киргизскому землепользованию» содержится совершенно другой состав торткара, которые делились на четыре ветви – оразгельды, жанчукур, караш и ораз (МКЗ. Т. VII. Таблица сведений о киргизских ордах и родах. С. 2).

Уран торткара – *аыртау* (Мейер, 1865. С. 91; Аристов, 1896. С. 380; Аманжолов, 1959. С. 13 и др.), *алдиар* (Гродеков, 1889. Прилож. С. 1).

Каракесек. Широкой известностью среди казахов Младшего жуза пользуется племя каракесек, основные кочевки которого располагались в зимний период на Сырдарье и на севере региона по рекам Иргизу и Ори, в Мугоджарах в летний период года (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 78; Мейер, 1865. С. 91). В 1785 г. оренбургский военный губернатор барон О. А. Игельстром сообщал императрице Екатерине II, что «киргис-кайсацкая Меньшая орда» подразделялась «на 3 части или главные орды, Каракисяцкой, Байулинской и Семиродской, к которым все прочие роды присоединены» (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 67).

В 1816 г. Арынгазы-хан и Ширгазы Каипов доносили оренбургскому военному губернатору, что они смогли примирить враждовавших друг с другом казахов родоплеменных групп каракесек, шекты, торткара и «чрез устрашивание уничтожили междуусобную баранту и с таковым при том подтверждением, что буде кто во время здравствования нашего пустится на оную, то в таком случае оный будет умерщвлен, а имение будет разграблено, что уже над несколькими ворами исполнили. Почему чиклинцы, каракисятцы и дюрткаринцы соединясь вместе, оставляя междуусобныя распри, сделали примирение с условием препровождать караваны в тишине и спокойствии» (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 297).

Происхождение казахского рода каракесек многими исследователями связывается с каракесеками из среды аргынов (Аристов, 1896. С. 382–383; Востров, Муканов, 1968. С. 93 и др.). В этой связи следует обратить внимание на то, что данный этноним практически не имеет аналогий в составе других тюркоязычных народов и племен.

Вследствие этого вне зависимости от отношений с аргынами можно предположить, что казахи рода каракесек получили свое имя достаточно поздно в постузбекский период, а их этногенез был напрямую связан с местными

автохтонными этногруппами Дашт-и Кыпчака. В первой половине XVIII в., по-видимому, произошло усиление влияния каракесек, которые поддержали фигуру Абулхаир-хана в процессе его властного возвышения и стали его серьезной военно-политической опорой.

В этой связи небезынтересно заметить, что собрание казахских старшин в 1785 г. постановило в целях административного управления просить симбирского и уфимского генерал-губернатора О. А. Игельstroma разделить Младший жуз на «*Главные орды*» – Байулинскую, Семиродскую (жетыру) и Каракесецкую (Вяткин, 1947. С. 210). Это обстоятельство, несомненно, свидетельствует о той чрезвычайно важной роли, которую играли казахи рода каракесек в политической жизни Западного Казахстана в течение XVIII столетия.

Говоря о происхождении этнонимов «каракесек» и «алимулы» хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что из шести этнонимов в составе алимулы три этнонима двухсоставные имена со словом «*кара*» («черный»), хотя и в разных вариациях. Если сюда добавить каракете, то их число возрастает до четырех этнонимов со словом *кара*. Широта семантических вариаций, связанных со словом «*кара*» в тюркской этнонимии прекрасно показана в классических работах А. Н. Кононова (Кононов, 1978. С. 161–170). Следует обратить внимание на то обстоятельство, что слово «*кара*», по его мнению, чаще всего используется в этнонимах как детерминатив при родовых названиях, обозначающий, по-видимому, исторически исходное географическое положение по отношению к главному роду, носящему то же самое название (*там же*. С. 168).

Можно предположить, что в данном случае слово «*кара*» означало «северные племена», но значение «северных» в конкретном ареале расселения этих племен восстановить в первоначальном смысле сейчас практически невозможно, тем более в контексте других племен группы алимулы, поскольку каракесеки кочевали по тем же самым маршрутам, что и другие племена родоплеменной группы алимулы.

Но не исключено, что слово 'кара' могло использоваться в совершенно ином значении. Нередко «...qara является именем, обычно употребляемым адноминально, т. е. в функции прилагательного, – пишет Карл Менгес, – кроме того, что оно может значить 'черный цвет, ...простонародье, чернь'...» (Менгес, 1979. С. 156. См. также: Радлов, 1895. С. 132–142 и др.). Но, пожалуй, важнее не сама этимология слова 'кара', а его частая повторяемость в этнонимах родоплеменного объединения алимулы.

Что же касается этногенеза данного рода, то учитывая специфику самого этноназвания «каракесек» можно предположить, что оно было образовано либо сегментами аргынского племени каракесек, либо какая-то часть каракесек, наоборот, вошла в состав аргынов. Либо независимая группа каракесек распалась в процессе этнической дивергенции на два крыла, одно из которых вошло в состав аргынов, а другое – в состав алимулы.

Численность. По Я. Гавердовскому в самом начале XIX в. численность казахов рода каракесек достигала 3500 семей (Гавердовский, 1803. Л. 64 об.; МИКССР, 1940. Т. IV. С. 515). В 1787 г. 1500 кибиток казахов рода каракесек присягнули на верность российскому самодержавию (Вяткин, 1947. С. 252–253. Примеч. 1).

Во второй половине XIX в. в Казалинском уезде насчитывалось 463 кибитки каракесек (МСТК, 1872. Вып. 1. С. 127. Подсчет мой. – Н. М.). «Материалы по киргизскому землепользованию» зафиксировали в Казалинском уезде 3294 чел. (МКЗ. Казалинский уезд. Табл. С. 68–70, 92–94, 140–142. Подсчет мой. – Н. М.), а в Актюбинском уезде – 2907 чел. (МКЗ. Т. VII. Табл. С. 18–19, 34–35, 74–75, 82–83, 86–87, 90–91, 94–95, 130–131. Подсчет мой. – Н. М.). Помимо этого какая-то часть каракесек проживала в Иргизском и Темирском уездах. Таким образом, общая численность каракесек могла достигать 15–20 тыс. человек.

Генеалогия. Родоплеменной состав каракесек по И. Ф. Бларамбергу и Н. А. Аристову выглядит следующим образом – жакау, есенгельды, естек, баюс и казантабан (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 78; Аристов, 1896. С. 382).

В «Материалах по киргизскому землепользованию» структура каракесек дана совсем иначе – жаналы, жилкайдар, конгур, альджан и есыл, а от есыла через несколько поколений происходят тыныбек, шай, естек, ногай, касабулат, жаксылык и амантемен (МКЗ. Т. VII. Таблицы сведений о киргизских ордах и родах. С. 2, 7, 8).

Уран каракесек – акбан, аыртау (Мейер, 1865. С. 91; Гродеков, 1889. Приложение. С. 1; Аристов, 1896. С. 382; Тынышпаев, 1925. С. 30; Аманжолов, 1959. С. 14 и др.).

Карасакал. Еще один род в названии которого используется составное слово 'кара' – это карасакал, кочевки которого были в основном сосредоточены в зимний период года по Сырдарье и Кувандарье вплоть до Жанадарьи, а в летний – на Тургайском плато и по бассейну Тобола вплоть до Верхнеуральска (Спасский, 1820. Ч. IX. Кн. 2. С. 99; Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 78; Мейер, 1865. С. 92 и др.).

Некоторая часть казахов рода карасакал также проживала на юге региона в пределах Хивинского ханства (Иванов, 1940. С. 224, 226, 228 и др.). В середине XIX столетия «около форта № 1-го и ниже до Аральского моря и по самому берегу моря» некоторая часть казахов родоплеменной группы карасакал практиковала занятие земледельческим хозяйством (Мейер, 1865. С. 93).

Происхождение казахов рода карасакал неясно. Аналогичных этнонимов в среде других тюркских народов, за исключением кыргызов (Абрамзон, 1960. С. 118, 132), а также в известных нам исторических источниках, практически нет. Также, как торткара и каракесек, этноним «карасакал», по-видимому, возник в постузбекский период. В случае с карасакалами не исключена также связь с антропонимом Карасакал. Так, что более или менее уверенно можно говорить лишь о том, что этноним «карасакал» относятся к чисто казахскому пласту этнонимов позднего происхождения.

Численность. По данным на начало XIX в. численность казахов рода карасакал достигала 1700 кибиток (Гавердовский, 1803. Л. 63 об.; МИКССР, 1940. Т. IV. С. 514; Спасский, 1820. Ч. IX. Кн. 2. С. 99). В Казалинском уезде их численность во второй половине XIX в. составляла 789 ки-

биток (МСТК, 1872. Вып. 1. С. 127. Подсчет мой. – Н. М.). «Материалами по киргизскому землепользованию» в Казалинском уезде было зафиксировано около 7 тыс. карасакалов (МКЗ. Казалинский уезд. Табл. С. 50–52, 56–58, 68–70, 98–100. Подсчет мой. – Н. М.). К сожалению, другими сведениями мы не располагаем. Можно предположить, что их общая численность не превышала 10 000 человек.

Генеалогия. Согласно генеалогическим преданиям казахов, зафиксированных И. Ф. Бларамбергом, племя карасакал подразделялось на три ветви – бусурман, сарыбаш и шунгур. В свою очередь, бусурман делились на жагай, жансокыр и ногай, сарыбаш – на назым, баубек и бактыберды, шонгур – на жарболды, батан, шикил, жангельды, шукурбай, кошкулак, хангельды и т. д. (Бларамберг, 1848. С. 78–79). Аналогичную структуру дает Н. А. Аристов (Аристов, 1896. С. 380). М. Тынышпаев дает карасакал среди подразделений племени кете, указывая в их составе лишь два ветви – бусурман и шенгыр (Тынышпаев, 1925. С. 74).

Уран карасакалов – алдияр, алдажар, аыртай (Мейер, 1865. С. 92; Гродеков, 1889. Прилож. С. 1; Аристов, 1896. С. 380; Тынышпаев, 1925. С. 30; Аманжолов, 1959. С. 12 и др.).

Кете. Одним из наиболее крупных и влиятельных племен в составе родоплеменной группы алимулы был род кете, кочевки которого в основном локализовались в зимний период года по Сырдарье, Жанадарье, Кувандарье, в устье Эмбы и в районе озера Телекуль, а в летний – в Каракумах и по рекам Иргиз, Тургай, Уил и Хобда (Спасский, 1820. Ч. IX. Кн. 2. С. 99–100; Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 79; МИКССР, 1940. Т. IV. С. 514 и др.).

В середине XIX в. Л. Мейер сообщал, что казахи рода ожрай племенной группы кете кочевали «летом по Уилу и Киилу, зимой на устье Эмбы», рода ак-кете – «летом по Уилу, зимою около Каспийского моря» (Мейер, 1865. С. 89). Тогда же М. Н. Галкин отмечал, что казахи рода кете летом кочевали по рекам Эмба, Сагыз, Уил и в верховьях Хобды. Зимой же они размещались по берегу Каспийского моря и в песках Тайсуйган (Галкин, 1868. С. 333). Казахи рода ожрай

летом располагались на вершинах рек Уил и Сагыз, а зимой – по реке Уил, в песках Баркин-кум и по берегу Каспийского моря (там же. С. 333).

В источниках содержится немало интересных исторических свидетельств о казахах рода кете. Так, в частности оренбургский военный губернатор Г. С. Волконский доносил министру финансов Д. А. Гурьеву, что «киргиз-кайсацкой Меньшой орды султан Каратай Нуралиев... собравшись с киргизцами Чиклинского и Аккитинского родов разных отделений до 3000 человек, в ночи на 31 мая 1812 г. напал на киргизцов семиродцов Табынского и Таминского родов, придерживающихся кочевьями к линии Оренбургской, с намерением совершенно раззорить их и произвел кровопролитное сражение» (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 249).

В середине XIX столетия Л. Мейер сообщал, что казахи рода кете занимались поливным земледелием «от Сыра у Майлибаша, через Куван и на средней и нижней Яны-Дарье» (Мейер, 1865. С. 93).

Происхождение казахов рода кете неясно. Н. А. Аристов высказал предположение, что предками кете были кидане (Аристов, 1896. С. 383). Едва ли можно согласиться с этим мнением. При этом важно подчеркнуть, что этнониму «кете», за исключением туркменова рода геоклен (Галкин, 1868. С. 7), нет аналогий в составе других тюркских народов. Так что, как и другие этнообозначения объединения алимулы, этноним «кете» вероятнее всего возник в постузбекский период, а этногенез самого рода кете был связан с какими-то местными автохтонными родоплеменными группами Западного Казахстана.

Совсем другое дело анализ родовой структуры кете, который показывает наличие в их составе двухсоставных этнонимов со словами 'кара' и 'ак'. Цветовая символика, более всего присущая и богато представленная в этнонимах «алимулы», свидетельствует о том, что для данного родоплеменного объединения в период возникновения его этнонимических обозначений термин 'кара' играл чрезвычайно важную и особую мифологическую роль.

Численность. В 1803 г. по поручению оренбургского генерал-губернатора Г. С. Волконского было примерно подсчитано, что численность казахов рода кара-кете достигла 2500 кибиток (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 514). По данным Я. Гавердовского, в тот же период численность казахов рода кете превышала 8 тыс. кибиток (*Гавердовский*, 1803. Л. 63 об., 65, 66 об. Подсчет мой. – Н. М.).

По материалам И. Ф. Бларамберга, в середине XIX в. их насчитывалось около 3,5 тыс. кибиток (*Бларамберг*, 1848. Литера В. Подсчет мой. – Н. М.). В 1850 г. в Западной части Оренбургского ведомства числилось 4259 кибиток кете и 1043 кибитки ожрай (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5041. Л. 28 об.). Годом позже в Западной части было зафиксировано 3816 кибиток казахов рода кете и 965 кибиток казахов рода ожрай (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5069. Л. 137).

Во второй половине XIX в. в Перовском уезде было отмечено 1603 кибитки казахов рода кете (МСТК, 1872. Вып. 1. С. 113–114, 116–118. Подсчет мой. – Н. М.). В начале XX в. в Актюбинском уезде «Материалами по киргизскому землепользованию» было зафиксировано 3248 казахов рода кете (МКЗ. Т. VII. Табл. С. 10–11, 46–47, 62–63, 78–87, 90–91, 130–131. Подсчет мой. – Н. М.). Наряду с этим значительный массив казахов рода кете проживал в Темирском и Гурьевском уездах (*Добросмыслов*, 1895а. С. 350). К сожалению, другими, более достоверными сведениями мы не располагаем. Поэтому с учетом всех этих, достаточно фрагментарных данных мы можем примерно оценить их численность в 40–50 тыс. человек.

Генеалогия. По данным И. Ф. Бларамберга кете, которых он называет майлыбай, подразделялись на ак-кете, кара-кете и ожрай. В свою очередь, ак-кете делились на айдар, альмамбет, байкошкар, чалы, майлы, кунгур, мамыт, естек и омурлык; кара-кете – на киикжи, карабазар, карпык, кулыс, адамкожа и тумпак; ожрай – на мурза, курчу, тулек, баимбет, курманкожа и рыскуль (*Бларамберг*, 1848. С. 79).

По Н. А. Аристову, ожрай подразделялись на айдар, альмамбет, байкошкар, чаны и майлы; кара-кете – на кулчур, мамбет, торе, естек, урурмак, киначи и карабазар; ак-кете – на кирпык, кул-юс, тумпак, курчи, баимбет, рыскуль, мурза, аримкожа, тулек, курман-кожа (*Аристов*, 1896. С. 383).

Небольшая группа кете, проживавшая в Букеевской орде (2055 чел.), по данным на 1847 г. подразделялась на следующие группы – мамыт-тютте, байкошкар, истек-кете, алмамбет, коныр и шалы (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 43 об.). М. Тынышпаев дает иной состав кете – ак-кете, кара-кете, токкожа, мамает-тютте, тегынболат и бозанча (*Тынышпаев*, 1925. С. 74).

Уран кете – майлыбай (*Гродеков*, 1889. Прилож. С. 1; *Аристов*, 1896. С. 383 и др.).

Шомекей. Самым многочисленным и одним из наиболее влиятельных племен в составе алимуды была родоплеменная группа шомекей. Основные места кочевок казахов шомекей локализуются в низовьях Сырдарьи, по Кувандарье и Жанадарье, по берегам Аральского моря, у Черных песков при Барсуках, по Эмбе и около Каспийского моря в зимний период года и по Иргизу до гор Каратау, у Каспийского моря, по рекам Эмба, Темир, Сагыз, Уил, Хобда до берегов Урала в летний период (*Гавердовский*, 1803. Л. 64.; *Спасский*, 1820. Ч. IX. Кн. 2. С. 100–101, 103 и др.).

В середине XIX в. Л. Мейер сообщал, что шомекей кочуют «летом около Уральского укрепления и озера Ак-Сакал-Тауп, зимою в Кара-Кумах, по Сыру и в Кызыл-Кумах» (*Мейер*, 1865. С. 91). Тогда же М. Н. Галкин уточнял, казахи рода шомекей летом кочевали по рекам Сырдарья, Кувандарья, Иргиз и на урочищах Тургая и Каракумов. Зимой они располагались по рекам Сырдарья, Куван и Жанадарья, в песках Кызылкумах (*Галкин*, 1868. С. 334). Часть шомекеев проживала на юге региона в пределах Хивинского ханства (*Иванов*, 1940. С. 229 и др.).

В 1802 г. оренбургский военный губернатор Н. Н. Бахметев сообщал императору Александру I, что казахи рода

шомакей «почитаются в Орде сильными и своевольными; старшины же... уважаются народом более самого нынешняго дряхлого старика хана (Айшуак-хан. – Н. М.). А пребывание свое имеют... по рекам Сыр и Куван дариям и в вершинах рек Ембы и Илека...; в зимнее же время, когда снега в степи бывают мелки, подходят они жить по вершинам р. Илека близь линии, противу крепостей Ильинской и Орской» (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 195). Над этим родом, сообщают источники, «как хан, так и протчие начальники никаковой власти не имеют, а паче и сами еще их опасаются» (*там же*).

«По Кувану, – свидетельствуют очевидцы, – чумекейцы наши сеют много хлеба; богатые кочуют, оставляя байгушей обедневших на месте...» (Записки о Бухарском ханстве, 1983. С. 87). И. В. Виткевич, посетивший казахские степи в 1835–1836 гг., писал о них, что «у чумекейцев, которые в баранте с алтын-япасцами (джапасцами), дюрткаринцами и кипчаками, лошадей очень мало; большей частью одни верблюды и бараны; а как в северной части степи одни только лошади могут довольствоваться круглый год подножным кормом, то чумукейцам и остается только запасать сено для баранов своих между Уралом и Иргизом, где иначе зимовать невозможно, или убираться на Сыр» (*там же*. С. 87).

Происхождение шомакей совершенно безосновательно связывается Н. А. Аристовым с упоминаемым в древнетюркскую эпоху племенем «чумугунь» (Аристов, 1896. С. 382). В поддержку этой точки зрения высказалось большинство известных авторов (Тынышпаев, 1925. С. 23–24; Аманжолов, 1959. С. 35; Востров, Муканов, 1968. С. 92 и др.). Однако, современные реконструкции китайского написания этого этнонима полностью опровергают данную версию (Зуев, 1962. С. 119).

Предположительно можно высказаться в пользу версии об автохтонном происхождении данного родоплеменного образования и постузбекском возникновении самого этнонима «шомакей». Тем более, что этноним «шомакей» не встречается среди других тюркских народов. Вследствие этого можно говорить о чисто казахском и достаточно позднем происхождении данного этнонима.

Численность. К. Шукур-Али-улы, Г. Шахмутаров и Я. Гавердовский в самом начале XIX в. оценивали численность казахов рода шомакей в 20 000 кибиток (Гавердовский, 1803. Л. 64; МИКССР, 1940. Т. IV. С. 514–515. Подсчет мой. – Н. М.). В середине XIX в. в Перовском округе было зафиксировано 11 325 кибиток казахов этого этнообразования (Радлов, 1989. С. 113). Во второй половине того же столетия в Перовском уезде было отмечено по одним данным 3084 кибиток (МСТК, 1872. С. 113, 116. Подсчет мой. – Н. М.), а по другим – 3308 кибиток казахов рода шомакей (*там же*. С. 127. Подсчет мой. – Н. М.).

В начале XX в. «Материалами по киргизскому землепользованию» было зафиксировано в Казалинском уезде более 27 тыс. казахов рода шомакей (МКЗ. Казалинский уезд. Табл. С. 2–4, 8–10, 20–22, 38–40, 44–46, 50–52, 56–58, 62–64, 80–82, 116–118, 122–124, 128–130. Подсчет мой. – Н. М.), в Перовском – около 7 тыс. (МКЗ. Перовский уезд. Табл. С. 44–46, 56–58, 62–64, 68–70. Подсчет мой. – Н. М.), а в Актюбинском – всего лишь 334 чел. (МКЗ. Т. VII. Табл. С. 10–11, 18–19, 46–47, 78–79, 102–103. Подсчет мой. – Н. М.). Помимо этого какая-то часть шомакей проживала в Иргизском уезде, а также в Хиве.

Таким образом, общая численность казахов племени шомакей, по-видимому, могла достигать 50 000–80 000 человек.

Генеалогия. Согласно казахским генеалогическим преданиям, родоначальник шомакеев Чуман имел пятерых сыновей – Бузгуль, Асан, Кульдай, Кунак и Тук. От Бузгула ведут свое происхождение следующие роды – каратамыр, исан, кульдай и каик, от Асана – абу, срым, тобет, бакачи, турлар, жантун, от Кульдая – каики, беке, сарыкаска, сарыбай и турубай, от Кунака – жаукунак, байкунак, сикым и кармыс (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 79–80). Почти аналогичную схему родового деления шомакей привел Н. А. Аристов (Аристов, 1896. С. 382). В материалах к отчету Оренбургской Пограничной комиссии за 1851 г. говорится о том, что шомакей разделялись на жанаконак и байконак (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5069. Л. 20 об.).

Заметно отличающаяся структура шомекей содержится в работе М. Тынышпаева. Согласно его данным, шомекей подразделялись на конак, тока, асбан и бозгыл. В свою очередь, конак делятся на байконак и басконак, а бозгыл – на каратамыр, сарыбас, тарыбай, кельдыбай и кайкы (Тынышпаев, 1925. С. 74).

Уран шомекей – доит (Мейер, 1965. С. 91; Гродеков, 1889. Приложение. С. 1; Аристов, 1896. С. 382; Тынышпаев, 1925. С. 30; Аманжолов, 1959. С. 12 и др.).

***

Таким образом, казахи самого влиятельного в течение XVIII–XIX вв. родоплеменного объединения *алимулы* расположились с юга на север широкой полосой от нижнего течения Сырдарьи и северной оконечности Аральского моря до Иргиза, Тобола, Хобды, Эмбы, Тургая и Уила. Алимуды составили значительную часть населения в Казалинском и Перовском уездах Сырдарьинской области, Иргизском и Актюбинском уездах Тургайской области и Темирском уезде Уральской области.

Этнически алимулы были, по-видимому, связаны с местными, автохтонными племенами, которые в средневековую эпоху находились в орбите влияния кыпчаков и их преемников позднесредневековых узбеков Дашт-и Кыпчака. Тем не менее все этнонимы алимулы возникли, по-видимому, в постузбекский период и были преимущественно казахского происхождения. Поэтому они не имеют аналогий среди других тюркских народов. По-видимому, в XVI–XVII вв. автохтонные племена, вошедшие в самое влиятельное в политическом смысле в Младшем жузе родоплеменное объединение алимулы, поменяли свои названия и приобрели новые чисто казахские названия.

Вероятно, после ухода узбеков в Мавераннахр произошло этнонимическое переформление какой-то весьма влиятельной этнической группы племен, издавна игравших важную роль в исторических судьбах региона, что подтверждается правом первородства алимулы в составе казахов Младшего жуза. Правда, не исключено, что политическое

возвышение алимулы было результатом более поздних этнополитических процессов и было связано с их поддержкой крупной фигуры Абулхаир-хана и его деятельности по объединению родоплеменных групп и их мобилизации с целью организации противостояния казахских племен внешней и прежде всего джунгарско-калмыцкой экспансии.

Байулы

Самым многочисленным и широко распространенным родоплеменным объединением казахов Младшего жуза были байулы. Основные места кочевок родоплеменных групп объединения байулы охватывают огромную территорию и локализуются преимущественно между реками Уралом и Эмбой, включают плато Устюрт на Мангышлаке и достигают восточного и северо-восточного побережья Каспийского моря. Зимние пастбища располагались преимущественно на юге в пустынной и полупустынной зонах, тогда как летние – на севере региона, в степной зоне и речных долинах. Для части байулы места кочевок в зимний период располагались в присырдарьинской зоне и песках Барсуки, а в летний сезон – в тургайских и тобольских степях (Гавердовский, 1803. Л. 62 об. – 63, 65 об. – 66; *Бларамберг*, 1848. Отд. II. С. 81–85; Литера В; Мейер, 1865. С. 89–93 и др.).

Первое упоминание о родоплеменном составе байулы содержится в известном описании М. Тевкелева. В байулы, пишет он, «...числяется двенадцать родов, а имянно: Адай, Джаббас, Алача, Байбакты, Берчь, Маскар, Тазлар, Исентемир, Алтин, Шихляр, Черкес, Тана» (КРО, 1961. С. 406). Согласно И. Ф. Бларамбергу байулы подразделялись на байбакты, тана, алаша, маскар, кызылкурт, исык, серкеш, берш, адай, тазлар, алтын и жаппас (*Бларамберг*, 1848. Отд. II. С. 80–81).

Автор одной из наиболее фундаментальных работ по истории и этнографии казахов Младшего жуза Л. Мейер в середине XIX в. указал на наличие в составе байулы тринадцати частей: адай, байбакты, серкеш, кызылкурт, маскар, тазлар, исентемир, берш, алаша, тана, исык, алтын, жаппас (Мейер, 1865. С. 89–90, 92). Н. А. Аристов зафиксировал в

байулы четырнадцать частей: адай, жаппас, алаша, байбакты, маскар, берш, тазлар, исентемир, серкеш, тана, кызылкурт, шихлар, алтын и исык (Аристов, 1896. С. 379–380).

В свою очередь, М. Тынышпаев дает тринадцать подразделений байулы, опуская только племя шихлар (Тынышпаев, 1925. С. 73). С. Аманжолов дает аналогичный состав байулы, но по неизвестным нам причинам объединяет исык и шихлар в одно племя (Аманжолов, 1959. С. 41). Таким образом, мы можем говорить о четырнадцати группах племен внутри родоплеменного объединения байулы, из которых нередко исык и шихлар объединяют в одно племя, как, впрочем, и алтын и жаппас (согласно мнению известного казахского этнографа Х. А. Аргынбаева).

Достаточно прозрачная народная этимология, зафиксированная казахскими шежере, гласит, что потомство Кадыр-кожа стало называться байулы потому, что у него было много сыновей, т. е. он был «богат сыновьями» (Небольсин, 1852. С. 153). На самом же деле происхождение собственно этнонима «байулы» неясно, хотя он хорошо известен за пределами казахского этноса. Байулы, в частности, встречаются в составе башкир и каракалпаков (Кузеев, 1974. С. 162 и др.). Попытка С. Аманжолова и В. В. Вострова увидеть в байулы дериват этнонима «бекулы» не может быть принята, поскольку она оставляет без объяснения главный вопрос – почему именно данная группа стала так именоваться.

Общая численность казахов байулы составляла примерно 500–600 тыс. чел. в XIX – начале XX в., в том числе адаев – 140–150 тыс., байбакты – 35–45 тыс., берш – 40–50 тыс., тазлар – 20–30 тыс., серкеш – 30–40 тыс., маскар – 10–15 тыс., тана – 30–35 тыс., кызылкурт – 40–50 тыс., жаппас – 40 тыс., алтын – 10 тыс. (20–30 тыс. в начале XIX в.), исык – 25–30 тыс., исентемир – 20–25 тыс., шихлар – 50 тыс. (в конце XVIII в.), алаша – 35–40 тыс. чел. (Гавердовский, 1803. Л. 62 об. – 63, 65 об. – 66; МСТК, 1872. Вып. I. С. 62, 111–113, 116; ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5041. Л. 28 об.; Вяткин, 1947. С. 241, 253; Турсунова, 1961. С. 179 и др.). М. Тынышпаев как обычно завышает численность казахских родо-

племенных групп и в отношении объединения байулы дает явно преувеличенную цифру в 880 тыс. чел. (Тынышпаев, 1925. С. 63), которая не имеет ничего общего с реальной действительностью.

Адай. Наибольшей известностью среди племен, входивших в состав родоплеменной группы байулы, пользуется род адай. Адаи были одним из самых воинственных и кочевнических племен в составе казахов.

Незадолго до начала коллективизации во второй половине 20-х гг. XX столетия А. Брискин опубликовал свой диалог с сопровождавшим его в поездке по Северо-Западному Казахстану русским крестьянином-переселенцем Тарасовым. Во время поездки А. Брискин предложил ему – «...зачем вы живете в ауле».

– В аул? – протянул Тарасов. – Чтой-то не видать тут казаков (т. е. казахов. – Н. М.). Одни только кушпили кочевники болтаются здесь, адайцы значит.

– А разве адаевцы не казаки? – засмеялся я.

– Это кушпили-то? – переспросил Тарасов. – Конечно, нет. Казаки – они народ мирный, тихий народ, а адайцы чисто звери, разбойники они все, кушпили эти. Какие же они, значит, казаки. Кушпили они и больше ничего» (Брискин, 1929. С. 54). А один уральский казак сказал А. Брискину: «Народ сурьезный, что и говорить. Потому и называются – адай» (там же. С. 35).

А. Брискин ко всему этому дал следующий комментарий об адаевцах: «Это казакское племя, сохранившее до сих пор во всей чистоте кочевой образ жизни, до сих пор в значительной степени сохранило хищные навыки своих предков. До сих пор среди адаевцев процветает “барымта”, “кун”, а кое-где и кровная месть. Не прочь они при удобных условиях и просто угнать чужих лошадей, меньше всего считаясь в этом случае с национальностью хозяев краденного скота. В этом смысле адаевцев боятся не только русское крестьянское население, но и казаки других племен» (там же. С. 35).

В этой связи становится понятной широко известная казахская народная поговорка об адаевцах *танысан адайынмын, танымасан кудайынмын* (если узнал меня, то я адай, если нет, то я для тебя сам Бог).

В середине XVIII в. адаевцы вытеснили туркмен с Мангышлака и освоили территорию полуострова. Кочевки казахов рода адай в основном располагались в зимний период года на всей территории полуострова Мангышлак, плато Устюрт, полуострова Бозащи и в районах примыкающих к заливу Кара-Богаз-Голу, а в летний период – на севере региона, в основном по бассейнам рек Эмба, Хобда, Сагыз, Чагын, Уил, Темир и др. (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 85; Казаки, 1927. Вып. 3, 11; Ищенко и др., 1928. С. 112–130; Турсунова, 1961 и др.).

В середине XIX в. Л. Мейер сообщал, что адаевцы кочуют «летом на Усть-Урте, по морю и в горах; зимою по Эмбе, Сагизу и около форта Александровскаго» (Мейер, 1865. С. 89). Тогда же М. Н. Галкин отмечал, что казахи рода адай в летний период года кочевали по бассейну рек Эмба, Сагыз, в песках Сам на Устюрте и песках Тайсуйган. Зимой они располагались по побережью Каспийского моря на Бузачи, Карагане, Тюп-Актау, Корошау и Карабау (Галкин, 1868. С. 333).

В своих передвижениях по этому региону они совершали самые далекие во всем номадном мире миграции на более чем 1000–1400 км только в один конец с общим числом перекочевок до более чем сотни в течение одного только календарного года (Ищенко и др., 1928. С. 106–109 и др.). В этой связи закономерно, что «адаевцы имеют мало рогатого скота, а разводят преимущественно лошадей и баранов» (Мейер, 1865. С. 151).

Происхождение. По вопросу о происхождении адаевцев целым рядом авторов было высказано предположение о том, что они являлись позднейшими дериватом упоминаемых в Авесте и древнегреческих источниках племен дахов, даев (Аманжолов, 1959. С. 160; Востров, Муканов, 1968. С. 84–86 и др.). Были предложены и другие варианты решения данной проблемы. В частности Т. Инсебаев и Е. Кажобеков считали возможным говорить о некоей общности происхождения адаев и одного из самых крупных и наиболее влиятельных подразделений в среде аргынов из Среднего жуза суюндыков (Инсебаев, Кажобеков, 1984. С. 107).

В свою очередь, А. Нурмагамбетов полагал, что этническим субстратом адаев, их предком было мигрировавшее с востока тюркское племя «баегу» и в особенности зафиксированный в их среде род «адйе» (Нурмагамбетов, 1984. С. 91–93). Априорность подобных суждений очевидна не только потому, что между даями и адаями, например, почти двухтысячелетний временной разрыв, но и потому, что нельзя выстраивать этническую историю только лишь на основе случайного фонетического созвучия имен, тем более в случае с китайской транскрипцией «адйе», которая в оригинале звучала как 'a-d'iet'. Также неудачными являются попытки этимологической интерпретации самого этнонима «адай» (Аманжолов, 1959. С. 160; Инсебаев, Кажобеков, 1984. С. 99–101 и др.).

В основе этногенеза адаев находились, по-видимому, прежде всего какие-то местные автохтонные гипотетически огузо-кыпчако-печенежские, а позднее узбекско-мангытские и какие-то другие аборигенные этногруппы, традиционно проживавшие в засушливых и безводных условиях западноказахстанского региона (Аманжолов, 1959. С. 98–160 и др.). Немаловажную роль в их истории сыграли, несомненно, их контакты и очень тесные хозяйственные связи с туркменами, среди которых встречается род «туркмен-адай». Одной из иллюстраций этого может быть так называемая адаевская лошадь, в которой чувствуется влияние благородных туркменских аргамаков (Барминцев, 1958. С. 66, 78 и др.).

Основным аргументом для такого вывода, на наш взгляд, является совершенно уникальный тип суперномадного хозяйства адаевских племен, которые в течение года совершали до сотни перекочевок на основе передвижения по водоемам искусственного происхождения. Для ведения такого специфического образа жизни и такого интенсивного ритма перекочевок необходим гигантский опыт адаптационных механизмов в супераридных условиях Западного Казахстана (Устюрт, Мангышлак). Как правило, доминантные мигранты не ведут такой тяжелой образ жизни. Они в своих завоевательных походах как бы просеивались сквозь кочевья аборигенов и проходили дальше сквозь них на запад. Кочевание в

безводных пустынях чаще всего удел аборигенных племен, либо вытесненных завоевателями в глубинные и пустынные регионы, либо попавших на крайнюю периферию в результате всеобщей изоляции казахстанского ареала номадизма.

В XVI в. Мангышлак был населен туркменами, которые подчинялись Хорезмскому ханству. В конце того же столетия ногайцы начали активную борьбу за полуостров. По-видимому, они смогли включить туркмен, проживавших на Мангышлаке, в орбиту своего политического влияния. В 1610-х гг. ногайцев вытеснили с Мангышлака калмыки, в 30-е гг. того же столетия полуостров, по сообщениям источников, был по-прежнему населен туркменами. В 1635 г. калмыки вновь напали на Мангышлак (Каррыев и др., 1954. С. 218–219; Агаджанов, 1993. С. 36–42; Трепавлов, 2002. С. 37, 117, 376, 380, 415, 416, 465–466, 506 и др.). Только в XVIII в. казахи-адаевцы вытеснили туркмен с Мангышлака и освоили этот полуостров под свои кочевки.

Казахские народные предания, записанные среди адаевцев в 1926 г., сообщают, что «около 175 лет тому назад... адаи вместе с родами байулы из района Сауран (Западный Туркестан) начинают продвигаться по направлению к западу. В течение нескольких лет эти народы достигли восточных берегов Аральского моря. Оставив свои аулы, главари родов... адаи и ...байулы, в поисках лучших земель, направились к северо-западу от Аральского моря.

К этому периоду владения калмыцкого народа простирались до рек Эмбы, Уила и Темира. Туркмены в то время кочевали так же, как адаи нашего времени, доходили на лодку до указанных рек и, уплачивая дань калмыцкому хану, каждый год, в течение нескольких летних месяцев, жили в соседстве с калмыцкими аулами.

Казахские главари достигли пределов указанных рек как раз в то время, когда калмыки вели ожесточенную войну с народами, живущими на севере от них. Условия района для ведения скотоводческого хозяйства оказались благоприятными, и они убедили своих сородичей, воспользовавшись временным бессилием калмыков, отобрать у них часть земель.

Достигнув пределов калмыцкой территории, казаки почти не встретили сопротивления со стороны обессиленных войною калмыков, зверски их раззорили и отобрали их земли.

...Путем открытых войн и частых периодических взаимных набегов, около ста лет тому назад... адаи очистили от туркмен почти всю территорию Усть-Урта, весь полуостров Мангышлак, полуостров Бозащи и дошли до западных берегов Аральского моря» (Ищенко и др., 1928. С. 100–101). На Мангышлаке и Устюрте, свидетельствуют очевидцы, «почти все старые колодцы и кладбища составляют принадлежность туркмен, а более новые – адаев» (там же. С. 101).

С позиции хозяйственной специфики и адаптационных механизмов вертикальной межпоколенной передачи этнокультурной информации адаевцы, несомненно, абсолютные аборигены и автохтоны Западного Казахстана. Но с этнической точки зрения совершенно очевидно, что они были мигрантами, лишь в XVIII в. захватившими Мангышлак. Становление их особого типа хозяйства и образа жизни, основанного на чрезвычайно интенсивном ритме кочевания с передвижениями по колодцам, свидетельствует, что они заимствовали многовековой опыт автохтонов в организации своего суперномадного способа жизни.

При этом будет логичным предположить, что формирование типа хозяйства адаевцев происходило, по-видимому, в сходных условиях среды обитания. Интересно в этой связи замечание авторов первого академического экспедиционного обследования адаевского кочевого хозяйства о том, что адаевские лошади лучше приспособлены к условиям содержания на Мангышлаке, нежели туркменские (Ищенко и др., 1928. С. 157). Вследствие этого адаевцы автохтоны ровно настолько, насколько автохтонизм был вообще возможен в этнических процессах в кочевом ареале Западного Казахстана. Но с другой стороны, очевидно, что они мигранты, в частности на Мангышлаке, а также потомки миграционного суперстрата, без которого тюркизация и монголизация их предков были бы в принципе невозможны.

Численность адаевцев по Я. Гавердовскому и по данным К. Шукур-Али-улы и Г. Шахмутарова в самом начале XIX в. достигала 10 тыс. семей (Гавердовский, 1803. Л. 65 об.; МИКССР, 1940. Т. IV. С. 515). В течение почти всего XIX в. адаевцы находились в независимости от российской администрации. Лишь в последней трети этого столетия они вовлекаются в орбиту государственного управления. Поэтому эпизодические цифровые данные об их численности в исторических источниках этого периода встречаются совсем нечасто. Так, И. Ф. Бларамберг оценивал их численность в 3280 кибиток (Бларамберг, 1848. Литера В.).

Адаи полностью преобладали в Мангышлакском уезде Закаспийской области, а также небольшими группами проживали в Темирском и Гурьевском уездах Уральской области. По данным А. А. Тилло в Уральской области в 1870 г. проживало 3600 кибиток адаевцев (Тилло, 1872. С. 279). В Букеевской орде в середине XIX в. числилось 7515 адаевцев (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 41 об.).

Во второй половине XIX в., судя по материалам М. С. Турсуновой, общая численность адаевцев могла достигать 25 тыс. кибиток (Турсунова, 1961. С. 19, 121, 125, 137. Подсчет мой. – Н. М.). Это полностью подтверждается и материалами академических экспедиций 20-х гг. XX в. Ими было зафиксировано более 21 тыс. хозяйств адаевцев только в Адаевском уезде (Ищенко и др., 1928. С. 31–34. Подсчет мой. – Н. М.). Таким образом, общая примерная численность адаевцев могла достигать 140–150 тыс. человек.

Генеалогия. Родоплеменной состав адаевцев многократно описан в различных исторических источниках. Впервые он упоминается во второй четверти XIX в. Согласно данным И. Ф. Бларамберга, адаи подразделялись на восемь ответвлений. – тобеш, мугал, шибиней, балкышы, акман, конан-орыс, косай и тезекей (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 84–85). Примерно аналогичную структуру привел Н. А. Аристов (Аристов, 1896. С. 380).

В свою очередь, М. Тынышпаев указал на наличие двух ветвей среди адаев – келимберды и кудайке. Причем келим-

берды подразделялись на тобыш и мунгал, а кудайке – на косай и тазке (Тынышпаев, 1925. С. 73). В материалах антропологического отряда Казахстанской экспедиции адаи дифференцируются на келимберды и кудайке. В свою очередь, келимберды подразделяются на акбан, кунанорыс, бозау (жеменей), балыкшы, тобыш и мугал, а кудайке – на косай и тазыке. В составе келимберды также отмечены подразделения жантуган, жамбай, баимбет (Букейхан, 1927. С. 76–79).

Весьма подробную структуру адаев дает в своих работах М. С. Турсунова. Согласно ее материалам адаевцы подразделяются на десять ответвлений: баимбет (моал), тобыш, жеменей, туркмен-адаи и джаулы – *нижние адаевцы*; крыкмылтык, балыкши, кунанорыс, акпан и тазеке – *верхние адаевцы*. Численность верхних адаевцев составляла 3,5 тыс. кибиток, а нижних – 11 тыс. кибиток (Турсунова, 1961. С. 179). Сводную таблицу шежере адаевцев попытался дать В. В. Востров (Востров, Муканов, 1968. С. 88а).

Уран адаев – *тегелен* (Мейер, 1865. С. 89; Аристов, 1896. С. 380; Аманжолов, 1959. С. 14 и др.), *бекет* (Тынышпаев, 1925. С. 29 и др.).

Байбакты. Другой известный род в составе байулы байбакты был сосредоточен в основном по течению Урала, а в зимний период года – по речкам Улянты, Шидерты, Айкатам и Шингырлау (Гавердовский, 1803. Л. 65 об.; Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 81 и др.). В середине XIX в. Л. Мейер сообщал, что казахи рода байбакты кочуют «летом по рекам Уленты, Анкаты и Чингырлау. Зимой по реке Калдыгайты, по Уралу, вниз от Уральска» (Мейер, 1865. С. 89).

Тогда же М. Н. Галкин отмечал, что летом они кочевали по рекам Калдыгайты, Булдурты, Уленты, Шидерты, Жымпиты, Кызыл-Агаш и Анкаты. Зимой же казахи рода байбакты располагались на озерах Соналы-куль, Тузлы-куль и Сасык-куль, а также в камышах при устье реки Уленты и при Уральской линии напротив форпостов Лбищенского и Горячинского (Галкин, 1868. С. 332).

В 1797 г. войсковой атаман Уральского казачьего войска Д. Донсков сообщал президенту Военной коллегии генерал-

фельдмаршалу Н. И. Салтыкову, что «неблагомысленные киргизцы разных родов: Сентимирова, Байбактинского, Черкесского, Алачинского и Тазларского, под предводительством сентимирцов Мимбая и Аргымбая и байбактинцев Ирсалы и Койсары, собралась в степи... для злодеяния российским границам» (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 189).

Происхождение. По вопросу о происхождении байбакты В. В. Востровым была высказана гипотеза об их кыпчакском субстрате (*Востров, Муканов, 1968. С. 94–95*). Можно предположить, что определенную роль в их этногенезе сыграла Ногайская орда (мангыты) и совершенно очевидно какая-то часть узбеков Дашт-и Кыпчака.

В этнонимическом отношении обращает на себя внимание аффикс *-ты*, означающий принадлежность чему-либо, либо обладание чем-либо. Это обстоятельство, как свидетельствуют материалы по этнонимическому составу казахов Старшего жуза, говорит о сравнительно позднем, собственно казахском происхождении самого этнонима «байбакты». Об этом же свидетельствует и тот факт, что данный этноним не имеет аналогов среди других тюркских народов.

Численность. Согласно данным Я. Гавердовского, К. Шукур-Али-улы и Г. Шахмутарова численность байбакты в начале XIX в. могла достигать 6000 кибиток (*Гавердовский, 1803. Л. 65 об.; МИКССР, 1940. Т. IV. С. 515*). Известно, что в 1787 г. от имени 1000 кибиток байбакты была принесена присяга на верность российскому самодержавию (*Вяткин, 1947. С. 253. Примеч. 1*). И. Ф. Бларамберг, обладавший более достоверной информацией, определил численность байбакты на середину XIX в. в пределах территории российского политического влияния в 1781 кибитку (*Бларамберг, 1848. Литера В*).

Согласно данным покибиточных налоговых сборов, в 1850 г. в Западной части Оренбургского ведомства была отмечено 2735 кибиток байбактинцев (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5041. Л. 28 об.). А в 1851 г. там же – в Западной части было зафиксировано 2962 кибитки байбактинцев (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5069. Л. 137). Помимо этого часть казахов рода байбакты вошла в состав Букеевской орды. В 1829 г.

их численность составила 1360 кибиток (КРО, 1964. С. 229), а в середине того же столетия 16 025 чел. (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 42 и об.).

К сожалению, других более репрезентативных и достоверных материалов по этому вопросу практически не имеется. На рубеже XIX–XX вв. байбакты составляли также значительную часть казахского населения в Лбищенском и Уральском уездах. Поэтому примерно общую численность байбакты можно определить в 35–45 тыс. человек.

Генеалогия. Согласно И. Ф. Бларамбергу, байбакты подразделялись на три ветви – батак, ельтеке и канык (*Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 81*). Аналогичную схему приводит Н. А. Аристов. В свою очередь, канык разделялись на кулей-суюндык, баубек и алыз, ельтеке – на джулдугул, мамат и казырумбет, батак – на джабачи, кулчук, сагай, джаукаты, тукабай, буганым, кушман и итамка (*Аристов, 1896. С. 380*).

По материалам Временного совета, управлявшего Внутренней ордой, в 1847 г. казахи рода байбакты разделялись на группы кнык, альтеке и батак. В свою очередь, батак состоял из групп худай-назар, жана-байбакты, сугур, жаугашты, даумчар, жаманке, буганай, шолпан, токсоба, коян-кашу, кулчик, сасай и олжаурыс; кнык – шикеу, едельбай, жиелган, кул-суюндык, крыктык, чумаш, бакан и алыс, и альтеке – андас, малют, жабагы, назар-умбет, кыиншербабуран, сейдахмет и калматай (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 42 и об.). Согласно данным М. Тынышпаева, они дифференцируются на кызылкурт, соба, батак, жанбакты и тынбакты (тана-баласы) (*Тынышпаев, 1925. С. 73*).

Уран байбакты – даукара (*Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 80; Мейер, 1865. С. 89; Гродеков, 1889. Прилож. С. 2; Аристов, 1896. С. 380; Тынышпаев, 1925. С. 30 и др.*).

Берш. Основные места кочевок казахского рода берш были сосредоточены в зимний период года по Сырдарье и Кувандарье, а в летний период – на западной стороне Каракумов, вблизи озера Каракуля, по реке Жаксыбай и около Сарайчика (*Гавердовский, 1803. Л. 65 об.; Спасский, 1820. Ч. IX. Кн. 2. С. 96–97; Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 84; Мейер, 1865. С. 90; МИКССР, 1940. Т. IV. С. 168 и др.*).

В середине XIX в. М. Н. Галкин сообщал, что «летом все киргизы берчева рода проводят лето, начиная от устья р. Урала и направляя свои кочевки вверх по Уралу, доходят до Калмыковской крепости, а отсюда с устья реки Якшибая до вершины оной по разным притокам, по направлению к Уилу, Каракулю и Карабау. Частью кочуют еще в окрестностях песков Атанак-Кульмак. Зимой-же сосредотачиваются преимущественно при Уральской линии против крепости Баксайской, форпостов: Яманхалинского, Кандауровского, Зеленского, Кармановского и при крепости Тополинской. Зимуют также на урочищах Карабаве и Каракуле» (Галкин, 1868. С. 333).

Происхождение. Со средневековым кыпчакским этническим субстратом, как полагают некоторые исследователи, вполне очевидно был связан и другой род в составе байулы – берш (Востров, Муканов, 1968. С. 103). В составе средневековых кыпчаков неоднократно упоминается род «бурджоглу», «бершулы» (Ахинжанов, 1976. С. 88–89). Так что есть основания говорить об их этнонимической преемственности. Вследствие этого можно предполагать, что этногенез казахов рода берш носил автохтонный характер и был связан как с кыпчаками, так и с узбеками Дашт-и Кыпчака.

Численность казахов рода берш в самом начале XIX в. оценивалась в 5000 кибиток (Гавердовский, 1803. Л. 65 об.; см. также МИКССР, 1940. Т. IV. С. 515). Зимой 1786–1787 гг. 7500 кибиткам казахов рода берш было разрешено перейти через пограничную линию на внутреннюю, российскую (правобережную) сторону Урала (Вяткин, 1947. С. 241). В апреле 1787 г. 14 500 кибиткам берш было разрешено при Урале иметь кочевье (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 86). Известно также, что в 1787 г. от имени 6000 кибиток казахов рода берш была принесена присяга на верность российскому самодержавию (Вяткин, 1947. С. 253. Примеч. 1).

В 1829 г. в составе Букеевской орды числилось 3000 кибиток казахов рода берш (КРО, 1964. С. 229), а в середине того же столетия – 25 785 чел. (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8.

Л. 42 об.). В имеющихся в нашем распоряжении покибиточных ведомостях по Западной части Оренбургского ведомства в середине XIX в. упоминается лишь без малого 600 кибиток берш (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5041. Л. 28 об.; Д. 5069. Л. 137 и др.). И. Ф. Бларамберг на тот же отрезок времени оценивал их численность в 1282 кибитки (Бларамберг, 1848. Литера В). Другими более достоверными материалами о численности казахов рода берш, к сожалению, мы не располагаем. На рубеже XIX–XX вв. казахи рода берш составляли также значительную часть населения в Гурьевском и Лбищенском уездах. Поэтому примерная численность казахов рода берш может быть нами оценена в 40–50 тыс. человек.

Генеалогия. Согласно данным И. Ф. Бларамберга, берш подразделялись на восемь ответвлений – жаймырши, сибык, исан, каратокай, есенгул, жаик, кайлыкыш и ногай (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 84). Н. А. Аристов дает несколько иной состав племени берш – сибак, ногай, кайлыкаш, жанмурза, исык, каратокай, есенгул и джаик (Аристов, 1896. С. 380). Согласно данным Временного совета Букеевской орды от 1847 г., казахи рода берш подразделялись на джаик, каратокай, кулекеш, жамгуршы, бигас, бескаска, есен, исенгуль и себек (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 42 об.). По другим данным, род берш в Букеевской орде имел следующие отделения – жайык, баскаска, есен, есенгуль, байгус и жанбырши (Зиманов, 1960. С. 213).

По М. Тынышпаеву, у берш было два ответвления: байбакты и байсеит. В свою очередь, байбакты подразделялись на асылбас, колкеш, шакай и бегыс, а байсеит – на жайык, каратокай, есенгул (Тынышпаев, 1925. С. 73). В. В. Востров дает сходную структуру: жайык, есенгул, каратокай, колкеш, бегыс, есен, жамбырши, себек, бескаска (Востров, Муканов, 1968. С. 103).

Уран берш – агатай (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 80; Мейер, 1865. С. 90; Аристов, 1896. С. 380; Тынышпаев, 1925. С. 29 и др.).

Тазлар (таз). С кыпчакско-узбекским этническим массивом была, несомненно, связана ранняя история и происхождение другого племени Младшего жуза тазлар (таз)

(Шаниязов, 1974. С.145). Основные места локализации этого племени в зимний период года располагались южнее Сырдарьи, по Кувандарье и Жанадарье, по побережью Каспийского моря, при впадении Эмбы и Урала в Каспийское море, рекам Уилу, Киилу и в песках Баркин. В летний период года казахи тазлар кочевали с северной стороны реки Тургай, по реке Караскай, вокруг озера Уркач-Кандыкпы-куль, между Уралом и Эмбой вплоть до реки Хобда (Спасский, 1820. Ч. IX. Кн. 2. С. 98, 105–106; Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 85; Мейер, 1865. С. 90).

В середине XIX в. М. Н. Галкин уточнял, что летом казахи рода тазлар кочевали по рекам Сагыз, Уил и Жаксыбай. Зимой же они располагались при Уральской линии напротив города Гурьева, на урочище Чанкы и по берегу Каспийского моря (Галкин, 1868. С. 333).

Происхождение. Говоря о происхождения казахов рода тазлар, М. Тынышпаев связывает их этническую историю с кереями из Среднего жуза (Тынышпаев, 1925. С. 73), тогда как В. В. Востров, в свою очередь, – с раннесредневековыми эфталитами (Востров, Муканов, 1968. С. 98). Едва ли можно всерьез рассматривать подобные сентенции. Происхождение тазлар скорее всего было связано с местным кыпчако-узбекским субстратом Дашт-и Кыпчака (Баскаков, 1984. С. 55, 73). Термин «тазлар» достаточно широко распространен среди различных тюрских народов (башкиров, кыргызов, узбеков, каракалпаков, алтайцев) (Кузеев, 1974. С. 355–356; Абрамзон, 1960. С. 129; он же, 1971. С. 44; Шаниязов, 1974. С. 145; Кармышева, 1976. С. 103–107, 237, 245; Жданко, 1950. С. 167; Потапов, 1969. С. 186 и др.).

Вовлеченность тазларов в общетюркский миграционный поток, который привел к появлению данного этнонима в составе других тюркоязычных народов, свидетельствует о том, что они могли входить в число племен, активно участвовавших в завоевательных походах. На основании этого представляется возможным говорить о его миграционном происхождении.

В этой связи следует также указать на то, что этноним «таз»; «тазлар» широко распространен и во внутриэтнической структуре других казахских родоплеменных образований (Тынышпаев, 1925. С. 67–70 и др.). Ряд исследователей не исключает возможности исхода рода тазлар из монгольского очага этногенеза (Потапов, 1969. С. 186) и даже из древнетюркского этнообразования (Кузеев, 1974. С. 355). Однако, скорее всего, тазлар относится к числу более поздних, хотя и средневековых «кыпчако-узбекских» этнонимов.

В самом этнониме «тазлар» с весьма прозрачной этимологией «плешивый» (Баскаков, 1985. С. 89 и др.) обращает на себя внимание аффикс *-лар*, означающий этноколлектив, выступающий под одним общим именем. Грамматическое значение данного аффикса очень разнообразно, от выражения неопределенного множества и собирательности до возвеличительно-ласкательной окраски слов (Цаплин, 1975. С. 100–101; Баскаков, 1985. С. 206 и др.).

Численность. Согласно сведениям, имеющимся на самое начало XIX в., численность казахов рода тазлар составляла 3800 кибиток (Гавердовский, 1803. Л. 63, 66. Подсчет мой. – Н. М. См. также МИКССР, 1940. Т. IV. С. 514–515; Спасский, 1820. Ч. IX. Кн. 2. С. 98, 105–106). Известно, что в 1787 г. 2000 кибиток казахов рода таз было разрешено перейти на внутреннюю (правобережную) сторону границы через Урал (Вяткин, 1947. С. 241). Тогда же 5000 кибиток казахов рода тазлар было позволено «иметь при Урале реке кочевьем расположение» (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 86–87).

В 1851 г. Оренбургской Пограничной комиссией было зафиксировано в Западной части Оренбургского ведомства 1590 кибиток (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5069. Л. 137 об.). В тот же период И. Ф. Бларамберг указывал, что численность казахов рода таз, находящихся в орбите политического влияния Российского государства, составляла 1361 кибитку (Бларамберг, 1848. Литера В). Небольшая группа тазлар также проживала в Букеевской орде. К сожалению, другими более полными и достоверными данными на нача-

ло XX в. мы не располагаем. Поэтому примерную численность казахов рода тазлар на этот период можно оценить в 20–30 тыс. человек.

Генеалогия. Согласно материалам И. Ф. Бларамберга, тазлар подразделялись на пять ветвей: исентемир, абдал, кельдыбай, жастабан и шаргый (*Бларамберг*, 1848. Отд. II. С. 85). Н. А. Аристов дает иной состав тазлар: жабалак, айдаршай, кельдыбай и жастабан (*Аристов*, 1896. С. 384). В «Историко-географическом очерке о Букеевском ханстве» от 1847 г. говорится, что тазлар подразделялись на абдал, жастабас и шорга (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 44). М. Тынышпаев, в свою очередь, дает почти аналогичный состав тазлар: абдал, шаршы и жастабан (*Тынышпаев*, 1925. С. 73).

Уран тазлар – бакай (старинный), *акман* (*Бларамберг*, 1848. Отд. II. С. 80; *Мейер*, 1865. С. 90; *Аристов*, 1896. С. 384; *Тынышпаев*, 1925. С. 29 и др.).

Серкеш. Основные места кочевок другого племени Младшего жуза родоплеменного объединения байулы – серкеш располагались по Уилу и при впадении Эмбы в Каспийское море (*Бларамберг*, 1848. Отд. II. С. 84). В середине XIX в. Л. Мейер сообщал, что казахи рода серкеш кочевали «летом по Уралу; зимою на устье Эмбы» (*Мейер*, 1865. С. 89). Тогда же М. Н. Галкин отмечал, что летом они кочевали по рекам Калдыгайты и Булдурты. Зимой же они размещались по берегам Каспийского моря и у города Гурьева (*Галкин*, 1868. С. 332).

В 1785 г. Уральская войсковая канцелярия под руководством атамана И. Акутина рапортовала президенту Военной коллегии генерал-фельдмаршалу Г. А. Потемкину, что кочевки казахов рода серкеш находились за рекой Эмба и что они совместно с родами байбакты, кете, шекты, табын и тазлар поддерживают батыра Срыма (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 47).

Значительно позднее в 1858 г. генерал-майор А. Л. Данзас доносил, что казахи родов серкеш и рамадан являются единственными родами Младшего жуза, которые имеются в кокандских пределах, и что они прикочевали в тот год из-под Ташкента и осадили Туркестан (КРО, 1964. С. 440).

Происхождение. Этноним «серкеш» в форме «черкес» широко распространен в среде кавказских народов. На Кавказе он появляется не раньше 40-х гг. XIII в. Затем им стала обозначаться группа адыгских народов. Появление этого этнонима связывается с завоеванием региона монголами, в среде которых он был впервые зафиксирован (*Волкова*, 1973. С. 23–24 и др.). М. Фасмер и К. Менгес считают, что этнотермин «черкес» пришел в русский язык через тюркское посредство (*Менгес*, 1979. С. 195).

Н. А. Аристов был уверен в том, что название «серкеш» носила какая-то группа тюркоязычных родов раннего средневековья и именно она привнесла данный этноним в среду кавказских народов (*Аристов*, 1896. С. 311). С обоснованием этой гипотезы выступил также А. Нурмагамбетов, который помимо этого попытался постулировать тезис об идентичности этнонимов «серкеш» и «кыргыз» (*Нурмагамбетов*, 1984. С. 94–95). В свою очередь, В. В. Востров выдвинул точку зрения о том, что основное ядро казахского рода серкеш составили найманы (*Востров, Муқанов*, 1968. С. 106).

Появление этнонима «серкеш» первоначально могло быть связано с антропонимом «Черкес», который в различных формах был зафиксирован разными источниками (*Рашид-ад-Дин*, 1952. С. 142–143, 274; *Владимирцов*, 1934. С. 104 и др.). Так, в частности, старший сын Чингиз-хана Джучи-хан получил от отца в наследство «тысячу Мунгура (Хунгура/Гунгура)» из племени сиджиут. «В эпоху Бату он ведал [войском] левой руки. В настоящее время из эмиров Токтая, некто, по имени Черкес, есть один из его сыновей; он идет стезею отца» (*Рашид-ад-Дин*, 1952. С. 274). Учитывая, что вошедшие в состав улуса Джучи-хана хушины/уйсуни составили правый фланг его войска, то можно предположить, что этноним «серкеш» действительно мог возникнуть на базе данного антропонима.

Учитывая традиционную, присущую всем тюрко-монгольским народам, ориентацию на восток в сторону восходящего солнца (*Кононов*, 1978а. С. 73 и др.), можно пред-

положить, что географически правый фланг мог означать в свете сказанного юг, юго-восток, тогда как левый – север, северо-запад.

В последующее время в процессе тюркизации монголоязычных групп в составе улуса Джучи-хана этноним «серкеш», по-видимому, мог войти в состав кыпчаков, а после этого и узбеков Дашт-и Кыпчака. О том, что узбекский субстрат лежит, по-видимому, в основе этногенеза казахов рода серкеш косвенно свидетельствует и то, что серкешы фигурируют в списке 92-х узбекских племен Мавераннахра (Султанов, 1982. С. 33). Помимо этого серкешы упоминаются в составе туркмен (Лезина, Суперанская, 1984. С. 84 и др.).

Таким образом, можно предположить, что ядро узбекско-казахского рода серкеш составила, возможно, доминантная группа мигрантов, пришедшая с юго-востока и принимавшая участие в экспансии на западном направлении. Автохтонное происхождение серкешей в Западном Казахстане ставится под сомнение также тем, что серкешей нет в составе Ногайской орды. Это позволяет нам рассматривать их в качестве поздних мигрантов в данный регион. По-видимому, серкешы появились в Западном Казахстане после размежевания узбеков, казахов и ногайлы с территории Приаралья. Первоначальное ядро серкешей сегментировалось, вероятно, на три части, одна из которых вошла в состав казахов Младшего жуза.

Численность казахов рода серкеш, по данным Я. Гавердовского, составляла в начале XIX в. 8000 кибиток (Гавердовский, 1803. Л. 65 об.; см. также МИКССР, 1940. Т. IV. С. 515). Известно, что в 1787 г. 4000 кибиток казахов рода серкеш было разрешено перейти через Урал на правобережную внутреннюю сторону российской границы (Вяткин, 1947. С. 241; см. также: МИКССР, 1940. Т. IV. С. 87. Подсчет мой. – Н. М.).

В материалах к отчету Оренбургской Пограничной комиссии за 1850 г. указывается, что в Западной части Оренбургского ведомства проживало 3142 кибитки серкешей (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5041. Л. 28 об.), а в 1851 г. – 3165 кибиток (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5069. Л. 137 об.). Тогда же

И. Ф. Бларамберг оценил численность казахов рода серкеш в зоне влияния российской администрации в 930 кибиток (Бларамберг, 1848. Литера В).

Небольшая группа серкешей числилась в Перовском округе (Радлов, 1989. С. 113), а также в Букеевской орде – 570 кибиток в 1829 г. (КРО, 1964. С. 229), а в середине того же столетия – 13 795 чел. (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 44 об.). На рубеже XIX–XX вв. казахи рода серкеш составляли значительную часть населения также в Гурьевском уезде. Таким образом, примерная численность серкешей могла колебаться в этот период от 30 до 40 тыс. человек.

Генеалогия. Серкешы, по И. Ф. Бларамбергу, подразделялись на пять частей: куюс, еламан, калыш-кистен, жаукашты и кусун (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 83–84). Аналогичный состав приводит в своих работах Н. А. Аристов (Аристов, 1896. С. 380). В «Историко-географическом очерке о Букеевском ханстве» от 1847 г. казахи рода серкеш подразделяются на группы – клыш-кистен, жаугашты, косум, куюс и чумак (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 44 об.). М. Тынышпаев говорит, что у Кадыр-Сыика было три сына: Серкеш, Косым и Кула-каска, все они назывались серкеш. Собственно серкеш подразделялись на следующие ветви: коис, жаукашты, шумыс, тлес, майлибек, колтума, кудайберды, жолберды, жетей, а кула-каска – на клыш и кестен (Тынышпаев, 1925. С. 73).

Уран серкешей – жакау (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 80; Мейер, 1865. С. 89; Аристов, 1896. С. 380), шаграй (Тынышпаев, 1925. С. 30 и др.).

Маскар. Среди казахских племенных этнонимов, имеющих аналогии в среде других тюрских этносов, следует также указать на этноним «маскар». Казахи племени маскар в основном локализовались в районе озера Каракуль и реки Булдурты (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 83; Мейер, 1865. С. 90 и др.). В середине XIX в. М. Н. Галкин уточнял, что летом они кочевали по рекам Жаксыбай и Жиканлы и около озера Жете-куль, а зимой они располагались в Кара-Кулевских камышах (Галкин, 1868. С. 332).

Происхождение казахов данного образования и самого этнонима «маскар» неясно. В. В. Востров связывает их этногенез с западномонгольским регионом (*Востров, Муканов*, 1968. С. 95 и др.). В свою очередь, Р. Г. Кузеев полагает, что происхождение маскар было связано с киданьским проникновением в тюркскую этническую среду (*Кузеев*, 1974. С. 232). Думается, что Р. Г. Кузеев едва ли прав, предполагая, что маскар проникли в среду башкир в процессе расселения кыпчакского пласта племен (*там же*. С. 509).

Проникновение маскар в среду башкиров скорее всего относится к более позднему времени. Тем более, что этноним «маскар» практически не упоминается за пределами казахско-башкирского круга расселения племен. Именно этот факт позволяет высказаться в поддержку того, что сам этнотермин «маскар», видимо, появился достаточно поздно и относится к числу собственно казахских этнонимов, а этногенез и история самого рода маскар протекали в районе тесных контактов казахско-башкирских племен.

Численность казахов рода маскар, по данным Я. Гавердовского, в начале XIX в. составляла около 3 тыс. кибиток (*Гавердовский*, 1803. Л. 65 об. См. также: МИКССР, 1940. Т. IV. С. 515). Известно, что в 1787 г. 1500 кибиток казахов рода маскар получили разрешение перейти через Урал на внутреннюю (правобережную) сторону российской границы (*Вяткин*, 1947. С. 241. См. также: МИКССР, 1940. Т. IV. С. 86–87. Подсчет мой. – Н. М.).

Небольшая часть рода маскар проживала в Букеевской орде (КРО, 1964. С. 230) и около 430 их кибиток было зафиксировано в Западной части Оренбургского ведомства (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5041. Л. 28 об.; Д. 5069. Л. 137). На середину XIX в. И. Ф. Бларамберг оценивал их численность в 523 кибитки (*Бларамберг*, 1848. Литера В). На рубеже XIX–XX вв. казахи рода маскар составляли, по-видимому, немалую часть казахского населения в Лбищенском и Уральском уездах. Иными, более точными, сведениями о численности казахов рода маскар мы, к сожалению, не располагаем. Поэтому примерную численность казахов рода маскар на рубеже XIX–XX вв. можно оценить в 10–15 тыс. человек.

Генеалогия. По И. Ф. Бларамбергу, маскар подразделялись на две части: масак и куттыкадам. В свою очередь, масак разветвлялись на жидак, крьксадак, ат-ойнак, толекагнай и мусурман, а куттыкадам – на курман и бабаназар (*Бларамберг*, 1848. Отд. II. С. 82–83). Примерно аналогичную схему приводит Н. А. Аристов (*Аристов*, 1896. С. 380). По М. Тынышпаеву, у куттыкадам указан еще один род отебай, а у масак фиксируются следующие отделения: атойнак, жадык-бий, толеке, канай, кадыргул, крьксадак (*Тынышпаев*, 1925. С. 73). В «Историко-географическом очерке о Букеевском ханстве» маскар разветвлялись на следующие рода – бабаназар, ат-ойнак, отебай, жадык, естемес, крьксадак и сарыкушук (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 43 об.).

Уран маскар – каратай (*Тынышпаев*, 1925. С. 30).

Тана. Основные места кочевков казахов племени тана локализуется по бассейну реки Урала и многочисленным мелким рекам Уленты, Шидырты, Шингырлау и др. (*Бларамберг*, 1848. Отд. II. С. 81–82). В середине XIX в. Л. Мейер сообщал, что они кочевали рядом с байбактинцами «летом по рекам Уленты, Анкаты и Чингырлау. Зимой по реке Калдыгайты, по Уралу, вниз от Уральска» (*Мейер*, 1865. С. 89–90).

Тогда же М. Н. Галкин уточнял, что летом они кочуют по рекам Булдурты, Уленты и Анкаты, а зимой располагались при Уральской линии, начиная от Каршинского форпоста до Тополинской крепости. «Некоторые-же из них снимают зимовки у других киргиз, с платою, смотря по местности» (*Галкин*, 1868. С. 332).

Происхождение. Этноним «тана» так же как и другой этноним байулы «маскар» находит аналогии в башкирской этнической среде (*Кузеев*, 1974. С. 166). Происхождение этнонима «тана» неясно. Гипотеза Р. Г. Кузеева о тождестве этнонимов «тана» и «тама» (*там же*. С. 165–167) едва ли может быть принята из-за их параллельного и одновременного сосуществования в среде казахов на протяжении нескольких столетий. Учитывая факт присутствия этнонима «тана» в составе башкиров, можно предположить их местное происхождение на кыпчакско-узбекско-мангытском суб-

страте. Интересно, что у тана совершенно аналогичная с кыпчаками тамга (Тынышпаев, 1925. С. 29–30 и др.). Этногенез тана в принципе мог иметь место в зоне тесного взаимодействия казахов и башкиров.

Численность казахов рода тана, по данным Я. Гавердовского, на самое начало XIX в. составляла 5000 кибиток (Гавердовский, 1803. Л. 65 об.). Известно также, что в 1787 г. от имени 4300 кибиток казахов рода тана была принесена присяга на верность российскому самодержавию (Вяткин, 1947. С. 253. Примеч. 1).

Небольшая группа тана в 425 кибиток в 1829 г. числилась в Букеевской орде (КРО, 1964. С. 229), а более 600 кибиток тана фигурировали в Западной части Оренбургского ведомства (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5041. Л. 28 об.). В 1847 г. в Букеевской орде насчитывалось уже 6405 казахов рода тана (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 44 и об.). И. Ф. Бларамберг на середину XIX в. оценивал их численность в 1150 кибиток (Бларамберг, 1848. Литера В). Другими, более репрезентативными, данными об их численности, к сожалению, мы не располагаем. На рубеже XIX–XX вв. казахи рода тана составляли также значительную часть населения в Гурьевском и Лбищенском уездах. На основании имеющихся данных можно оценить примерную численность казахов рода тана в 30–35 тыс. человек.

Генеалогия. Согласно И. Ф. Бларамбергу, тана подразделяются на семь частей: караман, акылбат, караконак, жиямбет, асан, калкаман и бессары (Бларамберг, 1848. С. 82), а по Н. А. Аристову – на жиембет, асан, калкаман, бессары, караман, акылбаш, карасунак и сентемир (Аристов, 1896. С. 384). М. Тынышпаев предлагает довольно близкую структуру тана: жиембет, жолымбет, асан, караман, калкаман, ахымет, бессары (Тынышпаев, 1925. С. 73). По данным Временного совета, управлявшего Букеевской ордой, от 1847 г. тана подразделялись на калкаман, акимбет, асан, каракунан, каралык, бессары и жамбет (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 44 и об.).

Уран тана – шулан (Бларамберг, 1848. С. 80; Мейер, 1865. С. 90; Аристов, 1896. С. 384), тана (Тынышпаев, 1925. С. 30).

Кызылкурт. Довольно многочисленным был другой род в составе казахов объединения байулы – кызылкурт. Места кочевков казахов рода кызылкурт в середине XIX в., по данным И. Ф. Бларамберга и Л. Мейера, были сосредоточены вблизи озера Каракуль и реки Булдурты (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 83; Мейер, 1865. С. 89 и др.). Тогда же М. Н. Галкин сообщал, что летом они кочевали по рекам Жаксыбай, Жиканлы и на озерах Кос-куль. Зимой же они стояли вдоль Уральской линии напротив Кулагинской крепости и Гребенщиковского форпоста (Галкин, 1868. С. 332).

Происхождение племени и этнонима «кызылкурт» неясно. В. В. Востров заявляет о смешанном происхождении этого племени. На основе сопоставления тамговых знаков он априорно предположил, что казахский род кызылкурт является сегментом племени ысты казахов Старшего жуза (Востров, Муканов, 1968. С. 99). При этом надо заметить, что только в среде кыргызов находятся аналогии этнониму «кызылкурт» (Абрамзон, 1971. С. 123). Среди туркменев геокленов Ирана упоминается род кызыл (Логашова, 1976. С. 19, 21–23).

Обращает на себя внимание наличие слова 'кызыл' ('красный'), которое по мнению ряда авторов означает южную сторону (См. историографию проблемы: Кононов, 1978. С. 160, 177 и др.), а по Н. А. Баскакову – западную (Баскаков, 1982. С. 205). Может быть действительно нужно связывать происхождение данного племени и этнонима с южной стороной региона? В этом случае присутствие этнонима «кызылкурт» в составе кыргызов логично объясняет семантику самого этнонима в отношении казахов. Но это вопросы, на которые, к сожалению, нет точного ответа. Или может быть кызылкурт означает проживание на юге ареала расселения байулы? Но в действительности кызылкурт в Казахстане в основном локализовались на севере региона.

Как совершенно справедливо отметил А. Н. Кононов, «слово 'кызыл' в тюркской географической номинации для обозначения части света ('южный'), по-видимому, не использовалось: ни одного достаточно убедительного примера,

подтверждающего наличие у этого слова значения 'юг' 'южный', нет» (Кононов, 1978. С. 177). При этом А. Н. Кононов говорит о том, что слово 'кызыл' в этнонимах встречается крайне редко (*там же*). Интересно также заметить, что этноним «кызылкурт» был достаточно широко распространен в среде самих казахов (Тынышпаев, 1925. С. 67, 74 и др.), также как и слово 'кызыл' в казахстанских топонимах и особенно гидронимах Западного Казахстана (Койчубаев, 1974. С. 160–162; Кононов, 1978. С. 177; Галкин, 1868. С. 332, 334 и др.).

Учитывая все обстоятельства, а также то, что «кызылкурт» двухсоставной этноним, можно с большой долей вероятности утверждать, что «кызылкурт» является собственно казахским этнонимом достаточно позднего происхождения. При этом его возникновение могло быть связано с местными автохтонными племенами Юго-Западного Казахстана, в среде которых широкое распространение получили двухсоставные этнонимы с цветовыми обозначениями.

В этой связи обращает на себя внимание очень интересное замечание такого тонкого знатока тюркских языков, как В. В. Радлов, который обратил внимание на то, что лошадей, у которых основная масть «сплошь белая, а непокрытые шерстью участки кожи у пасти и паха цвета мяса», казахи называют *кызыл ат* (Радлов, 1989. С. 276). Таким образом, можно заключить, что употребление определения *кызыл* означает придание качественной характеристики предмету.

Вторая часть этнонима «кызылкурт» может быть формально возведена к кыпчакско-половецкому слову 'qurt' ('волк') (Баскаков, 1985. С. 32, 46, 86, 101), культ которого имел исключительное место в среде древних тюрков (Кляшторный, 1965. С. 278–281; Зувев, 1967 и др.). Племя волков известно также среди средневековых кыпчаков. Однако для казахов, как подлинных конно-верховых номадов-скотоводов, волк всегда был символом зла и поэтому имя 'волка' ('касқыр', 'борі', 'арлан') вряд ли могло стать самоназванием племени.

Что же касается этимологии этнонима «кызылкурт» как 'красный волк', то она может быть принята только в том случае, если мы признаем, что данный этноним появился на свет в доказахский, т. е. кыпчакский период. Тогда возникновение этого этнонима в кыпчакской среде вполне вероятно. Но поскольку этноним «кызылкурт» (qyzylqurt) не зафиксирован, насколько нам известно, в средневековой кыпчакской этнонимии и известен только в среде казахов, то едва ли можно рассматривать его этимологию в контексте средневекового кыпчакско-половецкого языка или языка тюрков-тюцзюе.

Может быть казахский этнотермин 'кызылкурт' надо семантически воспринимать не в его буквальном этимологическом смысле на основе казахского языка как 'красный червь' (Казахский фольклор..., 1972. С. 62) или кыпчакско-половецкого 'красный волк', а в переносном смысле как 'племя, кочующее в красных песках', либо 'племя, кочующее в белых песках с красноватым отливом'?

Численность. Известно, что в 1787 г. от имени 1030 кибиток казахов рода кызылкурт была принесена присяга на верность российскому самодержавию и тогда же по одним данным 7400, по другим 400 кибиткам кызылкуртов было разрешено перейти на внутреннюю (правобережную) сторону границы через Урал (Вяткин, 1947. С. 241, 253. Примеч. 1. См. также: МИКССР, 1940. Т. IV. С. 86).

На начало XIX в., по данным Я. Гавердовского, численность казахов племени кызылкурт составляла 3000 кибиток (Гавердовский, 1803. Л. 66). В 1847 г. в Букеевской орде насчитывалось 4125 казахов рода кызылкурт (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 43 об.). На рубеже XIX–XX вв. казахи рода кызылкурт составляли значительную часть населения в Гурьевском уезде. На основании этого примерная численность казахов рода кызылкурт на рубеже веков может быть оценена в 40–50 тыс. чел.

Генеалогия. Согласно И. Ф. Бларамбергу, казахи рода кызылкурт подразделялись на две части: ельгули и суби (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 83), а по Н. А. Аристову –

на ельчула и субы (Аристов, 1896. С. 380). В «Историко-географическом очерке о Букеевском ханстве» от 1847 г. говорится о разделении казахов рода кызылкурт на следующие группы – соба, кутембет, ерше, илгулы и олжаге (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 43 об.). По М. Тынышпаеву, у Алике было два сына: Кызылкурт и Соба, потомство которых называлось кызылкурт и подразделялось на олжашы, ершы и енрей (Тынышпаев, 1925. С. 73).

Уран кызылкурт – байжаим (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 80; Мейер, 1865. С. 89 и др.), жаим (Аристов, 1896. С. 380), жиембай (Тынышпаев, 1925. С. 30).

Жаппас. Основные места кочевок казахов племени жаппас в середине XIX в. располагались в зимний период года в районе Сырдарьи, Кувандарьи и Жанадарьи на юге и в устьях Эмбы и Урала и вверх вдоль Уральской линии на севере региона. В летний период их пастбища были локализованы у Каракумов, с северной стороны Сырдарьи и Кувандарьи, по рекам Тоболу, Тургаю, между Уралом и Эмбой, по речкам Калдыгайты, Булдырты, Уджан-ката, Жусалы, Шынгырлау вплоть до Хобды (Спасский, 1820. Ч. IX. Кн. 2. С. 97–98, 106–107; Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 85). Несколько позднее Л. Мейер сообщал, что казахи рода жаппас кочевали «летом около озера Аксакал-Тауп и Троицка, зимою на Сыре» (Мейер, 1865. С. 92).

Тогда же М. Н. Галкин уточнял, что летом казахи рода жаппас кочевали по рекам Сырдарья, Тургай, Тобол, Аят и между Старой и Новой линиями. Зимой они располагались по Сырдарье, в займищах и камышах Кувандарьи, между Ак-Мечетью и могилой Коркута, в песках Каракумах, а также между Старой и Новой линиями (Галкин, 1868. С. 336). И. В. Виткевич, посетивший казахские степи в зиму 1835–1836 гг., заметил, что некоторая часть казахов рода жаппас «считают себя подвластными Ташкенту, т. е. Кокану» (Записки о Бухарском ханстве, 1983. С. 89). Часть казахов рода жаппас занимались земледелием в «в окрестностях форта Перовский выше и ниже по Сыру, частью по Кувану, и Яны-Дарье» (Мейер, 1865. С. 93).

Происхождение казахского рода жаппас в составе этнообъединения байулы совершенно неясно. Судя по тому, что данный этноним не встречается в среде других тюркских народов, можно уверенно говорить о собственно казахском, а следовательно, довольно позднем происхождении данного этноназвания. Можно также предположить, что какие-то автохтонные группы кочевого населения в постузбекский период в процессе сегментации получили новое этнообозначение, или сохранили старый локальный этноним, который носил местный традиционный характер. Эта группа, по видимому, находилась в состоянии относительной изоляции и не участвовала в миграционных процессах и завоевательных походах за пределами западноказахстанского региона.

Численность казахов рода жаппас, по самым разнообразным данным достигала в самом начале XIX в. 8200 кибиток (Гавердовский, 1803. Л. 62 об., 66; МИКССР, 1940. Т. IV. С. 514–515; Спасский, 1820. Ч. IX. Кн. 2. С. 97, 98, 106–107. Подсчет мой. – Н. М.). В течение последующего почти столетнего периода имеются лишь единичные сведения И. Ф. Бларамберга о том, что численность казахов рода жаппас в пределах территории российского государственного влияния составляла 3720 кибиток (Бларамберг, 1848. Литера В).

В Букеевской орде в 1829 г. было зафиксировано 870 кибиток казахов рода жаппас (КРО, 1964. С. 229), а в 1847 г. – 4520 казахов жаппас (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 43). По другим данным, в середине XIX в. в Перовском округе проживало 3700 кибиток жаппас (Радлов, 1989. С. 113), а во второй половине того же столетия в Перовском уезде числилось 3358 кибиток казахов рода жаппас (МСТК, 1872. Вып. 1. С. 111–112. Подсчет мой. – Н. М.).

Правда, более поздние и при этом более точные статистические данные в принципе не опровергают цифровые данные Я. Гавердовского. Так, согласно «Материалам по киргизскому землепользованию», казахи рода жаппас проживали: в Кустанайском уезде – 7906 чел. (МКЗ. Т. V. Табл. С. 42–51, 66–67, 74–79, 102–103, 110–111, 118–127, 170–191. Подсчет мой. – Н. М.), Перовском – 12473 чел. (МКЗ,

Перовский уезд. Табл. С. 50–52, 56–58, 62–64, 98–100, 104–106, 110–112, 116–118. Подсчет мой. – Н. М.), Николаевском – около 2500 кибиток (ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 498. Л. 24 об.), Тургайском уезде – 100 кибиток (*там же*. Л. 24) и др. Таким образом, общая численность казахов рода жаппас на рубеже XIX–XX вв. может быть определена примерно в 40 тыс. человек.

Генеалогия. Жаппас, по материалам И. Ф. Бларамберга, подразделялись на калкаман, каракоз, шолтаки, айдаргай, сумрун, кыяки и кирмен (*Бларамберг*, 1848. С. 85). Интересно в этой связи заметить, что этноним «кыяки» находит немало аналогий в среде узбеков (в форме киикчи) (*Кармышева*, 1976. С. 103, 237). В свою очередь, Н. А. Аристов дает следующий состав казахов рода жаппас: кирман, кияки, сумрун, андарчай, кулдыкий, каракоз и калкаман (*Аристов*, 1896. С. 380). По данным Временного совета, управлявшего Букевской ордой, жаппас в 1847 г. подразделялись на каракоз, досмекей, карагуль, сеиткуль, байгуль и андакуль (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 43). М. Тынышпаев делит их на шолтан, калкаман (каракоз), сумрун, киеке, беспалуан, стык, баймурат, отек, онгут (*Тынышпаев*, 1925. С. 73).

Более подробный состав казахов рода жаппас на начало XX в. приводится в «Материалах по киргизскому землепользованию»: каракоз, калкаман, сумрун, онгут, кияке, шалтак, кермен, жильгельды, беспалуан, стык, шагалак, когулши, баймурат, науруз, кожуй, курманай, отек, отетлеу и др. (МКЗ. Т. V. Сведения о киргизских ордах и родах... С. 218, 221, 222, 224, 225, 228).

В материалах Оренбургской Пограничной комиссии за 1851 г. говорится о том, что казахи рода жаппас имели следующие подразделения: жильгельды, керме, шолтак, исембай, отек, достияр, караша, когулшы, кыяки, курманай, беспалуан, наурыз, сумрун и онгут (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5069. Л. 23).

Уран жаппас – мурат, байсакал (*Аристов*, 1896. С. 380), *баймурат* (*Мейер*, 1865. С. 92; *Гродеков*, 1889. Приложение. С. 1; *Тынышпаев*, 1925. С. 29; *Аманжолов*, 1959. С. 13 и др.), *байсакал* (*Бларамберг*, 1848. Отд. II. С. 81).

Алтын. Близкородственным жаппас казахские генеалогические предания считают род алтын ('золото'). Поэтому нередко можно встретить этнонимическую форму «алтын-жаппас». Известный казахский этнограф Х. А. Аргынбаев неоднократно уверял меня в том, что алтын и жаппас издавна объединились в один род. Это отчасти подтверждается и тем, что такой компетентный автор как И. В. Виткевич наряду с этнонимом «жаппас» постоянно употребляет и этнонимическую форму «алтын-жаппас» с пояснением, что это «джапасцы» (*Записки о Бухарском ханстве*, 1983. С. 87, 89).

В письме на имя оренбургского военного губернатора П. К. Эссена от 1817 г., подписанном несколькими десятками султанов, старшин и биев Среднего и Младшего жузов, также фигурирует термин «алтын-жаппас» (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 315). В 1816 г. в донесении Арынгазы-хана и султана Ширгазы Каипова на имя оренбургского военного губернатора Г. С. Волконского также неоднократно употребляется форма «алтын-жаппас» (*там же*. С. 297–298).

Тем не менее в большинстве исторических источников казахи рода алтын фигурируют в качестве самостоятельного родового подразделения в составе казахов объединения байулы параллельно и независимо от казахов рода жаппас. Можно предположить, что какая-то часть рода алтын вошла в состав рода жаппас.

Места кочевков казахов рода алтын в основном были сосредоточены, как это свидетельствуют исторические источники середины XIX в., в южной части междуречья Сырдарья, Кувандарья и Жанадарья в зимний период года и на Тургайском плато по рекам Тургай, Тобол и другим речным системам – в летний период года (*Спасский*, 1820. Ч. IX. Кн. 2. С. 98; *Бларамберг*, 1848. Отд. II. Литера В; *Мейер*, 1865. С. 92).

Тогда же М. Н. Галкин сообщал, что летом они кочуют по рекам Сырдарья, Большой Тургай, Тобол, Улькояк, Каракой-Мамыт и по озерам Ургаш, Чанкы, Кандакты и в их окрестностях. Зимой же они располагались «совместно с Яппасцами (выделено мной. – Н. М.) по Сыр-Дарье, Кувану и на песках Каракумских, но преимущественно несколько западнее, почти смежно с... Чумекеевцами» (*Галкин*, 1868. С. 336).

Происхождение. Говоря о происхождении казахов рода алтын, В. В. Востров, на наш взгляд, совершенно необоснованно высказал гипотезу об их найманском происхождении, основываясь в своих выводах только лишь на сопоставлении тамговых знаков (Востров, Муканов, 1968. С. 105–106). Вообще надо заметить, что слово 'алтын' практически не употребляется в тюркской этнонимии.

Насколько нам известно, в среде других тюркских народностей имеется лишь одна историческая аналогия этнониму «алтын». В частности, составе средневековых половцев/кыпчаков упоминается род «altun oba» (Баскаков, 1985. С. 129). Это позволяет с полной уверенностью говорить о местном кыпчако-казахском и довольно позднем происхождении этнонима «алтын».

Численность казахов племени алтын на самое начало XIX в. по самым разнообразным данным оценивалась в 5000 кибиток (Гавердовский, 1803. Л. 63; МИКССР, 1940. Т. IV. С. 514; Спасский, 1820. Ч. IX. Кн. 2. С. 98. Подсчет мой. – Н. М.). Более поздние исторические источники не подтверждают эту цифру. Так, например, по данным И. Ф. Бларамберга, казахов рода алтын в середине XIX в. насчитывалось 1510 кибиток (Бларамберг, 1848. Литера В.).

Во второй половине XIX в. в Перовском уезде было зарегистрировано 914 кибиток алтынов (МСТК, 1872. Вып. 1. С. 112, 113, 116. Подсчет мой. – Н. М.), а в начале XX в., согласно «Материалам по киргизскому землепользованию», в Казалинском уезде числилось 6752 казаха рода алтын (МКЗ. Казалинский уезд. Табл. С. 74–76, 80–82, 92–94. Подсчет мой. – Н. М.). Таким образом, общая численность казахов рода алтын могла составлять, если учитывать данные Я. Гавердовского, от 20 до 30 тыс. чел., но едва ли реально превышала 10 000 человек.

Генеалогия. И. Ф. Бларамберг дает родоплеменной состав алтын в следующей форме: жабалак, айдаргай, сыгай (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 85). Совершенно аналогичная структура содержится в работе Н. А. Аристов (Аристов, 1896.

С. 380). В «Материалах по киргизскому землепользованию» дается следующий состав: казала, шунгур, жапалак, коскуль (МКЗ. Т. V. Сведения о киргизских ордах и родах... С. 218). Совершенно аналогичный родовой состав приводится и М. Тынышпаевым (Тынышпаев, 1925. С. 73), а в архивных материалах Оренбургской Пограничной комиссии за 1851 г. указывается на наличие следующих групп в составе рода алтын: маметек, айдар, сыгай, шунгур (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5069. Л. 23). Как мы видим, родоплеменной состав казахов рода алтын в целом не совпадает с внутриэтнической структурой жаппас, хотя отдельные родовые названия и уран у них общие.

Уран алтын – баймурат (Мейер, 1865. С. 92; Тынышпаев, 1925. С. 29 и др.). Нередко можно встретить указание на второй уран алтынов – *барки батрайды* (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 80) или *барки-чанайды* (Аристов, 1896. С. 380).

Исык. Основные места кочевков казахов племени исык в середине XIX в. были сосредоточены на озере Каракуль и по реке Калдыгайты (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 83; Мейер, 1865. С. 90). Тогда же М. Н. Галкин сообщал, что летом они кочевали по рекам Уил, Кыил, Калдыгайты, Булдурты, на Жетекуле, Жаксыбае и Жарым. Зимой они располагались по рекам Уил, Каракол, Сагыз и Эмба, по смежным берегам и островам Каспийского моря, по пескам Тайсуган (Галкин, 1868. С. 332).

Происхождение этнонима и рода исык неясно. В. В. Востров совершенно необоснованно возводит происхождение казахов рода исык, как и многих других родов Младшего жуза, к найманам (Востров, Муканов, 1968. С. 106). С этим мнением невозможно согласиться. Аналогий этому этнониму в среде других тюркских народов нам неизвестно. Этноним «исык», как и многие другие этнообозначения, чисто казахского, а следовательно, достаточно позднего происхождения. Род исык упоминается в исторических источниках XVIII–XIX вв., но представлен и описан в них менее подробно, нежели другие родовые группы казахов. Абсолютно очевидно, что его этногенез имел место достаточно поздно – в постузбекский период.

Численность. В имеющихся публикациях, насколько известно, практически не встречаются, за исключением известной работы И. Ф. Бларамберга, данных о численности казахов рода исык. И. Ф. Бларамберг оценивает их численность на середину XIX столетия в 1485 кибиток, находившихся в зоне влияния российской администрации (*Бларамберг*, 1848. Литера В). В Букеевской орде в 1829 г. числилось всего лишь 230 кибиток казахов рода исык (КРО, 1964. С. 229), а в 1847 г. – уже 3345 казахов рода исык (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 43).

Известно также то, что в 1850 г. была взыскана кибиточная подать с казахов рода исык, проживавших в Западной части Оренбургского ведомства, численностью в 3452 кибитки (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5041. Л. 28 об.). На рубеже XIX–XX вв. казахи рода исык составляли также значительную часть населения в Лбищенском уезде. Основываясь на этих весьма фрагментарных данных, можно примерно оценить численность казахов рода исык на рубеже XIX–XX вв. в 25–30 тыс. человек.

Генеалогия. По И. Ф. Бларамбергу исык подразделялись на две части: тугунши и аксары (*Бларамберг*, 1848. Отд. II. С. 83). В свою очередь, тугунши разветвлялись на кадыргул и караураз, а аксары – на исай, копек, байтерек, сарысык, баубек и шуиш. По Н. А. Аристову лишь одно несовпадение со схемой И. Ф. Бларамберга: карасарас вместо караураз (*Аристов*, 1896. С. 380). По данным Временного совета, управлявшего Внутренней ордой, казахи рода исык имели два подразделения – аксары и тогынши. Аксары разветвлялись на баубек, сары-исык, кедейбас и союнуш, а тогынши, в свою очередь, на жамас, тогысбай, токе-сагын, кадыргуль, ораз, сейтек-самай и ирыс-малик (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 43).

В отличие от них М. Тынышпаев дает несколько иную схему, в которой аксары подразделялись на мамбеталы, кедей, хангельды, камай, толеке и сары-исык, а у тогынши указана лишь одна ветвь – кадыркул (*Тынышпаев*, 1925. С. 73).

Уран казахов рода исык – байтерек (*Бларамберг*, 1848. Отд. II. С. 80; *Мейер*, 1865. С. 90; *Аристов*, 1896. С. 380; *Тынышпаев*, 1925. С. 30).

Есентемир. К числу наименее известных казахских родов относится род есентемир, который в гораздо меньшей мере, чем другие рода, представлен в исторических источниках. Основные места кочевков казахов рода есентемир в летний период были сосредоточены по рекам Уил, Киил, зимой – в устье Эмбы и песках Барсуки (*Мейер*, 1865. С. 90). В середине XIX в. М. Н. Галкин сообщал, что летом они кочевали в верховьях Урала и по рекам Жаксыбай, Калдыгайты и Булдурты. Зимой располагались в камышах Карабау и Сарыкуль (*Галкин*, 1868. С. 332).

Происхождение казахов рода есентемир В. В. Востровым возводится к найманам (*Востров, Муканов*, 1968. С. 106), хотя для такого вывода нет никаких оснований. Данный этноним не упоминается в составе других тюркских народов. Поэтому можно предположительно говорить о том, что этноним «есентемир» позднего, чисто казахского происхождения, а этногенез его носителей имел место в пост-узбекский период и был связан с какими-то местными автохтонными родоплеменными группами кочевого населения.

Численность. По Я. Гавердовскому численность казахов рода есентемир в самом начале XIX в. достигала 3000 кибиток (*Гавердовский*, 1803. Л. 66. См. также МИКССР, 1940. Т. IV. С. 515). Известно также, что в 1787 г. от имени 3000 кибиток казахов рода есентемир была принесена присяга на верность российскому самодержавию (*Вяткин*, 1947. С. 253. Примеч. 1). В 1847 г. в Букеевской орде насчитывалось 2330 казахов рода есентемир (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 43).

В середине XIX в. с немногим более чем 300 кибиток казахов рода есентемир в Западной части Оренбургского ведомства взыскивалась кибиточная подать (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5069. Л. 137). Во второй половине XIX в. в Перовском уезде проживало 110 кибиток есентемир (МСТК, 1872. Вып. 1. С. 113. См. также: *Радлов*, 1989. С. 113). Другими, более репрезентативными данными на этот счет мы не располагаем. На рубеже XIX–XX вв. казахи рода есентемир

составляли также значительную часть населения в Гурьевском уезде. Примерную численность казахов рода есентемир можно определить в 20–25 тыс. человек.

Генеалогия. М. Тынышпаев является единственным автором, который привел в своей работе следующий внутриэтнический состав рода есентемир: тагашы, кон, каратемыр, суулы-коз (*Тынышпаев, 1925. С. 73*). По данным Временного совета, управлявшего Внутренней ордой, в 1847 г. казахи рода есентемир разделялись на следующие группы – тагаш, каратамыр, сулыкыз и кон (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 43).

Уран казахов рода есентемир – алдонгар (*Тынышпаев, 1925. С. 29*).

Алаша. В отличие от казахов рода есентемир другой род родоплеменного объединения байулы алаша пользуется большой известностью. Этот род в дореволюционных источниках нередко фигурирует в форме «алачин», «алчин» и т. д.

Основные места кочевок казахов рода алаша были сосредоточены при впадении реки Жаксыбай в озеро Сасык и при впадении реки Байгутты в озеро Жетыкуль, а также по рекам Жакенди, Булдурты и др. (*Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 82; Мейер, 1865. С. 90*).

Их летовки в середине XIX в. локализовались по рекам Калдыгайты, Булдурты, Жаксыбай, Киндекты, Карагач, Чибынты, Кинжагар и Сагыз-сай. Зимние пастбища казахов рода алаша располагались по урочищам Байгутты, Суналы, Жаркамыш, Жангас-Агаш, на реке Жаксыбай и озерах Есентемир-куль и Бетпак-куль, напротив Калмыковской крепости (*Галкин, 1868. С. 331*). Часть из них занималась земледелием на Куван-Дарье в районе форта № 2 и урочища Кок-Су (*Мейер, 1865. С. 93*).

В системе иерархического ранжирования казахов родоплеменного объединения байулы род алаша считался самым старшим и одним из наиболее авторитетных. За ним по всей территории казахов Младшего жуза в разном порядке следовали другие рода, в частности маскар, кызылкурт, тазлар, иссык, берш, тана, серкеш, адай и т. д.

Происхождение казахов рода алаша неясно. Хотя в историографии существуют различные мнения по этому вопросу. Н. А. Аристов, как это он часто делает стереотипно, высказался за так называемое «динлинское» происхождение данного этнонима (*Аристов, 1896. С. 384*). С. Аманжолов, а вслед за ним В. В. Востров, совершенно необоснованно постулировали гипотезу о найманских корнях этнической истории казахов рода алаша (*Аманжолов, 1959. С. 16; Востров, Муканов, 1968. С. 105*).

В этой связи думается, что гораздо справедливее высказаться в поддержку чрезвычайно интересной гипотезы Ю. А. Зуева о том, что на всем пространстве Центральной и Внутренней Азии на протяжении полутора тысячелетий прослеживается целый семантический ряд этнонимов, в своей основе восходящих к общему прототипу 'ала-ам' ('пегая лошадь'), калькированному китайцами в форме 'бо-ма', и известному в вариациях – 'хэ-ла', 'э-лочжи', 'гэ-ло-чжи', 'алкабулак', 'ала-йонтлы', 'алачи', 'улаш', 'алан' (*Зуев, 1960. С. 124–125; он же, 1962. С. 106–116*).

С одной стороны, очевидно, что в этноисторическом плане происхождение казахов рода алаша следует связывать с кыпчако-узбекским этнокультурным субстратом, поскольку в его среде *пеголошадные* были достаточно известны (См. в этой связи: *Зуев, 1962. С. 113; Султанов, 1982. С. 35–41* и др.). Род алаша в середине XIX в., например, упоминается в составе группы тохтамыш среди туркменотекинцев (*Галкин, 1868. С. 8* и др.). С другой стороны, широкое распространение данного этнонима за пределами Западного Казахстана говорит о том, что этногенез рода алаша был связан с мигрантами, которые привнесли данный этноним из Внутренней Азии.

Численность казахов данного этнообразования, по Я. Гавердовскому, составляла в самом начале XIX в. около 7 тыс. кибиток (*Гавердовский, 1803. Л. 62 об., 65 об.; МИКССР, 1940. Т. IV. С. 514–515. Подсчет мой. – Н. М.*). Известно также, что в 1787 г. 3000 кибиток казахов рода ала-

ша получили разрешение царских властей кочевать вблизи реки Урал (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 87). Тогда же 6000 кибиток казахов рода алаша получили право перейти через границу на внутреннюю сторону Российского государства (Вяткин, 1947. С. 241). В том же году 820 кибиток казахов рода алаша принесли присягу на верность российскому самодержавию (Вяткин, 1947. С. 253. Примеч. 1).

И. Ф. Бларамберг оценивал численность казахов рода алаша, находящихся в середине XIX столетия в зоне влияния российской администрации, всего лишь в 1173 кибитки (Бларамберг, 1848. Литера В). Но по данным Оренбургской Пограничной комиссии в 1851 г. в Западной части Оренбургского ведомства числилось 2671 кибитки казахов рода алаша (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5069. Л. 137). Помимо этого в 1829 г. в Букеевской орде было зафиксировано 665 кибиток казахов рода алаша (КРО, 1964. С. 229), а в 1847 г. – 11 150 казахов алаша (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 42). На рубеже XIX–XX вв. казахи рода алаша составляли немалую часть населения в Лбищенском и Темирском уездах. Таким образом, их численность на этот период времени может быть примерно определена в 35–40 тыс. человек.

Генеалогия. Согласно материалам И. Ф. Бларамберга, алаша подразделялись на четыре ветви: маймак, карабура, сарыс и барамак. В свою очередь, маймак имел следующие подразделения: мамбет, маликей, шоткара, ельшибек и олджай; у карабуры сыновнее отделение носило то же самое имя; от сарыса ведут свое происхождение кудайгул, базар и жанак, а от барамака происходят шагалак, коблай и тукман (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 82). Аналогичный внутриэтнический состав алаша приводит и Н. А. Аристов (Аристов, 1896. С. 384), который часто опирается на известную работу И. Ф. Бларамберга.

По данным Временного совета по управлению Внутренней ордой, в 1847 г. казахи рода алаша подразделялись на три группы – сары, алтыбас и барамык. В свою очередь, сары делились на малай, бейсеу, конырбурк, карабура, ко-

жагуль, кудайгуль; алтыбас – на рынбай, шот-кара, олжай и мулке, а барамык – на коблай и токбас (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 42). По М. Тынышпаеву, у алаша было две ветви: барамык и айтемыс. От барамыка происходят: токбас, агалак, шагалак и коблай, а от айтемыса – акберды и токберды. Причем многие из перечисленных выше подразделений по схеме М. Тынышпаева фигурируют на 2–3 ступеньки ниже (Тынышпаев, 1925. С. 73).

Уран казахов рода алаша – байбарак (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 80; Мейер, 1865. С. 90, Тынышпаев, 1925. С. 30 и др.), алтыбас (Гродеков, 1889. Приложение. С. 1; Аманжолов, 1959. С. 13 и др.).

Шихлар (сыклар). Места кочевок казахов рода шихлар, по данным, имевшимся на самое начало XIX в. в основном были сосредоточены в междуречье Урала и Эмбы (Гаввердовский, 1803. Л. 66). Согласно рапорту Оренбургской экспедиции пограничных дел, в 1787 г. казахи рода шихлар располагались между Гурьевом и крепостью Сарайчик (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 87).

Происхождение. Говоря о шихлар, следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, этноним «шихлар», по-видимому, двухсоставное слово, где аффикс –лар имеет значение неопределенного множества или собирательности и обозначает этноколлектив, выступающий под одним общим именем (Цаплин, 1975. С. 100–101 и др.).

Во-вторых, Б. Х. Кармышевой было зафиксировано в среде узбекоязычных чагатаев предание о том, что одними из родоначальников дахпаракентского селения Карабаг были шихлары, «...по замечанию информатора, “наверное, из шихов”» (Кармышева, 1976. С. 130–131). «Туркменское племя ших, согласно легенде, считалось потомством первого халифа – Абу-Бекра... Таким образом, шихи были одной из групп ходжей. Среди таджиков и узбеков в народной среде, – пишет Б. Х. Кармышева, – название “ших”, “шейх” обозначало смотрителя мазара» (Кармышева, 1976. С. 118. Примеч. 51). О туркменских шихах М. Н. Галкин писал в свое время, что «под охраной своего духовного происхождения

они ездят беспрепятственно по неприязненным аулам, так от ямудов проезжают к текинцам, к гокленам и обратно» (Галкин, 1868. С. 48). «Среди йомутов жили также довольно значительные группы эвлядских племен – шихи, ходжа, дервиш, обитавшие в разных местах на побережье Каспийского моря» (Каррыев и др., 1954. С. 301). Подразделение ших фиксируется также в составе туркмен геокленов Ирана (Логашова, 1976. С. 21). Собственно же род шихлар упоминается в составе подразделения тохтамыш внутри туркменотекинцев (Галкин, 1868. С. 8). Сказанное позволяет предположить узбекско-туркменское происхождение казахского рода шихлар.

В этой связи, говоря о происхождении казахов рода шихлар, следует также указать на известные слова Н. А. Аристовой о том, что «род шихлар или шейхлар должен был составиться из выходцев из Бухары и Ферганы, занимавшихся проповедью ислама и торговлею между родами Малой орды» (Аристов, 1896. С. 384).

В частности, в 1750 г. хан казахов Младшего жуза Нуралы писал оренбургскому губернатору И. Неплюеву о казахском роде шихлар, что «...во оном роду народ сильной и имеет звание – дети известного Майдан-Халфи» (КРО, 1961. С. 498), что, видимо, можно трактовать как указание на их особое религиозное происхождение в качестве «кожа».

Таким образом, этногенез шихларов, по-видимому, был связан с какими-то группами кочевых племен, проживавших на юге региона и исповедывавшими ислам в более ортодоксальной форме, чем другие казахи, и вошедшими в число родов этнообъединения байулы. Но по каким-то неизвестным нам причинам шихлары откочевали за пределы Казахстана, что и привело к их исчезновению из состава казахских родоплеменных групп Младшего жуза. Возможно, причиной этого стало столкновение с продвигавшимся с северо-запада влиянием Российского государства.

Численность казахов рода шихлар составляла, по данным Я. Гавердовского, а также К. Шукур-Али-улы и Г. Шахмутарова, в самом начале XIX в. 5000 кибиток (Гавердовский, 1803. Л. 65 об.; МИКССР, 1940. Т. IV. С. 515). Известно также, что в 1787 г. 10 000 кибиток казахов рода шихлар получили разрешение «иметь при Урале реке кочевьем расположение» (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 87). Так что, судя по этим данным примерная их численность могла достигать до 50 000 человек.

В заключение следует сказать о том, что о наличии рода шихлар в среде казахов, кроме Я. Гавердовского, говорят лишь в более ранний период в 1748 г. М. Тевкелев, Ю. Гуляев (КРО, 1961. С. 406, 426, 428, 430), в 1785 г. барон О. А. Игельстром (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 58) и немного позднее в 1832 г. А. И. Левшин (Левшин, 1832. Ч. III. С. 7). Но сомневаться в их реальном существовании в этот период не приходится, поскольку оно засвидетельствовано такими авторитетными свидетелями, как Нуралы-хан в 1750 г. и оренбургский муфтий М. Хусаинов в 1805 г. (КРО, 1961. С. 498; МИКССР, 1940. Т. IV. С. 227 и др.). Хотя в других более поздних источниках о шихларах не содержится никакой информации. Большой интерес вызывает то, что старшины рода шихлар практически никогда не упоминаются в бесчисленных перечнях родов и племен, приносивших присягу на верность российским властям. Известный казахский этнограф Х. А. Аргынбаев в беседе со мной высказал предположение о том, что род шихлар, возможно, переименовался и стал как-то иначе называться, может быть, исык. Но едва ли это было так, поскольку род исык неоднократно упоминается в исторических источниках одновременно и параллельно с родом шихлар (см., например: МИКССР, 1940. Т. IV. С. 53, 404, 462, 463 и др.).

В силу указанных выше обстоятельств я так и не смог обнаружить каких-либо конкретных сведений о родоплеменном составе шихларов, а также их родовом уране и тамге. Среди племен плативших России кибиточную подать так-

же не обнаружено никаких упоминаний о роде шихлар. Повидимому, это было связано с откочевкой казахов рода шихлар за пределы Казахстана на юг Мавераннахра или в Прикаспийский регион. Во всяком случае, ничего не известно об их дальнейшей судьбе и истории в период после 1805 г., когда они в последний раз упоминаются в составе казахов Младшего жуза.

* * *

Таким образом, в составе родоплеменного объединения байулы как казахские генеалогические предания, так и разнообразные исторические источники фиксируют четырнадцать крупных родов, численность которых по данным Я. Гавердовского в начале XIX в. составляла 71 800 кибиток (*Гавердовский*, 1803. Л. 62 об. – 63, 65 об. – 66. Подсчет мой. – Н. М.), т. е. около 350–400 тыс. человек. Думается, будет не преувеличением предположить, что их численность в начале XX в. достигла примерно 500–550 тыс. человек. В этой связи как всегда явно завышенными представляются цифры, содержащиеся в работе М. Тынышпаева, который оценивает численность казахов байулы в 880 тыс. человек (*Тынышпаев*, 1925. С. 63).

Этническая история родов, составивших союз байулы, бесспорно, нуждается во всестороннем историко-лингвистическом и этнографическом исследовании. Положение о том, что основу этих родов составил аргынский и найманский субстрат, выдвинутое В. В. Востровым (*Востров*, *Муканов*, 1968. С. 105–106) совершенно безосновательно в научном отношении, ибо базируется на весьма поверхностном сопоставлении тамговых знаков, которые не могут быть в данном случае надежным и тем более основополагающим источником для каких-либо этногенетических исследований.

Совершенно очевидно, что племена родоплеменного объединения байулы имели свою самостоятельную и очень сложную историю, теснейшим образом связанную как с кыпчакско-узбекским и ногайско-мангытским субстратом,

так и с этнообразованиями, которые прикочевали в Западный Казахстан с территории Внутренней Азии. Смешанное происхождение байулы хорошо иллюстрируется самим родоплеменным составом данного этнообъединения. Судя по территориальному расположению кочевий байулы можно с уверенностью говорить о том, что племена, участвовавшие в этногенезе данного этнообъединения, находились в орбите влияния кыпчако-узбекско-мангытского субстрата. Правда, прямых аналогий в этнонимическом плане, за исключением этнотермина 'берш', бытовавшего в среде средневековых кыпчаков, практически нет.

К числу автохтонов в составе байулы можно предвзительно отнести родоплеменные группы адай, байбакты, берш, маскар, тана, кызылкурт, жаппас, алтын, исык и есен-темир. Все эти этнонимы известны только в казахской среде и не имеют аналогий среди других тюркских народов. Повидимому, этногенез их носителей имел место в постузбекский период и был напрямую связан с процессами сегментации местных аборигенных групп тюркоязычных номадов и процессами их межэтнической миксации. Группы маскар и тана, вероятно, проживали в контактной зоне тесного взаимодействия казахского и башкирского этносов.

В отличие от них этнонимы «тазлар», «серкеш», «алаша», «шихлар» были известны за пределами круга казахской этнонимии. Их первоначальные носители вполне вероятно были представителями доминирующих групп активных мигрантов, которые участвовали в завоевательных походах и перемещениях по всей территории степной зоны Евразии, оставляя свои «этнонимические следы» среди различных тюркоязычных народов Центральной Азии и Юго-Восточной Европы. Тем не менее их долговременное проживание в Западном Казахстане и несомненная связь с древнейшими аборигенами края налицо.

В этой связи можно предположить, что основной маршрут экспансионистских миграций с востока из Монгольского ареала номадизма шел на запад прежде всего вдоль северных предгорий Западного Тянь-Шаня по территории Джунга-

рии, Семиречья и Южного Казахстана. Правда, в Джунгарии и Семиречье этот маршрут мог разветвляться и идти на север вдоль восточных и предпочтительнее западных предгорий Джунгарского Алатау, Саур-Тарбагатая и других горных массивов. Из Южного Казахстана по течению Сырдарьи номады мигрировали в район Приаралья.

Жетыру

Восточным крылом Младшего жуза являлись казахи родоплеменного объединения жетыру, кочевки которого в зимний период, в основном, были сосредоточены по среднему течению Сырдарьи и в близлежащих районах. В летний период жетыру откочевывали на север региона, захватывая огромную территорию Центрального Казахстана и вплоть до южных предгорий Уральских гор (*Гавердовский*, 1803. Л. 63 об.; *Бларамберг*, 1848. Отд. II. С. 86–88; *Мейер*, 1865. С. 90–92; *Галкин*, 1868 и др.).

Первое упоминание в исторических источниках о казахах родоплеменного объединения жетыру относится ко второй четверти XVIII в. Легендарным основателем жетыру по казахским генеалогическим преданиям был младший сын Алшына Каракатыш (*Небольсин*, 1852. С. 153–154). О жетыру источники сообщают, что «преимущественное их отличие пред прочими в том, что они в старину занимались более военными действиями против неприятелей своей орды и отличались в сражениях примерно храбростью и мужеством...» (*Бларамберг*, 1848. Отд. II. С. 86).

В отличие от этой информации, записанные еще М. Тевкелевым в 1748 г., казахские предания гласят, что «... Жедтиру, то есть семь родов, соединены вместе при Тевке-хане (Тауке-хане. – *Н. М.*), по такой притчине оные семь родов были поодиночку. А алчинцы, которые разделяются надвое, Каракисяк и Байулы, и их родов множество, и были пред ними сильны, и алчинцы тех семь родов поодиночку всегда обижали, а тем поодиночке у алчинцев, по их киргискайсацкому обычию, для возвращения своей обиды от них брать баранту были не в состоянии, и всегда они от алчин-

цов разорены бывали. И для того вышеупомянутые роды просили одного Тевке-хана (который Тевке-хан тогда жил в Туркестанте), чтоб их от алчинцов каким ни есть способом оборонить. И он, Тевке-хан, был человек умной и у киргисцов в великом почтении; однако хотя почитали, а никакого от него, по их обычаю, страху не имели, и ево никакой власти не было, и по своему уму тем мелким и одинаким родам иного способу их освободить от алчинцов от разорения сыскать не мог, но тех всех вышеписанных одинаких родов соединил в одно место и назвал Жедтиру, то есть семь разных родов соединены в одно место. И егда от алчинцов из них, хотя одному роду, учинена будет обида, чтоб они все семь родов, соединясь вместе, от алчинцов брать баранту были в состоянии и от того времени и звание они имеют Жедтиру, и баранту берут соединясь у алчинцов все вместе, однако, хотя и семь родов в одно место соединены, пред алчинцами весьма безсильны» (КРО, 1961. С. 406).

В описании М. Тевкелева указывается на то, что жетыру подразделялись на следующие роды: табын, тама, кердери, керейт, жагалбайлы, толеу и рамадан (*там же*). В описи родов жетыру, составленной в 1785 г. симбирским и уфимским генерал-губернатором О. А. Игельстромом также отмечается, что «джети, т. е. 7 родов, самые безсильные роды: в сих родах владелец Айчувак солтан: Табын, Тама, Кердары, Керейт, Джагалбайлы, Тляу, Рамадан» (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 58).

Численность казахов родоплеменного объединения жетыру в самом начале XIX в., по данным Я. Гавердовского, составляла 31 500 кибиток (*Гавердовский*, 1803. Л. 62 об. – 63 об., 65, 66 и об. Подсчет мой. – *Н. М.*), т. е. примерно составляла 160–180 тыс. чел. В свою очередь, М. Тынышпаев значительно завывает их численность и дает цифру 380 тыс. человек (*Тынышпаев*, 1925. С. 63).

Их реальная численность на рубеже XIX – начале XX в. составляла примерно 250–280 тыс. человек, в том числе казахов рода табын – 90–100 тыс., жагалбайлы – 80–90 тыс., керейт – 15–20 тыс., тама – 40–50 тыс., толеу – 10–15 тыс., кердери – 15–20 тыс., рамадан – 5 тыс. человек.

Жетыру были широко расселены в Актюбинском (жагалбайлы, табын, тама, кердери), Кустанайском (жагалбайлы), Уральском (табын, тама, кердери), Темирском (табын) и Перовском уездах (кереит).

По вопросу о происхождении казахов жетыру мы располагаем достаточным историческим материалом, свидетельствующим об их даштыкыпчакско-узбекском происхождении (Султанов, 1982. С. 37–38 и др.). В среде практически всех тюркских народов, сохранивших традиции изустной передачи генеалогических преданий, имеются многочисленные аналогии либо самому этнониму «жетыру», либо этнонимам родов, входивших в данное объединение (Жданко, 1950. С. 167, 168; Абрамзон, 1960. С. 119; он же, 1971. С. 49; Кузеев, 1974. С. 428–429, 466–469; Шаниязов, 1974. С. 126–127, 132–134, 138–139, 148–150 и др.).

Так, в частности, этноним «жетыру» хорошо известен в среде башкир, туркмен, кыргызов, узбеков и других тюркских народов (Абрамзон, 1960. С. 114; Кузеев, 1974. С. 115–116, 466–467; Шаниязов, 1974. С. 137–139 и др.). Среди современных узбеков жетыру являются одним из крупнейших кыпчакских племен. По мнению С. М. Ахинжанова вообще правомерно рассматривать казахский этноним «жетыру» как дериват средневекового кыпчакского этнонима «*етебичи/йета/жети оба*» (Ахинжанов, 1976. С. 93. См. также: Баскаков, 1984. С. 51, 66, 76 и др.). Этнонимический аспект проблемы, впрочем, как и этнический не вызывает особых возражений. История казахских родов племенного союза жетыру была очевидно связана с районом северо-восточного и восточного Приаралья, Мугоджарских гор и южного Приуралья.

Табын. Широкой известностью как одно из самых классических кочевых племен пользуется казахский род табын, пространственная амплитуда ежегодных кочевек которого достигала 1000–1200 км только в один конец с зимовки на жайлау.

Основные места зимовок табынцев в середине XIX в. были сосредоточены в песках Барсуках и Присырдарьин-

ском районе по рекам Караозек, Жанадарья и с южной стороны Кувандарья, Западном Приаралье, Восточном Прикаспии на юге региона, а на севере напротив Илецкого городка, форпостов: Затонного, Сухоречинского, Озерского, Ново-Илецкого, Студеновского, Кожехаровского, Линевского, Буранного, Иртецкого, Редутского и других местах Уральской пограничной линии, а также по рекам: Калдыгайты, Шингирлау, Булдырты, Хобда и в верховьях Илека, при урочищах Бувозлы, Созлы, Тамды, Кара-тобе и при озере Глеулакуль.

В летний период они кочевали с северной стороны Сырдарья, Кувандарья, у Каракумов, по рекам Тоболу, Тургаю, Эмбе, горам Улытау, рекам Шингирлау, Улента, Шидерты, Калдыгайты, Булдырты, Хобда, Кыил, Иш-Кырылган, Туманшы, Уил, Жакишбай, Анкаты и на урочищах Кан-кил, Таман-там (Спасский, 1820. Ч. IX. Кн. 2. С. 96–98, 103–104; Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 87; Мейер, 1865. С. 91; Галкин, 1868. С. 331 и др.).

Другая часть казахов рода табын, приписанная в середине XIX в. к Средней части Оренбургского ведомства, летом кочевала по рекам Илек, Большая, Средняя и Малая Хобда, Кызыл, Убалы-Бурт, Бердянка и Куралы. В зимний период года они располагались по бассейну рек Илек, Урал и Хобда (Галкин, 1868. С. 334).

Казахи рода шомышты-табын в середине XIX в., по информации Л. Мейера и М. Н. Галкина, летом кочевали по бассейну рек Эмба и Сагыз, по Устюрту и в песках Сам. Зимой же они располагались за Устюртом «на месте, называемом Уч-Авдан, близ хивинских владений» (Мейер, 1865. С. 90; Галкин, 1868. С. 333).

Некоторая часть казахов рода табын на юге Приаралья по рекам Кувандарья, Караозек и Жамандарья в середине XIX столетия занимались поливным земледелием (Мейер, 1865. С. 93). Часть табынов проживала еще дальше на крайнем юге региона в пределах Хивинского ханства (Иванов, 1940. С. 229–230 и др.).

«Несмотря на господствующий среди адаев и табын, – свидетельствуют очевидцы, – взгляд на землю, как на обще-

народную собственность... кочевники рода табын, занимая восточную часть уезда (Адаевского. – Н. М.), никогда не проходят на Мангышлак, не идут также они и к Красноводску. На летовках не бывают на Сагизе, Уиле. В свою очередь мангышлакские адаи, занимая западную часть уезда, совершенно не заходят в пределы левой стороны верхней Эмбы, в Мугоджары, в районы Асматая, Кос-булака... Такая разграниченность кочевий между родами табын и адай довольно хорошо прослеживается как на зимовках, так и на летовках» (Ищенко и др., 1928. С. 106–107).

Весьма интересно, что в 1793 г. «главный старшина поколения Жети-руу Тленши» доносил султану Ширгазы Каипулы, что казахи «рода табын нескольких аулов откочевали в далекую от (российской. – Н. М.) пограничной линии степь, заявив, что они будут враждовать с русскими» (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 148). В 1823 г. султан Каратай доносил оренбургскому военному губернатору П. К. Эссену, что казахи родов адай, табын, шекты, «соединясь с родами серкеш и кете, имеют намерение, ежели им удастся, нападать на российские команды, находящиеся в киргиз-казакской степи, и таким образом пересекать путь торговым караванам, следующим из городов Бухары и Ургенча, да и не пропускать наших мирных людей, которые едут для торговли в Оренбургский меновой двор и на базар, лишая тем наши племена и журты выхода, и вообще, хотят начать войну с Россией» (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 442).

Происхождение племени табын и история этнонима «табын» довольно обстоятельно рассматривались в известной работе Р. Г. Кузеева, который указывает на тюркоязычную принадлежность предков рода табын и алтайскую локализацию их древней прародины. В последующее время, полагает Р. Г. Кузеев, табынцы в эпоху каганатов в составе дулу, отождествляемых им с дулатами, вслед за ними продвинулись первоначально на Черный Иртыш, а затем в Семиречье. С пребыванием табынцев в этом регионе связан важный этап их взаимодействия с усунями. С конца I тыс. н. э., считает Р. Г. Кузеев, табынцы вовлекаются в охватив-

ший весь тюркоязычный мир процесс всеобщей кыпчакизации и постепенно инкорпорируются в их среду. В пределах кыпчакской конфедерации они в течение XI – начала XIII в. осваивают Западный Казахстан и продвигаются еще дальше, достигая в своих походах Северного Причерноморья (Кузеев, 1974. С. 252–265).

С. Аманжолов также высказывается в поддержку алтайской прародины табынцев (Аманжолов, 1959. С. 42). Иную точку зрения выражает В. В. Востров, который отстаивает местное, автохтонное, собственно западно-казахстанское происхождение рода табын (Востров, Муканов, 1968. С. 96–97).

С уверенностью во всех этих схемах можно поддержать лишь ту часть высказываний, которая касается кыпчакско-узбекских корней табынцев. И в этой связи важно подчеркнуть, что табынцы фигурируют в составе кочевых узбеков Дашт-и Кыпчака (Султанов, 1982. С. 32, 37, 41–43, 49 и др.) и башкиров (Кузеев, 1974. С. 252–265; Родословная башкир Юмран-Табынской волости..., 1997 и др.). Что же касается связей табынцев с Алтаем, уйсунями и дулатами, то для поддержки этого предположения пока нет достаточных оснований.

Численность. Согласно данным Я. Гавердовского, численность казахов рода табын в самом начале XIX в. составляла почти 12 тыс. кибиток (Гавердовский, 1803. Л. 62 об., 63, 65, 66. Подсчет мой. – Н. М.), по другим сведениям тогда же их численность не превышала 5400 семей (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 514–515). Известно также, что в 1804 г. оренбургский военный губернатор Г. С. Волконский сообщал министру внутренних дел В. П. Кочубею, что казахов рода табын насчитывалось 8000 кибиток, кочующих в районе мертвых озер и по реке Илеку (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 224). В Букевской орде в 1829 г. насчитывалось 250 кибиток табынцев (КРО, 1964. С. 230).

Во второй половине XIX в. в Перовском уезде было зафиксировано 1697 кибиток табын (МСТК, 1872. С. 115, 116. Подсчет мой. – Н. М.). Согласно «Материалам по киргизскому землепользованию», значительная масса казахов рода

табын была сосредоточена в Актюбинском уезде – более 32 тыс. чел. (МКЗ. Т. VII. Табл. С. 62–83; 94–95; 110–151. Подсчет мой. – Н. М.), Перовском – почти 13 тыс. чел. (МКЗ. Перовский уезд. Табл. С. 8–16, 38–40, 74–82, 98–100. Подсчет мой. – Н. М.), Казалинском – 2363 чел. (МКЗ. Казалинский уезд. Табл. С. 74–76, 92–94, 134–136. Подсчет мой. – Н. М.) и т. д. Помимо этого они проживали также в Уральском и Темирском уездах Уральской области.

Академическими экспедициями 20-х гг. XX столетия в Адаевском уезде было зафиксировано около 15 тыс. казахов рода табын, а незадолго до этого их численность превышала здесь даже 20 тыс. чел. (Ищенко и др., 1928. С. 31–33. Подсчет мой. – Н. М.). При этом А. Букейханов указывает на то, что в Каракалпакии в 20-х гг. XX в. проживало не менее 3000 семей табынцев (Букейханов, 1995. С. 151). На основании всего вышесказанного можно оценить примерную численность казахов рода табын на рубеже XIX–XX вв. в 90–100 тыс. человек.

Генеалогия. И. Ф. Бларамберг сообщает, что племя табын имеет следующие родовые подразделения: шомышты, таракты и кусеу. В свою очередь, шомышты дифференцируются на отделения: лабак, каракойлы, кулгур, жулый, икабаш, котак, жалпактыл, нуркин, ажим, сагыр, токумбет, каражун; таракты – жаманкерей и жилкышы; кусеу – карамонши, дандак, таужан, кунжантай, айдартеке (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 86–87). Почти аналогичный состав казахов рода табын дает и Н. А. Аристов (Аристов, 1896. С. 384).

В «Материалах по киргизскому землепользованию» дается множество различных, часто противоречивых вариантов родоплеменной структуры казахов рода табын. Если свести их воедино, то схема предстанет примерно в следующем виде. Табын подразделялись на жалтыр, шонкан, тарак, шомышты, тортутлы, кадыркожа, каиркожа, бозым и бегым (МКЗ. Т. VII. Таблица сведений..., С. 9–14). По М. Тынышпаеву они разделялись на жаман-керей (таракты), бозым (тортулы), бегым и шомышты (Тынышпаев, 1925. С. 75).

Уран рода табын – *тостаган* (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 86; Мейер, 1865. С. 90, 91; Гродеков, 1889. Приложение. С. 2; Аристов, 1896. С. 384; Тынышпаев, 1925. С. 30; Аманжолов, 1959. С. 13 и др.), *серке* (Гродеков, 1889. Приложение. С. 2; Аманжолов, 1959. С. 13 и др.).

Жагалбайлы. Самой восточной частью казахов жетыру было племя жагалбайлы, которое располагалось в Центральном Казахстане на самой границе территории расселения Младшего жуза со Средним жузом. Основные места кочевков казахов рода жагалбайлы были сосредоточены по рекам Иргизу, Ори, Илеку, Кумаку в летний период года и в Присырдарьинском регионе в зимний период (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 87; Мейер, 1865. С. 90–91; Черновский, 1915. С. 14 и др.).

В середине XIX в. Л. Мейер сообщал, что казахи рода жагалбайлы кочевали летом «против Верхнеуральска, по Иргизу и Ори, зимою по Ори, Сувундуку и Иргизу» (Мейер, 1865. С. 91). Тогда же М. Н. Галкин уточнял, что казахи жагалбайлы летом кочевали по рекам Тогузак, Кызыл-Шилик, Кара-Таил, Камышлы, Тадкара-Аят, Дамдыр, Бугутау, Тагилы-Бутак, Аюкар, Коян, Урган, Кут-Бояк, Кумак, Тобол, Кызыл-Каин, Мамут, Уйсул-Кар, Ибейты, Куагаш, Тыраклы, Кос-Истык, Каргалы и Шортанлы.

В зимний период года они располагались по рекам Импейк, Гумбейк, Корасан, Сарымсаклы, Жарлы, Орь, Бурты, Аршалы-Аят. Также они зимовали напротив станиц Янгельской, Сыртинской, Увельской, Кизильской, Орловской, Танапыцкой, Тереклинской, Калпацкой, Губерлинской, Банной, Хабарной, Ильинской и Николаевской (Галкин, 1868. С. 334–335).

Происхождение самого рода и этнонима «жагалбайлы» не совсем ясно. Р. Г. Кузеев указывает на древнетюркское и центральноазиатское происхождение предков жагалбайлы. Именно оттуда они могли попасть в Приаральские степи, а затем продвинулись еще дальше на северо-запад. Он предполагает, что предков жагалбайлы именовали бурджанами

(Кузеев, 1974. С. 141–143). К. Ш. Шаниязов небезосновательно считает, что жагалбайлы были одним из тюркоязычных племен, входивших в состав средневековых кыпчаков (Шаниязов, 1974. С. 132–133). Подтверждением этому служит и то, что в среде современных узбеков Мавераннахра жагалбайлы упоминаются в составе сары-кыпчаков (*там же*. С. 132). П. Небольсин упоминает ветвь жагалбайлы в составе найманов, одного из племен кундоровских татаров, ведущих свое происхождение от ногайцев (Небольсин, 1852. С. 81).

Численность. Согласно данным на самое начало XIX в. численность казахов рода жагалбайлы составляла 7000 семей (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 516). В середине того же столетия в орбите подданства российской колониальной администрации числилось более 5000 кибиток казахов жагалбайлы (Бларамберг, 1848. Литера В. Подсчет мой. – Н. М.). Во второй половине XIX в. в Чимкентском уезде было зарегистрировано 218 кибиток (Гродеков, 1889. С. 18–19. Подсчет мой. – Н. М.). В конце XIX в. только в одном Николаевском уезде числилось 5684 кибитки казахов рода жагалбайлы (ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 498. Л. 24 об. Подсчет мой. – Н. М.).

«Материалы по киргизскому землепользованию» регистрировали в Кустанайском уезде 31 051 человека (МКЗ. Т. V. Табл. С. 102–107, 126–167, 202–227. Подсчет мой. – Н. М.), Актюбинском – 27 509 чел. (МКЗ. Т. VII. Табл. С. 2–23, 26–43, 46–75. Подсчет мой. – Н. М.), Каркаралинском уездах – около 2 тыс. чел. (МКЗ. Т. VI. Табл. С. 154–155, 186–187, 402–415, 438–439. Подсчет мой. – Н. М.) и др. Таким образом, общая численность казахов рода жагалбайлы на рубеже XIX–XX вв. примерно составляла 80–90 тыс. человек.

Генеалогия. Родоплеменной состав жагалбайлы представлен в источниках сравнительно однозначно. И. Ф. Бларамберг сообщает, что жагалбайлы подразделяются на две ветви – мурза и лез. В свою очередь, мурза имеют следующие части – билиш, манатай, ормантай, котманай, сыйраклы, болгозы, бозбет, а лез – аккоян, бешкорек, булдый, будаш, караша, есенкожа и ширик (Бларамберг, 1848. Отд. II.

С. 87). Н. А. Аристов, давая совершенно аналогичную структуру жагалбайлы, в составе рода лез дополнительно указывает на наличие отделений байкуп и сазан (Аристов, 1896. С. 385).

Весьма обстоятельная сводка генеалогических преданий о казахах рода жагалбайлы содержится в «Материалах по киргизскому землепользованию». Жагалбайлы подразделялись на две ветви: лез и мурза. В свою очередь, лез разветвлялись на аккожа, болды, есеркожа, бескурек, караша, бодес, а мурза – на бозбет, белис, ормантай, малатау, сиракты, балгожа, котпанай (МКЗ. Т. VII. Таблица сведений о киргизских ордах и родах... С. 4–6; МКЗ. Т. V. Сведения о киргизских ордах и родах... С. 224, 226–227, 229–230 и др.). Примерно аналогичную схему в своей работе приводит М. Тынышпаев (Тынышпаев, 1925. С. 75).

Уран рода жагалбайлы – малатау (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 86; Мейер, 1865. С. 91; Аристов, 1896. С. 385; Тынышпаев, 1925. С. 30 и др.), баганам (Гродеков, 1889. Приложение. С. 1; Аманжолов, 1959. С. 12 и др.).

Кереит. Широкой известностью пользуется казахский род кереит, основные места кочевок кереитов располагались в зимний период года на южной стороне Сырдарьи, Кувандарьи и вплоть до Жанадарьи, а в теплое время года – на северной стороне Каракумов до горы Караша-тау и на севере региона по бассейну Тургая (Броневский, 1820. Ч. IX. Кн. 2. С. 99; Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 88).

В середине XIX в. казахи родоплеменной группы кереит кочевали «летом около Троицка и на Тургае, зимою на Сыре» (Мейер, 1865. С. 92). Л. Мейер в этот период сообщал, что казахи кереиты занимались земледелием в районе Жамандарьи и Кувандарьи у Ходжанияза (*там же*. С. 93).

Происхождение. Ряд исследователей сопоставляют и даже рассматривают казахских кереитов в качестве прямых этнических потомков средневековых кераитов/хэрэитов (Тынышпаев, 1925. С. 24 и др.). После разгрома монголами кераитов, полагает, например, В. В. Востров, значительная

их часть продвинулась в Западный Казахстан (*Востров, Муканов*, 1968. С. 92). В свою очередь, Р. Г. Кузеев указывает на кыпчакизацию западной ветви кераитов/хэрэитов в средневековую эпоху (*Кузеев*, 1974. С. 181–182). Данная версия может быть принята, но только с уточнением того, что связующим звеном между кыпчакским субстратом и казахским племенем керейтов были позднесредневековые даштыкыпчакские узбеки (*Султанов*, 1982. С. 31, 38, 41–42 и др.).

Интересно, что восточное происхождение керейтов подтверждается частично и их родоплеменным составом. При сопоставлении внутригрупповой структуры керейтов с этническим составом казахских родов Среднего жуза керейями и близкородственными им уаками обращают на себя внимание многочисленные аналогии. Так, например, в среде кереев крупнейшее подразделение носит имя «ашамайлы», встречается также этноним «жастабан» (*Тынышпаев*, 1925. С. 70), а в среде уаков имеются этнонимы «сарман» и «шайкоз» (*там же*. С. 70), представленные в составе керейтов.

Следует также указать на наличие этнической группы керейт в составе моголов Моголистана. В. П. Юдин и К. А. Пищулина полагают, что их позднейшим дериватом стали керейи Среднего жуза (*Юдин*, 1965. С. 52–53, 59–60; *Пищулина*, 1977. С. 15 и др.). В этой связи заметим лишь, что в среде даштыкыпчакских узбеков синхронно фиксируются как керейты (керейты), так и кирай (керей) (*Султанов*, 1982. С. 31–32 и др.). Вследствие этого совсем не обязательно, чтобы между этнонимами «керейт» и «керей» существовала жесткая лингвистическая связь, как полагают некоторые авторы. Возможно, что это свидетельствует об отсутствии общего этногенетического субстрата у керейтов и кереев и требует дифференцированного подхода как к истории указанных этнонимов, так и к истории их носителей. Напомним в этой связи, что еще Г. Е. Грумм-Гржимайло ставил под сомнение этногенетическую связь между керейями и кераитами/хэрэитами, с одной стороны, и керейями и керейтами, с другой стороны (*Грумм-Гржимайло*, 1930. Т. 3. Вып. 2. С. 420–421).

Численность керейтов, по данным ряда авторов, на самое начало XIX в. составляла 4000 кибиток (*Гавердовский*, 1803. Л. 63 об.; МИКССР, 1940. Т. IV. С. 514). Хотя незадолго до этого в 1796 г. симбирский и уфимский генерал-губернатор С. К. Вязмитинов доносил императрице Екатерине II, «что касается до Кирейтского отделения..., то оно, принадлежа к Семиродскому роду, составляет в себе не более 300 кибиток, кочевание имеет в отдаленных от границ (России. – Н. М.) местах, – или при урочище Барсуках, или около р. Сыр и Аральского моря» (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 188).

Во второй половине XIX в. «Материалами для статистики Туркестанского края» в Перовском уезде в Жомартовской волости было зафиксировано 1385 кибиток керейтов, а в Кармакчинской волости – 131 кибитка керейтов (МСТК, 1872. С. 114, 116). «Материалами по киргизскому землепользованию» было отмечено, что в Кыз-Бугутской и Аламесекской волостях Перовского уезда числилось более 1500 кибиток керейтов (МКЗ. Перовский уезд. С. 68–70, 74–76 и др. Подсчет мой. – Н. М.), а в Казалинском уезде – более 200 кибиток (МКЗ. Казалинский уезд. С. 68–70, 74–76, 80–82, 104–106. Подсчет мой. – Н. М.). Думается, что к началу XX в. общая примерная численность казахов рода керейт могла достигать 15–20 тыс. человек.

Генеалогия. Согласно данным И. Ф. Бларамберга и Н. А. Аристовы казахи рода керейт подразделялись на следующие родовые отделения: идык, жартай, ашамайлы, сыйгак, арбалы, иршақы, жастабан, шайкоз, сарман, конакбай, будаг и убаган (*Бларамберг*, 1848. Отд. II. С. 87; *Аристов*, 1896. С. 384).

Уран рода керейтов – аксакал (*Бларамберг*, 1848. Отд. II. С. 86; *Мейер*, 1865. С. 92; *Гродеков*, 1889. Приложение. С. 1; *Тынышпаев*, 1925. С. 30 и др.), уйтум (*Гродеков*, 1889. Приложение. С. 1; *Тынышпаев*, 1925. С. 30; *Аманжолов*, 1959. С. 12 и др.).

Тама. На севере региона располагались кочевья казахского рода тама (*Мейер*, 1865. С. 92 и др.). В 1794 г. в прошении султанов и старшин Младшего жуза на имя императри-

цы Екатерины II говорилось о том, что «[места] выше и ниже гор. Оренбурга населяют жители из рода тама (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 168. См. также: Мейер, 1865. С. 91 и др.).

В 1785 г. Нуралы-хан доносил симбирскому и уфимскому генерл-губернатору барону О. А. Игельstromу, что одна часть казахов рода тама во главе с детьми Айшуак-султана откочевала в верховья Эмбы и Темира, а другая вместе с самим Нуралы-ханом «по речкам Кылдиганте, Булдурте, Чунгурлаве, Кыилу, Уилу и ниже кочуют» (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 49).

В середине XIX в. жайлау казахов рода тама располагались по рекам Анкаты, Шидерты, Барбас-Тау, Уленты. Зимой они находились напротив форпостов: Январцевского, Кирсановского, Кинделинского, Иртецкого, Бородинского, Студенского и Ранневских хуторов (Галкин, 1868. С. 331). Тогда же Л. Мейер сообщал, что казахи рода тама кочевали смежно с табынцами «летом по Эмбе, зимою в песках Барсуках», а также у Звериноголовской станицы и города Троицка (Мейер, 1865. С. 90, 92). Другая часть казахов тама, приписанная в середине XIX в. к Средней части Оренбургского ведомства, круглый год кочевала смежно с табынцами – летом по рекам Илек, Большая, Средняя и Малая Хобда, Кызыл, Убалы-Бурты, Бердянке и Куралы, а зимой по рекам Илек, Урал и Хобда (Галкин, 1868. С. 334). Небольшая часть казахов рода тама располагалась в низовьях реки Чу и северных предгорьях Каратау (Маргулан, 1949. С. 73).

Происхождение тама, как нам представляется, следует связывать с даштыкыпчакскими узбеками (Султанов, 1982. С. 32, 37, 43, 49). Возможно правы те исследователи, которые указывают на кыпчакский субстрат данного этнического образования (Аристов, 1896. С. 384–385; Востров, Муканов, 1968. С. 100 и др.). Имеется гипотеза, пытающаяся увязать род тама с монгольским племенем средневековой эпохи тума (Востров, Муканов, 1968. С. 100), которая, однако, едва может быть нами принята. Р. Г. Кузеев настаивает на Алтайско-Саянской прародине тама и считает, что они были вовлечены в печенежский поток, двигавшийся в западном направлении (Кузеев, 1974. С. 166–167 и др.). Но все же бо-

лее оправданной представляется точка зрения, связывающая этногенез казахского рода тама с кыпчакско-узбекским субстратом.

В этой связи небезынтересно заметить, что в «Ляоши» упоминается монголизированная версия термина 'ta-ma', заимствованного киданями у тюркоязычных народов. Форма 'taman' представляет собой древний тюркский термин, встречающийся в орхонских надписях, и заимствованный монголоязычными киданями в форме 'da-ma' ('ta-ma') (Менгес, 1979. С. 151). Можно предположить, что появление этнонима «тама» могло быть связано с проникновением монголоязычного влияния в Западный Казахстан как в киданьский, так и в собственно монгольский период завоевательных походов. Все это подтверждает версию о кыпчакско-узбекском происхождении племени тама.

Численность. Согласно материалам Я. Гавердовского, численность казахов данной этнической группы составляла в самом начале XIX в. 2000 кибиток (Гавердовский, 1803. Л. 66 об.; МИКССР, 1940. Т. IV. С. 515). Небольшая часть казахов рода тама проживала в Букеевской орде – 300 кибиток (КРО, 1964. С. 229). Основная же масса казахов рода тама располагалась в Актюбинском уезде. «Материалы по киргизскому землепользованию» позволяют определить их численность в Актюбинском уезде почти в 30 тыс. чел. (МКЗ. Т. VII. Табл. С. 10–11, 30–35, 70–135, 142–147. Подсчет мой. – Н. М.). Небольшие группы тама проживали также в Перовском, Кустанайском и Зайсанском уездах (МКЗ. Перовский уезд. Табл. С. 2–4; МКЗ. Т. V. Табл. С. 30–31, 106–107, 142–143; МКЗ. Т. VIII. Табл. С. 194–199 и др.). В Перовском уезде во второй половине XIX в. числилось 140 кибиток тама (МСТК, 1872. С. 115). А в низовьях рек Чу и Таласа в Черняевском и Аулиеатинском уездах проживало 1135 хозяйств казахов рода тама (Материалы по киргизскому землепользованию района реки Чу..., 1915. С. 14).

Общая численность казахов этнической группы тама на рубеже XIX–XX вв. предположительно могла достигать примерно 40–50 тыс. человек.

Генеалогия. Родоплеменной состав тама впервые, насколько нам известно, был указан в работе И. Ф. Бларамберга, который отмечает шесть подразделений в их среде: корак, кенжебай, атагал, кызылкурт, жабал и танатолак (*Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 88*). Практически аналогичную структуру казахов рода тама дает Н. А. Аристов: тоне-толак, жабак, кызылкурт, аташал, кенжебай, карак (*Аристов, 1896. С. 385*).

Значительный и гораздо более подробный по объему генеалогический материал содержится в «Материалах по киргизскому землепользованию», согласно которым тама подразделялись на следующие ветви: кызылкурт, кенжебай, аташал, жабал, курмак, коке, когыз, акбаис, даулеткельды (МКЗ. Т. VII. Таблица сведений о киргизских ордах и родах... С. 4, 7–13). Довольно близкую структуру тама приводит в своей работе и М. Тынышпаев (*Тынышпаев, 1925. С. 75*).

Уран рода тама – *карабура* (*Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 86; Мейер, 1865. С. 90, 91, 92; Гродеков, 1889. Приложение. С. 1; Аристов, 1896. С. 385; Тынышпаев, 1925. С. 30; Аманжолов, 1959. С. 12 и др.*).

Рамадан. Основные места кочевок казахов рода рамадан были сосредоточены в зимний период года по Сырдарье и в Каракумах, а в теплое время – на севере данного региона (*Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 88; Мейер, 1865. С. 92 и др.*). В середине XIX в. Л. Мейер сообщал, что они кочуют «летом в Троицке, зимою в Каракумах» (*Мейер, 1865. С. 92*). В 1858 г. командующий Сырдарьинской пограничной линией генерал-майор А. Л. Данзас доносил командиру Отдельного Оренбургского корпуса, что казахи рода рамадан совместно с казахами рода серкеш прикочевали из-под Ташкента и осадили кокандцев, засевших в Туркестане (КРО, 1964. С. 440).

Происхождение данного подразделения казахов родоплеменного объединения жетыру также, по-видимому, восходит в этногенетическом плане к даштикыпчакским узбекам (*Султанов, 1982. С. 32, 41, 43, 49; Ахмедов, 1986. С. 28–29 и др.*) и их предшественникам кыпчакскому этнокультурно-

му массиву. Попытка В. В. Вострова увязать происхождение рамадан с дулатами, албанами и другими племенами Старшего жуза, якобы проникшими в среду Младшего жуза, на наш взгляд, не может быть принята (*Востров, Муканов, 1968. С. 96*). Также необоснованной является попытка М. Тынышпаева возвести происхождение этнонима «рамадан» к географическим названиям Восточноевропейского региона (*Тынышпаев, 1925. С. 21*).

В исторических источниках XVI–XVIII вв. обращает на себя внимание то обстоятельство, что род рамадан в списках узбекских племен Мавераннахра всегда в определенной последовательности фигурирует после табын и тама, но впереди уйшун (*Ахмедов, 1986. С. 28–29 и др.*).

Численность. Я. Гавердовский указывает на наличие лишь 300 кибиток рамадан (*Гавердовский, 1803. Л. 66 об.; МИКССР, 1940. Т. IV. С. 516*). Незначительное число казахов рода рамадан фиксируется «Материалами по киргизскому землепользованию» в Кустанайском, Каркаралинском и Казалинском уездах (МКЗ. Т. V. Табл. С. 194–195; МКЗ. Т. VI. Табл. С. 154–155; МКЗ. Казалинский уезд. Табл. С. 116–118, 146–148). К сожалению, другими данными об их численности мы не располагаем. Можно предположить, что их численность не превышала в целом 5 тыс. человек.

Генеалогия. Родоплеменной состав рамадан еще не очерчен с достаточной полнотой. По И. Ф. Бларамбергу они подразделяются на отделения: татлыкожа, жакаман, шал, булат, данбай, акбалык, сырлыбай и сырымбет (*Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 88*). Аналогичный состав рамадан дает Н. А. Аристов (*Аристов, 1896. С. 385*). К сожалению, других сведений о родоплеменном составе казахов рода рамадан мне не известно.

Уран рода рамадан – *дулат* (*Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 86; Мейер, 1865. С. 92; Аристов, 1896. С. 385; Тынышпаев, 1925. С. 30*), *кайгулым* (*Мейер, 1865. С. 92; Гродеков, 1889. Приложение. С. 2; Тынышпаев, 1925. С. 30; Аманжолов, 1959. С. 13 и др.*), *есбуганамда* (*Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 86; Аристов, 1896. С. 385*).

Толеу. Казахи другого рода жетыру – толеу в основном располагались в зимний период на Сырдарье и в теплое время года по бассейну реки Тургай и ее многочисленным притокам (Мейер, 1865. С. 92). Небольшая часть казахов рода толеу кочевала смежно с родами тама и табын «летом по Эмбе, зимою в песках Барсуках» (Мейер, 1865. С. 90).

Происхождение толеу, как нам представляется, следует связывать с даштикыпчакскими узбеками, в составе которых неоднократно фиксируется этноним «толеу» (Султанов, 1982. С. 32, 37–38, 43–44, 49; Ахмедов, 1986. С. 28–29 и др.). Р. Г. Кузеев полагает, что происхождение толеу надо увязывать с древнетелескими племенами, которые в эпоху древнетюркских каганатов распространились далеко на запад и в золотоордынскую эпоху были вовлечены в табынскую конфедерацию племен. В раннесредневековую эпоху, считает он, теле входили в состав древнетюркской конфедерации племен группы дулу (Кузеев, 1974. С. 266–267). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в исторических источниках XVI–XVIII вв. в списках узбекских племен Мавераннахра род толеу всегда упоминается в определенной последовательности вместе с родом кердери (Ахмедов, 1986. С. 28–29 и др.).

Численность. Численность казахов этнической группы толеу, по данным Я. Гавердовского и других авторов этого времени, составляла в самом начале XIX в. 2800 кибиток (Гавердовский, 1803. Л. 63; МИКССР, 1940. Т. IV. С. 514). Во второй половине XIX в. в Перовском уезде числилось 240 кибиток толеу (МСТК, 1872. С. 114, 116. Подсчет мой. – Н. М.). В конце XIX в. в Николаевском уезде насчитывалось 311 кибиток казахов рода толеу (ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 498. Л. 24 об.).

«Материалы по киргизскому землепользованию» в начале XX в. зарегистрировали в Кустанайском уезде 1769 казахов рода толеу (МКЗ. Т. V. Табл. С. 54–55, 122–127. Подсчет мой. – Н. М.), а также около тысячи человек в Казалинском уезде (МКЗ. Казалинский уезд, Табл. С. 92–94, 104–106). К сожалению, другими более репрезентативны-

ми данными мы не располагаем. Можно предположительно оценить численность казахов рода толеу в начале XX в. примерно в 10–15 тыс. человек.

Генеалогия. Родоплеменной состав казахов рода толеу впервые был зафиксирован И. Ф. Бларамбергом, который указал на наличие в их составе следующих подразделений: наурызбай, карашау, сатыбалды, томентай, кожаберды и ораз (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 88). Аналогичная структура была зарегистрирована и Н. Балкашиным (Аристов, 1896. С. 385). В «Материалах по киргизскому землепользованию» содержится иной вариант: ажиахмет, ногай, самат и керейлы (МКЗ. Т. V. Таблица сведений о киргизских ордах... С. 225). Аналогичный состав толеу дает и М. Тынышпаев (Тынышпаев, 1925. С. 75).

Уран казахов рода толеу – *аргымак* (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 86; Мейер, 1865. С. 90, 92; Гродеков, 1889. Приложение. С. 1; Аристов, 1896. С. 385; Тынышпаев, 1925. С. 30; Шмидт, 1927. С. 304; Аманжолов, 1959. С. 12; и др.), *тулпар* (Гродеков, 1889. Приложение. С. 1; Тынышпаев, 1925. С. 30; Шмидт, 1927. С. 304; Аманжолов, 1959. С. 12 и др.), *ханзада* (Гродеков, 1889. Приложение. С. 1; Шмидт, 1927. С. 304 и др.), *толеу* (Шмидт, 1927. С. 311).

Кердери. Основные места кочевок казахов этнической группы кердери были сосредоточены по бассейну реки Урал (Мейер, 1865. С. 90 и др.). Их жайлау располагались по рекам Анкаты, Шидерты, Барбас-Тау и около озер Чалкаркуль и Уйректы-куль. Зимовки казахов рода кердери были расположены по Уральской линии напротив форпостов: Рубежного, Лбищенского, Кожехаровского, Гниловского, Кош-Уральского, Кругло-Озерского, Чегановского и города Уральска (Галкин, 1868. С. 331).

В источниках содержится информация о том, что казахи рода кердери занимались «хлебопашеством». «Мы – из рода кердери. Мы хлебопашцы». Располагаясь вблизи Уральской пограничной линии, они неоднократно подвергались нападениям и грабежам со стороны уральских казаков.

В 1793 г. Тленши-батыр сообщал султану Ширгазы Каипову, что команда казаков напала на мирных казахов рода кердери, убила «из указанных хлебопашцев 18 человек мужчин и женщин и двух человек из них захватила и увезла с собой. Эти пленные умерли в Уральской защите. Кроме того, они захватили несметное количество имущества и разного рода скота». После этого казахи рода кердери были вынуждены откочевать от Уральской пограничной линии (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 150–151).

Происхождение. В отношении этнонима другого рода в составе жетыру «кердери» практически все исследователи отмечают древность его происхождения. По мнению ряда авторов кердери являются этническими преемниками древних юечжи и эфталитов (Тынышпаев, 1925. С. 24–25; Аманжолов, 1959. С. 42–43; Веселовский, 1877. С. 9–20 и др.), а сам этноним «кердери» является реликтовым пережитком древнего этнонима «кидаритов» (Веселовский, 1887. С. 13 и др.). С. П. Толстов считает, что в основе этнонима «кердери» лежит термин 'kerd' в значении 'город' (Толстов, 1947. № 3. С. 77). В этой связи принято обычно цитировать Якута: «Кардар – местность в области Хорезма или на границе ее с областью тюрок. Язык (населения) ее не хорезмский и не тюркский. У них в области множество селений; у них стада и животные; но это презренные люди» (Материалы по истории туркмен..., 1939. Т. 1. С. 431).

В принципе не возражая против такой постановки проблемы, хочу лишь обратить внимание на то, что в данном случае не следует смешивать различные аспекты проблемы, поскольку абсолютно наибольшая часть казахов рода кердери прежде всего была кочевниками, а не земледельцами. В этническом плане кердери, по-видимому, племя автохтонного происхождения, возникшее на кыпчакско-узбекском этническом субстрате. В пользу такого суждения наиболее убедительно свидетельствует наличие этнонима «кердери» в среде даштикыпчакских узбеков (Султанов, 1982. С. 32, 38, 43, 49–50; Ахмедов, 1986. С. 28–29 и др.).

Численность. Численность казахов рода кердери по материалам Я. Гавердовского в самом начале XIX в. достигала 3500 кибиток (Гавердовский, 1803. Л. 66.; МИКССР, 1940. Т. IV. С. 515). В Букеевской орде в 1829 г. числилось 300 кибиток кердери (КРО, 1964. С. 229). В 1851 г. в Западной части Оренбургского ведомства было зафиксировано всего лишь 154 кибитки казахов рода кердери (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5041. Л. 28 об.).

В 20-х гг. XX в. в Сагызской волости Адаевского уезда числилось 705 кибиток кердери (Букейханов, 1995. С. 144). К сожалению, другими, более достоверными, сведениями о численности кердери мы не располагаем. Можно оценить их общую численность примерно в 15–20 тыс. чел. на самое начало XIX в. и в 5 тыс. чел. столетием позже.

Генеалогия. Родоплеменной состав казахов рода кердери, впервые представленный в работе И. Ф. Бларамберга, дается им в следующем виде: жабагы, кутысай, котермак, култай, жанбас, сатым (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 88). Совершенно аналогичная структура рода кердери приводится Н. А. Аристовым (Аристов, 1896. С. 385). М. Тынышпаев сообщает, что кердери подразделяются на следующие подразделения: женишке, аккермен, жанкельмен, кошкарлы, жабагы, смаил (Тынышпаев, 1925. С. 75).

Уран казахов рода кердери – *кожа-ахмет-батыр* (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 86 и др.), *кожа-ахмет* (Мейер, 1865. С. 90; Гродеков, 1889. Приложение. С. 2; Аристов, 1896. С. 385; Тынышпаев, 1925. С. 30; Аманжолов, 1959. С. 13 и др.).

***

Таким образом, казахи Младшего жуза, объединенные в три крупных родоплеменных подразделения *алимулы*, *байулы* и *жетыру*, в этногенетическом плане являются непосредственными потомками кыпчакского автохтонного субстрата и преемниками узбекского и ногайского этнического пласта населения, проживавшего на этой же территории в XV–XVI вв. Большая часть этногрупп Младшего жуза явно автохтонного западно-казахстанского происхождения.

Попытки некоторых исследователей рассматривать жетыру как осколки мигрантов из Среднего жуза представляются мало обоснованными, поскольку базируются на весьма поверхностном сопоставлении одних лишь тамговых знаков. Вместе с тем, внутриэтническая структура казахов Младшего жуза и его наиболее крупных подразделений еще не очерчена с достаточной полнотой. Всестороннее изучение родоплеменного состава может представлять определенный интерес.

В этой связи следует указать на наличие некоторых промежуточных этнических групп, которые находились как бы на стыке трех казахских жузов и одновременно занимали самостоятельное и совершенно автономное положение.

Примером тому могут служить *бахтияры* (*bakhtiyar*), самостоятельная этническая группа, численность которой во второй половине XIX в. составляла только в одном Перовском уезде – 1052 кибитки (МСТК, 1872. С. 110, 113. Подсчет мой. – Н. М. См. также: Радлов, 1989. С. 113), а в начале XX в. – более 5 тыс. чел. (МКЗ. Перовский уезд. Табл. С. 44–46; 50–52. Подсчет мой. – Н. М.). Происхождение бахтияров неизвестно. Судя по этнониму это была скорее всего какая-то поздно и лишь частично тюркизированная группа первоначально иранских номадов. Известно, что в 1732 г. иранский Надир-шах Афшар переселил 3 тыс. бахтияров в Хорасан (Савина, 1980. С. 145 и др.). Помимо бахтияров были, по-видимому, и какие-то другие промежуточные этнические группы.

Этнонимический аспект проблемы практически не изучен и нуждается в серьезных историко-лингвистических исследованиях. Обращает на себя внимание наличие в казахстанской этнонимике Младшего жуза множества этнонимов со значением цветовой символики, особенно в среде алимулы ('кара', 'ак'). В этимологическом плане, пожалуй, большая часть этнической номенклатуры не обеспечена качественным толкованием. Семантика большинства этнонимов также не ясна.

Численность казахов Младшего жуза достоверно выяснить весьма проблематично, поэтому приведем имеющиеся обобщенные сообщения различных авторов. Так, Я. Гавердовский указывает, что численность казахов Младшего жуза в самом начале XIX в. составляла 156 400 кибиток (Гавердовский, 1803. Л. 62 об. – 66 об. Подсчет мой. – Н. М.). А. И. Левшин на рубеже 20–30-х гг. того же столетия дает цифру в 200 тыс. кибиток (Левшин, 1832. Ч. III). М. Тынышпаев полагает, что к началу XX в. их численность составляла 1790 тыс. чел. (Тынышпаев, 1925. С. 63).

Наибольший интерес, несомненно, представляют материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., которые сообщают нам, что в Уральской области проживало казахов 460 173 чел., в Тургайской – 414 904 чел., в Мангышлакском уезде Закаспийской области – 63 795 чел., в Казалинском уезде – 135 850 чел., в Перовском – 130 269 чел. и во Внутренней орде – 207 299 человек (См. подробнее: Востров, Масанов, 1980. С. 16–17). Итого в сумме получается – 1 412 290 человек.

Однако из этого числа необходимо вычесть казахов Среднего жуза, составлявших большинство населения в Тургайском и Кустанайском уездах, а также весьма значительный процент в Перовском уезде. Приблизительный подсчет численности казахов Младшего жуза показывает, что их число могло достигать 1200–1250 тыс. чел., в том числе алимулы – 300–350 тыс. чел., байулы – 500–600 тыс. чел., жетыру – 250–300 тыс. человек.

При этом надо учитывать то, что значительная часть казахов Младшего жуза проживала за пределами территории Казахстана – в Приуралье и Поволжье на северо-западе региона и в Приаралье, Мавераннахре и других районах Средней Азии на юге. Вследствие этого мы вправе предположить, что общая численность казахов Младшего жуза могла достигать порядка 1 300 тыс. человек.

На рубеже XIX–XX вв. патронимические группы алимулы составляли значительную часть населения в Иргизском (шекты, шомакей, торткара, каракесек), Темирском (кете, шекты,

каракесек) и Казалинском уездах (шекты, шомекей, торткара, кете). Байулы преобладали в Мангышлакском (адай), Гурьевском (берш, адай, серкеш, тана, кызылкурт, есентемир), Лбищенском (байбакты, берш, маскар, тана, исык, алаша), Уральском (байбакты, маскар), Темирском (адай, алаша) и Перовском уездах (жаппас). Жетыру были широко расселены в Актюбинском (жагалбайлы, табын, тама, кердери), Кустанайском (жагалбайлы), Уральском (табын, тама, кердери), Темирском (табын), Перовском уездах (кереит).

Букеевская орда

В 1801 г. произошло переселение пяти тысяч хозяйств казахов Младшего жуза за Урал в междуречье Волги и Урала. Этой миграцией была образована так называемая Букеевская орда (по имени султана Букея), получившая в 1812 г. статус Букеевского ханства, а с 1845 г. – Внутренняя орда (*Inner Horde*), которая со второй половины XIX в. входила в состав Астраханской губернии (*Шахматов, 1946; Зиманов, 1982* и др.).

Появление Букеевской орды (*Bukey Horde*) на территориально-административной и государственно-политической карте России было обусловлено целым рядом факторов. Во-первых, после откочевки калмыков в 1771 г. территория междуречья Волги и Урала и ее обширные пастбищные угодья были свободны. На протяжении 30-летнего периода казахские номады Северо-Западного Казахстана пытались, с одной стороны, заселить и освоить данную территорию, а с другой, заручиться поддержкой российского самодержавия и получить право на проживание в междуречье Волги и Урала. Но царизм не был уверен в лояльности и верно-подданических настроениях казахских номадов и все время откладывал решение этого вопроса.

Только в 1801 г. Павлом I было принято высочайшее повеление о предоставлении казахам права постоянного проживания на данной территории: «председательствующего в Ханском совете киргиз-кайсацкой Малой орды Букея-султана, сына Нурали-ханова, принимаю к себе охотно, по-

зволю кочевать там, где пожелает, и в знак моего благоволения назначаю я ему медаль золотую с моим портретом...» (Полное собрание законов... Т. XXVI. № 19773; *Крафт, 1898. Приложение. С. 141. № 403*).

Высочайшим положением от 19 мая 1806 г. «П. 35. Киргиз-кайсакам под предводительством султана Букея дозволяется кочевать, начиная от реки Узеня до горы Богдо, но не касаясь мест, назначаемых тут вновь для перекочевки калмык, а от сей горы через Чапчачи на ватагу Дудатскую или Телепневу до моря. Земель сих, однако ж, не отдавать им в удел, доколе они на сей стороне Урала во всегдашнем пребывании не остепенятся. П. 36. Зимовку сим киргиз-кайсакам дозволить иметь по чернявым камышным буграм и низменностям, какие свободны и в казенном ведомстве состоящими найдены будут. П. 37. Небольшому числу киргиз-кайсаков Малой Орды назначается иметь зимовку при море между ватаг Дудатской, Телепневой и Копиовской; летом же имеют они кочевать на землях, прочим киргизцам назначаемых или с кундоровскими татарами» (Полное собрание законов... Т. XXIX. № 22135; Полное собрание законов... Собрание второе. Т. VIII. 1833. Отделение первое. СПб., 1834. № 5999. С. 111. См. также МИКССР, 1940. Т. IV. С. 494 и др.).

Таким образом, Внутренняя орда занимала территорию небольшой возвышенности Общий Сырт и часть Прикаспийской низменности по рубежу от рек Малого и Большого Узеня до Курхайского морца на юго-востоке и от верховий Малого Узеня до горы Богдо и через Чапчачи до Телепневой ватаги на юго-западе и на юге по побережью Каспийского моря. В целом это низменная и безводная территория, занятая пустыней, с очень ограниченным поверхностным стоком, несколькими солеными озерами и небольшим количеством атмосферных осадков. Климат Букеевской орды носит резко континентальный характер с очень жарким летом и очень холодной зимой, с очень большой амплитудой суточных, сезонных и годовых температур воздуха. Растительные ресурсы были крайне скудны. В течение всего пе-

риода истории Внутренней орды активно развивались процессы опустынивания (Плотников, 1871. С. 239–258).

Казахи Внутренней орды в основном занимались кочевым скотоводческим хозяйством. Зимние становища, в основном, располагались в песках и лиманах по всей территории Внутренней орды; летние же пастбища – в речных долинах, по большей части на севере региона (Бларамберг, 1848; Иванов, 1890. Приложение и др.). При этом имели место как меридиональные миграции с юга на север региона, так и обратно-меридиональные с севера на юг, что зависело от конкретных условий среды обитания (Медведский, 1862. Ч. 80. Август. Отд. II. С. 296).

Первоначально площадь занимаемых казахами земель составляла 5 377 743 кв. десятины. В 1828 г. казахам Букеевской орды было позволено кочевать на части земель Черноярского уезда, что увеличило площадь земель на 503 808 кв. десятин (Евреинов, 1851. Т. XXIX. № 10. Отд. II. С. 57; Алекторов, 1887. № 24 и др.). В 1839 г. за счет земель Царевского и Новоузенского уездов площадь возросла еще на 872 800 кв. десятин. Вследствие этого к 1840 г. площадь земель Букеевской орды составляла 6 754 351 кв. десятины (Алекторов, 1887. № 24). Межевая партия капитана Большакова в 1864 г. зафиксировала, что площадь Внутренней орды составляет 6 973 004 десятины. К концу XIX в. территорией орды была занята площадь в 7 106 967 десятин (Плотников, 1871. С. 249; Иванов, 1890. С. 1.). Согласно материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. площадь Внутренней орды составляла 70 781 кв. версту (ПВПНРИ. Вып. II. 1904. Тетрадь 2. С. IV).

При этом следует подчеркнуть, что «Букеевская орда... была отделена от Младшей орды, – как справедливо отмечает С. Д. Асфендиаров, – линией казачьих станиц и крепостей по Уралу. Таким образом казаки, кочевавшие между Волгой и Уралом и в прикаспийских степях, оказались замкнутыми со всех сторон русскими селениями, станицами и крепостями» (Асфендиаров, 1935. С. 134 и др.). «Земли

сии, – писал в рапорте Оренбургской Пограничной комиссии чиновник Ларионов, – сопредельны: с одной стороны – с Саратовской губ., с другой – с землями Уральского войска, с третьей – с Астраханской губ. и с четвертой – с владельческими дачами по Каспийскому морю» (КРО, 1964. С. 230).

Численность. Первоначально на территорию между-речья Волги и Урала переселилось, согласно донесению командира Астраханского казачьего войска генерал-майора П. С. Попова, 5001 кибитка с 22 775 душами (МИКССР, 1940. Т. IV. С. 257). Процесс переселения продолжался в течение следующих двух лет. В 1803 г. инспектор Астраханского кордона И. И. Завалишин доносил министру внутренних дел, что численность подданных Букея «простирается» до 7000 кибиток (там же. С. 261).

В «Историческом очерке о Букеевском ханстве», составленном сотрудниками Министерства государственных имуществ в 1850 г., указывается, что численность казахов достигала в 1803 г. 6266 кибиток, в которых насчитывалось 31 206 чел. (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 28. Л. 5). В 1812 г. было зафиксировано 7500 кибиток или 37 500 чел., а в 1825 г. – 10 490 кибиток или 52 000 человек (там же. Л. 5, 11).

К 1829 г. в Букеевском ханстве числилось 102 35 кибиток (КРО, 1964. С. 230), а в 1835 г. – уже 19 000 кибиток (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 28 и об.). В 1847 г. во Внутренней орде специальным исследованием было зафиксировано 116 744 человек (там же. Л. 54). В «Историческом очерке о Букеевском ханстве» даются иные цифры. В 1839 г. во Внутренней орде проживало 14 000 кибиток или 70 000 чел., а в 1847 г. – 21 363 кибитки или 106 815 человек (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 28. Л. 5, 11).

В 1849 г. в Букеевской орде насчитывалось 118 990 чел. (Островский, 1859. С. 74), 1850 г. – 22 990 кибиток или 114 950 чел. (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 28. Л. 11), 1858 г. – 26 759 кибиток, а в 1888 г. – 46 002 кибитки (Иванов, 1890. С. 6). В 1885 г. по материалам А. Н. Харузина в орде числилось 42 948 кибиток или 236 937 человек (Харузин, 1889. С. 18, 26,

37, 40, 157; Аристов, 1896. С. 385 и др.). В 1888 г., по данным А. А. Красева, численность казахов Внутренней орды достигла уже 224 815 человек (Алекторов, 1900. С. 479).

В 1897 г., согласно данным наиболее массового, достоверного и репрезентативного источника – «Первой всеобщей переписи населения Российской империи», во «Внутренней орде» проживало 207 299 чел. (ПВПНИ. Вып. II. 1904. Тетрадь 2. С. IV, 42–43).

Таким образом, за более чем столетний период существования Внутренней орды численность ее населения выросла почти в семь раз. Следует вообще отметить высокую динамику численности населения Внутренней орды в течение всего периода ее существования. Она была обусловлена не только естественным движением населения, но и механическим. Несмотря на закрытость границ Букеевской орды недовольные своим социально-экономическим и политическим положением группы населения постоянно прорывали границы и уходили за Урал в Оренбургское ведомство. Немало было и обратных мигрантов. Такого рода маятниковые движения в наибольшей степени имели место в период до 60-х гг. XIX столетия (Рязанов, 1927; Шахматов, 1946 и др.).

Родоплеменной состав. Высокая изменчивость численности населения Внутренней орды в течение всего периода ее существования тем не менее не привела к серьезной трансформации состава ее населения. В орде помимо традиционного для казахов присутствия таких групп как торе, кожа и толенгут насчитывалось 16 родоплеменных групп. Эти группы представляли все три крупнейших подразделения казахов Младшего жуза, но абсолютно наибольшую часть населения Внутренней орды составляли племена из группы байулы.

Байулы были представлены почти всеми своими родами – адай, байбакты, берш, тазлар, серкеш, тана, маскар, кызылкурт, исык, жаппас, алаша, есентемир. Алимұлы представлял лишь один род кете, тогда как жетыру были представлены тремя родами – тама, табын и кердери. Весьма

интересно отметить, что если в первое время три рода из родоплеменного объединения жетыру в материалах различного рода переписей и оценок фиксировались отдельно, то к середине XIX в. они стали отмечаться под общим названием «жетыру».

Таким образом, Внутренняя орда была как бы «байулинским» этнополитическим образованием. В составе байулы были вкраплены небольшие группы алимулы (кете) и жетыру (табын, кердери, тама). Помимо этих трех группировок в орде проживал род ногай, не входивший ни в одно из трех вышеуказанных объединений казахов Младшего жуза.

«Род ногай, – отмечал известный русский этнограф и путешественник П. Небольсин, – ...сколько заподлинно известно, составил в 1745–1747 годах, когда назначенные, по подозрению, к переселению на реку Сакмар к кр. Озерной 25 семей кундровских татар (50 человек взрослых мужчин, а всего 138 душ), бежали к киргизам за Урал. Поймать их велено было Абулхайрову сыну, Нурали; но тот сего не исполнил. Кундровцы примкнули к киргизам, сплотились с ними, расплодились – и теперь это самый людный род между букеевскими киргизами» (Небольсин, 1852. С. 155). По данным Временного совета, управлявшего Внутренней ордой после смерти Жангир-хана, в 1847 г. род ногай подразделялся на следующие группы – кояс, костамгалы, ойкен и казан-кулак (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 44).

Численность населения Букеевского ханства в 1829 г. по основным родовым группам составляла: ногай – 500 кибиток, байбакты – 1360, берш – 3000, серкеш – 570, тана – 425, алаша – 665, жаппас – 870, исык – 230, кете – 115, есентемир – 125, тазлар – 100, тама – 300, кердери – 300, адай – 610, кызылкурт – 315, маскар – 100, табын – 250, толенгут – 300 и кожа – 100 кибиток (КРО, 1964. С. 229–230). Таким образом, помимо толенгутов и кожа, численность казахов группы жетыру составляла 850 кибиток, алимулы – 115 кибиток, ногай – 500 кибиток и байулы – 8370 кибиток или 81,7% от всего населения Внутренней орды.

В середине XIX в. численность населения Внутренней орды по основным родовым группам составляла: адай – 7515 чел., алаша – 11 150, байбакты – 16 025, берш – 25 785, жаппас – 4520, есентемир – 2330, исык – 3345, кызылкурт – 4125, кете – 2055, маскар – 1805, ногай – 5465, жетыру – 6175, тазлар – 555, тана – 6405, толенгут – 2460, серкеш – 13 795 человек (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 41 об. – 44 об.).

Общая, таким образом, численность жетыру составляла – 6175 чел., ногай – 5465 чел., алимулы – 2055 чел. и байулы – 97 355 чел. Помимо них в орде было зафиксировано торе – 908 чел., кожа – 890 чел., биев – 35 чел. и мулл с членами их семей – 570 человек (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 45). В итоге, байулы из общего населения Внутренней орды в 113 453 человек представляли абсолютное большинство в 85,8%.

Адаевцы были расселены при Каспийском море, в урочищах Айдарлы и Бабан, а часть при Камыш-Самарских озерах и при Нижнеуральской линии на Начигиракте;

алаша – при Камыш-Самарских озерах, в Нарын-песках, на реке Малый Узень, при Арал-соре, Ащисае и при Каспийском море;

байбакты – при Камыш-Самарских озерах, на реках Большом и Малом Узенях, на Донгелеке, в окрестностях Ащисая и Тучисая;

берш – при Каспийском море, в Нарын-песках, при Камыш-Самарских песках и на Кырк-убе;

жаппас – в урочищах Боз-убе, Дойса-Кум, на землях ногаевского рода, а часть при Нижнеуральской линии на Шолак-убе;

есентемир – при Каспийском море и близ Нижнеуральской линии;

исык – при Камыш-Самарских озерах, на западной границе ордынских земель, часть при Каспийском море и часть при Большом Узене на урочище Бубей-купе;

кызылкурт – на урочищах Джейдиль-Кум, Жаман-кум, при Каспийском море и в районе Камыш-Самарских озер;

кете – при Каспийском море и при Камыш-Самарских озерах;

маскар – в урочищах Байсенгари-кум, Берли-кум, Ереймен и при Камыш-Самарских озерах;

ногай – на Жас-Кусе, при Малом Узене, на Джиимбет-Сунане, Сайхине, на всем пространстве от Шолак-купа через Нарын-пески до Малого Узеня;

жетыру – при реках Большом и Малом Узенях, при Каспийском море и в Нарын-песках;

тазлар – частично при Каспийском море, а частично вблизи Нижнеуральской линии;

тана – в урочищах Ирге-Кум, Камыш-Самара, Танакум, Шанды-куль и Кырк-убе;

толенгут – частично при Каспийском море, частично при Камыш-Самарских озерах, на Ащи-Узене, Малом Узене, частично в урочищах Джаскус-Кум, Томенгут-сай, Айгыр-Кум и Оял-Кум;

серкеш – в основном при Каспийском море, частично на урочищах Дойги-Кум, Темирбек-Кум, Жалпак-Шыгыл, Койтугут и при Нижнеуральской линии (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 8. Л. 45–46 об.).

Будучи изолированной от Младшего жуза и окруженной со всех сторон казачьими пикетами и крепостями, станицами и поселениями, Внутренняя орда постепенно превращалась в особую часть казахского народа с тенденцией формирования в самостоятельную и независимую социально-политическую и этнокультурную общность.

***

Таким образом, кочевники-скотоводы, составлявшие абсолютное большинство населения края, были широко расселены на всей территории Казахстана. Обеспечивая наиболее эффективную в условиях аграрного общества утилизацию природных ресурсов данной экологической ниши, номады освоили все типы географических сред, в частности лесостепную, степную, полупустынную и пустынную.

ную природно-ландшафтные зоны, а также горные районы. Плотность кочевого населения колебалась в среднем в диапазоне 0,5–1–2 чел. на кв. км. Это было результатом того, что жизнедеятельность номадов обеспечивалась в рамках небольших хозяйственных ячеек, а выпас скота требовал огромных пастбищных площадей.

На этой основе формируется иерархически организованная структура патронимических групп кочевого населения. Крупнейшим образованием подобного рода является Средний жуз, охватывавший огромную территорию Центрального, Северного, Восточного и отчасти Южного Казахстана. При этом казахи Среднего жуза были широко представлены в Монголии, Джунгарии, Западной Сибири и Средней Азии. Младший жуз охватывал Западный и отчасти Южный Казахстан. Незначительная часть казахов Младшего жуза проникает в Юго-Восточную Европу, Приуралье и Среднюю Азию. В начале XIX в. из состава Младшего жуза выделяется весьма специфичная социально-политическая общность – Внутренняя (Букеевская) орда. Казахи Старшего жуза локализируются в Юго-Восточном (Семиречье) и Южном Казахстане и частично мигрируют в Джунгарию и Среднюю Азию.

В советское время под давлением насильственной коллективизации и искусственной седентаризации казахи интенсивно мигрируют на периферию ареалов, в маргинальные зоны и за пределы казахстанского ареала номадизма, продвигаясь далеко на Средний и Ближний Восток на юге, в Восточный Туркестан на востоке, в Юго-Восточную Европу на западе и Западную Сибирь, Приуралье и Поволжье на севере и северо-западе.

Глава 3. СФЕРА МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

3.1. СТРУКТУРА ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА

Природно-климатические условия Казахстана определили характер и основные направления системы материального производства, структуру хозяйственных занятий, экономический потенциал кочевого общества казахов, главные модусы его развития и заданность параметров функционирования. Вследствие этого абсолютно доминирующей, а зачастую единственно возможной, особенно в пустынной, полупустынной и степной зонах, составлявших более 90% территории Казахстана, отраслью хозяйства на протяжении почти трех тысячелетий являлось кочевое скотоводство. Оно было в наибольшей степени приспособлено к местным особенностям среды обитания – природно-климатическим, орографическим, ландшафтным и др.

Система материального производства кочевников-казахов представляла собой интегрально структурированную систему хозяйственных занятий и тесно связанную с ней систему социально-экономических отношений и социокультурных стереотипов. Но главную, стержневую и системообразующую роль в экономической стратегии жизнедеятельности казахского населения играло *кочевое скотоводческое хозяйство*. Оно определяло не только характер развития других хозяйственных занятий, но динамику и ритм социальной истории, образ жизни, материальную и духовную культуру и т. п.

Фундаментальной особенностью кочевого хозяйства являлось круглогодичное содержание скота на подножном корму. Это было вызвано низкой кормовой производительностью и разреженностью растительного покрова, невозможностью заготовки кормов и стойлового содержания скота. Низкая продуктивность растительного покрова, определяя динамическое состояние номадов, вынужденных передвигаться в поисках подножного корма, обуславливала потребность в огромных по площади выпаса пастбищных угодьях.

Для нормальной жизнедеятельности одной овцы в течение года 1314 кг сухой массы пустынных кормов и 1,5 м³ воды являются жизненным минимумом (Федорович, 1973. С. 217; Назаревский, 1973. С. 251), следовательно, потребность в пастбище не превышает 5–7 га. Однако из-за разнообразия природных условий и колебаний климата фактически на одну овцу требуется в зоне полупустынь Казахстана 15–24 га, пустынь – 18–24 га, а в среднем по Казахстану – 20,5 га пастбищных угодий (Федорович, 1973. С. 217–218). Для выпаса одной лошади в зоне степей было необходимо не менее 20 га пастбища, а в зоне пустынь – данная норма возрастала в несколько раз (Нечаев, 1975. С. 56–58 и др.). Примерно аналогичным образом обстояло дело в Монголии (Чогдон, 1980. С. 60 и др.) и Северной Африке (Радченко, 1983. С. 51; Лот, 1984. С. 188 и др.).

Таким образом, недостаточность кормов, а также водных ресурсов, зональность и посезонный характер продуктивности растительного покрова, его изреженность обуславливали постоянную потребность в периодической смене пастбищных угодий и поиске подножного корма, а следовательно, кочевом состоянии скотоводческого хозяйства и кочевом образе жизни. Именно поэтому абсолютно закономерно вовлечение в систему выпаса и сезонного пастбищеоборота огромных по площади кочевания и хозяйственного использования территориальных пространств.

Территория, занимаемая пастбищными угодьями номадов, использовалась ими в зависимости от конкретных особенностей среды обитания в качестве зимних (*кыстау*),

летних (*жайлау*), весенних (*коктеу*) и осенних (*кузеу*) пастбищ. Расположение зимних пастбищных угодий, ориентированных, в основном, на удовлетворение кормовых запросов мелкого рогатого скота, определялось продолжительностью и характером залегания снежного покрова так, чтобы глубина его не превышала 10–12 см, что соответствует северной границе средних пустынь на серо-бурых почвах (Федорович, 1973. С. 207).

Именно поэтому основным местом локализации зимних пастбищ были пустынная и полупустынная природно-ландшафтные зоны, в основном на юге Казахстана, а также в районах с пересеченным рельефом местности. Летние пастбища располагались преимущественно севернее при меридиональном кочевании либо в горных и низкогорных районах при вертикальном. Главным при выборе *жайлау* являлось наличие водных источников, способных равномерно обеспечить скот водой на всем протяжении кочевых маршрутов. Весенние и осенние пастбища, лежавшие на пути движения от зимних пастбищ к летним и наоборот, служили промежуточной перевалочной базой кочевых миграций. Поэтому они играли связующую роль между *кыстау* и *жайлау* как в экологическом, так и экономическом плане.

В этой связи находились характер, ареал, направленность и протяженность кочевых путей и маршрутов движения. В историографии принято выделять меридиональный, радиальный, вертикальный, широтный, эллипсоидный и другие типы кочевания (Johnson, 1959; Литвинский, 1972; Вайнштейн, 1972; Акишев, 1972; Хазанов, 1975а; Марков, 1976; Поляков, 1980; Андрианов, 1985 и др.). В Казахстане в зависимости от конкретных условий среды обитания преобладал преимущественно меридиональный тип кочевания в равнинной части и вертикальный – в горной и предгорной зонах (Хозяйство казахов..., 1980. С. 71–79).

В южных районах, в пустынной зоне, встречался эллипсоидный и реже радиальный и широтный типы кочевания, а в северных, в лесостепной и степной зонах бытовал обратно-меридиональный тип миграций. При этом нома-

дам имманентно был присущ так называемый замкнутый цикл кочевания по строго заурегулированным маршрутам с наличием постоянных зимних стойбищ и передвижений в летний период по одним и тем же водным источникам. Протяженность маршрутов движения определялась как природными ресурсами среды обитания, так и социально-экономическими факторами. В среднем радиус кочевания составлял 50–100 км в год, но мог достигать в отдельных случаях 1000–2000 км (Мацкевич, 1929 и др.).

Особенности культурогенеза и географической среды обусловили специфику видовой модели стада в кочевой среде (Krader, 1963. P. 317; *idem*, 1966. P. 24). Исследователи давно обратили внимание на стабильность состава животных, используемых в хозяйстве кочевников: овцы, козы, лошади, верблюды и крупный рогатый скот (Руденко, 1961; Марков, 1976 и др.). Несомненно, что данная структура стада была вызвана адаптивным потенциалом каждого вида животных.

Так, в аридной зоне в условиях общей засушливости и недостаточности водных ресурсов важное значение имел отбор животных, жизнедеятельность которых обеспечивалась минимумом воды (верблюды, овцы, козы). Континентальность природно-климатических условий привела к видovому отбору по признаку наличия рефлекса тебеневки (лошади, овцы, козы). В свою очередь, система выпаса и необходимость рациональной организации системы производства диктовали отбор по наличию рефлекса стадности (лошади, овцы, козы).

Зональность и посезонный характер продуктивности растительного покрова также повлияли на видовую структуру стада, поскольку присущая ареальным кочевническим экосистемам растительность неадекватно потреблялась разными животными. Так, например, в пустынной зоне Казахстана из 288 видов растений лошаадьми и крупным рогатым скотом поедалось 109, верблюдами – 148, овцами – 167 видов (Иванов, 1973. С. 63), а из 180 видов семейства

маревых (солянок), составлявших основу травостоя в пустыне, овцами поедается 132 вида, тогда как крупным рогатым скотом – только 24. Из полыней же крупный рогатый скот поедает лишь 24 вида, в то время как лошади – 39, а овцы – 46 видов (Ковешников, 1967. С. 201).

Так же обстояло дело с приспособлением животных к качеству и количеству водных источников. Воды с содержанием солей от 1 до 3 г/л пригодны для всех видов животных и временно для людей, а воды с содержанием солей до 5 и даже 10 г/л – только для овец и верблюдов, временно для крупного рогатого скота, но совершенно непригодны для лошадей и тем более для людей (Казахстан, 1969. С. 453).

Потребности людей обуславливали необходимость в высокой продуктивности животных (мясо, молоко, шерсть и т. п.), возможности многоцелевого использования (тягло, транспорт и т. п.). Так, например, для образования 1 кг привеса крупному рогатому скоту при пастбищном содержании требуется 12 кг сырого вещества корма, а овце – только 8 кг (Ковешников, 1967. С. 201).

Важную роль в регуляции видового состава стада играли социально-экономические факторы, определяющие ритм, частоту и скорость кочевания. Скорость движения отары овец в оптимальном режиме составляла 0,6–1,2 км/час при пастьбе, а при перегоне со стравливанием травостоя – 1,1–1,5 км/час, крупного рогатого скота – 0,5–1,6 км/час при вольной пастьбе. При этом радиус водопоя не должен был превышать для мелкого рогатого скота 4–5 км, крупного рогатого скота – 2–2,5, лошадей – 5–8, верблюдов – 8–10 км (Чогдон, 1980. С. 187–195 и др.).

Таким образом, классическая модель видовой структуры стада в обществах кочевников была определена комплексом эколого-биологических и социокультурных факторов. Оптимизация видового и внутривидового состава стада во времени и пространстве являлась постоянно действующей константой жизнедеятельности кочевого общества и определялась конкретными особенностями каждой микроэко-

темы и социальным положением отдельных общин. Сбалансированный характер видовой структуры стада являлся одной из важнейших форм адаптации кочевников к экстремальным условиям среды обитания.

Важно подчеркнуть, что ни один из указанных видов животных не мог в условиях кочевого хозяйства претендовать на одиночное существование. Вся структура была жестко взаимосвязана как со средой, так и внутрифункциональными связями.

Так, например, лошадь с точки зрения номада имеет немало положительных свойств – рефлексы стадности и тебеневки, исключительную подвижность и выносливость, свойство терморегуляции, самовыпаса, необязательность ночлега, является источником высокой продуктивности и всестороннего использования, средством передвижения, тягловой силой, обладает высокой мясо-молочной продуктивностью и т. п., которые, однако, как бы «уравновешиваются» значительным объемом свойств, затрудняющих либо осложняющих жизнь кочевников, – большая площадь выпаса и необходимость частых перекочевок, замедленный цикл воспроизводства (беременность длится 48–50 недель, сезонность размножения, достижение полной половой зрелости к 5–6 годам и т. д.), позднеспелость (полное биологическое развитие заканчивается к 6–7 годам), низкий процент выжеребки (менее 30%), высокий процент выкидышей, прихотливость в воде и кормах и т. д. (МКЗ. Т. II. С. XXVIII; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 104, 129; Добросмыслов, 1894; он же, 1895а; Джантюрин, 1883; Скалов, 1903; Добржанский, 1924; Барминцев, 1958; Боголюбский, 1959; Ковешников, 1967; Нечаев, 1975; Садыков, 1981 и др.).

Важнейшим достоинством конского поголовья являлась способность обеспечивать выпас других видов скота во время глубоких снегов, промерзания и обледенения снежного покрова и гололеда (Боголюбский, 1959. С. 493; Вяткина, 1969. С. 72–73; Абрамзон, 1971. С. 73; Вайнштейн, 1972. С. 25; Шаниязов, 1973. С. 88; Федорович, 1973. С. 207; Шнайштейн, 1974. С. 69 и др.).

Общая численность конского поголовья в Казахстане как в 60–70-е гг. XIX в., так и в начале XX в. может быть примерно оценена в 4 млн лошадей (Джантюрин, 1883. С. 12; Хозяйство казахов..., 1980. С. 97; Абылхожин, 1991. С. 190 и др., см. табл. 2). По-видимому, это было оптимальное количество конского поголовья в хозяйстве кочевников-казахов в данных природно-климатических условиях. Удельный вес лошади в структуре стада в среднем по Казахстану составлял немногим более 13% всего поголовья скота.

Наиболее коневодческими были степные уезды Казахстана. Так, доля лошадей в составе стада достигала в Омском уезде – 36,1%, Петропавловском – 31,4%, Кокчетавском – 31,0%, Акмолинском – 28,0%, Кустанайском – 26,6%, Павлодарском – 23,8% и т. д. Наименьшим удельный вес лошадей был в Чимкентском уезде – 3,3%, Мангышлакском – 4,6%, Перовском – 6,1%, Казалинском – 7,0%, Гурьевском – 7,7% и т. д. (табл. 2).

Разведение лошадей в хозяйстве казахов носило многоцелевой характер: мясо-сальный, молочный, в качестве транспорта, тягловой силы, вьючного животного и т. д. Казахская лошадь, характеризующаяся комбинированной продуктивностью, отличалась выносливостью и неприхотливостью, большой работоспособностью и высокой степенью приспособленности к местным природно-климатическим условиям, способностью к наживровке, сезонному кормлению, дальним перекочевкам и интенсивным передвижениям и т. п. Конское поголовье сравнительно легко переносило тяжелый зимний период при наименьших затратах труда человека и наивысшей отдаче в пользовательном отношении (Барминцев, 1958; Садыков, 1981 и др.).

О роли и значении коневодства в жизни кочевников-казахов трудно сказать лучше и образнее, чем сказал Касымхан еще в начале XVI в.: «Мы – жители степи; у нас нет ни редких, ни дорогих вещей, ни товаров, главное наше богатство состоит в лошадях; мясо и кожа их служат нам лучшею пищею и одеждою, а приятнейший напиток для нас – молоко их, и то, что из него готовится, в земле нашей нет ни

садов, ни зданий; место наших развлечений – пастбища скота и табуны коней, и мы ходим к табунам любоваться зрелищем коней» (МИКХ. С. 226).

Тем не менее основой кочевого хозяйства являлся мелкий рогатый скот, прежде всего овцы, отличавшиеся наивысшей продуктивностью и наибольшей приспособленностью к условиям среды обитания. По целому ряду своих морфологических и функциональных признаков, например, таких, как компактный выпас и неприхотливое содержание, практически полная усвояемость кормовых ресурсов, наличие рефлексов тебеневки и стадности, высочайшая продуктивность (мясо, молоко, сало и т. п.) и пользовательные качества (шерсть и т. п.), особенно способность к посезонному кормлению и быстрой наживровке, повышенная невосприимчивость к минерализации водных источников, способность терпеть отсутствие воды и обходиться снегом вместо воды в зимний период года, поразительная выносливость к холоду и жаре, снегу и сырости и мн. др., мелкий рогатый скот отличался наибольшей эффективностью.

Однако и в этом случае прослеживается «сбалансированность» признаками, затрудняющими систему жизнедеятельности: небольшая скорость передвижения, полное отсутствие какого-либо «интеллекта», способность тебеневаться лишь при глубине снежного покрова в 10–12 см, обязательность устройства ночлега, уязвимость от нападений хищников, подверженность стрессам и т. п. (Медведский, 1862. Ч. 80. Сентябрь. С. 54–63; Добросмыслов, 1893; он же, 1895а; Чорманов, 1883. С. 39–50; Сталь, 1913. С. 360–380; Васильев, 1913. С. 188–198; Морозов, 1913. С. 308–341; Зимняя пастьба овец, 1934; Кашкаров, 1937; Бальмонт, Ермеков, 1939; Дияров, 1963; Боголюбский, 1959. С. 249–302; Овцеводство Казахстана, 1968; Баскин, 1986; Цырендондоков, 1989 и др.).

Казахи разводили, в основном, грубошерстных овец мясо-сального направления, которые отличались ранне-спелостью и относительно быстрым циклом размножения (беременность длится 5 месяцев, половая зрелость достигается к году и т. п.), высокой мясной продуктивностью

(20–25 кг дает одна взрослая особь), а также тем, что в течение лактационного периода (до 4–4,5 месяцев) надаивается с одной овцематки до 4–5 ведер молока, а двухразовая стрижка в течение года дает до 2–2,5 кг шерсти с одной овцы и т. п. (Ищенко и др., 1928. С. 148–155; Боголюбский, 1959. С. 257–267; Овцеводство Казахстана, 1968 и др.).

В исторических источниках содержатся многочисленные характеристики казахских овец. Так, П. С. Паллас сообщает, что «киргизские овцы очень велики... Они ростом выше родившегося теленка и так толсты, что старые, в хорошее время года, весом бывают по четыре и по пяти пудов». «Вместо хвоста носят они курдюк, который у больших баранов бывает весом от 30 до 40 фунтов...» (Паллас, 1773. Т. I. С. 583–584). В свою очередь, И. Г. Георги сообщает, что «у них есть овцы вышиною с осла, у которых облившиеся жиром хвосты бывают весом и по пуду... Баранина служит ежедневною и нередко... единственною пищею... киргизцам...» (Георги, 1799. С. 127–128).

Вследствие этого закономерно, что овца являлась основным видом скота, ее удельный вес в структуре стада в среднем по всему Казахстану составлял почти 60% всего поголовья животных. Наиболее овцеводческими являлись «пустынные» уезды Казахстана: Мангышлакский, в котором доля овец достигала 84,6%, Зайсанский – 75,0%, Джаркентский – 73,2%, Верненский – 72,7%, Капальский – 70,3%, Гурьевский – 69,2%; а наименее: Омский – 33,4%, Петропавловский – 35,8%, Кустанайский – 36,5%, Кокчетавский – 40,0%, Актюбинский – 44,5% (табл. 2).

Общая численность овец в Казахстане на рубеже XIX–XX вв. оценивается примерно в 18–18,5 млн голов, а коз в 3–3,5 млн (Хозяйство казахов..., 1980. С. 97; Овцеводство Казахстана, 1968. С. 15–18 и др.). Такое количество мелкого рогатого скота, по-видимому, являлось предельным для кормовых ресурсов казахстанской экосистемы, поскольку в среднем на одну особь приходилось 10 га пастбищных угодий при норме для полупустынной и пустынной зоны (70% всей территории Казахстана) 20 га выпаса в течение года (Федорович, 1973. С. 218).

Исключительной приспособленностью к условиям засушливого и безводного климата отличались верблюды, среди которых казахи больше всего ценили помесь дромадера (самца) и двухгорбого бактриана (самки) – нара. Среди главных достоинств верблюда следует отметить способность подолгу (до 10 дней) обходиться без воды и пищи, потреблять воду с высокой степенью минерализации (до 10 г/л), усваивать растительность практически недоступную другим видам животных, высокую скорость передвижений, громадную силу (в среднем 200–350 кг вьючного груза), широкий спектр пользовательных свойств от транспортно-тяглогового до мясо-молочно-шерстного направления (в среднем 160–190 кг мяса, 60–100 кг сала, 4–8 кг шерсти с одного верблюда, 40–80 ведер молока с одной верблюдицы за 14–16 месяцев лактационного периода) и т. д.

С точки зрения кочевника основными недостатками верблюдов являлись – отсутствие рефлекса тебеневки, большие площади выпаса, высокая подвижность, во время водопоя потребность в больших запасах воды (для одной особи до 100 л воды разового приема), плохо переносили холода, дожди и сырость, случка зачастую вручную, замедленный цикл воспроизводства (беременность 13–13,5 месяцев, половая зрелость в 4 года, роды раз в 2–3 года и т. п.), низкий процент рождаемости, невысокая молочная продуктивность и т. д. (Медведский, 1862. Ч. 80. Сентябрь. С. 34–39; Красовский, 1868. Ч. II; Диваев, 1901. С. 73; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 104; Фиельструп, 1927. С. 89–91; Ищенко и др., 1928. С. 135–148; Першиц, 1958. С. 118–119; Боголюбовский, 1959. С. 414–430; Ковальска-Левицка, 1981. С. 185–186; Хёфлинг, 1986. С. 58–65 и др.).

«Верблюд великолепно приспособлен к тяготам существования в пустыне. Он не боится ни жары, ни холода и может даже, приспособившись к наружной температуре, повышать или понижать температуру своего тела на шесть градусов Цельсия» (Хёфлинг, 1986. С. 61).

Общая численность верблюдов в Казахстане на рубеже XIX–XX вв. оценивается в немногим более одного миллиона голов (Хозяйство казахов..., 1980. С. 97 и др.). Удель-

ный вес верблюдов в структуре стада составлял в среднем по Казахстану около 4%. В западных районах Казахстана, где имели место максимально номадные формы кочевого хозяйства и образа жизни, доля верблюдов в составе стада могла даже превышать удельный вес конского поголовья. Так, в Казалинском уезде их доля составляла 12,9%, Гурьевском – 11,5%, Иргизском – 9,2%, Перовском – 9,2%, Темирском – 6,7%, в то время как в северных уездах она была минимальна: Петропавловском – 0,1%, Кокчетавском – 0,2%, Омском – 0,3%, Джаркентском – 0,3%, Усть-Каменогорском – 0,4% и т. д. (табл. 2).

Крупный рогатый скот, с одной стороны, обладал большей мясо-молочной продуктивностью (150–200 кг мяса с одной взрослой особи, 45–60 ведер молока в среднем с каждой коровы за период дойки, продолжавшейся с марта-апреля по октябрь-ноябрь), чем мелкий рогатый скот, использовался в качестве транспортного средства и тягловой силы в бедняцких хозяйствах. «По способности к откорму и по качествам мяса киргизская и калмыцкая порода считаются лучшими мясными породами из всех туземных пород крупного рогатого скота Союза...» (Лус, 1927. С. 187).

Но с другой стороны, разведение и содержание крупного рогатого скота в условиях кочевого хозяйства осложнялось тем, что он требовал преимущественно стойлового содержания, не обладал рефлексом тебеневки, слабо был выражен у него и рефлекс стадности, был очень прихотлив в содержании, рационе питания и водопоя, позднеспел и имел замедленный цикл воспроизводства (беременность длится 9 месяцев, до 25% коров ежегодно оставались яловыми и т. д.). Небольшой ареал выпаса и низкая скорость движения существенно затрудняли перегон крупного рогатого скота с одного пастбища на другое.

Эти качества данного вида животных как бы предопределили «социальный» характер крупного рогатого скота, который, в основном, культивировался в малоскотных и бедняцких хозяйствах (Медведский, 1862. Ч. 81. Сентябрь. С. 50–54; Добросмыслов, 1895а; МКЗ. Т. II. С. XXVIII; МКЗ.

Т. IV. Описания... С. 129; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 166; Лус, 1927. С. 187; Боголюбский, 1959; Зубриянов, 1982 и др.). «К числу недостатков крупного рогатого скота, с точки зрения кочевника, относится неэкономное использование им пастбища. Он поедает только верхнюю часть растения...» (Фиельструп, 1927. С. 83).

Общая численность крупного рогатого скота в Казахстане на рубеже XIX–XX вв. может быть примерно оценена в 3,5–4 млн голов (Хозяйство казахов..., 1980. С. 97 и др.). Удельный вес крупного рогатого скота в структуре стада в среднем по Казахстану составлял 12,3%, достигая максимума в Актюбинском уезде – 29,2%, Кустанайском – 26,7%, Омском – 26,3%, Уральском – 24,9%, Петропавловском – 25,4%, Павлодарском уездах – 24,0%. Наименьшим он был в Чимкентском уезде – 3,7%, Верненском – 5,9%, Копальском – 6,8%, Зайсанском – 6,1%, Аулиеатинском уездах – 7,0% (табл. 2).

Таким образом, отражавшая характер взаимодействия природных и социальных факторов видовая структура стада и ее региональная специфика ярко демонстрируют зависимость номадов от географической среды. Экологический детерминизм особенно четко прослеживается на уровне всего социума в целом, тогда как в масштабах отдельных хозяйств и общин состав стада определялся главным образом натурально-потребительскими интересами непосредственных производителей. Вследствие этого на уровне общины ведущая роль принадлежала мелкому рогатому скоту – овцам и козам, на межобщинном уровне – самыми престижными считались лошади, помогавшие другим животным в выпасе во время снегопадов и гололеда, тогда как на уровне всего кочевого социума – первостепенное значение имела вся видовая модель как целостность.

Что касается довольно часто обсуждаемого вопроса о характере и направленности племенной и селекционной работы кочевников-скотоводов, то следует подчеркнуть, во-первых, преобладающую роль естественного отбора наиболее продуктивных типов животных применительно к условиям номадного хозяйства и природным ресурсам сре-

ды обитания. Во-вторых, экологический опыт кочевников являлся мощным фактором ускорения естественного отбора в желательном для номадов выборе соответствующих производителей, оптимального экстерьера и пользовательных качеств. В-третьих, важным фактором отбора были потребительские интересы номадов, стремление культивировать многоцелевую направленность скотоводства (мясо, молоко, шерсть, способность к выпасу в тяжелых условиях пастбищного содержания, транспорт, тягло и т. п.). В результате этого на протяжении нескольких тысячелетий происходил комплексный отбор животных применительно к хозяйственным и натурально-потребительским интересам скотоводов, условиям кочевого способа производства и природным ресурсам среды обитания.

Вследствие этого спонтанно формировались специфические внутривидовые типы разнообразных животных, отличавшиеся высокой степенью приспособленности к скудным запасам растительного покрова, недостатку водных ресурсов, их минерализации, ритморегимным характеристикам системы перекочевков, способностью к быстрым нагулам и наживке, восстановлению энергетических затрат в кратчайшие сроки после изнурительного зимнего периода и интенсивных миграций, тебеневке и долговременному отсутствию воды, сезонному обеспечению кормами и т. д.

Понимание бесполезности искусственного отбора животных обуславливало стремление кочевников культивировать экологически наиболее адаптированные и высокопродуктивные типы скота. На этой основе были выведены такие уникальные породные типы, как джабе среди конского поголовья, курдючные овцы мясо-сального направления и др., отличавшиеся комбинированной продуктивностью и высочайшей производительностью при наименьших затратах труда человека.

В целом скотоводческое хозяйство кочевников-казахов, будучи жестко экологически детерминировано и органически вписано в природную среду, может быть охарактеризовано

как многоцелевое и высокопродуктивное, полностью ориентированное на удовлетворение потребительских интересов местного населения. Отсюда натурально-автаркический характер скотоводства кочевников, направленность эволюционного развития которого определялась внутренними закономерностями процесса адаптации к условиям среды обитания.

Удельный вес и значение скотоводческого хозяйства в структуре экономических занятий кочевников-казахов могли трансформироваться во времени и пространстве, но поскольку в условиях ареальных экосистем не было альтернативы кочевничеству, то оно всегда оставалось постоянно доминантной величиной. В зависимости от конкретных природных и социальных факторов могли изменяться типы и формы ведения скотоводческого хозяйства, ареал и протяженность системы кочевания, скорость и интенсивность передвижений, состав и структура стада, материально-бытовая культура и отчасти даже образ жизни, техника и технология выпаса, организация системы материального производства и т. д., но кочевое скотоводческое хозяйство любых модификаций оставалось единственно возможным и наиболее оптимальным способом жизнедеятельности человека в условиях аридной зоны Евразии и поэтому постоянно сохраняло свое важное значение в структуре экономических занятий местного населения.

Как свидетельствуют материалы Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., скотоводческое хозяйство являлось абсолютно доминирующим типом занятий и основным источником существования наибольшей части казахского населения: в Семипалатинской области – 80,0%, Семиреченской – 63,2%, Акмолинской – 94,1%, Сырдарьинской – 59,0%, Тургайской – 94,7%, Уральской области – 87,1%, Мангышлакском уезде – 98,4% и Внутренней орде – 97,5%, а всего по Казахстану – более 77% жителей.

Второе место в структуре хозяйственных занятий кочевого казахского населения занимало *земледелие*. Согласно материалам указанной переписи, оно являлось основным источником существования более 18% казахского населе-

ния. При этом земледелие, в основном, культивировалось в маргинальных зонах: в Сырдарьинской области им занималось 38,7%, а в Семиреченской – 33,7%, тогда как в ареальных зонах его роль была минимальной: в Уральской области – 9,3% казахов, Семипалатинской – 13,0%, Тургайской – 4,1%, Акмолинской – 2,6%, Мангышлакском уезде – 0,1%, Внутренней орде – 0,2% казахского населения.

Особенно значительной была масса земледельческого населения в Перовском уезде – 48,6%, Лепсинском – 45,3%, Верненском – 44,3%, Аулиеатинском – 38,9%, Чимкентском – 37,5%, Казалинском – 30,3%, но и здесь, как мы видим, кочевое скотоводческое население преобладало. Абсолютно доминирующим земледелие становится только лишь за пределами ареально-маргинальных зон расселения кочевников. Так, например, в Ташкентском уезде удельный вес земледельческого населения в составе казахов превышал 88%.

Письменные и археологические источники сообщают нам немало сведений о наличии земледелия в структуре хозяйственных занятий кочевого населения Казахстана с древнейших времен вплоть до новейшего времени (сводку данных см.: Хозяйство казахов..., 1980. С. 137–166 и др.). При этом поток сообщений очевидцев о земледелии кочевников-казахов особенно нарастает с рубежа XVIII–XIX вв. (Аполлова, 1969; Семенюк, 1974 и др.), что, по-видимому, было обусловлено как климатическими изменениями, поскольку в это время заканчивается «малая ледниковая эпоха», так и увеличением числа русских путешественников, посещавших Казахстан.

Тенденция развития земледельческого хозяйства в среде кочевников определялась, с одной стороны, стремлением к максимально возможной утилизации природных ресурсов, а с другой, – динамикой социального развития кочевого общества. В условиях засушливого климата земледелие было дополнительным способом использования тех немногочисленных водных ресурсов в интересах кочевого населения, нуждавшегося в зерновой продукции. Натурально-потребительский характер экономики кочевников обусловил

их стремление к созданию всех необходимых продуктов в рамках своих собственных хозяйств и общин. Другим фактором развития земледелия могли быть дальность рынков земледельческой продукции, слабость торговых связей, т. е. неразвитость системы общественного разделения труда. Нередко к занятию земледелием прибегала обедневшая часть населения, вынужденная искать средства к существованию за пределами скотоводческого хозяйства.

Однако развитие земледельческого хозяйства в Казахстане существенно ограничивалось географической средой, в частности бедностью почвенного покрова, недостатком водных ресурсов, засушливостью и континентальностью климата, его колебаниями, режимом атмосферных осадков, направленностью и силой ветров, повышенной величиной солнечной радиации, повышенной чувствительностью экосистемы к внешним воздействиям и т. п. Достаточно вспомнить кампанию по освоению целинных земель, когда только в первые годы было эродировано 10 млн га. Поэтому земледельческое хозяйство культивировалось только в районах, обеспеченных необходимыми водными ресурсами. Участки стабильного земледелия локализуются, в основном, по периферии кочевого ареала в маргинальных зонах.

Среда обитания наложила свой отпечаток на технологию земледельческого производства, поскольку в случае нарушения экологического равновесия (эрозия, дефляция, выщелачивание, засоление, понижение плодородия почвы и т. п.) природа незамедлительно прерывала его долговременную культивацию. Именно поэтому номадами был накоплен соответствующий опыт ведения земледелия в данных природно-климатических условиях, который позволил им с течением времени выработать своеобразный стереотип норм и технологии, в частности, преобладание поливного типа хозяйства и специфичные агротехнические приемы.

Земледелие кочевников-казахов базировалось как на естественных формах орошения (каирное, лиманное и т. п.), так и на функционировании сложной и разветвленной ирригационной системы (Левшин, 1832. Ч. III. С. 200–204;

Нешель, 1848. С. 103–105; Мейер, 1865. С. 103–105; Швабский, 1832. С. 106–108; Броневский, 1830; Сейдалин, 1870; Полферов, 1896 и др.). В силу бедности почвенного покрова имела место залежно-переложная система землепользования (Аполлова, 1960. С. 54 и др.). Встречалась и трехпольная система (Гавердовский, 1803. Л. 106 и др.).

Основной культурой казахского земледелия являлось неприхотливое и засухоустойчивое просо, которое «родится хорошо и прибыточно» (КРО, 1964. С. 159). Были также распространены и посевы пшеницы, ячменя и других зерновых культур. На юге Казахстана получили некоторое развитие бахчеводство и огородничество. Система агротехнологии и техника земледельческих работ в значительной степени носили противоэрозионный характер с тем, чтобы в дальнейшем использовать посевные участки в качестве пастбища. Свидетельством тому является употребление безотвального плуга либо сохи, которые прямо по стерне бороздили землю, предохраняя ее от ветровой эрозии (Мейер, 1865. С. 102–103 и др.).

Основной группой казахских земледельцев являлись жители плодородных оазисов и речных долин крупнейших рек Казахстана, преимущественно на юге региона. Эта полуоседлая часть казахов, по словам Т. А. Жданко, составляла «...значительную прослойку между кочевым... населением у казахов (в Семиречье, долине Иртыша, у берегов Зайсана, на среднем и нижнем течении Сыр-Дарьи... в северо-западных районах – в бассейнах Иргиза, Тургая, Эмбы...» (Жданко, 1960. С. 4). Данная группа населения издавна сочетала кочевое скотоводство с занятием земледелием. «Это, – справедливо отмечает Т. А. Жданко, – исконные земледельцы и столь же исконные скотоводы...» (там же. С. 6).

В этой связи представляется ошибочным вывод отдельных авторов о том, что процесс развития земледелия в среде номадов обязательно сопровождался их седентаризацией (Толыбеков, 1971 и др.). «Впрочем земледелие, – отмечает «Геродот казахского народа», по образному вы-

ражению Ч. Ч. Валиханова, А. И. Левшин, – не делает их оседлыми. Они кочуют около пашен своих только до того времени, пока хлеб спеет. Сжав его и обмолотив, берут с собою нужную часть онога, а остальную зарывают в землю до будущего посева и уходят в другие места» (Левшин, 1832. Ч. III. С. 199–200).

Более подробное описание мы находим у Я. Гавердовского: «Сев начинается в начале и в половине мая м-ца, как оной кончится, то все земледельцы идут со своими аулами в дальнейшие кочевья, и не прежде возвращаются к полям, как через 60 дней. Тогда хлеб поспевает к жатве. Но между тем в продолжение сего срока, караульщики или сами хозяева изредка посещают поле для наблюдения за целостию оных, а иногда и для наводнения», а «по окончании молотьбы опять пускаются в кочевание» (Гавердовский, 1803. Л. 105 об.). Примерно аналогичное описание имеется у Иосафато Барбаро (Барбаро и Контарини о России, 1971. С. 150. § 35).

В дополнение к этому можно привести многочисленные данные о несовпадении числа оседлых и числа земледельческих хозяйств. Так, например, в Акмолинском уезде земледелием занималось 11 462 хозяйства, что составляло 61,4% всех хозяйств уезда, а оседлых насчитывалось лишь 798 хозяйств или 4,2% (МКЗ. Т. III. Ч. 1. Поаульные таблицы. С. 295–296). В Усть-Каменогорском уезде земледелием занималось 10 488 хозяйств (69,4%), а оседлых было 1502 хозяйства или 9,9% (МКЗ. Т. IX. Поаульные таблицы. С. 231–232). Это обстоятельство объясняется тем, что земледелие не могло стать самостоятельной экономической базой для жизнедеятельности людей в аридной зоне Евразии и функционировало только как вспомогательная отрасль хозяйства.

Определенное развитие получило *рыболовство*. Разнообразные источники свидетельствуют о том, что во многих реках и озерах Казахстана кочевники промыслили рыбу (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 4107, 4133; КРО, 1964. С. 330, 525; Гейнс, 1897. Т. I. С. 250, 253 и др.). Только на озере Алакуль в середине XIX в. кочевниками-казахами ежегодно добывалось до 150 пудов рыбы, на озере Аксуат – до 500 пудов,

на озере Сары-Муин – до 300 пудов, на реке Хобде – около 300 пудов, на реке Эмбе – около 3000 пудов и т. д. (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3629. Л. 39, 42, 83 об.).

Рыболовство всегда оставалось второстепенным промыслом и никогда не имело самостоятельного значения. «Впрочем, рыболовство, – свидетельствуют такие авторитеты, как К. Струве и Потанин, – не есть здесь главный промысел; оно как и земледелие, подчинено скотоводству. Побуждаемые нуждами последнего к кочевой жизни, киргизы производят лов в тех рыбных местах, куда бывают завлечены потребностями скотоводства» (Струве, Потанин, 1865. С. 38).

Одновременно в среде номадов получили распространение в качестве вспомогательных отраслей такие виды деятельности, как охота, собирательство, разнообразные промыслы и ремесла (Масанов, 1959; он же, 1959а; он же, 1960; он же, 1961; Маргулан, 1964; он же, 1987; он же, 1988; Юнатов, 1964; Аргынбаев, 1987; Муканов, 1979; он же, 1981; Аполлова, 1976 и др.). Характер их развития определялся натурально-потребительской направленностью кочевого хозяйства казахов, стремлением к самообеспечению всеми жизненными средствами. Отсюда и их второстепенное значение в жизни номадов.

***

Таким образом, традиционное хозяйство кочевников казахов представляло собой целостную систему взаимодействия и взаимодополнения различных видов производственной деятельности, но жизнедеятельность которой детерминировалась ведущей отраслью хозяйства – кочевым скотоводством. В ареалах удельный вес нескотоводческих занятий был ничтожен, хотя в маргинальных зонах их доля могла значительно возрастать и отчасти даже приобретать самостоятельное значение. Среда обитания диктовала многообразие форм хозяйственной деятельности, но господствующая роль кочевого скотоводства оставалась доминантой общественного развития.

3.2. ТИПОЛОГИЯ КОЧЕВОГО ХОЗЯЙСТВА

Кочевничество представляет большую сложность в плане сравнительно-типологических исследований, поскольку различия между эмпирически наблюдаемыми «свойствами» (*этнический аспект*) и культурно-значимыми «признаками» (*эмнический аспект*) (Крюков, 1984. С. 15–17) в условиях всеобщей недооценки природного фактора в жизнедеятельности кочевников совершенно не учитывались в типологических схемах. Поэтому, на наш взгляд, закономерно, что в основу большинства из них кладут, в основном, таксономически второстепенные признаки, являющиеся, как правило, внешним проявлением более глубинных комбинаций признаков, а отсюда не все типы релевантны (о принципах типологизации см.: Люблинская, 1968. С. 9; Чеснов, 1979. С. 189–202; Типы в культуре, 1979; Крюков, 1984. С. 7–17 и др.).

В этом плане нам остается лишь констатировать множественность типологических построений, базирующихся на весьма неадекватных сочетаниях свойств и признаков (Капо-Рей, 1958; Першиц, 1961; Толыбеков, 1971; Акишев, 1972; Вайнштейн, 1972; Оразов, 1975; Никифоров, 1974; Марков, 1976; он же, 1981; он же, 1982; Трубецкой, 1977; Андрианов, 1978; он же, 1982; Курылев, 1979; он же, 1980а; Грайворонский, 1979; Поляков, 1980; Симаков, 1982; Калиновская, Марков, 1983; Кшибеков, 1984; Крадин, 1987 и др.). Существуют типологические схемы, основывающиеся на дифференциации кочевников по типам жилища (переносные, стационарные, оседлые и т. п.), по продолжительности и направленности кочевания (меридиональное, вертикальное, широтное и т. п.), по видовому составу стада (наличие или отсутствие крупного рогатого скота, доля лошадей и т. п.), по характеру хозяйственных занятий (роль земледелия и т. п.) и т. д. В итоге все эти свойства чаще всего подводятся под понятия «кочевого», «полукочевого», «полуоседлого», «оседлого» хозяйства. Встречаются попытки создания диахронной типологии по видам кочевания: таборное, яйлажное и т. п. (Грязнов, 1955; Толыбеков, 1959; Плетнева, 1967; она же, 1982; Хазанов, 1975а; Шилов, 1975 и др.).

На наш взгляд, в основу типологии собственно кочевого хозяйства должен быть положен комплекс таксономически наиболее значимых и однопорядковых категорий систематики, изофункциональных и изоморфных по своей природе (Чеснов, 1979. С. 189–202; Следзевский, 1978; Вийрес, 1984; Арутюнов, Мкртумян, 1984. С. 19–33 и др.). При этом комбинация типологических признаков может быть осуществлена сквозь призму одного системообразующего признака, качественное многообразие которого определяет дифференцирующие и вместе с тем всеобщие и универсально-системные свойства типологизируемого объекта (Вийрес, 1984. С. 91 и др.). Признание примата материального производства в значительной степени конкретизирует и облегчает выбор такого признака. Очевидно, что в основу типологической дифференциации должен быть положен признак-условие, в наиболее последовательной форме отражающий процесс труда и в наибольшей степени влияющий на систему материального производства, а следовательно, на все стороны жизнедеятельности кочевого общества.

Процесс труда основывается прежде всего на использовании и преобразовании человеком естественно существующих предметов и средств труда, образующих условия процесса производства, а в аграрных обществах – и средств производства, составляющих основу производительных сил и определяющих характер и направленность развития производственных отношений. Вследствие этого очевидно, что особенности и специфика процесса труда порождаются в доиндустриальную эпоху окружающей средой и ее предметами. «Способ, каким люди производят необходимые им средства к жизни, зависит прежде всего от свойств самих этих средств, находимых ими в готовом виде и подлежащих воспроизведению» (Маркс, Энгельс. Т. 3. С. 19). «Труд, – отмечает К. Маркс, – есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой...» (Маркс, Энгельс. Т. 23. С. 188).

В аридной зоне главным условием жизни растений, животных, человека, всего органического мира является вода (Кирста, Кузнецов, 1985; Волович, 1983. С. 93–119 и др.). Течение

и ход всех физиологических процессов определяются водой (Гендерсон, 1924. С. 45). Вода является источником химических элементов, средой, обуславливающей биохимические процессы, она определяет деление и рост клеток, фотосинтез, дыхание, теплорежим, в конечном счете составляет подавляющую часть веса животных и растительных организмов (Федосеев, Плахотник, 1985. С. 4–6; Семенов, 1974. С. 155–156 и др.). «Картина видимой природы, – отмечал В. И. Вернадский, – определяется водой» (Вернадский, 1960. С. 614). «На суше, – пишет Ю. Одум, – экологически важными факторами среды являются свет, температура и вода...» (Одум, 1975. С. 151).

Исключительная и определяющая роль воды как всеобщего и универсального условия жизнедеятельности живой материи, тем более в аридной зоне в условиях засухливости и ее нехватки, обуславливается тем, что ни одно биологическое существо не может жить без воды. В безводных пространствах возможно лишь ограниченное по времени – времени суток, сезону года – пребывание людей, но постоянная деятельность человека практически невозможна, ибо потери в водном балансе любого живого существа приводят к необратимым последствиям. Так, например, при температуре 40–43° у людей, получавших в сутки 1,5 л воды, безопасные сроки автономного существования ограничивались двумя сутками. После этого процесс обезвоживания развивался настолько интенсивно, что увеличение суточной нормы воды до 3,5 л оказывалось недостаточным для предотвращения дегидратационного изнурения. Когда водопотери превысят 10% от первоначальной массы тела, то наступает водное истощение, которое при температуре воздуха свыше 30° и дегидратации 15% от массы тела приводит к летальному исходу (Волович, 1983. С. 106–107).

Поскольку кочевое скотоводческое хозяйство имело место лишь в аридных зонах, то именно наличие водных источников определяло самую возможность существованияномадизма, ареал его пространственного расположения и посезонно-временного функционирования. И поскольку вода – главный лимитирующий фактор жизни человека

(Одум, 1975. С. 157), материальная субстанцияномадного хозяйства, то мы можем положить в основу типологической характеристики кочевого скотоводства всеобщий и универсальный признак-условие – систему водообеспечения и водоиспользования. Тем более, что наибольшая часть трудовых затрат в аридной зоне расходуется на обеспечение скота водой (Чогдон, 1980. С. 105). В этой связи следует заметить, что лишь немногие исследователи указывали на важную роль системы водообеспечения для типологии хозяйстваномадов (Капо-Рей, 1958; Басилов, 1973 и др.).

При этом следует учитывать, что водные ресурсы достаточно разнообразны по своей природе, следовательно, различны и формы организации процесса водопользования. Иначе говоря, имеет место сопряженность данной всеобщности с ее дифференцирующими свойствами, которые порождают пространственную специфику, а это один из главных принципов типологических характеристик (Чеснов, 1979 и др.). Основными источниками воды являлись ресурсы поверхностного стока, т. е. реки, озера, болота, ключи, карасу и т. п., и грунтовые воды. Использование снега носило кратковременный характер – в среднем 15 дней для верблюдов, 10 дней для лошадей, 20 дней для мелкого рогатого скота и 2 дня для крупного рогатого скота (Ищенко и др., 1928. С. 66), поскольку из-за отсутствия в нем минеральных солей его потребление приводило к обезвоживанию организма, потере живого веса и недостаточному восстановлению энергетических затрат в процессе тебеневки (Чогдон, 1980. С. 172).

Очевидно, что ни один из указанных типов водоисточников не являлся единственно возможным. Номады стремились использовать все типы водных ресурсов, весь потенциал среды обитания, но существовали значительные посезонные отличия в характере водоснабжения. В наибольшей степени на организацию системы материального производства влиял характер использования водных источников в период кочевания, т. е. в теплое время года (6–9 месяцев). В свою очередь, для некоторых групп казахов и почти всех монголов цикл миграций охватывал весь календарный год (Левцов, 1951. С. 110 и др.).

В этой связи прослеживаются два основных типа водопользования: преимущественно естественного и преимущественно искусственного. Первый из них имел место, главным образом, в степной и лесостепной зонах, предгорных и низкогорных районах, на альпийских и субальпийских лугах, сравнительно хорошо обеспеченных поверхностным стоком. Подпочвенные, грунтовые воды использовались человеком посредством искусственных сооружений – колодцев – самой разнообразной глубины от 1–2 до 5–10 м, а в редких случаях до 50–100 м (Толыбеков, 1971. С. 84–86, Гельдыханов, 1973. С. 75–79; Оразов, 1979. С. 30; Хозяйство казахов..., 1980. С. 68–70; Пуляркин, 1982. С. 148 и др.). Именно грунтовые воды зачастую, особенно в пустынной и полупустынной зонах, являлись основным источником, позволявшим человеку освоить крайне скудные пастбищные ресурсы (Объедков, 1986. С. 92; Зайчиков, 1974. С. 70; Пуляркин, 1982а. С. 148; Радченко, 1983. С. 34 и др.).

Вследствие этого можно говорить о двух типах кочевого скотоводческого хозяйства: естественного и искусственного водопользования.

Искусственное водопользование

Данный тип имеет место в аридных районах, характеризующихся почти полным отсутствием поверхностного стока. Этот тип природопользования позволяет людям осваивать сверхзасушливые районы, которые не могут быть использованы человеком с помощью других видов хозяйства. Кочевание этих номадов базируется на сравнительно равномерной сети водных источников искусственного происхождения, оптимальное расстояние между которыми не должно превышать 10–20 км (Ищенко и др., 1928. С. 68–70 и др.), а минимальные запасы воды должны быть достаточны для суточного обслуживания 200 голов крупного рогатого скота (там же. С. 69 и др.) либо 500–600 овец.

Для освоения подземных водоносных горизонтов необходимы немалые затраты совокупного общественного труда, а следовательно, тесная кооперация трудовых уси-

лий некоторой группы непосредственных производителей – общины (подробнее см. 5.2 и 6.1). Объем трудовых затрат зависел от расположения подземных вод и качества почвы. «Мелкие колодцы обыкновенно вырываются в несколько часов. Колодец глубиной в 4 м два человека могут вырыть на мягких породах, при усиленной работе, в 4 часа». Более глубокие колодцы с укрепленными камнем стенками строились в течение одного-двух, а иногда и более, теплых периодов (Ищенко и др., 1928. С. 65 и др.). При этом целесообразность создания искусственного водоемника определялась направленностью маршрутов кочевания, качеством растительного покрова и многими другими факторами.

Не менее трудоемким процессом, требующим совместных трудовых затрат, являлось поддержание колодцев в функциональном состоянии, поскольку стенки колодцев постоянно обваливались и обсыпались (Полетаев, 1875. С. 2–3 и др.), а сами они нередко усыхали и загрязнялись. Именно поэтому продолжительность использования большинства колодцев носила посезонный характер (Пуляркин, 1982а. С. 148 и др.). Каждый год, приходя на сезонные пастбища, кочевники первым делом восстанавливали старые либо рыли новые колодцы (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 24; Турсунова, 1977. С. 15 и др.).

«На пути кочевки, – свидетельствует А. Букейхан, – каждая скотоводческая община очищает старые колодцы или роет новые, а на летовке всегда роют новые колодцы глубиной 4–8 аршин. Скотоводческая община должна иметь столько людских рабочих сил, чтобы в день вырыть себе колодец, достаточный для своего скота. Это определяет минимум аулов скотоводческой общины: она очень мала» (Букейхан, 1927. С. 66). Отсюда формирование специфической социальной организации (см. 6.1).

Довольно трудоемким являлся процесс извлечения воды из колодцев, тем более, что объем трудовых затрат зависел от глубины водоемника. Р. Капо-Рей отмечает, что номады считают нецелесообразным использовать колодцы глубже 30 м (Капо-Рей, 1958. С. 196). Из колодцев глубже 12 м воду

стремились поднимать с помощью различных механических средств (Ищенко и др., 1928. С. 61–62; Букейхан, 1927. С. 67; Першиц, 1961. С. 30; Зайчиков, 1974. С. 92; Оразов, 1979. С. 30 и др.). На обеспечение водой вручную из неглубокого колодца отары численностью в 600–800 голов требуется 2–3 часа в день (Чогдон, 1980. С. 105). В среднем, один человек мог напоить 100 голов овец из колодца глубиной 30–40 аршин (Ахинжанов, 1955. С. 113). Три человека из неглубокого колодца могли напоить в один час 20–50 голов крупного и 100–250 голов мелкого рогатого скота (Ищенко и др., 1928. С. 63). Из глубокого колодца при одном тягловом верблюде или лошади три человека в течение часа могли напоить 8–10 голов крупного или 40–100 голов мелкого рогатого скота (там же. С. 64). При водопое больших стад работающим у колодца обычно помогали два человека для сдерживания стада. «Овец подгоняют к колодцу партиями в 15–20 голов, лошадей и верблюдов – не более 5–10 голов зараз» (там же).

При данном способе водопользования продолжительность пребывания у того или иного источника ограничивалась как качеством и количеством воды, так и запасами растительного покрова на близлежащем пастбище, охват которого зависел от расстояния оптимального выпаса различных видов скота и скорости их передвижения. Так, средний радиус выпаса от водоисточника составлял для овец: весной – 4–6 км, летом – 3–5 км, осенью – 5–7 км; лошадей: весной – 6–9 км, летом – 5–8 км, осенью – 7–10 км; крупного рогатого скота: весной – 5–6 км, летом – 4–6 км, осенью – 5–6 км и т. д. (Ищенко и др., 1928. С. 68 и др.). При большой концентрации скота номады были вынуждены двигаться с максимальной скоростью, а продолжительность стоянок была незначительна. «Переходы зависят от расстояния между водопоями и от сезона. Проходя в среднем верст по 25–30, караван может делать до сорока переходов, с передышкой от времени до времени в один-два дня» (Фиельструп, 1927. С. 104).

Очевидно, что расстояние между двумя крайними точками при данном типе кочевого хозяйства было наибольшим. Достаточно вспомнить широкоамплитудные кочевки

адаевцев, табынцев, баганалинцев, покрывавших в течение года до 2000–2500 км. При этом они находились в процессе кочевания от 60 до 125 дней в году, а число безводных остановок доходило до 50. Весной они ежедневно проходили по 10–20 верст, а осенью – по 25–45 верст (Букейхан, 1927. С. 66; Ищенко и др., 1928. С. 106; Брискин, 1929. С. 39 и др.).

Естественно, что данный тип кочевого скотоводства оказывал большое влияние на хозяйственно-культурные и социально-экономические процессы в среде номадов. При интенсивной частоте передвижений и напряженном ритме кочевания, когда рабочее время практически полностью обуславливалось режимом кочевого хозяйства, времени на нескотоводческие занятия почти не оставалось.

В данных условиях, например, земледелие из-за отсутствия поверхностного стока и скотоводческой специализации было практически невозможно. Все хозяйственное время и производственные потребности покрывались нуждами и интересами кочевого скотоводства. В этой связи тонкий знаток кочевого быта А. Букейхан не без юмора заметил: «Адай занимается скотоводством и скотом поработен до такой степени, что не скот нужен адаю, а сам адай живет лишь для того, чтобы пасти, поить, караулить от конокрадов и волков... свой скот» (Букейхан, 1927. С. 72).

При этом вполне понятно, что в структуре стада преобладали более подвижные виды животных (лошади, верблюды и овцы) (Фиельструп, 1927. С. 82–104 и др.). Очевидно и то, что весь комплекс предметов материальной культуры полностью адаптирован к более интенсивному ритму кочевания (поселения на кратковременных остановках – аулы, жилища – преимущественно юрта и ее разновидности, иногда просто кереге, накрытые кошмами, пища – продукты скотоводства и т. д.). Весь образ жизни обусловлен данным режимом хозяйственных занятий (Букейхан, 1927; Фиельструп, 1927; Руденко, 1927; Ищенко и др., 1928; Брискин, 1929 и др.).

Не меньшее воздействие данный тип хозяйства оказывал на социальную организацию и производственные отношения в среде номадов. Доминирующее значение системы

водопользования в процессе материального производства обусловило преобладающую роль так называемой расширенной общины (см. 6.1).

«Два или три родственных пастушеских аула, – свидетельствуют источники, – круглый год кочуют вместе, сообщая пользуются водопоем, пастбищами... сообщая нанимают конного и верблюжьего табунного пастуха» (*Букейхан*, 1927. С. 64). «Адаевский аул или община кочует всегда вместе в пути с юга на север или обратно, а летом на севере, зимою на юге кочует вместе, пока состояние пастбища благоприятствует этому, т. е. на данном пастбище добреют, нагуливаются все виды скота» (*там же*. С. 66–67).

Что же касается системы социально-экономических отношений (подробнее см. главу 7), то здесь господствовали отношения собственности на воду. Труд, затраченный на создание искусственного водоисточника, определял доминанту общинного водопользования, а следовательно, и общинного землепользования (МКЗ. Т. IV. Описание... С. 96, 98; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 90, 92–93 и др.).

«Шынграу, как и другие колодцы и водопои – такыры, хак на кочевых путях и реки и речки на северной летовке, находятся в общем пользовании рода адай и табын, т. е. целого уезда, с той только разницей, что при прочих равных условиях шынграу первым пользуется тот, кто заплатил за его устройство, при его отсутствии ближайшие его родственники, при отсутствии же их следующий по родству до самого Адая (18 колена)» (*Букейхан*, 1927. С. 67–68). «Все преимущество лиц или родов, вырвавших колодцы, заключается в очереди водопоя: хозяин колодца имеет преимущественное обычное право поить свой скот в первую очередь...» (*Ищенко и др.*, 1928. С. 65).

В условиях ограниченности водных ресурсов, когда запасов воды в колодце едва хватало, чтобы напоить одну отару овец, право «первого водопоя» фактически означало монополию на воду некоторой группы лиц. Вследствие этого мы вправе говорить о строгой регламентации отношений собственности на воду и опосредствованно – также на землю, поскольку на необводненных пастбищах кочевание невозможно (*Ахинжанов*, 1955. С. 113 и др.).

Таким образом, тип искусственного водоснабжения, существование которого было обусловлено засушливостью климата, отсутствием поверхностного стока, характеризуется значительными особенностями как в плане организации процесса производства в сфере скотоводческого хозяйства и системы кочевания (более подвижная структура стада, высокий процент верблюдов, минимальное число крупного рогатого скота, повышенный ритм, частотность и амплитуда миграций, кратковременность стоянок, отчасти круглогодичный цикл кочевков, абсолютно наибольшая доля трудовых затрат расходуется на обеспечение скота водой и т. д.), так и в аспекте материальной культуры и нескотоводческих занятий (минимальная роль стационарного жилища, почти полное отсутствие земледелия, рыболовства и т. п.).

Вследствие глубочайшей специализации данного типа хозяйства прослеживаются особенные черты и свойства в образе жизни, системе производственных отношений, социальной организации, психологии и ценностных ориентациях, порождающих высокий статус *кошпелі* (кочевника) и всеобщую тенденцию номадизации (*Брискин*, 1929. С. 54 и др.).

Естественное водопользование

Второй тип предложенной схемы локализуется в степных зонах, предгорных и высокогорных районах, речных и околоозерных долинах и основывается на хозяйственном использовании *водных источников естественного происхождения* (рек, озер, карасу, ключей, болот и т. п.) и летних атмосферных осадков. Интересно, что кочевники-казахи, проживавшие в предгорной и низкогорной полосе, зачастую не имели о колодцах ни малейшего представления. Удельный вес хозяйств данного типа был особенно значителен в Восточном и Северо-Восточном, а также в степях Центрального Казахстана. Так, в Акмолинском уезде доля естественных водоемов в структуре водоснабжения превышала 66% (МКЗ. Т. III. Ч. II. Общая часть. С. 95).

Очевидно, что при кочевании вдоль водных артерий либо по водоразделам, либо от одного естественного водоема до другого интенсивность движения, особенно в предгорных районах, была гораздо меньшей, нежели при кочевании по колодцам. Это обусловлено прежде всего большими запасами воды в естественных источниках, позволявших неоднократно поить скот; большей продуктивностью растительного покрова в степной и лесостепной зоне, предгорной и низкогорной полосе, обеспечивавшей большую кормовую емкость пастбищных ресурсов; большей густотой речной сети, наличием ключей, карасу и болот, не требовавших длительных и частых перекочевов и т. д.

Вследствие этого имеют место более продолжительные стоянки, а ритм кочевания носит более медленный и равномерный характер. Так, средний радиус кочевов в Акмолинском уезде не превышал 20–50 км в один конец, а количество остановок – 3–10 (МКЗ. Т. III. Ч. I. Табл. Б, Е). Кочевки в летний период года в среднем не превышали 12–15 верст в день (МКЗ. Т. II. С. XXIII). Иначе говоря, если для хозяйств первого типа время пребывания у водоисточника определяется преимущественно запасами воды, то для второго типа – помимо воды – не меньшую роль играют кормовые ресурсы.

Таким образом, режим кочевания, интенсивность и ареал движения у одних определялся, главным образом, расположением колодцев и запасами воды в них, тогда как у других почти в равной мере диктовался целесообразностью системы выпаса и возможностью утилизации растительного покрова. Сравнение ритмо-режимных характеристик обоих типов номадизма в Казахстане показывает, что в первом случае выше время и интенсивность движения, тогда как во втором, наоборот, заметно выше время покоя.

При этом кочевники обоих типов могли дифференцироваться также по видовому составу стада (см. 3.1). Так, например, в более плодородных районах с развитым поверхностным стоком, таких, как Актобинском, Кустанайском и Павлодарском уездах, доля крупного рогатого скота была намного выше и составляла соответственно 33, 23 и 30%, а овец значительно меньше – 46,2, 44,6 и 38,3%, чем в Каркаралинском

и Атбасарском уездах со значительно более засушливым климатом, в которых доля крупного рогатого скота составляла соответственно 10 и 8,7%, а овец – 68,8 и 64% (МКЗ. Т. II. С. XX).

Различия могут также прослеживаться в организации системы зимнего выпаса, в частности, для хозяйств первого типа более присуще пребывание в безводных и зачастую бесснежных местах, а следовательно, круглогодичное кочевание (Курылев, 1979 и др.). Для хозяйств второго типа свойственно стационарное зимование от 3 до 6 месяцев, а вследствие этого наличие большого числа стационарных жилищ, в частности каменных, деревянных, сырцовых и дерновых домов, а также таких предметов материальной культуры, которые не подлежали транспортировке и т. п.

Для рассматриваемого нами типа «естественного водопользования» присуще иное отношение к занятию земледелием и рыболовством, а также к различного рода промыслам и ремеслам. При кочевании по рекам и озерам вполне закономерно занятие различного рода нескотоводческими промыслами, особенно земледелием, которое получает известное развитие там, где природно-климатические условия благоприятствуют его культивированию (Маргулан, 1950; Макаров, 1959; Аполлова, 1960; она же, 1969; Андрианов, 1969; Семенюк, 1974; Хозяйство казахов..., 1980. С. 137–166 и др.). Очевидно и то, что при кочевании по колодцам говорить о занятии земледелием весьма проблематично.

Данный тип хозяйства, связанный с утилизацией поверхностного стока, характеризуется меньшими затратами кооперированных форм труда, поскольку не было необходимости создавать и реконструировать искусственные источники воды, на что расходовалась наибольшая часть рабочего времени в экстрааридной зоне (Чогдон, 1980. С. 105 и др.). Несмотря на это, процесс обеспечения скота водой и в этом случае был достаточно трудоемким. Как свидетельствуют очевидцы, «из открытых водоемов пойка скота идет быстро, но при значительных партиях в 500–1000 овец требуется много усилий сдерживать скот и пускать его на водопой небольшими партиями. Обычно 2–3 человека в один час могут напоить от 300 до 500 овец».

Поили следующим образом: «В первую очередь небольшими партиями в 10–15 голов поят верблюдов, которые пьют очень осторожно, не входят в воду и не взмучивают ее. Во вторую очередь, так же партиями в 10–15 голов, поят лошадей, очень брезгливых ко взмученной воде, иногда лошадей по этой причине поят раньше верблюдов. Обычно лошади значительно взмучивают воду. В последнюю очередь, партиями в 15–20 голов, поят овец и коз, очень мало разборчивых к воде. Овцы и козы постоянно взмучивают воду ногами» (Ищенко и др., 1928. С. 64).

Вследствие этого имеют место и иные формы социальной организации, в частности общины. И если при кочевании по колодцам преобладала расширенная община, то во втором случае наблюдался паритет двух форм общины (подробнее см. 6.1). В целом, кочевали большими группами хозяйств (Броневский, 1830. Ч. 43. Кн. 123. С. 74). При этом размеры котана (отары овец) и коса (табуна лошадей) были значительно большими. Так, например, в Акмолинском уезде в группах, кочевавших в поймах рек, насчитывалось в среднем до 93,8 хозяйств, тогда как в группах, кочевавших в горах – 53,8, в степи – 37,8 хозяйств (МКЗ. Т. III. Ч. II. Общий очерк. С. 131).

Что же касается системы производственных отношений и прежде всего отношений собственности, то в рассматриваемом нами случае также налицо значительная специфика. В отношении естественных водоемов действовало так называемое «право первозахвата» (Баллюзек, 1871. С. 150–151; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 87, 93 и др.), согласно которому, пришедший на пастбище или к водоему первым использовал их в интересах своего скота и никто не мог прикочевать к нему ближе двух верст (подробнее см. 7.1 и 7.2). На этой основе формируется специфическая система социально-экономических отношений.

Иначе говоря, в районах с относительно развитым поверхностным стоком (реки, озера, ключи, карасу, болота и т. п.) функционирует номадный тип естественного водопользования. Специфические черты и признаки его прослеживаются как в сфере производства (особенности системы

кочевания, организации процесса водопользования и скотоводческого хозяйства, выпаса и практики нескотоводческих занятий и т. д.), так и образа жизни (иная структура затрат рабочего времени, большая концентрация трудовых и материальных ресурсов, преобладание стационарного жилища и оседлого зимования и т. п.). Налицо дифференциация в формах социальной организации, поскольку ниже доля коллективного труда по организации системы водоснабжения; иные формы общественных отношений, в частности, господство «права первозахвата» и т. д. А отсюда и отличия в психологии и системе ценностных ориентаций.

***

Таким образом, анализ жизнедеятельности кочевников-казахов со всей очевидностью свидетельствует, как минимум, о наличии двух типов кочевого скотоводческого хозяйства, дифференциация которых обуславливалась различиями в характере водообеспечения. С одной стороны, в засушливых районах имеет место тип искусственного водообеспечения с помощью каптажа водных ресурсов из подземных горизонтов. С другой, в условиях относительно развитой озерно-речной сети в степной, предгорной и горной зонах культивируется тип естественного водопользования. Различия складываются из неадекватной системы организации общественного производства и неодинаковых затрат на водообеспечение.

На этой основе формируется специфическая комбинация социо-культурных признаков. В зависимости от характера системы водопользования происходит дифференциация в формах скотоводческого хозяйства, структуре стада, соотношении различных форм коллективного труда, направленности и ареале, протяженности и ритмо-режимных характеристиках процесса кочевания, культивировании нескотоводческих занятий и прежде всего земледелия и т. п. Вследствие этого прослеживаются особенности в формах социальной организации, системе социально-экономических отношений и отношений собственности, а также в материальной культуре и ценностных ориентациях (Масанов, 1989 и др.).

Глава 4. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦИКЛ

Природно-климатические условия среды обитания определили посезонный характер использования пастбищных угодий и организации общественного производства. И поскольку выбор территории выпаса скота был жестко экологически детерминирован конкретными особенностями географической среды, то вполне закономерно, что сезонная специфика производственного цикла определялась необходимостью оптимальной организации системы производства в зависимости от сезонного ритма природных процессов. При этом использование пастбищных угодий обуславливалось взаимосвязанными процессами выпаса скота в течение всего производственного цикла.

В этой связи известным знатоком кочевого быта А. Джантюриным было очень точно замечено: «Для того же, чтобы скот мог протепеневать зиму, он должен летом достаточно нагуляться – запастись жиром на зиму; это достигается при просторе летовок и достаточности на них кормов... Поэтому простор и свобода летовок (жайлау) суть первые условия киргизского хозяйства... Если летовки стеснены, скот не может достаточно нагуляться... и чтобы он еще более не исхудал, – является необходимостью преждевременно перебираться осенью к окрестностям зимовых стойбищ (кюздик). Скот, не набравшийся, как следует, жира летом и не укрепленный пастьбою на кюздике, не может долго тепеневаться, быстро тощает... Недостаток которого либо из этих трех угодий не может быть возмещен самыми высокими качествами другого; например, недостаток кормов на

тебеневках, как бы просторны ни были летовки, повлечет за собою нарушение гармонии в кочевом хозяйстве, т. е. приведет киргиза к разорению» (Джантюрин, 1883. С. 16–17).

Наряду с этим следует отметить, что сам факт посезонной организации процесса производства, а следовательно, посезонного использования пастбищных угодий, является ярким доказательством естественно и объективно существующей системы регулирования поземельных отношений в масштабах всего кочевнического общества. Природные условия, считают авторы «Материалов по киргизскому землепользованию», «...создают необходимость в последовательной и систематической смене пастбищ, что возможно лишь при урегулированном землепользовании» (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 87).

Интересно и мнение такого знатока, как П. Медведский: «При пользовании пастбищами киргизы соблюдают известную последовательность: иные места вытравливаются прежде, другие позже, а третьи исключительно назначаются на зиму. Это заставляет киргизов делать частые, нередко очень значительные переходы с одного клочка земли на другой; такие переходы на первый взгляд чисто произвольные, но в сущности строго определенные...» (Медведский, 1862. Ч. 80. Август. Отд. II. С. 287 примеч.).

В этой связи А. Е. Алекторов заметил, что «переходы киргиз настолько точны и регулярны, что можно заранее сказать, где можно найти какой-нибудь из их кочевых аулов в любой день в году» (Алекторов, 1886. № 22). Иначе говоря, фактор зональности и посезонной продуктивности растительного покрова детерминировал свойственную всемномадам Евразии и Северной Африки закономерность замкнутого цикла кочевания по строго определенным маршрутам в рамках природно регулируемых процессов. Так называемый «незамкнутый» цикл кочевания, т. е. выпас скота при неурегулированном землепользовании, находился в противоречии с географическими условиями и поэтому не мог иметь места в реальной жизни, за исключением лишь экстремальных периодов, таких как война, джун и т. п. (Хазанов, 1975; Марков, 1976; Кадырбаев, 1980 и др.).

4.1. ВЫПАС СКОТА В ЗИМНИЙ ПЕРИОД

Природные ресурсы среды обитания и необходимость обеспечения жизнедеятельности кочевого общества определили особую ценность зимних пастбищ и зимнего периода в организации производственного цикла. Это было связано в первую очередь с исключительной суровостью климатических условий в зимний период, когда вероятность гибели скота была наибольшей из-за низкой кормовой продуктивности растительного покрова, необходимости ежедневной тебеневки, обильных снегопадов, сильных ветров и т. п. Вследствие этого номады предъявляли особые требования к выбору зимних пастбищ, от которых зависела возможность существования кочевого скотоводческого хозяйства. В процессе экологического освоения среды обитания и природопользования номадами была выработана система зимнего выпаса скота, позволявшая обеспечивать как жизнедеятельность кочевников-скотоводов, так и воспроизводство стада.

Зимние пастбища номадов Евразии за редким исключением располагались на юге кочевых ареалов в зоне пустынь и полупустынь (Бичурин, 1950. С. 185; Руденко, 1927. С. 8; Козьмин, 1934. С. 12; Маргулан, 1950. С. 74–75; Першиц, 1961. С. 31; Ниязклычев, 1963. С. 61; Семенюк, 1969а. С. 129; Оразов, 1978. С. 71; он же, 1985. С. 104–112; Тургиев, 1977. С. 8; Эрдниева, 1980. С. 126–128 и др.). «Именно зимою они спускаются к югу в более теплые страны, – свидетельствует Г. Рубрук, – летом поднимаются на север, в более холодные» (Карпини, Рубрук, 1957. С. 91). «...Летом, – отмечает И. Г. Георги, – пребывают наиболее в лежащих ближе к северу, а зимою в склонившихся больше на юг степях» (Георги, 1799. С. 126).

В предгорной полосе зимние пастбища располагались на равнине, иногда в 200–300 км от гор, преимущественно в низовьях рек, вблизи озер, речных долинах, низкогорных районах либо в безводных пустынях. На севере Казахстана и во Внутренней орде изредка встречались зимовки, расположенные на севере региона в степной либо лесостеп-

ной зоне (Медведский, 1962. Ч. 80. Август. Отд. II. С. 296). «Одна часть киргиз, – пишет А. К. Гейнс, – имеет свои зимовки в южной части степи между песчаными холмами, а также вдоль рек, изобилующих камышами и кустарниками, другая часть их, приближаясь к северу, скрывается на зиму в густых лесах, близ рек...» (Гейнс, 1898. С. 60).

Преобладающее расположение зимних пастбищ на юге кочевых ареалов было обусловлено прежде всего минимальной продолжительностью зимнего периода (2–3 месяца), более теплым климатом, меньшей вероятностью суровых метелей и буранов, сильных снегопадов, большей продуктивностью растительного покрова (особенно полыней, эфемеров, злаков осенней вегетации), достигавшего в это время своей наивысшей кормовой производительности и т. п.

Выбор зимних пастбищ в значительной степени был ориентирован на оптимальный выпас мелкого рогатого скота, составлявшего основу хозяйства кочевников Евразии. И поскольку овцы могли самостоятельно тебеневаться лишь при глубине снежного покрова в 10–12 см, то северная граница зимних пастбищ определялась данной изогией атмосферных осадков (Федорович, 1973 и др.). «Для тебеневок (зимней пастбы), – свидетельствуют очевидцы, – выбирают ордынцы такие места, где не только слой снега тоньше, но и травы невытравлены, и где снег, выпадая позже... сходит ранее» (Медведский, 1862. Ч. 80. Август. Отд. II. С. 291).

На зимних пастбищах, сообщает А. Джантюрин, «трава должна быть густая и высокая; ...когда травы редки и низки, скотине потребно очистить ногами от снега гораздо большую площадь... чтобы насытиться; она теряет больше времени и сил на механическую работу, отчего скорее утомляется и начинает худеть» (Джантюрин, 1883. С. 17–18).

«Чтобы место, выбранное для зимовки, соответствовало своей цели, оно должно удовлетворять следующим условиям», – отмечает П. Медведский. «Оно должно: а) быть хорошо защищено от ветров; б) быть покрыто не слишком толстым слоем снега; в) заключать под слоем снега траву; д) иметь, по возможности, самые удобные водопои; е) да-

вать возможность собирать топливо в большом количестве и без излишних трудов и f) находиться вблизи зимних запасов сухого фуража, сена или камыша» (Медведский, 1862. Ч. 80. Август. Отд. II. С. 290).

Вследствие этого зимовки в основном располагались в долинах рек, среди холмов и возвышенностей, поскольку считалось, что изрезанный, пересеченный рельеф – наилучшее пастбище в зимний период года (Левшин, 1832. Ч. III. С. 26; Бларамберг, 1848. С. 25, 29, 67, 75–88, 93–94; Балицкий, 1873; МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 38–41; Описание... С. 86, 98, 99, 102, 111, 114, 123–126; МКЗ. Т. XI. Объяснительная записка. С. 9–10; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 10, 88, 100; МКЗ. Казалинский уезд. С. 57, 107–108, 129–131, 134–135; МКЗ. Перовский уезд. С. 27; МКЗ. Чимкентский уезд. С. 125–127 и др.).

В теплую и безветренную погоду скот выпасали на возвышенностях, наветренных сторонах склонов и холмов, в холодную погоду – в лощинах, камышах, кустарниках и т. д. Последовательное использование зимних пастбищ в зависимости от рельефа местности позволяло увеличивать их кормовую емкость. Именно поэтому более заснеженные участки использовались под выпас в начале и в конце зимы, а степные понижения, северные склоны сопков, холмов и возвышенностей, подошвы гор – в середине зимы.

«Лучшими тебеневочными местами, – отмечает А. Джантюрин, – считаются такие, где скот может находить защиту от ветров и буранов, как, например, долины рек, горы, лесистые места...» (Джантюрин, 1883. С. 18). Широко использовались пастбища на солонцах, где снег быстрее стаивал, а также безводные районы пустынь (Вяткина, 1960. С. 164; Козьмин, 1934. С. 12 и др.). «В местах, удобных для пастбища, но лишенных воды, они пасут стада зимою, – сообщает Г. Рубрук, – когда там бывает снег, так как снег служит им вместо воды» (Карпини, Рубрук, 1957. С. 91). Так, например, в Зайсанском уезде около 23% всех зимних пастбищ было расположено в безводных местах (МКЗ. Т. VIII. Специальная часть С. 6–7).

Характерной особенностью зимнего периода для кочевников-казахов являлось стационарное пребывание на одном месте в течение всей зимы (Левшин, 1832. Ч. III. С. 23; Певцов, 1951. С. 110 и др.), составлявшей в среднем по Казахстану 3–6 месяцев – с ноября (декабря) по март (февраль). Объяснялось это тем, что кочевание в зимний период года было ограничено не только природными условиями среды обитания (снежный покров, холода, ветры, скудный травостой, резкие перепады температуры воздуха и т. п.) и биологией скота (большие энергетические затраты на тебеневку, на восстановление сил в холодное время года, меньшая усвояемость кормов из-за их малой продуктивности и замены снегом водных ресурсов, замедленное передвижение по снежному покрову, обязательная организация ночлега для мелкого и крупного рогатого скота и т. п.), но и тем, что выполнение всех необходимых трудовых операций в течение короткого зимнего дня при регулярных перекочевках было практически невозможным.

Именно поэтому казахские номады в зимний период года почти не кочевали и все время находились на стационарно устроенном стойбище (*кыстау*). Так, С. Броневский свидетельствует, что «всякая волость и аул зимуют на одних местах», а летом непременно кочуют (Броневский, 1830. Ч. 43. Кн. 123. С. 72, 75). «В таковых скитаниях, – сообщает Я. Гавердовский, – проводят киргизцы три времени года, т. е. весну, лето и осень; а зимою остаются... всегда почти до весны на одном месте» (Гавердовский, 1803. Л. 68). Он же уточняет, что «в зимние месяцы они уже не перекочевывают» (КРО, 1964. С. 162).

«...Все они, – отмечают К. Струве и Г. Потанин, – безусловно ведут кочевую жизнь только летом, зиму же проводят оседло...» (Струве, Потанин, 1867. С. 376, 389). «В продолжение зимы, – указывает П. Медведский, – киргизы... по большей части живут оседло...» (Медведский, 1862. Ч. 80. Август. Отд. II. С. 288). «Киргизские кстау, – свидетельствуют «Материалы по киргизскому землепользованию», – яв-

ляются зимовниками в хозяйственном отношении и местами полугодового оседлого пребывания кочевника в бытовом» (МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 33).

Вследствие этого *номады проводили зимнее время года на традиционных зимовках, которые передавались по наследству от общины к общине, от индивида к индивиду* (подробнее см.: 6.1, 6.2 и др.). «Всякое отделение, – свидетельствуют источники, – для зимних кочевьев имеет определенные места, а частью и для летних, и владеют оными, как собственностью» (КРО, 1964. С. 158). «К зиме, – уточняют Пospelов и Бурнашев, – возвращаются на неперменные свои места...» (*там же*. С. 150). Зимой, указывает С. Броневский, никто не занимает чужого места (*Броневский*, 1830. Ч. 43. Кн. 123. С. 74–75). Казахи, отмечает Ю. Гагемейстер, «на зиму обыкновенно возвращаются к однажды избранному стойбищу» (*Гагемейстер*, 1854. Ч. II. С. 307–308). «Зиму они со своими стадами, – сообщают практически все источники, – проводят на одном определенном месте» (МКЗ. Т. IX. Специальная часть. С. 51. См. также: *Гейнс*, 1897. Т. I. С. 60; МИКХ. С. 217 и др.).

Правда, были отдельные группы кочевников, которые и в зимнее время года продолжали кочевать. В основном это характерно для тех *номадов, которые зимовали в песках либо бесснежных местах* (*Сласский*, 1820. Ч. 9. Кн. 2. С. 89; МКЗ. Т. II. С. VI; *Певцов*, 1951. С. 110; *Hudson*, 1938. P. 29–31, etc.). В этом случае кочевали от колодца к колодцу или радиально вокруг основного водоисточника. Если же кыстау было расположено далеко в песках, то до середины зимы двигались вглубь песчаных массивов, а к концу зимнего периода кочевали обратно, чтобы после схода снегов покинуть их. В этом случае меняли место стоянки один раз в 15–25 дней (МКЗ. Чимкентский уезд. С. 126). По данным В. П. Курылева, адаевцы зимой кочевали 3–4 раза в месяц (*Курылев*, 1979. С. 167). Большая же часть кочевников в этот период года проживала оседло на стационарных зимовках. Как свидетельствует М. Чорманов, «киргизы меняют зимовки (зимнее пастбище) только при самой крайней необходи-

мости, как-то: во время напольных пожаров, случающихся в осеннее время, или неурожая трав вблизи зимовки и, наконец, при гололедицах» (*Чорманов*, 1906. С. 3).

Выбор и использование пастбищных угодий в зимний период года, как и организация общественного производства, основывались прежде всего на системе *раздельного выпаса скота* (*Андреев*, 1796. Ч. 116. С. 73–79; *Загряжский*, 1872. № 29; МКЗ. Чимкентский уезд. С. 125–126; МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 176; МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 39; Описания... С. 99, 125; *Руденко*, 1927. С. 9; Овцеводство Казахстана, 1968. С. 20; *Семенюк*, 1969а. С. 133–134; *Аполлова*, 1976. С. 208 и др.). Преобладание системы *раздельного выпаса скота* было обусловлено как возможностью только лишь *однократного использования пастбищных угодий* из-за скудости растительного покрова, так и неэффективностью *совместного выпаса животных*.

Так, например, после крупного рогатого скота, верблюдов и лошадей выпас овец был практически невозможен: *крупные животные оставляли глубокие следы в снегу, которые на морозе затвердевали и препятствовали выпасу овец* (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 39; Описания... С. 125 и др.). «Всякое пастбище, где был кос, в течение одной ночи крепко затвердевает и выходит из фонда пастбища текущей зимы» (МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 55). В свою очередь, мелкий рогатый скот при неглубоком снежном покрове почти полностью *вытраивал растительность, в результате чего выпас крупных животных после овец терял всякий смысл* (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 39; Описания... С. 125 и др.). В тех случаях, когда глубокий и плотный слой снега препятствовал выпасу скота, пастбище *расчищалось от снега вручную*. В этом случае для овец, в основном, снимали лишь верхний слой снега или слегка рыхлили его, тогда как для крупного рогатого скота было необходимо полностью очистить все пастбище (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 87 и др.).

Раздельный выпас скота был также обусловлен и экологическими факторами. «Разные виды скота, потребляющие разные корма и в разных местах, – отмечает по этому поводу

Г. Ф. Радченко, – существенно снижают экологический риск. Все это отражает понимание скотоводами тонкостей экологической обстановки и их стремление наилучшим образом использовать имеющиеся в их распоряжении ресурсы» (Радченко, 1983. С. 139. См. также: Никифоров, 1974. С. 210–211 и др.). Раздельный выпас скота позволял заполнять различными животными разные экологические ниши. Поэтому в зависимости от количества и удельного веса того и иного вида скота номады организовывали соответственно и его выпас.

При большом количестве верблюдов в общине в зимний период их выпасали на отдельных пастбищах (*Добросмыслов*, 1895а. С. 233 и др.), если было много крупного рогатого скота, то и он выпасался отдельно (*Балицкий*, 1873; *Чорманов*, 1906. С. 4 и др.). Нередко общины обменивались скотом. Те из них, которые зимовали в низкогорных районах, брали на выпас овец у своих соседей, а те, в свою очередь, располагаясь на равнине, брали на выпас крупный рогатый скот и верблюдов (МКЗ. Т. II. Объяснительная записка. С. 12 и др.).

В зимний период года, как мы уже отмечали, пастбищные угодия выбирались применительно к условиям выпаса овец (*Добросмыслов*, 1895а. С. 180 и др.). При этом овцы, отличаясь наибольшей приспособленностью к скудным ресурсам среды обитания, предъявляли минимальные требования к условиям выпаса.

Зимой овец одного аула объединяли обычно в общую отару (*котан*), но «предел, до которого киргиз-скотовод может увеличить свое овечье стадо, – сообщают источники, – ограничен сравнительно незначительной площадью пастбищ, расположенных вокруг его зимовки» (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 132), а также условиями оптимального выпаса (МКЗ. Т. V. Очерк. С. 12). Размеры котана колебались в диапазоне от 200 до 300–400 и в редких случаях до 500–600 голов. При большем числе овец слабым и больным животным, молодняку и овцам, ждущим потомство, не хватало бы корма (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 40; МКЗ. Т. V. Очерк. С. 11–12; МКЗ. Т. VII. Общий очерк. С. 19; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 45 и др.).

При наличии большего числа овец в общине составлялось несколько зимних отар, которые дифференцировались по половозрастному составу и физическим кондициям и выпасались раздельно (МКЗ. Т. II. С. XXV и др.). Во время сильных снегопадов овец делили на мелкие отары по 100 голов (МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. 3 и др.). Невозможность превышения лимита скота на единицу пастбища каждый раз регулировала размеры отары овец и определяла нормы выпаса животных в зависимости от конкретных условий среды обитания.

Обязательным условием выпаса овец был их пригон на ночь в расположенные вблизи зимовки укрытия (*кора*). «По ночам овцы не пасутся, – гласит народный опыт, – и на ночь их обязательно загоняют во дворы; поэтому отгон овец на сколько-нибудь значительные расстояния от зимовок немыслим» (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 132). Поэтому номады устраивали вблизи кыстау специально огороженные и защищенные укрытия для скота из камня, дерева, камыша, дерна, хвороста (МКЗ. Т. I. Приложения. С. 34; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 51; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 132, 160; МКЗ. Чимкентский уезд. С. 177 и др.), кошем, натянутых на вертикально поставленные жерди (*Тяукин*, 1861. С. 323; *Медведский*, 1862. Ч. 80. Август. С. 292; МКЗ. Т. II. С. XXVI и др.), или ставили юрты (МКЗ. Т. II. С. VI, XXVI и др.). «Для скота, – свидетельствует А. К. Гейнс, – устраиваются загонны... для молодого скота нередко приспособляются крытые помещения и даже землянки, а самый нежный скот помещается в кибитках вместе с людьми» (*Гейнс*, 1897. С. 60).

Оберегая пастбище от бессистемного истребления, поскольку «там, где раз прошла овца, она не в состоянии уже на другой день добыть себе корма, хотя травы осталось бы и много, так как по следам снег сильно затвердевает, и его трудно уже пробить копытом» (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 147. См. также: МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 45 и др.), номады выпасали строго по радиусу от зимовки равномерными полосами (МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 91; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 83, 104, 147 и др.). При этом в сторону от

зимовки овец пускали на уже использованную полосу, а обратно – плотной группой по новой полосе (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 38–39 и др.). В плохую погоду овец пасли против ветра, полагая, что при буране они сами придут в аул (*там же*. С. 39). Пастбище занимало территорию, которая определялась расстоянием дневного перехода овцы зимой – 3–4 км. «Таким образом, зимнее овечье пастбище (*кой тебен*) каждого отдельного аула занимает лишь такую площадь вокруг зимовок, радиус которой ни в коем случае не может превышать двух верст» (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 132).

Однако в хорошую и малоснежную погоду номады выпасали овец подальше от зимовок, используя пастбища по периферии кыстау (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 38; Описание... С. 85–86. 97–98; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 45; Примеч... С. 16, 20, 23, 30–31, 52 и др.). Поэтому зимние пастбища нередко подразделялись, во-первых, на пастбища, расположенные вблизи кыстау, на которых пасли молодняк и слабый скот, а остальных животных – лишь во время буранов и сильных снегопадов; во-вторых, на пастбища, удаленные от зимовок на 2–3 км и с хорошим растительным покровом, на которых пасли скот в ясные морозные дни и, в-третьих, на пастбища, расположенные сравнительно далеко от зимовок с редкой низкорослой травой, где скот выпасался только в теплую хорошую погоду (МКЗ. Т. IV. Описание... С. 124; МКЗ. Т. I. Приложения. С. 9; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 45 и др.).

Если сильный ветер выравнивал или сдувал снежный покров на уже использованном пастбище или при потеплении он стаивал, то кочевники старались повторно выпасать овец на таких пастбищах, поскольку на глубоком снегу животные использовали травостой неполностью, потребляя его лишь отдельными гнездами. Но при неглубоком снежном покрове овцы уже после однократного выпаса почти целиком вытравливали растительность (МКЗ. Т. IV. Описание... С. 125 и др.). Как видно из приведенных данных, система зимнего выпаса мелкого рогатого скота была направлена на максимальную утилизацию природных ресурсов среды обитания.

Выпас крупного рогатого скота в зимний период года во многом был связан с системой выпаса овец и также основывался на использовании пастбищных угодий вокруг зимовки. Если крупный рогатый скот составлял значительную долю в составе стада, то тогда его выпасали отдельно от овец, нередко на обособленных пастбищах (МКЗ. Т. II. Объяснительная записка. С. 12; МКЗ. Т. IV. Описание... С. 125 и др.). Но поскольку, в основном, преобладал мелкий рогатый скот, то крупный чаще всего выпасали вслед за ним (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 39; Описание... С. 125; *Добросмыслов*, 1895а. С. 178–182 и др.) либо на тех участках, которые из-за глубокого снега или каких-то других причин были недоступны овцам (МКЗ. Т. IV. Описание... С. 99 и др.). При этом крупный рогатый скот, который не мог самостоятельно теневаться, выпасали только там, где над снегом росла высокая трава. Система выпаса верблюдов в зимний период года во многом носила аналогичный характер (*Добросмыслов*, 1895а. С. 232–233; *Фиельструп*, 1927. С. 89–90 и др.).

Важной особенностью зимнего выпаса являлась обособленная пастьба лошадей. «Общее правило... при зимней пастьбе это то, что лошадей стараются не держать при кстау, а как можно раньше отгонять на дальние пастбища и попозднее пригонять назад» (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 44). Это было обусловлено тем, как мы уже отмечали, что «для кстау выбирают в большинстве случаев места, удобные для пастьбы именно овец, требующих свободных от снега пастбищ, хотя бы со скудной реденькой растительностью. Лошади же, как раз наоборот, нуждаются в пастбище с густой, высокой травой, ибо они умеют доставать корм даже из-под глубокого снега, лишь бы он не был тверд, а на скудном овечьем пастбище лошадь не наестся, на что указывает и киргизская поговорка... «что одной лошади надо, тем 100 овец сыты будут» (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 47). Поэтому «отгон лошадей прямо-таки обязателен для каждого хозяина, ибо каждая лишняя лошадь, оставленная на кстау, идет в ущерб прочему скоту» (*там же*).

На осенних пастбищах после первых снегопадов кочевники обычно начинали объединять своих лошадей в общие табуны (кос). Как правило, кос составлялся до начала общего перехода номадов на зимние пастбища (Чорманов, 1906. С. 4; МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 84; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 125; МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. I; МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 55; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 155 и др.). Вследствие этого на территории, прилегающей к кыстау, лошадей в зимний период года никогда не пасли. В момент всеобщей перекочевки на зимовку из стада выделялись табуны лошадей и их отгоняли обратно на север в районы летних пастбищ на расстояние до 100–200 и более верст.

Иначе говоря, если, в целом, казахскому кочевому хозяйству было свойственно меридиональное направление миграций и замкнутый цикл кочевания с севера на юг осенью и с юга на север весной, то для косов характерны скорее круговые движения вокруг летних пастбищ (Красовский, 1868. Ч. 2. С. 23; Добросмыслов, 1895а. С. 21, 88, 90; МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. I; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 47; МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 55; Барминцев, 1958. С. 44; Семенюк, 1969а. С. 133–134; Аполлова, 1976. С. 208 и др.). «А это дает возможность киргизу в зимнее время пользоваться пастбищами, расположенными на далеких джайляу, дает возможность увеличивать свои конские табуны до пределов, которые обуславливаются лишь вместимостью всех пастбищ данной территории» (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 131).

Зимний отгон конского поголовья определяется тем, что лошади предпочитали разнотравно-злаковую растительность, произрастающую, в основном, в степной и лесостепной зонах, а также тем, что их выпас был возможен на пастбищах с толщиной снежного покрова до 30–40 см и в виде исключения до 50–60 см. При этом отгон лошадей в зимний период года позволял продуктивно использовать слабообводненные, каменистые, заболоченные и далеко расположенные пастбища, малопригодные для выпаса других видов скота.

Причем лошадь была способна совершать дальние переходы при смене пастбищ, например, зимой по снегу она могла пройти до 50 км в день (Садыков, 1981. С. 7). Вслед-

ствие этого отгон косов в зимний период года был широко и повсеместно распространенным явлением, жизненно необходимым для кочевого хозяйства не только казахов, но и монголов и других номадов (Грумм-Гржимайло, 1926. Т. 2. Вып. 1. С. 365–366 и др.).

В косах пасли всех лошадей, за исключением рабочих, слабых, больных и неокрепшего молодняка (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 38; Описания... С. 101; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 148, 157; Барминцев, 1958. С. 43–44 и др.). Так, по данным И. Пахомова, в косах пасли до 80% всех лошадей (Пахомов, 1911. С. 15). В Петропавловском уезде в зимних табунах было сосредоточено 76% всех лошадей (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 155) и т. д. В ауле, сообщает Н. Красовский, остается не более 2–3 лошадей (Красовский, 1868. Ч. 2. С. 23).

При этом богатые оставляли вблизи зимовки 5–6 рабочих лошадей, среднезажиточные – 2–3 лошади (МКЗ. Т. I. Приложения. С. 33–35; МКЗ. Чимкентский уезд. С. 125 и др.). Наряду с этим в течение всей зимы ослабевших лошадей время от времени перегоняли поближе к зимовке (МКЗ. Т. I. Приложения. С. 34–35; МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 55 и др.). К концу зимы, когда начиналась выжеребка кобыл, широко практиковался их перегон на зимовку, чтобы роды не начались в степи и новорожденный молодняк не погиб (МКЗ. Т. II. С. XXV; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 114 и др.). Но поскольку основная масса кобыл жеребилась в апреле, то в большинстве случаев они вплоть до схода снегов находились в косах (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 114 и др.).

Число лошадей в косах колебалось от 200–300 до 1000–1500 голов (МКЗ. Т. I. Прилож. С. 31; МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 41; МКЗ. Т. V. Очерк. С. 101; МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. 1; МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 56 и др.). Наиболее оптимальной считалась величина коса в 400–600 голов, поскольку в большем табуне молодняк и жеребые кобылы, не поспевая за движением остальных лошадей, нередко оставались без корма (МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 84; Приложения. С. 31; МКЗ. Т. II. С. XXIV; МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 41, 125; Описания... С. 99; МКЗ. Т. IX. Общий очерк.

С. 48; МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 55–56 и др.). Это было обусловлено также тем, что кос как меньшего, так и большего размера не мог обеспечить в зимний период своего воспроизводства из-за скудости и изреженности растительного покрова. В небольшом табуне лошади использовали травостой гнездами, пропуская значительные участки земли, и не могли обеспечить минимально необходимого масштаба тебеневки и утилизации травостоя на данном пастбище (Нечаев, 1975. С. 56–66 и др.), из-за чего молодняк и жеребые кобылы оставались без корма.

Значительное влияние на формирование косов и численность лошадей в зимнем табуне оказывал социальный фактор. Обычно богатые скотоводы, они же владельцы большего числа лошадей, составляли свои собственные косы. Объединение лошадей в кос, сообщают «Материалы по киргизскому землепользованию», доступно сравнительно немногим, в основном многолошадным, хозяйствам, так как «снаряжать кос, состоящий, положим, из сотни лошадей, и снабжать его двумя пастухами прямо-таки невыгодно; затем присоединять своих лошадей к косу богача можно только в виде целого косяка, состоящего из 8–15 голов; одиночные же лошади в чужом табуне плохо будут накормиваться и легко могут отбиться от табуна. Затем артели для общего зимнего выпаса лошадей могут состояться только теми хозяевами, которые имеют десятки и сотни лошадей, для более бедных хозяев такая форма общего выпаса недоступна, так как пришлось бы для одного коса составлять артель из очень большого числа хозяев и при этом живущих на очень далеком расстоянии друг от друга и т. п.» (МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. 1–2). Поэтому косы не составлялись из отдельных особей (МКЗ. Т. VII. Общий очерк. С. 32).

При объединении лошадей в зимние табуны обычно практиковалось присоединение лошадей мелких хозяев к косам богатых скотоводов (МКЗ. Т. II. С. XXIV; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 125; МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. 1–2; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 148 и др.). «В каждом косе, – свидетельствуют очевидцы, – есть ядро – лошади более состоя-

тельного киргиза», который «на бесконечно разнообразных условиях принимает лошадей прочих соседей и одноаульцев в свой кос» (МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 57). Среднезажиточные хозяева создавали свои зимние табуны (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 125 и др.).

В основном же косы создавались соседями по совместной зимовке, но в случае недостаточного числа лошадей в общине в табун объединяли конское поголовье двух-трех общин (МКЗ. Т. I. Прилож. С. 31; МКЗ. Т. V. Очерк. С. 61; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 148; *Добросмыслов*, 1895а. С. 21, 88, 90 и др.). Косы богатых хозяев, в основном, выпасались на дальних пастбищах, тогда как «сборные» косы – ближе к зимовкам (*Добросмыслов*, 1895а. С. 21, 88, 90; МКЗ. Чимкентский уезд. С. 125 и др.).

Длительность пребывания лошадей в косах зависела от продолжительности залегания снежного покрова на основных зимовках-кыстау. К концу зимы лошадей перегоняли поближе к остальному скоту, а к середине апреля стада объединялись (МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 85; Приложения. С. 33 и др.). В целом, прослеживается широтная пропорция данной величины. На крайнем севере и северо-востоке Казахстана в лесостепной зоне продолжительность пребывания лошадей в косах составляла от 120 до 170–190 дней в году (МКЗ. Т. IX. Специальная часть. С. 57; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 148 и др.), в степной и предгорной зонах – в среднем 120–150 дней (МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 85; Приложения. С. 32; МКЗ. Т. IX. Специальная часть. С. 57 и др.). Ближе к югу эта величина уменьшалась.

Важной особенностью выпаса лошадей являлось то, что, в отличие от других животных, они не нуждались в обязательной организации ночлега и их выпас был возможен как днем, так и ночью (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 98 и др.). Однако табунщики предпочитали выпасать лошадей, в основном, днем, а с наступлением темноты их собирали и ставили на одно место (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 49 и др.). «Пастьба днем и ночью отличается тем, что ночью, даже при слабом ветре, ставят табуны по ветру, а кос (в данном случае ки-

битку пастухов. – Н. М.) впереди табуна, так что в случае бури табун, гонимый ветром, обязательно должен пойти на кос, где его могут захватить табунщики. Если бы кос был поставлен сзади табуна, то табунщики ночью не заметили бы ухода табуна» (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 100).

Выпас коса был весьма сложен и отличался известным своеобразием. Прежде всего берегли жеребых кобыл, поскольку интенсивная тебеневка приводила к выкидышам (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 104; Федоров, 1903. Ч. 2. С. 16 и др.). Поэтому кобыл выпасали вслед за жеребцами, меринами и яловыми кобылами. Поили лошадей зимой лишь изредка (МКЗ. Т. II. С. XXIV и др.). В этом случае их гоняли к ключу или колодцу, где делали для них ледяное корыто (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 101 и др.). Пользуясь тем, что зимой заменителем воды был снег – для лошадей до 10–20 дней, конское поголовье старались выпасать на безводных пастбищах либо на тех, которые в другие времена года были недоступны скоту (МКЗ. Т. I. Прилож. С. 31; МКЗ. Т. II. С. XXIV; МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 55 и др.).

Зимний маршрут коса рассчитывался таким образом, чтобы к концу марта табун подошел к месту пастбищ (Нечаев, 1975, С. 65–66 и др.). Для коса старались выбирать места с неглубоким снегом и хорошим кормом, особенно равнины, поросшие густой травой (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 126 и др.). «Пастухи стараются первоначально вытравить те места, на которых с самого начала зимы выпадает глубокий снег, а затем перегоняют табун на более высокие места, где снег сдувается ветром», «...табунами травят сначала пастбища на равнинных местах и затем переходят к лесным пастбищам, заранее, так сказать, обеспечивая защиту табуна в лесу от бурь и метелей» (МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 88). Лучшее пастбище для коса то, где летом скот хорошо нагуливался (МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 55 и др.).

Зная направление зимних ветров, пастухи начинали выпас коса в хорошую погоду с наветренной стороны (МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 56). По первому снегу лошадей выпасали свободно, по рыхлому снегу – многократно до тех

пор, пока не будет переверошен весь снег (там же. С. 55). «При пригоне табуна на какое-либо урочище с глубоким снегом пастухи наблюдают за лошадьми. Если лошади рвутся с этого места, – значит, корм здесь плохой». «Если на новом месте, примерно в полумерсте, в 2 или даже 5 верстах от старого, лошади успокаиваются, роют снег и не рвутся далее, то, следовательно, здесь есть надлежащий корм» (МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 88–89).

При этом стремились максимально использовать кормовые ресурсы пастбища, выпасая табун до тех пор, пока растительность не будет потреблена полностью (МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 55–66 и др.). «По крайней мере три раза в день пастухи наблюдают за состоянием снежного покрова, если он весь разрыт лошадьми, табун требуется перегнать в другое место. Обращают также внимание не только на снежный покров, но и на состояние кормов, находящихся под снегом» (МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 88). При выпасе лошадей строго следили за тем, чтобы они не разбрелись и не топтали корм (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 50).

После полностью использованного пастбища остаются кучи разбросанного снега, которые затвердевали и задерживали, согласно народным представлениям, метель и сильные ветры (МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 56). «Если корма хороши, погода теплая, то лошади имеют бодрый вид, шерсть у них лоснится. При плохих кормах лошади бывают понуры, шерсть становится тусклою и взъерошенной. При хорошем корме лошади хорошо переносят холода, при плохом и при морозах табун истощается, начинается выпадение маток» (МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 87).

В плохую погоду, при буранах кочевники стремились укрыть лошадей вблизи леса или холмов, используя рельеф местности (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 49; МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 87 и др.). «Если пасут около горы, то при наступлении непогоды ставят табун под защиту горы или в логу. Наблюдают за погодой и если замечают с вечера в ясную погоду край тучи или облака, принимают меры предосторожности против бурана: на открытой степи загоняют на

такое место, где глубокий снег, хороший корм, окружают со всех сторон и не пускают дальше» (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 100). «Если был дождь и образовалась корка, выбирают места с более глубоким снегом и тонкой сверху ледяной коркой; где тонкий снег, там обыкновенно лед проникает весь слой снега и пасти табун невозможно» (*там же*). «Повинуясь своим рефлексам, — отмечает Ю. Н. Барминцев, — обычно без понуждения со стороны человека, лошади во время буранов укрывались в естественных затишах — за холмами, в тугайных зарослях, у лесных колков, а в условиях открытой равнины собирались в плотный табун, укрываясь друг за другом. При этом общая форма табуна приобретала вид треугольника, обращенного острой вершиной к ветру. По мере того как находящиеся с наветренной стороны лошади зябли, они проникали в середину табуна, а на их месте оказывались другие» (Барминцев, 1958. С. 44).

Стоянки коса на каждом месте составляли 10–15 дней. При этом один раз в 10 дней лошадей обязательно выпасали на солончаках. Но с уплотнением снега интенсивность выпаса возрастала и стоянки не превышали 2–3 дней. При неглубоком и рыхлом снеге лошади проходили в сутки до 6 верст, но при затвердевшем и глубоком снеге не могли пройти больше одной версты. На плохом пастбище число перекочевков резко возрастало (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 100, 126; МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 55, 56; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 155 и др.).

* * *

Таким образом, выпас лошадей в зимний период года существенно отличался от выпаса прочих видов скота. Отсюда и иной цикл производственной деятельности. Если овцы, козы, крупный рогатый скот и верблюды в это время года выпасались вокруг стационарной зимовки, для них необходим был ночлег и они не могли передвигаться на значительные расстояния по снежному покрову, то лошади в течение всего зимнего периода перегонялись с пастбища на пастбище и постоянно находились в движении.

В силу большей подвижности лошадь, как это ни парадоксально звучит, не требовала активной кочевой жизни всего хозяйственного коллектива, всей общины, поскольку процесс производства в сфере коневодства был менее трудоемким, нежели труд овцевода, и вполне мог быть обеспечен усилиями небольшой группы людей. Лошадь, свидетельствует народный опыт, «дает средства к существованию при наименьшей затрате хозяйственной энергии» (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 131).

Совсем другой характер носила система выпаса скота в экстремальные периоды, особенно во время гололеда, неурожаев, сильных снегопадов, буранов и метелей. «Иногда снег покрывается такою толстою ледяною корою, что она не проламывается под ударами копыта лошади и скот скользит по ней, как по льду. В таких случаях скот гибнет массами...» (Джантюрин, 1883. С. 18). Гололед образует зимой «при выпадении совместно снега и дождя, ледяную кору на поверхности снега, которую даже лошади не в состоянии пробить копытами, почему зимние пастбища не могут быть использованными и тогда открывается т. н. *джут* — массовая гибель скота от голодовки» (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 11). «Если только в начале осени вместо пухлого снегу покроет землю твердая... гололед, тогда погибель великих табунов бывает неизбежна» (Гавердовский, 1803. Л. 100 об.). Как мы уже отмечали, опасность гололедов возрастала по направлению с севера на юг и с запада на восток, достигая максимума в зоне пустынь и предгорной полосе.

Как правило, джуты охватывали огромные регионы и нередко носили повсеместный характер. Имели место и локальные джуты. Этому явлению была присуща цикличность. Народный опыт гласит, что большие джуты повторяются через каждые 6–8 – 10–12 лет и чаще всего бывают в год Зайца (Коян), тогда как малые джуты повторяются каждые 3–4 года (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 11; Хозяйство казахов..., 1980. С. 79–81 и др.). В результате джутов погибали тысячи и тысячи голов скота, что пагубно сказывалось на экономическом положении кочевого населения (Ракитников, 1936. С. 92–

106; Федорович, 1954. С. 20; Бичурин, 1950. Ч. I. С. 71, 76, 82, 191, 192, 254; Барминцев, 1958. С. 44–45; Аполлова, 1960. С. 48–49; Овцеводство Казахстана, 1968. С. 21–23; Хозяйство казахов..., 1980. С. 80–81; Зиманов, 1982. С. 49 и др.). Во время сильных джутов процент падежа скота мог достигать 50 и даже 90% (Ищенко и др. 1928. С. 167).

В экстремальные периоды кочевники были вынуждены прибегать к совместно-последовательному выпасу скота, который в обычное время не практиковался. Совместный выпас представлял собой выпас различных видов животных в определенной последовательности с учетом биологических особенностей вида и степени поедаемости кормов и позволял прокормить скот в условиях гололеда и глубоких снегов (Броневский, 1830. Ч. 42. Кн. 122. С. 360; Потапов, 1949. С. 45 и др.). Совместно-последовательный выпас скота практиковался всеми кочевниками Евразии (Грумм-Гржимайло, 1926. Т. 2. Вып. 1. С. 343–344; Вяткина, 1969. С. 72–73; Абрамзон, 1971. С. 73; Вайнштейн, 1972. С. 25; Шаниязов, 1973. С. 88; Шнайштейн, 1974. С. 69; Артамонов, 1977. С. 9; Эрдниева, 1980. С. 129; Поляков, 1980. С. 50; Плетнева, 1982. С. 16 и др.). «Сей род прокормления, – отмечал еще Я. Гавердовский, – обыкновенен не у одних Киргизцев, но у всех кочевых народов...» (Гавердовский, 1803. Л. 100 об.).

Практика совместного выпаса скота носила следующий характер: «Пускают сначала лошадей, которые копытами разрывают снег и едят верхушки трав. За ними на то же место выгоняют рогатый скот и верблюдов, продолжающих есть начатую лошадьми траву и съедающих средину стеблей. Но низшей части оных, близ корня находящейся, верблюды глотать не могут... потому и овцы, выпускаемые на пастьбу после всего прочего скота, на одном и том же месте находят себе пищу» (Левшин, 1832. Ч. III. С. 197–198). «...Сначала пускают лошадей... Они, разгребая сугробу копытами, поедают верхушки позыбшей травы. За лошадьми следуют верблюды и рогатый скот, а за сими табуны овец и коз...» (Гавердовский, 1803. Л. 100 об.). Аналогичные данные сообщают П. Паллас, А. И. Добросмыслов и многие другие авторы (Паллас, 1773. Ч. I. С. 582; Добросмыслов, 1895а. С. 21–23, 43 и др.).

При гололеде табун лошадей гоняли по льду до тех пор, пока лед не искрошится или дробили наст с помощью больших бревен, привязанных арканом к лошадям (Левшин, 1832. Ч. III. С. 197–198; Аполлова, 1960. С. 209 и др.). Таким образом, совместно-последовательный выпас скота практиковался лишь в исключительных случаях, во время гололеда и глубоких снегов. Он являлся важным средством обеспечения скота кормами в экстремальные периоды и основывался на высокоразвитом рефлексе лошадей – умении тебеневаться при снежном покрове до 30–40 см глубины. Лошади в данном случае являлись настоящим орудием труда, с помощью которого обеспечивалась жизнедеятельность всей системы зимнего выпаса скота.

Удельный вес совместно-последовательного выпаса в общей системе зимнего выпаса, видимо, был немалым, если учитывать, что число невыпасных дней для овец на территории Казахстана колеблется в среднем в диапазоне от 10–30 на юге до 120 на севере (Федосеев, 1959. С. 3–10 и др.). Причем при проведении расчетов применительно к зимней тебеневке лошадей число невыпасных дней для овец уменьшается на 20–25% на равнинных пастбищах (там же. С. 10). Можно предположить, что в среднем, учитывая повторяемость джутов, кочевники прибегали к совместно-последовательному выпасу скота в течение почти всего зимнего периода не чаще, чем один раз в пять–шесть лет.

Что же касается ежегодной практики совместного выпаса, то к ней эпизодически могли прибегать кочевники на юге региона лишь в тех случаях, когда зимний табун лошадей находился вблизи зимовки. Другое дело на севере Казахстана, где без совместного выпаса, по-видимому, обеспечить скот кормами было невозможно. Но поскольку наибольшая часть номадов зимовала на юге, то справедливо будет заключение о том, что практика отдельного и совместного выпаса скота зависела от конкретных природно-климатических условий.

Существовали и другие средства борьбы с экстремальными природными явлениями. Во время снегопадов и гололеда номады отгоняли скот за пределы охваченных джутом

территорий (Джантюрин, 1883. С. 18; Чорманов, 1906. С. 3; Гавердовский, 1803. Л. 100 об. и др.), загоняли скот в лес и ставили искусственные заграждения (Аполлова, 1976. С. 209 и др.). Нередко кочевники вручную разгребали снег и очищали пастбище для скота (Добросмыслов, 1895а. С. 89 и др.). Так, Ю. Гагемейстер сообщает, что «...траву же выгребают под снегом своими руками...» (Гагемейстер, 1854. Ч. 2. С. 308). П. С. Паллас свидетельствует, что «если же выпал большой снег, то киргизцы оной разгребают лопатами для мелкого скота» (Паллас, 1773. Ч. I. С. 582). С. Броневский указывает, что обледеневший снег разбивали топорами (Броневский, 1830. Ч. 42. Кн. 122. С. 360). «Хороший работник, – сообщает Б. Даулбаев, – прокармливал в день 100 баранов или 20 коров», очищая лопатой снег (Даулбаев, 1881. С. 99).

Таким образом, организация процесса производства в зимнее время основывалась на системе раздельного выпаса скота, что являлось следствием различной приспособляемости животных к условиям пастбищного содержания. Основная часть кочевого населения была сосредоточена на стационарной зимовке в течение всего снежного периода года (в среднем по Казахстану 3–6 месяцев), а его деятельность была направлена на обеспечение нормального выпаса и сохранности поголовья мелкого рогатого скота и других видов. Лошади объединялись в зимние табуны косы и выпасались вдали от зимовок. В экстремальные периоды, во время снегопадов, гололеда, буранов и метелей, когда наступал джут (бескормица), кочевники практиковали совместно-последовательный выпас скота (Масанов, 1984 и др.).

4.2. ВЫПАС СКОТА В ТЕПЛОЕ ВРЕМЯ ГОДА

Логическим продолжением зимнего цикла выпаса скота являлся выпас скота в теплое время года, продолжительность которого составляла от 6 месяцев на севере до 9 месяцев на юге Казахстана. Начальная и конечная стадия теплового периода определялись временем схода и временем установления снежного покрова. В свою очередь,

теплое время года подразделялось на три сезона – весенний, летний и осенний, каждый из которых характеризуется спецификой как в локализации пастбищных угодий, так и в организации процесса производства и системы кочевания. Важной отличительной чертой теплового периода года являлось то, что доминантным фактором организации системы материального производства было обеспечение скотоводческого хозяйства водой (см. 3.2).

Весенние (коктеу) и осенние (кузеу) пастбища занимали промежуточное положение между зимними и летними пастбищами. В отличие от зимних они относились к пастбищам неразовой эксплуатации, на них преобладала разнотравно-злаковая растительность, обладавшая большими восстановительными способностями. Главной особенностью весеннего и осеннего периодов являлось то, что номады при меридиональном кочевании как бы увеличивали продолжительность теплового времени движением на юг, а прохладного и нежаркого – миграцией на север (Семенюк, 1969а. С. 130).

Однако полного совпадения весенних и осенних пастбищ, конечно, не могло быть, поскольку осенний период основывался на использовании злаков осенней вегетации, солянковых и полынных ассоциаций, тогда как весной использовались нередко наихудшие пастбища на глинистой и изреженной известняками почве с эфемеровой растительностью. Потребность в кормах покрывалась, главным образом, за счет интенсивного роста растительности благодаря атмосферным осадкам, таянию снегов, паводковому разливу рек и т. п. (Броневский, 1830. Ч. 43. Кн. 123. С. 77; Кн. 124. С. 241; Нечаев, 1975. С. 58; Садыков, 1981. С. 34 и др.).

В начале весны, свидетельствует П. Медведский, когда почва влажна и еще не жарко, лучшими пастбищами считаются участки, где растут ковыль и куга (Медведский, 1862. Ч. 80. Август. С. 297). В это время номады выпасали скот на южных склонах сопков и гор, возвышенных местах, северных склонах оврагов, лощин и понижений, т. е. там, где снег бы-

стрее стаивал. При этом они нередко использовали малообводненные пастбища (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 125–127; Барминцев, 1958; Нечаев, 1975. С. 58–59 и др.). В последующее время, используя пастбища с эфемерово-злаковой растительностью, они всячески интенсифицировали свое движение на летние пастбища и проходили ускоренным маршем безводные пустыни Устюрта, Мангышлака, Кызылкумы, Бетпақдалу и др. (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 87, 96–98, 126–128; МКЗ. Т. V. Очерк. С. 92–96; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 18; Маргулан, 1949. С. 70–77 и др.). «Наибольшая скорость движения... наблюдается, конечно, в полосе между собственно зимним и летним районами кочевания» (Фиельструп, 1927. С. 96).

Ранней весной, когда начиналось таяние снегов и кочевники вынуждены были покинуть свои зимние становища, на первый план выступала необходимость скорейшего отвода скота за пределы зимних пастбищ с тем, чтобы сохранить от потравы будущий растительный покров на зимних пастбищах. После отвода скота за пределы зимовки главной потребностью становилось обеспечение животных кормами, поскольку новая трава еще не выросла, а прошлогодней было очень мало (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 87).

У некоторых кочевников имелись на этот случай специальные ранневесенние пастбища, на которых они ожидали появления новой растительности (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 114, 127 и др.), другие же – отправлялись на поиски прошлогодней травы (МКЗ. Т. II. С. XXII; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 103; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 145 и др.). В крайнем случае практиковался вторичный выпас на территории вокруг зимнего пастбища (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 39 и др.). Для эффективной организации процесса производства номады дробили свои хозяйственные организмы на более мелкие группы и ранней весной стояли не аулами, а отдельными юртами (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 87 и др.).

С появлением новой растительности, вегетация которой начиналась при +5°C, процесс кочевания возобновлялся. «Киргиз-казаки северных уездов, – пишет Б. Куфтин, – выкочевывают с зимних стоянок во второй половине

марта, а южных уездов – в конце февраля и начале марта... Более ранняя выкочевка южных киргизов объясняется необходимостью пройти пустынные песчаные пространства до наступления жаров, пока они покрыты сочной растительностью и пока в них отсутствуют жалящие скот пауки и насекомые» (Куфтин, 1926. С. 15).

Однако в первое время интенсивность кочевания была невелика, ослабевшие после тяжелого зимнего периода и изнурительной тебеневки животные были не готовы к частым и быстрым передвижениям. Как свидетельствуют очевидцы, «...киргизам часто приходится на себе вывозить едва держащийся на ногах скот на ближайшие пастбища» (там же. С. 14). К этому времени номады снова сходились в аулы (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 119 и др.).

Помимо этого процесс кочевания в этот период задерживался массовым расплодом молодняка. «В начале весны, – свидетельствует С. Броневский, – они передвижения свои замедляют, по причине рождения молодого скота» (Броневский, 1830. Ч. 43. Кн. 123. С. 77). «Вообще, при весенних перекочевках, – отмечает П. Медведский, – быстрые переходы невозможны, потому что весной за стадами следует и приплод от них, который иногда бывает до того слаб, что его приходится везти, навьючив на верблюдов» (Медведский, 1862. Ч. 80. Август. С. 298).

Появляющийся молодняк различных видов скота неодинаково адаптировался в процессе кочевания. Так, если например, жеребята могли двигаться самостоятельно вслед за табуном уже через день-два, а ягнята – по прошествии 2–3 дней, то телята и верблюжата еще долго не были способны идти вслед за взрослыми животными (МКЗ. Т. II. С. XXVII; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 122, 131 и др.). Поэтому ритм кочевания был невысок и на стоянках номады задерживались на 2–3 дня (МКЗ. Т. II. С. XXVII и др.), чтобы дать возможность молодняка встать на ноги.

Наиболее благоприятным временем для рождения молодняка считался, согласно народному опыту, апрель месяц, когда начиналась активная вегетация растительного покрова,

почва подсыхала, а температура воздуха в дневное время устойчиво достигала +5–10° С. Поэтому номады сознательно подгадывали сроки рождения молодняка к апрелю месяцу целенаправленной случкой овец в ноябре, а прочего скота – в весенние месяцы. Однако здесь прослеживается определенное влияние социальных факторов, поскольку беднейшая часть населения стремилась получить молодняк к марту, а то и к февралю месяцам, чтобы уже к концу зимнего – началу весеннего периодов обеспечить себя молочной пищей (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 128–129 и др.).

Период массового рождения молодняка требовал от номадов больших затрат труда для того, чтобы обеспечить его сохранность (*Добросмыслов*, 1895а. С. 47–48, 95–97, 185–187, 238–240, 272–273 и др.). Одновременно кочевники должны были в весенний период выполнить и целый ряд других трудовых операций, в частности, стрижку овец, коз, верблюдов и лошадей (*Масанов*, 1959. С. 104–106 и др.), случку скота, его кастрацию, клеймение (*Добросмыслов*, 1895а и др.) и т. д. Особенно трудоемким был процесс ежедневной и многократной дойки скота (*Муканова*, 1974. С. 78–89 и др.). Большого труда требовало и производство предметов материальной культуры (*Масанов*, 1961. С. 45–52 и др.). Таким образом, в весенний период важное значение приобретала необходимость обеспечения различных элементов системы материального производства, которые оказывали существенное влияние на интенсивность и скорость кочевания.

По мере того как молодняк становился на ноги, номады резко интенсифицировали процесс кочевания. Это было связано с тем, что для многих номадов в короткий весенний период необходимо было пройти огромное расстояние – до 100–200 и более верст (*Мацкевич*, 1929. С. 3–6, 8, 10–28 и др.), а также с тем, что долго находиться на весенних пастбищах было невыгодно, поскольку пути движения зачастую были общими и для отстающих скотоводов почти не оставалось корма. Мимо проходит много народу, сообщают сами кочевники, отсюда много пыли, не хватает воды, мало корма (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 96 и др.).

При этом казахи «начинали кочевать группой аулов (в 2–4 аула)» (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 119 и др.). «В сие время начинают они опять скочевываться в средину степи и к привольным паствам» (КРО, 1964. С. 163). «По образу своей кочевой жизни, – свидетельствуют Пospelов и Бурнашев, – киргиз-кайсаки весной со всем скотом и имуществом переходят так, как бы принадлежащими уже для каждой волости местами, останавливаясь чрез неделю, или покуда удобность есть для корму скоту около речек, озер и колодец всей волостью вообще, дабы быть безопасными от других волостей; разделяются иногда по стеснению только мест...» (*там же*. С. 149–150).

В это время кочевники передвигались ежедневно на 15–30 верст, иногда с короткими остановками в 2–3 дня через 3–4 кочевки. При остановках в 2–3 дня ставили юрты, при более кратковременных – ставили «нечто вроде палаток из кереге, составленных в виде крыши и покрытых кошмой» (МКЗ. Т. II. С. XXVII; *Броневский*, 1830. Ч. 43. Кн. 123. С. 77 и др.). «Ставить юрту, – уточняет Б. Куфтин, – каждый день хлопотливо, поэтому во время быстрых передвижений они ограничиваются тем, что из решетчатых стен юрты устраивают род домиков, покрывают их войлоком и спят по нескольку человек. В жаркое время кочуют ночью» (*Куфтин*, 1926. С. 16).

Выпас скота весной по-прежнему был отдельным. Во время остановок лошадей на ночь отгоняли от аулов и выпасали в 3–4 верстах от них (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 146 и др.). Обычно вечером с наступлением темноты отгоняли табун, а утром снова пригоняли к месту стоянки на водопой. После этого лошадей уводили в степь на выпас и к вечеру пригоняли на повторный водопой (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 103 и др.). Кобыл с молодняком обычно держали на привязи вблизи аула (МКЗ. Т. II. С. XXV и др.). Овец и коз выпасали в радиусе 3–4 верст от места стоянки (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 145 и др.), крупный рогатый скот находился на вольном выпасе и т. д.

Таким образом, весенний цикл подразделялся на ряд относительно автономных периодов, каждый из которых характеризуется своими особенностями. При температуре от 0 до +5°C, когда начинали таять снега и возникал крайний дефицит кормов, на первый план выходила потребность скорейшего отвода скота за пределы зимних пастбищ и обеспечения его кормами, что обуславливало необходимость сегментации кочевых общин на отдельные хозяйства и небольшие отары по 50–70 овец в каждой.

В температурном режиме от +5 до 10° С, когда начинал произрастать новый растительный покров, главная задача кочевников сводилась к обеспечению нормальной рождаемости и сохранности молодняка в рамках общинных структур. В температурном режиме от +10 до 15°C, когда пастбища были насыщены эфемерами, необходимо было в кратчайшие сроки до наступления жаркой погоды и в период весенних дождей пройти расстояние до летних пастбищ, что приводило к концентрации значительных групп кочевников на маршрутах кочевания и диктовало высокую скорость передвижений.

Природно-климатические условия среды обитания определили место локализации, систему выбора и использования летних пастбищ. Как мы уже отмечали, в равнинной части Казахстана в соответствии с ландшафтной зональностью они в основном располагались в степной и лесостепной зонах, а в предгорной и горной полосе – снизу вверх в вертикальном направлении. Это было связано с тем, что основным критерием выбора пастбищных угодий в теплое время года является степень обеспеченности их водными источниками. Этому требованию отвечала степная зона, где до 70–80% атмосферных осадков выпадало в теплое полугодие, а также альпийские и субальпийские луга и низкогорные районы.

Под жайлау кочевники старались выбирать плоские равнины и низменности в открытой степи с разнотравно-злаковой растительностью или районы, малодоступные для выпаса скота в зимний период из-за глубоких снегов, сильных ветров, бурянов, гололедицы либо быстрого усыхания

растительного покрова. Широко практиковался выпас скота в ложбинах и лощинах, оврагах и западинах, тех местах, где травостой в зимний период заносился глубоким слоем снега и становился недоступен для скота.

В горной и предгорной зонах кочевники стремились выпасать скот на подветренной стороне склонов гор и холмов, также широко использовали растительный покров на северных склонах гор и холмов, а также на южных склонах глубоких долин и лощин. В жаркую погоду скот пасли на обдуваемых ветрами возвышенностях, учитывая экспозицию пастбищных участков. В результате использования особенностей рельефа кочевники искусственно удлиняли продолжительность пребывания на летних пастбищах (МКЗ. Т. I. Приложение. С. 75–78; МКЗ. Т. II. Объяснительная записка. С. 13–14, 19–21; МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 41–42; МКЗ. Т. V. Очерк. С. 8–22; МКЗ. Т. IX. Специальная часть. С. 1–40; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 18, 20–21, 87; МКЗ. Перовский уезд. С. 27, 146–147, 155 и др.).

В отличие от весеннего периода, который носил характер интенсивной перекочевки с кратковременными остановками и базировался на сезонной продуктивности растительного покрова, летний цикл основывался больше на зональности фитоценозов и характеризовался продолжительными стоянками и кратковременным периодом кочевания, что было наиболее присуще для кочевников типа естественного водопользования.

Замедленный ритм передвижений в летний период был обусловлен сильной жарой, адаптация к которой требовала от людей и животных больших энергетических затрат. «С восходом солнца, – сообщает А. Евреинов, – начинающийся жар и доходящий в полдень до 40° в тени убивает всякую деятельность... Нет ни реки, ни дерева, во влаге или тени которых можно бы оживить себя. Наружу нельзя показаться: палит как огнем; а кошмы кибитки или стены дома нагреты так, что от них пышет какая-то особая духота» (Евреинов, 1851. С. 59). Поэтому интенсивность кочевания летом была наименьшей по отношению к весеннему и осенне-

му сезонам года (Чорманов, 1871а и др.). Другим фактором, объясняющим большую продолжительность стоянок в летний период, является более высокая продуктивность пастбищной растительности, которая в отличие от других сезонов года не требовала интенсивных миграций.

Летом кочевники могли передвигаться и выпасать свой скот лишь в районах, обеспеченных водными источниками, и поэтому их миграции носили характер перегона скота от одного источника к другому. В случае недостаточной обеспеченности пастбищных угодий водными источниками номады стремились разделить на более мелкие социальные организмы (Kradler, 1963. P. 209, 282–283; *idem*, 1966. P. 164, etc.). Летом, сообщают очевидцы, аулы группируются совсем иначе, чем зимой. Стоят на жайлау тесно или редко в зависимости от качества пастбища и водопоя (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 119 и др.).

Однако, в целом, в этот период года прослеживается тенденция объединения кочевников в более крупные группы, чем зимой (Броневский, 1830. Ч. 43. Кн. 123. С. 74). «Прохладное лето, – свидетельствует Г. Потанин, – привлекает на Сары-Арка (Центральный Казахстан. – Н. М.) киргизские аулы из горячих степей с юга и севера. Собравшиеся сюда на лето киргизы опять на зиму расходятся, часть идет на север, а часть на юг; так что тело киргизского народа в холодную пору года расширяется, а в жаркую сжимается...» (Потанин, 1914. № 82). Летом, свидетельствуют сами кочевники, несколько зимних аулов объединялись в группу, и каждый «летний аул» располагался вокруг своего особого колодца (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 88; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 119 и др.).

В засушливые годы, когда число водоемов сокращалось, происходила концентрация аулов вокруг естественных водоемов (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 89 и др.). Известны случаи, когда на жайлау номады объединялись в очень большие группы, иногда до нескольких сотен хозяйств (там же. С. 94). Так, например, И. П. Шангин свидетельствует, что в районе реки Нуры на летовке собиралось до 1000 юрт

(Шангин, 1820. С. 81). Небезынтересно и сообщение доктора Базинера о встрече им «громальной киргизской орды, состоящей из 30 аулов» (Базинер, 1873. № 46). На жайлау вблизи Бурул-Тохоя, отмечает В. В. Сапожников, казахи собираются в количестве свыше 400 аулов (Сапожников, 1911. С. 190). «Часто аулы киргизские, – свидетельствуют очевидцы, – бывают очень обширны; где кочуют ханы или султаны, там иногда находится от 500 до 1000 юрт» (Азиатский вестник. 1826. № 1. С. 377).

Процесс кочевания в летнее время, как мы уже отмечали, представлял собой движение от одного водного источника к другому. На жайлау каждая община становилась около своих строго определенных колодцев, и мужчины первым делом принимались за их чистку либо реконструкцию (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 88, 119; Общий очерк. С. 16; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 92 и др.). После того, как растительность вокруг стоянки была использована, номады снимались и кочевали дальше. Кочевки в летний период в среднем не превышали 12–15 верст в день. Если на летовке остаются только на ночь, то юрт не ставили, а устраивали «кошы» с прямыми ууками (МКЗ. Т. II. С. XXIII; МКЗ. Т. V. Очерк. С. 18 и др.).

Летом пастбища выбирали также в зависимости от наличия и качества растительного покрова (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 18, 20–21, 141 и др.). Важным условием летнего выпаса скота было требование разнообразия кормового рациона. Поэтому каждые 7–10 дней скот необходимо было выпасать на солонцах (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 42 и др.), без чего нельзя было обеспечить качественный нагул животных (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 147 и др.). Пасли скот главным образом на злаковом разнотравье, чередуя различные виды трав и солонцы, а к концу лета после дождей – нередко на эфемерах (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 42 и др.).

При выпасе скота в это время года учитывали экспозицию местности, поэтому в начале лета, в основном, старались использовать те пастбища, растительный покров на которых к концу лета выгорал (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 146–147 и др.). Качество травостоя оказывало прямое воздействие на

ритм и частотность системы кочевания. «В половине же лета, — сообщают очевидцы, — когда трава достигает полных размеров своего роста и время становится жаркое, киргизы стоят на одном месте даже по месяцу» (Чорманов, 1871. № 37).

Интенсивность кочевания зависела также и от величины стада и его видового состава, поскольку чем больше было скота, тем быстрее он потреблял растительный покров, а следовательно, быстрее должен был передвигаться (Шнайдштейн, 1974. С. 70 и др.). Бедные кочевники-казахи, свидетельствуют источники, в летний период кочевали 2–3 раза, тогда как богатые гораздо больше (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 126 и др.). «Богатому киргизу безусловно необходимо кочевать и кочевать подальше и подальше...» (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 139). Действительно, многоскотные казахи кочевали интенсивнее, чаще меняли свои стоянки, а площадь выпаса их скота была гораздо больше и миграционный рисунок значительно сложнее. Беднейшие аулы далеко не кочевали и тяготели к стационарному выпасу на протяжении всего летнего периода (МКЗ. Т. II. С. XXIII и др.).

Летом скот выпасался не радиальными равномерными полосами, как зимой, а концентрическими кругами от места стоянки вблизи водоема вглубь степи (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 119 и др.). Площадь пастбища в это время года не превышала того расстояния, которое мог пройти скот в этом и обратном направлении от аула в течение одного летнего дня. Лошадей, например, выпасали в радиусе от 8–10 до 12–15 км от водного источника, а овец — 3–5 км (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 146; Садыков, 1981. С. 7 и др.).

Обычно практиковался отдельный выпас скота (Аполлова, 1976. С. 209 и др.), что было обусловлено различной скоростью передвижения животных, их физическими кондициями, отличиями в степени поедаемости растительного покрова и т. п. Молодняк всех видов скота выпасали отдельно от взрослых особей, чтобы он не высасывал дойных маток (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 103 и др.). Крупный рогатый скот находился на вольном выпасе, только в полдень его пригоняли на водопой к аулу, а коров в это время выдаивали

(МКЗ. Т. IV. Описания... С. 88–89, 102 и др.). В момент дойки коров молодняк привязывали и отпускали на выпас только после ухода стада в степь (там же. С. 103 и др.).

Овец утром после восхода солнца угоняли в степь на выпас и только к полудню пригоняли в аул на водопой. Здесь выдаивали маток и до тех пор, пока не спадет жара, держали вблизи аула, после чего снова выдаивали маток и затем отправляли в степь на выпас. К ночи их пригоняли в аул на водопой и укладывали на ночлег (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 145 и др.). Ягнят держали на выпасе вблизи аула и во время прихода отары привязывали (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 103 и др.). Если овец в ауле было много, то их выпасали в 2–3 и более отарах отдельно величиной не более 600–800 голов в каждой (МКЗ. Т. II. С. XXIII и др.). «Дело в том, — свидетельствуют очевидцы, — что овцы идут по пастбищу сплошной массой, и если их очень много в стаде, то на долю овец, идущих сзади, не хватает корма» (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 145 и др.).

Выпас лошадей отличался тем, что их нагул в основном осуществлялся в ночное время, поскольку днем этому препятствовали жара, оводы и другие жалящие насекомые. С вечера табун отгоняли по ветру, а к утру он сам приходил против ветра к месту стоянки (Баскин, 1986. С. 151, 154–155 и др.). Дойных кобыл обычно держали вблизи аула отдельным табуном, жеребят к ним в дневное время не допускали, держа на привязи (МКЗ. Т. II. С. XXIII; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 89, 103; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 145–146 и др.). На ночь кобыл вместе с жеребятами пускали на выпас в общий табун, который обычно находился вдали от аула и лишь дважды в день пригонялся к месту стоянки на водопой (МКЗ. Т. II. С. XXIII и др.).

Самым трудоемким процессом в теплое время года и особенно летом, как мы уже отмечали, было обеспечение скота водой — до 2–3 раз в день. В больших табунах, свидетельствует народный опыт, когда скот ждет очереди на водопой, случается давка, при этом слабые и одиночные лошади, как правило, остаются без воды, ибо косячные жеребцы не подпускают их к источнику. Из-за недостатка воды

или ее загрязненности лошади плохо нагуливаются (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 88–89 и др.). Техника водопоя была такая же, как и в весенний период (см. 3.2).

Летний цикл охватывал чрезвычайно обширный круг трудовых операций. В это время номады заготавливали на зиму молочные продукты: курт, иримшик, масло, перетапливали жир, готовили катык, айран и т. п. (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 89 и др.). Весьма трудоемким был процесс создания различных предметов материальной культуры: валяние кошм, прядение шерсти, ткачество, витье веревок, выделывание и т. п. (там же. С. 89–90 и др.). Лето было также временем осуществления многих ритуалов и церемоний, в частности таких, как годовые асы, похороны и поминки, инициации, свадебная и прочая обрядность.

Как мы уже отмечали, отношения по поводу водных источников в кочевой среде были достаточно жестко урегулированы. В отношении естественных водоисточников действовало «право первозахвата», в отношении искусственных водоисточников признавалось «право первого пользования» за его создателями (см. 3.2). Вполне естественно, что закрепляя за собой водопой, кочевники фактически закрепляли за собой и определенную территорию вокруг водного источника (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 90, 92 и др.).

В этой связи следует заметить, что и отношения по поводу пастбищных угодий также были достаточно определенно урегулированы. Несмотря на то, что жайлау формально находились в общем пользовании, каждая кочевая группа выпасала скот на строго регламентированных пастбищах вокруг традиционных водоемов (МКЗ. Т. II. С. III–IV, X, XXIII; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 99, 119, 126 и др.). Поэтому летние кочевья, как свидетельствуют источники, отчасти распределены между отделениями, которые «владеют оными, как собственностью каждого, никто из посторонних кроме собственного хозяина уже пользоваться ими не может» (КРО, 1964. С. 158).

«У киргизов владение землей общинное. Каждый род и отдел имеют свой определенный участок; на этом пространстве каждый из родовичей может иметь свои пашни, летовки и зимовки; но род ревниво следит за тем, чтобы никто из другого отдела не занимал их земель» (Живописный альбом..., 1980. С. 330). «Обычным же правом, – пишет Б. А. Куфтин, – регулируется и пользование летовками... которые кроме пастьбы скота ничем не могут быть заняты – ни пашнями, ни зимовками. Каждая летовка находится в пользовании только определенной группы киргизов, в большинстве случаев одного рода, вследствие чего и кочевать на ней может только известный род или его ответвления, – но не каждый киргиз, который захотел бы воспользоваться тем или другим участком степи» (Куфтин, 1926. С. 15).

«Каждый аул должен иметь особое зимовое место... особые пастбища для весенних, осенних и летних стойбищ» (Чорманов, 1871. № 33). «Материалы по киргизскому землепользованию» свидетельствуют: «Джайляу (летовка) представляют в настоящее время наиболее свободное угодье... право пользования ими почти безгранично. По крайней мере, на одной и той же площади встречаются киргизы разных волостей, разных родов. Но тем не менее, если приглядеться к порядку кочевания различных родов, то можно заметить, что они имеют свои пути кочевания и свои стоянки на летовках, так что если скот их при пастьбе и смешивается, то все-таки у каждой группы или у многих групп имеются свои стоянки» (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 16).

«...В виду строгого распределения летовок, – замечает Б. А. Куфтин, – ни один киргиз не решится остановиться на чужом месте более одного дня» (Куфтин, 1926. С. 15). При этом имеется весьма интересная запись, что казахикочевники одной из общин «на джайляу своих стоянок не имеют, кочуют вслед за другими и пользуются тем, что остается» (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 17). Иначе говоря, территория летних пастбищ была распределена между различными общинами и отношения землевладения и землепользования были строго заурегулированы.

***

Таким образом, главная задача системы общественного производства в летний период года заключалась в обеспечении скота водными и кормовыми ресурсами, а также создании различных предметов материальной культуры. Реализация этих целей достигалась посредством кочевания от одного водного источника к другому и потребления растительного покрова вокруг колодца или естественного водоема. Ритм кочевания по сравнению с весенним и осенним периодом носил замедленный характер и перемежался сравнительно долговременными стоянками. В результате большей кормовой емкости пастбищных угодий и возможности миграций номады в летний период концентрировались в более крупные групповые объединения, чем в зимний период (см. б.1).

К концу летнего сезона кочевники начинали движение в обратном направлении – в сторону зимних пастбищ. Маршруты этого движения, учитывая посезонную продуктивность растительного покрова, не в полной мере совпадали с кочевыми маршрутами весеннего периода. «В начале августа месяца, – свидетельствуют очевидцы, – киргизы начинают обратную кочевку точно таким же порядком, как и весной, но только не тем уже путем, а другим, где трава еще не вытравлена» (Чорманов, 1871, № 37). В осенний период года номады, в основном, использовали пастбища со злаками осенней вегетации, солянковой и полынной растительностью (МКЗ. Т. II. С. IV, VIII; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 90, 96, 98, 110, 124–127; МКЗ. Т. V. Очерк. С. 92–98; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 20; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 18–21 и др.).

Система осеннего выпаса скота в отличие от летнего, в основном, базировалась на посезонной продуктивности пастбищной растительности и представляла собой сравнительно быстрое движение в сторону зимних пастбищ. Это было обусловлено тем, что в относительно короткий осенний период, который при меридиональном кочевании с севера на юг фактически удлинялся, необходимо было пройти весьма значительное расстояние до зимовки, нередко превышавшее 100–200 км.

Однако в отличие от весеннего осенний период был более длительным, поскольку переход на пастбища мог быть осуществлен только после установления устойчивого снежного покрова. Поэтому границы осеннего периода были изменчивы и неопределенны, а его продолжительность напрямую зависела от характера атмосферных осадков и температуры воздуха. Вследствие этого интенсивность кочевания по мере приближения к зимовкам падала.

Порядок кочевания и выпаса скота в осенний период находился в прямой зависимости от степени удаленности жайлау от зимовок. В середине августа в момент начала понижения среднесуточной температуры воздуха номады начинали обратное движение в сторону зимних пастбищ и на первых порах выпасали свой скот по периферии летних пастбищ на территории общего пользования (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 90, 96, 110; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 93 и др.).

На пастбищах общего пользования кочевники группировались вокруг строго определенных водных источников как искусственного, так и естественного происхождения (МКЗ. Т. II. С. V; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 97–98, 90, 96, 110, 124; МКЗ. Т. V. Очерк. С. 42; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 93, 94; Чорманов, 1871. № 37 и др.). Однако долго находиться на пастбищах общего пользования было невыгодно, потому что там концентрировались огромные массы номадов, что вызывало нехватку воды и кормов.

В сентябре, когда среднесуточная температура воздуха понижалась до 10°C, начиналось массовое движение в сторону зимних пастбищ. Кочевники, чьи зимовки располагались недалеко от жайлау, оставались на пастбищах общего пользования и выпасали скот на границах своих зимних территорий (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 110 и др.). Номады, у которых зимовки были удалены от летних пастбищ, интенсивно двигались в сторону своих кыстау и по мере приближения к ним замедляли темп кочевания, располагаясь по периферии зимних территорий в ожидании снежного покрова (МКЗ. Т. II. Объяснительная записка. С. 13; С. IV; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 90 и др.).

Как правило, все пастбища, расположенные вблизи зимовок, были также строго обособлены и находились в частном землепользовании (МКЗ. Т. II. С. V; МКЗ. Т. V. Очерк. С. 42; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 90; Общий очерк. С. 16; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 93 и др.). «...Здесь, – свидетельствуют очевидцы, – кочевые места уже разделены... Каждый из киргизов хорошо знает свои места и свято соблюдает это разделение» (Чорманов, 1871. № 37). Особенно последовательно это прослеживается на малообводненных пастбищах, где преобладали искусственные водоисточники, которые, как мы уже отмечали, находились в частном владении и пользовании (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 90, 96–98, 124 и др.). На этой основе происходит присвоение соответствующей территории пастбищных угодий.

Правда, не всегда осенние пастбища непосредственно примыкали к зимним, нередко они были отделены от них чужими землями (МКЗ. Т. II. С. IV и др.). В этом случае переход на зимовку после установления там устойчивого снежного покрова носил характер интенсивного отгона, поскольку на обособленных пастбищах вблизи кыстау останавливаться не позволяли (МКЗ. Т. II. С. XXVII и др.). Интересно в этой связи сообщение Рузбихана: «Когда наступает осенняя пора, погода в той стране становится холодной и выпадают обильные снега, то, разумеется, казахи для зимовки направляются из степи на зимние стойбища. Так как на всем пути следования к зимовкам иногда не бывает достаточно воды, чтобы напоить скот, они по необходимости пускаются в путь тогда, когда переправы и дороги покрываются снегом» (Рузбихан, 1976. С. 94). Иначе говоря, на малообводненных пастбищах переход на зимовку был возможен только после выпадения снега.

В осенний период выпас скота, в основном, осуществлялся на тех местах, которые зимой заносились толстым слоем снега и были недоступны скоту (МКЗ. Т. II. Объяснительная записка. С. 13; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 85 и др.). Во время стоянки на позднеосенних пастбищах скот не пускали ближе определенного предела к зимовкам (МКЗ. Т. II. С. IV и др.), оберегая растительный покров от потравы. Одновре-

менно осенние пастбища приберегали для зимнего выпаса лошадей (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 96 и др.), которых уже в это время начинали объединять в зимние табуны косы (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 96 и др.).

«После стоянки на осенней кочевке, – свидетельствуют очевидцы, – киргизы входят уже на собственные свои зимовки, куда приводят с собой верблюдов, коров и баранов, а лошадей оставляют на осенних стойбищах, которые всегда бывают весьма недалеко от зимовок, верстах, например, в 15, 20 и 25-ти» (Чорманов, 1871. № 37). Выпас лошадей в позднеосенний период был построен таким образом, чтобы «дать время траве на джайляу вырасти еще раз под влиянием осенних дождей», только после этого формировали кос и отгоняли его на север в сторону летних пастбищ (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 125 и др.).

Осенний период, несмотря на то, что число «доений» постепенно сокращалось, а к концу осени и вовсе прекращалось (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 88, 103 и др.), охватывал большой объем трудовых операций. К этому времени молодняк переводили в общие табуны и стада (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 103 и др.), а отдельный выпас скота практиковался только в видовом отношении. Осенью, незадолго до перехода на зимовку, проводился массовый забой скота на мясо, во-первых, потому, что животные находились в это время года в наилучшей физической форме и, во-вторых, потому, что долговременное хранение мясных запасов было возможно только зимой (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 169; Добросмыслов, 1895а и др.). Помимо этого осенью, чаще всего в ноябре, производилась случка овец (Диваев, 1901а. Вып. 7. С. 71–74 и др.), а двумя месяцами раньше их вторичная стрижка (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 85 и др.). В это время года заготавливалось топливо на зиму, производился ремонт зимовок и т. п.

Иначе говоря, осень была временем, когда кочевники стремились как можно быстрее выйти на границы своих зимних пастбищ и расположиться по их периферии в ожидании установления стабильного снежного покрова. Вслед-

ствие этого система кочевания по мере удаления от летних пастбищ интенсифицировалась и по мере приближения к зимним пастбищам замедлялась. Она основывалась на передвижениях от одного водного источника к другому либо на использовании сезона дождей, что позволялономадам утилизировать безводные пространства и преодолевать их быстрым маршем.

Миграционно-скоростная аритмия системы кочевания казахов была эффективным способом адаптации к условиям среды обитания. В этой связи находились и формы социальной организации и отношения собственности. Медленный ритм кочевания соответствовал объединению номадов в небольшие социальные группы и регулированию отношений водо- и землепользования. И, наоборот, быстрый ритм кочевания соответствовал концентрации кочевников в большие группы и общности пастбищных угодий.

Таким образом, очевидно, что сезонная динамика природных процессов оказывала глубокое и всестороннее воздействие как на систему материального производства кочевников, амплитуду и скорость передвижения, так и на их образ жизни. Прежде всего налицо экологическая детерминированность всей системы выпаса скота и кочевания, выбора и использования пастбищных угодий и опосредствованно этому – социальной организации и социально-экономических процессов.

Одновременно имеет место и посезонная специфика процессов взаимодействия природы и общества. Так, в наиболее неблагоприятный период года – зимой – главным являлось обеспечение скота кормовыми ресурсами, что обуславливало организацию процесса производства в мелких хозяйственных организмах, тогда как в теплый период года на первый план выходила потребность обеспечения скота водой, что определяло необходимость кочевания и возможность большей концентрации трудовых и материальных ресурсов в среде номадов (Масанов, 1984 и др.).

Глава 5. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ПРОИЗВОДСТВА

5.1. ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ДИСПЕРСНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ОБРАЗА ЖИЗНИ НОМАДОВ

В процессе адаптации человека к специфическим природно-климатическим условиям ареальной экосистемы номадами был выработан особый механизм природопользования – закономерность дисперсной организации системы материального производства и образа жизни, с помощью которого обеспечивалось экологическое освоение аридной зоны Евразии. Закономерность оптимальной дисперсности кочевого скотоводческого хозяйства в пространстве детерминировала динамическое равновесие в природных и социально-экономических процессах, эффективное функционирование системы общественного производства.

Дисперсная организация процесса производства была обусловлена прежде всего низкой кормовой продуктивностью растительного покрова в аридной зоне Евразии и Северной Африке. «Скудная растительность, – свидетельствует П. Медведский, – не позволяет слишком большого скучения народа. Чтобы удобнее прокормить свои стада, каждый несколько зажиточный киргиз старается поселиться особняком, и чем дальше от других, тем охотнее; вследствие этого очень нередко около аула не встречается жилья верст на 15 и 20» (Медведский, 1862. Ч. 80. Август. С. 290).

Низкая кормовая производительность растительного покрова, детерминируя динамическое состояние номадов, вынужденных передвигаться в поисках подножного корма, обуславливала потребность в огромных по площади выпаса пастбищных угодьях. Для обеспечения одной лошади кормами в течение года в среднем было необходимо в зоне степей Казахстана не менее 20 га пастбищных угодий, овцы – 5–7 га. В зоне полупустынь и пустынь Казахстана данная норма резко возрастала, например, для овец – до 15–24 га (Федорович, 1973. С. 217–218; Нечаев, 1975. С. 56–58; Казахстан, 1969. С. 452 и др.).

В Монголии среднегодовая норма пастбищных угодий на одну овцу составляет от 1,5 до 6,7 га (Чогдон, 1980. С. 60 и др.). В сахарской и субсахарской зонах емкость пастбищных угодий составляет свыше 20 га на одну голову скота, а в саванно-сахельской – 6–12 га (Радченко, 1983. С. 51 и др.). Анри Лот отмечает, что в зоне Сахары необходимо не менее 60 га пастбища на одну голову крупного рогатого скота (Лот, 1984. С. 188). В этом случае очевидно, что разреженность и низкая кормовая производительность растительного покрова лимитировали численность скота и не допускали его большой концентрации в рамках любого типа хозяйства.

При этом известный минимум пастбищных ресурсов при рациональном их использовании мог обеспечить жизнедеятельность не только строго лимитированного количества животных, но и в течение лишь определенного отрезка времени (фактор сезонной продуктивности растительного покрова). Это обстоятельство также значительно ограничивало численность скота и время его пребывания на той или иной территории.

При этом различные виды животных предъявляли особые требования к растительному покрову и требовали поэтому организации специфического режима выпаса. Так, например, из 180 видов семейства маревых (солянок), составляющих основу травостоя пустынных пастбищ Казахстана, овцами поедается 132 вида, а крупным рогатым скотом – только 24 (Ковешников, 1967. С. 201). Из 288 видов

растений пустынной зоны Казахстана овцами поедалось 167 видов, верблюдами – 148, лошадьми и крупным рогатым скотом – 109 (Иванов, 1973. С. 63–65).

Таким образом, возможность выпаса животных на той или иной территории и их численность лимитировались не только бедностью пастбищных угодий, но и сезонной продуктивностью, качеством растительного покрова и особым режимом выпаса различных видов скота.

Дисперсное состояние общественного производства было также обусловлено аридностью природно-климатических условий и прежде всего бедностью водных ресурсов, которые препятствовали сколько-нибудь значительной концентрации скота. Это было следствием недостаточности атмосферных осадков и того, что потребность в воде не восполнялась за счет естественных водоемов (Кирста, Кузнецов, 1985 и др.), а искусственные водоисточники не могли удовлетворить потребности в воде большого числа скота. «...Для множества лошадей и верблюдов, – отмечал еще С. Броневский, – киргизские колодези недостаточны» (Броневский, 1830. Ч. 43. Кн. 124. С. 240). Поэтому их использование носило и сезонный характер.

Кочевое скотоводческое хозяйство базировалось на равномерной сети искусственных водоисточников на очень больших пространствах, но с малым расходом воды в каждом из них и с возможностью быстрого и непродолжительного использования. Причем оптимальное расстояние между пунктами водопоя не должно превышать в условиях Казахстана для летних пастбищ 5 км, а для весенних и осенних – 10 км (Казахстан, 1969. С. 453–454). По данным Р. Капо-Рейя, номады использовали колодези только при условии, что они не слишком глубоки (не глубже 30 м) и не слишком удалены от пастбища (для овец не более 25 км) (Капо-Рей; 1958. С. 196).

Следует также в этой связи указать и на сильную минерализацию водных источников, что не позволяло равномерно использовать их всеми видами скота и требовало особого режима водопоя для каждого вида животных, поскольку верблюды, а за ними овцы и козы, гораздо лучше перено-

сили отсутствие воды по сравнению с крупным рогатым скотом и тем более лошадьми, которые требовали регулярного водопоя. При этом воды с содержанием солей до 5 и даже 10 г/л пригодны только для овец и верблюдов и временно для крупного рогатого скота, а для людей и лошадей не пригодны вовсе (Казахстан, 1969. С. 453).

Вследствие этого достаточно определенно прослеживается недостаточность ресурсов, что создало потребность в передвижениях в поисках воды и принципиальную невозможность сколько-нибудь значительной концентрации скота, регулировало численность и видовой состав стада вокруг того или иного водоема.

Таким образом, недостаточность кормовых и водных ресурсов, как, впрочем, и топливных, строго ограничивала численность животных, отчасти и видовой состав стада, на той или иной территории и обуславливала невозможность концентрации скота сверх допустимого лимита ресурсов среды обитания. При этом процессом утилизации природных ресурсов и самой системой материального производства регулировалось время пребывания скота вокруг водного источника на том или ином пастбище, поэтому скотоводческое хозяйство номадов существовало как бы в дисперсном состоянии в виде множества относительно мелких по числу скота хозяйственных организмов.

В этом случае, несомненно, достигался наибольший эффект в использовании скудных пастбищных угодий аридной зоны Евразии и Северной Африки, позволявший в достаточной мере обеспечить скот кормами и водой. «Киргизы, – отмечал еще А. И. Левшин, – редко кочуют большим числом вместе: ибо стадам их тогда бывает тесно...» (Левшин, 1832. Ч. III. С. 24). «Следствием обилия скота, – пишет Р. Капо-Рей, – является необходимость распыления становищ. Регейбаты кочуют группами по 5 или 6 шатров, ... а иногда отдельными шатрами» (Капо-Рей, 1958. С. 240).

Совершенно справедливо в этой связи было замечено К. М. Тернбулом, что постоянные передвижения, процесс сезонного расщепления и слияния общин, а также рассеян-

ное состояние населения – все эти факторы позволяют людям выжить в данных условиях среды обитания: «Система находится в соответствии с существующими условиями» (Тернбул, 1981. С. 64–65).

Дисперсное состояние номадов было также обусловлено важностью сохранения плодородия почвы, экологического равновесия в природных и социально-экономических процессах. Значительное сосредоточение скота влекло за собой быстрое выбивание пастбищных угодий, уничтожение плодородного слоя почвы, что особенно прослеживается вблизи водных источников и поселений (Алланиязов, Викторов, Пельт, 1984. С. 19–25, 94, 100, 114; Григорьев, 1985. С. 88–89, 90, 94, 172, 210; Арнагельдыев, Костюковский, 1985. С. 102, 126, 130; Чигаркин, 1984. С. 164 и др.).

«Огромные количества животных, – свидетельствуют очевидцы, – уничтожают растительность настолько, что во многих местах оголяются песчаные холмы и саванна превращается в пустыню. Особенно это бросается в глаза в окрестностях больших селений и в местах водопоя... На дюнах, окружающих эти места, нет и следа растительности» (Ковальска-Левецка, 1981. С. 191).

В этой связи очень интересны некоторые результаты предварительных исследований в Монголии, которые показывают, что вокруг колодцев на расстоянии 20–40 м образуется вытопанный участок без растительного покрова, на расстоянии 40–100 м травостой становится очень редким и слагается в основном из корневищных и малопитательных растений. В радиусе 0,4–1 км от колодца пастбище находится на последней стадии сбоя: почва уплотнена и имеет низкий растительный покров. На расстоянии 1–2 км от водоразлива степень сбоя пастбища становится почти незаметной, но урожайность травостоя понижается в среднем на 20–32%, в то время как резко возрастает урожайность малопродуктивных осок – в 2–5,3 раза, полыни – 3,2–6,2 раза (Чогдон, 1980. С. 125).

Скопление скота сверх допустимого лимита создавало для окружающей среды чрезвычайную опасность в виде так называемого «эффекта перевыпаса». Из-за неравномерного

размещения скота, превышения его лимита на единицу пастбища, растительный покров, чрезмерно истребляемый животными, не успевал накопить резервные вещества, необходимые для собственного воспроизводства, и поэтому не мог преодолеть конкурентного давления посторонних видов растительности. Усиленное вытаптывание приводило к уничтожению корней наиболее поедаемых скотом многолетних растений, которые играют основную роль в защите почвы. Отсюда при перевыпасе наблюдается тенденция к непрерывному увеличению числа видов растений с коротким вегетационным циклом, повышению доли однолетних растений (Формозов, 1981. С. 274–275; Мордкович, 1982. С. 186–188; Радченко, 1983. С. 194–195, 200–201, 205–210, 220–221 и др.).

Вследствие этого имеет место пастбищная модификация (пасторальная дигрессия) растительного покрова – ухудшения видового состава кормовых угодий, снижение общей продуктивности и урожайности травостоя (Суворов, 1949. С. 67–77; Соболев, 1960; Быков, 1983; Алланиязов, Викторов, Пельт, 1984. С. 94–100; Сухие степи МНР: природные условия, 1984. С. 123, 126–128 и др.). В составе травостоя сильно сбитого пастбища от 23,6 до 45,9% в степной и от 48 до 50,2% в полупустынной зонах занимают растения, не имеющие большого кормового значения. В то время как продуктивность таких ценных кормовых трав, как злаки, снижается на 23,7–7,2% (Чогдон, 1980. С. 125–126). Специальные исследования свидетельствуют, что при средней нагрузке на пастбища было получено 264 новых всхода растений на 1 кв. м, а при максимальной – лишь 128 (Овцеводство Казахстана, 1968. С. 335).

Среди последствий перевыпаса различаются экосистемно-функциональные (нарушение взаимосвязи и устойчивости консорциев, энергообмена, минеральных циклов и т. п.) и подсистемные структурные изменения (в структуре почв, растительности и т. п.) (Смены пустынной... растительности..., 1982. С. 17 и др.). При этом имеют место экологические катастрофы, порождаемые антропогенными факторами, которые приводят к повышению альбедо, создающему

дефицит радиации, изменению климата, возникновению засух и т. п. (Григорьев, 1985. С. 74, 174 и др.). Иначе говоря, перевыпас скота влечет за собой весьма сложные, многообразные и нередко необратимые последствия. Пастбища как сложные структурно-функциональные экосистемы при интенсивном использовании не только снижают свой природный потенциал, но и теряют способность к саморегуляции и самовосстановлению.

Пастбищная дигрессия, в частности, приводит к труднообратимым нарушениям растительности, проявляющимся в выпадении высокопитательных облигатных доминантов, снижении полноты сообществ и их продуктивности, а также сильной засоренности (Смены пустынной... растительности..., 1982. С. 202–203 и др.). Пастбищная модификация растительного покрова вызывала уплотнение и засоление почв, их переунавоживание и чрезмерное статическое давление, что вело к разрушению дернины, развеиванию песчаных и других рыхлых и изреженных почв. Следствием этого является усугубляемое водной и ветровой эрозией опустынивание (См. Казахстан, 1969. С. 228, 230, 234, 455; Соболев, 1960. С. 5, 8, 15; Формозов, 1981. С. 25, 58–60, 99, 105–106; Кириков, 1983. С. 61–62; Викторов, Чикишев, 1985. С. 67; Лот, 1984. С. 182–183, 187; Григорьев, 1985. С. 25, 52, 72, 90, 93, 162, 168–171, 173–174, 197, 207; Чигаркин, 1984. С. 75, 81, 113–114, 116, 162, 164; Арнагельдыев, Костюковский, 1985. С. 44–46, 84, 102–103; Мордкович, 1982 и др.). Исследования пустынных пастбищ показывают, что в результате пастбищной дигрессии в течение уже 2–4 лет наступает деградация пастбищных угодий, для восстановления которых требуется до 30 лет (Смены пустынной... растительности..., 1982. С. 203).

В этой связи можно привести классический пример опустынивания огромных пастбищных массивов во Внутренней орде (Плотников, 1871. С. 248–251; Москалева, 1957 и др.). Во второй половине XIX в. в замкнутой со всех сторон казачьими станицами и военными пикетами Внутренней орде из-за постоянно возрастающей нагрузки на пастбищные уго-

дья (в 1819 г. на одну десятину приходилась одна голова скота, в 1829 г. – 2,7, а в 1852 г. – 4,2 головы и т. д.) только в Нарынской части площадь голых песков ежегодно возрастала более чем на 17 тыс. десятин (Барминцев, 1958. С. 70).

Например, в Казахстане только лишь в советское время в результате неоправданной концентрации скота и его нерационального выпаса насчитывалось свыше 25 млн га выбитых и более 30 млн. га эродированных пастбищ (Правда. 5 июня 1979 г.). В настоящее время на стадии сбоя находится еще порядка 30–35 млн га. Особенно стремительным темпам опустынивания подвержена сахельская зона (Григорьев, 1985 и др.).

Таким образом, скудные природные условия среды обитания в сочетании со слабыми восстановительными способностями почвенного покрова и фитоценозов, необходимостью сохранения экологического равновесия объективно и независимо от желания самих кочевников создавали принципиальную невозможность концентрации скота в аридной зоне Евразии и Северной Африки и превышения его численности сверх допустимого лимита на единицу пастбища (Кириков, 1983. С. 3, 10, 18–19, 45, 61, 108, 113; Абатуров, Лопатин, 1985. С. 27–35 и др.).

Как справедливо было замечено крупным советским геоморфологом Б. А. Федоровичем, «кочевое животноводство, составляющее основу хозяйства в глубинных районах пустынь, настолько приспособлялось к природным условиям, что сравнительно мало сказывалось на ландшафте даже песчаных пустынь, наиболее чутко реагирующих на воздействие человека» (Федорович, 1983. С. 182–183. См. также: Григорьев, 1985. С. 169–170; Чигаркин, 1984. С. 54 и др.).

Как правило, процесс деградации пастбищных угодий, спонтанно и спорадически возникавший время от времени, носил дискретный характер, поскольку существовал лимитированный предел, за порогом которого процесс концентрации скота в доиндустриальную эпоху совершенно объективно прерывался. Главная роль во взаимосвязанном

круговороте биологических циклов принадлежала конкретным экологическим факторам, которые играли роль своеобразного регулятивного механизма прерывания процессов концентрации скота.

Для нормального воспроизводства стада было важно наличие не только соответствующих кормовых и водных ресурсов, потребность в которых в случае большого сосредоточения скота резко возрастала, но и минимума времени, необходимого для его передвижения и восстановления энергетических затрат в процессе перекочевания, нормального поедания корма и его усвоения, обеспечения репродуктивных функций и т. п.

При скоплении же скота сверх лимита среды обитания резко возрастала скорость и интенсивность его передвижения, поскольку чем более интенсивно эксплуатировались пастбищные угодья, тем большей была потребность в их смене. В этой связи следует указать на различную приспособляемость животных к условиям кочевания, особый режим выпаса различных видов скота. Так, скорость движения отары овец составляла в среднем 0,6–1,2 км/час при выпасе и 1,1–1,5 км/час при перегоне со стравливанием травостоя, крупного рогатого скота – 0,5–1,6 км/час при вольном выпасе. При этом радиус выпаса от водопоя не должен превышать для мелкого рогатого скота 4–5 км, крупного – 2–2,5 км, лошадей – 5–8 км, верблюдов – 8–10 км (Чогдон, 1980. С. 187–195 и др.).

При увеличении скорости движения и частых длительных перегонах возрастали потери скота в живом весе, резко ухудшались физические кондиции животных, что влекло за собой их слабую наживку в теплое время года, недостаточное восстановление энергетических затрат в процессе кочевания, травматизм и в конечном счете, чаще всего зимой, массовый падеж скота. «...От скорой перегонки, – свидетельствуют М. Поспелов и Т. Бурнашев, – оный скот подвержен бывает повреждению и самой гибели...» (КРО, 1964. С. 150). Примером тому могут служить достаточно хорошо прослеживающиеся в источниках случаи, когда в периоды

военных конфронтаций номады были вынуждены бежать от преследования своих врагов, наступала массовая гибель скота (*Левшин*, 1832. Ч. II. С. 69–70 и др.).

Весьма интересный пример подобного рода можно привести в связи с практикой налоговых сборов царизма в Казахстане, зафиксированный в середине XIX в. А. Янушкевичем: «...Табуны и отары стягивались в одно место, отстоящее от кочевий за 150 и более верст. На дорогах оставались следы неожиданного похода: кобылы и коровы сбрасывали, верблюды, кони, овцы падали. Потом, при огромном сборище и давке, от недостатка корма и воды, падеж скота ежедневно увеличивался» (*Янушкевич*, 1966. С. 211). Большое скопление скота и его беспорядочный перегон приводили к массовой гибели животных, особенно молодняка (*Нечаев*, 1975. С. 59 и др.).

Следовательно, морфологические признаки и видовые особенности животных, т. е. собственно биологические механизмы, лимитируя их численность, определяли принципиальную невозможность концентрации скота при кочевом режиме хозяйства в скудных условиях аридной зоны, а скорость его передвижения ограничивала интенсивность, ареал и время кочевания. Из этого видно, что номадный способ производства не являлся беспредельно экстенсивным, а был весьма значительно ограничен в различного рода перекочевках и базировался прежде всего на разумном и рациональном использовании продуктивных свойств различных видов животных. Поэтому биологические механизмы также способствовали прерыванию процессов накопления и концентрации скота независимо от воли и желания самих кочевников.

Правда, была возможность интенсификации системы кочевания за счет изменения видового состава стада, в частности увеличения поголовья и доли более мобильных видов животных (лошадей и верблюдов), что имело место в богатых хозяйствах и в особо засушливых районах (*Першиц*, 1961 и др.). Но и в этом случае экологические особенности вида в конечном счете также ограничивали число особей на единицу пастбища и оптимальные размеры стада. При этом

цикл воспроизводства, функциональные и продуктивные качества ни одного из видов животных не могли обеспечить полного удовлетворения потребностей человека в необходимых для его жизнедеятельности средствах (см. 3.1).

Надо также учитывать и отношение человека к длительности, ритму и режиму трудового процесса. В случае чрезмерного сосредоточения скота, а следовательно, и его более быстрого передвижения, происходило бы нарушение оптимального ритма жизни трудящихся индивидов, поскольку интенсивность кочевания также зависела от ритмичности трудовых и физиологических процессов самого человека. Так, например, для человека важное значение имело восстановление своих энергетических затрат в процессе труда (функция рекреации). «Рекреация характеризуется количеством времени, в рамках которого происходит восстановление сил человека (физических, интеллектуальных и эмоциональных), и деятельностью, осознанно или инстинктивно направленной на восстановление жизненных сил» (*Кривошеев, Зорин*, 1981. С. 62. См. также: *Моммадов* и др., 1985. С. 75–84 и др.).

Для обеспечения, в частности, функции рекреации необходимо было время для организации отдыха и быта, приготовления и приема пищи, сна, ухода за детьми, стариками, больными и роженицами, а также для отправления культов, ритуалов и т. п. В условиях кочевого хозяйства смена деятельности в совокупности с аритмией трудового процесса могут быть соотнесены с функцией рекреации. Хотя требовалось время и для осуществления социально-политической деятельности.

Таким образом, общественная деятельность в сочетании с ритмо-режимными характеристиками процесса производства регулировала взаимодействие экологического, биологического и социального факторов. Для обеспечения нормальной жизнедеятельности человека была необходима оптимальная организация и сбалансированность всех условий и факторов бытия, что обуславливало принципиальную невозможность концентрации скота сверх лимита

природных ресурсов среды обитания, морфологических свойств животных и жизненных сил самого человека. Поэтому вполне закономерно, что дисперсная организация системы материального производства и образа жизни кочевников являлась фундаментальным свойством кочевничества.

Материальным выражением закономерности дисперсного состояния, его внешней формой являлись общинная организация (см. 6.1) и малая плотность кочевого населения, составлявшая в среднем 0,5–1,5 чел. на км² (Брук, 1981; Андрианов, 1985 и др.). «Можно считать установленным, – пишет В. А. Анучин, – наличие связей между природными ресурсами, условиями, уровнем развития производства и плотностью народонаселения» (Анучин, 1982. С. 79). При этом «установлено, что в пределах экосистемы численность населения имеет тенденцию возрастать, пока не достигается точка динамического равновесия, определяемая притоком энергии (т. е. пищевыми ресурсами)» (Долуханов, 1979. С. 15). Иначе говоря, в доиндустриальную эпоху в ареальных экосистемах была достигнута опосредствованно кочевому скотоводству точка динамического равновесия (Эванс-Причард, 1985. С. 86), регулирующим механизмом которой являлась закономерность дисперсного состояния кочевнического населения.

Дисперсное состояние, находившее свое непосредственное выражение в существовавшей у всех кочевников организации процесса производства в небольших по числу скота хозяйственных организациях, имело сезонную специфику. Наиболее полное развитие дисперсность получала, например, у казахов в зимний период года из-за наличия снежного покрова, недостаточности кормовых ресурсов и невозможности кочевания (см. 4.1), а также поздней осенью и ранней весной (см. 4.2). В это время года мелкие хозяйственные организации кочевников сегментировались на еще более мелкие производственные ячейки (Броневский, 1830. Ч. 43. Кн. 123. С. 74; Букейхан, 1927. С. 68 и др.). В свою очередь, в зоне Сахары дисперсность становилась максимальной в засушливые периоды, когда из-за далеких

расстояний между колодцами и недостатка пастбищ, пишет К. Тернбул, племена должны были делиться на мелкие кочевые группы, которые были изолированы друг от друга (Тернбул, 1981. С. 154).

Процессы концентрации скота, превышающие ресурсный потенциал среды обитания, совершенно объективно прерывались посредством как естественно-сегментирующей, так и социально-сегментирующей функций. Под первой из них мы понимаем различного рода экологические факторы, которые проявлялись в виде джутов и разных природных катаклизмов, приводивших к гибели скота, распространению эпизоотии, выкидышам и т. п. В качестве примера можно привести данные, свидетельствующие о том, что по мере возрастания степени обеспеченности скотом прямо пропорционально увеличивается и его падеж.

Так, в Петропавловском уезде в группе хозяйств, имеющих до 3 лошадей, от разного рода случаев гибели скота (джутов, болезней, нападения волков и т. п.) страдают в среднем 7–14,5% всех хозяйств данной группы; в группе хозяйств, имеющих от 4 до 10 лошадей, – от 22,6 до 33,6% хозяйств. В группе же хозяйств, имеющих от 11 до 25 лошадей, процент хозяйств с убылью колеблется в диапазоне от 40,3 до 52%, в группе хозяйств, имеющих от 26 до 50 лошадей, – 59–65%, тогда как в группе хозяйств, имеющих более 50 лошадей, он достигает своего максимума – 78–93% всех хозяйств (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 171).

Под социально-сегментирующей функцией мы понимаем такой комплекс социальных явлений, как обязательный раздел имущества после смерти его владельца, отдача скота в саун, уплата калыма, выделение имущества женатым сыновьям и приданого дочерям, устройство многочисленных пиров и празднеств по случаю рождения ребенка, инициации, свадьбы, похорон, поминок, система подарков-отдарков, законы гостеприимства и т. п., которые способствовали прерыванию процессов накопления скота и его перераспределению по всем этапам общества (см. 7.3). Как нам представляется, закономерность дисперсного состояния через естественно-

социально-сегментирующую функции детерминировала прерывание процессов накопления скота и способствовала рассеянию собственности в пространстве.

* * *

Таким образом, система кочевого режима хозяйствования строилась прежде всего на предельно рациональном использовании пастбищных угодий, кормовых и водных ресурсов среды обитания, продуктивных свойств животных и совершенно объективно вела к организации процесса производства в небольших по числу скота хозяйственных организмах. В результате этого происходило рассредоточение массы скота на возможно большей территории, что позволяло сохранять равновесие в природных и социально-экономических процессах, обеспечивать воспроизводство стада и в наиболее сбалансированной форме собственно процесс производства и общественную деятельность членов данного социума. Процесс концентрации скота строго лимитировался природными ресурсами, биологическими свойствами скота, целесообразностью общественного производства, функцией рекреации и т. п. Вследствие этого процессы концентрации трудовых и материальных средств совершенно объективно прерывались, если они превышали ресурсный потенциал среды обитания (Масанов, 1987 и др.).

5.2. ЗАКОНОМЕРНОСТЬ КОНЦЕНТРАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Лимитирующая роль среды обитания, которая определяла закономерность дисперсной организации системы материального производства и атомизацию общественной жизни кочевников, в процессе производства уравнивалась совокупностью факторов и стимулов, детерминировавших общность их интересов, необходимость объединения кочевников, развитие интеграционных процессов. На этой основе получает развитие закономерность концентрации общественного производства, означающая объективную потребность в объединении трудовых и материальных ресурсов для обеспечения жизнедеятельности и функционирования общества.

Среди множества факторов, объединяющих людей в различные социальные организмы, мы оставляем в стороне анализ инстинкта стадности, сексуального фактора (Васильев, 1983. С. 11 и др.), как присущих всем биологическим существам, и остановимся на рассмотрении лишь тех из них, которые способствуют удовлетворению специфически человеческих потребностей, либо являются результатом деятельности человека. Концентрация общественного производства порождалась, главным образом, технико-технологическими аспектами (см. 7.3), процессами кооперации и совместного труда массы непосредственных производителей, необходимостью найма и привлечения тяглого населения, а также социально-политическими и военными потребностями общества. Рассмотрим важнейшие интеграционные факторы жизнедеятельности кочевого общества.

Закономерность кооперации в кочевой среде анализируется нами в качестве основного уровня жизнедеятельной функции общества. Это было связано с тем, что осуществление разнообразных трудовых операций в сфере скотоводческого хозяйства требовало совместного труда различных групп индивидов, поскольку воспроизводство средств производства в рамках нуклеарной семьи было принципиально невозможно ввиду недостаточности их усилий и ограниченности энергетических затрат членов данной ячейки общества. Как мы уже отмечали, наиболее трудоемким был процесс обеспечения скота водой в аридных районах Евразии и Северной Африки, который в наибольшей степени требовал совместной деятельности, а следовательно, концентрации трудовых ресурсов.

Специальные исследования в этой области показывают, что в среднем на одну овцу в год расходуется следующее количество человеко-часов: на водоподъем – 4,12, кормодобывание – 3,2, стрижку – 0,4, очистку шкуры – 0,45, всего – 7,87 человеко-часов (Чогдон, 1980. С. 105). В этих расчетах, как мы видим, не учтено очень многое, но они позволяют понять главное – направленность и характер трудового процесса в кочевой среде. Действительно, большая часть времени

и энергетических усилий трудящихся индивидов расходуется на обеспечение скота водой. Процесс обеспечения скота водой в кочевой среде, как мы уже отмечали, подразделяется на процесс создания и поддержания в функционирующем состоянии искусственных водных источников и на процесс извлечения ее из колодцев и напоения скота.

Как уже упоминалось выше, в жизни номадов важную роль играли искусственные водоисточники. Практически во всех регионах, где функционировало кочевое скотоводческое хозяйство, за исключением лишь предгорных и речных долин, основным водоисточником, позволявшим освоить крайне скудные пастбищные ресурсы, являлись грунтовые воды. «В пустынях Аравии, — пишет В. Т. Зайчиков, — использование водоносных горизонтов с помощью колодцев издавна служит основным источником водоснабжения, и колодцы здесь представляются обычным элементом ландшафта...» (Зайчиков, 1974. С. 70. См. также: Пуляркин, 1982. С. 148; Радченко, 1983. С. 34 и др.). Даже в степных районах Казахстана, сравнительно неплохо обеспеченных естественными водоемами, зачастую основным источником водоснабжения являлись грунтовые воды (Андреев, 1795. Ч. 112. С. 22; Спасский, 1820. Ч. 9. Кн. 2. С. 85; Хозяйство казахов..., 1980. С. 68 и др.). «...Фактическая сторона положения, — отмечает в этой связи А. И. Корнеев, — указывает на недостаток... естественных поверхностных водных источников и на необходимость обратиться к сооружению плотин... и к устройству колодцев... Наибольшее значение имеют, конечно... колодцы» (Корнеев, 1906. С. 3). «Высыхание естественных водоемов, незначительное количество проточных вод и почти полное отсутствие ключей заставляет кочевников прибегать к устройству искусственных источников — колодцев и кое-где вблизи рек — запруд по логам. Во многих местах колодцы являются единственными водными источниками» (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 8).

Для освоения подземных водоносных горизонтов, имеющих разную степень доступности, нужны прежде всего значительные затраты совокупного общественного труда, а следовательно, необходима кооперация трудовых усилий.

Так, например, на Мангышлаке ежегодно копались от 200 до 600 новых колодцев (Турсунова, 1977. С. 15). Небольшой колодец в несколько метров глубиной обычно создавался самой общиной и не требовал больших затрат труда (Букейхан, 1927. С. 66 и др.), поскольку «колодец, глубиной в 4 м два человека могут вырыть на мягких породах, при усиленной работе, в 4 часа» (Ищенко и др., 1928. С. 65). Но создание глубоких колодцев требовало от одного до нескольких лет и стоило до 100 и более баранов (там же. С. 65). Поэтому такого рода колодцы могли быть созданы только усилиями сравнительно большого коллектива трудящихся индивидов.

При этом необходимо учитывать, что поддержание колодцев в нормальном состоянии также весьма трудоемкий процесс, требовавший кооперации значительной массы непосредственных производителей, ибо незакрепленные стенки колодцев постоянно обваливались, обсыпались, особенно в пустынной зоне (Полетаев, 1875. С. 2–3; Маев, 1872. С. 72 и др.). Вследствие этого продолжительность использования большинства колодцев была посезонной (Пуляркин, 1982. С. 148 и др.). Поэтому кочевники каждый год, приходя на сезонные пастбища, первым делом восстанавливали старые либо рыли новые колодцы (Бларамберг, 1848. Отд. II. С. 24 и др.).

Чрезвычайно трудоемким, как мы уже подчеркивали, являлся процесс извлечения воды из колодцев, который также требовал немалых трудовых затрат. Так, на подъем воды из неглубокого колодца вручную для одной отары овец численностью в 600–800 голов требуется 2–3 часа в день (Чогдон, 1980. С. 105). Как свидетельствуют «Материалы по киргизскому землепользованию», для того, чтобы напоить сотню лошадей из неглубокого колодца, глубиной не более двух аршин, одному человеку требуется как минимум 1,5 часа. При этом лошадей надо напоить дважды в день (МКЗ. Т. IV. Описание... С. 88). Не менее трудоемким был процесс водопоя скота из естественных водоисточников (см. 3.2).

Помимо водообеспечения практически все элементы и звенья производственного цикла также требовали значительных затрат коллективного труда. Прежде всего это

относится к системе зимнего выпаса скота (см. 4.1). После обильных снегопадов, например, когда животные не могли самостоятельно тебеневаться, надо было расчистить пастбищные угодья от снега или от ледовой корки для того, чтобы обеспечить скоту доступ к естественному травостою. В этом случае все члены того или иного трудового объединения от мала до велика выходили откапывать траву из-под снега (Добросмыслов, 1895а. С. 89 и др.).

«К перечисленным мерам нужно отнести и то, – свидетельствует П. Медведский, – что во время метели все, от мала до велика, хлопочут около табунов, разъезжая верхом, стараются скучивать стада, подгоняют отставших животных, отыскивают отбившихся и проч.» (Медведский, 1862. Ч. 80. Август. С. 292). Зимой кочевники раз в 10–20 дней были вынуждены растапливать в котлах огромную массу снега, льда для того, чтобы хоть изредка обеспечивать скот натуральной водой (МКЗ. Т. I. С. 46–47 и др.).

Вместе с тем значительных затрат коллективного труда требовали такие элементы производственного процесса, как раздельный выпас скота, его охрана, уход за молодняком, роды, случка, стрижка, дойка, забой на мясо, клеймение, кастрация и т. д. (см. 6.1). Немало трудовых усилий и времени требовало и создание предметов материальной культуры, организация быта, что могло быть обеспечено лишь взаимозаменяемостью и взаимопомощью трудящихся индивидов в процессе производства. Не следует забывать и то, что труд был строго регламентирован в половозрастном отношении, а часть детей, стариков, больные и роженицы вовсе не участвовали в производственном процессе.

Таким образом, практически все звенья и элементы системы материального производства в кочевой среде порождали необходимость в кооперированных формах труда, объединении трудовых усилий массы непосредственных производителей, их совместной трудовой деятельности. При этом кооперация в среде номадов имела место лишь на уровне производственных групп и общинных структур, а за их пределами практически отсутствовала. Вследствие

этого закономерность дисперсного состояния, являвшаяся результатом лимитирующего воздействия среды обитания и тяготевшая к атомизации общественной жизни, ограничивалась жизнедеятельной функцией кочевого общества – закономерностью концентрации, которая на уровне кооперации порождала необходимость объединения людей в низшие производственные ячейки социума – общины с целью обеспечения интегральной целостности элементов производственного процесса и функционирования всей системы материального производства (см. 6.1).

Видимо именно в процессе взаимодействия дисперсности и кооперации, охватывавшем все сферы жизни номадного общества, следует рассматривать явления так называемой «реципрокации» (Хазанов, 1979 и др.) и многие другие элементы всей практики распределения общественного продукта. Известно, например, какое значение придавали номады так называемому «социально» престижному продукту, расходовавшемуся безвозмездно в пользу всей общины либо «рода» во время ритуальных церемоний и обрядов по поводу рождения ребенка, инициации, свадьбы, похорон, поминок, особенно годовых, и т. д.

Не исключено, что именно дисперсность во взаимодействии с кооперацией обуславливали потребность в патернализме, дарении и отдаче скота на выпас, совместном безвозмездном труде в богатых хозяйствах, оказании родственной помощи, потлачестве и т. п. Очевидно, что именно принцип кооперации был первоосновой не только основных, наиболее устойчивых социальных ячеек общества (см. 6.1), но и очень многих социальных явлений, норм, обычаев и обрядов.

Продолжая разговор о процессах сосредоточения материальных и трудовых ресурсов в кочевой среде, укажем на наличие еще одного канала концентрации общественного производства, порождаемого спонтанно возникающими процессами накопления скота в отдельных богатых хозяйствах (подробнее см. 7.3). По мере накопления скота в этих хозяйствах постоянно возрастала потребность в привлечении дополнительных трудовых ресурсов, способных

обеспечить все элементы производственного процесса. Это обстоятельство порождало, в свою очередь, дальнейшую концентрацию материальных ресурсов.

Отличие данного уровня от предыдущего заключается в том, что развиваются объединительные процессы, но не для кооперации трудовых усилий массы непосредственных производителей, а с целью включения их в производственный процесс в качестве тяглого населения, привлечения их труда для выполнения разнообразных трудовых операций в интересах субъекта собственности. «Богатый киргиз, – свидетельствуют источники, – имеет у себя несколько работников: пастухов лошадей (джилкачи), овец (койчи), коров (сиирчи), верблюдов (тюечи), и человека два-три из мужчин и женщин для домашнего обихода. Все эти люди работают неустанно целый день, и в сильный мороз, и в солнечный зной». «Труд же этих работников непрерывный: трудятся они весь день, а ночью дети их караулят мелкий скот и овец возле аула...» (Джайляу, 1886. № 51). Удельный вес хозяйств, практиковавших наем работников производства, например, составлял в Акмолинском уезде – 26,7% всех хозяйств (МКЗ. Т. III. Ч. I. Поаульные таблицы. С. 382, 387. Подсчет мой. – Н. М.), Усть-Каменогорском – 17,0% (МКЗ. Т. IX. Поаульные таблицы. С. 290–291) и т. д. (подробнее см. 8.2).

Несомненный интерес в этой связи представляет система общественных связей типа «патрон – клиент». «Окружение» – это группа клиентов, объединившихся вокруг патрона. Основа сплочения – взаимозаинтересованность. У патрона должны быть такие ресурсы, чтобы их распределение среди клиентов обеспечивало каждого в большей мере, чем их индивидуальная, самостоятельная деятельность. Естественно, и патрон должен быть заинтересован в услугах клиентов. Правда, в этом случае при уменьшении ресурсов у патрона или появлении более богатого и влиятельного патрона данная система общественных связей может распасться. При этом клиенты, как правило, не связаны друг с другом, их объединяет только патрон. С исчезновением патрона его «окружение» распадается. Следует отметить внутреннюю

стабильность данного процесса в результате реально имеющего места неравенства в обществе и взаимозаинтересованности индивидов в обмене услугами (Гордон, 1980. С. 46–47. См. также: Смиренская, 1979. С. 44–60 и др.).

Данная закономерность общественного развития была тесно связана с универсальной закономерностью всеобщей кооперации, но по существу носила специфический характер и поэтому может быть выделена нами в качестве самостоятельного уровня накопления процесса концентрации общественного производства (закон накопления или капитализации). В этом случае имеют место специфические формы взаимодействия с закономерностью дисперсного состояния, поскольку дисперсность определяла «потолок» накопления и способствовала прерыванию процессов капитализации посредством разнообразных социально-экономических, правовых и морально-этических норм. Так, например, по достижении сыном совершеннолетия отец обязан был выплатить калым за его невесту, выделить его в самостоятельное хозяйство, наделить его необходимым минимумом средств к существованию (зимовка, предметы материальной культуры и быта) и т. д. Учитывая значительные размеры калыма, енши и т. п., можно прямо говорить, что женитьба нескольких сыновей способствовала полному прерыванию процессов накопления скота и имущества в среде кочевников.

И если процессы накопления и кооперации порождались преимущественно экономическими факторами, то следующий уровень объединения определялся качественно иными процессами, прежде всего процессами интеграции во внеэкономической сфере с целью, например, совместного проживания, организации защиты своих экономических интересов и т. д. Еще Дж. С. Миллем обращалось внимание на то, что «среди вторичных причин, обуславливающих производительность факторов производства, самая главная – безопасность» (Милль, 1980. С. 221). Действительно, в любом обществе, а тем более в кочевом, существовала постоянная необходимость в защите своих интересов, совместном проживании, регламентации внутри- и межобщин-

ных отношений, организации военного дела и т. п. Отсюда устойчивая тенденция к интеграции и объединению во внешнеэкономической сфере и в сфере надстройки (см. 6.2). Данный уровень развертывания закономерности концентрации отличается многообразием форм проявления. Думается, нам есть смысл хотя бы вкратце рассмотреть природу данной закономерности на примере процессов объединения людей посредством военной организации, которая, пожалуй, в наибольшей степени демонстрирует исключительную сложность и противоречивость этого аспекта проблемы, динамизм и консервативность общественных отношений в кочевом социуме.

В эпоху до появления и широкого распространения огнестрельного оружия, как мы уже отмечали, номады доминировали в военно-политической сфере на просторах Евразии. Достаточно вспомнить колоссальные по своим масштабам кочевые «империи» хунну, сяньби, тюрк-тюцзюе, огузов, кыпчаков, киданей, монголов и др., их военные акции и завоевательные походы, а также специфически даннические и другие многообразные формы взаимоотношений завоеванных и завоевателей (*Першиц, 1973; Хазанов, 1975а; Марков, 1976* и др.), чтобы представить в полной мере важность рассматриваемого нами экзополитарного уровня интеграционных процессов в среде номадов (*Крадин, 1992* и др.).

В этой связи отметим, что источники полны сообщений о военных объединениях среди кочевников, их структуре и принципах организации (см. 6.2). В этом случае происходила значительная концентрация сравнительно больших людских масс и их совместная организованная деятельность (война) в интересах кочевого общества (экспансия, военный набег, оборона и т. п.). Все это сопровождалось концентрацией трудовых и материальных ресурсов в немалых масштабах. Не говоря об общеизвестных фактах из истории монголов эпохи Чингиз-хана (*Козин, 1941; Владимирцов, 1934; Сандаг, 1977; Викторова, 1980* и др.) и других континентальной значимости походов номадов, скажем, что у казахов, например, численность воинских контингентов во

время военных кампаний батыра Срыма, Кенесары Касымова, Исатая Тайманова в конце XVIII – середине XIX в. доходила на гребне развития до 5–10 и даже 20 тыс. чел. (*Шахматов, 1946; Вяткин, 1947; Бекмаханов, 1947* и др.).

Для того, чтобы такая огромная масса людей могла более или менее эффективно функционировать хотя бы в течение одного месяца вне сферы производства на поле военных действий, требовалось, чтобы существенно перестроилась вся традиционная система материального производства и общественного разделения труда. Видимо, это достигалось за счет резерва плотности самого кочевого хозяйства, когда гибкая система половозрастного разделения труда была в состоянии временно восполнить отсутствие мужской части населения. Другое дело – функционирование воинских контингентов. Для такой массы людей было необходимо, как минимум, аналогичное число овец, требовавших на указанное время примерно 5–10 тыс. га пастбищных угодий, и 15–20 тыс. га для выпаса конского поголовья, т. е. всего 20–30 тыс. га. Следует заметить, что на такой площади была возможна организация выпаса 5–6 тыс. овец в течение года.

В этом случае вполне правомерен вывод о том, что принцип военной интеграции находился в полном противоречии с системой материального производства и окружающей средой, которые препятствовали в самых различных формах концентрации людских ресурсов. Поэтому объединение номадов даже в небольшие воинские контингенты, перекрывающие обычно сферу производственной целесообразности, противоречило самой природе кочевого общества.

В свое время Н. А. Аристов справедливо обратил внимание на то, что «хотя многочисленность рода давала ему силу, но хозяйственные условия пользования пастбищами и другие причины не позволяли роду сохранять неопределенное время свою целостность и вызывали рано или поздно разделение его на более или менее самостоятельные части. Вследствие этого в каждом роде существовали, с одной стороны, условия, требовавшие сохранения родового единства, с другой же – более или менее сильные стремления

к разделению» (Аристов, 1896. С. 283–284). По-видимому, централизация кочевых обществ была возможна лишь в маргинальных зонах, где природные условия и социально-экономическая инфраструктура в гораздо меньшей степени препятствовали процессам интеграции.

***

Таким образом, помимо технологически детерминированных процессов объединения (см. 7.3), мы можем засвидетельствовать несколько уровней развертывания закономерности концентрации общественного производства: во-первых, кооперацию, порождаемую необходимостью совместной трудовой деятельности с целью обеспечения жизни общества и функционирования всех элементов системы материального производства; во-вторых, накопление, порождаемое процессами поляризации и как следствие обогащения и сосредоточения материальных ресурсов в хозяйствах немногочисленных субъектов собственности; в-третьих, интеграцию, порождаемую необходимостью совместного проживания; в-четвертых, потребностью в регламентации военно-политических и других внеэкономических форм взаимоотношений в обществе кочевников. Каждый из указанных уровней закономерности концентрации имел свою особую сферу влияния и весьма разнообразные формы проявления, но основным, базисным всегда была кооперация, в наибольшей степени влиявшая на функционирование и жизнедеятельность кочевого общества (Марков, Масанов, 1985 и др.).

Часть II. СИСТЕМА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Глава 6. СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

В процессе общественного производства и социальной жизни люди постоянно и регулярно вступают в разнообразные и многосторонние отношения друг с другом. Эти отношения протекали в разных сферах общественной практики по поводу всевозможных интересов, а их функционирование обеспечивалось посредством различных каналов общественных связей. В результате существования бесконечно разнообразных форм социального взаимодействия спонтанно происходила интеграция людей в социальные группы и многообразные сообщества с целью обеспечения всей полноты жизнедеятельности и всех сфер функционирования как отдельных элементов повседневной практики, так и всей системы общественного бытия.

На этой основе возникает специфическая форма социальной организации, представляющая собой многоструктурное и многослойное объединение многочисленных ячеек и подразделений, образующих своего рода «несущую конструкцию», каркас всего общества. Социальная организация представляла собой сложную систему различных социальных объединений индивидов, возникающих на базе широкой общности экономических и неэкономических интересов, всего спектра человеческих взаимоотношений. В рамках и посредством социальной организации обеспечивались все социальные функции и сферы деятельности человеческого общества.

Социальная организация была, с одной стороны, объединением большого множества социальных организмов (таксонов) с их сегментами, которые могли интегрироваться

в целостные комплексы в результате общности тех или иных интересов. Таксоны образовывали как бы молекулярную структуру общества, на первый взгляд, свободно рассеянную во времени и пространстве в условиях всеобщей автаркии и партикуляризма, но в действительности строго упорядоченную и де-факто регламентированную. С другой, социальная организация представляла собой сложную систему разнообразных функционально-детерминированных структурных объединений указанных социальных организмов (таксонов), иерархически и линейно взаимосвязанных в целостные и автономные образования по принципу единства общественных связей и общих свойств.

Воспроизводственный уровень жизнедеятельностиномадного общества обеспечивался следующими основными социальными ячейками: семьей, группой семей, домохозяйством, общиной, хозяйственными и локальными группами. Все эти первичные ячейки, базовые группы характеризуются специфическими функциями и в своей жизнедеятельности практически никогда не совпадают друг с другом.

Семья представляет собой социальную ячейку общества, в рамках которой обеспечивалось биологическое воспроизводство человека, удовлетворение потребности супругов в совместной интимной жизни, начальные этапы социализации и инкультурации индивида (овладение речью, усвоение минимальных навыков общения, накопление минимума информации, знаний о мире и т. п.), а также половозрастное разделение труда в объеме энергетического потенциала членов семьи. Основной формой семьи у большинства населения мира и в том числе у всех номадов чаще всего была парная нуклеарная моногамная семья, которая изначально присуща человеку как биосоциальному виду. В случае многобрачия, как, например, у мусульман, мужчина получал легитимное право быть членом нескольких нуклеарных семей.

В отличие от семьи *домохозяйство* характеризуется тем, что его члены совместно ведут домашнее хозяйство, организуют свой быт, обеспечивают производственную деятельность в рамках единого подворья на основе половоз-

растного разделения труда и совместного проживания под одной крышей. Чаще всего в рамках домохозяйства проживала группа семей, в которой объединялись несколько нуклеарных семей в рамках единого домохозяйства.

Особый интерес вызывает генеалогическая организация, которая существует только в общественном сознании, но в действительности нигде и никогда не ведет к возникновению реальной общности. Объективно мы можем говорить о *генеалогических сегментах*, например, внутри семьи у кочевников-казахов (отец и его дети до их выделения, после которого они прекращают свое существование). Временно генеалогические сегменты могут также фиксироваться и в других структурах – домохозяйстве и группе семей, общине и локальной группе, но лишь до тех пор, пока молодежь не начинает выделяться в самостоятельные социальные ячейки. Даже понятие «родового кладбища» на поверку оказывается мифом, поскольку рядом с мужем у всех кочевников захоранивается его жена, являющаяся членом совершенно иного генеалогического линиджа, а не его сестра – член его генеалогического сегмента, которая в свою очередь по принципу патрилокальности захоронена на совсем другом кладбище – рядом со своим мужем на его «родовом» кладбище.

Поэтому рода нет и никогда не было в природе, но был и до сих пор есть у многих народов генеалогический счет родства (чаще всего патрилинейная филиация). Были и есть отношения генеалогического родства, которые играли чрезвычайно важную роль в позиционировании индивидов и регламентации их взаимоотношений в ситуационно возникающих обстоятельствах. При этом данная система координат могла распространяться на все многообразие взаимоотношений между людьми в процессе общественной жизни и их отношений с окружающей средой. Но все же ведущими, приоритетными и доминирующими всегда были экономические отношения.

В этой связи нами изучаются две ведущие системы общественных связей, которые определили функционирование соответствующих структурных комплексов с иерархической организацией таксонов. Доминантная роль, несо-

менно, принадлежала формирующейся в сфере материального производства системе территориально-общинных связей. Это было обусловлено тем, что ни один индивид не мог самостоятельно обеспечить выполнение всех минимально необходимых для жизни производительных функций. В результате этого имела место всеобщая потребность объединения непосредственных производителей в территориально-общинную организацию.

Другая система общественных связей, на базе которой также возникала специфическая форма социальной организации, охватывала сферу внеэкономических и внешнеполитических взаимоотношений. В связи с общностью интересов в области надстройки происходила интеграция социальных институтов, с помощью которых осуществлялась регламентация всей сферы неэкономических отношений. При этом регулирование многих сторон общественной практики происходило на основе принципов генеалогического родства.

В историографии уже отмечалась правомерность такого дифференцированного подхода к исследованию проблемы социальной организации (Ольдерогге, 1975; Тернбул, 1981; Алексеев, 1984; Эванс-Причард, 1985; Кабо, 1986; Калиновская, 1989 и др.). Так, Г. Е. Марков совершенно справедливо отметил, что «многочисленные кровные, семейно-родственные, хозяйственные, генеалогическо-племенные, военные, политические, культурные, языковые и другие связи в общественной организации кочевников не были равноценными, и задача исследователя – выявить среди множества те, которые лежат в основе общественной структуры» (Марков, 1976. С. 309–310).

6.1. ОБЩИНА И ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОБЩИННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Ведущая роль в социальной организации принадлежала территориально-общинной организации – основе всей системы материального производства и жизнедеятельности кочевого общества. Именно данная организация обе-

спечивала функционирование всей системы общественных связей и взаимоотношений в процессе производства, являлась механизмом регулирования общественной деятельности. Порождаемая общностью прежде всего экономических интересов, территориально-общинная организация детерминировала интегральную структуру кочевых обществ, которые предстают как многочленный и функционально интегрированный организм (Генинг, 1970. С. 14 и др.).

Минимальной ячейкой социальной организации являлась малая, нуклеарная семья, которая была важной хозяйственной и социальной единицей кочевого общества казахов (Кисляков, 1969; Аргынбаев, 1973 и др.). Рядом исследователей процесс возникновения и развития нуклеарной семьи связывается с генезисом собственно кочевничества (Маргулан и др., 1966. С. 429–430; Хазанов, 1975а. С. 56, 74–75; Грач, 1980. С. 49–50 и др.). В действительности же нуклеарная семья объединяет брачную пару и их детей и представляет собой одну из наиболее естественных и универсальных форм социальной организации, присущую человеку изначально как биосоциальному существу.

Семья характеризуется, с одной стороны, собственностью на главное средство производства – скот (Абрамзон, 1973; Аргынбаев, 1973 и др.), а с другой, тем, что она в рамках аграрного общества не могла самостоятельно обеспечить процесс производства в полном объеме вне пределов общины. Поэтому главной экономической ячейкой общества, основным производственным организмом являлась община, объединение трудящихся индивидов на производственной основе. К. Маркс и другие исследователи неоднократно подчеркивали, что производящий индивидуум выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому, он связан с общиной в различных ее формах (Маркс, Энгельс. Т. 12. С. 710).

В историографии известны различные трактовки понятия «кочевая община». Так, В. Ф. Шахматов считает, что объединение в общину происходило на основе родства, соседства и совместного владения и пользования землей (Шах-

матов, 1964. С. 45). По мнению С. Е. Толыбекова, кочевая община была союзом аулов, родов и племен по владению пастбищем (Толыбеков, 1971. С. 372). Но гораздо ближе к истине подошел, я считаю, А. Н. Букейхан, который отмечал, что «...общину объединяет та же скотоводческая цель, которая создала... пастушеский аул и поддерживает его». В качестве такой целеполагающей установки, по его мнению, выступала необходимость обеспечения скота водой (Букейхан, 1927. С. 64, 66). И. Нураков справедливо полагает, что «община – это прежде всего хозяйственное объединение, вызванное экономической необходимостью, тесно связанное со спецификой ведения... кочевого и полукочевого животноводческого хозяйства» (Нураков, 1975. С. 71).

Следует отметить, что до сих пор мы не имеем адекватного теоретического понимания сущности общины (Зак, 1975. С. 233–311; Данилова, Данилов, 1978. С. 9–60; Семенов, 1979; Андреев, 1979. С. 3–20; Алаев, 1981; Першиц, Хазанов, 1979; Хазанов, 1988; История первобытного общества, 1983, 1986, 1988; Першиц, Трайде, 1986. С. 109–114; Кабо, 1986 и др.). В. Тэрнер остроумно заметил в этой связи, что Дж. Хиллери рассмотрел девяносто четыре определения термина «община» и пришел к выводу, что «помимо понятия о том, что люди включены в общину, не существует полного согласия на предмет того, в чем сущность общины» (Тэрнер, 1983. С. 197). Далее он цитирует известного философа М. Бубера, говоря, что он лучше всех определил эту сложную идею: «Община – это жизнь множества людей, но не рядом, а вместе. И это множество, хотя оно движется к единой цели, на всем протяжении пути сталкивается с другими, вступает в живое общение с ними, испытывая перетекание из Я в Ты. Община там, где возникает общность» (там же).

Кочевая община, на наш взгляд, – это прежде всего функционально интегрированная организация трудящихся индивидов, социальное образование, основанное на принципах трудовой кооперации. В основе жизнедеятельности общины находился главным образом фактор обеспечения процесса производства совместными усилиями трудящихся

индивидов (Бутинов, 1968. С. 110 и др.). Община характеризуется общностью трудовых усилий непосредственных производителей, коллективной организацией процесса производства. Это положение достаточно определенно доказывается тем, что именно в рамках общины осуществлялись воспроизводство средств производства, практически все трудовые операции в сфере скотоводческого хозяйства: выпас скота, обеспечение его кормами и водными ресурсами, изготовление предметов материальной культуры и т. п. (Масанов, 1984 и др.).

Необходимо различать общину и составляющие ее производственные или хозяйственные группы. Понятие общины в данном случае покрывает собой все множество и разнообразие различных групп населения, занятых в системе общественного производства. Можно назвать в этой связи такие производственные группы, как пастухи различных стад скота, в частности овец: для выпаса 400–600 голов нужно было два чабана (Толыбеков, 1971. С. 522). У калмыков два пастуха выпасали отару овец в 1000–1500 голов, а в Монголии – 2000 овец (Хазанов, 1975а. С. 141). Для выпаса табуна лошадей в 300–500 голов требовалось 3–4 табунщика (Аргынбаев, 1973. С. 159), 200 лошадей – 2–3 пастуха (Толыбеков, 1971. С. 527), по другим данным того же автора для выпаса 150 лошадей требовался один пастух (Толыбеков, 1971. С. 540). «Материалы по киргизскому землепользованию» сообщают, что для выпаса 300 лошадей требовалось 2 табунщика, 500–1000 голов – 3–4 пастуха и 1000–1500 лошадей – 6–7 табунщиков (МКЗ. Т. II. С. XXIV; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 99; МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. 1). У калмыков два пастуха выпасали 300 лошадей (Хазанов, 1975а. С. 141). Для выпаса 150–200 верблюдов нужно было два пастуха (Толыбеков, 1971. С. 527) и т. д. Для того, чтобы напоить водой 200 овец нужно было два человека (Толыбеков, 1971. С. 522). На подъем воды из колодца вручную для 600–800 овец необходимо затратить 2–3 часа работы в день (Чогдон, 1980. С. 105). 100 лошадей мог напоить из неглубокого колодца один человек за 1,5 часа (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 88).

Такого рода производственные группы возникали также и при осуществлении других многочисленных элементов процесса производства, в частности стрижке скота, случке (верблюдов в основном случали вручную), забое животных на мясо, кастрации, клеймении, создании колодцев и т. д. Особенно много таких производственных групп возникало среди женского населения для производства разнообразных предметов материальной культуры (кошем, ковров, одежды, в ткачестве, рукоделии), приготовления пищи во время ритуальных обрядов, дойке скота (известен случай, когда одну верблюдицу доили шесть раз в день четыре женщины) (Фиельструп, 1927. С. 94) и т. д.

Производственные группы возникали и в связи с потребностями земледельческого хозяйства – для сооружения ирригационных сооружений, обработки земли, посева, полива, ухода за полями, сбора урожая, хранения, перевозки и др.; охоты и прежде всего облавной охоты, рыболовства, извоза, различных промыслов, ремесленного производства – кузнецы, шорники, сапожники, плотники и т. д. Время объединения и функционирования таких «целевых» групп (Роуз, 1989. С. 215) могло охватывать период от нескольких часов до нескольких месяцев и более, что определялось конкретными нуждами процесса производства. Производственная группа интегрировалась спонтанно в зависимости от ситуации и целевой установки производственного цикла.

В принципе, в рамках всеобщей системы половозрастного разделения труда участие индивида в деятельности той или иной производственной группы было обязательным и постоянным процессом, когда он в течение всей своей жизни в зависимости от возраста, социального положения и профессиональной квалификации был задействован в выполнении тех или иных трудовых операций в рамках соответствующей производственной группы. Так, например, в условиях кочевого скотоводческого хозяйства существовала традиция поочередного выполнения многих трудовых обязанностей, особенно в сфере выпаса животных и т. д. Только лишь зажиточные индивиды могли нанять кого-либо для отправле-

ния своей очереди. В кочевом обществе производственные группы довольно часто возникали на основе найма работников (Чорманов, 1883. С. 42; Федоров, 1903. С. 17; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 119 и др.). Вследствие всеобщей социальной дифференциации и имущественного неравенства система найма пастухов для выпаса скота и вообще работников производства имела широкое распространение.

Одновременно практиковалось участие всех членов общины во всех элементах производственного цикла на основе принципов взаимопомощи и взаимодополнения. Интересно, что узкопрофильная специализация, особенно в среде пролетарской части населения, приводила к формированию в рамках производственных групп как бы наследственных профессиональных каст с особым характером циркуляции межпоколенной информации по принципу «от отца к сыну, от сына к внуку» и т. д. Так, например, особенно почетной считалась каста «табунщиков лошадей» (*жилкышы*) по сравнению, например, с чабанами (*койшы*) и т. д. (Баскин, 1986 и др.).

Производственные группы формировались как на основе родства, так и независимо от него, поскольку система материального производства функционировала на базе экономической целесообразности. Однако работа предоставлялась прежде всего близким родственникам, затем дальним и лишь потом «чужеродцам». В этой связи следует отметить, что община формально носила семейно-родственный характер (Курылев, 1978. С. 136–140 и др.). «Хозяйства, входящие в состав аула, – свидетельствуют источники, – связаны всегда родством. Только в редких случаях в ауле попадают киргизы разных родов и в этих случаях это наверняка припущенники, безземельные» (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 13). «Но не кровное родство, – уточняет П. Шебеста, – сохраняет общину как целое, а совместная хозяйственная деятельность. Именно она стоит всегда на переднем плане» (Цит. по: Кабо, 1986. С. 120). Поэтому в реальной жизни община включала не только генеалогических родственников, но и брачных партнеров и нередко чужеродцев.

Следует подчеркнуть, что такого рода производственные группы функционировали внутри общины и в рамках ее социокультурных стереотипов и механизмов потому, что являлись ее производными дериватами и результатом деятельности и организации ею всех элементов процесса производства. И если община представляла собой кооперацию трудящихся индивидов по поводу всего производственного цикла, то функционирование производственных групп обусловливалось совместной трудовой деятельностью по поводу отдельных элементов системы материального производства. В данном случае община представляет собой целостную систему натурально-потребительской автаркии и самообеспечения, распределения и потребления, организации процесса производства в максимально полном объеме. Это своего рода микромир и микрокосм, социум, в котором конституируется вся социальная жизнь индивида, обеспечивается его жизнедеятельность и бытие.

Функционирование кочевой общины в значительной мере опосредствовалось посезонными особенностями процесса производства, поскольку «...условия летней и зимней пастбы, – по свидетельству источников, – совершенно различны. Для лета прежде всего нужен хороший водопой, – трава же везде найдется. Для зимы же водопой не безусловно нужен, – скот может обойтись и без него, пользуясь снегом; для зимы нужно пастбище, или свободное от снега, или вообще с легко добываемым из-под снега кормом» (МКЗ. Т. III. Ч. II. Общая часть. С. 103).

Поэтому в плане синхронной типологии следует выделить два типа общины, существование которых было обусловлено спецификой производственного процесса в различные периоды года. В зимний, ранневесенний и позднесенний – получает свое развитие первый тип общины, который в соответствии с принципом дисперсности можно обозначить как *минимальную* (дисперсную) общину. В случае преобладания принципа концентрации в теплый период года имеет место второй тип общины, для обозначения которого может быть использовано понятие концентрирован-

ной или *расширенной* общины. В этой связи К. М. Тернбулом было точно замечено: «В некоторые сезоны, когда воды и пастбищ мало, скотоводы или рассеиваются мелкими группами, или, наоборот, собираются в большие, в зависимости от того, разбросаны источники воды и пастбища на широком пространстве или же они сосредоточены в нескольких местах. Это означает, что общественные горизонты постоянно колеблются: люди, которые в определенное время года обособлены и изолированы, в другое время и в другом месте вынуждены общаться с сородичами. Естественно, это требует особой формы организации, чтобы избежать возможных конфликтов и создавать здоровые, но гибкие взаимоотношения» (Тернбул, 1981. С. 23).

Минимальная община

Минимальная община характеризуется прежде всего объединением трудовых усилий по обеспечению скота кормовыми ресурсами. Она получает свое развитие в зимний, ранневесенний и позднесенний сезоны года, когда скудные кормовые ресурсы препятствовали концентрации скота и, следовательно, объединению трудящихся индивидов в крупные группировки, а наличие снежного покрова препятствовало кочеванию и обуславливало стационарное состояние номадов. Размер общины в этот период года в наибольшей степени зависел от емкости пастбищных угодий вокруг зимовки и определялся количеством скота, способным прокормиться в течение зимы на данной территории. Община в данном случае функционирует как общественно-экономический институт, регулирующий использование кормовых ресурсов среды обитания.

Величина данного типа общины определялась, главным образом, условиями зимнего выпаса овец, которых выпасали равномерно-радиальными полосами на расстоянии 2–3 верст вокруг зимовки (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 83, 132 и др.). «Предел, до которого киргиз-скотовод может увеличивать свое овечье стадо, – сообщают очевидцы, – огра-

ничен сравнительно незначительную площадью пастбищ, расположенных вокруг его зимовки» (там же. С. 132). Отсюда и соответствующие размеры общины, величина которой определялась оптимальным размером отары овец – не свыше 400–600 голов (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 40; МКЗ. Т. V. Очерк. С. 11–12; МКЗ. Т. VII. Общий очерк. С. 19; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 45 и др.). Средний размер минимальной общины практически не превышал 5–10 хозяйств (Hudson, 1938. P. 24–25; Krader, 1963. P. 281, 283; *idem*, 1966. P. 163; Толыбеков, 1971. С. 501; Марков, 1976. С. 172–173; Курылев, 1978. С. 136–139 и др.).

Размер минимальной общины зависел и от рельефа местности, и от природно-климатических условий. Как свидетельствуют источники, «в местностях с разчлененным рельефом аулы мелкие, в равнинных местностях – крупные. Так, например, в гористых Колбинской и Алтайской вол. на аул приходится 5,3 и даже 3,3 хоз., а в Уланской вол. уже 11,7 и в Курчумской 19 хозяйств» (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 11). При этом общины, зимующие в лесистой местности, состояли из 5–10 хозяйств, а на равнине – из 11–24 хозяйств (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 83–84).

Помимо природных факторов значительное влияние на размер общины оказывала степень обеспеченности скотом. Как свидетельствуют источники, «...влияет состоятельность хозяев или лучше сказать численность принадлежащих им стад... Аулы бедные скотом могут быть многочисленнее, чем богатые. Случается, что богатый хозяин выделяется в самостоятельный аул» (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 12). Так, например, в Петропавловском уезде самые мелкие аулы, состоявшие из одного хозяйства, были наиболее обеспечены скотом (55,6 единиц скота в переводе на крупный рогатый скот), в то время как в самых крупных аулах – на одно хозяйство приходилось 13,8 единиц скота (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 86).

Данный тип общинной организации характеризуется также обеспечением целого ряда других элементов процесса производства, в частности, сбором топлива (КРО, 1964.

С. 150; МКЗ. Т. II. С. VII и др.), очисткой поверхности пастбища от снежного покрова (Добросмыслов, 1895а. С. 89; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 87 и др.), устройством ночлега для скота (Чорманов, 1906. С. 3; МКЗ. Т. I. Прилож. С. 34; МКЗ. Т. II. С. XXVI; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 51; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 132, 160 и др.), обеспечением его водой (МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 92; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 128 и др.), сбережением слабого и больного скота, неспособного к самостоятельной тебеневке (МКЗ. Т. 1. Прилож. С. 34–35; МКЗ. Т. XI. Общий очерк. С. 55 и др.) и т. д.

Минимальная община, как мы уже отмечали, получала свое развитие и в позднеосенний период года, когда номады, ожидая установления устойчивого снежного покрова, находились в дисперсном состоянии и нередко стационарно располагались на своих кузеу (МКЗ. Т. II. С. IV и др.). В ранневесенний период кочевники дифференцировались на еще более мелкие хозяйственные группы со средним размером отары овец в 50–70 голов и, откочевав с территории зимних пастбищ, выжидали наступления периода произрастания растительного покрова в стационарном состоянии (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 114, 103, 127; МКЗ. Т. II. С. XXII; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 145 и др.). И в том, и в другом случае главным условием организации процесса производства выступала необходимость обеспечения скота кормами.

Вследствие этого минимальные общины характеризуются, главным образом, общинной собственностью на землю, в частности, на территорию в радиусе 2–3 км вокруг зимовки (МКЗ. Т. II. С. VI–VIII, XII; МКЗ. Т. III. Ч. II. Общая часть. С. 103–104; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 96, 97; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 87–88, 97–101 и др.), позднеосенние (МКЗ. Т. II. С. V, XII, XXIV; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 96 и др.) и ранневесенние пастбища (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 114, 127 и др.).

В этой связи средневековые источники свидетельствуют: «Так как была зима, каждый человек находился на своих зимовках, где имелся корм для скота» (МИКХ. С. 217). «Всякое отделение, – сообщают авторы начала XIX в., – для зимних кочевьев имеют определенные места... и владеют они-

ми, как собственностью каждого, никто из посторонних кроме собственного хозяина уже пользоваться ими не может» (КРО, 1964. С. 158). М. Бурнашев и Т. Поспелов отмечают, что казахи «зимой возвращаются на непреременные свои места» (там же. С. 150). «...Киргизы каждый год зимуют на одних и тех же местах, и эти зимовки у них давние, родовые, которыми они дорожат больше, чем теми местами, на которых они кочуют в летнее время. Следовательно они зимой делаются, можно сказать, людьми оседлыми...» (Померанцев, 1871. № 21).

«Зимовки, – пишет А. К. Гейнс, – обыкновенно сохраняются из рода в род, как нечто наследственное и драгоценное» (Гейнс, 1897. Т. I. С. 60). «На зимовки киргизы приходят ежегодно, – сообщает М. Чорманов, – в самую глубокую осень, и весьма дорожат ими [как] наследственную собственность» (Чорманов, 1906. С. 3). «Везде корук (зимнее пастбище. – Н. М.), – свидетельствуют очевидцы, – является предметом особых забот киргиз, его тщательно оберегают от потрав, сохраняя на самое трудное время. Поэтому корук обыкновенно находится в обособленном пользовании отдельных аулов. Хотя обычно он не ограничен от прочих пастбищ, но каждый аул хорошо знает свое пастбище; а в горах, где корук приобретает особенно важное значение, территория его нередко ограничивается от соседских пастбищ искусственными границами – кучами камней» (МКЗ. Т. III. Ч. II. Общая часть. С. 118). Обычное право в этой связи гласит: «Кто чужую землю завладеет, от того отбирается она, хотя бы чрез 15 лет...» (Броневский, 1830. Ч. 43. Кн. 124. С. 278. § 59. См. также: Баллюзек, 1871. С. 151).

Общинная собственность на землю представляла собой совокупность прав собственности всех членов данной общины. Потому члены общины имели постоянные права на выпас скота на общинных землях. Община могла за плату отчуждать данное право собственности (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 112 и др.). Но ни один индивид не мог самостоятельно распорядиться своим правом собственности, в частности, не мог взять на выпас скот или взять к себе зятя, имеющего скот, без разрешения общины, не мог продать

данное право и т. д. (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 31 и др.). «Община, – свидетельствуют «Материалы по киргизскому землепользованию», – является охранительницей прав отдельных членов ее, когда она принимает к себе на равных правах отсутствовавшего члена ее, или когда она не допускает захвата части, скажем, покосов... Она охраняет интересы всей группы, когда не позволяет отдельным хозяевам продать их право на землю постороннему общине лицу... Община решает вопрос о допущении на ее территорию чужого скота для пастбы; она решает допустимо ли наделение вновь образуемого хозяйства (отау) землей...» (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 33).

Основным противоречием в процессе жизнедеятельности общины являлось противоречие между коллективной организацией процесса производства и общинной собственностью на пастбищные угодья, с одной стороны, и частносемейной собственностью на скот, с другой. Именно последняя являлась основным источником сегментации общины. По мере увеличения количества скота либо женитьбы сыновей происходила сегментация общины (см. 7.1).

***

Таким образом, община у кочевников – это функция специфических материальных условий труда и жизни массы непосредственных производителей. Она характеризуется частной собственностью на скот и общинной собственностью на землю. Другими словами, минимальная община являлась не только функционально интегрированным организмом, но и единицей землевладения и землепользования, общественно-экономическим институтом по наиболее рациональной организации процесса производства и обеспечению скота кормовыми ресурсами. Она возникала в результате наименьшей емкости пастбищных угодий и наименьшей интенсивности движения номадов, как следствие наибольшей дисперсности общественного производства номадов в пространстве.

Расширенная община

Второй тип нашей синхронной типологии – так называемая расширенная община – получает свое развитие в период наивысшей продуктивности растительного покрова, т. е. в теплое время года. В летний период номады концентрировались в значительно более крупные хозяйственные объединения, нежели в зимний, что компенсировалось кочеванием на небольшие расстояния (Броневский, 1830. Ч. 43. Кн. 123. С. 77 и др.). Расширенная община в своих размерах не была столь жестко лимитирована как минимальная община, величина которой обуславливалась емкостью кормовых ресурсов на строго нормированной территории вокруг стационарной зимовки. Размеры общины в летний период гораздо больше зависели от целесообразности системы кочевания, поскольку используя растительный покров на одном пастбище, номады переходили на другое.

Поэтому расширенная община могла достигать больших размеров, но, в основном, составляла объединение двух-трех и реже большего числа минимальных общин. Летом, свидетельствуют очевидцы, несколько зимних аулов объединяются в группу (МКЗ. Т. IV. Описание... С. 119 и др.). «...Различали зимний и летний аул. Последний более многочислен чем первый и состоит обыкновенно из нескольких зимних аулов. Впрочем иногда зимний аул разбивается на 2 и более части и частями входит в состав 2-х и более летних аулов...» (МКЗ. Т. IX. С. 11). «С начала кочевки группировка хозяйств изменяется. Обыкновенно несколько зимних аулов соединяются в один летний, который совместно совершает кочевку и распадается только по возвращении к своим кстау» (там же. С. 13).

Продуктивность пастбищных угодий и возможность их использования в теплое время года, как мы уже отмечали, определялись не столько их кормовой производительностью, но сколько обеспеченностью водными источниками. Это обуславливалось тем, что недостаточная емкость пастбищных угодий восполнялась системой кочевания и периодической сменой территорий для выпаса скота. «При степ-

ном просторе всегда можно найти подходящее пастбище, – единственным затруднением в это время бывает подыскание водопоя» (МКЗ. Т. III. Ч. II. Общая часть. С. 103). Поэтому главным требованием, которое предъявляли номады к организации летнего выпаса скота и качеству пастбищных угодий, являлась обеспеченность их водными источниками, что было обусловлено их всеобщим дефицитом в аридной зоне Евразии в теплое время года. Вследствие этого, как уже отмечалось, прослеживается доминирующая роль искусственных водоисточников в водном балансе кочевого скотоводческого хозяйства (см. 3.2, 4.2 и 5.2).

Поскольку создание искусственных водоемов и необходимость их ежегодного и посезонного восстановления, водопой скота требовали значительных трудовых усилий, то на этой основе и происходило объединение трудящихся индивидов в расширенные общины. Как мы уже отмечали, немалых трудовых затрат требовал и процесс водопоя скота из естественных источников. Данный тип общины характеризуется прежде всего общностью трудовых усилий и совместной производственной деятельностью по наиболее рациональному обеспечению своих хозяйственных потребностей водными ресурсами, а также обеспечению таких элементов процесса производства, как стрижка, дойка, случка, кастрация, клеймение скота, создание многочисленных предметов материальной культуры и т. д. Особенно важным и чрезвычайно трудоемким был процесс обеспечения сохранности молодняка. Как всегда углубленной кооперации требовал выпас скота (см. 4.2). В целом комплекс трудовых усилий в расширенной общине охватывал практически все виды деятельности, выполнение которых могло быть обеспечено в теплое время года и было абсолютно необходимо для полноценного функционирования кочевого скотоводческого хозяйства.

Вследствие первостепенной значимости воды для жизнедеятельности человека в условиях аридной зоны и того, что одной из важнейших функций расширенной общины было обеспечение скота водой, данный тип общины распространял функции собственника на искусственные источники

воды (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 88, 90, 97–98, 100, 119; МКЗ. Т. V. Очерк. С. 42; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 90, 92–93; *Букейхан*, 1927. С. 67–68; *Фиельструп*, 1927. С. 105–106; *Шахматов*, 1956. С. 114–121 и др.). Общинная собственность на искусственные водоисточники закреплялась необходимостью ежегодных и сезонных работ по обеспечению их функционирования и поддержания в нормальном состоянии. В этой связи интересно сообщение А. Оразова о том, что за пользование чужим колодцем надо было отработать (*Оразов*, 1964. С. 7). Иначе говоря, создание колодца определяло право первого пользования: «...хозяин колодца имеет преимущественное обычное право поить свой скот в первую очередь...» (*Ищенко и др.*, 1928. С. 65), что в условиях всеобщего дефицита водных ресурсов фактически означало монопольное право на них.

На использование естественных водоемов, как уже отмечалось, распространялось право первозахвата (*Баллюзек*, 1871. С. 150–151; *Фиельструп*, 1927. С. 79, 104 и др.). «Кочуют обычно одной и той же дорогой, – свидетельствуют очевидцы, – выбирая для стоянок по возможности одни и те же обычные водопои. Нередко бывает впрочем, что обычное место на водопое оказывается занятым ранее пришедшими родовичами; в таком случае опоздавший устраивается рядом. Спора из-за этого не бывает, – так как в данном случае происходит только как бы мена местами у одного и того же водопоя» (МКЗ. Т. III. Ч. II. Общая часть. С. 106–107). Однако периодическое усыхание и посезонная минерализация естественных водоемов в сочетании с их дефицитом обуславливали преобладание регулированных отношений в использовании водных источников и, в целом, второстепенную роль института «первозахвата», который, на наш взгляд, являлся всего лишь юридической фикцией (см. 7.2 и 7.3).

Интересно то, что расположение колодцев не всегда было известно всем членам рода (*Логашова*, 1976. С. 35). И. Льюис сообщает, что кочевники всячески скрывали информацию о месте выпадения осадков и состоянии пастбищ даже от родственных кочевых групп (*Никифоров*, 1974.

С. 217). В засушливое время года номады, как правило, группировались вокруг строго регламентированных водоемов как искусственного, так и естественного происхождения, а процесс кочевания строился таким образом, что представлял собой последовательное движение от одного водоисточника к другому (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 110; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 88, 94; *Шнайштейн*, 1974. С. 71 и др.).

Община, присваивая источники воды, одновременно становилась собственником пастбищных угодий, расположенных вокруг них. Именно на этой основе происходило присвоение в общинную собственность кормовых ресурсов на территории, расположенной вблизи водоема (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 90 и др.). Это было обусловлено тем, что использование пастбищ, не обеспеченных никакими водоисточниками, не могло иметь места в аридной зоне в силу биологической природы как самого человека, так и его скота (*Гельдыханов*, 1973 и др.). В виду этого использование пастбищных угодий во многом определялось правилами водопользования и водовладения. Следовательно, расширенная община, в отличие от минимальной, осуществляла функции собственника пастбищных угодий не прямо, а опосредствованно отношениям собственности на источники воды.

В данном случае община выступает не только в качестве общественно-экономического института, регулирующего систему водопользования и водовладения и обеспечивающего процесс производства в сфере скотоводческого хозяйства, но и как единица землепользования и землевладения¹. Очевидцы свидетельствуют, что к аулу, стоящему на своем водопое, несмотря на отсутствие ясно выраженных границ, нельзя было подгонять скот ближе, чем на 2 версты (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 110 и др.). «Отдалите ваши шатры, приблизьте ваши сердца», – гласит туарегская пословица (*Капо-Рей*, 1958. С. 242).

¹ Когда здесь говорится о землепользовании и землевладении, то фактически речь идет о пастбищепользовании и пастбищевладении. Но просто используются привычные термины.

Именно поэтому представляются вполне закономерными сообщения источников о наличии «своих земель» на жайлау (МКЗ. Т. II. С. XXIII, XXVI; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 99 и др.). «Всякое отделение... имеет определенные места... и для летних кочевьев, и владеет оными, как собственностью...» (КРО, 1964. С. 158). «По образу своей кочевой жизни киргиз-кайсаки весной со всем скотом и имуществом переходят так, как бы принадлежащими уже для каждой волости местами...» (там же. С. 149). «Каждый аул, – сообщают источники, – должен иметь... особые пастбища для весенних, осенних и летних стойбищ» (Чорманов, 1871. № 33).

В социальном плане расширенная община в своих основных параметрах сближалась с минимальной общиной, поскольку характер и смысл внутриобщинных отношений опосредствовались частной собственностью на скот, что определяло неодинаковое положение членов общины. Степень обеспеченности скотом влияла на отношение индивида к пастбищным угодьям, организации общественного производства и жизнедеятельности общины, возможность потребления произведенного продукта, а также на различные формы зависимости, участие в работе производственных групп и т. д. (см. 7.2, 7.3 и 8.2). Расширенная община, иначе говоря, характеризуется сосуществованием частной собственности на скот и групповой собственности на искусственные, а через право первозахвата и на естественные, водоисточники, а также опосредствованной общинной собственностью на кормовые ресурсы пастбищ, расположенных вокруг источника воды.

***

Таким образом, территориально-общинная организация, игравшая ведущую роль в социальной организации, может быть представлена в виде интегральной целостности разнообразных социальных организмов, регулировавших систему материального производства во всей ее полноте и всеобщности. Социально-экономическую инфраструктуру территориально-общинной организации, как и всего кочевое общества в целом, образовывали многочисленные

производственные или хозяйственные группы, функционировавшие на основе единой системы разделения труда.

Община на базе кооперации и совместного труда обеспечивала функционирование всей совокупности производственных процессов и регулировала систему жизнедеятельности кочевое общества, опосредствовала «обмен веществ» внутри данного социального организма, определяла характер и направленность развертывания всего комплекса производственных отношений. Дифференциация в способах жизнедеятельности по сезонам года обусловила функционирование минимальной общины в зимнее время года в условиях стационарного образа жизни (от 3 до 6 месяцев) по поводу обеспечения скота кормами и расширенной общины – в теплое время года в условиях регулярных перекочевок (от 6 до 9 месяцев) по поводу обеспечения скота водой (Масанов, 1984; он же, 1984а и др.).

6.2. ПАТРОНИМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОТЕСТАРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Многообразие форм и типов социальных отношений, возникающих в процессе производства и повседневной практике, совершенно объективно и независимо от воли и сознания людей обуславливало всеобщую интеграцию и формирование разнообразных социальных институтов с целью регламентации всего спектра общественной жизни. На базе широкой общности экономических и неэкономических интересов, требующих обеспечения коммуникативных функций и координации общественной деятельности, происходила интеграция разнообразных социальных организмов в иерархически взаимосвязанные функционально-структурные образования. Эти объединения были призваны регулировать посредством социокультурных норм, и в том числе генеалогического родства, систему внеэкономического, военно-потестарного и социокультурного взаимодействия индивидов и обеспечивать их обобщенную, скоординированную и скоординированную деятельность, направлен-

ную на достижение общих социальных целей. В результате этого обеспечивалась регламентация межгрупповых отношений, в отличие от межличностных, регулировавшихся преимущественно в рамках общины.

При этом следует отметить, что в кочевой среде имело место совмещение одних и тех же функций различными социальными институтами, каждый из которых, однако, осуществлял их посредством далеко не адекватных норм и механизмов. Каждый из рассматриваемых типов общественных связей, хотя и был увязан в единую систему социальных институтов, обладал известной автономией и самостоятельностью. В этой связи можно выделить несколько основных типов организации общества: патронимическую, военно-потестарную и др. Одной из наиболее важных форм социальной организации кочевого общества является саморегулирующаяся система генеалогического родства.

Патронимическая организация

Характерной чертой кочевого общества является наличие развитой и многоступенчатой «родо-племенной» организации (Аристов, 1896; Тынышпаев, 1925; Жданко, 1950; она же, 1974; Абрамзон, 1951; Аманжолов, 1959; Першиц, 1961; Востров, Муканов, 1968; Кузеев, 1974; Шаниязов, 1974; Кармышева, 1976 и др.), которая, по мнению ряда авторов, играла преобладающую роль в общественной жизни кочевников (Аристов, 1896. С. 283–285; Czaplicka, 1918; Hudson, 1938; Krader, 1963; *idem*, 1966; Bacon, 1958; Хазанов, 1975а. С. 105 и др.).

Другими же исследователями постулировалось отмирание «родовых отношений» в связи с развитием классов и государственности (Владимирцов, 1934. С. 73–74; Козьмин, 1934. С. 23–25; Трубецкой, 1977. С. 85–88 и др.) При этом зачастую провозглашается «вторичность» родовых образований у кочевников, которые «...переродились и приспособились к новым общественно-экономическим отношениям классового общества. По своему существу казахские роды были инструментами патриархально-феодального общества...» (Толыбеков, 1971. С. 516).

Данная система представляла собой иерархически организованное множество патронимических групп и подразделений (Кузеев, 1973; Давыдов, 1979; Першиц, 1988 и др.), тесно взаимосвязанных друг с другом традицией единого генеалогического древа – средством идеологического обоснования общности происхождения (Марков, 1973; он же, 1976; Калиновская, 1989 и др.). В этой связи Л. Крэдер заметил, что «кочевое общество представляло собой серию концентрических кругов» (Krader, 1966. Р. 153). Но при этом не надо забывать, что генеалогическая организация существовала только в сфере общественного сознания.

Исходным пунктом, определяющим характер и степень родства между членами различных групп, являлась вертикальная генеалогическая линия по принципу патрилинейной филиации, которая имела большую глубину, достигающую 25–30 и более поколений. Как свидетельствует обычное право казахов, «родство считается до сорокового колена» (Гродеков, 1889. С. 27). Одновременно она носила ранговый характер, когда по различным признакам дифференцировались старшие, средние и младшие линии, главные и второстепенные ветви и т. д., позволявшие точно проследить родственные отношения между людьми в генеалогических категориях.

Главной причиной преобладания у кочевников генеалогической системы родства являлось то, что основным каналом жизнеобеспечения у них был диахронный способ передачи информации и собственности. Человек в течение своей жизни практически не мог самостоятельно приобрести имущество, он мог только получить его в наследство. Одновременно человек не мог в течение своей жизни самостоятельно приобрести минимально необходимый объем знаний о природных циклах, он мог только усвоить и использовать опыт, накопленный многими поколениями его предков. Иначе говоря, кочевник был возможен только на базе унаследованной собственности (скота и имущества) и высочайшей квалификации кочевника и скотовода, которые могли быть приобретены исключительно от своих предков и

знаний, аккумулируемых, оберегаемых, сохраняемых и приумножаемых многими поколениями кочевников. При иной направленности информационных потоков кочевничество в принципе невозможно. Отсюда приоритет генеалогического родства и генеалогического принципа позиционирования индивидов в пространстве.

Однолинейный характер системы генеалогического родства детерминировал идентификацию индивидов как по признаку происхождения, так и посредством инкорпорации. В этом случае индивидуальная филиация являлась в структуре генеалогического родства частным случаем групповой филиации, вне которой ни один индивид не существовал и не мыслил себя как социальная личность (Эванс-Причард, 1985. С. 193–208). «Родовое начало, – свидетельствуют данные по обычному праву казахов, – на котором зиждется весь строй общественной киргизской жизни, настолько неблагоприятен для лиц, которых не имели бы родственников, что даже в тех редких случаях, когда появляются личности совсем чуждые, они стараются приобрести покровителей и с этой целью становятся под защиту какого-нибудь влиятельного киргиза и присоединяются к его роду. С того момента они становятся сородовичами...» (МКОП. С. 262). Инкорпорация приводила к тому, что индивид включался в групповую филиацию и утрачивал свою первородную. Особенно часто это имело место среди беднейшей части населения. В случае несовпадения индивидуальной и групповой филиации за индивидом закреплялся статус «керме» и он мог находиться в неадекватном, отчасти неравноправном, положении (Аристов, 1896. С. 371–372; Потанин, 1917. С. 56 и др.).

Традиция единого генеалогического древа, в свою очередь, обуславливала обязательную инкорпорацию иноэтнических или иноплеменных элементов на уровне общественного сознания в состав различных патронимических объединений номадов, их включение в традиционную генеалогию. Генеалогическая структура кочевого общества была реальной лишь в низших звеньях, преимущественно ограниченных экзогамным барьером – у казахов, напри-

мер, в пределах 7–13 поколений (Арғынбаев, 1973 и др.), и идеальной, легендарно-мифической на высшем уровне (Першиц, 1961; Krader, 1963; Хазанов, 1975а; Марков, 1976; Давыдов, 1979 и др.).

Социальный статус индивида во многом определялся степенью привилегированности его группы, статусом его рода по сравнению со статусом другой группы в каждой ситуационно возникающей обстановке. «На основании узнанной степени родства, – свидетельствуют материалы по обычному праву казахов, – гостя принимают или хорошо, или дурно» (Гродеков, 1889. С. 27).

Среди многочисленных критериев статусности важнейшими были прежде всего старшинство и право первородства. Так, например, в отношении Младшего жуза известно, что «в киргизских народных сеймах, алимулинцы первые подают голос, первые делают определение, и принятие его одним родом дает полную власть к общему согласию и исполнению; предположенное же младшим родом не обязывает к исполнению алимулинцев. Как старейшим по первородству родоначальника своего, им везде и во всяком случае оказывается наружное предпочтение» (Бларамберг, 1848. С. 74–75). Как свидетельствует обычное право казахов, порядок старшинства соблюдался при разделе военной добычи, распределении мест во время застолий, наследовании власти, распределении подарков и пищи, очередности тостов, пения и т. п. (Гродеков, 1889. С. 7–10 и др.).

Важную роль в системе статусов играл и статус «женщины-родоначальницы»: «байбише» (первая жена), «токал» (вторая, третья и т. д. жена), наложница, рабыня, который наследовался ее детьми. Обычное право сообщает нам, что «...дети первого брака, называемые байбичинцами, издавна пользуются у киргизов большим преимуществом, чем дети второго брака – токалщина. – Первые ко вторым всегда относятся с пренебрежением...» (МКОП. С. 190–191). Что же касается адаптации, то «усыновление у киргизов встречается довольно часто» и «усыновляемый причислялся к роду усыновителя и пользовался одинако-

выми правами с детьми усыновителя» (там же. С. 260). В менее выгодном положении находились незаконнорожденные дети (там же. С. 260–261).

Иначе говоря, система генеалогического родства базировалась на ранжировании различных патронимических групп в зависимости от тех или иных принципов, в частности, права первородства либо сложной комбинации разнообразных признаков, что обуславливало как бы нормативную предпочтительность субъекта социального действия как на уровне ритуала и общественного сознания, так и на уровне повседневной практики и наличного бытия – при решении общественно значимых вопросов, наследовании, выдвижении, занятии и исполнении социально престижных функций и т. д. В повседневной жизни принадлежность к тому или иному подразделению патронимической организации, особенно в контактных зонах, определяла социальный статус индивида, его положение в обществе и нередко вплоть до мельчайших деталей регламентировала отношение к нему окружающих, систему общения с другими индивидами. Как свидетельствуют материалы по обычному праву казахов, «...исключенный из общества родовичей человек, лишаясь всякой поддержки в них, не имеет между киргизами никаких прав: он и имущество его суть добыча первого ловца-киргиза, высматривающего всегда подобных, лишенных родового покровительства людей» (МКОП. С. 211). Таким образом, данная система общественных связей конституировала индивида как социально значимую личность, определяла социальное пространство его жизнедеятельности.

При рассмотрении иерархической пирамиды патронимической организации исследователи выделяют обычно несколько наиболее важных уровней, сегментов, каждый из которых имел свои функции и особую сферу влияния. Низший уровень был представлен, по мнению ряда исследователей, так называемой «семейно-родственной группой» (Соколовский, 1926; Курылев, 1978. С. 134–143 и др.), которая была объединением 2–3, реже 3–4 поколений родственников. Полагаю, родственников, объединенных в пределах общего

домохозяйства либо одного локального поселения (аула), правомернее обозначать термином «минимальный линидж» (подробнее см.: Масанов, Мгеладзе, 1991 и др.). Именно на этом уровне могли иметь место совместная организация процесса производства, кооперация и взаимопомощь, общий выпас скота и совместное кочевание, общность зимних пастбищ и летних водопоев, коллективная аренда земли и т. д. В рамках данной группы помимо семьи осуществлялась социализация личности, приобщение индивида к нормам и идеалам традиционно-бытовой культуры.

Наряду с этим существовал комплекс вопросов, охватывающих различные сферы общественной жизни, который в процедурном отношении разрешался как бы поэтапно и если не мог быть решен в рамках минимального линиджа, то только тогда выносился на суд патронимической группы большего масштаба. Сюда прежде всего следует отнести часть вопросов хозяйственной жизни кочевников. Как свидетельствуют «Материалы по киргизскому землепользованию», «родовые связи сказываются в различных хозяйственных вопросах, как, например, при составлении зимних табунов, при проведении арыков для орошения полей, при кочевании и др., где всегда киргизы группируются по родам...» (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 8). Во-вторых, это касалось вопросов коллективной ответственности и круговой поруки за поступки родственников: за их долги, обязательность кровной мести, уплаты куна, защиты родственников, оказания им материальной помощи (Гродеков, 1889. С. 12, 38–40, 114–116 и др.).

Именно в рамках низших патронимических групп регулировались вопросы наследования имущества умершего индивида (до пятого поколения по агнатной линии), установления опекуна над малолетними детьми, оставшимися без отца (до седьмого колена), левиратного права, согласно которому вдова должна была выйти замуж за одного из родственников мужа (до четвертого колена) и т. д. (Гродеков, 1889. С. 12, 38–40; МКОП. С. 144 и др.). Также находились в сфере влияния патронимических групп различные стороны ритуально-обрядового действия, в частности, все стадии жиз-

ненного цикла человека – рождение, инициация, свадьба, смерть, поминки и т. п. Источники свидетельствуют, например, что «при браках родовое начало играет большую роль... На похороны собираются не только кровные родственники умершего, а вся родовая группа... когда кто умрет на джайляу, как тут собирается много родовичей, так как все близко стоят друг от друга» (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 8). Решение спорных вопросов (арбитраж) также осуществлялось посредством патронимической организации и т. д. Таким образом, в рамках низших патронимических объединений (до 6–7 поколения включительно) регулировался значительный круг вопросов повседневной жизни кочевников-казахов от семейно-брачных до хозяйственно-экономических.

В масштабах более крупных патронимических групп происходило многократное уменьшение объема функций и имела место их существенная трансформация. Патронимическая организация на данном уровне доминировала не в сфере производства и семейно-брачных отношений, а главным образом, в сфере внеэкономических отношений. Здесь осуществлялась регламентация межгрупповых отношений по поводу пастбищных угодий и водных источников, маршрутов весеннего и осеннего кочевания посредством принципов генеалогического родства. Материалы по обычному праву казахов свидетельствуют, что при возникновении поземельного спора «...нередко принимается в соображение старшинство их рода или отделения» (МКОП. С. 212). «При кочевании киргизы и до настоящего времени следуют древнему обычаю. Кочуют обществами одного рода, допуская в свои аулы из других родов лишь родственников по женской линии или бедняков, нанимающихся в работники» (Гродеков, 1889. С. 109). «Родственные узы, спланивая многочленные роды в одно целое, дают им средства охраняться общими силами против грабежей и отгонов скота со стороны соседей» (Живописный альбом..., 1880. С. 329). «...Род ревниво следит за тем, чтобы никто из другого отдела не занимал их земель» (*там же*. С. 330).

На уровне высших звеньев патронимической организации (см. 2.2) значимость системы генеалогического родства, на наш взгляд, заметно понижалась, поскольку индивид в конкретно-ситуационном плане практически не выходил за пределы компетенции патронимических групп низшего звена. Но ее роль одновременно значительно возрастала в сфере мировоззрения и идеологии, распределения властных функций и т. д. Это было обусловлено тем, что генеалогические связи являлись не только средством идеологического обоснования общности происхождения, единства целей и интересов, но и в условиях политической децентрализации общества были механизмом регламентации социально-потестарных отношений (Бларамберг, 1848. С. 74–75; Потанин, 1917 и др.). «Власть, – отмечает К. Тернбул, – регулировалась традиционными линиями происхождения, и это помогало обходиться без споров» (Тернбул, 1981. С. 236). Система социально-потестарного доминирования в кочевой среде осуществлялась в форме гегемонии одних патронимических группировок над другими (Аристов, 1896. С. 284–285 и др.).

* * *

Таким образом, патронимическая организация играла важную роль в общественной жизни номадов вообще и социальной организации, в частности. На уровне низших генеалогических групп имело место регулирование хозяйственной и социальной практики, всего спектра межличностных отношений в соответствии с принципами генеалогического родства. И если на этом уровне объем регламентируемых функций был наибольшим, то на средних горизонтах патронимической организации полномочия концентрировались, в основном, вокруг вопросов внеэкономической координации поземельных отношений и системы весенне-осеннего кочевания.

Иначе говоря, происходило перетекание функций из хозяйственно-экономической во внеэкономическую сферу, из межличностной в межгрупповую. В свою очередь, высший уровень патронимической организации, в основном, контролировал с помощью принципов генеалогического родства сферу потестарно-политических взаимоотношений.

Можно заключить, что данная функциональная организация осуществляла регламентацию многообразных процессов общественной жизни посредством генеалогической идентификации индивида либо группы, что отражало идеальные представления номадов о социальной модели общества.

Ассоциативная группа

В кочевой среде существовала специфическая организация, объединявшая различные общинные группы и регулировавшая их взаимоотношения по поводу системы землепользования, распределения пастбищных угодий и водных источников, кочевых маршрутов (Гейнс, 1898. Т. II. С. 144; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 99; Кауфман, 1907; Румянцев, 1910. С. 16, 54–55; Чулошников, 1924. С. 167, 189, 201, 221; Владимирцов, 1934. С. 47, 56–58, 63, 99, 132–133, 136–137; Капо-Рей, 1958. С. 249; Шахматов, 1962. С. 37–41; Оразов, 1964. С. 8; Трубецкой, 1966. С. 107; он же, 1977. С. 85–88; Першиц, 1971; Толыбеков, 1971. С. 513, 517, 519; Федоров-Давыдов, 1973. С. 43, 111, 113, 116; Никифоров, 1974. С. 217; Хазанов, 1975а. С. 106; Марков, 1976. С. 141; Давыдов, 1976. С. 43–44; Илюшечкин, 1980. С. 298; Петров, 1981. С. 81–83 и др.). Так, например, И. Г. Георги свидетельствует, что для соблюдения порядка при перекочевках договаривались между собой о пастбищах (Георги, 1799. С. 131). «...В степи установилось неписанное, но признаваемое всеми кочевниками право известных родов на определенные зимовки и на определенное направление летних кочеваний». «Каждый род и отдел имеют свой определенный участок...» (Живописный альбом..., 1880. С. 329–330).

Данную социальную общность в историографии чаще всего именовали «родом», а также «племенем» (Радлов, 1893. С. 69–72; Руденко, 1961. С. 14 и др.), «патронимией» (Давыдов, 1976 и др.), «пастбищно-кочевой общиной» (Шахматов, 1964 и др.) и т. д. В «Материалах по киргизскому землепользованию» ее обозначали терминами «общинно-аульская группа» или «общинно-родовая группа» (МКЗ. Т. VI. Очерк. С. 19–20, 44; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 14 и др.). А. М. Хазанов предложил понятие «territory of substance» (Khazanov, 1984).

Я думаю, что ни один из указанных терминов не отражает существа рассматриваемой общности и характеризует только ее отдельные стороны. Так, обозначения «род» и «патронимия» раскрывают лишь один из принципов интеграции общин – генеалогический, который, однако, не являлся ведущим и не соответствовал смыслу данной общности, поскольку их объединение было экономически детерминировано и являлось необходимостью. Точно так же не подходит и понятие «территориальности», поскольку, как это верно заметил Б. Я. Владимирцов, «...территория могла быть, под влиянием военных действий и других обстоятельств сменена, но отношения на новых кочевьях оставались те же» (Владимирцов, 1934. С. 133). Для кочевников практически не существовало понятия территории, реальностью для них было пастбище. Поэтому более приемлем термин «ассоциация общин» либо «ассоциативная группа».

Ассоциативная группа являлась прежде всего объединением различных общин. Так, например, в Каркаралинском уезде в ее состав входило в среднем 20,5 аулов, а в некоторых случаях – до 105 аулов (МКЗ. Т. VI. Очерк. С. 19–20). Своего максимума ассоциативные группы достигали в период весенних и осенних миграций. Весьма значительными они были и в летний период, когда в их состав могло входить до нескольких сотен юрт (Шангин, 1820. С. 81; Сапожников, 1911. С. 190 и др.). Размер ассоциативной группы зависел от конкретных особенностей среды обитания и целесообразности совместного кочевания, наличия водных источников и кормовой емкости пастбищных угодий (Владимирцов, 1934. С. 136 и др.). Именно этим объясняется большая амплитуда в размерах ассоциативных групп, которая, например, в Усть-Каменогорском уезде превышала 300 хозяйств (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 14).

В функциональном смысле ассоциация общин регулировала систему землевладения и землепользования прежде всего в теплое время года, что было обусловлено общностью пастбищных угодий и совместным выпасом скота, единством кочевых маршрутов и необходимостью регла-

ментации межобщинных отношений, а также потребностью в защите интересов группы общин. В результате этого формируется право собственности ассоциативной группы на пастбищные угодья (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 99; *Hudson*, 1938. P. 33–34, etc.). Осенью, сообщает М. Чорманов, «...кочевые места уже разделены по родам главных родоначальников. Каждый из киргизов хорошо знает свои места и свято соблюдает это разделение» (*Чорманов*, 1871. № 37).

Таким образом, данная агломерация – не просто форма территориально-соседских связей низших производственных организмов общества – общин, а социальный организм и одновременно общественно-экономический институт по совместному владению пастбищными угодьями в теплое время года (*Гейнс*, 1898. Т. II. С. 144; *Румянцев*, 1910. С. 54–55; МКЗ. Т. VI. Очерк. С. 20, 35–36, 41–44; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 14–15, 20 и др.), поскольку в зимнее время функции собственника были сосредоточены в минимальных общинах (см. б. 1). В этом случае ассоциативная группа являлась весьма своеобразной единицей землевладения и землепользования. И если расширенная община в теплый период года была собственником лишь искусственных водоисточников и по «праву первозахвата» естественных водоемов, а также опосредствованным собственником пастбищных угодий, то ассоциативная группа была прямым и непосредственным собственником всех пастбищных площадей, на территории которых в летнее время располагались составляющие ее части. При этом она присваивала всю территорию кочевания подведомственных ей общин независимо от продуктивности пастбищных угодий и их кормовой емкости, тогда как связь общины с землей была жестко экологически детерминирована. Таким образом, ассоциативная группа была не только фактическим, но и юридическим собственником пастбищных угодий.

Такая практика общественных отношений была закономерно обусловлена тем, что в самом процессе производства совершенно объективно существовала потребность в регулировании всего многообразия межгрупповых отношений как относительно условий и средств производства – земли, воды,

так и взаимодействия общинных структур (обмен, взаимопомощь и т. п.). Эта потребность выростала из недр системы материального производства, когда сам способ производства детерминировал возникновение социальных институтов, призванных осуществлять прежде всего координацию трудовой деятельности проживающих на смежных территориях групп кочевников, контроль, арбитраж и совместную организацию всего материального цикла. Важно отметить, что пространственное развертывание данного явления обуславливалось, главным образом, зонально-посезонной структурой биоценозов и целесообразностью выпаса скота.

Ассоциативная группа являлась также весьма своеобразной единицей совместного кочевания на весенних и осенних маршрутах (*Румянцев*, 1910. С. 52; *Чулошников*, 1924. С. 201; *Толыбеков*, 1971. С. 513 и др.). «Киргизы во время общей перекочевки имеют таковой порядок, что все роды переходят как бы в одной параллели с тем, дабы не потерять выгодные места для пастбищ...» (КРО, 1964. С. 158). «Древнемонгольский род, – пишет Б. Я. Владимирцов, – знал общность пастбищных территорий, конечно в тех случаях, когда род кочевал, имея возможность кочевать совместно на одной территории, когда все сородичи сожительствовавали вместе...» (*Владимирцов*, 1934. С. 56–57).

Интересно, что в источниках неоднократно встречаются указания на то, что ханами, старейшинами регулировалась система кочевания и землепользования (*Козьмин*, 1934. С. 13–14; *Владимирцов*, 1934. С. 98–99, 111–112; *Еренов*, 1960. С. 109; *Зиманов*, 1958. С. 175 и др.). Общеизвестно сообщение П. Карпини о том, что «никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники сотникам, сотники же десятникам» (*Карпини*, *Рубрук*, 1957. С. 45).

Одни исследователи трактуют такого рода свидетельства источников как показатель системы феодального землепользования (*Златкин*, 1964; *Пищулина*, 1977 и др.), другие считают, что регламентация поземельных отноше-

ний имела не социально-экономическую, а военную основу (Марков, 1976. С. 83). В свою очередь, А. М. Хазанов полагает, что имел место процесс превращения общественно полезной функции в свою противоположность – в источник богатства и власти (Хазанов, 1975а. С. 254).

Полагаю, в данном случае следует говорить только лишь о подаче сигнала к началу кочевания для общинных структур внутри ассоциативной общности (этой мыслью я обязан В. П. Юдину), а не о регламентации системы кочевания, поскольку в условиях кочевого хозяйства только экономическая целесообразность и посезонная ритмичность процессов определяли режим миграционных передвижений. Любая попытка регламентации системы кочевания и землепользования очень быстро бы выявила свою несостоятельность и привела бы к экономическому кризису и гибели хозяйственного организма. «Казахи, – сообщает «Тарихи Рашиди», – по распоряжению Касим-хана двинулись на зимовки» (МИКХ. С. 227). В данном случае речь идет лишь о подаче сигнала к началу миграции и ни в коем случае о воле, навязанной всему сообществу номадов.

Важной функцией ассоциативной группы являлась регламентация всего комплекса внеэкономических отношений, в частности, координация и урегулирование межобщинных отношений, арбитраж и контроль за выполнением норм обычного права, наказание нарушителей спокойствия и обидчиков, налаживание отношений с другими общинами и ассоциативными группами. «...Родовая община... определялась общим кочеванием, общей защитой от нападений и грабежа враждебных родов, и общими барымтами» (Румянцев, 1910. С. 52). «Родственные узы, сплавивая многочисленные роды в одно целое, дают им средства охраняться общими силами против грабежей и отгонов скота со стороны соседей» (Живописный альбом..., 1880. С. 329). «Защита, покровительство, помощь своим сородичам, – отмечает Б. Я. Владимирцов, – были основными обязанностями рода...» (Владимирцов, 1934. С. 60).

Так же, как община, возникавшая на базе кооперации и совместного труда, постепенно вовлекала в орбиту своего влияния весь спектр общественных отношений (Данилова, Данилов, 1978. С. 15–53 и др.), так и ассоциативная группа, являвшаяся результатом развертывания системы материального производства в процессе перерастания хозяйственно-экономических связей во внеэкономические, постепенно поглощала весь диапазон организаторско-управленческих, регламентаторско-регулирующих и арбитражно-контрольных функций с частичным решением военно-потестарных вопросов. Следует отметить, что механизм рассмотрения конкретных вопросов на уровне ассоциативной группы зависел прежде всего от сложной комбинации многообразных норм обычного права и в том числе принципов генеалогического родства. Важное значение имело также богатство, фактор социально-экономической стратификации общества номадов, которому зачастую отдавали предпочтение при решении сложных вопросов (Марков, 1976. С. 152–155 и др.). Как свидетельствует И. Г. Георги, «...всяк как скоро разбогатеет, становится так же знатен...» (Георги, 1799. С. 135).

Иначе говоря, если патронимическая организация основывалась на принципах генеалогического родства при регламентации всей сферы общественной жизни, то ассоциативная группа учитывала при этом гораздо больший круг факторов и регулировала социальную практику, исходя прежде всего из экономической целесообразности и общественного опыта. Вследствие этого становится понятным, что «ассоциативная группа» – более широкое понятие, чем патронимическая организация. При этом практика общественной жизни могла приходиться в противоречие с идеальной моделью устройства кочевого общества.

Именно такая ситуация засвидетельствована была Я. Гавердовским: «Кровные союзы почитались доселе неразрывными. Ни дальнейшее родство, ни раздробительность поколений, ни внутреннее несогласие, ничто не ниспровергало сего священного чувствования для дел общественных... Все аулы стремились принять участие соединенно с

коренным своим поколением и через то роды удерживались между собою как бы в равновесии. Но ныне, к сожалению, сии братские согласия не всегда бывают постоянны. Хотя редко, но случаются примеры, что даже дети, увидев на противной стороне личные свои выгоды, не дорожат родительским благосостоянием.

А от сего и произошло, что связи народные и общественные основаны у киргизцов единственно на личной безопасности» (Гаввердовский, 1803. Л. 71).

* * *

Таким образом, можно заключить, что в самом процессе производства независимо от воли и сознания людей, их представлений об идеальном устройстве общества на основе принципов генеалогического родства, имела место необходимость в координации и организации общественной деятельности, согласовании и арбитраже вопросов социальной практики, регламентации межгрупповых, межобщинных отношений, регулировании системы совместного кочевания и т. д.

На этой общности экономических и неэкономических интересов возникает специфическая организация – ассоциативная группа, осуществлявшая обеспечение и интеграцию разнообразных общественных функций за пределами компетенции отдельных общин. В результате сосредоточения функций внеэкономического регулирования отношений по поводу пастбищ и воды ассоциативная группа являлась единицей землевладения и землепользования, водовладения и водопользования, а вследствие этого осуществляла регламентацию всей системы кочевания.

Военно-потестарная организация

Практически всеми исследователями номадизма признается существование функциональной организации, которая регулировала систему военно-потестарных отношений в среде номадов (Владимирцов, 1934. С. 82–86; Першиц, 1961. С. 153–168; Никифоров, 1974; Хазанов, 1975а; Марков, 1976;

Еремеев, 1981; Калиновская, 1989 и многие др.). Особенно основательно данная проблема разработана на примере древних кочевников (Grousset, 1970; Гумилев, 1967; Сандаг, 1977; Saunders, 1971; Krader, 1978; Khazanov, 1979; *idem*, 1984; Викторова, 1980; Крадин, 1992 и др.). При этом, надо заметить, военная и потестарная организации общества могли развиваться одновременно и параллельно, но в мирное время они, взаимно дополняя друг друга, существовали в рамках одной иерархической структуры общества.

Для обозначения военно-потестарной организации чаще всего используется понятие «племени» (подробнее см.: Марков, 1976; Калиновская, 1989 и др.). Правда, исследователи обычно бывают неудовлетворены этим термином для данного агрегатного состояния (Марков, 1973а. С. 6 и др.), которое, на мой взгляд, вполне приемлемо, но с оговоркой, что «потестарное племя» не адекватно «генеалогическому племени». Иначе говоря, одно дело, когда интеграция основывается на принципах генеалогического родства, и совсем другое, когда происходило объединение ассоциативных групп в специфические функциональные образования.

При этом «генеалогическое» племя могло составлять основу «военно-потестарного» племени, а объединение – осуществляться на принципах генеалогического родства, но этот вариант отнюдь не исчерпывает всех возможных путей возникновения племени. Гораздо чаще происходило наоборот: на основе интересов в политической сфере различные группы интегрировались в военно-потестарную организацию и лишь потом происходило идеологическое переосмысление этого процесса, выражающееся в принятии общего имени и создании единого генеалогического древа (Кузеев, 1974 и др.). В этом случае, как точно заметил Э. Э. Эванс-Причард, «реальные взаимоотношения политического типа... оказываются объясненными и подтвержденными через мифологические взаимоотношения...» (Эванс-Причард, 1985. С. 203).

Функционирование военно-потестарной организации кочевого общества было вызвано к жизни необходимостью регламентации той сферы общественных отношений, которая

оставалась вне области регулирования как общины, главной константой жизнедеятельности которой являлись кооперация и совместное производство, так и ассоциативной группы, функции которой заключались в регламентации межобщинных отношений и координации социальной практики. Поэтому вполне закономерно, что из недр системы общественных отношений вырастает объективная необходимость в урегулировании большой совокупности вопросов общественно-политической жизни. На этой основе происходит интеграция различных ассоциативных групп в иерархически субординированную организацию – военно-потестарное образование. Интересно, что И. Эцеди характеризует «племенную организацию» как «идеальную и высшую форму» социальной организации номадов (*Ecsedy*, 1977. Р. 6).

Среди основных причин возникновения и функционирования военно-потестарной организации кочевников следует выделить необходимость урегулирования взаимоотношений между ассоциативными группами по поводу пастбищных угодий, маршрутов кочевания, случаев барымты, притеснений одних другими, нарушения обычноправового «кодекса чести» и т. п. (*Аполлова*, 1960; *Зиманов*, 1960; *Першиц*, 1961; *Толыбеков*, 1971; *Федоров-Давыдов*, 1973; *Хазанов*, 1975а; *Марков*, 1976 и др.).

В этой связи необходимо заметить, что именно поэтому потестарная организация, осуществляя властные функции, главным образом, на уровне ассоциативных групп и их объединений, практически не проникала на «общинные» этажи социальной организации и вследствие этого не оказывала сколько-нибудь заметного влияния на систему производственных отношений и сам способ производства. Результатом этого было то, что социально-экономические отношения полностью регулировались в рамках общины и на межличностном уровне, редко в пределах ассоциативных групп и фактически никогда не регламентировались военно-потестарной организацией.

Важнейшим внешним фактором, обуславливающим интеграцию номадов, была потребность в урегулирова-

нии отношений с соседними как кочевыми, так и оседло-земледельческими народами, государствами и цивилизациями. Так, например, в XVIII в. казахам-кочевникам приходилось вступать в контакт не только с государствами Средней Азии, Китаем и Россией, но и с земледельческо-городским окружением на периферии казахстанского ареала, особенно в Южном Казахстане, – кочевниками джунгарами, киргизами, полукочевниками туркменами, узбеками, а также сартами, курамой, башкирами, русским казачеством, татарами, алтайцами и др. Именно племенная организация взяла на себя функции регулирования всего многообразного спектра взаимоотношений с соседними народами.

При этом следует иметь в виду, что решение всего комплекса торгово-экономических, поземельных и политических вопросов могло осуществляться как мирным, так и военным путем. Порою и тот, и другой способы решения спорных проблем так тесно переплетались, что невозможно было определить, где война есть продолжение мира, а где мир – войны. Достаточно вспомнить взаимоотношения кыпчаков с хорезмшахами (*Ахинжанов*, 1989 и др.), половцев, печенегов, хазаров с древнерусскими княжествами (*Плетнева*, 1958; *она же*, 1982; *Гумилев*, 1989 и др.), сунну, сяньби, тюрк-тюцзюе, теле с Китаем (*Бичурин*, 1950. Ч. I–II; *Гумилев*, 1974; *Таскин*, 1989; *Малявкин*, 1989 и др.), казахов с Хивинским и Кокандским ханствами (*Рязанов*, 1926; *Иванов*, 1939 и др.) и т. д. Вследствие этого военные и политические функции зачастую концентрировались в рамках одной функциональной организации.

Рассмотрим в этой связи военную организацию кочевников, о важности которой свидетельствует не только классический постулат сунну: «Могущие владеть луком все поступают в латную конницу» (*Бичурин*, 1950. Ч. I. С. 40), но и позднокочевнические нормы, засвидетельствованные обычным правом казахов: «Чтобы ни один киргиз не являлся в собрания народные иначе, как с оружием. Безоружный не имел голоса, и младшие могли не уступать ему места» (*Левшин*, 1832. Т. III. С. 177. См. также: *Гавердовский*, 1803. Л. 51). И. Г. Георги со-

общает, что «во время... народом подтвержденной войны собираются все к ратованию способные люди в определенное место... с двумя или больше лошадьми и вооружен. Толпы сии соединяются и вступают в поход под предводительством избранных военно начальников» (*Георги*, 1799. С. 124).

Известны различные типы военной организации кочевников, в частности, разделение на левый и правый фланги (*Хазанов*, 1975а. С. 128; *Пищулина*, 1977. С. 204–205 и др.), триальная организация по принципу «левое крыло – центр – правое крыло» (*Стратанович*, 1974. С. 224–230; *Зуев*, 1967. С. 16–17; *Хазанов*, 1975а. С. 129; *Пищулина*, 1977. С. 204–205 и др.), которые переносились также на потестарную структуру общества. Принадлежность к тому или иному звену, например, триальной системы могла означать привилегированность или, наоборот, приниженность в социально-политической сфере.

Классической формой военной организации является десятичная система, засвидетельствованная у сюнну (*Таскин*, 1989 и др.), тюркок-тюцзюе (*Saunders*, 1971. Р. 63 и др.), монголов эпохи Чингиз-хана (*Бартольд*, 1963. Т. I. С. 449–451; *Сандаг*, 1977. С. 35 и др.) и т. д. В частности, Яса гласила, что все воины организуются в группы по десяткам, сотням, тысячам и десяткам тысяч человек (*Spuler*, 1972. Р. 41. § 5; *Карпини*, *Рубрук*, 1957. С. 45). По мнению Дж. Саундерса, десятичная система была связана с генеалогической системой родства (*Saunders*, 1971. Р. 63). Другие исследователи считают, что «...все монгольские племена, все поколения, роды, кланы были поделены... на группы аилов, которые могли выставить десяток, сотню, тысячу и т. д. воинов» (*Владимирцов*, 1934. С. 104). Отголосок десятичной системы у казахов можно видеть в разделении на жузы, т. е. сотни (*Потанин*, 1917 и др.).

Значение военной организации особенно возрастало по мере централизации потестарной системы в период обострения внешнеполитического положения (*Давыдов*, 1979. С. 7–8; *Марков*, 1980. С. 313–314; *Негря*, 1981. С. 69; *Бют-*

тнер, 1981. С. 149 и др.). Л. С. Васильев точно заметил, что война и военное дело развиваются пропорционально степени централизации политической структуры власти (*Васильев*, 1982. С. 73).

Роль военно-потестарных образований существенно возрастала на периферии номадного мира в маргинальных зонах в связи с постоянной необходимостью регулирования отношений с соседними инохозяйственными, инокультурными, иноплеменными общностями, поскольку их экономические, территориально-политические и торговые отношения и интересы взаимопересекались и нередко приходили в противоречие (*Крюков* и др., 1983. С. 105–130; *Юдин*, 1983 и др.). Вследствие этого, видимо, закономерно, что центры военно-потестарных и политических образований располагались чаще всего в городах, оседло-земледельческих оазисах и крупных поселениях на стыке кочевого и оседлого миров (*Пищулина*, 1969; *Аполлова*, 1960; *Байпаков*, *Ерзакович*, 1972 и др.). В Казахстане это традиционно имело место в присырдарьинских городах (*Добросмыслов*, 1912 и др.). Нередко центром военно-потестарных группировок становились спонтанно возникающие ставки – орды, расположенные в местах наибольшей плотности кочевых маршрутов, приуроченные к летним кочевкам, торговым точкам, караванным путям, ритуально-культурным центрам (*Nagrodzka-Majchrzyk*, 1978; *Плетнева*, 1982. С. 70–71; *Юдин*, 1983. С. 117–120 и др.).

Структура военно-потестарной организации строилась в специфически присущей всем кочевникам форме доминирования одних племен и племенных группировок («старшие племена») над другими («младшие племена») (*Аристов*, 1896. С. 284–285; *Потанин*, 1917 и др.). Крайней формой этого доминирования мог быть «*unagan bogol*» монголов, описанный Б. Я. Владимирцовым и до сих пор вызывающий многочисленные споры (*Марков*, 1976 и др.). Отголосок этого явления у казахов можно отчасти усмотреть в институте «толентутства» (*Зобнин*, 1901 и др.) и генеалогической системе

«первородства» и «старшинства» племен (Бларамберг, 1848. С. 74–75 и др.). Вследствие этого политическая гегемония крупных общественных деятелей покоилась на силе и могуществе такого рода доминантных племен, например, Аблай-хана – на влиянии аргынов (Сулейменов, Моисеев, 1988 и др.), Кенесары Касымова – кыпчаков (Бекмаханов, 1947 и др.), Нуралы-хана – байулы (Рязанов, 1926. С. 177 и др.), Каип-хана – шекты и торткара (Вяткин, 1947. С. 224 и др.) и т. д. На этой основе, по-видимому, происходило становление знатных династийных племен в составе различных кочевых объединений военно-политического характера, доминанта которых являлась базой всей потестарной структуры. Так, например, в огромной «империи» тюрков-тюцзюе доминировало племя ашина (Кляшторный, 1964; он же, 1965; Зуев, 1967 и др.), теле – сеяньто (Кляшторный, 1986 и др.), кыпчаков – ельбори (Ахинжанов, 1976; он же, 1989 и др.), тогузгузов – яглакар (Малаякин, 1983 и др.) и т. д. И именно на этой основе могли возникать полугосударственные образования кочевников – каганаты, ханства и т. п. (Krader, 1978; *idem*, 1981; Khazanov, 1979, etc.).

Потестарно-политическая организация кочевого общества, как это неоднократно отмечалось различными исследователями, отличается дискретностью во времени и пространстве, тенденцией к перманентной сегментации и дифференциации (Першиц, 1971; Хазанов, 1975а; Марков, 1976; Плетнева, 1982 и др.). «Кочевые народы, – отмечает Н. И. Зибер, – благодаря обладанию скотом образуют почти сплошь более многочисленные группы и притом, по временам, под властью весьма сильных предводителей. Но все подобные союзы, за отсутствием надлежащих условий прочной организации бывают непродолжительны и с течением времени снова возвращаются в первоначальное состояние изолированных и разрозненных групп» (Зибер, 1959. С. 431). Монгольская государственность в эпоху Чингиз-хана, пишет А. М. Хазанов, «отлилась в сравнительно прочные и устойчивые формы» только в ходе широкой внешней экспансии (Хазанов, 1975а. С. 254). Но такой ход развития был возможен только в эпоху античности и средневековья (см. 1.2).

Вследствие этого не следует переоценивать всеобщности и масштабов военно-потестарной организации в кочевых обществах, тем более, что она имела весьма ограниченный «потенциал» в глубине проникновения в структуру общественных отношений. Как мы уже отмечали, военно-потестарная интеграция находилась в противоречии с образом жизни кочевников, системой материального производства, которые определяли дисперсную организацию хозяйства и природопользования (см. 5.1). К. Тернбул верно заметил, что война требовала максимальной централизации, тогда как кочевой образ жизни, наоборот, требовал сегментации (Тернбул, 1981. С. 148).

С одной стороны, способ производства и среда обитания обуславливали дисперсность кочевников, тогда как военно-потестарная организация требовала их интеграции. Это противоречие разрешалось посредством того, что община и непосредственные производители не вовлекались в сферу влияния потестарно-политической организации, которая ограничивалась воздействием лишь на ассоциативные группы. Такое разделение «сфер влияния», говоря словами К. Тернбула, помогало «рассеиванию» власти и приводило к децентрализации всего общества. Поэтому военно-потестарная организация носила лабильный характер и тяготела к сегментации и дифференциации. Отрыв от кочевого базиса и возникновение крупных кочевых империй происходили лишь в случае организации внешней экспансии и тотальной милитаризации (Хазанов, 1975а; Марков, 1976 и др.).

***

Таким образом, военно-потестарная организация кочевого общества была вызвана к жизни необходимостью урегулирования большого спектра межгрупповых взаимоотношений по поводу пастбищных угодий и маршрутов кочевания, а также внешнеполитических аспектов жизнедеятельности кочевников. Ее функционирование обеспечивалось посредством доминирования одних племенных группировок над другими. Однако ввиду автаркизма и натурально-

потребительской направленности системы материального производства и особенностей стратегии природопользования в сфере военно-потестарной интеграции вовлекались лишь ассоциативные группы, тогда как община оставалась вне ее влияния. Это обстоятельство обуславливало лабильность военно-потестарной организации и преобладание центробежных тенденций.

В этой связи следует подчеркнуть отсутствие у всех кочевников сколько-нибудь развитых форм власти и ее институциональной формы – государственности. Координация общественных функций, лежавшая в основе процессов централизации, с последующей бюрократизацией общественной и политической жизни социума не могла эволюционировать у кочевников в сколько-нибудь развитые формы государственности, прежде всего, в силу дисперсной организации системы материального производства, «деспотии пространства», малой плотности населения, недостаточной его концентрации, отсутствия городов, оседлых поселений и сколько-нибудь развитой системы разделения труда. Ранние формы государственности могли получать развитие лишь в случае концентрации номадов вблизи городских центров (у казахов, например, в Присырдарьинском регионе) либо при завоевании оседло-земледельческих ареалов, но в собственно кочевых ареалах не известно ни одного случая возникновения государственности. Военно-потестарные организации не могут считаться государственными образованиями.

Глава 7. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

7.1. ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ НА СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА: ОБЫЧНОПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Преобладающая роль кочевого скотоводства в структуре хозяйственных занятий определила характер, а также основные параметры развития производственных отношений в казахском обществе. Специфика социально-экономических отношений в кочевом обществе казахов обуславливалась прежде всего тем, что в процессе производства утилизация природных ресурсов среды обитания осуществлялась по преимуществу биологическими по своей природе средствами, т. е. главным образом стадами животных.

В этой связи особую важность для анализа системы производственных отношений в кочевой среде имеет исследование вопроса о средствах производства, представляющих собой целостное единство предметов и средств труда. К числу предметов труда в кочевом обществе прежде всего относится скот, который в процессе производства посредством кормления и ухода подвергается целенаправленному преобразованию в продукт труда (Шахматов, 1964; Толыбеков, 1971; Петров, 1981. С. 16–22 и др.).

Что же касается земли, пастбищных угодий, то одни исследователи считают, что «процесс кочевания – это труд, приложенный не только к стаду, но и к данной пастбищной территории с целью восстановления ее кормовой произво-

длительности, без чего было бы невозможно возвращение производителя на данное место через установленное время» (Златкин, 1955. С. 75; он же, 1964. С. 401–402 и др.). Однако это справедливое утверждение вызвало возражения со стороны ряда исследователей (Шахматов, 1964; Петров, 1981; Бунятян, 1984 и др.). Так, например, С. Е. Толыбеков пишет в этой связи, что «землепользование у таких кочевников сводилось лишь к присвоению дикорастущей травы посредством животных...» (Толыбеков, 1971. С. 78). Вследствие этого «земля при кочевом скотоводстве использовалась в своем естественном состоянии как всякая полезная вещь природы. “Так бывает, – цитирует К. Маркса и Ф. Энгельса автор, – когда ее полезность для человека не опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т. д.”» (Толыбеков, 1971. С. 95). Л. Крэдер пишет, что «номады лишь паразитировали на естественном плодородии почвы, ничего не давая взамен» (Krader, 1963. P. 317).

На наш взгляд, с этой точкой зрения нельзя согласиться, поскольку она не учитывает антропогенного характера рассматриваемой экосистемы. В действительности же пастбищные угодья номадных ареалов также – продукт человеческой деятельности. Это обуславливалось тем, что они с момента возникновения кочевничества уже не являлись ни «естественным травостоем», ни «диким пастбищем», а носили антропогенный характер. И поэтому были не только средством, но и предметом труда, как это справедливо заметил И. Я. Златкин, поскольку в процессе выпаса скота и кочевания существенно были преобразованы деятельностью человека. Это было связано с тем, что в результате, например, перевыпаса скота происходила так называемая «пасторальная дигрессия» или «пастбищная модификация» растительного покрова, приводившая в конце концов к опустыниванию и эрозии пастбищных угодий (см. 5.1). Однако кочевники никогда не наносили непоправимого ущерба природным ресурсам среды обитания (Федорович, 1983. С. 182–183) без давления внешних факторов.

Наиболее очевидным доказательством антропогенного характера номадных ареалов, всего пустынно-степного ландшафтного пояса является негативное воздействие «эффекта недовыпаса» на растительный покров. В этом случае заметно понижалась урожайность «естественного травостоя» (Овцеводство Казахстана, 1968. С. 335 и др.), а систематический недовыпас оборачивался значительными изменениями в самом характере растительности и ее жизнедеятельности. Степи превращались в поросшие бурьяном с густым слоем старой ветоши, совсем непригодные для выпаса скота, пустоши. Выпас скота благоприятно влиял на состояние растительного покрова, способствовал его омоложению и произрастанию многолетних трав (Одум, 1975. С. 534; Формозов, 1981. С. 274–275; Мордкович, 1982. С. 186; Кириков, 1983. С. 10, 19, 108–109, 113 и др.). Для «...нормального развития степной растительности, – считают специалисты геоботаники, – обязательно нужен умеренный выпас копытных животных. Без него на поверхности почвы накапливается слишком большое количество отмерших растительных остатков, мешающих нормальному развитию степных растений, но очень нужных для сохранения почвенного плодородия и влаги. Умеренный выпас регулирует их накопление, не мешает развитию растений и в то же время не влияет отрицательно на водный режим почвы» (Семенова-Тянь-Шанская, 1986. С. 101).

«На самом деле, – пишет один из крупнейших авторитетов в области экологии Ю. Одум, – оптимальным является выпас невысокой интенсивности, с использованием примерно трети чистой продукции, так как при этом улучшается качество как пастбища, так и животных и сильно уменьшается вероятность тяжелого ущерба в случае засухи» (Одум, 1975. С. 534). Оптимальная норма отчуждения пустынной растительности, как показывают специальные исследования, составляет по одним данным не более 50% травостоя (Радченко, 1983. С. 52), а по другим, примерно около 75%. «При большей и меньшей нагрузке, – считают они, – растительность деградирует, часто необратимо» (Ретеюм, 1988. С. 133). Пастбища, пишет П. Джиллер, яв-

ляются превосходным примером растительности, которая во многих случаях контролируется или даже создается выпасом (Джиллер, 1988. С. 76).

Таким образом, мы вправе заключить, что растительный покров номадных ареалов в значительной степени являлся продуктом опосредствованного системой выпаса и кочевания труда человека. В этом случае скот по сути дела выступал в качестве средства труда, поскольку способствовал преобразованию пастбищных угодий в предмет труда. Кочевничество, иначе говоря, есть не только стратегия природопользования посредством посезонного кочевания по определенным маршрутам в поисках удобных пастбищных угодий, но и объективно такая организация системы материального производства, которая находится в состоянии динамического равновесия со средой обитания и является фактором функционирования и кондиционирования ее жизнедеятельности. Интересно, что необходимость равновесного природопользования отчасти осознавалась и самими номадами, которые практиковали попеременное использование различных участков земли, чередовали их, оставляли под «пар» интенсивно использовавшиеся прежде пастбища (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 18–19; Чогдон, 1980. С. 57–58 и др.). Р. Капо-Рей заметил в этой связи, что «...сахарский скотовод должен кочевать непрестанно... чтобы не допустить истощения пастбищ...» (Капо-Рей, 1958. С. 195). В процессе производства и земля, и скот в кочевой среде выступали в органическом единстве, неразрывной целостности, а их общность образовывала основные средства производства. При этом в процессе взаимодействия естественно-природных и социально-экономических факторов как земля, так и скот являлись одновременно и средством, и предметом труда.

Для анализа того или иного способа производства, отмечают исследователи, принципиально важное значение имеет способ соединения факторов производства (подробнее см.: Кронрод, 1987 и др.). «При описании любого способа производства, – пишет Л. В. Данилова, – необходимо в

первую очередь дать представление о характере соединения рабочей силы со средствами производства и условиями труда. Отношения же собственности – это результативные отношения, оформляющие данный способ производства» (Данилова, 1968. С. 50). При этом отношения собственности характеризуют присущий тому или иному способу производства способ присвоения материальных и духовных благ (Колганов, 1962; Качановский, 1971; Румянцев, 1987; Емченко, 1987; Карпинская, 1989 и др.).

Отношения собственности как сложная интегральная целостность отличаются многообразием форм проявления во времени и пространстве. Это связано с тем, что, являясь отражением форм и типов деятельности человека, отношения собственности так или иначе соответствуют природе функционирования различных элементов трудового процесса и выражают все многообразие взаимоотношений людей в процессе производства, результируя систему общественного разделения труда. Наряду с этим, будучи объективной категорией, отношения собственности имели юридическое, нормативное выражение, преломляясь в сознании членов социума, их идеологии и мировоззрении.

В юридическом, точнее обычноправовом, аспекте в номадном обществе казахов фиксируются отношения собственности, во-первых, на скот и продукты скотоводства, которые были основной формой собственности на индивидуальном, межличностном уровне; во-вторых, на землю, в частности, общинная собственность на зимние пастбища и водные источники искусственного происхождения и внеэкономическая собственность «ассоциативной группы» на пастбищные угодья нескольких общин (см. 6.1 и 6.2). Остальные формы собственности не имеют принципиального значения для характеристики системы производственных отношений кочевого общества.

Как уже приходилось отмечать, практически ни по одному из вопросов истории номадизма среди исследователей нет единства мнений и общности подходов. Даже вопрос о собственности на скот вызывал немало разночтений. Так, например, Н. И. Зибер, отражая взгляды довольно значительного

круга ученых XIX в. и апеллируя к материалам по обычному праву казахов, бурятов, монголов, туркменов, афганцев, башкир, туарегов, бедуинов и др., пришел к выводу о коллективной («родовой», «общинной», «улусной») собственности на скот (Зиббер, 1959. С. 177–183). В этой связи довольно широкое распространение получило мнение о том, что в древности бытовала «общинная» либо «родовая» собственность на скот. Так, например, С. Е. Толыбеков утверждает, что скот принадлежал «первоначально, безусловно, роду» (Толыбеков, 1971. С. 116), а «появление частной собственности на стада и табуны вызвало целую революцию в производственных отношениях людей» (там же. С. 232). Для некоторых исследователей «родовая» собственность на скот видится в бытовании обычая «клеймения» скота так называемыми «родовыми» тамгами (Баллюзек, 1871. С. 165; Пэрлээ, 1978. С. 233 и др.). Я думаю, что ближе к истине точка зрения К. П. Калиновской, которая заметила, что тамги «...едва ли следует рассматривать... как свидетельство наличия в прошлом... общеродовой собственности на скот» (Калиновская, 1989. С. 129).

Абсолютно наибольшая часть исследователей совершенно обоснованно отмечает наличие в кочевых обществах частносемейной собственности на скот (Владимирцов, 1934. С. 56; Зиманов, 1958; Еренов, 1960; Першиц, 1961 и др.). Так, Г. Е. Марков пишет по этому поводу: «Что касается собственности на скот, то здесь не может быть двух мнений. Все исторические и этнографические данные бесспорно свидетельствуют о том, что с глубокой древности скот был частной семейной собственностью» (Марков, 1976. С. 289). «Надо думать, – пишет в этой связи А. М. Хазанов, – что становление частной собственности на скот не только предшествовало развитию кочевого скотоводства, но и было одной из его предпосылок. Специфика скотоводства и животноводства как особых форм производительной деятельности, с одной стороны, и особенности скота как движимого имущества – с другой, явились причинами того, что, за редчайшими исключениями, скот всегда находился в частно-семейной или индивидуальной собственности» (Хазанов, 1975а. С. 93).

Полагаю вывод о том, что частносемейная собственность на скот появилась еще до возникновения кочевничества (Хазанов, 1973. С. 1–2; Першиц, Хазанов, 1979. С. 51 и др.) в наибольшей степени соответствует истине, поскольку любой мало-мальски знакомый с содержанием животных человек поддержит мысль о том, что коллективная собственность на скот практически никогда не могла иметь место. Свидетельством тому служит и советский опыт коллективного животноводства, результатом которого стал повсеместный упадок и развал хозяйства. Содержание и уход за скотом всегда строго индивидуализированы. Поэтому трудно допустить мысль о существовании когда-либо «коллективной» собственности на скот. По-видимому, с самых первых шагов доместикации животных стали формироваться частнособственнические отношения по поводу них. Правда, разные виды животных по-разному реагируют на наличие или отсутствие «хозяина». Одни, например, собаки, лошади, верблюды и отчасти крупный рогатый скот в большей степени нуждаются в индивидуализированном уходе, другие, овцы и козы могут обходиться меньшей долей «личностного» труда. Но в любом случае без «хозяина» и его персональной заинтересованности в результатах труда никакое производство невозможно.

Таким образом, скот изначально находился в индивидуальной собственности и в какой-либо другой форме скорее всего никогда не существовал. У кочевников-казахов скот был объектом индивидуальной собственности, но, как правило, в частносемейной форме. Дело в том, что каждый индивид, член семьи имел свои права на известную долю семейного имущества и прежде всего на скот, функции собственника обычно осуществлялись главой семьи – отцом либо старшим на данный момент сыном (невыделенным), либо кем-то из ближайших родственников по патрилинейной филиации, но не дальше 5–6 колена. Каждый из сыновей главы семьи имел свое право на енши, т. е. минимум, необходимый для обзаведения собственным хозяйством, и на калым, т. е. имущество в уплату за невесту.

Минимальный размер и енши, и калыма определялся традициями и обычным правом, максимальный – волей отца, но не в ущерб другим сыновьям. В случае бедности и невозможности выделения и енши, и калыма, строго обязательным минимумом для отца являлась уплата калыма за невесту сына. Свои права на известную часть имущества имели жены, дочери, усыновленные дети, а также ряд очень близких родственников (подробнее о системе собственности и наследования см.: *Левшин*, 1832. Ч. III; *Мейер*, 1865; *Красовский*, 1868; *Алтынсарин*, 1870; *Баллюзек*, 1871; *Загряжский*, 1876; *Самоквасов*, 1876; *Маковецкий*, 1886; *Крахалев*, 1888; *Гродеков*, 1889; *Леонтьев*, 1890; *Максимов*, 1897; *Гурлянд*, 1904; *Словохотов*, 1905; *Мякутин*, 1911; МКОП, 1948; *Культелеев*, 1955; *Араынбаев*, 1973; *Кисляков*, 1977; *Фукс*, 1981 и др.).

После уплаты калыма и женитьбы сыновей, каждому из них полагалась определенная часть отцовского наследства, оставшуюся часть состояния после смерти отца наследовал младший сын (*система минората*). Выдел сыновей вплоть до смерти отца носил неполный характер, поскольку лошади оставались в общем табуне. Дочерям и вдовам также следовала часть наследства, составлявшая обычно половину доли сыновей, которую они получали в качестве приданого и разного рода подарков (дочери). Преимуществом при разделе отцовского имущества пользовались дети от первой жены (байбише-баласы) по сравнению с детьми от других жен. В случае отсутствия сыновей, причитающуюся им долю (енши) наследовали ближайшие родственники мужчины по агнатной линии вплоть до пятого колена. Имущество, оставшееся от матери, которое она приносила в семью в качестве приданого и подарков, наследовали ее дети: дочь получала половину доли сына.

Из приведенных данных совершенно очевидно следует, что процессы накопления скота в руках отдельных индивидов постоянно прерывались системой обязательной уплаты калыма и выделения енши женатым сыновьям, наделением дочерей приданым и широко развитой системой

подарков, особенно внукам, племянникам, родственникам жены и т. п. Иначе говоря, с юридической, точнее общеправовой, точки зрения постоянно происходило всемерное перераспределение скота как движимого имущества по различным социальным каналам, что препятствовало его концентрации в руках отдельных индивидов и способствовало его дисперсии. Таким образом, система обычного права носила как бы антимонопольный характер и детерминировала перманентную сегментацию всякого состояния в кочевой среде и регулировала каналы передачи этого имущества.

Рассмотрим формы собственности на землю. Согласно обычному праву казахов признавалось право общинной собственности на кормовые угодья пастбищной территории вокруг стационарно устроенного зимнего жилища (кыстау). О том, что «зимовки обыкновенно сохраняются из рода в род, как нечто наследственное и драгоценное», сообщают практически все имеющиеся исторические и этнографические источники (*Броневский*, 1830. Ч. 43. Кн. 124. С. 74–75; *Левшин*, 1832. Ч. III. С. 23; *Баллюзек*, 1871. С. 150; *Чорманов*, 1871. № 33; *Померанцев*, 1871. № 21; *Гейнс*, 1897. Т. I. С. 60 и др.). «Зимовка, – свидетельствует М. Чорманов, – считается наследственным достоянием аула, и место ее переменяется только в случае крайней необходимости» (*Чорманов*, 1883. С. 41). Располагавшиеся по периферии зимовки ранневесенние и позднесенние пастбищные угодья также являлись собственностью минимальной общины (см. 4.1 и 6.1).

Наряду с этим существовала собственность различных сегментов «ассоциативной группы» на все типы пастбищных угодий, в частности, группы минимальных общин на всю территорию зимнего выпаса скота, группы расширенных общин на всю территорию летних пастбищ жайлау, а также на весенние и осенние маршруты кочевания (МКЗ. Т. II. С. V, XXIII–XXIV; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 97, 99; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 103 и др.). Так, например, «Материалы по киргизскому землепользованию» свидетельствуют, что «...зимними пастбищами все аулы, входящие в состав группы, пользуются совместно; между кстау этих аулов границ нет, но с посто-

ронными аулами существуют определенные границы» (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 15–16). «У киргизов владение землей общинное. Каждый род и отдел имеют свой определенный участок; на этом пространстве каждый из родовичей может иметь свои пашни, летовки и зимовки; но род ревниво следит за тем, чтобы никто из другого отдела не занимал их земель» (Живописный альбом..., 1880. С. 330).

Общинная и «ассоциативная» собственность на землю представляли собой совокупность прав собственности всех членов данной общности (см. 6.1 и 6.2). Поэтому как члены общины, так и ассоциативной группы имели общепризнанные права на выпас скота на пастбищах принадлежавших тому или иному образованию. Но при этом никто не мог самостоятельно распорядиться своим правом собственности на землю (МКЗ. Т. IV. Общий очерк. С. 31; Описания... С. 112; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 33 и др.). Иначе говоря, отношения по поводу земли характеризуются «коллективной» (общинной, ассоциативно-групповой) собственностью как совокупностью прав собственности всех членов данной группы, ограниченных в распоряжении этой собственностью. Внутри ассоциативной группы права различных общин в теплый период года регулировались «правом первозахвата» (*Баллюзек*, 1871. С. 150; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 14 и др.). Право первозахвата не распространялось на зимние пастбища и на искусственные водоисточники и являлось привилегией только членов ассоциативной группы. Обычное право в этой связи гласит, что «кто без позволения аульных прикочует к аулу, или пригонит свой скот, тот подвергается строгому выговору бия и немедленно должен откочевать и отогнать свой скот...» (*Загряжский*, 1876. С. 170–171).

В масштабах расширенной общины, как мы уже отмечали, имела место прежде всего собственность на водные источники искусственного происхождения (см. 6.1). Источники свидетельствуют, что «...каждый аул ревниво оберегает свои колодцы и не допустит посторонних к пользованию ими. И если случаются, так сказать, припущенники... так им приходится... довольствоваться тем, что им доста-

нется на долю» (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 29). Это право собственности было определено усилиями, затраченными на создание колодца либо аргументировалось давностью лет пользования, принадлежностью колодца предкам (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 98; МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 30; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 92, 93 и др.). На естественные водоемы – реки, озера, карасу, ключи, болота – распространялось право первозахвата, согласно которому любая община, входившая в ту или иную ассоциативную группу и кочевавшая на территории, находящейся под ее юрисдикцией, могла свободно расположиться у того или иного естественного водоисточника, прийдя на это место первой (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 87, 93 и др.). Все остальные общины, соблюдая право первозахвата, не останавливались вблизи уже занятого места и передвигались к другим водоисточникам.

***

Таким образом, в структуре производственных отношений в кочевой среде существовали различные формы обычноправовой собственности на главные средства производства – скот, землю и воду. При этом масштабы и уровень «собственнических» полномочий ассоциативной группы зависели от внеэкономических факторов, не были прямо связаны с процессом производства и распространялись на всю территорию локализации общинных структур, составляющих ее, а сама она фактически выступала своего рода единицей землевладения и одновременно гарантом общинной собственности. В свою очередь, минимальная община являлась одновременно единицей землевладения и землепользования, распространяя функции собственника только на пастбищные угодья вокруг стационарно устроенной зимовки. Расширенная община являлась юридически только лишь единицей водовладения и водопользования. Как мы видим, отношения собственности на землю и воду были предельно рассеяны среди различных звеньев социальной организации. Практически ни одна из этих социальных групп не обладала монополией ни на землю, ни на воду.

При этом следует заметить, что функционирование собственно скотоводческого хозяйства определило органическое единство земли, воды и скота как факторов системы материального производства, поскольку элементарное воспроизводство скота как биологического вида было невозможно без известного минимума пастбищных угодий и водных ресурсов. При отсутствии же скота отпадала необходимость в присвоении и использовании земли и водных источников, поскольку нескотоводческие занятия либо какая-то другая форма их утилизации не могли иметь места в ареальной экосистеме. Поэтому ни земля, ни вода не имели в условиях кочевого скотоводческого хозяйства самостоятельной ценности, ибо только скот придавал им потребительское значение. «...У пастушеских народов собственность на естественные продукты земли – например, на овец – это одновременно и собственность на луга, на которых они пасутся» (Маркс, Энгельс. Т. 46. Ч. 2. С. 480). Пастушество «всегда предполагает присвоение земли либо для постоянного поселения, либо для скитания с места на место, либо как пастбища для животных и т. д.» (там же. С. 481). Индивид, таким образом, присваивает землю вследствие того, что она является субъективно-объективной основой его существования, предпосылкой его труда (там же. С. 473–474). Поскольку индивид никогда не выступает в качестве свободного, обособленного и всегда принадлежит и существует как член исторически определенной формы коллектива, объединения (там же. С. 461–472), постольку его собственность выступает как собственность всего коллектива, членом которого он является (там же. С. 466).

Что же касается непосредственных производителей, то необходимо подчеркнуть, что они были свободны и не являлись чьей-либо собственностью в юридическом смысле. Поэтому утверждения отдельных авторов о якобы «крепостнических» порядках в кочевой среде (Козьмин, 1934; Златкин, 1964 и др.) следует рассматривать как надуманные и необоснованные. Если следовать за такого рода рассуждениями, отмечает Г. Е. Марков, «...то придется признать, что

как на старых местах расселения, так и на новых рядовые скотоводы сами закрепощали себя и обращали свои кочевья в феодальное владение» (Марков, 1976. С. 87).

Действительно юридически трудящиеся индивиды были свободны и ничем кроме принципов производственной кооперации (см. 6.1) и канонов генеалогического родства (см. 6.2) в структуре общественных отношений не были связаны. Но они были все же несвободны от условий труда, механизма функционирования производственного процесса, технологии системы выпаса и кочевания, необходимости жить, работать и добывать средства к существованию, объединяться с другими индивидами в общину для того, чтобы обеспечить все элементы трудового процесса. Именно поэтому масса непосредственных производителей была несвободна и зависела от самой системы материального производства. Что же касается рабства, носившего патриархальный характер, то оно в системе производственных отношений не играло какой-либо принципиальной и самостоятельной роли (Семенюк, 1958; он же, 1959; Хазанов, 1975а; он же, 1976 и др.).

Таким образом, мы вправе заключить, что с обычно правовой точки зрения в системе производственных отношений не существовало каких-либо условий монополизации средств производства: земли и воды в большей степени, скота – в меньшей. Обычное право, судя по всему, своими нормами «рассеивало» отношения собственности на средства производства по различным уровням социальной организации и многообразным каналам межличностных связей и детерминировало сегментацию имущества и прерывание процессов накопления и концентрации скота (Масанов, 1988 и др.).

7.2. ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ В ПРОЦЕССЕ ПРОИЗВОДСТВА

Объективный характер системы материального производства и целостность функционирования всех элементов трудового процесса детерминировали единство материального и социального в развертывании отношений собственно-

сти. «Собственность означает... первоначально не что иное, как отношение человека к его природным условиям производства...» (Маркс, Энгельс. Т. 46. Ч. I. С. 480). В этой связи следует отметить необходимость исследования отношений собственности как объективной реальности, существующей вне сознания человека, поскольку известно, что юридические, а в нашем случае обычноправовые, нормы, как правило, неадекватно отражают реальную ситуацию (Колганов, 1962; Данилова, 1968; Качановский, 1971; Барг, 1984 и др.). В частности, В. П. Илюшечкин заметил по этому поводу: «Правовые формы собственности... должны быть объектом изучения правовой, а не политической науки. Последняя призвана исследовать не правовую, а чисто экономическую сторону отношений собственности...» (Илюшечкин, 1986. С. 97).

При этом следует иметь в виду то, что «ни принадлежность условий одному из агентов экономического отношения, ни принадлежность одной лишь способности к труду другому агенту не могут составлять отношение собственности, ... условия производства без рабочей силы столь же лишены смысла, как и рабочая сила без условий осуществления труда. Собственность потому и выступает как экономическая категория, что эти объективно необходимые элементы опосредования обмена веществ между человеком и природой... поляризовались и субъективизировались на противоположных полюсах. Поэтому собственность как экономическая категория... не может являться ни собственностью на средства производства, ни собственностью на рабочую силу. Она есть нечто третье, представленное в их взаимном отношении, но не сводимое ни к первому, ни ко второму» (Хубиев, 1978а. С. 10). Таким образом, обычноправовые отношения собственности на средства производства отнюдь не исчерпывают всей целостности и содержания отношений собственности в экономическом смысле, являясь лишь институциональной формой их субъективного отражения в сознании людей.

Юридические формы собственности представляют интерес, в основном, в качестве исходного общественного отношения, поскольку «производственные отношения прояв-

ляются на поверхности действительности в превращенных формах... Индуктивное обобщение таких кажущихся связей и односторонний анализ их не обеспечивают прорыва за внешнюю видимость явлений и могут породить самые вульгарные представления» (Метод политической экономии... С. 173). Нас же в данном случае интересуют *реальные отношения собственности*, т. е. та материальная и социальная субстанция, которая детерминировала лежащие на поверхности юридические формы.

Вследствие этого необходимо рассмотреть ту плоскость отношений собственности, которая имела место в сфере производства, поскольку «собственность имеет предметом присвоения труд, затраченный на производство продукта. Отсюда ясно, что отношения собственности – это отношения между людьми в процессе общественного производства» (Данилова, 1968. С. 50). При этом подчеркивается, что «утверждение о том, что собственность есть социальная форма присвоения средств производства, дает отражение отношения собственности на уровне ее бытия как экономической предпосылки процесса производства. Далее... необходимо рассмотреть движение тождества или противоположности соотношения элементов собственности в процессе производства» (Хубиев, 1978а. С. 10), ибо «объективными элементами отношения собственности служат труд и условия его осуществления. Только в единстве соотношения этих элементов можно говорить о собственности в экономическом смысле» (там же. С. 9).

Прежде всего следует рассмотреть ту причинно-следственную цепь явлений и процессов, которые имели исходной точкой движения отношения собственности на скот, поскольку им принадлежала доминантная роль в структуре производственных отношений. И в этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что в зависимости от числа скота прямо пропорционально изменяется структура стада. Так, в частности, по мере возрастания численности скота происходит уменьшение удельного веса менее подвижных видов животных, уравниваемое увеличением доли более подвижных видов, главным образом конского поголовья (МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. 15–16 и др.).

Особенно показательны в этом смысле данные по степени обеспеченности хозяйств лошадьми. Так, например, в Петропавловском уезде в группе хозяйств, в которых насчитывалось от 10 до 25 лошадей, удельный вес конского поголовья в общей структуре стада составлял 29–32%; в группе хозяйств, имеющих от 26 до 50 лошадей, – 36–38%; в группе хозяйств, имеющих от 51 до 100 лошадей, – 42,2%; а в группе хозяйств, имеющих более 100 лошадей, – превышал 55% (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 130). В Каркаралинском уезде процент конского поголовья составлял: в первой группе хозяйств – 20,5–22,6%, во второй – 24–24,5%, в третьей – 29,1% и в четвертой – 39,2% (МКЗ. Т. VI. Очерк. С. 53).

Если посмотреть на состав стада с точки зрения количества лошадей в расчете на одно хозяйство, то интересующая нас картина приобретает еще более рельефные очертания (см. 8.1). «У богачей – кони», – свидетельствуют практически все источники (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 54 и др.).

И наоборот, чем выше норма обеспеченности скотом, тем меньше в структуре стада доля крупного рогатого скота (МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. 15–16; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 129 и др.). Так, в Петропавловском уезде в безлошадных хозяйствах его доля составляла 66,5% в составе стада; в группе хозяйств, имеющих от 1 до 3 лошадей, – 40–57%; имеющих от 4 до 10 лошадей, – 23–31%; от 11 до 25 – 19–21%; от 26 до 50 – 17–18%; имеющих 50 и более лошадей – 12–16% (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 130). В Каркаралинском уезде процент поголовья крупного рогатого скота составлял в группе безлошадных хозяйств – 30,4%, имеющих от 1 до 3 лошадей – 16,8–23,8%, имеющих от 4 до 10 лошадей – 9,2–13,3%, от 11 до 25 – 6,2–7,6%, от 26 до 50 – 3,8–4,7%, имеющих более 50 лошадей – 2,8–3,3% (МКЗ. Т. VI. Очерк. С. 53).

Иначе говоря, социально-экономические характеристики видовой структуры стада в хозяйстве казахов свидетельствуют о том, что доля конского поголовья, прямо пропорционально возрастающая в зависимости от степени общей обеспеченности скотом, имеет своим чуть ли не зер-

кальным отражением удельный вес крупного рогатого скота, прямо пропорционально уменьшающийся в зависимости от богатства того или иного индивида.

По степени обеспеченности мелким рогатым скотом прослеживается иной характер изменения структуры стада. Так, в Петропавловском уезде в группе хозяйств, имеющих до 15 лошадей, наблюдается заметный рост доли овец и коз в зависимости от степени обеспеченности скотом, но в наиболее состоятельных группах, наоборот, отмечается уменьшение их удельного веса. Так, в хозяйствах, имеющих более 25 лошадей, доля мелкого рогатого скота составляет 44,6%, а в хозяйствах, имеющих более 50 лошадей, – уменьшается до 41,1%. Еще меньше их доля в хозяйствах, имеющих более 100 лошадей, – 30,8% (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 130).

В одном из наиболее засушливых уездов – Каркаралинском – удельный вес мелкого рогатого скота довольно стабилен во всех группах хозяйств – 68,5–71,4%, за исключением только самых богатых. В хозяйствах, имеющих от 51 до 100 лошадей, его доля составляла 65,8%, а в хозяйствах, имеющих более 100 лошадей – 56,4% (МКЗ. Т. VI. Очерк. С. 53). Это было обусловлено тем, что существовал определенный предел, за порогом которого насыщение стада овцами и козами становилось невозможным. Причинами тому являлись невысокая скорость передвижения и небольшой ареал выпаса мелкого рогатого скота (см. 5.1 и 3.1). В результате этого высокий удельный вес овец в структуре стада не обеспечивал оптимальной скорости кочевания большого стада животных.

В зависимости от степени общей обеспеченности скотом происходит и изменение внутривидовой структуры стада, в частности, увеличение дойного крупного и мелкого рогатого скота в бедняцких хозяйствах и их соответствующее уменьшение в богатых хозяйствах. (МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство. С. 105, 108–109; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 126–127 и др.). Это было обусловлено как меньшей в нем потребностью и неэффективностью широкомасштабной дойки из-за больших затрат труда в состоятельных хозяй-

ствах, так и практической сдачей дойного скота на выпас беднякам. По мере роста благосостояния наблюдается возрастание доли валухов, волов и дойных кобылиц (МКЗ. Т. I. Киргизское хозяйство С. 97, 105, 107–108; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 125–127 и др.).

Динамика изменений численности и удельного веса различных видов скота, на наш взгляд, обуславливается объективным характером социально-экономических процессов в кочевой среде. Напомним в этой связи, что для каждого вида животных был присущ свой режим выпаса (см. 3.1, 4.1, 4.2, 5.1). Так, суточная длина гона и радиус водопоя составляли: для овец соответственно 8–12 км и 3–4 км, крупного рогатого скота – 6,6 и 2,6 км, лошадей – 14 и 6,2 км, верблюдов – 21–25 и 9–12 км (Чогдон, 1980. С. 187–195). На этой основе совершенно объективно происходила трансформация стада, ибо чем больше скота было сосредоточено на пастбище, тем быстрее потреблялся травостой и, следовательно, возрастала скорость кочевания в поисках других пастбищ.

При этом необходимо учитывать порядок кочевания и систему раздельного выпаса скота. Источники свидетельствуют, что «весь порядок следования аула при перекочевке заключается в нижеследующем: впереди гонют лошадей, потом стада баранов и наконец все имущество навьюченное на верблюдах» (МКОП, 1948. С. 149). В свою очередь, беднейшие придерживались другого порядка кочевания: «Хозяйственные аулы и котаны, у которых недостаток в рабочем скоте и которые не могут сразу сняться с места, кочуют в несколько приемов: сначала кочует часть аула или котана, потом рабочий скот с новой стоянки посылается оставшимся; у бедных киргиз это повторяется несколько раз и кочевка затягивается на 2–3 дня. Такая кочевка называется тасмал, она практикуется только бедняками, возможна только при коротких кочевках, не более как на 10–20 верст...» (МКЗ. Т. VI. Примеч. С. 134).

Закономерно, что в хозяйствах более состоятельных, имевших много скота и больше подвижных видов – лошадей, верблюдов, процесс кочевания не требовал больших затрат

времени и осуществлялся на высокой скорости, тогда как в бедных хозяйствах с высоким удельным весом малоподвижных животных и при дефиците транспортных средств процесс кочевания требовал больших затрат времени и труда и осуществлялся очень медленно. Итак, в наличии большая разница в скорости, интенсивности и частоте кочевания в зависимости от степени благосостояния индивида. В результате этого имеют место высокая скорость кочевания в богатых хозяйствах и низкая – бедных хозяйств. Поэтому скорость кочевания выступает в качестве фундаментальной парадигмы социально-экономических процессов в кочевой среде.

Попытка уловить разницу между богатыми и бедными хозяйствами уже предпринималась исследователями. Так, Б. Я. Владимирцов писал по этому поводу: «Чем больше стадо, тем больше оно вызывало перекочевок-переходов» (Владимирцов, 1934. С. 36). С. З. Зиманов заметил в этой связи, что «частота производимых перекочевок во многом зависела от размеров скотовладения. Содержание большого количества скота, ... требовало более частых переходов...» (Зиманов, 1958. С. 131). А. М. Хазанов также обратил внимание на то, что «...богатый скотовладелец кочевал больше и дальше и, следовательно, использовал большее количество пастбищной территории» (Хазанов, 1975а. С. 254).

Как видно из приведенных положений, тезис о большей частоте и дальности перекочевок не привел исследователей к мысли о скорости кочевания как принципиально важном факторе социальных процессов в кочевой среде. Но именно этот момент – самый главный и важный доминантный признак неравенства в сфере поземельных отношений. Ведь главное заключается в том, кто быстрее кочует, тот и пользуется преимуществом «права первозахвата» и он же, естественно, кочует чаще и дальше.

Источники свидетельствуют о неадекватной ритмичности кочевания в зависимости от степени обеспеченности скотом. Так, «Материалы по киргизскому землепользованию» указывают на то, что бедные в течение лета кочуют 2–3 раза, а богатые гораздо больше (МКЗ. Т. IV. Описания...

С. 126). «...Богатому киргизу, безусловно, необходимо кочевать и кочевать подальше» (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 139). У богатых наблюдается более растянутый цикл летнего кочевания (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 88), большая протяженность кочевых маршрутов и частая смена пастбищных угодий (МКЗ. Т. II. С. XXIII; Живописный альбом..., 1880. С. 329 и др.). «Чем многоскотнее, богаче хозяйство, тем настоятельнее для него кочевание на далекия свободныя пастбища, тем неудобнее для него рогатый скот и тем возможнее для него разводить любезных для кочевника лошадей и овец» (МКЗ. Т. VI. Очерк. С. 53–54). В результате этого прослеживается различная география процесса кочевания для разных слоев общества (Вайнштейн, 1972. С. 61–62; Пуляркин, 1976. С. 56 и др.).

Вследствие этого богатые хозяйства, имеющие более подвижную структуру стада, кочевали значительно быстрее малоимущих, что позволяло их скоту потреблять свежий, никем не тронутый растительный покров. В то время как менее обеспеченные скотом были вынуждены следовать за богатыми и довольствоваться лишь тем, что осталось после выпаса их скота. Источники прямо свидетельствуют, что при переходе на жайлау «...кто прежде прибудет, тот и занимает лучшее кочевье, другие ж, опоздав, не находят уже своих выгод» (КРО, 1964. С. 145). Очевидцы указывают, что идущие первыми во время кочевки снимают «сливки» с пастбищных угодий (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 96). Иначе говоря, качественно-видовой состав стада, зависевший от имущественного положения индивида, определял скорость движения животных во время выпаса и перегонов и тем самым обуславливал присвоение кормовых угодий в собственность богатых скотовладельцев.

Таким образом, на основе различий в скорости кочевания фактически происходило присвоение кормовых и водных ресурсов в теплое время года классом богатых скотовладельцев, которые практически монополизировали пастбищные угодья благодаря более подвижному составу своего стада. Из этого можно заключить, что «право

первозахвата» в действительности являлось всего лишь юридической фикцией, поскольку оно только вуалировало фактически существующее господство класса богатых скотовладельцев в сфере землепользования. При этом гегемония данной прослойки в области земельных отношений становится еще более очевидной, если учитывать, что значительная часть непосредственных производителей была зависима от богатых скотовладельцев уже в самом процессе кочевания. Источники неоднократно сообщают нам о перекочевках типа «тасмал» (МКЗ. Т. VI. Примеч. С. 134 и др.) и других аналогичных формах кочевания (Wardell, 1961 и др.). В частности, «Материалы по киргизскому землепользованию» свидетельствуют, что богатые уходят на жайлау первыми, а бедные идут следом за ними и просят вычужный скот для кочевки и лишь затем переходят на летние пастбища (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 88 и др.).

В данном случае мы вправе заключить, что богатые скотовладельцы фактически бесконтрольно присваивали кормовые ресурсы, пользуясь преимуществами более подвижной структуры своего стада скота. Это обстоятельство позволяет, несомненно, отождествить их с субъектом собственности на землю. Тем более, что класс богатых скотовладельцев первым присваивал «естественное» плодородие земли, являясь фактически главным распорядителем пастбища как средства производства и обеспечивал тем самым его функционирование в качестве предмета и средства труда. Из-за этого, свидетельствуют источники, бедным даже находиться на одной стоянке с более обеспеченным скотом хозяйством было невыгодно, поскольку в этом случае они были бы вынуждены кочевать в аналогичном режиме и часто менять пастбища, тогда как структура их стада была к этому ритму передвижений не приспособлена. Поэтому, как показывает практика, бедные на жайлау всегда остаются позади, а богатые обычно кочуют дальше и захватывают лучшие пастбища. При этом бедные рядом с ними никогда не останавливаются и держатся всегда подальше от них (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 119 и др.).

Следует иметь в виду абсолютную объективность и закономерность процесса присвоения пастбищных угодий в собственность классом богатых скотовладельцев, которое, как правило, не осознавалось даже самими номадами. Это было обусловлено тем, что время использования того или иного пастбища и сам процесс кочевания, его ритм и особенно стартовая позиция определялись такими объективными природными факторами, как посезонно-зональная продуктивность растительного покрова, наличие или отсутствие водных источников и т. п. Как мы уже отмечали, эффективность системы выпаса скота определялась моментом оптимального пребывания на пастбище именно в период наивысшего цветения растений, который мог длиться от 2–3 дней до нескольких недель. Поэтому процесс кочевания есть главным образом процесс использования пастбищных угодий в наиболее оптимальные сроки, во время наивысшей продуктивности кормовых ресурсов.

И поскольку старт процессу кочевания давался всем одновременно – временем таяния снегов и устойчивым переходом суточных температур воздуха через 0°C и потом стимулировался началом вегетации растительного покрова, то в дальнейшем доминантную роль играла скорость кочевания, позволявшая в оптимальные сроки достигать и осваивать наиболее «зрелые» и готовые к выпасу скота угодья. И здесь, бесспорно, наиболее богатые и динамичные хозяйства первыми в необходимые сроки приходили на летние пастбища. Следует признать, что богатые скотовладельцы фактически полностью монополизировали пастбищные угодья посредством «права первозахвата», тогда как беднейшая часть населения в вопросах землепользования находилась в неравном и зависимом положении (см. 8.1 и 8.2).

Признание монопольной собственности класса богатых скотовладельцев на пастбищные угодья на межличностном уровне отнюдь не исключает необходимости анализа отношений общинной собственности на землю в процессе производства, которые не в полной мере были адекватны обычнорправовым формам собственности. В зимнее время года,

как мы уже отмечали, минимальная община присваивала в собственность относительно небольшой участок земли, площадь которого не превышала 2–3 тыс. га.

Однако, как свидетельствуют источники, богатые скотоводы имели не одну, а несколько зимовок (МКЗ. Т. II. С. XXV; МКЗ. Т. IV. Описания... С. 127 и др.). Иначе говоря, классом богатых скотовладельцев могло осуществляться присвоение небольших участков земли в индивидуальную собственность. Удельный вес данного типа собственности был, видимо, значительным, поскольку, например, в Каркаралинском уезде было зафиксировано 826 зимних аулов в составе одного хозяйства, что составляло 15,4% всех зимних аулов уезда (МКЗ. Т. VI. Очерк. С. 19) и т. д. Учитывая вышесказанное, мы вправе заключить, что в рамках общинной собственности в зимний период года сосуществовала фактически частносемейная собственность на пастбищные угодья.

Для теплого времени года, как мы уже отмечали, было свойственно присвоение в собственность разнообразных водных источников (см. 5.1 и 4.2). Результатом этого было возникновение фактических отношений общинной собственности на пастбищные угодья вокруг того или иного водоемного источника, поскольку «кто без позволения аульных прикочует к аулу... тот... немедленно должен откочевать и отогнать свой скот...» (Загряжский, 1876. С. 170–171). В летний период года также происходило вовлечение земли в отношения общинной собственности. При этом собственность расширенной общины на землю носила опосредствованный характер, поскольку кормовые угодья присваивались посредством отношений собственности на водные источники.

Другой особенностью поземельных отношений являлось то, что в силу биологических особенностей различных животных отношения собственности на пастбищные угодья носили избирательный характер, ибо каждый вид требовал организации особой системы кочевания, выпаса и водопоя (см. 3.1, 4.1, 4.2 и 5.1). Как уже отмечалось, наименьшие требования к качеству воды и растительного покрова предъявляли овцы и козы, тогда как наибольшие – круп-

ный рогатый скот и лошади. В результате этого отношения собственности на пастбищные угодья и водные источники могли опосредствоваться видовой структурой стада. При этом существовали, например, на солончаках, пастбищные участки, на которых было необходимо лишь периодически выпасать скот – один раз в 10–15 дней. Поэтому не было никакого смысла в присвоении такого рода земельных угодий в общинную собственность, они обычно принадлежали целой группе общин.

Надо иметь в виду и то, что вовлечение земли в сферу природопользования происходило на основе посезонной продуктивности растительного покрова. Из-за этого отношения собственности охватывались лишь те пастбища и только в тот период года, когда они были в состоянии обеспечить скот кормами. В результате на одних и тех же пастбищах в разные периоды года в силу сезонной производительности растительного покрова мог выпасаться скот различных общин. Известны случаи, например, когда на зимних пастбищах одних общин в летнее время выпасался скот других (Алланиязов, Викторов, Пельт, 1984. С. 94–103 и др.). Именно поэтому отношения собственности на землю могли носить посезонный характер.

* * *

Таким образом, отношения фактической собственности на пастбищные угодья носили достаточно сложный характер и регулировались конкретными особенностями среды обитания, посезонными циклами процесса производства, качественно-видовым составом стада и целым рядом других социально-экономических и экологических факторов. Вследствие этого отношения собственности на землю носили, во-первых, опосредствованный характер, поскольку кормовые угодья присваивались в теплый период года опосредствовано отношениям собственности на водные источники. Во-вторых, избирательный характер, ибо каждый вид животных требовал организации особого режима выпаса,

водопоя и кочевания. И, в-третьих, посезонный характер, ибо практическая утилизация пастбищных угодий зависела от посезонного характера наивысшей продуктивности растительного покрова.

Как мы видим, отношения собственности характеризуются многообразием форм проявления. С одной стороны, система производственных отношений не дает в общеправовом аспекте никаких гарантий чьей-либо монополии на пастбищные угодья. Нет таких условий и с точки зрения влияния природных факторов на социально-экономические процессы, поскольку отношения собственности на землю были жестко детерминированы ресурсами среды обитания и носили опосредствованный, избирательный и посезонный характер.

Такая природа отношений собственности на землю, как мы уже отмечали, была обусловлена закономерностью всемерного рассеивания полномочий собственности по всем этажам социальной организации и социально-экономической структуры общества. Однако «дисперсность» отношений собственности на пастбищные угодья естественно снималась процессами кооперации в рамках общины и интеграции в ассоциативные группы, а также процессами концентрации скота в крупных хозяйствах, поскольку отношения собственности на скот были ведущими в структуре производственных отношений. Вследствие этого отношения собственности на скот в процессе производства по отношению к пастбищным угодьям выступают в качестве фактора их интеграции и вовлечения в систему общественных отношений.

Земля, являясь одним из основных средств производства в кочевой среде, также вовлекалась в отношения фактической собственности посредством утилизации кормовых и водных ресурсов на уровне общин и через качественно-видовой состав стада на уровне межличностных отношений. И если на первом уровне функции собственника осуществляли в зимний период года – минимальная община, в теплое время – расширенная община, а в течение всего

года – ассоциативная группа, то на последнем – класс богатых скотовладельцев, которые фактически образовывали класс земельных собственников.

В обычноправовом плане право собственности как общин, так и богатых скотовладельцев на землю и водные источники выражалось в «праве первозахвата», которое для массы непосредственных производителей превращалось в процессе производства в юридическую фикцию. Однако для окончательного заключения о всеобщности процесса монополизации отношений собственности на землю класса богатых скотовладельцев необходим анализ фактических отношений собственности на скот и другие средства производства в самом процессе трудовой деятельности.

7.3. ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ НА СКОТ

В результате проведенного исследования обычноправовых аспектов отношений собственности и взаимоотношений различных групп индивидов по поводу одного из важнейших средств производства – земли, мы убедились в доминантной роли отношений собственности на скот в системе производственных отношений кочевого общества. В этой связи встает вопрос о действительной природе отношений собственности на скот в процессе производства, поскольку юридические формы не всегда адекватны экономической реальности.

В кочевниковедческой историографии существуют различные подходы к данной проблеме (подробнее см.: *Першиц*, 1976; *Коган*, 1981; *Исмаил*, 1983; *Крадин*, 1987 и др.). Сторонники Б. Я. Владимирцова считают, что отношения собственности на скот не являлись главным показателем социальной дифференциации номадов. Только вместе с отношениями собственности на землю, которые играли ведущую роль, они приобретали целостное классовообразовательное значение (*Владимирцов*, 1934; *Вяткин*, 1947; *Зиманов*, 1958. С. 124–128; *Еренов*, 1960; *Златкин*, 1964; *Пищулина*, 1977 и др.). В свою очередь, Г. Е. Марков пола-

гает, что «...кочевое скотоводческое хозяйство было порой не единственным и даже не главным источником возникновения резкой имущественной дифференциации. Обмен, торговля с земледельческими областями, войны и набеги... порождали значительные различия в имущественном положении...» (*Марков*, 1976. С. 301).

Некоторые исследователи идут еще дальше, утверждая, что «скот был легко отчуждаем и одновременно легко накопим», «но из этого, – полагают они, – как раз и вытекает непрочность. Легко доставшееся богатство – безразлично...» (*Черников*, 1978. С. 77). Отсюда делается вывод о том, что собственность на скот не могла быть экономической основой социальной дифференциации и приводила к нечеткости процессов классовообразования (*там же*. С. 78).

Думается, с приведенными суждениями нельзя согласиться, поскольку разведение скота всегда было очень сложным технологическим процессом и поэтому «легкое накопление» скота было невозможно, о чем красноречивее всего свидетельствует советский опыт животноводства. Да и любой мало-мальски знакомый с жизнью кочевников исследователь подтвердит, что скот в глазах номада был ВСЕМ, он значил больше родства, жизни, а отсюда обожествление, культ скота (см., например: *Толыбеков*, 1971. С. 195–201; *Толеубаев*, 1984; *он же*, 1984а и др.).

Гораздо ближе к истине те авторы, которые указывают на доминантную роль отношений собственности на скот в структуре производственных отношений и процессах классовообразования (*Толстов*, 1934; *Шахматов*, 1964; *Толыбеков*, 1971; *Фукс*, 1981; *Петров*, 1981 и др.). Так, в частности С. Е. Толыбеков справедливо считает, «...что у кочевых народов... имущественное неравенство и классовое расслоение... могли возникнуть только на почве частной собственности на стада и табуны...» (*Толыбеков*, 1971. С. 113). В. П. Илюшечкин пишет в этой связи, что «в кочевых скотоводческих хозяйствах... основным и главным богатством, самым важным средством производства считается скот... Частная, в том числе крупная частная собственность на скот

существует во всех классовых обществах кочевников, она и служит там основой частнособственнической эксплуатации» (Илюшечкин, 1980. Ч. II. С. 299).

Практически все исторические и этнографические источники единодушно свидетельствуют, что «главнейшее благосостояние сего народа зависит единственно от количества скота. Оно разделяет круг их общества на богатых, посредственных и бедных» (Гавердовский, 1803. Л. 67 об.). Так, М. В. Певцов сообщает, что «состояние монгола, как и других кочевников, определяется числом голов скота» (Певцов, 1951. С. 79).

Как показывает анализ статистических материалов, характерным признаком кочевого способа производства являлась концентрация скота в хозяйствах немногочисленного класса богатых скотовладельцев. Так, в частности, группа хозяйств, имевшая свыше 50 лошадей, составляла 3,3% всех хозяйств Атбасарского уезда, а владела 20,4% всего поголовья скота, в Кустанайском – соответственно 3,7% хозяйств и 32,6% скота, Усть-Каменогорском – 1,1% и 15,5%, Семипалатинском – 1,8% и 23,0%, Зайсанском – 0,9% и 3,4%, Каркаралинском – 2,0% и 19,7%, Акмолинском – 3,9% и 27,6%, Павлодарском – 3,6% и 29,1%, Омском – 4,6% и 30,6%, Петропавловском – 1,6% и 16,8%, Актюбинском – 1,2% и 11,7% (табл. 5).

В социологии и экономике при анализе процессов социальной дифференциации общества широко используются коэффициенты неравенства, в частности коэффициент Лоренца, коэффициент Джини и др. (подробнее см.: Миронов, 1991. С. 30–38 и др.). Применение этих коэффициентов, показывающих степень равномерности распределения богатства между различными социальными группами, убедительно демонстрирует степень концентрации богатства в казахском кочевом обществе (табл. 6). При этом, как считают авторы данной методики, при значении коэффициента Джини с 0.3 до 0.7 фактически имеет место значительное экономическое неравенство. В этой связи остается лишь констатировать,

что казахское кочевое общество, в котором фиксируются коэффициенты Джини значения от 0.330 до 0.524, было значительно экономически дифференцировано (табл. 6).

Более детальная профилировка по видам скота свидетельствует, что в хозяйствах богатых скотовладельцев, имевших свыше 50 лошадей, была сосредоточена значительная часть конского поголовья и верблюдов (табл. 7). Так, например, в Усть-Каменогорском уезде им принадлежало 24,1% всех лошадей и 19,6% всех верблюдов, Зайсанском – 22,9% и 12,8% соответственно, Каркаралинском – 28,8% и 14,2%, Семипалатинском – 34,7% и 20,7%, Акмолинском – 38,8% и 27,4%, Петропавловском – 22,3% и 77,3%.

Математический анализ с помощью коэффициента Джини подтверждает глубокое неравенство и процесс концентрации конского поголовья в хозяйствах богатых скотовладельцев. Так, значение коэффициента существенно возрастает по сравнению с данными по общей обеспеченности скотом, в частности, в Акмолинском уезде с 0.441 до 0.660, Зайсанском – с 0.330 до 0.605, Каркаралинском – с 0.404 до 0.648, Семипалатинском – с 0.415 до 0.683, Усть-Каменогорском – с 0.345 до 0.591, Капальском – с 0.474 до 0.558, Джаркентском – с 0.524 до 0.666, Верненском – с 0.489 до 0.546 и т. д. При этом в среднем на одно хозяйство данной группы приходилось в Акмолинском уезде – 167,5 лошади и 153,2 овцы, Атбасарском – 133,7 и 228,0 соответственно, Зайсанском – 150,0 и 417,0, Каркаралинском – 136,1 и 236,3, Кокчетавском – 164,7 и 143,3, Кустанайском – 156,5 и 146,7, Омском – 160,9 и 90,0, Павлодарском – 162,4 и 190,5, Петропавловском – 139,9 и 102,9, Семипалатинском – 153,6 и 262,5, Усть-Каменогорском – 152,2 и 186,7 (табл. 8).

Таким образом, крайне небольшая группа хозяйств, имевших свыше 50 лошадей, составлявшая всего лишь 0,9–4,6% всех хозяйств в уездах, сконцентрировала в своих руках от 11,7 до 32,6% всего поголовья скота. Еще более впечатляющими выглядят эти показатели в разрезе отдельных видов скота, особенно лошадей и верблюдов. Так, в частности, в некоторых уездах до 40% конского поголовья принадлежало дан-

ной группе богатых скотовладельцев (табл. 7). В этой связи мы вправе зафиксировать реальность процессов концентрации скота в отдельных индивидуальных хозяйствах, как правило, связанных с общиной лишь в рамках ассоциативной группы.

С целью доказательства всеобщности процессов концентрации скота в среде кочевников, по-видимому, есть смысл обратиться к аналогичным свидетельствам исторических источников. Закономерность данного явления может быть подтверждена документальными материалами по древним сюнну (*Таскин*, 1968. С. 31–33 и др.), усуням (*Бичурин*, 1950. Т. II. С. 190 и др.), жуань-жуаням (*там же*. Т. I. С. 197; *Хазанов*, 1975а. С. 92 и др.), калмыкам (*Шилов*, 1975. С. 82–83 и др.), монголам нового времени (*Марков*, 1976. С. 121 и др.), туркменам (*Оразов*, 1964; *Марков*, 1976. С. 229–230 и др.), арабам (*Першиц*, 1961 и др.) и многим другим кочевым народам.

Очень интересны сообщения источников по казахам. Так, например, И. П. Фальк отмечает, «...что у богатых киргизов считают во владении по 5 и даже 10 тысяч голов коней. Такие богачи не могут даже знать с точностью численность своих стад» (*Прошлое Казахстана...*, 1935. С. 182). В свою очередь, другой русский академик И. Г. Георги пишет: «И у самого простого, но доброго скотовода, редко бывает меньше 50 или 30 лошадей, в половину против того рогатого скота, 100 овец, несколько верблюдов и от 20 до 50 коз. В средней же особенно орде есть, как слышно, и такие люди, у которых табуны содержат в себе до 10 000 лошадей, до 300 верблюдов, от трех до четырех тысяч рогатого скота, около 20 000 овец, и больше 1000 коз. Имеющие тысяч по пяти лошадей и по соответствующему числу другого скота люди есть и в малой орде» (*Георги*, 1799. Ч. II. С. 126). Эти авторы сообщают нам также данные о богатстве ханов Нуралы и Аблая (*Прошлое Казахстана...*, 1935. С. 184–186). Еще большие цифры о количестве скота у отдельных скотовладельцев приводят в своих работах А. И. Левшин (*Левшин*, 1832. Ч. III. С. 178, 191), С. Броневский (*Броневский*, 1830. Ч. 42. Кн. 121. С. 180–181) и другие авторы.

В этом смысле особенно интересно указание Г. И. Спасского на то, что «те, которые имеют от 20 до 50 лошадей, в половину против сего быков и коров, по 100 овец и коз и несколько верблюдов почитаются людьми посредственного состояния...» (*Спасский*, 1820. Ч. X. Кн. 6. С. 179–180). Сотник Махонин сообщает о крупных скотовладельцах, имевших до 1000–1800 лошадей, 2000–3000 овец и 300 голов крупного рогатого скота (*Махонин*, 1827. С. 7). В. В. Радлов говорит, что «...встречаются, хоть и не часто, богачи, имеющие по 80–100 табунов» (*Радлов*, 1989. С. 280), в которых насчитывалось от 15 до 50 лошадей (*там же*. С. 275). Такого рода свидетельств разнообразных источников можно привести немало (*Зиманов*, 1957. С. 125; *Аполлова*, 1960; *Еренов*, 1960; *Толыбеков*, 1971 и др.). В данном случае очевидно, что социально-экономическому развитию кочевого общества в имманентной форме были присущи широко-масштабные процессы концентрации скота в хозяйствах немногочисленной группы богатых скотовладельцев (см. 8.1).

Однако, как нами было уже показано, процессы накопления скота в кочевой среде были жестко лимитированы комплексом экологических факторов (см. 5.1), что ограничивало и даже препятствовало концентрации животных в крупных индивидуальных хозяйствах. Вследствие этого спорадически и спонтанно возникавшие процессы накопления скота в конце концов совершенно объективно прерывались посредством естественно- и социально-сегментирующей функций закономерности дисперсного состояния. Так, например, процессы концентрации скота прерывались посредством аномальных явлений природы, вызывавших джуты (*Шахматов*, 1961. С. 44–54 и др.), но чаще всего посредством социальных явлений, в частности, разделом имущества после смерти индивида между довольно большим числом родственников, уплатой калыма, выделением имущества женатым сыновьям, приданого дочерям, устройством многочисленных богатых пиров по случаю рождения детей, их инициации, свадьбы, похорон, поминок, системой бесчисленных подарков-отдарков, обязательной помощью

родственникам, законами гостеприимства, отдачей скота в саун, большими штрафами за разного рода провинности, барымтой, множеством взаимных обязательств и т. д. В результате этого происходило перманентное «рассеивание» отношений собственности на скот, прерывание процессов накопления и массовое перераспределение движимого имущества по всем этажам социальной структуры общества.

* * *

Таким образом, процессы концентрации скота в отдельных индивидуальных хозяйствах носили в масштабах всего социума дискретный характер во времени, но в пространственно-временном континууме – имели место всегда и были имманентно присущи социально-экономическим отношениям в кочевой среде, поскольку постоянно воспроизводились самим способом производства.

Это обстоятельство определяло, во-первых, бесконечные переходы из общинного типа организации производства в индивидуальный, во-вторых, ограниченный потенциал развития и дискретность функционирования индивидуального типа хозяйства и, как следствие, процессы широкой возвратной «общинизации» прежде богатых хозяйств в результате действия механизма всеобщего перераспределения общественного продукта. Иначе говоря, в условиях жесткой экологической зависимости кочевнического способа производства при наличии даже глубокого неравенства в степени обеспеченности скотом – всеобщность «индивидуализации» общественного производства имела место лишь как одна из сторон системы материального производства, которая не в полной мере характеризует специфику функционирования кочевничества.

Признание ограниченных возможностей кочевнического способа производства в процессах концентрации средств производства отнюдь не означает нереальности еще более глубокого социально-экономического неравенства в кочевнической среде. И здесь фундаментальным фактором нарастания имущественного неравенства в недрах самого способа

производства выступает так называемый, принцип *дополнительности*, согласно которому «действующие в пределах замкнутой системы закономерности дополняют друг друга, что и обеспечивает саморазвитие системы» (Алексеев, 1984. С. 70). В условиях кочевнического общества принцип дополнительности означает единство и целостность всех элементов системы материального производства, их взаимообуславливающее и взаимодополняющее функционирование, обеспечивающее собственно процесс производства в оптимальном режиме.

Основная закономерность принципа дополнительности заключается в достижении так называемой «критической массы» производственного процесса, которая обеспечивалась оптимальным уровнем концентрации трудовых, материальных и интеллектуальных ресурсов в их единстве и взаимодополнении, что достигалось в самом процессе производства вне сознания трудящихся индивидов.

«Критическая масса» обеспечивалась огромным множеством факторов, главными среди которых были: оптимальный размер и структура стада (порядка 400 овец в зимний период года, 500–600 овец в теплое время, 50–60% маточного состава, наличие конского поголовья, обязательное ядро животных из одного хозяйства и т. д.), соответствующая концентрация трудовых ресурсов (2–3 чабана на отару овец, 2–3 человека на выпас других животных и т. д.), соответствие затрат труда ожидаемому результату с тем, чтобы полученными продуктами труда можно было покрыть необходимый минимум (5–6 хозяйств в зимнее время, не более 10–12 хозяйств в летний период), наличие необходимого числа водных источников, апробированных маршрутов кочевания, соответствующий запас знаний о характере функционирования природных ресурсов среды обитания и особенностях жизнедеятельности животных, известный уровень профессиональной квалификации скотовода и номада, наличие минимума транспортных средств, предметов материальной культуры и т. д. При отсутствии какого-либо из перечисленных элементов и компонентов трудового про-

цесса «критическая масса» не обеспечивалась и такая община становилась экономически неэффективной и неконкурентоспособной, следствием чего являлось обеднение и последующая пауперизация индивидов.

Достижение «критической массы», обеспечивающей своего рода «цепную реакцию» рационального природопользования, экономическую эффективность трудовых процессов и соответствующее качество общественного продукта, было возможно как в рамках отдельных индивидуальных хозяйств богатых скотовладельцев (15% случаев), так и, главным образом, в рамках общины. Именно в последнем случае ведущая роль принципа дополнительности проявлялась в наиболее рельефно выраженной форме.

Казалось бы, интеграция индивида в общину возможна, как минимум, при наличии своего скота, но в действительности объединение в хозяйственную группу не было произвольным процессом. Оно было обусловлено прежде всего рядом эколого-биологических факторов. Концентрация скота в целостную стадную систему была возможна лишь в случае наличия определенного ядра животных, принадлежащих одному владельцу, а также оптимального взаимодополнения различных видов животных, сбалансированности внутривидовой и половозрастной структуры, соответствующего минимума маточного поголовья, обеспечения их необходимыми производителями и т. д.

Так, например, зимой лошадей выпасали отдельно от прочих животных в общих табунах «косах», поскольку совместный их выпас был объективно невозможен (см. 4.1 и 4.2). Объединение же в кос было доступно сравнительно небольшому числу многолошадных хозяйств (МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. I и др.). Обычно кос формировался богатым скотовладельцем вокруг ядра – принадлежавшего ему табуна большой величины (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 125; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 148 и др.). При этом «...присоединить своих лошадей к косу богача, – свидетельствует народный опыт, – можно только в виде целого косяка, состоящего из 8–15 голов; одиночные же лошади в чужом

табуна плохо будут накормливаться и легко могут отбиться от табуна. Затем, артели для общего зимнего выпаса лошадей могут составляться только теми хозяевами, которые имеют десятки или сотни лошадей, для более бедных хозяев такая форма общего выпаса также недоступна, так как пришлось бы для одного коса составлять артель из очень большого числа хозяев и при этом живущих на очень далеком расстоянии друг от друга и т. п.» (МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. 1–2). Причем за присоединение своих лошадей к табуна богатого скотовладельца менее обеспеченные выплачивали им соответствующую плату (МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. 1–2 и др.).

А в связи с угрозой джута появлялась насущная потребность прогона табуна лошадей по обледеневшему или глубокому снежному покрову, что позволило бы другим видам скота добыть корм. Иначе говоря, обеспечение большинства трудовых операций было возможно только при условии тесной интеграции с хозяйствами богатых скотовладельцев. Среди многочисленных каналов этой интеграции в едином комплексе общественного разделения труда в номадном социуме следует выделить такие, как помощь в осуществлении перекочевок, выпасе скота, изготовлении предметов материальной культуры, строительстве хозяйственных построек, обмене производителями и маточным поголовьем, дача скота в саун и многие другие.

Именно в единстве и взаимодополнении всех элементов общественного производства и заключался принцип дополнительности, когда жизнедеятельность как отдельных индивидов, так и общинных групп осуществлялась исключительно путем интеграции их с хозяйствами богатых скотовладельцев. В этом случае имело место обеспечение «критической массы» в общине, а следовательно, происходило обеспечение непосредственных производителей необходимым продуктом.

Вследствие этого общины, как правило, представляли собой объединение бедных скотовладельцев вокруг более зажиточных и обеспеченных. Поэтому скот бедняков в рам-

ках общины объединялся вокруг ядра стада, принадлежащего богатому скотовладельцу. В противном случае, учитывая невысокий уровень воспроизводства стада (см. 3.1), из-за несбалансированности затрат труда и ожидаемого общественного продукта скот бедных кочевников не мог быть интегрирован в сложную модель стадного комплекса. В результате этого община фактически являлась своеобразным атрибутом отношений собственности на скот по отношению к массе непосредственных производителей, результатом принципа дополненности. В данном случае более состоятельные скотовладельцы фактически монополизировали весь процесс производства в рамках общины. Таким образом, процессы концентрации скота имели тенденцию подчинять общину, детерминируя тем самым ее зависимое положение от класса богатых скотовладельцев.

Иначе говоря, скот фактически являлся объектом монопольной собственности класса богатых скотовладельцев, которым процесс производства посредством принципа дополненности совершенно объективно «делегировал» соответствующие организаторско-властные полномочия по обеспечению функционирования всех элементов системы материального производства. Это обуславливалось тем, что для большей части трудящихся индивидов необходимые условия для выпаса скота, обеспечения производства и кочевания могли быть созданы только за счет интеграции их хозяйства с хозяйствами богатых скотовладельцев. В этом случае обеспечивалась «критическая масса», позволявшая в оптимальном режиме функционировать системе материального производства. В противном случае технологический оптимум не достигался и воспроизводство стада не обеспечивалось. Тем самым процесс производства совершенно объективно определял монополию класса богатых скотовладельцев как на средства производства (скот, землю и воду), так и на сам процесс производства, а следовательно, на всю систему материального производства.

В недрах кочевого способа производства закономерно происходила поляризация агентов экономического отношения, приводившая к концентрации большого числа скота в отдельных индивидуальных хозяйствах. Однако сегментация движимого имущества определяла дискретный характер процессов накопления скота, что в конечном счете приводило к «рассеиванию» отношений собственности по всем этажам социальной структуры общества и перераспределению общественного продукта (см. 7.1 и 5.1).

Казалось бы, дальнейшее развитие процессов концентрации скота в результате действия разнообразных лимитирующих механизмов, в частности, дисперсного состояния, невозможно. Действительно, в рамках индивидуального хозяйства дальнейшая поляризация невозможна, поскольку социально-сегментирующая функция объективно прерывает процессы накопления скота. Но на практике посредством принципа дополненности и механизма социальной дифференциации системы внутриобщинных отношений, обусловленных собственно экологическими и биологическими факторами, в недрах самого способа производства происходила деструкция равновесного кооперированного взаимодействия различных элементов общины.

Вследствие этого община фактически включалась в процесс концентрации скота, поскольку основной «капитал», т. е. ядро стада и конское поголовье, принадлежал богатому скотовладельцу, неспособному, однако, обеспечить единолично «критическую массу». В этом случае процессы концентрации скота на уровне индивидуальных хозяйств дополнялись аналогичными процессами на уровне общины. А обратная «общинизация» индивидуальных хозяйств, определяемая сегментацией и рассеиванием собственности, отнюдь не нарушала всеобщности процессов концентрации скота и в принципе не препятствовала монополизации средств производства и системы материального производства классом богатых скотовладельцев.

Поэтому мы вправе говорить о том, что сама община включалась в сферу влияния субъектов собственности, поскольку ее функционирование и жизнедеятельность определялись процессами интеграции с хозяйством богатых скотовладельцев. В результате этого община в процессе производства выступала в целостном единстве с хозяйствами зажиточных скотоводов, которые функционировали как составные части единого социально-экономического организма, возникшего благодаря общности интересов и потребности в интеграции имущественно дифференцированных агентов экономического отношения.

Для того, чтобы сделать окончательный вывод о монопольной собственности класса богатых скотовладельцев на все элементы системы материального производства, необходимо проанализировать реальное социально-экономическое положение массы непосредственных производителей. Тем более, что в обычно-правовом отношении трудящиеся индивиды выступали как свободные люди, независимые от субъектов собственности. Проблема собственности на работников производства, как уже отмечалось, нередко упрощенно представляется в виде крепостничества или сословной неполноценности (Владимирцов, 1934. С. 118, 158–164; Златкин, 1964; Вяткин, 1947; Зиманов, 1958; Бижанов, 1969. С. 115–116 и др.).

Полагаю зависимость работников производства, реально существовавшая в системе производственных отношений кочевого общества, в действительности определялось не крепостничеством или сословной неполноправностью и уж ни в коем случае не внеэкономическим принуждением, а главным образом чисто экономическими факторами.

Во-первых, поскольку ни экономическое, ни социальное существование того или иного индивида вне общины, а следовательно, и всей социальной организации, было немислимым в кочевом обществе, то обязательное членство индивида в хозяйственном коллективе (см. 5.2 и 6.1) фактически являлось способом его социально-экономического закрепощения. Только очень богатые скотовладельцы мог-

ли существовать вне этой системы. Наличие у непосредственных производителей своих личных хозяйств являлось по сути дела детерминированным процессом производства системой прикрепления трудящихся индивидов к общине. А отсюда вполне закономерно зависимое положение индивида от общины в связи с потребностями в кооперации своего личного хозяйства, а следовательно, и от богатых скотовладельцев.

Во-вторых, у основной массы непосредственных производителей прослеживается отсутствие минимальной квоты скота, достаточной для обеспечения необходимых условий жизни. Так, например, в Семипалатинском уезде хозяйств, имевших до 10 лошадей, насчитывалось 88,1% всех хозяйств в уезде, Усть-Каменогорском – 88,9%, Кустанайском – 74,7%, Омском – 66,5%, Атбасарском – 70,8%, Петропавловском – 82,5%, Актюбинском – 86,1%, Зайсанском – 91,7%, Кокчетавском – 74,5%, Павлодарском – 75,9%, Акмолинском – 72,3%, Каркаралинском – 82,7% и т. д. (табл. 5). Налицо отсутствие минимума скота у абсолютно наибольшей части кочевого населения. Отсюда развитие и всеобщность вполне закономерных процессов массового обеднения, обнищания и пауперизации.

Вследствие этого нельзя согласиться со сторонниками точки зрения Б. Я. Владимирцова, утверждавшего, что «все монголы... имели в своем личном владении скот...» (Владимирцов, 1934. С. 113). Как показывает анализ статистического материала, водораздел между различными социальными группами и классами проходил, главным образом, через отношения собственности на скот, что очень ярко иллюстрируется математическими методами измерения социального неравенства, в частности, наиболее совершенным из них коэффициентом Джини (табл. 6).

В результате этого на одном полюсе происходило перманентное накопление значительной массы скота (процесс концентрации) и соответственно этому аккумуляция многочисленных функций по обеспечению процесса производства (принцип дополненности), тогда как на другом прослежи-

вается недостаточный для социального и биологического воспроизводства человека минимум скота, не обеспечивающий необходимого продукта трудящимся индивидам (см. 8.1). Вследствие этого масса непосредственных производителей была экономически несвободна, порабощена условиями производства и полностью зависима в своих основных жизненных параметрах и установках (см. 8.2).

В этой связи интересно привести свидетельства источников о процессах обеднения в первой половине XIX в., о бытовании в кочевом обществе казахов группы пауперов (*Шангин*, 1820. Ч. IX. Кн. 1. С. 19; КРО, 1964. С. 169–173, 180–181, 187–198 и др.). Так, Ф. Назаров пишет: «Близ речки Кузукуч, впадающей из Нуры в Ишим, мы встретили близь озера Маликуль проходящих киргизов, не имеющих никакого скота, все они были пешие, в разодранных рубищах и несли на себе детей». «Большая часть из них для снискивания дневного пропитания находится у кочующих поблизости киргизов в услужении, которые заставляют их переходить на кочевье за собою пешими. Несчастные сии собственных детей своих, чтобы они не умерли с голода, продают проходящим караванам под видом калмыков» (*Назаров*, 1968. С. 26). Я. Гавердовский, лично на себе испытавший все превратности жизни зависимого работника, свидетельствует: «Киргисцы бедные с малыми семействами вступают обыкновенно в аул под покровительство богатого старейшины и для снискания себе безопасности должны угождать своим покровителям, перенося иногда насилия...» (*Гавердовский*, 1803. Л. 71 об.).

Значительный материал о пауперах приводится в работе Ф. И. Германа: «...Они столь умножились, что составляют, так сказать, особливую часть киргизского народа» (*Герман*, 1821. Ч. 121. Кн. 22. С. 134). В бедности он обвиняет барымту и пишет в этой связи: «В поражениях истребительной баранты лишаясь последнего стада и всего имущества, в рубищах, едва прикрывающих наготу, живут они по берегам озер или немногих рек своих. В камышах, как дикие звери и вместе с ними укрываются от суровости перемен воздушных; они в ежечасном страхе нового нападения от лютых

притеснителей, и малейший шорох в окрестностях приводит их в трепет. Они гибнут от голода и болезней, им порождаемых; рыбная ловля... едва дает им насущное пропитание. Так они сохраняют по крайней мере жизнь в летние месяцы года; но с наступлением зимы другой бич ожидает их – снег и холод. Предупреждая пагубные следствия, они собирают ветхие лоскутья войлоков, находимые в оставленных аулах; из одних делают обувь и одежду; из других – подобие шалаша; в сем приюте беспрестанно жгут тростник и в горячем пепле отогревают нагих и голодных детей своих» (*там же*. С. 134–135). Эти пауперы, отмечает он, либо нанимаются в работники, либо продают своих детей за «меру хлебных семян» (*там же*. С. 136).

«Бедный класс киргизов, – свидетельствует С. Броневский, – с охотою отдается в услужение за малую плату...» (*Броневский*, 1830. Ч. 142. Кн. 121. С. 176). Один из наиболее авторитетных авторов середины XIX в. И. Ф. Бларамберг сообщает: «Есть целые аулы до того бедные, что не только не имеют скота, но даже без рубищ, без крова и насущной пищи» (*Бларамберг*, 1848. С. 106). Он же уточняет, что «внутри степи, где бедных гораздо более, у кого нет скота, умирают с голода, или за оглоданные кости, со всем семейством, идут в услужение к богатому и против воли делаются его рабом. Богатый киргиз, имея у себя таких нахлебников-рабов, волен в их жизни и смерти, и положение несчастных в самом деле достойно сожаления» (*там же*. С. 97).

* * *

Таким образом, отношения по поводу работников производства обуславливались чисто экономическими факторами. В кочевом обществе они определялись зависимым положением массы непосредственных производителей, которая была неспособна обеспечить необходимый продукт и функционирование процесса производства вне общины.

Поэтому трудящиеся индивиды в вопросах своего жизненного бытия и социальной деятельности были несвободны и изначально экономически зависимы, ибо были вынуждены

искать средства к существованию за пределами своего собственного скотоводческого хозяйства, которое не удовлетворяло их минимальные потребности. В дополнение к этому непосредственные производители были заинтересованы в интеграции с хозяйствами богатых скотовладельцев для обеспечения воспроизводства лично им принадлежащего скота. В противном случае происходило выпадение из процесса производства, из всей сферы общественного бытия и жизнедеятельности, а вследствие этого обнищание, отверженность и пауперизация.

Можно констатировать, что отношения собственности на скот и процессы его концентрации обуславливали не только отношения собственности на землю и воду, зависимое положение общины, но фактически детерминировали несвободу трудящихся индивидов и различные формы их зависимости. К. Маркс подчеркивал, что «непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям – отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя...» (Маркс, Энгельс. Т. 25. Ч. II. С. 354). В этой связи становится понятной доминантная роль отношений собственности на скот в системе производственных отношений, определяющая специфику кочевого способа производства.

Глава 8. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА И ФОРМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ ЗАВИСИМОГО НАСЕЛЕНИЯ

8.1. ФОРМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Особенности системы материального производства в кочевой среде предопределили характер и основные параметры развития производственных отношений и прежде всего монополизацию средств производства. На этой основе происходило спонтанное становление и пространственно-временное развертывание специфически номадных форм собственности и социально-экономической структуры общества. Рассмотрим в этой связи различные типы зависимости трудящихся индивидов от класса богатых скотовладельцев и основанные на них формы эксплуатации зависимого населения.

В кочевниковедческой историографии существуют далеко не адекватные подходы к изучению данной проблемы. Большая часть исследователей считает, что формы зависимости массы непосредственных производителей определялись, главным образом, внеэкономическими факторами, когда трудящихся индивидов принуждали к выполнению тех или иных работ (Владимирцов, 1934; Вяткин, 1947; Златкин, 1964 и др.). Сторонники данного подхода полагают, что основной формой эксплуатации являлись так называемые «саунные отношения», т. е. принудительное наделение скотом зависимых индивидов (Толстов, 1934; Вяткин, 1947; Потапов, 1955; Шахматов, 1962; Толыбеков, 1971. С. 160).

В свою очередь, Г. Е. Марков полагает, что «известны два наиболее распространенных вида эксплуатации: найм пастухов и рабочих и отдача скота на выпас» (Марков, 1976. С. 301).

Иная точка зрения была высказана С. З. Зимановым, который отмечал, что «саун не имел всеобщего характера, не был основой отношений зависимости и господства; саун был одним из средств усиления зависимости крестьян от феодальной знати, одной из форм феодальной эксплуатации» (Зиманов, 1958. С. 124). В. Ф. Шахматов среди различных форм эксплуатации выделяет не только саун и его самые разнообразные виды (*жунберу, ат-майнберу* и т. п.), но и совместный выпас скота различными по степени обеспеченности скотом индивидами, найм, родовую взаимопомощь и т. д. (Шахматов, 1962. С. 30–32).

С некоторых пор внеэкономический подход к изучению системы эксплуатации зависимого населения получил всеобщее распространение (Крадин, 1987 и др.) в связи с концепцией власти-собственности, отстаиваемой группой медиевистов и востоковедов (Васильев Л. С., 1982; он же, 1983 и др.). В результате этого делается вывод о том, что сословно-корпоративные группы с помощью различных социальных институтов (власть, государство, публичное право и т. п.) принуждают трудящихся индивидов безвозмездно производить прибавочный продукт для господствующих классов общества.

На самом деле преобладали, главным образом, экономические формы зависимости. В результате специфики функционирования системы материального производства в кочевых обществах совершенно объективно и независимо от сознания людей отношения собственности на скот и процессы его концентрации в хозяйствах богатых скотовладельцев определяли основные формы зависимости и эксплуатации трудящихся индивидов. Эта изначальная зависимость была фундаментальным императивом всей системы материального производства в среде номадов. Она обуславливалась следующими векторами общественного развития.

Во-первых, в виду отсутствия у наибольшей части населения необходимого минимума средств для обеспечения прожиточного уровня, масса непосредственных производителей была зависима от господствующего класса богатых скотовладельцев в буквальном смысле в вопросах «жизни и смерти», поскольку их биологическое и социальное воспроизводство было возможно лишь в качестве «работников производства». Как мы уже отмечали, от 60 до 90% всех номадов не имели необходимого минимума жизненных средств (см. 8.2). Поэтому для этой части населения существовала настоящая потребность расширения сферы социального пространства посредством поиска дополнительных источников жизнеобеспечения за пределами своего личного хозяйства, которое не удовлетворяло их минимальные потребности.

Во-вторых, ввиду невозможности обеспечить воспроизводство лично им принадлежащего скота, масса непосредственных производителей должна была интегрироваться в единую общинную организацию с хозяйствами состоятельных индивидов. Фактически масса трудящихся индивидов была зависима от класса богатых скотовладельцев буквально во всех вопросах хозяйственного цикла, в частности, в формировании стада, его структуры, выпасе скота, особенно в зимний период года, процессе кочевания, использовании кормовых и водных ресурсов и т. д. (см. 7.3).

Как уже отмечалось, концентрация скота в целостную стадную систему была возможна лишь в случае оптимального состава различных видов животных, соответствующей половозрастной структуры с учетом минимума маточного поголовья, обеспечения их соответствующим подбором производителей и т. д. Вследствие этого общинные группы, как правило, представляли собой объединения скота бедных владельцев вокруг ядра стада, принадлежавшего более состоятельному субъекту собственности. В противном случае скот бедных кочевников не мог быть интегрирован в сложную модель стадного комплекса номадов в оптимальных

параметрах. В этом случае более богатые скотовладельцы фактически монополизировали процесс производства в общинных структурах (см. 7.3).

При этом бедные и маломощные хозяйства не могли самостоятельно образовать общину, поскольку тогда бы затраты труда не уравновешивались получаемым общественным продуктом. Самый простой подсчет показывает, что, скажем, десять хозяйств, имеющих в среднем по 50 овец при отсутствии других видов скота, не могли бы объединиться в минимальную общину, поскольку получаемой продукцией не обеспечивался прожиточный минимум ни для одной семьи. Следовательно, налицо несбалансированность трудовых затрат результатами труда. С точки зрения оптимальной концентрации овечьего стада, наиболее целесообразным было паритетное объединение скота 2–3 хозяйств, по 150–200 овец, но таких хозяйств было очень немного (см. 8.2). Поэтому община представляла собой объединение 5–6 маломощных хозяйств вокруг одного богатого, имевшего 200–300, а то и более голов мелкого рогатого скота.

В-третьих, зависимость непосредственных производителей могла порождаться по преимуществу самой системой материального производства и носить чисто технологический характер. Так, из-за невозможности совместного выпаса различных видов скота лошадей выпасали отдельно в особых зимних табунах «косах». Объединение в кос было доступно сравнительно небольшому числу многолошадных хозяйств (МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. 1. и др.), вокруг которых и формировался зимний табун (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 125; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 148 и др.). Отсюда зависимость маломощных хозяйств в зимний период года в вопросах выпаса и сохранности конского поголовья (МКЗ. Т. VII. Исчисления... С. 1–2 и др.). Особенно значительной, как мы уже отмечали, была зависимость трудящихся индивидов в процессе кочевания, когда без помощи со стороны богатых скотовладельцев переселение на жайлау было невозможно. Фактически масса непосредственных производителей без прямой помощи со стороны богатых скотов-

ладельцев не могла обеспечить чисто технологически ни одного элемента процесса производства.

В-четвертых, зависимое положение трудящихся индивидов носило многомерный и опосредствованный характер и порождалось неравнозначным отношением к средствам производства. Так, в частности имеется указание на монополию наиболее обеспеченных скотом на топливные ресурсы, несомненный дефицит которых имел место в аридной зоне Евразии. «...Богатые, – свидетельствуют очевидцы, – снабжают кием (пометом овец. – Н. М.) бедных, не имеющих баранов и отрабатывающих за кий» (Чорманов, 1906. С. 2–3).

Особенно значительной была зависимость в вопросах землепользования, поскольку более обеспеченные скотом фактически присваивали себе наиболее продуктивные в кормовом отношении пастбища в форме первого использования природных ресурсов. Отсюда монополия класса богатых скотовладельцев на земельные угодья в теплое время года (см. 7. 2). При этом, если к богатому скотоводу на жайлау присоединялись бедные из других аулов, то от него зависело, пускать их к своему колодцу или нет (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 119 и др.). Зависимость непосредственных производителей в вопросах землепользования выражалась в том, что в выборе мест стоянки и использовании пастбищных угодий они были полностью несвободны. Источники свидетельствуют, что бедные рядом с богатыми не становятся и если их стоянки оказывались по соседству, то бедняки стремились поскорее откочевать от них подальше (*там же*). Дело в том, что при совместном кочевании и одновременных стоянках менее обеспеченные были бы вынуждены подстраиваться под ритм движения более состоятельных скотоводов, что помешало бы нормальному нагулу скота, учитывая различия в структуре стада. Поэтому на жайлау кочевали обычно раздельно в зависимости от степени обеспеченности скотом. Менее состоятельные все время отставали в процессе кочевания от тех, кто имел скота больше (*там же*).

Данная форма зависимости могла иметь место и в зимний период года. Для беднейших было важно в этот период заручиться поддержкой более зажиточных с тем, чтобы они не гоняли свой скот, в особенности конские табуны, вблизи их зимовок (МКЗ. Т. II. С. XXIII и др.), поскольку если по пастбищу зимой прошел табун лошадей, то выпас овец и другого скота становился на нем невозможным (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 147 и др.).

Таким образом, собственно процесс производства порождал разнообразные формы зависимости трудящихся индивидов от сравнительно немногочисленного, но чрезвычайно могущественного класса богатых скотовладельцев, которые фактически являлись собственниками основных средств производства, прежде всего скота и в опосредствованной форме воды, земли, топлива и т. д. (см. 7.2 и 7.3). В результате этого мы вправе говорить о функционировании класса непосредственных производителей, с одной стороны, и класса собственников основных средств производства, с другой. Существование в пределах общины двух полярно противоположных классов определяло зависимое положение не только трудящихся индивидов, но и всей общины в вопросах землепользования, выпаса скота, организации всего производственного цикла, процесса кочевания и т. п.

Это было обусловлено основополагающими принципами интеграции в общину, которая представляла собой объединение маломощных хозяйств вокруг одного богатого. «Современный аул, — пишет А. Н. Седельников, — не представляет... равноправных семей: в каждом можно выделить несколько зажиточных семей, в экономической зависимости от которых находится все остальное население аула» (Россия, 1903. Т. XVIII. С. 215). Вследствие этого община, являвшаяся средоточием функций производства и одновременно единицей водо- и землепользования, попадала в зависимость от класса богатых скотовладельцев, которые присваивали не только организаторские функции общины, но и саму общину. В этом случае, полагают некоторые ис-

следователи, община являлась орудием и средством внеэкономического принуждения (Поршнева, 1964. С. 48–49; Каштанов, 1970. С. 191; Темирханов, 1972. С. 63 и др.). Не отрицая этого, хотелось бы подчеркнуть главное, что община в данном положении являлась своего рода атрибутом отношений собственности на скот и работников производства.

Что же касается внеэкономических форм зависимости, основанных на власти-собственности (Васильев Л. С., 1982; он же, 1983 и др.) либо иных форм принуждения, например, барымты, отчуждения налогов и т. п., то следует заметить, что несмотря на широкое хождение точки зрения о насилии как повседневном атрибуте кочевого образа жизни, основанного на грабеже и воровстве (Черников, 1978 и др.), в действительности они играли, на наш взгляд, второстепенную роль в обществе номадов. Во всяком случае в процессе производства внеэкономические формы зависимости в силу особенностей системы материального производства никогда не имели принципиального значения, поскольку доминантным фактором, как мы уже отмечали, всегда являлся опыт ведения скотоводческого хозяйства в специфических условиях среды обитания и знания об алгоритме природных процессов и циклов.

Конечно, выполнение различных общественно необходимых функций по организации, координации, регламентации, регулированию всего спектра социальной жизни играло определенную, но далеко не ведущую, роль в жизни кочевников. В частности, выполнение разнообразных организаторско-регламентаторских функций автоматически влекло за собой некую зависимость непосредственных производителей, значение которой, однако, не следует переоценивать. В источниках указывается, что лицам, выполняющим различного рода общественно значимые функции, полагалась некая доля общественного продукта: ханам — ханлык, биям — бийлык, батырам — военная добыча, торе — согум, зякет и шибига и т. д. (МКОП, 1948. С. 138–139, 149; Баллюзек, 1871. С. 63 и др.).

По-видимому, на всех этажах социальной стратификации кочевого общества находились лица, которые посредством исполнения регламентаторско-регулирующих функций присваивали некую часть произведенного продукта. Но поскольку основной ячейкой кочевого общества являлась община, то именно она абсорбировала решение большинства общественно значимых вопросов (см. 6.1). При этом следует помнить и о том, что принципы генеалогического родства в сочетании с геронтократической ориентацией идеологических постулатов и социально-экономической дифференциацией общества существенно ограничивали сферу влияния внеэкономических способов решения спорных проблем. Вследствие этого мы вправе говорить о внеэкономической зависимости трудящихся индивидов от разного рода лиц, организованных институционально в корпоративные объединения, лишь в том социальном пространстве, которое оставалось незаполненным экономическими формами зависимости.

Рассмотрим теперь конкретные формы эксплуатации массы зависимого населения. Прежде всего необходимо высказаться по поводу саунных отношений, которые, по мнению ряда исследователей, были главной формой эксплуатации трудящихся индивидов (Толстов, 1934; Толыбеков, 1971 и др.). При этом, полагают они, имело место якобы насильственное принуждение к выпасу скота, принудительное вовлечение в саунные отношения, которые были той первичной клеточкой, из которой выростала вся система «кочевого феодализма» или патриархально-феодалных отношений. И поскольку саунные отношения были выявлены у всех кочевников от Средиземноморского побережья до восточных окраин Центральной Азии, то постольку ставился вопрос об универсальности и всеобщности «саунного» феодализма на всем ареале расселения кочевников. Смысл данной системы общественных отношений заключался якобы в том, что класс богатых скотовладельцев принуждал класс зависимого населения брать скот на выпас на экономически

невыгодных условиях, т. е. «наделял» его скотом наподобие того, как феодал «наделял» землей зависимых крестьян (Толстов, 1934. С. 188–189 и др.).

Действительно, источники сообщают нам о наличии саунных отношений в среде кочевников. В частности, широкую известность получило свидетельство И. Г. Георги, который писал по этому поводу: «Поелику не всяк может иметь довольное для табунов своих число невольников, то богатые наделяют скудных скотом, а сии в знак благодарности приглядывают за скотиною своих благодетелей. Если табуны чьи-нибудь скоро размножатся, то он почитает сие благодатию и разделяет по бедным людям знатное число скота. Ежели сей податель пребудет в благосостоянии, то наделенные им люди не бывают ему за то ничем обязаны; если же он по причине скотского падежа, расхищения, по иным каким несчастиям лишится своих стад, то наделенные им прежде приятели дают ему толикое же число или еще и с приплодом скота, хотя бы у самих их и весьма мало за тем оставалось. И потому богатый человек делает посредством таковых благотворений табуны свои как будто вечными» (Георги, 1799. С. 131).

Иначе говоря, в процессе производства класс богатых скотовладельцев и класс непосредственных производителей вступали в саунные отношения, в результате которых первые отдавали часть скота на выпас и в пользование беднейшей части населения в качестве, главным образом, молочного скота, потребность в котором составляла один из важнейших элементов всей системы жизнеобеспечения.

Наряду с этим следует заметить, что анализ конкретного материала не подтверждает точки зрения о широком распространении саунных отношений в практике производственных отношений кочевого общества. Так, например, в Петропавловском уезде скот в саун брали всего лишь 6,4% всех хозяйств уезда, Каркаралинском – 4,2%, Зайсанском – 9,3%, Семипалатинском – 5,0%, Усть-Каменогорском – 2,7%, Акмолинском – 2,1% и т. д. Интересно, что в Петропавловском

уезде даже в группе безлошадных доля хозяйств, бравших скот в саун, была невелика и составляла всего лишь 19,3%; в группе хозяйств, имевших 1 лошадь, – 17,7%, а в группе хозяйств, имевших от 2 до 3 лошадей, – вдвое меньше – 8,8% и т. д. В свою очередь, в Актюбинском уезде группа хозяйств, имевших до 3 лошадей, характеризуется еще меньшей долей хозяйств, бравших скот на выпас, – 3,2%. В Каркаралинском уезде в группе безлошадных к саунным отношениям прибегало лишь 11,7% хозяйств, а в группе хозяйств, имевших от 1 до 5 лошадей, – 5,0% хозяйств (табл. 9).

Приведенный материал убедительно свидетельствует, что саунные отношения не имели в среде кочевников широкого хождения. Причиной этого, как нам представляется, являлось не нежелание недостаточно обеспеченных скотом слоев общества брать его на выпас, а то, что богатых хозяйств, заинтересованных во вступлении в саунные отношения, было очень мало. Так, например, в Кокчетавском уезде в группе хозяйств, имевших от 26 до 50 лошадей, в саун давали скот лишь 24,3% хозяйств, а в группе хозяйств, имевших свыше 50 лошадей, – 48,9% хозяйств (МКЗ. Т. I. Поаульские таблицы статистических сведений. С. 401. Подсчет мой. – Н. М.).

Иначе говоря, неразвитость саунных отношений объясняется, на наш взгляд, прежде всего и главным образом малочисленностью хозяйств, способных давать скот в саун, по сравнению с огромной массой малоимущих хозяйств, жаждущих получить скот на выпас и остро нуждающихся в молочном скоте. Показательно, что в саун, в основном, брали крупный рогатый скот, что, несомненно, было связано с его большей молочной продуктивностью и большей продолжительностью лактационного периода. В Петропавловском уезде, например, в саун было взято 95% коров от всего саунного скота (МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 169). По-видимому, дача скота в саун беднякам была больше милостью, нежели эксплуатацией. В свое время А. И. Першиц справедливо заметил, что саунные отношения в большей степени были обусловлены реципрокационными явлениями (Першиц, 1973. С. 105–106).

Доминантными формами эксплуатации массы непосредственных производителей в среде номадов являлись, главным образом, найм и «совместный труд» в рамках общины. Пожалуй, наиболее распространенной формой эксплуатации массы непосредственных производителей, практически не получившей отражения в источниках и не ставшей предметом научного исследования, являлся «совместный труд» имущественно дифференцированных индивидов в рамках общины. Первым, насколько известно, обратил на это внимание В. Ф. Шахматов, который писал по этому поводу, что «...бай, имевший большое стадо, и бедняк, у которого было всего несколько голов, выставляли одно и то же количество рабочей силы для выпаса, т. е. бедняк фактически бесплатно пас байский скот» (Шахматов, 1962. С. 31).

Правомерность данного суждения подтверждается самим процессом интеграции различных хозяйств в общину, когда объединение происходило посредством концентрации малоимущих хозяйств вокруг богатого, составлявшего ядро общины. При этом наиболее трудоемкий элемент производственного процесса – выпас скота – производился, как правило, во всех общинах поочередно, т. е. каждое хозяйство, член общины, выпасало скот всей общины по очереди независимо от того количества скота, которым оно владело (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 119; МКЗ. Т. XII. Общая часть. С. 148 и др.).

Правда, в этом случае от очереди освобождались мелкие хозяйства, у которых было менее 5 овец (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 58 и др.). Это объяснялось тем, что эти хозяйства не вписывались в традиционную систему разделения труда в рамках общинных структур, поскольку пять овец не покрывали минимума трудовых затрат в процессе выпаса, а также тем, что плата за наем была примерно равна этому количеству скота.

Богатые скотовладельцы по большей части оплачивали общине свою очередь либо нанимали взамен себя работников, которые отрабатывали очередной выпас своих нанимателей. Наряду с этим «совместный труд» в рамках

общины применялся также при создании искусственных источников воды, напоении водой скота всей общины, создании предметов материальной культуры и т. д.

Иначе говоря, посредством «совместного труда» осуществлялась массовая эксплуатация класса непосредственных производителей, в основном, в рамках общины. Факт эксплуатации выражался в организации коллективного производства при равных трудовых затратах независимо от первоначального «капитала», в частном распределении и индивидуальном потреблении продуктов этого совместного труда в зависимости от первоначального вклада. Разница между затратами труда и полученным продуктом составляла величину прибавочного продукта для одних и норму эксплуатации для других.

Широко распространенным в этой связи являлся порядок оказания помощи индивиду, объявлявшему «асар», т. е. просьбу о помощи. Вполне очевидно, что «асар» объявлялся, главным образом, теми хозяйствами, которые нуждались в дополнительной рабочей силе. Асар объявлялся как для оказания «помощи» в сфере производства, особенно в зимний период года, так и в создании предметов материальной культуры, при строительстве зимовок, осуществлении разного рода ритуалов, церемоний и т. п. «У зажиточных людей, – свидетельствует С. Броневский, – стрижение овец, вычесывание с коз пуху, разбирание шерсти и валяние войлоков делается помочью; хозяйка приглашает всех знакомых женщин и девиц, и они, сделав что нужно, с веселием и песнями бывают угощаемы по их обычаю. – Такие зовы беспрестанно случаются» (Броневский, 1830. Ч. 43. Кн. 124. С. 232).

Объективный анализ системы производственных отношений в кочевом обществе со всей очевидностью свидетельствует о том, что поскольку основным источником существования трудящихся индивидов являлось хозяйство субъекта собственности, то постольку имели место и специфические формы эксплуатации непосредственных производителей, в основном, в форме докапиталистиче-

ского найма (Илюшечкин, 1980. С. 13 и др.). О широком бытовании системы найма в среде номадов свидетельствуют статистические данные. Так, в Каркаралинском уезде удельный вес хозяйств, нанимавших работников, составлял 13,2%, Зайсанском – 12,2%, Семипалатинском – 21,4%, Усть-Каменогорском – 17,0%, Акмолинском – 26,4%, Петропавловском – 19,1%, Джаркентском – 11,4%, Верненском – 15,7%, Копальском – 17,6% и т. д.

Эта статистика становится еще более впечатляющей, если анализировать ее сквозь призму социально-экономической структуры общества (см. 8.2). В итоге выясняется, что по мере роста экономического благосостояния хозяйства оно все чаще и чаще вступало в отношения найма работников производства. Так, хозяйства, имевшие от 26 до 50 лошадей, нанимали работников: в Акмолинском уезде – 74,8% всех хозяйств, Атбасарском – 62,2%, Кокчетавском – 67,1%, Омском – 61,4%, Усть-Каменогорском – 76,7%, Павлодарском – 70,5%, Каркаралинском – 73,4%, Зайсанском – 80,2%, Кустанайском – 81,1%, Петропавловском – 84,3%, Семипалатинском – 85,2%, Актюбинском – 94,6% и т. д. (табл. 10). А в группе хозяйств, имевших свыше 50 лошадей, этот процент был еще выше: Кокчетавском – 82,7%, Омском – 88,6%, Атбасарском – 88,1%, Акмолинском – 92,9%, Актюбинском – 100%, Зайсанском – 96,8%, Каркаралинском – 93,4%, Кустанайском – 98,1%, Павлодарском – 94,0%, Петропавловском – 97,7%, Семипалатинском – 97,9%, Усть-Каменогорском – 94,8% и т. д. (табл. 10).

Вследствие этого мы вправе говорить о том, что найм был наиболее широко распространенной формой эксплуатации массы непосредственных производителей за пределами общины и одновременно был доминантным способом организации крупного индивидуального скотоводческого хозяйства, позволявшим обеспечивать извлечение прибавочного продукта. Закономерность широкого бытования практики найма совершенно очевидно определялась тем, что в кочевой среде всегда существовала значительная прослойка работников (от более чем 60 до более чем 90% всего населения), которая не имела необходимого для жизни мини-

мума средств и была вынуждена прибегать к продаже своей рабочей силы для обеспечения необходимого продукта. При этом немногочисленный класс богатых скотовладельцев, имевших в своей собственности скота намного больше того количества, выпас и уход за которым мог быть обеспечен своими силами, был вынужден вследствие этого практиковать наем работников производства для обеспечения процесса производства и извлечения прибавочного продукта.

В этой связи вполне закономерно, что широкое распространение получает практика продажи своей рабочей силы со стороны малоимущих классу богатых скотовладельцев. Так, например, в Каркаралинском уезде к продаже рабочей силы прибегало 20,9% всех хозяйств уезда, Зайсанском – 21,2%, Акмолинском – 12,1%, Усть-Каменогорском – 44,6%, Петропавловском – 46,3%, Семипалатинском – 48,5% и т. д. Естественно, что к этому средству, в основном, прибегали малоимущие слои общества (табл. 10).

Наем рабочей силы мог осуществляться как на весь производственный цикл, так и на отдельные сезоны года. Так, например, в Каркаралинском уезде из 2419 хозяйств, практиковавших наем работников производства, 1657 хозяйств, что составляло 68,5%, нанимали работников на отдельные сроки, тогда как к найму на целый год прибегали лишь 802 хозяйства (33,1%). При этом разница в процентных подсчетах объясняется тем, что 40 хозяйств практиковали обе формы найма рабочей силы (МКЗ. Т. VI. Поаульные таблицы... С. 686, 692. Подсчет мой. – Н. М.). В Акмолинском уезде насчитывалось 1805 хозяйств со сроковыми работниками (36,2%) и 1741 хозяйство с годовыми работниками (34,9%) (МКЗ. Т. III. Ч. I. Табл. С. 387).

Вследствие этого закономерно наличие в кочевой среде значительного числа богатых хозяйств, организованных самим процессом производства таким образом, что они целиком базировались на эксплуатации чужого труда посредством найма (Румянцев, 1909. С. 116 и др.). Это было связано с тем, что выпас большого числа скота, учитывая при этом необходимость его раздельного как в половозрастном, так и

в видовом отношении выпаса, и обработка огромной массы скотоводческой продукции вполне естественно требовали приложения труда значительного числа трудящихся индивидов. И поскольку беднейшие казахи для своего «прокормления» нанимались к богатым на работу (Броневский, 1830. Ч. 42. Кн. 121. С. 176–177 и др.), то именно они осуществляли весь многообразный комплекс трудовых операций в данном хозяйстве (МКЗ. Т. IV. Описания... С. 119 и др.).

Я. Гавердовский свидетельствует, что «киргизцы бедные с малыми семействами вступают обыкновенно в аул под покровительство богатого старейшины и для снискания себе безопасности должны угождать своим покровителям, перенося иногда насилия» (Гавердовский, 1803. Л. 71 об.). И. Ф. Бларамберг сообщает, что «внутри степи, где бедных гораздо более, у кого нет скота... за оглоданные кости со всем семейством идут в услужение к богатому...» (Бларамберг, 1848. С. 97).

Как свидетельствуют «Материалы по киргизскому землепользованию», в среде кочевников чаще всего практиковался наем пастухов для выпаса кося, т. е. зимнего табуна лошадей, а также для выпаса овец. При этом условия найма работников производства богатыми скотовладельцами были почти везде примерно одинаковыми. Оплата за труд, в основном, производилась натурой – овцами или лошадьми, и в течение всего срока найма работодатель обеспечивал работников производства минимумом одежды, пищи и жилищем (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 48–49 и др.).

Так, например, пастух, нанимаемый на работу табунщиком (жилкыши) сроком на 6 зимних месяцев, получал за свой труд «... овчинную шубу, заменяемую иногда жеребьячьим джаргаком (доха)... овчинные штаны, пару нижнего белья... сапоги с войлочным чулком... крытый меховой казакин... малахай... чапан... Если пастух остается и на лето, так ему прибавляют некоторые принадлежности одежды, как лишняя перемена белья, халат... Денежная часть вознаграждения, выдаваемая... натурой... в среднем же равна 10 руб. 20 коп. В уплату табунщик получает тая (жеребен-

ка. – Н. М.)...» или 3–4 молодых барашка, или одного быка-производителя. «Что касается пищи табунщиков, то она... состоит, главным образом, из мяса зарезанных им лошадей, некоторого количества муки... кирпичного чая и курта». При этом им разрешалось резать в пищу одного-двух жеребят и в качестве продовольствия им выделялось несколько овец (МКЗ. Т. VI. Очерк. С. 59–60 и др.).

Очень часто в кочевой среде в качестве работника использовали бедных родственников (Вяткин, 1947; Зиманов, 1958; Толыбеков, 1971; Марков, 1976 и др.). Источники свидетельствуют, что «богатый человек берет к себе бедного родственника с детства – и взрослого если обеднеет тоже берет – обувает его, одевает, кормит, потом женит. Этот прием и пасет скот богача» (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 58). Это обстоятельство в известной мере деформирует общую картину отношений найма в кочевой среде. В целом можно констатировать, что отношения «купли-продажи» рабочей силы являлись важным принципом системы производственных отношений, а наем работников производства был доминантной формой эксплуатации массы непосредственных производителей за пределами общины.

***

Таким образом, отсутствие у абсолютного большинства кочевников-скотоводов необходимого минимума скота в сочетании со спецификой функционирования системы материального производства и особенностями стратегии природопользования детерминировали многообразные формы зависимости трудящихся индивидов от класса богатых скотовладельцев. На этой основе возникают различные формы эксплуатации массы непосредственных производителей. Ведущими типами эксплуатации рядовых кочевников-скотоводов являлись, с одной стороны, наем беднейшего класса кочевников-скотоводов классом богатых скотовладельцев, осуществлявшимся, в основном, за пределами общины, а с другой, – «совместный труд» экономически дифференцированных производителей в рамках общины.

8.2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

В результате развития системы производственных отношений формируется специфическая социально-экономическая структура общества, отражающая одну из важнейших сторон системы общественного разделения труда – процесс имущественной дифференциации и экономической поляризации различных классов и социальных групп, их роль в процессе производства.

«Классами, – указывал В. И. Ленин, – называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» (Ленин. Т. 39. С. 15). Несмотря на отрицательное, в целом, отношение к ленинскому наследию, данное определение представляется более или менее соответствующим действительности.

Питирим Сорокин пишет в этой связи, что «социальная стратификация – это дифференциация некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного общества. Конкретные формы социальной стратификации разнообразны и многочисленны. Если экономический статус членов некоего общества неодинаков, если среди них имеются как имущие, так и неимущие, то такое общество характеризуется наличием экономического расслоения...» (Сорокин, 1992. С. 302).

Анализ существующих в историографии точек зрения показывает, что различные исследователи далеко неоднозначно оценивают уровень классовообразовательных процессов в обществе кочевников-скотоводов. По мнению одних ученых, номады в социально-экономическом развитии в принципе не могли спонтанно перешагнуть рубеж классового общества (Марков, 1967; он же, 1973; он же, 1976; он же, 1979; Першиц, 1973; Хазанов, 1973; он же, 1975а; Павленко, 1989 и др.).

Г. Е. Марков пишет, что «классовая структура выступала у кочевников в недоразвитом виде. Весьма характерно, что у кочевников отсутствовали развитые формы классовой борьбы... Средства производства не стали монополией класса или сословия... Как только в обществе кочевников начиналось интенсивное классовообразование, выражавшееся в лишении непосредственных производителей средств производства, – кочевничество как самостоятельный вид хозяйства начинало разлагаться» (Марков, 1976. С. 305).

В противовес этому целый ряд исследователей с разного рода уточнениями признает наличие классов в кочевом обществе либо на базе отношений собственности на скот (Толстов, 1934; Толыбеков, 1959; он же, 1971; Шахматов, 1962; он же, 1964; Илюшечкин, 1980 и др.), либо на основе отношений собственности на землю (Владимирцов, 1934; Козьмин, 1934; Вяткин, 1947; Потапов, 1955; Зиманов, 1958; он же, 1960; Еренов, 1960; Аполлова, 1960; Ахмедов, 1965; Златкин, 1964; он же, 1971; он же, 1982; Семенюк, 1974; Лашук, 1967; он же, 1967а; он же, 1973; Федоров-Давыдов, 1973; он же, 1976; Пищулина, 1977; Султанов, 1982 и др.).

В частности, Б. Я. Владимирцов считает, что классовое общество у монголов возникало на основе института упагап bogol и системы вассальных отношений (Владимирцов, 1934. С. 110–121). «...Там, где господствует частная собственность на средства производства, – пишет С. Е. Толыбеков, – ...она неизбежно приводит его к классовому расслоению» (Толыбеков, 1971. С. 115). «Мы же убеждены в том, – продолжает он, – что кочевое общество казахов было классовым обществом...» (там же. С. 160). «Казахское об-

щество первой половины XIX в., – утверждает С. З. Зиманов, – было феодальным» (Зиманов, 1958. С. 183). К. А. Пищулина отмечает при этом, что классовое неравенство в кочевой среде было такой же закономерностью социального развития, как и у оседло-земледельческих народов (Пищулина, 1977. С. 187).

Анализ системы производственных отношений, в достаточной мере продемонстрировал, что процессы имущественной дифференциации и социально-экономической поляризации общества совершенно объективно возникали и разворачивались в самом процессе производства и вполне закономерно обуславливали развитие классовообразования. Постоянно воспроизводящиеся процессы концентрации скота на одном из общественных полюсов в совокупности с технологическими и экономическими преимуществами в способах ведения хозяйства в богатых хозяйствах и недостаточность скота для обеспечения необходимого продукта на другом полюсе в сочетании с технологической и экономической необходимостью интеграции с богатыми субъектами собственности определили реалии социально-экономической структуры кочевого общества.

Согласно «Материалам по киргизскому землепользованию», процессы социально-экономической дифференциации ярко иллюстрируют классовую структуру кочевого общества. Так, например, по главному показателю – степени общей обеспеченности скотом в среднем на одно хозяйство – экономическая поляризация общества неоспоримо очевидна (табл. 8).

Так, в Акмолинском уезде в группе хозяйств, имевших до 5 лошадей и составлявших 53,2% всех хозяйств уезда, в среднем на одно хозяйство приходилось 9,5 единиц скота. В группе хозяйств, имевших от 6 до 10 лошадей, – 18,3 единицы скота; имевших от 11 до 25 лошадей, – 31,6 единиц скота; имевших от 26 до 50 лошадей, – 60,9 единиц скота; имевших свыше 50 лошадей, – 174,8 единиц скота. В Каркаралинском уезде – соответственно 7,4 единицы скота, 17,6 единиц, 31,7 единицы, 62,6 единицы и 163,4 еди-

ницы скота; Усть-Каменогорском – 6,8, 15,5, 28,7, 57,8 и 162,4 единицы скота; Зайсанском – 7,1, 22,0, 39,9, 77,4 и 200,3 единицы скота; Петропавловском – 6,1, 14,6, 27,7, 54,5 и 152,7 единицы скота; Семипалатинском – 6,5, 17,6, 31,6, 60,3 и 178,9 единицы скота; Павлодарском – 9,8, 20,0, 34,9, 67,8 и 206,5 единицы скота; Атбасарском – 13,1, 22,7, 37,9, 71,6 и 177,0 единицы скота; Кустанайском – 6,9, 15,8, 29,4, 59,4 и 197,3 единицы скота; Омском – 7,9, 16,2, 28,7, 56,1 и 172,9 единицы скота (подробнее см. табл. 8). Как видим, контраст поразительный, ярко иллюстрирующий экономическую дифференциацию кочевого общества казахов. Как уже отмечалось, математические методы анализа социального неравенства, в частности, коэффициенты Джини и Лоренца, ярко и достаточно убедительно подтверждают всю глубину далеко зашедших процессов экономической дифференциации в кочевом обществе казахов (табл. 6).

Уже в самом процессе производства элементарно происходило размежевание трудящихся индивидов, когда высокий профессионализм, знания, компетентность, желание работать определяют процесс экономического процветания одного из агентов экономического отношения. И наоборот, нежелание работать, ленность, отсутствие необходимых трудовых навыков и знаний предопределяют неуспех любого предприятия, будь то выпас скота или выпуск компьютеров. Это было следствием того, что труд скотовода-кочевника был индивидуализирован не в меньшей степени, чем любой иной труд.

Поэтому не может быть и речи о равенстве всех номадов в степени обеспеченности скотом, как полагал в свое время Б. Я. Владимирцов, а вслед за ним Г. Е. Марков и другие исследователи. Из самого характера труда, высокой степени его зависимости от знаний и опыта кочевника, вполне закономерно вытекало неравенство в степени обеспеченности скотом. В итоге, у одних было такое мизерное количество скота, что его не хватило бы на покрытие месячного рациона одной малодетной семьи, а у других – скота было так много, что его при желании даже очень многодетная семья

не смогла бы израсходовать для своих нужд и в течение нескольких лет. Вследствие этого дифференциация кочевого общества по степени обеспеченности скотом носила всеобщий и универсально стабильный характер, выступала в качестве доминантной парадигмы в процессах общественного развития номадов, отражала специфику номадного способа производства и находила свое выражение во всеобщих и универсальных классообразовательных процессах.

Учитывая это, следует рассмотреть основные параметры и социально-экономические характеристики процесса функционирования классов. Прежде всего надо выявить тот минимальный уровень жизнеобеспечения, который определял одну из сторон процесса классовой поляризации общества, т. е. процесс воспроизводства человека как биологического и социального индивидуума. Речь идет о необходимом продукте, отношения по поводу которого являются фундаментальным свойством любого человеческого социума и императивно предопределяют природу всякого социального организма, а следовательно, систему взаимоотношений различных индивидов, характер производственных отношений и процессов классовой поляризации общества. Рассмотрим тот экономический базис, который и определял систему общественного взаимодействия по поводу необходимого продукта.

Существующая историография достаточно единодушна при решении данного вопроса. Целым рядом авторов было высказано соображение, что необходимым для жизни минимумом является наличие 25 лошадей либо 150 овец (Руденко, 1961. С. 5; Хазанов, 1975а. С. 165; Косарев, 1981. С. 235; он же, 1984. С. 136 и др.). Так, например, С. Е. Толыбеков утверждает, что при количестве скота менее чем 100–150 овец и коз, 20–25 голов крупного рогатого скота, 15–20 верблюдов и 4–5 лошадей – невозможно даже простое воспроизводство поголовья животных (Толыбеков, 1971. С. 158). В свою очередь, В. Ф. Шахматов говорит о необходимости как минимум 50 овец, 15 лошадей, 6 голов крупного рогатого скота и 2 верблюдов (Шахматов, 1962. С. 28). «Подсчитано..., – пишет Г. Ф. Радченко, – что для обеспечения

дневного потребления 2300 килокалорий на душу семье из 6–7 человек... при обеспечении питания на $\frac{3}{4}$ за счет молока и на $\frac{1}{4}$ – за счет мяса в год необходимо получать 5600 л молока и 700 кг мяса. А это значит, что одному человеку в год требуется для потребления 30 овец, а всей семье для получения молока 60 коз» (Радченко, 1983. С. 145–146).

Как показывают бюджетные обследования «Материалов по киргизскому землепользованию», структура пищевого рациона в системе потребления кочевников в среднем в течение года выглядела следующим образом. Данные, например, по Каркаралинскому уезду засвидетельствовали, что в среднем одна семья, в которой насчитывалось 5,5 членов, потребляла в течение года 38,6 пудов мяса, 28 пудов муки и порядка 250 ведер молока (МКЗ. Т. VI. Общий очерк. С. 36, 42, 45). Однако и этот показатель сильно колеблется в кочевой среде в зависимости от общей обеспеченности скотом. Так, в группе хозяйств, имевших до 5 лошадей, в среднем на душу населения в течение года приходилось от 2,8 до 5,75 пудов мяса (44,8–92 кг); в группе хозяйств, имевших от 6 до 10 лошадей, – 6,89–7,82 пуда (110,2–125,1 кг); в группе хозяйств, имевших от 11 до 25 лошадей, – 9,7–12,5 пудов (155,2–200 кг); в группе хозяйств, имевших от 26 до 50 лошадей, – 17,0–20,1 пуда (272–321,6 кг); в группе хозяйств, имевших свыше 50 лошадей – 28,2–53 пуда (451,2–848 кг).

Аналогичная дифференциация прослеживается и в степени употребления мучной и молочной продукции (там же. С. 36). В среднем по уезду на одного индивида в течение года приходилось около 7 пудов мяса (112 кг) и 5,1 пуда муки (81,6 кг). Более специализированные бюджетные обследования выявили следующие среднестатистические данные: 5,7–5,9 пудов муки (91,2–94,4 кг), 5,1–5,4 пудов мяса (81,6–86,4 кг) и 43,8–48,5 ведер молока в течение года в среднем на одного индивида (там же. С. 44).

Интересны данные и по Усть-Каменогорскому уезду, которыми можно ограничиться, так как анализ всего обширного статистического материала по этому вопросу потребовал бы специального исследования. В среднем в течение года на

одного человека в уезде приходилось 3,6 пудов мяса (57,6 кг), 8,6 пудов муки (137,6 кг) и 35 ведер молока и кумыса (МКЗ. Т. IX. Специальная часть. С. 43). Учитывая, что средний вес туши овцы был принят в ходе обследования в 1,25 пуда или 20 кг (там же. Примеч. 1), мы можем высчитать, что в среднем для жизни одного человека было необходимо потребление в Каркаралинском уезде, как минимум, 5 овец, а в Усть-Каменогорском – 3 овец и т. д. Правда, в литературе бытуют и другие цифры: 24 кг мяса и 11 кг сала с одной овцы (Ищенко и др., 1928. С. 154). Несложный пересчет всех цифр показывает, что средней семье в 5,5 человек было необходимо в течение года, как минимум, 25 овец только для обеспечения мясной части своего пищевого рациона.

Что же касается молочной продукции, то, учитывая среднегодовой надой с одной овцы в 3,2 ведра молока (МКЗ. Т. IX. Специальная часть. С. 43. Примеч. 1), а по другим данным – 4–5 ведра (Ищенко и др., 1928. С. 154), для ее получения было необходимо, как минимум, в Каркаралинском уезде – примерно 15 дойных овец, а в Усть-Каменогорском – 11 и т. д. Несложный подсчет дает нам минимальную цифру в 65 дойных овец в среднем на одну семью в течение года для обеспечения прожиточного уровня.

Таким образом, для того чтобы обеспечить самый низкий жизненный минимум, было необходимо в течение года забить на мясо 25 овец и иметь порядка 65 дойных овец. При этом необходимо учитывать, что в забой у бедняков шла четвертая часть всего стада (Чорманов, 1883. С. 44). Следовательно, чтобы использовать 25 овец на мясо, необходимо было иметь, как минимум, 100 овец общего стада для обеспечения воспроизводства данного стада и получения данного минимума на следующий год. В этой связи следует отметить, что в рассматриваемых уездах маточное поголовье в составе стада составляло от 39 до 48% (МКЗ. Т. VI. Общий очерк. С. 65), а яловость и выкидыши достигали 25%, гибель молодняка – 20% (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 52).

Иначе говоря, минимальный уровень жизнеобеспечения требовал более чем сотни овец как для воспроизводства 25 овец, ежегодно потребляемых в пищевой рацион (минимум

70 голов маточного поголовья, учитывая раннее созревание и достижение к 2 годам половой зрелости), так и для обеспечения в составе стада 60–65 дойных маток. Отсюда следует, что минимальный уровень жизни требовал наличия порядка 140–150 овец, но учитывая, что в аграрных обществах, как правило, значительная часть населения периодически голодала и в условиях ограниченной емкости рынка рабочих рук не могла обеспечить минимальный порог необходимого продукта, этот минимум может быть понижен до 100–120 овец. Итак, минимальный предел жизнеобеспечения в кочевой среде для семьи, состоящей из 5–6 человек, составлял 100–150 овец.

При этом жизненный минимум обеспечивался также за счет потребления зерновой продукции. Так, для обеспечения 8,5 пудов муки в условиях аридной зоны Казахстана была необходима минимальная запашка двух десятин посева (МКЗ. Т. IX. Специальная часть. С. 42), что дает для средней семьи цифру в 45–50 пудов муки и более 10 десятин посева, либо из расчета, что три пуда муки стоят одну овцу (МКЗ. Т. VI. Очерк. С. 60), – необходимо было ежегодно менять 15–17 овец на муку. Учитывая необходимость ежегодного воспроизводства этого количества овец, кочевник при отсутствии посевов должен был иметь еще порядка 60–70 овец.

Только в этом случае, по-видимому, имелась возможность обеспечить тот минимум средств к жизни в размере 2500 ккал в день, который необходим для того, чтобы человек был способен жить, работать и воспроизводить себе подобных (Девиньо, Танг, 1973. С. 267; Мордкович, 1982. С. 268 и др.). Г. Ф. Радченко дает для населения Сахеля цифру в 2300 ккал (Радченко, 1983. С. 145). В свою очередь, И. И. Крупник отмечает, что для приморских зверобоев Севера Азии было необходимо 3000 ккал в день для взрослого мужчины, 2500 ккал – для женщин и стариков и 2000 ккал – для детей (Крупник, 1989. С. 53, 99).

Недостаток в продуктах питания довольно часто покрывался за счет собирательства, широко распространенного в среде кочевников (Юнатов, 1964; Дикорастущие полезные растения флоры МНР, 1985. С. 166–177 и др.), но, к сожа-

лению, еще очень мало изученного. Полевые материалы свидетельствуют, что кочевники-казахи активно и широко-масштабно занимались собирательством практически уже с момента появления первых ростков зелени ранней весной и вплоть до глубокой осени. Разнообразные растения широко использовались не только в народной медицине и ветеринарии (Аргынбаев, 1963 и др.), но и употреблялись в пищу.

В этой связи интересно привести мнение самих кочевников о минимальном прожиточном уровне жизнеобеспечения. Так, в одном случае отмечается, что хозяйство, имеющее 5–9 лошадей, 10–20 овец, 2 коровы, а в другом – имеющее 10 лошадей, 30–40 овец и 3–4 головы крупного рогатого скота, обеспечены скотом явно недостаточно и их владельцы должны искать средства к существованию за пределами своего хозяйства (МКЗ. Т. IX. Общий очерк. С. 55).

Средним, по одним данным, считалось хозяйство, имевшее 100–200 овец, 20–30 лошадей и 10 голов крупного рогатого скота, по другим – имевшее 20 лошадей, 70 овец, 2–3 верблюда, 5–6 голов крупного рогатого скота и урожай в 20 пудов пшеницы; в третьем случае – имевшее 20 лошадей, 100 овец, 5 коров и урожай в 2–3 пуда проса; в четвертом – имевшее 100 овец, 20 лошадей, 2 верблюда, 5–6 голов крупного рогатого скота и пашни в 1,5 десятины (там же. С. 55–56). Сопоставление и анализ всех вышеприведенных данных убеждают нас в том, что на уровне полуголодного существования семье в среднестатистическом варианте в 5–6 чел. было необходимо, как минимум, 100–150 голов овечьего стада либо 17–25 единиц скота, а для нормальной жизнедеятельности – не менее 150–200 голов овец либо 25–33 единицы скота из общепринятого расчета, когда взрослая лошадь приравнивалась к двум двухлеткам, шести жеребяткам, половине верблюда, шести овцам и козам, а две головы крупного рогатого скота – полутора лошадям и т. д. (МОТ. Т. III. Текст. С. 327).

Сопоставление реальной степени обеспеченности скотом кочевников-казахов и вышеприведенных цифр показывает, что «полуголодного минимума жизнеобеспечения

в 100 овец или 17 единиц скота не имели: в Акмолинском уезде 53,2% всех хозяйств, Каркаралинском – 67,0%, Усть-Каменогорском – 75,2%, Зайсанском – 81,5%, Петропавловском – 82,5%, Семипалатинском – 78,0%, Павлодарском – 56,2%, Атбасарском – 51,7%, Кокчетавском – 50,4%, Кустанайском – 74,7%, Омском – 45,5%, а также в Лбищенском – 89,2%, Темирском – 87,5%, Уральском – 85,2%, Иргизском – 76,8%, Тургайском – 63,2%, Аулиеатинском – 76,4%, Чимкентском – 93,9%, Перовском – 90,3%, Казалинском – 89,5%, Джаркентском – 59,3%, Верненском – 67,8%, Копальском – 73,9%, Лепсинском – 79,2% (табл. 4, 5).

Если же мы в качестве минимального прожиточного уровня примем размер отары овец в 150 голов, то картина общей необеспеченности скотом станет еще более рельефно выраженной. Так, в частности, данного количества скота не имели в Акмолинском уезде – 72,3% всех хозяйств, Каркаралинском – 82,7%, Усть-Каменогорском – 88,9%, Зайсанском – 91,7%, Петропавловском – 82,5%, Семипалатинском – 88,1%, Павлодарском – 75,9%, Атбасарском – 70,8%, Кокчетавском – 74,5%, Кустанайском – 74,7%, Омском – 66,5%, Актюбинском – 86,1%, Тургайском – 68,9%, Верненском – 82,8%, Джаркентском – 75,9%, Копальском – 87,2%, Лепсинском – 90,5% и т. д. (табл. 5).

Очевидно, что абсолютное большинство кочевников-казахов было недостаточно обеспечено скотом и не могло в рамках собственного хозяйства удовлетворить минимум своих жизненных потребностей, достаточного для самостоятельного и независимого существования. Следствием недостатка скота было то, что основная масса непосредственных производителей была вынуждена искать средства к существованию за пределами собственного хозяйства. При этом функционирование личного хозяйства могло быть обеспечено также лишь посредством помощи со стороны богатых хозяйств (принцип дополнительности), а отсюда двойная норма эксплуатации и зависимости трудящихся индивидов.

Именно на этой основе происходило формирование класса зависимого населения, которое с целью обеспечения необходимого продукта для своего собственного как физиче-

ского, так и социального воспроизводства было вынуждено искать средства к существованию за пределами своего личного хозяйства и вследствие этого было вынуждено заниматься дополнительными промыслами и приработками. В частности, прослеживается прямая связь между степенью обеспеченности скотом и частотой обращения к нескотоводческим занятиям. Обедневшие группы населения, как правило, прибегали к продаже своей рабочей силы, брали скот в саун, занимались различными промыслами и т. д. (табл. 9–11).

Таким образом, наибольшая часть кочевого населения, которая была не в состоянии обеспечить необходимый продукт в рамках собственного индивидуального хозяйства, была вынуждена в поисках дополнительных источников существования вступать в отношения по поводу необходимого продукта, т. е. продавать свою рабочую силу – до 50% населения, заниматься промыслами – до 50–60%, брать скот в саун – до 10% и т. д. При этом статистика не учитывала другие традиционные способы обеспечения жизненного минимума, в частности, многообразные каналы «взаимопомощи», оказываемой различными родственниками, освященной патерналистскими «покровами» и носившей как будто бы реципрокационный характер (см. 8.1).

На основании вышеизложенного можно утверждать, что среди кочевников-казахов существовала значительная социальная прослойка (66,5–91,7% всего населения), которая фактически по своему социально-экономическому положению в обществе может быть обозначена в качестве зависимого класса непосредственных производителей. Это определяется тем, что их общественная деятельность и реальное бытие определялись потребностью обеспечения необходимым продуктом. Для данного общественного класса в структуре производственных отношений главными, ведущими, доминантными, господствующими были отношения по поводу необходимого продукта. Они для массы непосредственных производителей включали в себя, во-первых, организацию эффективного функционирования своего личного индивидуального хозяйства, что могло

быть обеспечено лишь в общине в условиях хозяйственной интеграции с богатыми скотовладельцами (см. 7.3 и 8.1). И, во-вторых, поиск дополнительных источников существования за пределами собственного хозяйства, обеспечение которых было возможно либо посредством продажи своей рабочей силы, т. е. найма в хозяйства богатых скотовладельцев (см. 8.1), либо посредством вспомогательных хозяйственных занятий.

И в том, и в другом случае налицо зависимость от класса богатых скотовладельцев. Иначе говоря, само экономическое положение наибольшей части кочевого населения, которое было не в состоянии самостоятельно обеспечить минимальный прожиточный уровень жизни, совершенно объективно детерминировало их вовлечение в отношения по поводу необходимого продукта и определило их в качестве зависимого класса.

Класс непосредственных производителей в зависимости от степени обеспеченности скотом может быть дифференцирован на несколько социальных групп или прослоек. Во-первых, следует выделить группу производителей, в распоряжении которых находилось столько скота, что, хотя оно и могло обеспечить минимум жизни – 25 овец в пищу, 15 овец в обмен на хлеб и 65 дойных овцематок – в данный конкретный год, но не могло гарантировать воспроизводство данного числа скота на последующие годы. Хозяйства этой группы были вынуждены прибегать к сравнительно незначительным дополнительным приработкам, когда усилиями одного члена семьи мог быть достигнут необходимый уровень воспроизводства. К данной социальной группе, на наш взгляд, следует отнести хозяйства, имевшие в эквивалентном выражении около 150 овец или 25 единиц скота.

Другая социальная группа даже при занятии дополнительными хозяйственными работами едва могла обеспечить необходимый продукт в своем личном хозяйстве, фактически жила впроголодь и совершенно не была гарантирована от дальнейшего процесса обеднения. К этой группе следует отнести хозяйства, имевшие в эквивалентном выраже-

нии около 100 овец или 16–17 единиц скота. В этом случае усилий одного члена семьи в обеспечении дополнительными средствами существования было явно недостаточно. И если для первой социальной группы приработки носили, по-видимому, больше сезонный характер, так сказать, от случая к случаю, то для хозяйств данной группы, вероятно, следует говорить о стремлении к постоянным круглогодичным заработкам. Именно эта группа, как нам представляется, чаще других прибегала к нескотоводческим занятиям.

У последней черты бедности, по-видимому, на грани пауперизации, находилась социальная группа, имевшая в эквивалентном выражении порядка 50 и меньше овец либо менее 8–9 единиц скота, т. е. совершенно неспособная обеспечить необходимый продукт в пределах своего личного хозяйства и вынужденная полностью переключиться на поиски дополнительных средств существования. В этом случае, по-видимому, имело место стремление обеспечить необходимый продукт в полном объеме только за пределами своего индивидуального хозяйства, которое, в свою очередь, было лишь «резервным фондом» либо служило для удовлетворения социально престижного продукта, т. е. гостеприимства, подарков-отдарков и т. п.

Мотивация общественной деятельности определялась только желанием выжить, во что бы то ни стало найти дополнительные источники и средства существования. Для каждой из этих трех групп класса зависимого населения процессы социально-экономической жизнедеятельности протекали по-разному. Так, для первой социальной группы хозяйств, имевших около 150 овец, минимальный прожиточный уровень и воспроизводство стада обеспечивались преимущественно в рамках и посредством общины, где они группировались вокруг хозяйства более богатого скотовладельца. При этом недостающая часть необходимого продукта могла обеспечиваться в пределах общины реципрокационными явлениями либо посредством «невидимых глазу» заработков на основе их внутриобщинной эксплуатации (см. 8.1).

Для второй экономической группы хозяйств, имевших около 100 овец, воспроизводство стада и необходимый продукт обеспечивались как внутри общины, так и за ее пределами в хозяйствах богатых скотовладельцев. В этом случае индивидуальное хозяйство и хозяйство основного субъекта собственности примерно на паритетных началах обеспечивали необходимый продукт трудящимся индивидам. И совсем другое дело, третья группа хозяйств, имевшая менее 50 овец, которая была полностью ориентирована на обеспечение необходимого продукта за пределами своего личного хозяйства. Вследствие этого она могла даже вытесняться за пределы общины и группироваться только вокруг индивидуальных хозяйств богатых скотовладельцев. Именно данная социальная прослойка выделяла каждый раз массу пауперизированного населения, практически полностью лишённую скота и в результате этого выпадающую из процесса производства и системы традиционного кочевания. На этой основе возникал и воспроизводился обнищавший слой общества, концентрировавшийся на периферии номадного ареала и пополнявший ряды оседлого населения в маргинальных зонах. Поэтому закономерно, что наибольший процент оседлого населения фиксируется в Перовском, Казалинском, Аулиеатинском, Ташкентском уездах (табл. 12).

В этой связи необходимо заметить, что отсутствие в среде номадов какой-либо классовой борьбы (Зиманов, 1958; Марков, 1976 и др.) как раз и было обусловлено тем, что беднейшая, пауперизированная и люмпенская часть общества спонтанно и совершенно объективно вымывалась из кочевого социума и оседала на его периферии. Тем самым классовые противоречия никогда не доходили до обострения и всеобщего конфликта. Иначе говоря, специфика номадного способа производства «сняла» остроту классовых антагонизмов и определяла мирное сосуществование различных классов.

Учитывая многообразные сложности процесса производства и всеобщность прерывания процессов накопления скота, трудности системы природопользования в совокупно-

сти с действием аномальных явлений (гололеда, атмосферных засух, буранов, снежных заносов и т. п.), следует говорить о достаточно широкой циркуляции значительной части индивидов по различным этажам социально-экономической структуры общества. Движение это носило по большей части односторонний характер – постепенного обеднения части кочевников-скотоводов. Особенно тяжелым было положение пауперов и балансировавших на грани полуголодного существования групп беднейшего населения. «Пауперы, – пишет А. И. Левковский, – это люди, фактически вытесненные из старой хозяйственной деятельности, обеспечивавшей им средства к существованию... В целом они нищенствуют, живут в тяжелейших жилищных условиях, терпят всевозможные материальные лишения...» (Левковский, 1981. С. 4). В этой связи можно лишь напомнить свидетельства очевидцев, что «есть целые аулы до того бедные, что не только не имеют скота, но даже без рубищ, без крова и насущной пищи» (Бларамберг, 1848. С. 106).

По-видимому, следует выделить еще одну социальную группу кочевников, которая была в состоянии полностью обеспечить себя необходимым продуктом и имела в эквивалентном выражении порядка 200 овец или около 35 единиц скота. В данную группу следует включить те хозяйства, которые по методике «Материалов по киргизскому землепользованию» имели от 11 до 25 лошадей. Это были достаточно самостоятельные и самообеспечивающиеся хозяйства, состоящие в общинах и вполне независимо функционировавшие на протяжении почти всего календарного года, за исключением лишь отдельных зим. Характерной чертой экономического положения данной прослойки хозяйств было то, что в зимний период года они не всегда могли самостоятельно обеспечить нормальный выпас и сохранность принадлежащего им стада. Во время гололеда, обильных снегов, буранов появлялась острая необходимость в организации совместно-последовательного выпаса скота (см. 4.1), иначе он мог погибнуть от бескормицы без помощи со стороны владельцев больших табунов лошадей (косов).

Фактически речь идет о свободных и самостоятельных хозяйствах, которые в связи с особенностями кочевнического способа производства могли в отдельные экстремальные периоды попадать в зависимое положение от богатых скотовладельцев и нуждаться в хозяйственной интеграции с ними. Доля такого рода хозяйств составляла: в Петропавловском уезде – 12,7% всех хозяйств, Семипалатинском – 7,4%, Зайсанском – 5,6%, Усть-Каменогорском – 8,0%, Каркаралинском – 11,6%, Акмолинском – 18,3%, Кустанайском – 16,7%, Омском – 21,5%, Атбасарском – 19,4%, Актюбинском – 9,8%, Кокчетавском – 17,7%, Павлодарском – 15,6%, Джаркентском – 15,3%, Копальском – 9,4%, Верненском – 11,6%, Тургайском – 19,8% и т. д. (табл. 4, 5). При этом мотивация общественной деятельности данной группы хозяйств определялась не отношениями по поводу необходимого продукта, а отношениями по поводу организации и обеспечения воспроизводства стада в отдельные зимы в рамках общины посредством помощи со стороны богатых скотовладельцев. В целом это была промежуточная социальная группа кочевого общества между его полюсами.

Напротивоположном полюсе социально-экономической структуры общества кочевников находился класс богатых скотовладельцев. К этому общественному классу следует отнести те их немногочисленные хозяйства, которые обеспечивали фактически производство общественного продукта в интересах всего общества. В данном случае речь идет о социальной группе, способной организовать высокоэффективное, рентабельное и достаточно прибыльное хозяйство как на общинном, так и на индивидуальном уровне.

При этом все остальные слои и группы, как мы уже отмечали, могли существовать и функционировать только посредством экономической и хозяйственной интеграции с классом богатых скотовладельцев. Этот класс массой вырабатываемого в его хозяйстве общественного продукта фактически обеспечивал наибольшей части трудящихся индивидов необходимый продукт для их жизнедеятельности, бу-

дучи для них важным источником дополнительных средств существования, а согласно принципу дополнительности образовывал основной, базовый «капитал» общинных стад.

Одновременно хозяйства богатых скотовладельцев служили экономическим базисом для производства прибавочного продукта, который не только был основой для жизни массы непосредственных производителей, но и обеспечивал своим владельцам высокий уровень потребления, власть и возможность регулировать процессы общественного бытия, а также противостоял процессам сегментации и «рассеивания» средств производства. Поэтому вполне закономерно, что мотивация общественной деятельности класса богатых скотовладельцев определялась стремлением обеспечить прибавочный продукт, т. е. приумножить и увеличить свои стада. Вследствие этого имеет место доминанта отношений по поводу прибавочного продукта в структуре производственных отношений для данного класса субъектов собственности.

Удельный вес такого рода хозяйств был невелик, а их роль в общественной жизни была чрезвычайно велика. Господствующий слой кочевого общества казахов образовывала, на наш взгляд, группа хозяйств, имевшая, согласно методике «Материалов по киргизскому землепользованию», свыше 25 лошадей. Так, в Семипалатинском уезде их удельный вес составлял 4,4% всех хозяйств, Петропавловском – 4,7%, Зайсанском – 2,6%, Усть-Каменогорском – 3,1%, Каркаралинском – 5,6%, Кустанайском – 9,3%, Омском – 11,9%, Атбасарском – 9,6%, Актюбинском – 4,0%, Кокчетавском – 7,6%, Павлодарском – 8,4%, Акмолинском – 9,4%, Тургайском – 10,9%, Джаркентском – 8,5%, Копальском – 4,3%, Верненском – 5,5%, Лепсинском – 2,9% и т. д. (табл. 4, 5).

В хозяйствах класса богатых скотовладельцев была сосредоточена значительная часть скота при высоком уровне его концентрации в среднем на одно хозяйство. Так, например, хозяйствам такого рода принадлежало в Семипалатинском уезде 34,2% всего скота в уезде, а в среднем

на одно хозяйство приходилось 108,7 единиц скота или порядка 652 овец, Усть-Каменогорском – 96,8 единиц скота, Акмолинском – 107,2 единицы скота, Каркаралинском – 99,4 единицы скота, Петропавловском – 87,5 единицы скота, Зайсанском – 119,4 единицы скота, Джаркентском – 92,1 единицы скота, Копальском – 93,9 единицы скота, Верненском – 86,2 единицы скота и т. д. (табл. 8). Иначе говоря, в среднем на одно хозяйство рассматриваемой группы приходилось в эквивалентном выражении около 600–700 овец, т. е. тот оптимум скота – «критическая масса», – который позволял им самостоятельно организовывать и в полном объеме обеспечивать все ключевые элементы процесса материального производства.

Такая значительная масса скота, сконцентрированная в отдельных индивидуальных хозяйствах, определяла специфику общественных отношений для данной группы хозяйств. Для того, чтобы обеспечить в полном объеме выпас и содержание всего имеющегося у них скота по видам животных, половозрастному составу и разнообразным потребностям всего хозяйственного организма, они были вынуждены вступать с массой непосредственных производителей в отношения по поводу прибавочного продукта. Это делалось для того, чтобы обеспечить функционирование, воспроизводство и прирост принадлежащего им стада посредством привлечения дополнительной рабочей силы, тяглового населения, поскольку их собственный энергетический потенциал был ограничен и богатые скотовладельцы не могли в полной мере удовлетворить насущную потребность в работниках производства для обеспечения всех элементов трудового процесса.

Вследствие этого закономерно, что значительная часть класса богатых скотовладельцев прибегала к найму рабочей силы (см. 8.1). Так, в Омском уезде в группе хозяйств, имевших от 26 до 50 лошадей, нанимало работников 61,4% всех хозяйств данной группы, а в группе хозяйств, имевших свыше 50 лошадей, – 88,6%; Атбасарском – соответственно 62,2 и 88,1%, Кокчетавском – 67,1 и 82,7%, Павлодарском –

70,5 и 94,0%, Каркаралинском – 73,4 и 93,4%, Акмолинском – 74,8 и 92,9%, Усть-Каменогорском – 76,7 и 94,8%, Семипалатинском – 85,2 и 97,9%, Зайсанском – 82,9 и 96,8%, Кустанайском – 81,1 и 98,1%, Актюбинском – 94,6 и 100%, Петропавловском – 84,3 и 97,7% и т. д. (табл. 10).

Вполне естественно, что класс богатых скотовладельцев в наименьшей степени обращался к занятию различными промыслами (табл. 11). Иначе говоря, индивидуальные хозяйства класса богатых скотовладельцев имеют большую кочевническо-скотоводческую специализацию. В данном случае налицо взаимосвязь между типом хозяйства и степенью общего благосостояния кочевников-скотоводов, проиллюстрированная мною ранее в связи с показом большей интенсивности кочевания богатых скотовладельцев (см. 7.2).

Нельзя не сказать и о том, что, как это ни парадоксально, именно богатые скотовладельцы в наибольшей степени способствовали развитию земледелия в степи (Хозяйство казахов..., 1980. С. 162–163 и др.). Поэтому, видимо, закономерно, что именно на хозяйства богатых скотовладельцев падает наибольший процент посевных хозяйств (табл. 11), а также наибольший размер запашки. Это было обусловлено тем, что минимум, необходимый для занятия земледелием в ареальной экосистеме, значительно превышал минимум, необходимый для занятия скотоводством. Вследствие этого земледелие в пустынно-степном ареале всегда было своего рода «привилегией» богатых скотовладельцев.

***

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующий вывод: социально-экономическая структура кочевого общества не оставляет никаких сомнений в существовании глубоко зашедших и стабильных процессов имущественной дифференциации агентов экономического отношения и наличии двух полярно противоположных общественных классов, резко отличающихся друг от друга по их роли в жизни общества, функционировании системы материального производства и т. д. На одном полюсе кочевого общества распо-

лагался класс непосредственных производителей, составлявший абсолютное большинство кочевого населения – от 66 до 91% всех хозяйств номадов, в собственности которого находилось такое количество скота, которое не удовлетворяло минимальные потребности системы жизнеобеспечения и не гарантировало им необходимого продукта. На другом полюсе – находился класс богатых скотовладельцев, составлявший абсолютное меньшинство населения – от 2 до 11% всех кочевников-скотоводов, в собственности которых находилось так много скота, что его выпас, содержание и уход за ним не могли быть обеспечены в соответствии с потребностями хозяйственного цикла только личными усилиями субъектов данного общественного класса.

На основе экономической необходимости эти два полярно расположенных класса номадного общества совершенно естественно вступали в объективно закономерные взаимоотношения друг с другом по поводу обеспечения всех элементов процесса производства и создания общественного продукта для удовлетворения потребностей всего общества.

Со стороны класса непосредственных производителей экономической мотивацией вступления в альянс с богатыми скотовладельцами являлась насущная потребность обеспечения необходимого продукта, т. е. минимального прожиточного уровня для того, чтобы жить, работать и воспроизводить себе подобных. Это осуществлялось как посредством найма в хозяйства богатых скотовладельцев, так и посредством интеграции с ними в рамках общинных структур. Вследствие этого в реальном процессе производства класс непосредственных производителей может практически существовать и воспроизводить себя только лишь как составная часть единой целостности, дополняя в системе производственных отношений и социально-экономической структуре общества класс богатых скотовладельцев.

В свою очередь, со стороны экономически господствующего класса кочевого общества фундаментальным фактором вступления в систему производственных отношений

являлось стремление получения прибавочного продукта, позволяющего противостоять процессам «рассеивания» и обеспечивать высокий уровень жизни и полноту власти. Производство прибавочного продукта осуществлялось как посредством найма работников производства, так и посредством «совместного» труда в рамках общины. Вследствие этого можно заключить, что два полярно противостоящих друг другу общественных класса кочевого мира – непосредственных производителей и богатых скотовладельцев – взаимно дополняли друг друга в процессе производства и были составными частями единого социально-экономического комплекса производственных отношений номадного способа производства.

Глава 9. СТАДИАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА

9.1. ФОРМАЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМА И МЕТОД

Проблема формационной природы докапиталистических обществ представляет огромный научный интерес не столько для познания этого особого культурно-исторического феномена, сколько в связи с необходимостью познания общих закономерностей пространственно-временного развертывания всемирно-исторического процесса. Следует заметить, что практика изучения данной проблемы, особенно оживленно обсуждаемой в последние два десятилетия в связи с критикой пятичленной схемы (первобытность – рабовладение – феодализм – капитализм – коммунизм), отличается дискуссионной направленностью и обилием нередко диаметрально противоположных суждений (Общее и особенное в историческом развитии стран Востока, 1966; Данилова, 1968; Текеи, 1975; Илюшечкин, 1980 и др.).

При этом зачастую имеет место апелляция к «классическим» канонам пятичленной схемы, изложенным в «Кратком курсе истории ВКП(б)», попытка искусственно подогнать многообразие конкретно-исторических путей развития докапиталистических обществ к «идеальной» модели феодального способа производства (Качановский, 1971; Никифоров, 1977; Кобищанов, 1966 и др.). Только лишь в последнее время наметились новые и оригинальные подходы в творческом поиске ученых относительно формационной природы доиндустриальных обществ.

Особенно сложный и многоплановый характер носит дискуссия о стадиальном уровне развития кочевых обществ (Сулейменов, 1989 и др.). Неоднозначность суждений основывается в значительной степени на весьма неадекватных методах исследования и подчас полярных подходах к пониманию как отдельных терминов и понятий, например, таких, как «способ производства», «кочевничество», «отношения собственности», «государство», «община», «феодализм» и т. д., так и всей целостности номадного социума и его места в истории человечества. В диахронном плане историография кочевничества эволюционировала от «бесклассовой» оценки системы общественных отношений в среде номадов до «классовой», а затем «маятник» пошел в обратную сторону, остановившись на показателе деления «раннеклассовое» общество.

При этом активно обсуждался по существу лишь один аспект проблемы формационного развития общества – наличие или отсутствие классово-поляризации. Рассмотрим более основательно ныне существующие точки зрения в концептуальном срезе, опуская историю изучения этой проблемы, так как она уже освещалась в ряде специальных работ (Марков, 1967; он же, 1976; Федоров-Давыдов, 1973; Хазанов, 1975а; Першиц, 1976; Илюшечкин, 1980; Коган, 1981; Исмаил, 1983; Крадин, 1987; Сулейменов, 1989 и др.).

Доклассовая стадия общественного развития

Данная точка зрения, получившая в принципе широкое распространение в русской дореволюционной и зарубежной историографии, в основном базировалась на ведущей роли в системе общественных отношений так называемых «родовых» отношений, отсутствию развитой государственности и преобладании «демократических» элементов в жизни общества. Так, например, А. Н. Седельников писал по этому поводу, что «общественный строй киргиза можно назвать демократическим...» (Седельников, 1903. С. 214). П. Е. Маковецкий полагал, что «весь строй общественной киргизской жизни» «зижделся на родовом начале» (МКОП, 1948. С. 262).

В наиболее «концептуальной» форме это положение было сформулировано выдающимся русским этнологом Н. А. Аристовым: «...При патриархально-родовом быте тюрков-кочевников, роды и сочетания родов и их частей в родовые и племенные союзы действительно имели преобладающее во всех отношениях значение» (Аристов, 1896. С. 283). Однако в целом данная точка зрения так никогда и не была конституирована как целостная модель общественного развития кочевых народов, поскольку проблема формационного развития кочевых народов не являлась предметом специального и самостоятельного исследования в русской дореволюционной историографии. И. Пахомовым в этой связи было справедливо замечено, что «...для изучения экономического строя и эволюции его сделано очень мало» (Пахомов, 1911. С. 1).

В последующее время данная точка зрения получила дальнейшее обоснование в работах ряда авторов 20–30-х гг. Одним из первых исследователей, предпринявших научный поиск в этом направлении, стал А. П. Чулошников, который после изучения широкой панорамы общественной жизни кочевников-казахов пришел к выводу о том, что «патриархально-родовой уклад» «всегда и везде был неразрывно связан с кочевым бытом» (Чулошников, 1924. С. 193). А. Ф. Рязанов писал в этой связи, что у кочевников «...не сложилось единой государственной власти, казаки жили родовым строем. Родовая организация, как естественная форма кочевого общежития, вполне соответствовала тогдашним формам хозяйственной жизни народа» (Рязанов, 1926. С. 187).

С изменением общественно-политической ситуации в стране в конце 20-х гг. точка зрения о бесклассовости кочевых социумов была отвергнута в связи со вставшей на повестку дня «необходимостью» доказательства тезиса об обострении классовой борьбы в казахском кочевом ауле и революционном характере преобразований в 20–30-е гг. Социальный заказ провозгласил доминанту классового подхода, а «бесклассовая» оценка кочевого общества была объявлена происками буржуазных националистов, созда-

вавших миф о патриархальном равенстве и патерналистских тенденциях в развитии кочевников (Дахшлейгер, 1965; он же, 1969 и др.).

Курс на «классовость» стал ведущим в советской историографии вплоть до наших дней. Иначе говоря, концепция «бесклассовости» общественного строя кочевых народов, воспринимавшаяся большинством исследователей XIX – начала XX в. как сама собой разумеющаяся закономерность социального развития кочевых народов, поддержанная практически всеми теоретиками общественной жизни, например, Н. И. Зибером, К. Каутским, П. Кушнером, К. М. Тахтаревым и многими др., в принципе не успела оформиться в целостную научную концепцию со всеми сопутствующими атрибутами.

В последующее время тезис о бесклассовом характере развития кочевых обществ постулировался либо на материалах кочевников Ближнего и Среднего Востока (Алитовский, 1966; Васильев А. М., 1982 и др.), либо в отношении кочевых обществ древности (Черников, 1978; Плетнева, 1982 и др.) и т. д.

Но в целом эта точка зрения не получила сколько-нибудь значительных аргументов в виду присущей всем кочевым обществам резкой имущественной дифференциации, легко прослеживаемой как по письменным источникам и этнографическим данным, так и по археологическим исследованиям на материалах практически всех народов во все исторические эпохи. Вследствие этого, видимо, закономерно появление концепции «раннеклассовых отношений», возникшей в 60-е гг. на базе гипотезы «бесклассового» характера общественных отношений в кочевой среде.

Западная историография кочевых обществ, характеризующаяся отсутствием формационного понимания социально-экономических процессов, первоначально не проявляла особого интереса к рассматриваемой проблеме. Большинство исследователей обычно ограничивались тезисом об отсутствии социальной поляризации общества в кочевой среде (см. историографию проблемы: Першиц, 1976 и др.). Не отри-

чая в принципе сословной и имущественной дифференциации в кочевом обществе казахов (*Schuylar*, 1876. Vol. I. P. 32; *Moser*, 1885. P. 23–24; *Atkinson*, 1857, etc.), монголов средневековой эпохи (*Howorth*, 1876. Vol. I; *Cahun*, 1896, etc.), исследователи тем не менее считали, что в среде номадов доминировали «родовые отношения», «патернализм» (*Czaplicka*, 1918; *Riasanovsky*, 1938; *Hudson*, 1938, etc.).

Лишь в последнее время в западной историографии стали появляться более или менее специализированные работы по данной проблеме, первоначально историографического характера (*Feudalism in Kazakhstan*, 1961; *Krader*, 1958. P. 76–99, etc), затем непосредственно затрагивающие различные аспекты формационного развития номадных социумов. В этих работах отмечается, что социально-экономическая поляризация кочевого общества требовала государственного регулирования лишь в случае организации системы внешней эксплуатации (*Bacon*, 1958; *idem*, 1965; *Krader*, 1963; *idem*, 1966; *Riasanovsky*, 1965; *idem*, 1965a; *Saunders*, 1971; *Patai*, 1973, etc.).

В концептуальном плане большое значение имел тезис, выдвинутый автором капитального «Исследования истории» А. Тойнби, о том, что кочевые общества выступают как недифференцированные организмы, целиком противостоящие соседним оседло-земледельческим обществам (*Тойнби*, 1991 и др.). Вслед за ним Дж. Саундерс пишет, что «неспособные к общественному и экономическому прогрессу, номады от века к веку шли по одному и тому же кругу...» (*Saunders*, 1971. P. 12).

В настоящее время в западной историографии большая часть исследователей по-прежнему придерживается точки зрения о бесклассовости номадных социумов. Так, в частности А. Буржо полагает, что за редкими исключениями «кочевые общества предстают как равноправные» (*Bourgeot*, 1978. P. 16). Главным аргументом в пользу такого вывода, полагает он, является отсутствие у номадов государства и наличие системы «сегментных линиджей», препятствующих развитию неравенства и иерархизации общества (*Ibid.* P. 17–22).

В свою очередь, П. Бонт, соглашаясь с тем, что общества номадов были отчасти стратифицированы, а социальный и экономический статусы различались, тем не менее считает, что в условиях коллективного использования природных ресурсов среды обитания и организации общественного производства тенденция развития неравенства уравнивалась разнообразными механизмами воспроизводства «равенства» (*Bonte*, 1978. P. 2–8). В результате этого номадные общества выступают в целом как равноправные и недифференцированные социумы, а тенденция к поляризации общества приобретает самостоятельное значение и приводит к образованию государства лишь в случае организации внешней эксплуатации соседних оседло-земледельческих народов.

Феодальная стадия общественного развития

Частная собственность на скот и наличие в кочевой среде ярко выраженного расслоения общества стали, несомненно, главными причинами возникновения концепции «феодальной» идентификации номадного социума. Интересно, что впервые о феодализме высказался Я. Гавердовский, который еще в 1803 г. писал: «Собственное правление в киргизских ордах можно было бы причислить к феодальному есть ли бы незатеивалось оно ныне правом сильного» (*Гавердовский*, 1803. Л. 72 об.).

В последующее время это положение было сформулировано выдающимся русским ученым П. П. Румянцевым следующим образом: «...В социальном строе киргиз, как он сложился в XV–XVIII столетиях, наблюдается два противоположных начала: патриархально-родовое и феодальное. Последнее, однако, проявлялось только в первичных формах» (*Румянцев*, 1909. С. 92). И далее, заключал он, «самые условия жизни и хозяйства киргиз, в противоположность средневековым условиям Европы, не благоприятствовали борьбе феодализма с родовым строем, только победив феодализм мог бы развиваться» (*там же*. С. 93). При этом следует, однако, помнить, что ни Я. Гавердовский, ни П. П. Румянцев не

понимали под феодализмом способ производства, а представляли его в виде системы общественно-политических институтов надстроечного характера.

На рубеже 20–30-х гг. XX в. социальный заказ потребовал от кочевниковедов создания «классовой» модели общественного развития кочевников. И поскольку концепция «рабовладельческих отношений», предложенная первоначально С. П. Толстовым (критику и историографию проблемы см.: Семенюк, 1958; он же, 1959; Хазанов, 1975а; он же, 1976; Першиц, 1976; Крадин, 1987 и др.), была решительно отвергнута в виду ее очевидной неприменимости к кочевникам, а гипотеза «азиатского» способа производства находилась под запретом, то единственной официально разрешенной общественно-экономической формацией – классовой и докапиталистической – оставался феодализм.

Поэтому вполне закономерно появление концепции «кочевого феодализма» Б. Я. Владимирцова и концепции «феодальных отношений» в кочевой среде С. П. Толстова. Вскоре точка зрения о феодальном характере общественных отношений у кочевых народов была растиражирована и стала всеобщим достоянием – официальной доктриной дореволюционного прошлого бывших кочевников СССР. Она была воспроизведена во всех научных и учебных изданиях и стала истиной в последней инстанции, провозглашенной, в частности, в четырех изданиях «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», «Истории Киргизской ССР», «Истории Калмыцкой АССР», нескольких изданиях «Истории СССР», «Истории МНР» и т. д.

Сформулированная Б. Я. Владимирцовым концепция «кочевого феодализма», основывающаяся на доминантной роли отношений по поводу земли в структуре производственных отношений и логически наиболее соответствующая общепринятому пониманию феодализма в средневековье (Вайнштейн, Косминский, 1932; Поршнева, 1964 и др.), получила широкое распространение. В основу теории «кочевого феодализма» был положен постулат о феодальной

собственности на пастбища в виде распоряжения и регулирования системы землепользования, вывод о крепостной зависимости рядовых скотоводов, которые выпасали скот и кочевали согласно указаниям своего сеньора и исполняли в пользу своего феодала разнообразные натуральные повинности (Владимирцов, 1934. С. 110–119 и др.).

С. П. Толстов, учитывая в отличие от Б. Я. Владимирцова специфику общественного развития кочевников, сформулировал свой вариант концепции феодальных отношений в кочевой среде. Основой последних, полагал он, были отношения собственности на скот, а первичной клеточкой, из которой прорастали феодальные отношения, являлись «саунные отношения», находящие ближайшую аналогию в западноевропейском прекарии, одном из элементов классической модели феодализма (Толстов, 1934. С. 188–189). С теми или иными оговорками концепцию феодальных отношений в кочевой среде поддержал и целый ряд других исследователей (Козьмин, 1934; Асфендиаров, 1935; Чулошников, 1936; Вяткин, 1941 и др.).

В послевоенное время началась и продолжалась углубляться поляризация между точкой зрения о господствующей роли отношений собственности на землю в системе феодальных отношений, последовательно отстаиваемой С. З. Зимановым, А. Е. Ереновым, М. П. Вяткиным, С. В. Юшковым, Ф. К. Жеребятьевым и другими авторами, и концепцией доминантной роли отношений собственности на скот в структуре феодальных производственных отношений, защищаемой в работах С. Е. Толыбекова, С. Л. Фукса, В. Ф. Шахматова.

Результатом широко развернувшейся дискуссии о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов стало Ташкентское совещание 1954 г. Попытки Л. П. Потапова найти компромисс и примирить обе точки зрения не дали результатов (Потапов, 1955 и др.). В последующее время дискуссия вышла на монографический уровень и каждая из указанных гипотез обросла множеством аргументов и развернутых обоснований (в наиболее законченной форме они представлены в следующих работах: Златкин, 1964; Толыбеков, 1971 и др.).

В настоящее время концепция феодализма, в основном, в трактовке Б. Я. Владимирцова, поддерживается практически всеми исследователями кочевого общества в Казахстане (Семенов, 1974а; Пищулина, 1977; Султанов, 1982; Зиманов, 1982 и др.), Монголии (Златкин, 1982; он же, 1983; Попов, 1986; Таскин, 1980; он же, 1989 и др.), калмыков (Эрдниева, 1980; Карагодин, 1988 и др.) и других кочевников. При этом концепция феодализма в глазах большинства исследователей представляла собой единственную в рамках традиционной пятичленной схемы альтернативу гипотезе бесклассовости кочевых обществ и поэтому вполне закономерно пользуется широкой поддержкой исследователей различных кочевых социумов (Федоров-Давыдов, 1973; Васильченко, 1974; Трубецкой, 1977; Еремеев, 1981; Кшибеков, 1984 и др.).

Правда, не все исследователи принимают отождествление общественных отношений в среде кочевников обязательно с феодализмом. В частности, признавая социально-экономическую дифференциацию кочевников на базе отношений собственности на скот, В. П. Илюшечкин рассматривает их в качестве одного из элементов так называемого «кочевничества» (Илюшечкин, 1980. С. 297–300 и др.). В свою очередь, Ю. И. Семенов предлагал считать кочевничества проявлением кабальных отношений (Семенов, 1968 и др.). Наряду с этим высказывались суждения о принадлежности общественного строя кочевников к азиатскому способу производства, особому кочевничеству социально-экономического развития и т. д. (Седов, 1966. С. 48–55; Марков, 1967; Вайнштейн, Семенов, 1977; Семенов, 1985 и др.). Иначе говоря, соглашаясь с тем, что производственные отношения в среде кочевников носили классовый характер, исследователи начинают все больше расходиться в том, как обозначать специфическую форму общественного развития кочевых народов.

Раннеклассовая стадия общественного развития

Директивно-санкционированный отказ от концепции доклассового уровня развития кочевников и попытка большинства исследователей в рамках «законодательно» конституированной пятичленной схемы доказать в их среде «классовость» и «феодалность» общественных отношений так или иначе всегда вызывали чувство неудовлетворенности у наиболее объективных ученых-кочевниковедов, которые понимали надуманность концепции «кочевого феодализма». Наиболее ярко, на наш взгляд, это проявилось в том, что рядом ученых упорно отстаивалась доминанта отношений собственности на скот, несмотря на жесткую и порой злую критику.

Результатом этого стало, на наш взгляд, появление особой концепции раннеклассовых отношений, явившейся своего рода компромиссом между реально имеющимися место среди кочевников процессами социально-экономической дифференциации и патерналистско-реципрокационными тенденциями в развитии кочевого общества в сочетании с отсутствием государственности и классовой борьбы. Одними из первых данную точку зрения высказали Л. А. Седов (Седов, 1966), Г. Е. Марков (Марков, 1967) и позднее, наиболее последовательно и «концептуально», А. М. Хазанов (Хазанов, 1973; он же, 1975а и др.). Сторонники этой концепции полагают, что самостоятельно кочевники достигают только раннеклассовой стадии общественного развития (Хазанов, 1975а. С. 35, 254, 267 и др.), которая характеризуется отсутствием отношений собственности на землю, монопольной собственностью на скот, государственности, завершенности процессов классового образования, классовой борьбы (Марков, 1976. С. 289, 293, 297–301, 304–305, 308), наличием общины, родоплеменной аристократии (Хазанов, 1975а. С. 130, 162, 172, 237, 254 и др.). Дальнейшее развитие кочевников определяется их взаимоотношениями с оседло-земледельческими обществами (Хазанов, 1973; он же, 1975а. С. 35 и др.), в частности возникновение госу-

дарственности связывается с внешнеполитической экспансией, системой эксплуатации земледельческого населения и установлением даннических отношений (Першиц, 1973; он же, 1976; Хазанов, 1973; он же, 1975а; Марков, 1976; он же, 1979; Павленко, 1989 и др.).

Точка зрения о том, что раннеклассовая ступень развития является пределом в эволюционном движении кочевого общества становится в современной историографии доминирующей и получает все более широкое распространение. С этой концепцией советских ученых очень тесно смыкаются взгляды значительной части зарубежных авторов, приверженных диффузионистскому подходу к объяснению природы общественных явлений (Bourgeot, 1978. P. 16), которые полагают, что кочевники либо заимствовали политические и социальные институты у своих соседей, либо развивали их лишь при взаимодействии с земледельческими цивилизациями.

Однако, как заметил У. Айронс, механизм такого рода заимствований остается все еще неясным (Production Pastorale et Société, 1978. P. 24). В рамках раннеклассовой концепции общественного развития номадов Г. Е. Марковым был высказан ряд интересных мыслей о специфике социально-экономической эволюции кочевничества, в которых фактически содержится попытка вычлнить новый способ производства (Марков, 1967 и др.). «Как только, — пишет он, — в обществе кочевников начиналось интенсивное классовообразование, выражавшееся в лишении непосредственных производителей средств производства, — кочевничество как самостоятельный вид хозяйства начинало разлагаться» (Марков, 1976. С. 305), а скотоводы превращались в оседлое население (там же. С. 309).

* * *

Таким образом, мы вправе зафиксировать в современной историографии номадизма наличие по меньшей мере трех основных концепций общественного развития номадов: доклассовой, раннеклассовой и классовой (по преиму-

шеству феодальной) в самых различных вариантах. При этом фактически гипотезы «доклассового» и «раннеклассового» уровня развития тесно смыкаются и представляют собой различные модификации одного и того же подхода.

Как видно из приведенного краткого историографического анализа, водораздел проходит по линии классовой дифференциации общества и государственности при выделении и характеристике различных уровней общественного развития кочевников. При этом интересно то, что зарубежные исследователи, зачастую совершенно справедливо критикуя марксистский подход к изучению истории кочевых народов, сами широко пользуются методами и критериями формационного анализа, принятыми в советской историографии (Bourgeot, 1978. P. 17–22, etc).

Важно отметить, что большинство исследователей, владеющих одинаковыми сведениями, делают совершенно противоположные выводы. Это обусловлено догматическим пониманием таких фундаментальных научно-познавательных категорий, как «общественно-экономическая формация», воспринимаемой большинством ученых как система общественных и прежде всего классовых отношений, а не как единство производительных сил и производственных отношений (Теория общественно-экономической формации, 1982 и др.); «собственность», интерпретация которой носит чисто юридический, вещный характер и сводится к категориям «владения», «пользования» и «распоряжения» вещами, землей и т. п.; «государство», сущность которого определяется способностью организации классового угнетения одних социальных групп другими; «община», которая будто бы имела место лишь в первобытном обществе; «классы», которые должны были быть юридически оформлены и сословно детерминированы; «феодализм», смысл которого сводился к наличию юридической формы земельной собственности и государственно-иерархической системы эксплуатации; «род» и генеалогическая структура общества, выступающие якобы наиболее ярко выраженными индикаторами неразвитости общественных отношений в кочевой

среде и т. д. Таких весьма ограниченных по существу положений, совершенно не отражающих реальность исторического процесса, можно привести огромное множество.

Главным образом такая узость и поверхностность мышления определяются декретированным характером практически всех научных дефиниций в условиях тоталитарной модели управления, господства и засилья командно-административной системы, когда любое научное понятие должно было быть конституировано на вершине иерархического строения науки, облуживавшей пирамиду «Великого Государства». Отсюда и гипертрофированное восприятие самого государства; в условиях «нарастания классово-борьбы» – классового фактора в истории общества; при наличии статусной системы распределения, привилегий и льгот – сословного аспекта социальной стратификации общества; в условиях колхозно-совхозной и государственно-бюрократической собственности на землю – поземельного фактора и т. д.

Иначе говоря, большинство заблуждений порождено прежде всего «кривым зеркалом» нашего социального опыта на протяжении последних 70 лет. Следствием этого является искаженное и неадекватное реальной действительности понимание едва ли не всех социальных институтов и законов общественного развития. Нам трудно и по сей день представить, что государство может, как это давно имеет место во всех развитых странах мира, в частности, в США, Англии, Канаде, Швеции, Голландии, Финляндии и др., защищать главным образом интересы мелких производителей, ориентировать общественное производство на функционирование мелкого и среднего предпринимательства, прерывать процессы накопления и концентрации средств производства посредством системы прогрессивного налогообложения, способствовать демонополизации системы материального производства и принимать антитрестовские законодательства и т. д. При этом, проводя политику «свободного рынка» и «свободного предпринимательства», государство стремится совершенно не вмешиваться в систему общественного производства и в целях обеспечения

сбалансированного сосуществования всех групп общества проводит политику преимущественного учета экономических интересов малоимущих и неимущих слоев общества, национальных и расовых меньшинств.

Вполне естественно, что в этом случае, и во всех других, государство отнюдь не является и, возможно, никогда и не было, в первую очередь орудием классового угнетения, как это безосновательно пыталась доказать «советская» официальная общественная наука, а является и всегда являлось, главным образом, средством координации системы общественного разделения труда, координации и согласования деятельности и политики отдельных групп, слоев и корпораций, регламентации общественного порядка и безопасности в интересах всего общества, снятия социальной напряженности и достижения консенсуса, регулирования всего спектра социальных и в том числе классовых отношений, гарантом общественной справедливости, исполнения внутри- и внешнеполитических функций и т. п.

Особенно поразительным примером заблуждений является, на наш взгляд, отношение к общине, которую все время пытались выдавать за атрибут первобытного бесклассового общества, несмотря на ее широкое распространение и бытование во многих европейских и афро-азиатских обществах вплоть до наших дней. Так, например, в России община была подорвана внедрением машинной техники в конце XIX в., Столыпинскими аграрными реформами 1906–1910 гг. и далеко не полностью уничтожена лишь насильственной коллективизацией крестьянства. И если следовать в этой связи за ходом рассуждений представителей официальной науки, то в России эта важная компонента первобытного общества окончательно перестала существовать лишь в XX в. Примеров такого рода несоответствий элементарной логике всемирно-исторического процесса можно привести немало.

В действительности же речь должна вестись о том, что с момента полной победы производящего хозяйства и вплоть до появления промышленного производства имеет

место аграрный этап в развитии системы общественного разделения труда, который может быть обозначен в качестве универсальной аграрной цивилизации.

Всеобщность аграрных форм общественного производства определяла сращенность непосредственного производителя со средствами производства, общинную организацию системы материального производства, низкую плотность населения, неразвитость государственно-правовых норм регламентации общественной жизни, преобладание преимущественно экономических форм зависимости и эксплуатации, натурально-потребительскую направленность производственного процесса, максимальную приспособленность техники, технологии и трудовых приемов к утилизации природных ресурсов данной экологической ниши, отсутствие развитой инфраструктуры органов власти и внеэкономического господства и т. д.

Идея единой «аграрной стадии» развития либо «феодальной формации» не нова (Седов, 1966. С. 48–50; Кобищанов, 1966; Кууси, 1988 и др.), но именно она в наибольшей степени учитывает целостность и единство социально-экономических и технико-технологических процессов в эволюционном движении общества. Научный поиск в данном направлении является наиболее перспективным и плодотворным в познании законов развития общества.

Внутри предлагаемой таким образом аграрной цивилизации могут быть выделены десятки различных способов производства, порожденных особенностями социокультурной адаптации в различных экологических нишах, спецификой пространственной организации трудового процесса и системы общественного разделения труда (Эванс-Причард, 1985. С. 52–124 и др.), несинхронным уровнем развития материальной культуры, техники и технологии, а следовательно, производственных отношений, различиями в способах утилизации наличных ресурсов среды обитания, неадекватной способностью к восприимчивости и усвоению инноваций (о явлении «осмоса» см. Арутюнов, 1982 и др.) и т. д. Поиск в этом направлении, на наш взгляд, позволит значительно углубить понятия ХКТ и антропогеоценоза, наполнить их новым содержанием и увязать с теорией цивилизационного развития.

Логически обоснованным представляется нам выделение внутри аграрной цивилизации *номадного способа производства*, «общинно-иерархического способа производства» при господстве ХКТ поливного земледелия с помощью ирригационных сооружений и т. д. Характерными чертами «номадного способа производства», выделение которого в особую научную категорию хотя и с иным содержанием было впервые предложено Г. Е. Марковым (Марков, 1967), представляются: натурально-автаркический характер общественного производства, невыделенность ремесла и торговли, которые служат лишь интересам сферы потребления; система общественного разделения труда функционирует, главным образом, на уровне кооперации, взаимопомощи и совместного труда.

Вследствие этого имеет место полное господство общинной формы социальной организации. При этом производственный цикл на базе принципа дополнительности полностью обеспечивается в небольших по числу скота хозяйственных организмах. Существует неразрывное единство и целостность всех элементов системы материального производства как на уровне средств производства (скот, земля, вода, орудия труда и т. д.), так и на уровне непосредственных производителей (сращенность и неотчуждаемость индивида с общиной, средой обитания, образом жизни, трудовым циклом, средствами производства, материальной и духовной культурой).

Утилизация природных ресурсов осуществлялась биологическими, т. е. скотом, средствами производства, что обуславливало постоянную величину трудовых затрат и ее соответствие экологическому потенциалу среды обитания. В результате этого спонтанность и всеобщность процессов социально-классовой дифференциации общества приводили к отторжению обнищавшей и пауперизированной прослойки за пределы кочевого мира, господствующей роли экономических форм собственности, зависимости и эксплуатации при минимальном значении внеэкономических форм отчуждения и т. д.

Преобладание центробежных тенденций в развитии общества определяло слабость и неразвитость социально-правовых институтов и государственно-властной инфраструктуры. Основное противоречие кочевничества заключалось в противоречии между коллективной организацией общественного производства и совместным трудом в общине, с одной стороны, и частным присвоением продуктов этого труда, с другой. Результатом этого являлись монополизация процесса производства классом богатых скотовладельцев, неспособность малоимущих индивидов организовать рентабельное производство, обязательность их хозяйственной интеграции с богатыми субъектами собственности, составлявшими абсолютное меньшинство кочевого населения, но без которого функционирование «номадного» способа производства было совершенно невыполнимым.

В наиболее обобщенной форме *номадизм* – это специфический способ производства в рамках аграрной цивилизации, порожденный особенностями утилизации природных ресурсов среды обитания биологическими по своей сущности средствами производства, т. е. скотом, и характеризующийся целостностью и взаимообусловленностью всего спектра общественных отношений прежде всего по поводу главного средства производства – скота.

При таком понимании уровня стадийного развития кочевничества, как нам представляется, совершенно отпадает необходимость в подгонке реалий кочевничества к идеальной модели «феодализма» либо иного «классического» способа производства, что неоднократно и справедливо критиковалось в советской и зарубежной историографии (Седов, 1966. С. 49; Марков, 1976. С. 288 и др.). В этом случае появляется возможность творческого и объективного исследования всей целостности социальных явлений и институтов, имманентно присущих кочевничеству. Только так можно избежать схематического противопоставления различных обществ с разным уровнем жизни и способом производства.

9.2. КОЧЕВОЕ ОБЩЕСТВО КАЗАХОВ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

В XVIII–XIX вв. большая часть кочевых народов вошла в состав крупных централизованных государств, в частности, казахи, киргизы, туркмены – в состав Российского государства, монголы, ойраты – Китая и т. д. В результате этого кочевники-скотоводы оказались включенными в орбиту политического и экономического влияния оседло-земледельческих государств и попали в колониальную зависимость. Вследствие этого вполне закономерно возникает вопрос – насколько глубоким было «облучение» кочевого мира иными социокультурными ценностями и в какой степени оно способствовало трансформации системы материального производства, стратегии природопользования и социально-экономических отношений традиционного кочевого социума?

В историографии по данному вопросу (см. подробнее: Галузо, 1971; Ерофеева, 1979 и др.) существуют далеко не адекватные представления о степени изменения социальной природы кочевых обществ в составе централизованных государств, которые в сущности могут быть объединены общностью «миссионерского» мышления о добре и благе, прогрессе и цивилизации, в основном, связанных с идеей седентаризации кочевников. Ж.-П. Гарруа заметил в этой связи, что «какой бы ни была его концепция прав опекающей нации на земли колоний, европеец всегда стремился закрепить это мигрирующее население...», сократить кочевое скотоводство и содействовать значительному оседанию кочевников (Гарруа, 1954. С. 277–278).

В этой связи вполне закономерно, что именно с оседлостью большинство исследователей связывает прогресс в социально-экономическом развитии кочевников в составе централизованных государств. Так, например, С. Е. Толыбеков полагает, что уже с конца XVIII в. в связи с присоединением Казахстана к России началось оседание кочевников, которое к началу XX в. захватило едва ли не все казахское

население (Толыбеков, 1971. С. 375–494). Правда, остается совершенно непонятным, на чем и на каких фактах основывается этот вывод.

В свою очередь, Г. Е. Марков считает, что социально-экономическое развитие Казахстана в составе России вело к разложению кочевого скотоводческого хозяйства, переходу к занятию земледелием, оседанию номадов и развитию капиталистических отношений (Марков, 1976. С. 156–205). В той или иной мере многие исследователи провозглашают прогрессивность оседания кочевников, что создавало, по их мнению, благоприятные возможности для развития капиталистических или социалистических отношений в зависимости от научных интересов того или иного автора (Сулейменов, 1963; Дахшлейгер, 1966; Турсунбаев, 1967; он же, 1973; Абрамзон, 1971; он же, 1973; Грайворонский, 1979 и др.).

Не все исследователи приняли такой подход к истории номадов в составе централизованных государств, понимая, что невозможно говорить всерьез о массовом оседании кочевников в условиях почти безводной пустыни (Пуляркин, 1976. С. 62 и др.). «Подобное отношение, – справедливо отмечает Г. Ф. Радченко, – приводило к тому, что игнорировались интересы кочевников, делались попытки обосновать необходимость перевода их на оседлость и осуществить седентаризацию» (Радченко, 1982. С. 87).

Теперь мы знаем, чем обернулось насильственное оседание в Казахстане в 1931–1932 гг. – 50% погибших от голода и 15% безвозвратно откочевавших (Абылхожин, Козыбаев, Татимов, 1989 и др.). Кстати сказать, сама кампания по «добровольному оседанию» напроць опровергает вышеприведенный постулат о якобы еще дореволюционном массовом оседании кочевников-казахов. В этой связи следует заметить, что ни о каком спонтанном оседании номадов в Казахстане не приходится всерьез говорить вплоть до 30-х гг. нашего столетия. Если оно и имело место, то только на периферии кочевого мира в маргинальных зонах.

Наряду с этим некоторые авторы пытаются постулировать тезис о том, что в условиях колониальной политики в составе централизованных государств осуществлялся пе-

реход кочевников от первобытных доклассовых к патриархально-феодальным отношениям (Зарипов, 1989. С. 118 и др.), либо от патриархально-феодальных к капиталистическим (Галузо, 1965; Сундетов, 1970 и др.). Однако механизм и процесс трансформации системы социально-экономических отношений в кочевой среде в составе централизованных государств не были раскрыты и проанализированы в научно-аргументированной форме. Рассмотрим в этой связи объективный ход социально-экономических процессов на примере кочевого общества казахов в составе Российского государства в XIX – начале XX в.

В процессе присоединения Казахстана к России наряду с патронимической, территориально-общинной и социально-потестарной структурами важное и самостоятельное значение в социальной организации приобрела государственно-административная система управления краем. В начале XIX в. на территории Казахстана сформировались три различные системы управления: в восточной половине – так называемое Сибирское ведомство, в западной – Оренбургское ведомство. В дополнение к этому в 1801 г. в результате перехода за Урал пяти тысяч кибиток в междуречье Волги и Урала возникла Букеевская орда (с 1812 г. – Букеевское ханство).

С целью установления государственной и политической системы господства российского самодержавия в Казахстане в 1822 г. была отменена ханская власть в Среднем жузе, в 1824 г. – в Младшем жузе, в 1845 г. – в Букеевской, или – с этого времени – Внутренней, орде и принят ряд законодательных актов. В частности, для управления казахским населением сибирского ведомства были приняты «Устав о сибирских киргизах» (1822 г.), «Положение об отдельном управлении сибирскими киргизами» (1838 г.), «Положение об управлении Семипалатинской областью» (1854 г.) и др.; Оренбургского ведомства – «Положение об управлении оренбургскими киргизами» (1844 г.) и др.; Присырдарьинского региона, после его захвата в середине XIX в., – «Инструкция об управлении присырдарьинскими киргизами»

(1855–1856 гг.); Старшего жуза, после его захвата в тот же период, – «Положение об управлении Алатавским округом» (1862 г.) и т. д.

В Оренбургском ведомстве, в состав которого вошли казахи Младшего и отчасти Среднего жузов, в 1824 г. были созданы три внешних зауральских округа, переименованных в 1828 г. в Восточную, Среднюю и Западную части. В своем внутреннем устройстве эти «части» были подразделены на «дистанции», а те, в свою очередь, на «административные аулы». Во главе частей стояли «султаны-правители» со штатом сотрудников, дистанций – дистанционные начальники, административных аулов – аульные начальники, назначавшиеся царской администрацией в крае. На содержание этого огромного по тем временам аппарата расходовалось ежегодно более 64 тыс. рублей, (см.: ПСЗ. Собрание второе. Т. XIX. Отд. I. № 17998; ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 373. Л. 63–64; *Добросмыслов*, 1902 и др.).

В Сибирском ведомстве, в состав которого вошли казахи Среднего жуза, были образованы: в 1822 г. – Омская область с Омским, Петропавловским, Семипалатинским и Усть-Каменогорским внутренними округами, 1824 г. – Каркаралинский и Кокчетавский, 1831 г. – Аягузский, 1832 г. – Акмолинский, 1833 г. – Баян-Аульский и Уч-Булакский, 1834 г. – Аман-Карагайский, позднее переименованный в Кушмурунский, 1844 г. – Кокбектинский внешние округа (*Крафт*, 1898. Отд. II. С. 15; Приложение. С. 153, 161, 163–164, 187–188 и др.).

В 1854 г. вся территория Сибирского ведомства была поделена на «Область сибирских киргизов» с Каркаралинским, Кокчетавским, Акмолинским, Баян-Аульским и Кушмурунским округами и Семипалатинскую область с Кокбектинским, Аягузским (с 1860 г. – Сергиопольским) и Семипалатинским округами (ПСЗ. Собрание второе. Т. XXIX. № 28255). В каждый округ входило в среднем 15–20 волостей, каждая из которых состояла из 10–12 административных аулов, в каждом из которых насчитывалось 50–70 кибиток (МИПС. С. 93. § 5, 7). Во главе округов находились окружные приказы под руководством «старших султанов», волостей – волостные сул-

таны, административных аулов – аульные старшины (*там же*. С. 94, 98, 99). На содержание этого мощного административного аппарата и казачьих отрядов (до 200–400 сабель в каждом округе) ежегодно расходовалось более 92 тыс. рублей серебром (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 373. Л. 70 об.).

В 1847 г. была создана особая система управления казахами Старшего жуза (с 1856 г. – Алатавского округа), в 1855–1856 гг. – Присырдарьинского региона, объединявшего отчасти казахов всех трех жузов. Букеевское ханство в 1845 г. было переименовано во Внутреннюю орду, в которой реформами 1854–1860 гг. взамен 16 «административных родов» были созданы Первый и Второй Прикаспийские округа, Камыш-Самарская, Нарынская, Калмыцкая, Таловская и Торгунская верхние части (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3689. Л. 11 и об.; Ф. И-78. Оп. 2. Д. 72. Л. 4; Ф. И-78. Оп. 2. Д. 79. Л. 20 об. и др.).

Реформами 1867–1868, 1886 и 1891 гг. вся эта громоздкая система административного управления была унифицирована и приведена к единому знаменателю. Было образовано шесть областей; Семипалатинская – с Семипалатинским, Усть-Каменогорским, Зайсанским, Каркаралинским и Павлодарским уездами; Акмолинская – с Акмолинским, Петропавловским, Атбасарским, Кокчетавским и Омским уездами; Тургайская – с Кустанайским, Актюбинским, Иргизским и Тургайским уездами; Уральская – с Уральским, Гурьевским, Лбищенским, Темирским уездами; Семиреченская – с Лепсинским, Копальским, Джаркентским и Верненским уездами; Сыр-Дарьинская – с Аулиеатинским, Чимкентским, Казалинским, и Перовским уездами. Мангышлакский уезд вошел в состав Закаспийской области, а Внутренняя орда – Астраханской губернии. Расселение и численность казахов на территории Казахстана, согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., приведена в табл. 15.

Система государственно-административного управления сыграла чрезвычайно важную роль в социальной организации кочевников, поскольку каждый аул, община, ассоциативная группа, патронимия были приписаны к определенному

звону системы политического управления краем. В целом, можно констатировать, что низшее звено государственно-административной системы – «административный аул» – базировался на ассоциативных группах, следующее звено – волости – на потестарно-племенной организации и т. д. Иначе говоря, посредством российского самодержавия были преодолены центробежные тенденции и обеспечена государственная централизация казахского номадного социума.

В результате создания государственно-административной системы управления стало возможным налогообложение кочевого населения Казахстана. Первоначально в соответствии с трехчленной системой «ведомственного» управления сложилось три различные формы налогообложения казахского населения. Так, в течение 30-х гг. XIX в. произошло налогообложение казахов Сибирского ведомства так называемой «ясачной податью» – натуральным прогрессивным государственным налогом, когда со ста голов скота взималась в казну одна голова (ПСЗ. Т. XXXVIII. № 29127. § 134. С. 424), а кочевого населения Оренбургского ведомства – так называемой «кибиточной податью» – денежным фиксированным государственным налогом, когда с каждой кибитки, под которой понималось любое жилище, хозяйственная постройка, взималось 1,5 рубля серебром (ПСЗ. Собрание второе. Т. XIX. № 17998. § 79. С. 400).

В 1854 г. налоговые квоты в Семипалатинской области были повышены и составили теперь одну голову скота с шестидесяти голов (ПСЗ. Собрание второе. Т. XXIX. Отд. 1. № 28225. § 106. С. 503). Всего в ясак к середине 60-х гг. было собрано более трех миллионов рублей серебром, а в счет кибиточной подати – более четырех миллионов рублей. Во Внутренней орде первоначально кочевники-казахи были обложены налогами «зьякетом» и «согумом» в пользу казны (ЦГА РК. Ф. И-78. Оп. 2. Д. 4. Л. 72), а с 1860 г. – «окладной податью» (там же. Д. 4826. Л. 6 и об.).

В 1867–1868 гг. все казахское население было обложено единой и унифицированной системой налогов – «кибиточной податью», размер которой возрос до 3 рублей, а по

реформам 1886 и 1891 гг. – до 4,5 рублей с любого вида казахского жилища. Одновременно казахское население платило «билетный сбор», «акциз за перепуск скота за линию», «ремонтную пошлину», а также исполняло почтовую и подводную повинности и массу других платежей, податей и повинностей, часть из которых во второй половине XIX в. была преобразована в «земский сбор» и т. д.

Таким образом, можно заключить, что если прежде разного рода сборы и подати в условиях традиционного кочевого общества (зьякет, согум, шибига и др.) в пользу казахских ханов и властителей были незначительны, нерегулярны и носили скорее добровольный характер, то отныне была установлена жесткая фискальная система, с помощью которой российское самодержавие ежегодно выкачивало из степи несколько сотен тысяч, а затем миллионов рублей серебром на содержание, нужды и потребности колониального аппарата в крае, воинских соединений, администрации и т. п.

Отсутствовавшее в кочевой среде изъятие прибавочного продукта внеэкономическими методами стало всеобщим в составе Российского государства. В дополнение к этому система налогообложения породила так называемую «частноправовую» нефиксированную ренту, взимавшуюся должностными лицами сверх налоговой квоты во время сбора налоговых платежей и податей (подробнее см.: Масанов, 1980 и др.). Иначе говоря, в составе Российского государства произошло значительное возрастание внеэкономических форм эксплуатации казахского кочевого населения как посредством налоговой системы, так и посредством многочисленных злоупотреблений со стороны должностных лиц и государственных чиновников.

В поземельном отношении политика Российского государства первоначально заключалась в так называемой «военно-казахьей» колонизации края, когда создавались «пограничные» линии, все больше и больше продвигавшиеся в глубь степи, военные крепости, редуты, пикеты, посты, которые заселялись казачьим и частично военным населением, а иногда и ссыльными поселенцами. Эта политика

«медленного» вторжения в степь преобладала во взаимоотношениях России и Казахстана в течение XVIII и первой половины XIX в. и только лишь в середине XIX в. в связи с успешной экспансией в Средней Азии она была полностью пересмотрена.

Реформа 1868 г. объявила территорию Казахстана государственной собственностью. Правда, Букеевская орда с момента своего возникновения находилась в государственной собственности (ПСЗ. Т. XXVI. № 19773; ПСЗ. Собрание второе. Т. VIII. № 5999. С. 112 и др.). Сам факт налогообложения казахского населения трактовался колониальной администрацией как свидетельство государственной собственности на территорию Казахстана (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 2156. Л. 71 об., 93; МИПС. С. 240; *Веселовский*, 1887. С. 22 и др.).

В этой связи находится и так называемый «хозяйственный» аспект земельной и экономической политики Российского государства в Казахстане. Широко известно, что под влиянием оренбургских военных губернаторов П. Сухтелена и В. А. Перовского, считавших, что казахи выгодны России только в качестве кочевников-скотоводов, в Оренбургском ведомстве вплоть до середины XIX в. проводилась запретительная политика на развитие земледелия среди казахского населения (*Добросмыслов*, 1902 и др.), тогда как в Сибирском ведомстве, наоборот, проводилась политика поощрения занятия земледелием. Так, каждому желающему заниматься земледелием «Устав о сибирских киргизах» отводил по 15 десятин земли (ПСЗ. Т. XXXVIII. № 29127. § 172).

Одновременно проводилась политика, направленная на поддержание привилегированного положения должностных лиц, освобождения их от налогообложения, премирования и наделения за хорошую службу разного рода льготами, в том числе «земельными» владениями. Так, высшее звено казахской государственно-административной иерархии в Сибирском ведомстве «старшие султаны» наделялись 5–7 кв. верстами «удобных для земледелия, скотоводства и других заведений земель», «которыми он может пользо-

ваться, пока пребывает в должности, не лишаясь права на участие в общих пастбищах» (ПСЗ. Т. XXXVIII. № 29127. § 167). «Устав о сибирских киргизах» также гласил: «Отвести на том же основании по две квадратных версты для каждого киргизского заседателя» (*там же*. § 169). Иначе говоря, если прежде кочевое общество казахов не знало юридической формы частной собственности на землю, то теперь Российское государство санкционировало ее. Но поскольку система поземельных отношений среди номадов определялась отношениями частной собственности на скот (см. 7.2), то система юридической регламентации поземельных отношений не получила сколько-нибудь значительного распространения в среде кочевников-казахов.

В течение второй половины XIX и начала XX в. поземельная политика царизма в Казахстане, основываясь на праве государственной собственности на территорию края, постепенно трансформируется в сторону изъятия наиболее плодородных угодий у номадов и в связи с проведением столыпинских аграрных реформ приобретает характер широко-масштабной экспроприации земли для размещения русского переселенческого крестьянства, казачества и других инонациональных мигрантов (уйгуров, дунган и др.). Процесс изъятия земельных угодий у казахского населения в основном коснулся наиболее плодородных участков в Северном, Восточном и Юго-Восточном Казахстане, в наибольшей степени пригодных для развития земледельческого хозяйства.

В экологическом отношении этот процесс коснулся прежде всего лесостепной ландшафтной зоны в регионе Западно-Сибирской низменности, богатой озерами, речной сетью, лесами, хорошими почвами, и предгорной полосы Алтая, Тарбагатая, Джунгарского, Заилийского и Киргизского Алатау с количеством атмосферных осадков более 400 мм, развитой системой горных рек и богатой лесами, горными лугами и т. п. Данный комплекс природно-климатических условий позволял культивировать здесь неполивное земледельческое хозяйство – именно тот тип хозяйства, который был привнесен русско-украинскими мигрантами в Казахстан – в сочета-

нии с сенокосением и стойловым содержанием животных. Только лишь к концу XIX в. в пользу казачества и русского переселенческого крестьянства было изъято в Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской и Уральской областях около 14 млн десятин наиболее плодородной земли, что составило 8,2% всей земельной площади «степных областей» (Белонозов, Седельников, Бородин, 1903. С. 224. Подсчет мой. – Н. М.). После переселения уйгурских и дунганских мигрантов из Кульджинского края в 1881–1884 гг. в Семиреченскую область в их пользу было изъято более 100 тыс. десятин плодородной земли (Баратова, 1989. С. 16 и др.).

В результате столыпинских аграрных реформ этот процесс резко интенсифицировался и изъятие земли у казахского кочевого населения приобрело массовый характер (Турсунбаев, 1950; Сулейменов, 1963; Галузо, 1965 и др.). Всего было изъято более 40 млн десятин земли (Турсунбаев, 1973. С. 224), что составляло пятую часть всех сельскохозяйственных угодий в Казахстане.

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что отчуждались не просто наиболее плодородные земли, а именно те земли, на которых прежде практиковалось во вспомогательной форме земледельческое хозяйство кочевников-казахов (Хозяйство казахов..., 1980. С. 137–166 и др.). С одной стороны, из-за этого заметно сужалась земельная площадь кочевого скотоводческого хозяйства, которое лишалось лучших зимовок и летних пастбищ, а с другой, фактически ликвидировались необходимые предпосылки для развития земледельческого хозяйства собственно казахского населения. Тем более, что происходило вытеснение казахского земледелия не только посредством изъятия земли, но и аренды, и, самое главное, экономически более рационально организованным и эффективным земледелием русского крестьянства, сартского, уйгурского и дунганского населения.

Вследствие этого в условиях резко континентального климата, ранних заморозков и поздних снегопадов, аридности и атмосферных засух, при изъятии наиболее плодородных земель, стало проблематично говорить о сколько-

нибудь значительном обращении казахского населения к земледельческому хозяйству и тем более тотальном оседании кочевников-скотоводов, поскольку для этого отсутствовали как материальные (земля, почва, вода и т. п.) и социально-экономические стимулы, так и соответствующие природно-климатические условия.

Следует также иметь в виду и традиционные стереотипы номада, с пренебрежением относившегося к земледельческому хозяйству и оседлому образу жизни. Р. Капо-Рей заметил в этой связи, что «в области морали соперничество, проявляющееся у европейских народов, кажется безобидным по сравнению с теми чувствами, которые питают друг к другу кочевники и оседлое население. Кочевники выражают одинаково гордое презрение ко всем, кто не живет под шатрами: ремесленникам, торговцам, земледельцам... Как древние евреи и буры, они считают себя господами, народом, избранным Богом» (Капо-Рей, 1958. С. 191–192).

«Быт кочевника, – отмечает А. А. Словохотов, – в своем крайнем развитии представляет такую своеобразную и отлитую в определенную форму культуру, так кристаллизируется, что кочевник не может понять другой образ жизни... чем тот, с которым он свыкся веками... Он сопротивляется всякому стремлению изменить образ его жизни точно так же, как пионер оседлости... не понимает жизни кочевника...» (Словохотов, 1905. С. 64).

В вопросах внутреннего землепользования, касающихся непосредственно системы поземельных отношений в кочевой среде, российское самодержавие довольно стабильно придерживалось политики невмешательства и сохранения «статус-кво», которое понималось как признание общинно-родового землевладения и норм обычного права при регулировании и регламентации межличностных отношений. «Устав о сибирских инородцах», например, провозглашал, что «кочующие инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли» (ПСЗ. Т. XXXVIII. № 29126. §26). «Инородцы имеют полную свободу заниматься земледелием, скотоводством и местными промыслами на водах и

землях, каждому роду назначенных» (там же. § 29). При этом «утверждаются во владении кочующих земли, ныне ими обитаемые...» (там же. § 25), а «подробное разделение участков сих земель зависит от самих кочующих по жеребью или другим их обыкновениям» (там же. § 27).

Следует также отметить, что наряду с невмешательством в систему традиционного землепользования проводился курс на прикрепление кочевых общин и «родов» к своим территориально-административным звеньям. Так, в законодательных актах постоянно подчеркивалось, что «каждый округ имеет определенные надлежащим разграничением земли, и жители другого округа не переходят на оные без точного позволения местного начальства» (ПСЗ. Т. XXXVIII. № 29127. § 9). «Далее сих пределов запрещается киргизам откочевывать» (там же. § 78). Однако, как свидетельствуют многочисленные источники, это положение не всегда могло быть реально осуществлено, поскольку процесс кочевания и выпас скота определялись главным образом экологическими факторами (см. 4.1, 4.2), а не территориально-административными границами.

Интересно отметить, что «Материалами по киргизскому землепользованию» было выявлено в Каркаралинском уезде 556 посторонних хозяйств и 1480 отсутствующих, Усть-Каменогорском – соответственно 265 и 1288 хозяйств, Петропавловском – 256 и 1071 хозяйство и т. д. Число отсутствовавших хозяйств составляло в Зайсанском уезде – 4200, Джаркентском – 2631, Верненском – 3050, Семипалатинском – 1817, Лбищенском – 6097 и т. д. (табл. 14). Иначе говоря, довольно значительная часть кочевого населения не вписывалась в государственную систему административного устройства и была вынуждена кочевать за пределами своих территориальных единиц.

Наряду с этим проводилась политика предпочтительного наделения землей мигрантов по сравнению с местным аборигенным населением. Так, в частности, казахи-кочевники, желающие заниматься земледелием, должны были заручиться поддержкой своей общины и изыскать

соответствующие земельные резервы внутри своей ассоциативной группы, тогда как крестьяне-переселенцы сразу же получали первоначально по 30 десятин земли на каждого члена семьи, с 1882 г. – по 15 десятин, а позднее – по 10 десятин земли (Белоногов, Седельников, Бородин, 1903. С. 236; Седельников, Букейханов, Чадов, 1903. С. 156–157 и др.), русское казачество – первоначально по 25 десятин земли на душу населения, а позднее – по 20 десятин (Седельников, 1903. С. 177; Белоногов, Седельников, Бородин, 1903. С. 237 и др.), а офицерство – по 200 десятин на душу населения. Уйгурским мигрантам выделялось по 10 десятин земли на семью в целом (Баратова, 1988).

***

Таким образом, поземельная политика царизма в Казахстане была направлена, во-первых, на поощрение и увеличение численности оседло-земледельческого населения посредством предоставления льгот и привилегий в наделении земельными участками, в основном, русскому казачеству и переселенческому крестьянству; во-вторых, на отчуждение и массовое изъятие наиболее плодородных земельных площадей у кочевников-скотоводов в пользу тех, кто занимался земледельческим хозяйством; в-третьих, на сохранение статус-кво в структуре поземельных отношений кочевников, в частности общинного и «родового» землевладения и землепользования; в-четвертых, на поддержание привилегированного положения должностных лиц.

В целом, во всей политической линии Российского самодержавия красной нитью проходила «идея» массового оседания кочевников, в результате которого облегчалось бы управление краем, его колонизация и освоение как государственно-административными способами, так и социально-экономическими средствами. И поскольку курс на «седентаризацию» номадов, которого придерживалась за редкими исключениями колониальная администрация в течение XVIII–XIX вв., не дал сколько-нибудь позитивных результатов, то с конца XIX и особенно в начале XX в. он был полно-

стью пересмотрен и взят новый курс на изъятие земельных угодий у кочевников-казахов и широкомасштабное переселение крестьянского элемента из европейских губерний России.

Вследствие этого сложилась чрезвычайно интересная ситуация в пространственной локализации различных хозяйственно-культурных типов. Так, в предгорных и низкогорных районах, лесостепной зоне, где количество атмосферных осадков превышало 400 мм, культивировалось преимущественно земледельческое хозяйство казахского и русско-украинского крестьянского населения, носившее неполивной характер. В Юго-Восточном Казахстане в предгорной полосе Джунгарского и Заилийского Алатау в речных долинах локализуется ирригационное земледельческое хозяйство уйгурского населения, а в низовьях полноводных рек – рисовое хозяйство дунган; в Присырдарьинском регионе – оазисное поливное земледелие сартов и лишь в засушливых районах степи, полупустыни и пустыни с минимальным поверхностным стоком – казахское земледельческое хозяйство, которое в силу бедности почвенных ресурсов, скудости водных запасов и аридности климата функционировало только в качестве вспомогательной и второстепенной отрасли кочевого хозяйства.

Отсюда и различный уровень и характер развития земледельческого хозяйства у разных этнокультурных общностей, его как бы «этническая» специализация: у казахов – натурально-потребительская с уклоном на просо, у дунган – рисовая с балансом рыночных и автаркичных ориентаций, у уйгуров – комплексная зерновая, кормовая, овощная и фруктовая с натурально-потребительской направленностью, у русско-украинских переселенцев – преимущественно зерновой уклон с рыночной ориентацией и т. д. Вследствие этого взаимодействие различных этнокультурных общностей в сфере производства и хозяйственной деятельности носило весьма поверхностный характер и не приводило к социально-экономической интеграции и формированию общности интересов. Такой характер дифференциации различных хозяйственно-культурных типов по разным эколо-

гическим нишам с тенденцией формирования специфического комплекса социокультурных признаков в полной мере сохранился и поныне, за исключением лишь целинных совхозов (Востров, Кауанова, 1972; Калышев, 1989 и др.).

В этой связи не приходится говорить о значительном развитии земледельческого хозяйства у кочевников-казахов. Процесс распространения земледельческой культуры в среде номадов в Казахстане носил сложный и далеко неоднозначный характер. С одной стороны, практически все источники свидетельствуют о высоком удельном весе казахских хозяйств, занимавшихся земледельческим трудом (табл. 10). Так, в Зайсанском уезде земледелием занималось 72,4% всех хозяйств, Усть-Каменогорском – 69,4%, Акмолинском – 61,4%, Семипалатинском – 49,5%, Каркаралинском – 17,1%, Петропавловском – 24,9%, Копальском – 81,5%, Омском – 3,1%, Джаркентском – 68,5%, Верненском – 79,2%, Лепсинском – 77,7%, Актюбинском – 94,4%, Атбасарском – 30,6%, Аулиеатинском – 92,1%, Казалинском – 49,9%, Иргизском – 22,9%, Кокчетавском – 22,2%, Кустанайском – 77,2%, Лбищенском – 47,0%, Павлодарском – 24,2%, Перовском – 74,8%, Темирском – 77,9%, Тургайском – 21,8%, Уральском – 85,1%, Чимкентском – 80,6%.

Но с другой стороны, источники прямо указывают на минимальные размеры запашки в хозяйстве казаха-кочевника. Так, средний размер посевных участков у казахского населения Тургайской и Уральской областей не превышал 1–2 десятины, а у номадов Семипалатинской и Акмолинской областей – 0,1–0,2 десятины (Белоногов, Седельников, Бородин, 1903. С. 231, 237 и др.). Правда, «Материалы по киргизскому землепользованию» дают больший размер запашки: в Атбасарском уезде – 1,5 десятины, Омском – 1,9, Павлодарском – 1,6, Кокчетавском – 2,0, Усть-Каменогорском – 1,3, Акмолинском – 1,4, Каркаралинском – 0,4 и т. д. (табл. 13).

Известно, что минимальный размер посева, обеспечивающий необходимый продукт трудящимся индивидам, составлял порядка пяти десятин запашки (подробнее см. Баратова, 1989 и др.). Учитывая засушливость климата, огра-

ниченный потенциал водных и почвенных ресурсов, низкую урожайность, примитивность приемов и методов экстенсивного, залежно-переложного земледелия кочевников Казахстана, следует, по-видимому, этот минимум исчислять 6–7 десятинами посева. Поэтому мы вправе заключить, что земледельческое хозяйство казахов так и не стало надежной материальной базой для жизнедеятельности кочевого населения и не приобрело самостоятельного значения, оставаясь, как и прежде, второстепенной и вспомогательной отраслью номадного хозяйства.

Что же касается кочевого способа производства, его возможной трансформации в составе Российского государства, то, несмотря на массовое отчуждение и изъятие наиболее плодородных земельных угодий, (что, кстати, не приводило к каким-то серьезным конфликтам), определенное развитие земледельческого хозяйства, не существовало ни экологических, ни технико-технологических, ни материальных условий для тотального оседания кочевников-казахов. Казахское население по-прежнему продолжало вести номадный образ жизни и заниматься главным образом кочевым скотоводческим хозяйством. И поскольку производственный цикл и ритмо-режимные характеристики трудовой деятельности, собственно процесс производства зависели прежде всего от природно-климатических условий и были жестко экологически детерминированы, то как и прежде, так и ныне никаких сколько-нибудь значимых изменений в стратегии природопользования, системе материального производства и не могло произойти.

Выпас животных, процесс кочевания, выбор и распределение пастбищных угодий, а также другие основные элементы трудового процесса не претерпели никаких изменений в течение XIX – начала XX в. и диктовались, определялись только экономической и хозяйственной целесообразностью в процессе утилизации природных ресурсов среды обитания. Эта консервативность обуславливалась, прежде всего, неизменностью морфологии и физиологии основных средств производства – скота, а также земли, растительного покрова,

водных и почвенных ресурсов и т. д. Тем более невозможно коренное преобразование материально-технической базы кочевого скотоводческого хозяйства (Бунятян, 1984 и др.) в условиях аграрного доиндустриального общества, даже в рамках крупного централизованного государства.

Необходимо указать на исключительную чувствительность казахстанской экосистемы и всех ее компонентов к внешним воздействиям, особенно к развитию земледельческого хозяйства, а в настоящее время – процессам коллективизации, индустриализации и урбанизации, неоправданному укрупнению колхозов и совхозов. Вследствие этого вполне закономерно неизбежны различные экологические катастрофы. Уже в дореволюционный период фиксируются многочисленные случаи засоления, выщелачивания, заболачивания, эрозии и опустынивания земельных площадей, на которых культивировалось земледельческое хозяйство как казахского, так и русского и уйгурского населения.

Ярким примером экологической лимитированности земледельческого хозяйства в Казахстане является процесс освоения целинных и залежных земель, приведший к эрозии уже в начале 60-х гг. XX в. 10 млн га. Именно земледельческое хозяйство стало главной причиной экологической катастрофы планетарного масштаба – обмеления и усыхания Аральского моря и Балхаша, агонизирующих на протяжении последних 30 лет (Григорьев, 1985 и др.). Мощный сель из сточного озера вблизи Алматы и загрязнение Капчагайского водохранилища напомнили, что и процессы урбанизации здесь, в пустыне, исчерпали свой потенциал.

Советские жестко централизованные методы ведения животноводства в сочетании с неоправданной концентрацией огромных отар и табунов привели фактически эту отрасль сельского хозяйства к полному развалу и способствовали, как мы уже отмечали, эрозии 55 млн га пастбищных угодий. Экологически детерминированная стратегия природопользования номадов вплоть до наших дней не имеет разумной альтернативы в освоении аридной зоны (Пуляркин, 1976; он же, 1976а; он же, 1982; Радченко, 1982; она же, 1983 и др.) и,

будучи максимально сбалансированной формой взаимодействия естественно-природных и социально-экономических факторов, не наносит ущерба окружающей среде (Федорович, 1983 и др.). Вследствие этого кочевой способ производства и в составе Российского государства вплоть до 30-х гг. XX в. сохранил в полной мере все свои основные параметры функционирования и не претерпел сколько-нибудь значительных изменений в XVIII – начале XX в.

В социально-экономическом отношении можно выделить три важнейших аспекта политики российского самодержавия в Казахстане: во-первых, поддержание и сохранение статус-кво в системе производственных отношений, поскольку ведущая, доминантная форма собственности – собственность на скот не регламентировалась государственным законодательством, а класс богатых скотовладельцев не ограничивался в процессе концентрации скота и монополизации системы материального производства. Во-вторых, проводилась стабильная политика поддержания привилегированного положения должностных лиц государственной администрации на всех уровнях иерархической системы (Крафт, 1898; Добросмыслов, 1902 и др.).

В-третьих, первоначально был взят курс на поддержание элитарного положения казахской аристократии по сословному признаку, их преимущественное назначение на престижные должности, поддержание их привилегированного положения в вопросах землевладения и землепользования, платежей налогов, финансовой помощи и т. д. Однако многолетняя борьба казахской знати против экспансии самодержавия в Казахстане, отмены института ханской власти, введения нового порядка управления, изъятия пастбищных угодий, строительства военных укреплений, пикетов и редутов, налогообложения кочевников и т. п., в частности султанов Касыма, Саржана, Ишима, Кенесары и др., привела к пересмотру политических ориентации Российского государства в степи. С середины XIX в. происходит постепенный отказ от поддержки административными органами престижа и авторитета лиц по сословному признаку.

В целом, мероприятия, проводившиеся царизмом в Казахстане, никоим образом не затронули отношения собственности на средства производства и прежде всего на скот, а следовательно, не нарушили традиционного механизма социально-экономических отношений в кочевом обществе казахов. Пожалуй, единственная новация коснулась социальной стратификации общества, когда за пределами общины взамен сословно-генеалогических принципов важное значение приобрели государственно-бюрократические отношения. Хотя не повлекло за собой существенных изменений в системе общественных отношений, так как полностью сохранялась доминантная роль отношений собственности на скот.

Несмотря на то, что в процессе присоединения Казахстана к России произошли значительные и положительные изменения в политическом и экономическом развитии края, в основном связанные с начальным этапом возникновения городов, промышленности, проникновением и интенсивной миграцией русско-украинского населения, развитием земледельческого хозяйства, формированием рынка труда, а также установлением системы государственно-административного управления и т. д., кочевой способ производства не претерпел каких-либо трансформаций и полностью сохранил основные механизмы своего воспроизводства.

В частности, система материального производства, базирующаяся на кочевом скотоводческом хозяйстве, подверглась «облучению» лишь в незначительной степени – возросло количество кочевников-казахов, практиковавших земледельческое хозяйство, которое, тем не менее, продолжало оставаться второстепенной вспомогательной отраслью номадной экономики и не могло приобрести важного и самостоятельного значения в условиях перманентного сокращения пастбищных угодий, массового отчуждения наиболее плодородных земель и ограниченных ресурсов среды обитания. В социально-экономическом отношении кочевой способ производства полностью сохранил свои императивные приоритеты и структуру воспроизводственных

отношений, в частности, доминанту общинной организации процесса производства, частную собственность на скот и традиционные формы зависимости и эксплуатации массы непосредственных производителей.

Пожалуй, самой крупной новацией функционирования кочевого общества в составе Российского государства явилось то, что если прежде обнищавшие и пауперизированные массы кочевников в случае отсутствия спроса на их труд были обречены на голодное вымирание в степи или в лучшем случае на оседание на окраинах номадного ареала, то с вхождением Казахстана в состав России резко возросли возможности для жизнедеятельности данной прослойки общества. Как свидетельствуют данные по «билетным сборам», ежегодно до 20 тыс. казахов устремлялись в города, казачьи станицы, крестьянские селения, военные укрепления для найма на работу. Как правило, большая их часть там навсегда и оставалась, пополняя ряды уральского, оренбургского, сибирского казачества, крестьянского элемента, городского населения и т. д. С развитием промышленности в крае именно из этой массы пауперов и маргиналов вербовались рабочие и т. п.

В заключение можно лишь констатировать, что кочевой способ производства, будучи порожден объективным процессом взаимодействия естественно-природных и социально-экономических факторов, не претерпел каких-либо качественно значимых изменений в составе Российского государства.

ЭКОЛОГИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КОЧЕВНИКОВ-КАЗАХОВ (Вместо заключения)

В заключении целесообразно поставить вопрос о том, в какой мере выявленная нами специфика системы материального производства, образа жизни и способа производства, а следовательно, и среда обитания как первичная субстанция всех общественных явлений, влияют на формирование и развитие этнических процессов в среде номадов? Казалось бы ответ на этот вопрос очевиден: особенности экологической ниши детерминируют способ адаптации человека к природно-климатическим условиям, в результате чего возникает специфическая система материального производства, которая, в свою очередь, обуславливает особый способ производства. Вследствие этого формируется конкретный образ жизни и особая система ценностных ориентаций.

Приспособление человека к особым условиям среды обитания осуществляется соответствующим механизмом адаптации – специфическим типом культуры (Маркарян, 1981а. С. 112; Козлов, 1983. С. 5–16; Алексеев, 1984. С. 348 и др.). Закономерный итог этой логической цепи взаимосвязанных явлений – возникновение и формирование особой этнической общности. Однако современная историография неадекватно интерпретирует этническую историю кочевых народов, что вынуждает нас специально остановиться на рассмотрении этой проблематики.

Как показывает анализ кочевниковедческой литературы, в работах по проблеме этногенеза казахов доминирует диахронный метод исследования субстратно-суперстратных процессов и генеалогическо-родоплеменных аспектов этнической истории (Аристов, 1896; Чулошников, 1924; Асфендиаров, 1935; Вяткин, 1941; Бернштам, 1949; Шахматов, 1950; Адильгиреев, 1951; Ахинжанов, 1957; Аманжолов, 1959; Востров, Муқанов, 1968 и др.).

Весь процесс этногенеза преимущественно трактуется с этнополитической точки зрения и сводится к возникновению казахской государственности (Вельяминов-Зернов, 1864; Красовский, 1868; История Казахской ССР, 1957; Пищулина, 1977; История Казахской ССР, 1979. Т. 2 и др.). Тем самым вне сферы исследования фактически остаются ключевые вопросы. проблемы, в частности социокультурные параметры этногенеза, механизм этнических процессов интеграции и дифференциации, их хозяйственно-экономический базис и само содержание этничности.

В этой связи рассмотрим *экологические аспекты этногенеза среди кочевников Казахстана*. Среда обитания является исходной предпосылкой, предметно-вещественной основой функционирования системы материального производства и поэтому в известной степени опосредствует уровень производительных сил общества (особенно в доиндустриальную эпоху). Тем самым природные ресурсы экологической ниши определяют социально-экономические параметры этноса. Вследствие этого представляется возможным, как это справедливо заметил Ю. В. Бромлей, «...рассматривать этнос и среду его обитания как определенную целостность – этно-экологическую систему» (Бромлей, 1983. С. 222).

В этом плане считаю целесообразным анализировать процесс этногенеза сквозь призму понятий «ареала» и «маргинальной зоны» (см. 1.1), которые играли далеко неоднозначную роль в структуре хозяйственных занятий и уровне развития социально-экономических отношений живущего здесь населения. В частности, в номадном ареале в специфических условиях среды обитания и в силу особен-

ностей кочевого хозяйства имело место дисперсное расселение с присущей для всех номадов плотностью населения от 0,5 до 1–2 чел. на один кв. км. Здесь преобладали, несомненно, партикуляризм и автаркия, поскольку хозяйство кочевников носило натурально-потребительский характер, было полностью ориентировано на самообеспечение всеми необходимыми продуктами и ресурсами.

Вследствие этого в кочевой среде господствовали диахронные, межпоколенные информационные связи (терминологию см.: Арутюнов, Чебоксаров, 1972 и др.). Так, например, главное средство производства – скот, отношения по поводу которого играли доминантную роль в системе производственных отношений и социально-экономической структуре общества, в основном передавался как объект собственности по вертикальным каналам. Один из важнейших факторов жизнедеятельности кочевого общества – опыт экологической адаптации – также передавался от отца к сыну, от сына к внуку и т. д. Аналогичным образом функционировали практически все остальные элементы духовной и материальной культуры номадов. Отсюда приоритет генеалогических связей в сфере общественного сознания, в отличие от земляческих, местнических отношений, преобладающих в оседло-земледельческой среде.

В маргинальных зонах имел место иной порядок вещей. Плотность населения здесь была выше, поскольку наряду с кочевниками-скотоводами в оазисах и речных долинах, предгорных и низкогорных районах проживали значительные группы земледельческого населения. Именно поэтому экономическая структура общества была многоукладной и характеризовалась многообразием форм взаимодействия различных типов хозяйства. Здесь в большей мере наблюдалась ориентация производимого продукта на сферу обмена и имел место паритет рыночных и натурально-потребительских тенденций.

В результате этого преобладали межгрупповые отношения и значительно большую роль играли синхронные горизонтальные информационные связи. В частности, цир-

куляция общественного продукта осуществлялась не столько по вертикальным каналам, сколько по горизонтальным, что было обусловлено постоянной трансформацией хозяйственных занятий населения маргинальных зон. Ежегодно часть номадов оседала и утрачивала кочевые традиции и стереотипы. В результате этого в маргинальных зонах наблюдалось огромное множество различных вариантов и переходных типов от кочевничества к полной оседлости (Кармышева, 1976 и др.). Очевидно, что маргинализация прежних кочевников была постоянно действующим фактором общественного развития на периферии номадных ареалов, что обуславливало неустойчивость социально-экономической ситуации в этих районах.

Вследствие такого характера развития информационных связей процессы этногенеза должны были интенсивнее происходить в хозяйственно и культурно однородных ареалах, нежели в маргинальных зонах, поскольку в первых значительно быстрее складывалась культурная общность, порожденная однотипной экономикой, единым образом жизни и особым способом производства в сходных условиях среды обитания. В маргинальных зонах в процессе постоянной трансформации хозяйственных занятий и перманентного притока оседающих кочевников-скотоводов, их маргинализации и утраты ими прежних стереотипов, несинхронности процессов адаптации к оседлому образу жизни и овладения приемами технологии земледельческого труда, складывание культурной общности происходило значительно медленнее, либо могло вовсе не происходить.

А. Хорошхин заметил в этой связи, что «...киргизы пристаю́т к полукочевым узбекам ежегодно и через несколько лет, кроме привычек, некоторых обычаев, утрачивают многие статьи туалета записных кочевников, а отчасти и свой резкий казацкий (киргизский) акцент меняют на более мягкую речь узбеков-полукочевников» (Хорошхин, 1874. С. 319).

Иначе говоря, в номадных ареалах гораздо быстрее происходил конвергентный процесс накопления однотипных культурных признаков, нежели в маргинальных зонах,

что позволяет рассматривать их в качестве своего рода «этнических сгустков». Именно на этой основе произошло формирование культурной общности кочевников-казахов. «Киргизы, – писал В. В. Радлов, – подлинно кочевой народ, скитающийся круглый год по степям... Нравы, обычаи, образ мышления, словом, вся жизнь и деятельность киргизов тесно связаны с этими переездами ради животных...» (Радлов, 1989. С. 253). Выдающийся русский этнолог Н. А. Аристов справедливо отмечал, что казахи «больше всех тюркских народностей сохранили скотоводческий и кочевой образ жизни...» (Аристов, 1896. С. 350).

В этой связи А. Словохотовым было точно замечено, что «быт кочевника в своем крайнем развитии представляет такую своеобразную и отлитую в определенную форму культуру, так кристаллизуется, что кочевник не может понять другой образ жизни... чем тот, с которым он свыкся веками. До поры, до времени он сопротивляется всякому стремлению изменить образ его жизни точно так же, как пионер оседлости... не понимает жизни кочевника...» (Словохотов, 1905. С. 64). Вследствие этого В. В. Радлов справедливо указывал на то, что «понимать историю кочевого народа – вообще трудная задача для всякого, кто знаком с воззрениями оседлых народов» (Радлов, 1893. С. 65).

Поэтому закономерно, что кочевничество характеризуется весьма специфическим взглядом на культуру. «Нечего говорить, – подчеркивает А. Словохотов, – что кочевой быт создал целую структуру кочевого человека...» (Словохотов, 1905. С. 59). В этом плане интересно привести слова А. Вамбери о том, что «...ничто не могло бы мне дать более ясного понятия о кочевой жизни; когда я впоследствии спросил у одной киргизской женщины о причинах, побуждающих их перекочевывать с места на место, она отвечала со смехом: "Мы не так ленивы, как вы... нам не усидеть по целым дням на одном месте! Человек должен двигаться, потому что посудите сами: солнце, месяц, звезды, вода, животные, птицы, рыбы – все движется, только земля и мертвые остаются на месте"» (Вамбери, 1865. С. 80). «Говоря о кочевой жиз-

ни, – свидетельствуют очевидцы, – редкий киргиз не скажет: “Только дерево стоит на одном месте и питается тем, что находится вокруг него; на то оно и дерево; вольная птица летит туда, где ей лучше”» (КРО, 1964. С. 300).

Таким образом, налицо стремление кочевников противопоставить свою культуру и ценностные стереотипы восприятию мира оседло-земледельческих народов. На наш взгляд, это является ярким свидетельством этничности кочевой культуры и номадного образа жизни. В этой связи вспоминаются слова В. В. Бартольда о том, что принадлежность к определенному культурному типу была в глазах кочевника важнее, чем признак национальности и языка (Бартольд. Т. II. Ч. I. С. 461).

«Проявляющиеся всюду противоречия, – пишет Р. Капо-Рей, – возникают поэтому не между людьми различных рас, ни даже между различными социальными классами, а прежде всего между группами населения, ведущими различные образы жизни». «Следовательно, – заключает он, – образ жизни не является следствием принадлежности к той или иной расе, но наоборот, накладывая на людей определенный отпечаток, который передается по наследству, он сам создает этнические группы» (Капо-Рей, 1958. С. 191–192).

Продолжая разговор об экологических аспектах проблемы этногенеза, следует указать на точку зрения о том, что природные условия, по мнению основателя теории поппулизма П. Видаля де ла Блаша, по-разному воспринимаются людьми с разным образом жизни (Джеймс, Мартин, 1988. С. 282). Это положение было воспринято многими современными исследователями этноса, которые вслед за ним постулировали тезис о том, что именно образ жизни – основной фактор, определяющий стратегию природопользования.

Так, Ю. В. Бромлей полагал что различные этносы по-разному реагировали на однотипные условия среды обитания: «...Истории известно немало случаев, когда народы, находившиеся, примерно, на одинаковом уровне социально-экономического развития и в одинаковых природных условиях, не создавали одних и тех же хозяйственно-культурных

типов, используя аналогичные ресурсы весьма различно» (Бромлей, 1983. С. 216). Думается, это положение верно только в той части, которая касается традиционно-бытовой культуры, но с ним трудно согласиться, когда речь заходит о системе материального производства. Как нам представляется, инадаптивные формы рано или поздно неизменно вытесняются эвадаптивными типами хозяйства.

Важным механизмом этногенетического процесса в доиндустриальную эпоху являлась этнизация хозяйственно-культурных типов, под которой понимается «такое явление, когда конкретный хозяйственно-культурный тип несет важные этнодифференцирующие и этноинтегрирующие свойства...» (Чеснов, 1982. С. 111). Этнизацией является процесс, когда особенности ведения хозяйства и функционирования культуры в специфических условиях среды обитания влекут за собой накопление особых черт, свойств и признаков, которые в конечном счете и определяют неповторимую комбинацию этнических стереотипов и самосознания, обуславливающую этнос как историко-культурный феномен.

В результате этого складывался симбиоз между населением и освоенной им средой обитания (антропогеоценоз), который детерминировал специфику общественной деятельности человека, автономный комплекс взаимосвязанных между собой структурных компонентов культуры, своеобразное информационное поле, функционирующее на основе оптимального равновесия в естественно-природных и социально-экономических процессах, что и приводило к особому характеру циркуляции информации внутри данного социального организма (Алексеев, 1984. С. 356–371). «Информация, циркулирующая внутри антропосоциогенеза, может быть разложена на несколько уровней. Первый из них – этнический уровень, то есть тот запас культурных ценностей, традиций, религиозно-магических представлений, которые входят в этническое самосознание и определяют включение именно в состав данного народа и никакого другого» (там же. С. 370–371).

Рассмотрим процесс этногенеза кочевников-казахов сквозь призму указанных процессов и в том числе явления этнизации хозяйственно-культурных типов. Многими исследователями XIX – начала XX в. высказывалась мысль о взаимосвязи кочевого образа жизни и культурной обособленности казахов и ряда других кочевников (Левшин, 1832; Красовский, 1868; Потанин, 1881–1883; Харузин, 1895; Аристов, 1896 и др.). Однако научное осознание зависимости этногенеза от типа хозяйства в наибольшей мере проявилось в работах В. В. Бартольда, Н. Н. Козьмина, Г. Е. Грумм-Гржимайло, А. П. Чулошникова, С. Д. Асфендиарова и других исследователей. Так, Н. Н. Козьмин фактически впервые теоретически сформулировал мысль о ведущей роли типа хозяйства и образа жизни в процессе этногенеза (Козьмин, 1928 и др.). В концептуальной форме идея «этнизации» была высказана Я. В. Чесновым (Чеснов, 1982 и др.) и параллельно с ним Ю. В. Павленко (Павленко, 1982 и др.).

К середине I тыс. н. э. заканчивается процесс генезиса кочевого хозяйственно-культурного типа на всем ареале Евразии (см. 1.2) и, видимо, в это время он стабилизируется в своих классических формах (Вайнштейн, 1973; Вайнштейн, Крюков, 1984 и др.). Вследствие этого происходит диверсификация процесса этнизации, поскольку на этапе сформировавшегося кочевого хозяйственно-культурного типа распространение и развитие общенomadных хозяйственных и культурных стереотипов, конвергентно имевшее место в предшествующий период, достигло своего объективного предела, за порогом которого начинается в основном дивергенция и возрастание этнической специфики различных элементов культуры (Вайнштейн, 1973. С. 8–11 и др.).

Иначе говоря, в течение I тыс. до н. э. и первой половины I тыс. н. э. в основном развивалось культурно-историческое единство, порождаемое в эпоху увлажнения спонтанным процессом генезиса номадизма на всем ареале Евразийских степей, полупустынь и пустынь умеренного пояса, т. е. происходило накопление этноинтегрирующих черт культуры, а социокультурная специфика проявлялась

в отживающих свой век субстратных элементах, связанных с особенностями социально-экономического функционирования в каждом регионе.

На этой основе возникает в среде кочевников идеология хозяйственно-культурного оппозиционирования по отношению к оседло-земледельческим народам. Так, одна из основных заповедей мировоззрения огузов, приписываемая мифическому родоначальнику всех тюркских народов Огуз-кагану и, по-видимому, восходящая к духовной культуре хунну, юечжи, усуней и других кочевников рубежа нашей эры, гласила: «Передвигайтесь, не будьте оседлыми; кочуйте по весенним, летним и зимним пастбищам и побережьям (рек), не зная недостатка» (цит. по: Агаджанов, 1969. С. 143). Исключительная важность этого изречения для мировосприятия тюрков-кочевников подтверждается тем, что принципы и нормы общественной жизни, приписываемые Огуз-кагану, являлись на протяжении многих столетий идеологическим каноном для всех тюрков Евразии (Юдин, 1983 и др.).

С середины и особенно со второй половины I тыс. н. э. резко возрастает этнодифференцирующая роль различных элементов хозяйственно-культурного типа кочевников, поскольку акцент из сферы хозяйственных занятий смещается в более подвижную и подверженную наибольшей проникаемости сферу материальной, бытовой и духовной культуры, когда специфика социокультурного развития проявляется в адаптации указанных элементов культуры к сформировавшемуся типу хозяйства. И не случайно, что именно в этот период происходит едва ли не всеобщая тюркизация языка всех кочевников Евразии, сращение шаманизма с исламом и т. д.

С этого времени по нарастающей увеличивается накопление уже не этноинтегрирующих в масштабах всей кочевой зоны признаков в сфере хозяйства, а этнодифференцирующих в основном в сфере традиционно-бытовой культуры и в масштабах локальных социокультурных общностей. Иначе говоря, этногенетический процесс сегментируется в пространственном отношении, что обуславливает при идентичном типе деятельности и в силу специфических особен-

ностей среды обитания в различных ареалах, появление разнородных социокультурных стереотипов, традиций, всевозможных эвадаптивных механизмов, тенденции к оппозиционированию формирующихся кочевых народов друг другу.

В этой связи несомненный интерес вызывает экологический аспект процесса этнизации. Так, например, ибн-Батута сообщает о кочевниках Дашт-и Кыпчака: «Дешт... на тюркском языке значит степь. Степь эта зеленая, цветущая, (но) нет на ней ни дерева, ни горы, ни холма, ни подъема. Нет на ней и дров, а жгут они (жители ея) только (сухой) помет... Видишь, как (даже) старейшины их подбирают его и кладут в полы одежды своей. Ездят по этой степи не иначе как на телегах, а разстилается она на шесть месяцев пути...» (СМИЗО. Т. I. С. 279). И далее о кыпчаках: «Тюрки эти не едят ни хлеба, ни плотной пищи, а готовят еду из какого-то (водящагося) у них (проса)...» (СМИЗО. Т. I. С. 283). При этом Яса Чингиз-хана, ставшая идеологической доктриной всех кочевников Евразии, запрещала переход номадов на оседлость (Бартольд. Т. V. С. 173).

После «монгольского» нашествия, в котором участвовали как тюркские (основное ядро), так и монгольские кочевники-скотоводы, продолжается накопление однородных признаков на базе общего процесса нивелировки их особенностей в Казахском ареале, т. е. наступает третий этап развития процесса этногенеза. Если в древнетюркско-кыпчакское время (VI–XII вв.) происходило накопление специфических этнодифференцирующих свойств и черт, так сказать, от своего истока, то к началу XIII в. различные этнокультурные группы приходят с находящимся в завершающей фазе генеза комплексом социокультурных признаков. Так, в частности, в Восточном Дашт-и Кыпчаке кыпчакская народность достигла, несомненно, большой степени однородности (Ахинжанов, 1989 и др.), тогда как мигрировавшие сюда тюрко-монгольские общности, также достигнув этнокультурного единства на территории Центральной Азии в иной экологической и историко-культурной ситуации, значительно отличались как друг от друга, так и от кыпчаков.

Иначе говоря, процесс этногенеза кочевых народов Евразии является своего рода зеркальным отражением процесса эволюции кочевого хозяйственно-культурного типа (см. 1.2), преломляясь сквозь призму его приспособления к специфическим условиям среды обитания в каждой данной экологической нише посредством традиционных субстратно-эвадаптивных механизмов на каждом новом витке технологических циклов. Эта глубоко прослеживаемая сопряженность социокультурных и общественно-экономических процессов обуславливала прямую зависимость этнокультурных явлений от социально-хозяйственных и прежде всего от образа жизни, наиболее сильно воздействующего фактора на формирование этнической общности (Капо-Рей, 1958. С. 191–192 и др.).

В этой связи принципиальное значение имеет анализ природы и характера процессов социокультурного взаимодействия местного, аборигенного субстрата и пришлого суперстрата, поскольку Казахстан с древнейших времен и вплоть до нового времени постоянно являлся объектом агрессии и экспансии со стороны многочисленных племен центральноазиатского происхождения. Несмотря на общность основных принципов системы материального производства кочевников Казахстана, Центральной Азии и Понто-Каспийского региона, мы должны учитывать базирующуюся на натурально-потребительской автаркии специфику производственного процесса в казахском ареале, которая обуславливала направленность параметров этнокультурного взаимодействия пришлых и аборигенных групп населения.

Поскольку система материального производства местного субстрата была в наибольшей степени приспособлена к природно-климатическим условиям данной экологической ниши, то она, а следовательно, и материальная культура, весь образ и уклад жизни, как и способ производства, практически не были подвержены воздействию извне и являлись сильнейшим доминантным фактором, способствующим ассимиляции иммигрантов в доиндустриальную эпоху. Вследствие этого местный субстрат постоянно как бы интродуци-

рует, вбирает, поглощает, ассимилирует центральноазиатских мигрантов. Так, например, Ал-Омари сообщает, что «в древности это государство было страной кыпчаков. Но когда им завладели татары, то кыпчаки сделали их подданными. Потом татары смешались и породнились с ними (кыпчаками) и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кыпчаки, как будто бы одного с ними рода, от того, что монголы (и татары) поселились на земле кыпчаков, вступили в брак с ними и оставались жить в земле их (кыпчаков)» (СМИЗО. Т. I. С. 235).

В свою очередь, такие малоадаптированные к условиям жизнедеятельности и среде обитания элементы культуры, как язык и духовная культура, в наибольшей степени были подвержены проникновению инноваций и аккультурации. Собственно, на этом и базируются процессы ассимиляции и интеграции. Достаточно вспомнить интенсивно протекавшие в I тыс. н. э. процессы утраты иранских языков и постепенной тюркизации местного населения мигрантами, исламизации и т. п.

Отсюда – заданность параметров этнокультурного взаимодействия в доиндустриальную эпоху и огромная роль местного субстрата в этногенетической истории рассматриваемого ареала как носителя жизненно наиболее важного слоя адаптивного механизма культуры в хозяйственно-экономической сфере и стратегии природопользования, тогда как в сфере языка и духовной культуры ассимиляционно-интеграционные процессы регулировались не в меньшей мере потестарно-политическими факторами.

Именно в свете данной методологической посылки следует исследовать процесс формирования социокультурных ориентаций, традиционных способов и механизмов взаимодействия субстрата, суперстрата и адстрата. Здесь важно подчеркнуть, что социокультурные общности и в том числе этносы представляют собой открытые динамичные системы, которые инкорпорируя иноэтнические группы, постоянно стремятся к равновесию со средой обитания, достижению эвадaptивной стратегии природопользования. Внут-

три же этой адаптивной системы постоянно усложняются и дифференцируются составные части, поскольку именно с помощью механизма обратной связи постоянно протекают взаимоотношения с окружающей средой. (Вереш, 1985. С. 115). «Среда, – отмечает В. П. Алексеев, – не влияет на производственную деятельность прямо – учет ее специфики хозяйственным коллективом преобразует его информационное поле, уже через него вносятся в производственный процесс соответствующие полезные изменения» (Алексеев, 1984. С. 363).

Этногенетический процесс на территории Казахстана вступил в фазу кристаллизации в середине II тыс. н. э. в связи с функционированием ряда потестарно-политических объединений, которые детерминировали образование новой социокультурной общности – казахов (Вельяминов-Зернов, 1864; Красовский, 1868; Асфендиаров, 1935; Бернштам, 1949; Шахматов, 1950; Адильгиреев, 1951; Ахинжанов, 1957; Пищулина, 1977 и др.).

Именно у казахов принцип хозяйственной и культурной оппозиции проявлялся наиболее ярко. Так, еще в поздне-средневековую эпоху Касым-ханом, считающимся объединителем всех кочевых казахских племен, была дана практически исчерпывающая характеристика казахскому социокультурному образованию: «Мы – жители степи; у нас нет ни редких, ни дорогих вещей, ни товаров, главное наше богатство состоит в лошадях; мясо и кожа их служат нам лучшей пищей и одеждой, а приятнейший напиток для нас – молоко их и то, что из него готовится, в земле нашей нет ни садов, ни зданий; место наших развлечений – пастбища скота и табуны коней, и мы ходим к табунам любоваться зрелищем коней» (МИКХ. С. 226).

Доминанта кочевого типа хозяйственной деятельности обеспечила историческую преемственность поздне-средневековых социокультурных образований, их этногенетическую связь с древними и ранне-средневековыми насельниками региона. При этом аккумуляционные процессы неоднократно затормаживались и нередко прерывались миграци-

онными явлениями, в основном нашествиями кочевников центральноазиатского происхождения. Но главной определяющей чертой этногенетического процесса являлись непрерывность и преемственность, достаточно четко прослеживающиеся в формах хозяйства и организации системы материального производства. Внешним по отношению к этногенезу гарантом непрерывности была среда обитания, которая обуславливала преемственность навыков и технологических приемов в сфере хозяйства и культуры.

Иначе говоря, кочевой образ жизни казахов стал главным этноинтегрирующим фактором их формирования и сложения в целостную социокультурную общность. Одновременно именно кочевничество являлось стержневым системным качеством, дифференцирующим казахов от всех других социокультурных образований Средней Азии, Западной Сибири, Алтая и Юго-Восточной Европы. В случае утраты признаков номадизма и выпадения из процесса кочевания имела место и утеря специфического социокультурного (кочевого) самосознания и соответственно этнонима «казах». Так, на протяжении всего позднего средневековья и нового времени происходило оседание казахов на периферии кочевого ареала, что приводило либо к возникновению каких-то специфических этнокультурных группировок, например, узбеков, курама и т. п., либо к их инкорпорации в состав проживающих на окраинах Казахстана насельников, в частности, казачества, башкиров, сартов и т. п. (Хорошхин, 1874. С. 319 и др.).

Фактически мы можем с полным правом говорить о существовании на протяжении XVI – начала XX в. достаточно однородной социокультурной общности, возникшей на базе кочевого образа жизни, – казахах с достаточно развитым чувством группового самосознания. Выдающийся русский ученый академик В. В. Радлов в этой связи заметил, что мы «...должны констатировать, что в настоящее время и в языковом, и в социально-политическом отношениях киргизы представляются настолько как бы сплавившимися в одно нераздельное и прочное целое, что мы вправе их называть

особым народом, так как им в высшей степени присуще чувство национального единства и крепкой взаимной спайки» (Радлов, 1929. С. 21. См. также: Радлов, 1887. С. 22; он же, 1989. С. 111). И далее он уточняет: «...Всюду бросается в глаза единообразие их обычаев, привычек, быта, характера и повсюду их резко отличает от других тюркских народов общее им всем осознание принадлежности к народу казахов...» (Радлов, 1989. С. 250).

***

Таким образом, этничность казахов была рождена хозяйственно-культурной оппозицией «кочевник – неокочевник», поскольку интеграция осуществлялась главным образом типом хозяйства и образом жизни, а дифференциация проходила по социокультурному водоразделу. Тем более, что не соответствующие социокультурному стереотипу и «идеальному стандарту» *көшпелі* (номада) просто-напросто отторгались за пределы казахской общности. Иначе говоря, сама этничность стала атрибутом хозяйственно-культурной обособленности казахов. Точно так же, как вплоть до недавнего времени государственность превалировала над этничностью в Западной Европе, а конфессиональность – на Востоке, так и у кочевников хозяйственно-культурная специфика доминировала в системе ценностных ориентаций (Крюков, 1989; Арутюнов, 1989; он же, 1989а; Андрианов, 1989; Руденский, 1989; Шнирельман, 1989 и др.). Только после оседания казахов этническое самосознание заменяет хозяйственно-культурное и становится самодостаточной ценностью.

ТАБЛИЦЫ

Таблица 1

Численность и хозяйство казахов по данным
Первой всеобщей переписи населения
Российской империи. 1897 г.

Область	Численность и удельный вес казахского населения	Число и удельный вес казахов, занимающихся скотоводством	Число и удельный вес казахов, занимающихся земледелием	Число и удельный вес казахов, проживающих в городах
Уральская	<u>460173</u> 71,3	<u>400967</u> 87,1	<u>42877</u> 9,3	<u>3014</u> 0,6
Тургайская	<u>410904</u> 90,6	<u>389167</u> 94,7	<u>17027</u> 4,1	<u>1352</u> 0,3
Акмолинская	<u>427389</u> 62,6	<u>402369</u> 94,1	<u>11361</u> 2,6	<u>6758</u> 1,5
Семипалатинская	<u>604564</u> 88,3	<u>484334</u> 80,0	<u>79195</u> 13,0	<u>16030</u> 2,6
Семиреченская*	<u>515001</u> 77,5	<u>325492</u> 63,2	<u>173931</u> 33,7	<u>4611</u> 0,8
Сырдарьинская**	<u>741811</u> 88,7	<u>437806</u> 59,0	<u>287434</u> 38,7	<u>8066</u> 1,0
Мангышлакский уезд	<u>63795</u> 93,0	<u>62810</u> 98,4	<u>72</u> 0,1	<u>327</u> 0,5
Внутренняя орда	<u>207299</u> 96,5	<u>202230</u> 97,5	<u>521</u> 0,2	—
Итого	<u>3430936</u> 80,7	<u>2705175</u> 78,7	<u>612418</u> 17,8	<u>40158</u> 1,1

Источники: ПВПН. Вып. 88. Уральская область. СПб., 1904. С. 1–3, 48–49, 87; Вып. 87. Тургайская область. СПб., 1904. С. 1–3, 38–39, 71; Вып. 81. Акмолинская область. СПб., 1904. С. 1–3, 50–51, 91; Вып. 84. Семипалатинская область. СПб., 1905. С. 1–3, 54–55, 97; Вып. 85. Семиреченская область. СПб., 1905. С. 1–3, 52, 109, 111, 113, 115, 117, 119, 121; Вып. 86. Сырдарьинская область. СПб., 1905. С. 1–3, 56, 148, 152, 156, 160, 164, 168, 172; Вып. 82. Закаспийская область. СПб., 1904. С. 54–55, 133; Вып. П. Астраханская губерния. СПб., 1904. Тетрадь 2. С. IV, 42–43 и др.

* Без Пишпекского и Пржевальского уездов.

** Без Ташкентского уезда и Амударьинского отдела.

Таблица 2

Численность и удельный вес основных видов домашнего скота в Казахстане на рубеже XIX–XX вв.
(в числителе – число скота, в знаменателе – процент)

Уезды	Лошади	Крупный рогатый скот	Верблюды	Овцы	Козы
Акмолинский	<u>285856</u> 28,0	<u>208525</u> 20,4	<u>19775</u> 1,9	<u>463411</u> 45,2	<u>46650</u> 4,5
Актюбинский	<u>166709</u> 13,9	<u>349586</u> 29,2	<u>21312</u> 1,7	<u>532870</u> 44,5	<u>128910</u> 10,7
Атбасарский	<u>186793</u> 21,2	<u>77238</u> 8,8	<u>53955</u> 6,1	<u>525949</u> 59,8	<u>36063</u> 4,1
Аулие-Атинский	<u>230412</u> 10,3	<u>154792</u> 7,0	<u>74338</u> 3,3	<u>1476627</u> 65,7	<u>308367</u> 13,7
Верненский	<u>156541</u> 10,2	<u>91147</u> 5,9	<u>24840</u> 1,6	<u>1118663</u> 72,7	<u>148302</u> 9,6
Внутренняя орда	<u>230799</u> 12,0	<u>378876</u> 19,7	<u>122243</u> 6,3	<u>1014361</u> 52,7	<u>190680</u> 9,3
Гурьевский	<u>52606</u> 7,7	<u>58372</u> 8,6	<u>78178</u> 11,5	<u>464583</u> 69,2	<u>20673</u> 3,0
Джаркентский	<u>122499</u> 11,0	<u>92130</u> 8,0	<u>3829</u> 0,3	<u>836508</u> 73,2	<u>86039</u> 7,5
Зайсанский	<u>105389</u> 12,1	<u>53186</u> 6,1	<u>11421</u> 1,3	<u>656178</u> 75,0	<u>48642</u> 5,5
Иргизский	<u>143161</u> 15,0	<u>98493</u> 10,3	<u>88548</u> 9,2	<u>553397</u> 58,1	<u>70827</u> 7,4
Казалинский	<u>72963</u> 7,0	<u>82005</u> 8,0	<u>132940</u> 12,9	<u>634019</u> 61,5	<u>109629</u> 10,6
Капальский	<u>164479</u> 10,1	<u>110326</u> 6,8	<u>25306</u> 1,6	<u>1141586</u> 70,3	<u>182227</u> 11,2
Каркаралинский	<u>181401</u> 9,4	<u>94947</u> 10,2	<u>18641</u> 2,0	<u>584146</u> 62,3	<u>57245</u> 6,1
Кокчетавский	<u>185527</u> 31,0	<u>105532</u> 17,6	<u>646</u> 0,2	<u>239064</u> 40,0	<u>66977</u> 11,2
Кустанайский	<u>269160</u> 26,6	<u>269220</u> 26,7	<u>8873</u> 0,9	<u>368626</u> 36,5	<u>94295</u> 9,3
Лбищенский	<u>63619</u> 8,8	<u>135793</u> 17,9	<u>18815</u> 2,5	<u>463952</u> 60,0	<u>86719</u> 11,3
Лепсинский	<u>125287</u> 12,3	<u>88813</u> 8,7	<u>16317</u> 1,6	<u>687273</u> 67,3	<u>102980</u> 10,1

Продолжение таблицы 2

Мангышлакский	<u>80110</u> 4,6	<u>1368</u> 0,1	<u>71700</u> 4,0	<u>1492325</u> 34,6	<u>118631</u> 6,7
Омский	<u>123468</u> 36,1	<u>90158</u> 26,3	<u>902</u> 0,3	<u>113866</u> 33,4	<u>13207</u> 3,9
Павлодарский	<u>303586</u> 23,8	<u>310545</u> 24,0	<u>16003</u> 1,2	<u>598621</u> 46,4	<u>59361</u> 4,6
Перовский	<u>79123</u> 6,1	<u>119512</u> 9,1	<u>119573</u> 9,2	<u>747967</u> 57,4	<u>236964</u> 18,2
Петропавловский	<u>113981</u> 31,4	<u>91857</u> 25,4	<u>326</u> 0,1	<u>129979</u> 35,8	<u>26239</u> 7,2
Семипалатинский	<u>173069</u> 19,7	<u>114358</u> 13,0	<u>11894</u> 1,4	<u>528056</u> 60,2	<u>49674</u> 5,7
Темирский	<u>68767</u> 11,0	<u>128421</u> 20,3	<u>42367</u> 6,7	<u>332814</u> 52,6	<u>59518</u> 9,4
Тургайский	<u>171555</u> 13,9	<u>161589</u> 13,1	<u>51945</u> 4,2	<u>738191</u> 60,0	<u>108157</u> 8,8
Уральский	<u>78201</u> 12,4	<u>156133</u> 24,9	<u>10634</u> 1,7	<u>328155</u> 52,3	<u>54828</u> 8,4
Усть-Каменогорский	<u>106587</u> 19,8	<u>49640</u> 9,2	<u>2190</u> 0,4	<u>331420</u> 61,3	<u>48180</u> 9,3
Чимкентский	<u>67768</u> 3,3	<u>79070</u> 3,7	<u>125921</u> 6,0	<u>1194756</u> 56,8	<u>635073</u> 30,2

Источники: Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, 1980. С. 94–97.

Таблица 3

Удельный вес хозяйств, не имеющих скота, (%)

Уезды	Не имеют лошадей	Не имеют крупного рогатого скота	Не имеют овец	Не имеют коз	Не имеют верблюдов	Не имеют вообще скота
Акмолинский	5,5	2,0	47,7	71,8	67,4	0,2
Актюбинский	4,6	1,2	56,5	66,4	68,9	0,7
Атбасарский	4,7	19,9	34,5	74,1	24,9	0,1
Аулие-Атинский	12,8	–	–	–	–	4,9
Верненский	4,3	27,2	33,0	65,8	65,7	1,3
Внутренняя орда	–	–	–	–	–	–
Джаркентский	7,7	5,7	31,3	68,5	87,9	0,9
Зайсанский	11,5	14,5	36,0	69,0	68,0	–
Иргизский	16,2	22,0	43,7	62,4	25,3	0,6
Казалинский	23,6	50,2	53,4	72,7	27,4	2,5
Капальский	7,6	24,8	34,4	63,3	61,5	1,4
Каркаралинский	5,2	8,4	33,6	67,8	53,9	–
Кокчетавский	3,1	2,2	45,6	50,3	98,6	0,7
Кустанайский	1,2	1,3	49,8	55,3	89,0	0,2
Лбищенский	23,6	11,9	51,5	57,2	69,7	2,9
Лепсинский	9,7	15,3	34,0	63,4	71,1	1,1
Омский	1,0	0,4	27,3	53,5	75,6	0,1
Павлодарский	3,9	0,5	50,4	72,0	76,5	0,1
Перовский	20,4	36,5	64,3	62,7	48,3	2,7
Петропавловский	1,5	0,7	47,2	64,0	99,5	0,2
Семипалатинский	7,3	8,8	49,4	74,1	75,3	0,6
Темирский	20,0	18,0	48,7	48,7	52,2	1,1
Тургайский	2,1	5,0	27,9	27,9	39,1	0,1
Уральский	12,8	2,6	47,8	47,8	79,0	1,2
Усть-Каменогорский	4,3	10,0	39,0	56,0	91,0	0,6
Чимкентский	21,2	55,6	45,2	36,0	31,3	3,2

Источники: Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. С. 98–101.

Таблица 4

Группировка хозяйств по степени обеспеченности скотом, (%)

Уезды	Хозяйства, имеющие до 5 лошадей	Хозяйства, имеющие от 6 до 10 лошадей	Хозяйства, имеющие от 11 до 25 лошадей	Хозяйства, имеющие от 26 до 50 лошадей	Хозяйства, имеющие свыше 50 лошадей
Актюбинский	86,1		9,8	2,8	1,2
Атбасарский	51,7	19,0	19,4	6,3	3,3
Аулие-Атинский	76,4	—	—	—	1,8
Зайсанский	81,5	10,2	5,6	1,7	0,9
Иргизский	76,8	9,2	8,9	2,9	2,0
Казалинский	89,5	—	—	—	0,4
Каркаралинский	67,0	15,6	11,6	3,6	2,0
Кокчетавский	50,4	24,1	17,7	4,7	2,9
Кустанайский	55,9	18,8	16,7	5,6	3,7
Лбищенский	89,2	5,6	3,7	1,0	0,4
Омский	45,5	20,9	21,5	7,3	4,6
Павлодарский	56,2	19,2	15,6	4,8	3,6
Перовский	90,3	—	—	—	0,8
Петропавловский	62,6	19,9	12,7	3,1	1,6
Семипалатинский	78,0	10,1	7,4	2,6	1,8
Темирский	87,5	5,4	4,8	1,6	0,6
Тургайский	63,2	15,6	14,6	4,5	1,9
Уральский	85,2	8,6	1,6	3,0	1,4
Усть-Каменогорский	75,2	13,7	8,0	2,0	1,1
Чимкентский	93,9	—	—	—	0,2

Источники: см. сноску к табл. 3 и 5.

Таблица 5

Группировка хозяйств по степени обеспеченности скотом

Уезды	Хозяйства, имеющие до 10 лошадей		Хозяйства, имеющие от 11 до 25 лошадей		Хозяйства, имеющие от 26 до 50 лошадей		Хозяйства, имеющие свыше 50 лошадей	
	% от всех хозяйств уезда	% скота в хозяйствах данной группы	% от всех хозяйств уезда	% скота в хозяйствах данной группы	% от всех хозяйств уезда	% скота в хозяйствах данной группы	% от всех хозяйств уезда	% скота в хозяйствах данной группы
Акмолинский	72,3	34,9	18,3	23,5	5,5	13,8	3,9	27,6
Актюбинский	86,1	55,0	9,8	21,8	2,8	11,3	1,2	11,7
Атбасарский	70,8	38,4	19,4	25,3	6,3	15,7	3,3	20,4
Зайсанский	91,7	60,0	5,6	16,5	1,7	10,0	0,9	13,4
Каркаралинский	82,7	45,5	11,6	21,6	3,6	13,1	2,0	19,7
Кокчетавский	74,5	—	17,7	—	4,7	—	2,9	—
Кустанайский	74,7	30,3	16,7	22,0	5,6	15,0	3,7	32,6
Омский	66,5	28,1	21,5	24,7	7,3	16,5	4,6	30,6
Павлодарский	75,9	36,9	15,6	21,0	4,8	12,7	3,6	29,1
Петропавловский	82,5	46,9	12,7	24,4	3,1	11,8	1,6	16,8
Семипалатинский	88,1	48,9	7,4	16,7	2,6	11,3	1,8	23,0
Усть-Каменогорский	88,9	56,3	8,0	18,8	2,0	9,2	1,1	15,5

Источники: МКЗ. Т. III. Ч. I. Поаульные таблицы. С. 382–388; МКЗ. Т. VII. Порайонная таблица. С. 62–70; МКЗ. Т. II. Поаульные таблицы. С. 344–351; МКЗ. Т. VIII. Комбинаторная таблица. С. 22–25; МКЗ. Т. VI. Поаульные таблицы. С. 686–693; МКЗ. Т. I. Поаульные таблицы. С. 396; МКЗ. Т. V. Порайонная таблица. С. 92–96; МКЗ. Т. XI. Поаульные таблицы. С. 142–149; МКЗ. Т. IV. Поаульные таблицы. С. 340–349; МКЗ. Т. XII. Групповая таблица. С. 60–66; МКЗ. Т. X. Таблица статистических сведений о хозяйствах. С. 22–25; МКЗ. Т. IX. Поаульные таблицы. С. 290–297. Подсчет мой. – Н. М.

Продолжение таблицы 5

Группировка хозяйств по степени обеспеченности скотом (%)

Группировка	Капальский уезд	Джаркентский уезд	Верненский уезд	Лепсинский уезд
I. Хозяйства, имеющие до 15 единиц скота:	73,9	59,3	67,8	79,2
им принадлежит скота:	31,5	19,1	26,8	
II. Хозяйства, имеющие от 16 до 25 единиц скота:	13,3	16,6	14,9	11,3
им принадлежит скота:	17,8	15,5	17,9	
III. Хозяйства, имеющие от 26 до 50 единиц скота:	9,4	15,3	11,6	6,7
им принадлежит скота:	22,2	25,3	24,9	
IV. Хозяйства, имеющие от 51 до 100 единиц скота:	3,2	6,0	4,3	2,1
им принадлежит скота:	15,3	19,8	18,1	
V. Хозяйства, имеющие свыше 100 единиц скота:	1,1	2,5	1,2	0,8
им принадлежит скота:	13,1	20,1	12,1	

Источник: МОН. Т. II. Табл. С. 510–525; МОН. Т. III. Табл. С. 372–377; МОН. Т. IV. Табл. С. 430–437; МОН. Т. I. Табл. Подсчет мой. – Н. М.

Таблица 6

Коэффициент социального неравенства по степени общей обеспеченности скотом

Уезды	Коэффициент Джини	Коэффициент Лоренца
Акмолинский	0.441	37.2
Актюбинский	0.435	31.2
Атбасарский	0.381	32.3
Верненский	0.489	41.0
Джаркентский	0.524	41.3
Зайсанский	0.330	38.2
Капальский	0.474	41.8
Каркаралинский	0.404	37.8
Кустанайский	0.507	44.0
Омский	0.466	38.4
Павлодарский	0.449	38.7
Петропавловский	0.386	35.8
Семипалатинский	0.416	41.7
Тургайский	0.482	36.6
Усть-Каменогорский	0.345	36.6

Таблица 6а

Коэффициент социального неравенства по степени обеспеченности конским поголовьем

Уезды	Коэффициент Джини	Уезды	Коэффициент Джини
Акмолинский	0.660	Каркаралинский	0.648
Верненский	0.546	Капальский	0.558
Джаркентский	0.666	Семипалатинский	0.683
Зайсанский	0.605	Усть-Каменогорский	0.591

Таблица 7

Степень монополизации скота классом
богатых скотовладельцев (%)

Группировка	Акмолинский уезд	Зайсанский уезд	Каркаралинский уезд	Петропавловский уезд	Семипалатинский уезд	Усть-Каменогорский уезд
I. Хозяйства, имеющие от 26 до 50 лошадей	5,5	1,7	3,6	3,1	2,6	2,0
Им принадлежит:						
лошадей	16,1	13,4	16,0	13,6	14,8	11,7
овец	15,2	9,9	14,1	12,7	10,9	9,2
верблюдов	14,4	10,8	12,3	9,8	11,7	12,9
крупного рогатого скота	8,5	3,3	5,5	8,2	5,4	3,7
II. Хозяйства, имеющие свыше 50 лошадей	3,9	0,9	2,0	1,6	1,8	1,1
Им принадлежит:						
лошадей	38,8	22,9	28,8	22,3	34,7	24,1
овец	23,8	10,2	15,7	14,3	19,4	9,5
верблюдов	27,4	12,8	14,2	77,3	20,7	19,6
крупного рогатого скота	9,4	3,3	5,0	8,0	6,0	5,0

Источники: МКЗ. Т. III. Ч. I. Поаульные таблицы. С. 382–388; МКЗ. Т. VIII. Комбинационная таблица. С. 22–25; МКЗ. Т. VI. Поаульные таблицы. С. 686–693; МКЗ. Т. XII. Групповая таблица статистических сведений с группировкой хозяйств. С. 60–66; МКЗ. Т. X. Таблица статистических сведений о хозяйствах. С. 22–25; МКЗ. Т. IX. Поаульные таблицы. С. 290–297. Подсчет мой. – Н. М.

Таблица 8

Количество скота по видам, которое приходится в среднем
на одно хозяйство, по группам в зависимости от степени
обеспеченности скотом
(в числителе – лошади, в знаменателе – крупный рогатый скот)

Уезды	Хозяйства, имеющие до 5 лошадей	Хозяйства, имеющие от 6 до 10 лошадей	Хозяйства, имеющие от 11 до 25 лошадей	Хозяйства, имеющие от 26 до 50 лошадей	Хозяйства, имеющие свыше 50 лошадей
Акмолинский	$\frac{2,4}{9,0}$	$\frac{9,9}{10,2}$	$\frac{20,3}{13,0}$	$\frac{44,7}{17,1}$	$\frac{167,5}{27,3}$
Атбасарский	$\frac{2,5}{4,2}$	$\frac{10,1(?)}{5,8}$	$\frac{20,4}{7,8}$	$\frac{44,6}{9,9}$	$\frac{133,7}{15,2}$
Зайсанский	$\frac{1,9}{2,7}$	$\frac{9,8}{3,4}$	$\frac{20,6}{4,3}$	$\frac{45,7}{5,7}$	$\frac{150,0}{11,1}$
Каркаралинский	$\frac{2,2}{4,5}$	$\frac{9,6}{5,3}$	$\frac{20,1}{6,5}$	$\frac{43,3}{7,9}$	$\frac{136,1}{12,6}$
Кокчетавский	$\frac{3,2}{5,2}$	$\frac{10,2(?)}{7,8}$	$\frac{20,6}{11,6}$	$\frac{45,2}{18,4}$	$\frac{164,7}{32,8}$
Кустанайский	$\frac{2,5}{6,3}$	$\frac{9,1}{9,4}$	$\frac{19,2}{13,3}$	$\frac{41,9}{21,7}$	$\frac{156,5}{51,3}$
Омский	$\frac{3,2}{8,3}$	$\frac{10,5(?)}{11,7}$	$\frac{21,2}{16,5}$	$\frac{45,4}{25,1}$	$\frac{160,9}{46,3}$
Павлодарский	$\frac{2,5}{10,4}$	$\frac{9,3}{13,6}$	$\frac{19,1}{17,4}$	$\frac{41,9}{24,2}$	$\frac{162,4}{48,7}$
Петропавловский	$\frac{1,6}{5,3}$	$\frac{9,7}{8,5}$	$\frac{20,0}{13,1}$	$\frac{43,4}{21,2}$	$\frac{139,9}{40,5}$
Семипалатинский	$\frac{1,9}{4,3}$	$\frac{9,7}{7,0}$	$\frac{20,5}{8,3}$	$\frac{45,1}{11,0}$	$\frac{153,6}{17,6}$
Усть-Каменогорский	$\frac{2,6}{3,2}$	$\frac{9,5}{3,5}$	$\frac{19,7}{4,7}$	$\frac{44,0}{6,5}$	$\frac{152,2}{14,7}$

в числителе – овцы, в знаменателе – единицы скота

Акмолинский	$\frac{9,4}{9,5}$	$\frac{19,6}{18,3}$	$\frac{35,0}{31,6}$	$\frac{68,2}{60,9}$	$\frac{153,2}{174,8}$
Атбасарский	$\frac{18,2}{13,1}$	$\frac{31,7}{22,7}$	$\frac{56,2}{37,9}$	$\frac{105,3}{71,6}$	$\frac{228,0}{177,0}$
Зайсанский	$\frac{19,7}{7,1}$	$\frac{66,8}{22,0}$	$\frac{118,0}{39,9}$	$\frac{210,3}{77,4}$	$\frac{417,0}{200,3}$
Каркаралинский	$\frac{13,8}{7,4}$	$\frac{34,5}{17,6}$	$\frac{60,5}{31,7}$	$\frac{121,4}{62,6}$	$\frac{236,3}{163,4}$

Продолжение таблицы 8

Кокчетавский	4,4	14,0	33,3	69,9	143,3
Кустанайский	3,4 6,9	11,2 15,8	24,8 29,4	53,2 59,4	146,7 197,3
Омский	5,4 7,9	13,5 16,2	23,0 28,7	42,7 56,1	90,0 172,9
Павлодарский	8,7 9,8	22,7 20,0	43,6 34,9	89,4 67,8	190,5 206,5
Петропавловский	3,8 6,1	13,5 14,6	27,0 27,7	46,4 54,5	102,9 152,7
Семипалатинский	12,1 6,5	31,7 17,6	58,8 31,6	101,9 60,3	262,5 178,9
Усть-Каменогорский	13,3 6,8	32,3 15,5	59,9 28,7	108,4 57,8	186,7 162,4

Источники: МКЗ. Т. III. Ч. I. Поаульные таблицы. С. 382–388; МКЗ. Т. II. Поаульные таблицы. С. 344–351; МКЗ. Т. VIII. Комбинаторная таблица. С. 22–25; МКЗ. Т. VI. Поаульные таблицы. С. 686–693; МКЗ. Т. I. Поаульные таблицы. С. 396–403; МКЗ. Т. V. Порайонная таблица. С. 92–96; МКЗ. Т. XI. Поаульные таблицы. С. 142–149; МКЗ. Т. IV. Поаульные таблицы. С. 340–349; МКЗ. Т. XII. Групповая таблица статистических сведений с группировкой хозяйств. С. 60–66; МКЗ. Т. X. Таблица статистических сведений о хозяйствах. С. 22–25; МКЗ. Т. IX. Поаульные таблицы. С. 290–297. Подсчет мой. – Н. М.

Таблица 9

Хозяйства, берущие скот на выпас в саун, (%)

Уезды	Хозяйства, имеющие до 5 лошадей	Хозяйства, имеющие 6–10 лошадей	Хозяйства, имеющие 11–25 лошадей	Хозяйства, имеющие 26–50 лошадей	Хозяйства, имеющие свыше 50 лошадей
Акмолинский	3,3	0,9	0,5	0,4	0,5
Зайсанский	11,3	1,2	0,2	–	–
Каркаралинский	6,0	0,9	0,1	–	–
Кустанайский	6,9	1,5	0,6	0,01	–
Омский	8,0	2,4	0,9	–	–
Петропавловский	9,7	1,1	0,2	–	–
Семипалатинский	6,2	1,5	0,2	–	–
Усть-Каменогорский	3,8	0,6	0,08	–	–

Источники: см. сноску к табл. 8.

Таблица 10

Хозяйства, нанимающие и выделяющие батраков (%)
(в числителе – нанимают работников, в знаменателе – выделяют)

Уезды	Хозяйства имеющие до 5 лошадей	Хозяйства имеющие 6–10 лошадей	Хозяйства имеющие 11–25 лошадей	Хозяйства имеющие 26–50 лошадей	Хозяйства имеющие свыше 50 лошадей
Акмолинский	9,6 19,4	24,8 7,1	49,5 2,2	74,8 0,6	92,9 –
Актюбинский	–	–	78,5 0,7	94,6 –	100,0 –
Атбасарский	1,3 15,9	8,2 7,1	23,2 3,3	62,2 0,3	88,1 –
Зайсанский	5,6 24,8	26,8 6,3	53,2 3,9	80,2 3,5	96,8 4,9
Каркаралинский	3,0 29,3	14,7 8,4	39,9 3,2	73,4 0,4	93,4 –
Кокчетавский	0,7	7,5	31,3	67,1	82,7
Кустанайский	14,3 30,6	24,2 9,0	48,2 2,4	81,1 0,2	98,1 –
Омский	6,3 51,4	19,8 26,5	41,5 11,6	61,4 4,4	88,6 0,3
Павлодарский	1,6	9,5	31,4	70,5	94,0
Петропавловский	5,7	22,6	39,0	84,3	97,7
Семипалатинский	14,3 44,5	27,6 21,8	54,3 7,2	85,2 1,4	97,9 0,7
Усть-Каменогорский	11,5 58,7	22,6 24,9	43,2 11,8	76,7 3,0	94,8 0,5

Источники: см. сноску к табл. 8.

Таблица 11

Хозяйства, имеющие посеы и занимающиеся промыслами, (%)
(в числителе – хозяйства с посевами, в знаменателе – с промыслами)

Уезды	Хозяйства имеющие до 5 лошадей	Хозяйства имеющие 6–10 лошадей	Хозяйства имеющие 11–25 лошадей	Хозяйства имеющие 26–50 лошадей	Хозяйства имеющие свыше 50 лошадей
Акмолинский	$\frac{62,6}{27,6}$	$\frac{61,2}{14,1}$	$\frac{63,3}{8,4}$	$\frac{55,8}{6,7}$	$\frac{47,5}{5,2}$
Актюбинский	–	–	$\frac{16,4}{-}$	$\frac{21,5}{-}$	$\frac{27,0}{-}$
Атбасарский	$\frac{22,1}{-}$	$\frac{11,9}{-}$	$\frac{6,3}{-}$	$\frac{2,5}{-}$	$\frac{2,3}{-}$
Зайсанский	$\frac{72,6}{18,3}$	$\frac{73,3}{5,1}$	$\frac{71,9}{3,5}$	$\frac{70,0}{3,2}$	$\frac{74,5}{4,3}$
Каркаралинский	$\frac{11,8}{35,1}$	$\frac{11,2}{13,1}$	$\frac{13,2}{8,6}$	$\frac{13,4}{5,1}$	$\frac{14,4}{6,2}$
Кокчетавский	$\frac{54,4}{-}$	$\frac{33,8}{-}$	$\frac{15,6}{-}$	$\frac{6,0}{-}$	$\frac{4,3}{-}$
Кустанайский	$\frac{40,9}{-}$	$\frac{23,1}{-}$	$\frac{17,9}{-}$	$\frac{17,5}{-}$	$\frac{18,1}{-}$
Омский	$\frac{78,1}{-}$	$\frac{58,7}{-}$	$\frac{43,6}{-}$	$\frac{29,7}{-}$	$\frac{21,9}{-}$
Павлодарский	$\frac{42,1}{-}$	$\frac{21,7}{-}$	$\frac{12,6}{-}$	$\frac{5,5}{-}$	$\frac{8,2}{-}$
Петропавловский	$\frac{21,2}{-}$	$\frac{27,8}{-}$	$\frac{33,6}{-}$	$\frac{39,4}{-}$	$\frac{33,7}{-}$
Семипалатинский	$\frac{49,3}{-}$	$\frac{53,3}{-}$	$\frac{49,6}{-}$	$\frac{44,1}{-}$	$\frac{41,1}{-}$
Усть-Каменогорский	$\frac{73,6}{65,2}$	$\frac{77,0}{30,9}$	$\frac{78,3}{17,2}$	$\frac{77,0}{11,6}$	$\frac{69,5}{9,1}$

Источники: см. сноску к табл. 8.

Таблица 12

Распространение земледелия и оседлости

Уезды	Год обследования	Общее число хозяйств	Земледелие		Оседлость	
			Число хозяйств с посевами	%	Число оседлых хозяйств	%
Акмолинский	1896/1900	18643	11462	61,4	798	4,2
Актюбинский	1898/99	17689	16703	94,4	–	–
Атбасарский	1897	12837	3938	30,6	823	6,4
Аулис-Атинский	1907/09	35283	32507	92,1	17606	49,9
Верненский	1911	26794	21238	79,2	4092	15,2
Джаркентский	1910	14594	9968	68,5	529	3,6
Зайсанский	1899	17784	12889	72,4	2410	13,5
Иргизский	1911	17328	3970	22,9	–	–
Казалинский	1911	24223	12088	49,9	13842	57,1
Капальский	1909/10	31931	26027	81,5	9001	28,1
Каркаралинский	1898/99	19016	3265	17,1	836	4,3
Кокчетавский	1896	12498	2782	22,2	581	4,6
Кустанайский	1898	19474	15048	77,2	144	0,7
Лбищенский	1912	17939	8435	47,0	–	–
Лепсинский	1909	26301	20450	77,7	7883	28,0
Омский	1901	6593	206	3,1	–	–
Павлодарский	1897	21837	5291	24,2	687	3,1
Перовский	1910	23689	17722	74,8	14494	61,2
Петропавловский	1901	11399	2843	24,9	527	4,6
Семипалатинский	1899/1900	21512	10665	49,5	2480	11,5
Темирский	1908	16616	10434	77,9	–	–
Тургайский	1908	15344	3355	21,8	–	–
Уральский	1904/06	12620	10503	85,1	–	–
Усть-Каменогорский	1900	15100	10488	69,4	1502	9,9
Чимкентский	1907/08	29526	23802	80,6	13729	46,5

Источники: см. сноски к табл. 2 и 5.

Таблица 13

Средний размер запашки в расчете
на одно сеющее хозяйство (десятин)

Акмолинский уезд	2,1	Актюбинский уезд	6,1
Атбасарский уезд	1,5	Аулие-Атинский уезд	4,5
Верненский уезд	3,4	Джаркентский уезд	0,9
Зайсанский уезд	–	Казалинский уезд	1,9
Капальский уезд	2,0	Каркаралинский уезд	2,1
Кокчетавский уезд	2,0	Кустанайский уезд	3,6
Лбищенский уезд	3,6	Лепсинский уезд	1,7
Омский уезд	1,8	Павлодарский уезд	1,6
Перовский уезд	1,7	Петропавловский уезд	2,1
Темирский уезд	3,7	Тургайский уезд	1,7
Усть-Каменогорский уезд	1,2	Чимкентский уезд	5,0

Таблица 14

Число отсутствовавших и посторонних хозяйств

Уезды	Общее число хозяйств	Число отсутствовавших хозяйств	%	Число посторонних хозяйств	%
Каркаралинский	19016	1480	7,7	556	2,9
Усть-Каменогорский	15100	1288	8,5	265	1,7
Зайсанский	21984	4200	19,1	–	–
Петропавловский	12470	1071	8,5	256	2,0
Джаркентский	17225	2631	15,2	–	–
Верненский	29844	3050	10,2	–	–
Лбищенский	25934	6097	23,5	–	–
Семипалатинский	23329	1817	7,7	883	3,7

Источники: см. сноски к предыдущим таблицам.

Таблица 15

Расселение и численность казахов
на территории Казахстана, согласно
Первой всеобщей переписи населения
Российской империи 1897 г.

Область, уезд	Общая площадь в кв. верстах	Общая численность населения, человек	Средняя плотность населения на 1 кв. версту	Численность казахского населения ^{**} , человек	Удельный вес казахского населения в процентах
Уральская область	284 411,8	645 121	2,27	460 173	71,33
Уральский уезд	46 315,1	293 619	6,34	150 901	51,39
Гурьевский уезд	58 243,1	86 758	1,49	70 921	81,74
Лбищенский уезд	62 017,6	169 673	2,57	144 257	85,02
Темирский уезд	117 836,0	95 071	0,81	94 094	98,97
Закаспийская область					
Мангышлакский уезд	190 200,0	68 555	0,36	63 795	93,05
Тургайская область	399 780,0	453 416	1,14	410 904	90,62
Кустанайский уезд	72 740,0	152 556	2,10	118 022	77,36
Актюбинский уезд	50 360,0	115 215	2,29	109 585	95,11
Иргизский уезд	128 660,0	98 697	0,77	97 143	98,42
Тургайский уезд	148 020,0	86 948	0,61	86 154	99,08
Акмолинская область	460 690,0	582 069	1,25	389 204	66,86
Акмолинский уезд	108 390,0	185 058	1,70	166 343	89,88
Атбасарский уезд	219 420,0	86 413	0,39	74 728	86,47
Кокчетавский уезд	69 290,0	155 461	2,24	79 041	50,84
Петропавловский уезд	63 590,0	155 137	2,44	69 092	44,53
Семипалатинская область	445 310,0	684 590	1,54	604 564	88,3
Семипалатинский уезд	69 880,0	156 801	2,24	122 296	77,99
Зайсанский уезд	34 960,0	95 072	2,72	88 865	93,47
Каркаралинский уезд	186 370,0	171 655	0,92	169 656	98,83

Продолжение таблицы 15

Павлодарский уезд	98 130,0	157 487	1,60	142 562	90,52
Усть-Каменогорский уезд	55 970,0	103 575	1,85	81 185	78,38
Семиреченская область	219 670,0	663 769	3,02	515 001	77,58
Верненский уезд	58 330,0	223 883	3,84	151 485	67,66
Джаркентский уезд	5 160,0	122 636	23,77	81 728	66,64
Капальский уезд	69 100,0	136 421	1,97	125 681	92,12
Лепсинский уезд	87 080,0	180 829	2,08	156 107	86,32
Сырдарьинская область	316 010,0	835 432	2,64	741 811	88,79
Аулиеатинский уезд	65 420,0	276 169	4,22	250 988	90,88
Казалинский уезд	59 800,0	140 541	2,35	135 850	96,66
Перовский уезд	65 840,0	133 663	2,03	130 269	97,46
Чимкентский уезд	124 950,0	285 059	2,28	224 704	78,82
Астраханская губерния					
Внутренняя орда	70 781,0	214 796	3,03	207 299	96,50

* Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. LXXXVIII. Уральская область. СПб., 1904. С. 1–3, 48; Вып. LXXXVII. Тургайская область. СПб., 1904. С. 1–3, 38; Вып. LXXXI. Акмолинская область. СПб., 1904. С. 1–3, 50; Вып. LXXXIV. Семипалатинская область. СПб., 1905. С. 1–3, 54; Вып. LXXXV. Семиреченская область. СПб., 1905. С. 1–3, 52; Вып. LXXXVI. Сырдарьинская область. СПб., 1905. С. 1–3, 56; Вып. LXXXII. Закаспийская область. СПб., 1904. С. 54–55; Вып. II. Астраханская губерния. СПб., 1904. Тетрадь 2. С. 42–43, IV.

** В материалах переписи казахи и кыргызы проходят под общей рубрикой «киргызы».

ЛИТЕРАТУРА

Абатуров Б. Д., Лопатин В. Н. Влияние пастбищного удаления фитомассы на продуктивность растительности // Млекопитающие в наземных экосистемах. Вопросы териологии. М.: Наука, 1985. С. 27–37.

Абдраимов С. А. Аридные пастбища Казахстана. Алма-Ата: Кайнар, 1988.

Абрамзон С. М. Категории семейно-групповой, семейной и индивидуальной собственности у кочевников (казахи, киргизы, алтайцы, тувинцы, монголы). IX МКАЭН. М.: Наука, 1973.

Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971.

Абрамзон С. М. Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ // СЭ. 1970. № 6. С. 61–72.

Абрамзон С. М. Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 132–156.

Абрамзон С. М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Абрамзон С. М., Поталов Л. П. Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории (на материале тюркоязычных кочевников) // СЭ. 1975. № 6. С. 28–41.

Абрамов Н. А. Алматы, или укрепление Верное, с его окрестностями // ЗРГООГ. 1867. Т. I.

Абрамов Н. А. Город Копал с его округом, в 1862 году // ЗРГООГ. 1867а. Т. I. С. 279–320.

Абрамов Н. А. Киреевские киргизы Сибирского ведомства // ИРГО. 1866. Т. II. № 5.

Абрамов Н. А. Река Каратал, с ее окрестностями // ЗРГООГ. 1867б. Т. I. С. 269–278.

Абрамович Д. И., Арефьева В. Е., Иогансон В. Е. Реки и озера // Казахстан. Общая физико-географическая характеристика. М.; Л., 1950. С. 177–206.

Абульханов Р. Ф. Принципы общественной организации производства (теория общественной формы труда К. Маркса). М.: МГУ, 1982.

Абусейтова М. Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата: Наука, 1985.

Абылхожин Ж. Б. Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации: 1920–1930-е гг. Алма-Ата: Наука, 1991.

Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б. Демографическая катастрофа // ВИ. 1989. № 7.

Аверкиева Ю. П. Индейское кочевое общество XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1970.

Аверкиева Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии. М.: Наука, 1979.

Агаджанов С. Г. Ногайцы и туркмены: исторические и этнокультурные связи // Историко-географические аспекты развития Ногайской орды. Махачкала, 1993. С. 36–42.

Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969.

Агз А. Мир человека как субъекта производства. М.: Прогресс, 1984.

Агесс П. Ключи к экологии. Л.: Гидрометеиздат, 1982.

Агроценозы степной зоны. Новосибирск: Наука, 1984.

Адильгиреев Х. М. К истории образования казахского народа // ВАН КазССР. 1951. № 1 (70). С. 81–96.

Азиатский вестник. 1826. № 1.

Акишев А. К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984.

Акишев К. А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 31–46.

Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские: (Общее и особенное в культуре). // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1973. С. 43–58.

Акишев К. А., Байпаков К. М. Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата: Мектеп, 1979.

Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963.

Ақынжанов М. Б. Қазақтың тегі туралы. Алматы, 1957.

Алаев Л. Б. Опыт типологии средневековых обществ Азии // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М.: Наука, 1982. С. 6–59.

Алаев Л. Б. Проблема добуржуазных формаций на Востоке // Советское востоковедение. Проблемы и перспективы. М.: Наука, 1988. С. 151–155.

Алаев Л. Б. Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции. М.: Наука, 1981.

Александров Е. Пути кочевков киргиз Малой орды Перовского и Казалинского уездов // ТВ. 1884. № 51.

Александров Н. Н. Земледелие в Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1916.

Александров Ю. Г. Аграрное перенаселение в странах Востока. М.: Наука, 1988.

Алексеев В. П. Антропогеоценозы – сущность, типология, динамика // Природа. 1975. № 7. С. 18–23.

Алексеев В. П. Географические очаги формирования человеческих рас. М.: Мысль, 1985.

Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989.

Алексеев В. П. О самом раннем этапе расообразования и этногенеза // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982. С. 32–55.

Алексеев В. П. Становление человечества. М.: Политиздат, 1984.

Алексеев В. П. Этногенез. М.: Высшая школа, 1986.

Алексеева Т. И. Географическая среда и биология человека. М.: Мысль, 1977.

Алексеевко Н. В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870–1914 гг.). Алма-Ата: Наука, 1981.

Алекторов А. Е. Внутренняя Букеевская орда // ОЛ. 1887. № 24.

Алекторов А. Е. Киргизы // ОЛ. 1886. №. 13–20, 22–25.

Алекторов А. Е. Киргизы-казаки. Исторический очерк // ОЛ. 1889. № 30, 32, 42, 44, 45, 47, 50–52.

Алекторов А. Е. Образ жизни киргизов // ОЛ. 1890. № 16, 17.

Алекторов А. Е. Скотоводство киргизов // ОЛ. 1888. № 17–19.

Алекторов А. Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. Казань, 1900.

Алитовский С. Н. Аграрный вопрос в современном Ираке. М.: Наука, 1966.

Алланиязов А., Викторов С. В., Пельт Н. Н. Экологические аспекты освоения пустыни Устюрт. Ташкент: Фан, 1984.

Алтынсарин И. Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства // ЗООРГО. 1870. Вып. 1. С. 101–136.

Аманжолов С. А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1959. Ч. 1.

Амброз А. К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 10–23.

Амброз А. К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // СА. 1973. № 4.

Андреев И. Г. Описание Средней орды киргис-кайсаков, с касающимися до сего народа, також и прилежащих к Российской границе, по части Колыванской и Тобольской губерний, крепостей дополнениями // НЕС. 1795–1796. Ч. 110–118.

Андреев И. Л. Происхождение человека и общества. Изд. 2-е. М.: Мысль, 1988.

Андрианов Б. В. «Этническая непрерывность»: миф или реальность? // Расы и народы. Ежегодник. Вып. 19. 1989. М.: Наука, 1989. С. 18–21.

Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М.: Наука, 1969.

Андрианов Б. В. Земледелие наших предков. М.: Наука, 1978.

Андрианов Б. В. Историческое взаимодействие кочевых культур и древних земледельческих цивилизаций в свете концепции о хозяйственно-культурных типах // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989а. С. 8–21.

Андрианов Б. В. Некоторые замечания о дефинициях и терминологии скотоводческого хозяйства // СЭ. 1982. № 4. С. 76–80.

Андрианов Б. В. Неоседлое население мира (историко-этнографическое исследование). М.: Наука, 1985.

Андрианов Б. В. Неоседлое население мира и опыт его картографирования // Проблемы этнической географии и картографии. М.: Наука, 1978а. С. 119–122.

Андрианов Б. В. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс // СЭ. 1968. № 2.

Андрианов Б. В., Марков Г. Е. Хозяйственно-культурные типы и способы производства // ВИ. 1990. № 8. С. 3–15.

Аничков И. В. Очерки народной жизни северного Туркестана. Сборник. Ташкент, 1899.

Аничков И. В. Упадок народного хозяйства в киргизских степях // Русская мысль. 1902. № 5. Отд. II. С. 50–73.

Аннанепесов М. Хозяйство туркмен в XVIII–XIX вв. Ашхабад: Ылым, 1972.

Анучин В. А. Географический фактор в развитии общества. М.: Мысль, 1982.

Аполлова Н. Г. Опыт поливного земледелия казахов и каракалпаков в районах Сырдарьи и Амударьи в XVII – первой половине XIX в. // Из исторического опыта сельского хозяйства СССР. Сб. VII. М.: Наука, 1969. С. 99–116.

Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М., 1976.

Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Аргынбаев Х. А. Казахское прикладное искусство. Алма-Ата: Онер, 1987.

Аргынбаев Х. А. Некоторые особенности хозяйства казахов Копальского уезда Семиреченской области (в конце XIX – начале XX в.) // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1973. С. 154–160.

Аргынбаев Х. А. О казахском народном опыте по лечению болезней сельскохозяйственных животных. Алма-Ата: Казсельхозгиз, 1963.

Аргынбаев Х. А. Семья и брак у казахов. Автореф. дисс. ... д. и. н. Алма-Ата, 1975.

Аргынбаев Х. Қазақ халқындағы семья мен неке. Алматы: Ғылым, 1973.

Аргынбаев Х. Қазақтың мал шаруашылығы жайында этнографиялық очерк. Алматы: Ғылым, 1969.

Арешян Г. Е. Роль неоседлых скотоводов в развитии цивилизаций Евразии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 21–24.

Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Вып. III–IV. СПб., 1896. С. 277–456.

Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина. Вып. III–IV. СПб., 1894. С. 391–486.

Арманд А. Д. Самоорганизация и саморегулирование географических систем. М.: Наука, 1988.

- Арманд Д. Л. Наука о ландшафте. М.: Наука, 1975.
- Арнагельдыев А., Костюковский В. И. Пустыня Каракумы. Природа и человек. М.: Наука, 1985.
- Артамонов М. И. Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии. Межвузовский сборник. Вып. 1. Л.: ЛГУ, 1977. С. 4–13.
- Артамонов М. И. История хазар. Л.: Госэрмитаж, 1962.
- Артамонов М. И. Сокровища саков. М.: Искусство, 1973.
- Артемова О. Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине (по австралийским этнографическим данным). М.: Наука, 1987.
- Арутюнов С. А. Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // Этнографические исследования развития культуры. М.: Наука, 1985. С. 31–49.
- Арутюнов С. А. Классификационное пространство этнической типологии // СЭ. 1986. № 4. С. 58–64.
- Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989.
- Арутюнов С. А. Обычай, ритуал, традиция // СЭ. 1981. № 2. С. 97–99.
- Арутюнов С. А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // СЭ. 1982. № 1. С. 8–21.
- Арутюнов С. А. Фантом безэтничности // Расы и народы. Ежегодник. Вып. 19. М.: Наука, 1989а. С. 22–24.
- Арутюнов С. А. Этнические общности доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982а. С. 55–82.
- Арутюнов С. А. Этнографическая наука и изучение культурной динамики // Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979. С. 24–60.
- Арутюнов С. А., Маркарян Э. С., Мкртумян Ю. И. Проблемы исследования культуры жизнеобеспечения этноса // СЭ. 1983. № 2. С. 22–31.
- Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И. Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М.: Наука, 1984. С. 19–33.
- Арутюнов С. А., Хазанов А. М. Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы: проблемы соотношения // Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979. С. 140–147.

- Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Ежегодник. Вып. 2. М.: Наука, 1972. С. 19–29.
- Архив Маркса и Энгельса. Т. V. М.: Политиздат, 1938.
- Асфендияров С. Д. История Казахстана (с древнейших времен). Т. I. М.; Алма-Ата: Казахское краевое изд-во, 1935.
- Аткинсон Т. Путешествие в казахские степи // Простор. 1972. № 3. С. 36–52.
- Афанасьев А. В. Зоогеография Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960.
- Афанасьев В. Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980.
- Ахинжанов М. Б. Выступление // Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955. С. 112–114.
- Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1989.
- Ахинжанов С. М. Об этническом составе кыпчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 81–93.
- Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М.: Наука, 1965.
- Ахмедов Б. А. Значение письменных памятников в изучении этнической истории узбеков // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986.
- Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XV–XVIII вв. Ташкент: Фан, 1985.
- Ашмарин А. Кочевые пути, зимовые стойбища и летовки: историческое описание // Советская Киргизия. 1925. № 5–6. С. 111–124.
- Эбдірахманов А. Қазақстан этнотопонимикасы (зерттелу тарихынан). Алматы, 1979.
- Бабаджанов М.-С. Лошади и их испытание во Внутренней киргизской орде // Журнал коннозаводства. 1871. Май. № 5. С. 21–37; Июнь. № 6. С. 35–48, 63–87.
- Багиров Б. Утоление жажды. (Физиология и гигиена питьевого режима). Ашхабад: Ылым, 1987.
- Базанов У. Б. Описание зимовок и летовок киргиз Копальского уезда и кочевых дорог с зимних стойбищ на летние // Труды 1-го съезда ветеринарных врачей Семиреченской области в Верном 16–22 февраля 1904 г. Верный, 1904. С. 109–113.

Базинер Т. Путешествие через Киргизские степи в Хиву в 1842–1843 годах // ТВ. 1873. № 31, 46.

Байдал М. Х. Циркуляционные факторы климата // Климат Казахстана. Л.: Гидрометеоздат, 1959. С. 30–63.

Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). Алма-Ата: Наука, 1986.

Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древние города Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1971.

Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста, 1995.

Баландин Р. К., Бондарев Л. Г. Природа и цивилизация. М.: Мысль, 1988.

Балицкий Ю. Заметки о кочевом населении в Верненском уезде // ТВ. 1873. № 6.

Балкашин Н. Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб., 1887.

Баллюзек Л. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие, в Малой киргизской орде силу закона // ЗООРГО. Вып. 2. 1871. С. 45–167.

Бальмонт В. А. Ермеков М. А. Овцеводство Казахстана и пути его улучшения. Алма-Ата, 1939.

Баратова Г. С. Социально-экономическая история уйгуров Семиречья на рубеже XIX–XX вв. Автореф. дисс. ... к. и. н. Алма-Ата, 1989.

Баратова Г. С. Социально-экономическая структура уйгурского населения Семиречья на рубеже XIX–XX вв. // ИАН КазССР. Сер. обществ. наук. 1988. № 3. С. 47–53.

Баратова Г. С., Исхаков Г. М., Масанов Н. Э. Проблемы этногенеза уйгуров // К вопросу об историко-культурном развитии Восточного Туркестана: IX–XII вв. Алма-Ата: Наука, 1986. С. 3–25.

Барбаро и Контарини о России. К истории итапо-русских связей в XV в. Л.: Наука, 1971.

Барз М. А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984.

Барминцев Ю. Н. Мясное и молочное коневодство. М.: Изд-во с.-х. лит.-ры, журналов и плакатов, 1963.

Барминцев Ю. Н. Эволюция конских пород в Казахстане. (Опыт зоотехнического исследования проблемы породообразования). Алма-Ата: Казгосиздат, 1958.

Баронов С. Ф. Опыт медико-санитарного обследования среди казаков // Казаки. Антропологические очерки. МОКИСАР. Вып. 3. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 33–57.

Барсегян И. А. О классификации форм культурной традиции // СЭ. 1981. № 2. С. 102–103.

Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В. В. Соч. Т. V. М.: Наука, 1968. С. 17–192.

Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России // Бартольд В. В. Соч. Т. IX. М.: Наука, 1977. С. 197–482.

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. 1. М.: Наука, 1963. С. 167–433.

Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов // Бартольд В. В. Соч. Т. V. М.: Наука, 1968. С. 193–229.

Бартольд В. В. История Туркестана // Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. 1. М.: Наука, 1963. С. 107–166.

Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья // Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. 1. М.: Наука, 1963. С. 21–106.

Бартольд В. В. Рецензия на книгу: Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности (1897) // Бартольд В. В. Соч. Т. V. М.: Наука, 1968. С. 266–279.

Бартольд В. В. Статьи из «Энциклопедии ислама». Дуглат // Бартольд В. В. Соч. Т. V. М.: Наука, 1968. С. 529–533.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Соч. Т. I. М.: Наука, 1963. С. 43–597.

Басилов В. Н. Хозяйство западных туркмен-емудов в дореволюционный период и связанные с ним обряды и верования // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1973. С. 172–206.

Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма-Ата: Наука, 1971.

Баскаков Н. А. Жилища приилийских казахов // СЭ. 1971. № 4. С. 109–115.

Баскаков Н. А. Имена половцев и названия половецких племен в русских летописях // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984. С. 48–77.

Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.

Баскин Л. М. Этология стадных животных. М.: Знание, 1986.
Батнасан Г. Некоторые особенности перехода к оседлому образу жизни в Монгольской Народной Республике // СЭ. 1977. № 2. С. 68–76.

Батнасан Г. Некоторые особенности современных кочевков и оседлости в МНР // Третий международный конгресс монголоведов. Т. I. Улан-Батор, 1978. С. 68–71.

Батраков В. С. Особенности феодализма у кочевых народов // Научная сессия АН Узбекской ССР 9–14 июля 1947 года. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1947.

Батуева И. Б. Традиционные формы скотоводства у бурят во второй половине XIX – начале XX в. Автореф. дисс. ... к. и. н. М., 1986.

Башарин Г. П. О патриархально-феодальных отношениях в Якутии к XVIII – первой половине XIX века // ВИ. 1955. № 3.

Башлаков Я. К. Снежный покров и его влияние на природные процессы и хозяйственную деятельность Тюменской области. Л.: Наука, 1983.

Бейлис В. А. Традиция в современных культурах Африки: по материалам Западной и Африканской литературы. М.: Наука, 1986.

Бейсембиев Т. К. «Тарих-и Шахрухи» как исторический источник. Алма-Ата, 1987.

Бейсенова А. С. Исследования природы Казахстана. Алма-Ата: Казахстан, 1979.

Бекмаханов Е. Джатаки. (Вторая половина XIX в.) // ВАН КазССР. 1949. № 8. С. 60–66.

Бекмаханов Е. К вопросу о социальном строе казахов второй половины XIX в. // ВАН КазССР. 1950. № 2. С. 84–104.

Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40-годы XIX в. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1947.

Бекмаханов Е. О зависимых феодальных категориях – рабах и тюленгутах. (Первая половина XIX в.) // ВАН КазССР. 1947. № 6. С. 46–51.

Бекмаханов Е. Присоединение Казахстана к России. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

Бекмаханова Н. Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М.: Наука, 1986.

Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е гг. XIX вв. М.: Наука, 1980.

Бекмаханова Н. Е., Дулатова Д. И. Вопросы исторической географии Казахстана XIX в. в дореволюционной литературе // Вопросы истории. Вып. 6. Алма-Ата: КазГУ, 1974. С. 60–70.

Бекмаханова Н. Е., Кабузан В. М. Русско-украинская миграция в Казахстане в XIX – начале XX в. // ИАН КазССР. Сер. бществ. наук. 1982. № 2. С. 14–20.

Белоногов Т. П., Седельников А. Н., Бородин Н. А. Промыслы и занятия населения // Киргизский край. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. XVIII. СПб., 1903. С. 222–292.

Беляев А. Я. Казахская лошадь джабе. Алма-Ата: Кайнар, 1973.

Бенкевич В. Киргизское степное скотоводство и меры к его улучшению // ЗСПЗСОРГО. 1903. Кн. I. С. 1–24.

Бенкевич В. Я. Животноводство в Тургайской области и его экономическое и хозяйственное значение для населения. Оренбург, 1918.

Берлянд Т. Г., Безверхний Ш. А. Радиационные особенности климата // Климат Казахстана. Л.: Гидрометеоздат, 1959. С. 17–30.

Берндт Р. М., Берндт К. Х. Мир первых австралийцев. М.: Наука, 1981.

Бернштам А. Н. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии // Советская этнография. Сборник статей. Вып. VI–VII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 148–158.

Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л.: ЛГУ, 1951.

Бернштам А. Н. Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии // СЭ. 1934. № 6. С. 86–115.

Бернштам А. Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // ИАН КазССР. Сер. археологич. 1949. Вып. 2. С. 59–99.

Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоненейских тюрков VI–VIII веков. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

Бернштам А. Н. Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности // КСИЭ. Вып. 26. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 18–21.

Бернштейн Б. М. Традиция и социокультурные структуры // СЭ. 1981. № 2. С. 107–109.

Беттен Л. Погода в нашей жизни. М.: Мир, 1985.

Бижанов М. Социальные категории казахского общества XVIII века в трудах русских ученых // Казахстан в XV–XVIII веках. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 160–170.

Биогеографическое и ландшафтное изучение лесостепи. М.: Наука, 1972.

Биосфера. Эволюция, пространство, время. М.: Прогресс, 1988.

Бира Ш. Монгольская историография (XIII–XVII вв.). М.: Наука, 1978.

Биржанов К. А. К истории земледелия у казахов низовьев Сырдарьи // ИАН КазССР. Сер. обществ. наук. 1972. № 1. С. 47–52.

Биржанов К. А. Хозяйство присырдарьинских казахов в середине XIX – начале XX в. // ИАН КазССР. Сер. обществ. наук. 1972а. № 4. С. 66–71.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Бларамберг И. Ф. Военно-статистическое описание земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства / Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XIV. Ч. I. СПб., 1848.

Бларамберг И. Ф. Воспоминания. М.: Наука, 1978.

Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973.

Блохин Л. Ф. Экологические проблемы Африки. Научно-аналитический обзор. Вып. I. М., 1980; Вып. III. М., 1983.

Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.

Боголюбский С. Н. Происхождение и преобразование домашних животных. М.: Советская наука, 1959.

Большой С. Записки о приключениях в плену у киргиз-кайсаков в 1803 и 1804 годах. С замечаниями о Киргиз-кайсацкой степи // Сын отечества. 1822. Ч. 76. Вып. II. С. 168–177; Ч. 77. Вып. 12. С. 213–220; Вып. 15. С. 24–34; Ч. 78. Вып. 14. С. 289–303; Ч. 80. Вып. 35. С. 49–68.

Борисенков Е. П. Климат и деятельность человека. М.: Наука, 1982.

Боровский В. М., Погребинский М. А. Древняя дельта Сырдарьи и Северные Кзыл-Кумы. (Почвенно-мелиоративные условия и проблема сельскохозяйственного освоения). Т. I. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958.

Бородай Ю. М., Келле В. Ж., Плимак В. Г. Наследие К. Маркса и проблемы теории докапиталистических формаций. М.: Наука, 1974.

Босворт К. Э. Нашествия варваров: появление тюрок в мусульманском мире // Мусульманский мир. 950–1150. М.: Наука, 1981. С. 20–35.

Брабин Г. Африка: 6000 км мертвой земли в Сахеле // Курьер ЮНЕСКО. 1975. Май. С. 5–9.

Брем А. Степные кочевники-скотоводы // Нива. Ежемесячное приложение. 1896. № 1.

Брискин А. (Восточный). Степи казакские. (Очерк степного Казакстана). Кзыл-Орда: Казиздат, 1929.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 1–3. М.: Прогресс, 1986–1992.

Бромлей Ю. В. К типологизации этнических процессов // Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979. С. 3–11.

Бромлей Ю. В. Культура и этнические аспекты экологии // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. М.: Наука, 1981. С. 85–95.

Бромлей Ю. В. Опыт типологизации этнических общностей // СЭ. 1972. № 5. С. 61–81.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.

Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии: очерки теории и истории. М.: Наука, 1981.

Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия // СЭ. 1969. № 6. С. 84–91.

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973.

Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987.

Броневский С. Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. 1830. Ч. 41. Кн. 119. С. 400–420; Ч. 42. Кн. 120. С. 75–88; Кн. 121. С. 162–194; Кн. 122. С. 357–364; Ч. 43. Кн. 123. С. 70–97; Кн. 124. С. 194–285.

Брук М. С. Подвалы биосферы. М.: Наука, 1987.

Брук С. И. Население мира: этнодемографический справочник. М.: Наука, 1981; Изд. 2-е. М.: Наука, 1986.

Брук С. И. Этнический состав и размещение населения в странах Передней Азии // Переднеазиатский этнографический сборник. Вып. I. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 73–109.

Брукс К. Климаты прошлого. М., 1952.

Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов С. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М.: Мысль, 1980.

Будыко М. И. Эволюция биосферы. Л.: Наука, 1984.

Букейхан А. Н. Казаки Адаевского уезда // Казаки. Антропологические очерки. МОКИСАР. Вып. 3. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 59–82.

Букейханов А. Тандамалы. Избранное. Алматы, 1995.

Буняковский А. В. О пространстве и населении Туркестанского края // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки. Вып. 1. География и статистика. М., 1872. С. 119–133.

Бунятян Е. П. К вопросу о материально-технической базе кочевых обществ // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев: Наукова Думка, 1984. С. 109–124.

Бунятян Е. П. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV–III вв. до н. э.). Киев: Наукова Думка, 1985.

Бунятян Е. П. Формы собственности у кочевников // Проблемы реконструкции исторического процесса в археологии. Киев: Наукова Думка, 1985а. С. 21–43.

Бутанаев В. Я. Социально-экономическая история хакасского аала: конец XIX – начало XX в. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1987.

Бутинов Н. А. О специфике производственных отношений общинно-родовой формации // СЭ. 1977. № 3. С. 47–58.

Бутинов Н. А. Первобытнообщинный строй: основные этапы и локальные варианты // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968. С. 89–155.

Бутинов Н. А. Проблема «природа и культура» в этнографической науке // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л.: Наука, 1984. С. 95–112.

Бутинов Н. А. Социальная организация полинезийцев. М.: Наука, 1985.

Бутинов Н. А. Типология родства // Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979. С. 66–75.

Быков Б. А. Берегите пастбища. Алма-Ата: Наука, 1985.

Быков Б. А. Очерки истории растительного мира Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата: Наука, 1979.

Быков Б. А. Экологический словарь. Алма-Ата: Наука, 1983.

Бюттнер Т. История Африки с древнейших времен. М.: Наука, 1981.

Вавилов Н. И. Происхождение и география культурных растений. Л.: Наука, 1987.

Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии: древность и средние века. М.: Наука, 1976. С. 66–74.

Вайнштейн О. Л., Косминский Е. А. Феодализм в Западной Европе. Ч. I. М., 1932.

Вайнштейн С. И. В. В. Радлов и его труд «Из Сибири» // Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. С. 640–682.

Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука, 1972.

Вайнштейн С. И. Конская сбруя // Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1989а. С. 69–72.

Вайнштейн С. И. Кочевничество // Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1989б. С. 72–76.

Вайнштейн С. И. Примечания // Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989в. С. 579–637.

Вайнштейн С. И. Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии. IX МКАЭН. М.: Наука, 1973.

Вайнштейн С. И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. 1976. № 4.

Вайнштейн С. И. Происхождение и историческая этнография тувинского народа. Автореф. дисс. ... д. и. н. М., 1969.

Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1961.

Вайнштейн С. И., Крюков М. В. Седло и стремя // СЭ. 1984. № 6. С. 114–130.

Вайнштейн С. И., Семенов Ю. И. Рец. на: Г. Е. Марков. Кочевники Азии. М.: МГУ, 1976 // СЭ. 1977. № 5.

Вайсберг Дж. Погода на Земле. М.: Мир, 1980.

Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в пяти томах. Алма-Ата, 1961–1972.

Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в пяти томах. Алма-Ата: Наука, 1984–1985.

Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865.

Варущенко С. И., Варущенко А. Н., Клиге Р. К. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремене. М.: Наука, 1987.

Васильев А. А. О современном положении овцеводства в Тургайской области и Оренбургской губернии // Труды I Всероссийского съезда по овцеводству в Москве 1912 г. Т. I. Ч. I. М., 1913. С. 188–198.

Васильев А. М. История Саудовской Аравии (1745–1973). М.: Наука, 1982.

Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии в X–XIII вв. СПб., 1857.

Васильев Л. С. Государство на традиционном Востоке // Государство в докапиталистических обществах Азии. Сб. статей. М.: Наука, 1987. С. 25–42.

Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. (Формирование основ социальной структуры и политической администрации). М.: Наука, 1983.

Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М.: Наука, 1976.

Васильев Л. С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М.: Наука, 1982. С. 60–99.

Васильев Л. С., Стучевский И. А. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ // ВИ. 1966. № 6. С. 77–90.

Васильев Н. Кочевники Туркестана. Опыт экономического обзора. Самарканд, 1890.

Васильченко И. Еще раз об особенностях феодализма у кочевых народов // ВИ. 1974. № 4. С. 192–198.

Велтфиш Дж. Индейцы степей: их преемственность в истории и индеанизм // Североамериканские индейцы. М.: Прогресс, 1978. С. 193–219.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. II. СПб., 1864. С. 97–498.

Венюков М. Заметки о населении Чжунгарского пограничного пространства // ИРГО. 1871. Т. VII.

Венюков М. Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868.

Венюков М. Таблицы племенного состава населения Кульджинского округа // ИРГО. 1872. Т. VIII. № 1.

Вереш П. Некоторые вопросы этногенеза венгерского народа // Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука, 1985. С. 113–118.

Вереш П. Хозяйственно-культурные типы и проблемы этногенеза венгерского народа // Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979. С. 179–188.

Вереш П. Этногенез и этническая история венгерского народа до 896 года. Автореф. дисс. ... к. и. н. М., 1979а.

Вернадский В. И. Избранные сочинения. Т. 4. Ч. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988.

Веселовский Н. И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам (1816–1881). СПб., 1887.

Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.

Взаимодействие природы и общества. М.: Наука, 1973.

Взаимоотношения кочевого и оседлого населения. Симпозиум // VII МКАЭН. Т. X. М.: Наука, 1970. С. 515–558.

Вийрес А. О. Принципы типологии европейских крестьянских телег. (На основе материала Советской Прибалтики) // Типология основных элементов традиционной культуры. М.: Наука, 1984. С. 91–105.

Викторов С. В. Пустыня Устюрт и вопросы ее освоения. М.: Наука, 1971.

Викторов С. В., Чикишев Л. В. Ландшафтная индикация. М.: Наука, 1985.

Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980.

Викторова Л. Л. Становление классового общества у древнемонгольских кочевников // Проблемы истории докапиталистических обществ. Т. I. М.: Наука, 1968. С. 546–575.

Виткин М. А. Проблема перехода от первичной формации ко вторичной // Проблемы истории докапиталистических обществ. Т. I. М.: Наука, 1968. С. 425–454.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934.

Воейков А. И. Воздействие человека на природу. М.: Наука, 1963.

Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.

Волкова Т. П. Материалы по киргизскому (казахскому) землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по ис-

следованию степных областей: источниковедческое исследование. Автореф. дисс. ... к. и. н. М., 1982.

Волович В. Г. Человек в экстремальных ситуациях природной среды, М.: Мысль, 1983.

Востров В. В. К истории развития оседлого жилища у казахов // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 180–197.

Востров В. В. Новые материалы по этнографии казахов-адаевцев // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 8. 1960. С. 158–176.

Востров В. В., Захарова И. В. Казахское народное жилище. Алма-Ата: Наука, 1989.

Востров В. В., Кауанова Х. А. Материальная культура казахского народа на современном этапе. Алма-Ата: Наука, 1972.

Востров В. В., Масанов Н. Э. Население // Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-демографическому атласу. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 14–30.

Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). Алма-Ата: Наука, 1968. Всемирная история и Восток. М.: Наука, 1989.

Вульфсон Э. С. Киргизы. М., 1901.

Вяткин М. П. Батыр Срым. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.

Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР. Т. I. С древнейших времен по 1870 г. М., 1941.

Вяткина К. В. Монголы Монгольской Народной Республики // Восточно-Азиатский этнографический сборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 159–271.

Вяткина К. В. Общие черты материальной и духовной культуры у западных монголов, бурят и южных алтайцев. VII МКАЭН. М.: Наука, 1964.

Вяткина К. В. Очерки культуры и быта бурят. Л.: Наука, 1969.

Гавердовский Я. Обзорение Киргиз-кайсакской степи, или Описание страны и народа киргиз-кайсакского. Ч. 2. 1803 г. // Рукописный отдел ЛО ИИСССР АН СССР. Кол. 115. № 495.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965.

Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири. Ч. I–III. СПб., 1854.

Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1976.

Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX – начало XX в. М., 1979.

Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868.

Галузо П. Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата: Наука, 1965.

Галузо П. Г. Очерк советской историографии аграрных отношений в Казахстане в период капитализма. Алма-Ата: Наука, 1971.

Гамкрелидзе Б. В. Социально-культурные проблемы скотоводства горцев Центрального Кавказа. Автореф. дисс. ... д. и. н. Тбилиси, 1983.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Тбилиский университет, 1984.

Ганцкая О. А. Семья: общие понятия, принципы типологизации // Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов зарубежной Европы. М.: Наука, 1987. С. 5–14.

Гарден Ж.-К. Археологические признаки номадизма: исследования в Бактрии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 24–32.

Гарруа Ж.-П. Африка – умирающая земля: разрушение африканских почв под влиянием колонизации. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1954.

Гаудио А. Цивилизация Сахары: Десять тысячелетий истории, культуры и торговли. М.: Наука, 1985.

Гафуров Б. Г. Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история. М.: Наука, 1972.

Гафуров Б. Г., Литвинский Б. А. Узловые проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана: теоретический аспект. Тезисы. М.: Наука, 1976.

Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М., 1988.

Гейер И. И. Путеводитель по Туркестану. Ташкент, 1901.

Гейер И. И. Туркестан. Изд. 2-е. Ташкент, 1909.

Гейнс А. К. Собрание литературных трудов. Т. I. СПб., 1897; Т. 2. СПб., 1898.

Гельдыханов М. О формах и способах добычи воды в пустыне Каракумы // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1973. С. 75–79.

Гемуев И. Н. К вопросу о классификации большесемейных общин в этнографической литературе // Традиционные верования и быт народов Сибири: XIX – начало XX в. Новосибирск: Наука, 1987. С. 165–170.

Гендерсон Л. Ф. Среда жизни. М.; Л., 1924.

Генинг В. Ф. Объект и предмет науки в археологии. Киев: Наукова Думка, 1983.

Генинг В. Ф. Проблема социальной структуры общества кочевых скифов IV–III вв. до н. э. по археологическим данным // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев: Наукова Думка, 1984. С. 124–158.

Генинг В. Ф. Структура археологического познания: проблемы социально-исторического исследования. Киев: Наукова Думка, 1989.

Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. Опыт исследования закономерностей зарождения и раннего развития этноса. Учебное пособие. Свердловск: Уральский госуниверситет, 1970.

Генинг В. Ф., Павленко Ю. В. Институт племени как орган зарождающейся политической надстройки // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев: Наукова Думка, 1984. С. 60–109.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Ч. 2. О народах татарского племени. СПб., 1799.

Герасимов И. П. Экологические проблемы в прошлой, настоящей и будущей географии мира. М.: Наука, 1985.

Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977.

Герман Ф. И. О киргизцах // Вестник Европы. 1821. Ч. 121. Кн. 22. С. 123–138.

Герн, Вл. фон. Характер и нравы киргиз-казаков. Скотоводство у киргиз. Из записной книжки // ПКСО. 1899. Вып. III. С. 1–33.

Геродот. История в девяти книгах. Л.: Наука, 1972.

Гиренко Н. М. Типы общин в первобытности: к вопросу о типологии динамических свойств // Краткое содержание докладов научной сессии, посвященной основным итогам работы в десятой пятилетке. Л.: Наука, 1983. С. 54–55.

Гирусов Э. В. Основные исторические этапы взаимодействия общества и природы // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. М.: Наука, 1981. С. 48–57.

Глухов А. Н. Зимние жилища актюбинских и адаевских казаков // Казаки. Антропологические очерки. МОКИСАР. Вып. II. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 108–134.

Годелье М. Понятие азиатский способ производства и марксистская схема развития общества // НАА. 1965. № 1. С. 102–104.

Голд Дж. Психология и география. Основы поведенческой географии. М.: Прогресс, 1990.

Головнев А. В. Историческая типология традиционных форм хозяйства у народов Северо-Западной Сибири (XVII – начало XX в.). Автореф. дисс. ... к. и. н. М., 1986.

Голубев А. Отрывок из путешествия в Среднюю Азию. Заилыйский край // ЗРГО. 1861. Кн. III. С. 77–130.

Гольденберг Л. А. Статья С. У. Ремезова «О калмыках как весьма известном в Сибири народе» // Страны и народы Востока. Вып. XVIII. М., 1976. С. 228–233.

Гольман М. И. Изучение истории Монголии на Западе (XIII – середина XX в.). М.: Наука, 1988.

Гонгор Д. Монголия в период перехода от родового строя к феодализму: XI – начало XIII веков. Автореф. дисс. ... д. и. н. Улан-Батор; Москва, 1974.

Гонгор Д. О формах организации и ведения скотоводческого хозяйства у монголов // Третий международный конгресс монголоведов. Т. I. Улан-Батор, 1978. С. 108–111.

Гордон А. В. Вопросы типологии крестьянских обществ Азии. М.: Наука, 1980.

Гордон А. В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М.: Наука, 1989.

Государство в докапиталистических обществах Азии. Сборник статей. М.: Наука, 1987.

Гохман В. М. География культурных традиций и ее место в их комплексном использовании // СЭ. 1981. № 2. С. 110–112.

Грайворонский В. В. От кочевого образа жизни к оседлости: на опыте МНР. М.: Наука, 1979.

Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980.

Грач А. Д. Центральная Азия – общее и особенное в сочетании социальных и географических факторов // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным). Л.: Наука, 1984. С. 126–143.

Гребенкин А. Д. Узбеки // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки. Вып. II. М., 1872. С. 51–108.

Григорьев А. А. Антропогенные воздействия на природную среду по наблюдениям из космоса. Л.: Наука, 1985.

Григорьев А. А., Авсюк Г. А., Макеев П. С. и др. Рельеф и геологическое строение // Казахстан. Общая физико-географическая характеристика. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 27–140.

Григорьев В. В. О скифском народе саках. СПб., 1871.

Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889.

Громов Г. Г. Хозяйственный ареал как сфера взаимодействия человека и природы // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. М.: Наука, 1981. С. 330–338.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л., 1926; Т. 3. Вып. 2. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Торговая и колонизаторская в них деятельность китайцев и русских. Дополнения и поправки. Л., 1930.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период // ИРГО. 1933. Т. 65. Вып. 5.

Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980.

Грязнов М. П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // КСИЭ. Вып. 24. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 19–29.

Грязнов М. П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // КСИЭ. Вып. 26. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 21–28.

Губарева С. С. «Бабур-намэ» как источник для изучения этнонимии Средней Азии // Ономастика Востока. М., 1980. С. 227–234.

Гуляев В. И. Структура власти в древнейших государствах Мезоамерики: генезис и характерные особенности // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М.: Наука, 1987. С. 103–119.

Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990.

Гумилев Л. Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в древности: ландшафт и этнос // Вестник ЛГУ. Сер. геологии и географии. 1966. № 6. С. 62–71.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.

Гумилев Л. Н. Изменения климата и миграции кочевников // Природа. 1971. № 4. С. 44–52.

Гумилев Л. Н. Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии: опыт историко-географического синтеза // НАА. 1966а. № 4.

Гумилев Л. Н. Орды и племена у древних тюрок и уйгуров // Материалы по отделению этнографии. ГО СССР. Ч. 1. Л., 1961. С. 15–26.

Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства: Легенда о «государстве пресвитера Иоанна». М.: Наука, 1970.

Гумилев Л. Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // ИСССР. 1967а. № 1. С. 53–66.

Гумилев Л. Н. Хунну: Срединная Азия в древние времена. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. М.: Наука, 1974.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ, 1989а.

Гумилев Л. Н. Этногенез и этносфера // Природа. 1970а. № 1. С. 46–55; № 2. С. 43–50.

Гумилев Л. Н. Этнос как явление // Доклады отделений и комиссий ГО СССР. Л., 1967б. Вып. 3. С. 90–107.

Гунгаадаш Б. Экономическая география Монголии. М.: Прогресс, 1984.

Гуревич А. Я. Индивид и общество в варварских государствах // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М.: Наука, 1968. С. 384–424.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972.

Гуревич А. Я. Проблема земельной собственности в дофеодальных и раннефеодальных обществах Западной Европы // ВИ. 1968. № 4. С. 88–105.

Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.

Гурлянд Я. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие // ИОАИЭ. 1904. Вып. XX. № 4–5. С. 49–158.

Гуру П. Азия. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956.

Гурьев Д. В. Становление общественного производства. М.: Политиздат, 1973.

Давыдов А. Д. Мелкотоварное крестьянское хозяйство в странах Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1989.

Давыдов А. Д. Сельская община и патронимия в странах Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1979.

Давыдов А. Д. Социально-экономическая структура деревни Афганистана: особенности эволюции. М.: Наука, 1976.

Давыдова А. В. Об общественном строе хунну // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 141–145.

Дажо Р. Основы экологии. М.: Прогресс, 1975.

Далай Ч. Монголия в XIII–XIV веках. М.: Наука, 1983.

Данилова Л. В. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. I. М.: Наука, 1968. С. 27–66.

Данилова Л. В. Природные и социальные факторы производительных сил на докапиталистических стадиях общественного развития // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. М.: Наука, 1981. С. 109–124.

Данилова Л. В., Данилов В. П. Проблемы теории и истории общины // Община в Африке. Проблемы типологии. М.: Наука, 1978. С. 9–60.

Дараган Н. Я. О соотношении синхронных и диахронных методов в этнографическом исследовании // Этно-культурные процессы. Методы исторического и синхронного изучения. М.: Наука, 1982. С. 5–14.

Даулбаев Б. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области, с 1830 по 1880 год // ЗООРГО. 1881. Вып. 4. С. 98–117.

Дахшлейгер Г. Ф. В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии. Алма-Ата: Наука, 1973.

Дахшлейгер Г. Ф. Историография Советского Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969.

Дахшлейгер Г. Ф. Некоторые проблемы истории кочевых обществ на XIV международном конгрессе исторических наук // СЭ. 1976. № 4.

Дахшлейгер Г. Ф. Оседание и традиционные социальные институты бывших кочевников: на примере казахского народа. IX МКАЭН. М.: Наука, 1973а.

Дахшлейгер Г. Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921–1929 гг.). Алма-Ата: Наука, 1965.

Девиньо П., Танг М. Биосфера и место в ней человека: экологические системы и биосфера. М.: Прогресс, 1973.

Денисова Н. П. Кочевая община в Южной Туве // Полевые исследования Института этнографии. 1978. М.: Наука, 1980. С. 101–107.

Депенчук Н. П., Крисаченко В. С. Экология и теория эволюции: методологический аспект. Киев: Наукова Думка, 1987.

Джайляу: из киргизского быта // Сибирская газета. 1886. № 51.

Джанибеков У. Культура казахского ремесла. Алма-Ата, Казахстан, 1982.

Джанпеисов Р. Эрозия и дефляция почв Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1977.

Джантюрин А. Очерки киргизского коневодства. Оренбург, 1883.

Джанузакоев Т. Очерк казахской ономастики. Алма-Ата, 1982.

Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры. История географических идей. М.: Прогресс, 1988.

Джиллер П. Структура сообществ и экологическая ниша. М.: Мир, 1988.

Джонстон Р. Дж. География и географы: очерк развития англо-американской социальной географии после 1945 года. М.: Прогресс, 1987.

Диваев А. Из области киргизского скотоводческого хозяйства // ТВ. 1904. № 102; 1905. № 4.

Диваев А. Несколько слов о киргизском хозяйстве // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки. Вып. I. СПб., 1899. С. 80–86.

Диваев А. Случка домашних животных в киргизском хозяйстве // Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Т. IX. 1901. С. 66–75.

Диваев А. Этнографические материалы. Вып. 7. Ташкент, 1901а.

Дигар Ж.-П. Отношения между кочевниками и оседлыми племенами на Среднем Востоке // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 33–54.

Дикорастущие полезные растения флоры Монгольской Народной Республики. Л.: Наука, 1985.

Дингельштедт Н. Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Сыр-Дарьинская область. Т. I. СПб., 1893.; Т. II. СПб., 1895.

Дискуссия об азиатском способе производства по докладу М. Годеса. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931.

Дияров К. Д. Животноводство Казахстана. Алма-Ата, 1963.

Добржанский Ф. Г. Лошадь кочевого населения Семиречья. Б. м., 1924.

Добросмыслов А. И. Города Сыр-Дарьинской области. Казалинск, Перовск, Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент. Ташкент, 1912.

Добросмыслов А. И. Козоводство в Тургайской области // ТГ. 1895. № 3–4.

Добросмыслов А. И. Коневодство и его значение для киргизского населения Тургайской области. Оренбург, 1894.

Добросмыслов А. И. Овцеводство и его значение в экономике киргизского населения Тургайской области // ТОВ. 1893. № 18–21.

Добросмыслов А. И. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895а.

Добросмыслов А. И. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX веках. Казань, 1904.

Добросмыслов А. И. Торговля в Тургайской области. Оренбург, 1898.

Добросмыслов А. И. Тургайская область. Исторический очерк / ИООРГО. Вып. 15–17. Тверь, 1902.

Долуханов П. М. Аридная зона Старого Света: экономический потенциал и направленность культурно-хозяйственного развития // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 108–117.

Долуханов П. М. География каменного века. М.: Наука, 1979.

Донидзе Г. И. Об аффиксальном словообразовании в тюркской топонимии // Ономастика Востока. М., 1980. С. 89–96.

Дре Ф. Экология. М.: Атомиздат, 1976.

Дроздов О. А. О структуре и возможных причинах колебаний температуры и увлажнения в голоцене // Проблемы палеогеографии и палеоклиматологии. М.: МГУ, 1982.

Дулатова Д. И. Историография дореволюционного Казахстана (1861–1917 гг.). Алма-Ата: Наука, 1984.

Дулов А. В. Географическая среда и история России. Конец XV – середина XIX в. М.: Наука, 1983.

Думан Л. И. Расселение некитайских племен во внутренних районах Китая и их социальное устройство в III–IV вв. н. э. // Китай: история, культура и историография. М., 1977. С. 40–61.

Дурасов А. М., Тазабеков Т. Т. Почвы Казахстана. Алма-Ата: Кайнар, 1981.

Дыновский В., Марковская Д. Современный профиль культуры кочевого скотоводства в Монголии // Третий международный конгресс монголоведов. Т. I. Улан-Батор, 1978. С. 155–164.

Дьяконов И. М. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода истории древнего мира и проблема путей развития // История древнего мира: ранняя древность. М.: Наука, 1982. С. 27–49.

Дьяконов И. М. Основные черты древнего общества: реферат на материале Западной Азии // Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М.: Наука, 1971. С. 127–146.

Дюков Л. В., Масевич М. Г. Об особенностях земельной собственности у некоторых кочевых народов в эпоху феодализма // Ученые записки юридического факультета. Вып. IV. Алма-Ата: КазГУ, 1957. С. 119–145.

Евреинов А. Внутренняя, или Букеевская, киргиз-казацья орда // Современник. 1851. Т. 29. № 10. Отд. 2. С. 49–96.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985.

Емченко В. Н. Методология исследования отношений общественной собственности. Киев: Наукова Думка, 1987.

Еремеев Д. Е. К проблеме происхождения и развития кочевничества // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 1979. № 3. С. 3–13.

Еремеев Д. Е. Кочевничество и особенности развития феодализма на Востоке // НАА. 1981. № 2. С. 61–73.

Еремеев Д. Е. Роль кочевников в этнической истории // Расы и народы. Ежегодник. Вып. XII. М.: Наука, 1982. С. 19–42.

Еремеев Д. Е. Юрюки: турецкие кочевники и полукочевники. М.: Наука, 1969.

Еренов А. Е. К вопросам права феодальной собственности в дореволюционном Казахстане // ВАН КазССР. 1953. № 5. С. 35–48.

Еренов А. Е. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960.

Ермолова И. Е. Общественный строй гуннов последней четверти IV – начала V в. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 год. М.: Наука, 1984. С. 229–238.

Ерофеева И. В. Казахстан второй половины XVIII – первой четверти XIX в. в трудах и записках русских ученых и путешественников. Автореф. дисс. ... к. и. н. Алма-Ата, 1979.

Ерофеева И. В. Социальные отношения в казахском обществе второй половины XIII – первой четверти XIX в. в освещении русских ученых и путешественников // ВАН КазССР. 1979а. № 12. С. 59–63.

Ерофеева И. В. Территория и население Казахстана второй половины XVIII в. в трудах Х. Барданеса // ИАН КазССР. Сер. обществ. наук. 1981. № 5. С. 36–41.

Ерофеева И. В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 1999.

Жакупов К. Овцеводство: каким ему быть. Алма-Ата: Кайнар, 1986.

Жарриж Ж. Д. Древняя оседлость и полунomadизм в долине Качи, Белуджистан // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 167–171.

Жданко Т. А. К вопросу о хозяйственно-культурном типе полуоседлых скотоводов-земледельцев-рыболовов дельтовых областей Средней Азии // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 148–153.

Жданко Т. А. Номадизм в Средней Азии и Казахстане: некоторые исторические и этнографические проблемы // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 274–281.

Жданко Т. А. О типе этнических общностей с пережитками родоплеменной структуры в Средней Азии и Казахстане: XIX – начало XX в. IX МКАЭН. М.: Наука, 1973.

Жданко Т. А. Очерки этнической истории каракалпаков. М.: Изд-во АН СССР, 1950.

Жданко Т. А. Патриархально-феодальные отношения у полуоседлого населения Средней Азии // Материалы первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте. 4–11 июня 1957 г. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. С. 628–638.

Жданко Т. А. Проблема полуоседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана. XXV МКВ. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Жданко Т. А. Специфика этнических общностей в Средней Азии и Казахстане: XIX – начало XX в. // Расы и народы. Ежегодник. Вып. 4. М.: Наука, 1974. С. 10–26.

Жданко Т. А. Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана в историко-этнографическом атласе // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1975. С. 6–12.

Жекулин В. С. Историческая география: предмет и методы. Л.: Наука, 1982.

Жеребятьев Д. К вопросу об особенностях феодальных отношений в дореволюционном Казахстане // ВАН КазССР. 1951. № 10. С. 59–63.

Жехак Л. Кодекс чести пуштунов // Афганистан. История, экономика, культура. М.: Наука, 1989. С. 58–72.

Живописный альбом народов России. СПб., 1880. С. 328–351.

Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982.

Жирнов Л. В. Возвращенные к жизни: экология, охрана и использование сайгаков. М.: Наука, 1982.

Жолдасбаев С. Жилища казахов Южного Казахстана XV–XIX веков по данным археологии // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1978. С. 203–212.

Жолдасбаев С. Зимовки – поселения и жилища казахов Семиречья: XVI–XIX вв. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 390–399.

Жолдасбаев С. Материальная культура казахов XV–XVIII вв. (по археологическим данным). Автореф. дисс. ... к. и. н. Алма-Ата, 1975.

Жолдасбаев С. Типы оседлых поселений казахов по данным археологических исследований Южного и Центрального Казахстана: XV–XIX вв. // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 46–58.

Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М.: Наука, 1987.

Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М.: Наука, 1979.

Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988.

Жуковская Н. Л. Судьба кочевой культуры. М.: Наука, 1990.

Жүнісбаев К. Қазақстанның XVII–XVIII ғасырлардағы тарихына байланысты қазақ тіліндегі кейбір тарихи деректер туралы // Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алма-Ата, 1962.

Жюльен Ш.-А. История Северной Африки. М., 1961.

Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. III. М., 1867.

Загряжский Г. Быт кочевого населения долины Чу и Сыр-Дарьи // ТВ. 1874. № 25, 27–32.

Загряжский Г. Очерки Перовского уезда // ТВ. 25 июля 1872. № 29.

Загряжский Г. Юридический обычай киргиз о различных родах состояний и о правах им присвоенных // МСТК. Вып. IV. СПб., 1876. С. 151–190.

Заднепровский Ю. А. Взаимодействие кочевников и древних цивилизаций и этническая история Средней Азии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 257–265.

Зайберт В. Ф. Динамика взаимодействия природно-экологических и социально-экономических факторов в процессе становления и развития производящего хозяйства в степях Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 171–179.

Зайберт В. Ф. Неолит Северного Казахстана. Автореф. дисс. ... к. и. н. М., 1979.

Зайберт В. Ф. Складывание энеолитической ботайской культуры в Северном Казахстане // Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука, 1985. С. 82–85.

Зайберт В. Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Автореф. дисс. ... д. и. н. Новосибирск, 1992.

Зайчиков В. Т. Юго-Западная Азия: природные ресурсы и развитие сельского хозяйства. М.: Наука, 1974.

Зак С. Д. Методологические проблемы развития сельской поземельной общины // Социальная организация народов Азии и Африки. М.: Наука, 1975. С. 233–311.

Залетаев В. С. Жизнь в пустыне: географо-биогеоценотические и экологические проблемы. М.: Мысль, 1976.

Залкинд Е. М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1970.

Записки о Бухарском ханстве. (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича). М.: Наука, 1983.

Зарипов Ш. Кочевники и полукошачники Афганистана // Афганистан. История, экономика, культура. М.: Наука, 1989. С. 107–136.

Захарова И. В. О земледелии у казахов Чимкентского уезда в конце XIX – начале XX в. // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1975. С. 170–179.

Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда: XIX – начало XX века. Алма-Ата: Наука, 1964.

Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей: основы периодизации. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1988.

Зданович Г. Б. К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве // КСИА. Вып. 177. Неолит и бронза на территории СССР. М.: Наука, 1984. С. 29–37.

Зеланд Н. Киргизы. Этнологический очерк // ЗЗСОРГО. 1885. Кн. VII. Вып. II. Отд. II. С. 1–78.

Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода. М.: Наука, 1969.

Зибберштейн. Путевые замечания Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштейна // ИА. Т. I. 1936. С. 223–258.

Зибберштейн Н. И. Избранные экономические произведения. Т. 2. Очерки первобытной экономической культуры. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1959.

Зиманов С. З. К вопросу о праве феодальной собственности в Казахстане // ВАН КазССР. 1952. № 4. С. 94–103.

Зиманов С. З. О патриархально-феодальных отношениях у кочевников-скотоводов // ВИ. 1955. № 12.

Зиманов С. З. Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958.

Зиманов С. З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960.

Зиманов С. З. Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата: Наука, 1982.

Зимняя пастыба овец. Алма-Ата; Москва, 1934.

Златкин И. Я. «Кочевой» феодализм // Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М.: Советская энциклопедия, 1965. С. 1019–1020.

Златкин И. Я. А. Тойнби об историческом прошлом и современном положении кочевых народов // ВИ. 1971. № 2.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1964.; Изд 2-е. М.: Наука, 1983.

Златкин И. Я. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов // ВИ. 1955. № 4.

Златкин И. Я. Концепция истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность // Современная историография стран зарубежного Востока: проблемы социально-политического развития. М.: Наука, 1971а. С. 131–193.

Златкин И. Я. Некоторые проблемы социально-экономической истории кочевых народов // НАА. 1973. № 1.

Златкин И. Я. Основные закономерности развития феодализма у кочевых скотоводческих народов // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М.: Наука, 1982. С. 255–268.

Златковская Т. Д. Об этнических общностях и этнических процессах в доклассовой и раннеклассовой эпохах // ВДИ. 1974. № 2. С. 183–191.

Зобнин Ф. К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в Киргизской степи // ПКСО. Вып. VI. 1901. Отд. II. С. 1–99.

Зубриянов В. Ф. От кочевого к интенсивному. Алма-Ата: Кайнар, 1982.

Зуев Ю. А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков. Автореф. дисс. ... к. и. н. Алма-Ата, 1967.

Зуев Ю. А. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам (бома, яньмо, туй) // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 15. Алма-Ата, 1962. С. 103–122.

Зуев Ю. А. Тамги лошадей из вассальных княжеств // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 8. Алма-Ата, 1960. С. 93–140.

Ибрагимов И. И. Заметки о киргизском суде // ЗРГООЭ. 1878. Т. VIII. Отд. II. С. 233–257.

Иванин М. Внутренняя или Букеевская киргизская орда // Эпоха. 1864. Вып. XII. С. 1–48.

Иванов А. И. Качественная и экономическая оценка кормовых угодий. Алма-Ата: Кайнар, 1973.

Иванов А. Ф. Использование пустынных и полупустынных пастбищ во Внутренней Монголии. М., 1968.

Иванов И. С. Внутренняя Киргизская орда: Краткий статистический очерк // Памятная книжка Астраханской губернии на 1891 год. Год VIII. Астрахань, 1890. Приложение. С. 1–68.

Иванов П. П. Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. Новые источники для истории народов Средней Азии. Л., 1940.

Иванов П. П. Казахи и Кокандское ханство: к истории их взаимоотношений в начале XIX в. // Записки ИВ АН СССР. Т. VII. М.; Л., 1939. С. 92–128.

Из истории Казахстана XVIII в. // Красный архив. Исторический журнал. 1938. Т. 2 (87). С. 129–173.

Ильин Г. Ф. Древневосточное общество и проблемы его социально-экономической структуры // ВДИ. 1983. № 3. С. 13–38.

Ильясов С. И. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX – начале XX в. Фрунзе, 1963.

Ильясов С. И. О патриархально-феодалных отношениях у кочевых народов Киргизии // Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955. С. 43–49.

Илюшечкин В. П. Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации. Вып. 1–2. М.: Наука, 1980.

Илюшечкин В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая: опыт системно-структурного анализа. М.: Наука, 1986.

Илюшечкин В. П. Типы экономической реализации докапиталистической эксплуататорской собственности // Экономические науки. 1983. № 9. С. 14–21.

Илюшечкин В. П. Ф. Энгельс о происхождении общественных классов и государства и данные современной науки // Философские науки. 1984. № 6. С. 17–23.

Инсебаев Т. А., Кажыбеков Е. З. Некоторые предварительные результаты сопоставления и анализа названий родоплеменных групп адай и суйиндик // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984. С. 99–107.

Исаков Ю. А., Казанская Н. С., Панфилов Д. В. Классификация, география и антропогенная трансформация экосистем. М.: Наука, 1980.

Исаков Ю. А., Казанская Н. С., Тишков А. А. Зональные закономерности динамики экосистем. М.: Наука, 1986.

Исмагулов О. Этническая геногеография Казахстана (серологические исследования). Алма-Ата: Наука, 1977.

Исмаил Х. Исследование хозяйства и общественных отношений кочевников Азии (включая Южную Сибирь) в советской литературе 50–80-х гг. Автореф. дисс. ... к. и. н. М., 1983.

Исмаил-Заде Д. И. Кочевое хозяйство и процесс оседания кочевников Азербайджана в XIX в. Автореф. дисс. ... к. и. н. М., 1962.

Исмаилов М. А. О характере так называемого кочевого скотоводства в Азербайджане в XIX – начале XX века: к историографии вопроса // ИСССР. 1976. № 6. С. 141–150.

История государства и права Казахской ССР. Ч. I. Алма-Ата: Мектеп, 1982.

История Казахской ССР. Т. I. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1957.

История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Т. I. Алма-Ата: Наука, 1977; Т. 2. Алма-Ата: Наука, 1979; Т. 3. Алма-Ата: Наука, 1979.

История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата: Казогиз, 1943.

История Казахстана: народы и культуры. Алматы: Дайк-Пресс, 2001.

История Монгольской Народной Республики. Изд. 3-е. М.: Наука, 1983.

История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1986.

История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М.: Наука, 1983.

История первобытного общества. Эпоха классового образования. М.: Наука, 1988.

История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986.

Итс Р. Ф. К проблеме соотношения классов и государства: по материалам ляншаньских ицзу. VII МКАЭН. М.: Наука, 1964.

Ишжамц Н. Образование единого монгольского государства и установление феодализма. Автореф. дисс. ... д. и. н. М., 1972.

Ищенко М. М., Казбеков И. С., Ларин И. В., Щелоков Б. К. Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 13. Сер. Казакстанская. Л.: Изд-во АН СССР, 1928.

Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986.

Каган М. С. Человеческая деятельность: опыт системного анализа. М.: Политиздат, 1974.

Кадырбаев А. Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаилов, найманов и киреитов. Алматы, 1993.

Кадырбаев М. К. Скотоводство: историко-археологический очерк // Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 31–59.

Казанцев И. Описание киргиз-кайсаков. СПб., 1867.

Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина. (Архивные материалы и публикации). Алма-Ата: Наука, 1972.

Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Алма-Ата: Наука, 1961.

Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках. Алма-Ата: Наука, 1964.

Казахстан. Общая физико-географическая характеристика. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Казахстан. Природные условия и естественные ресурсы СССР. М.: Наука, 1969.

Казначеев В. П. Очерки теории и практики экологии человека. М.: Наука, 1983.

Казначеев В. П. Учение В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере. Новосибирск, Наука, 1989.

Казначеев В. П., Казначеев С. В. Адаптация и конституция человека. Новосибирск: Наука, 1986.

Кайдаров А. Т. К историко-лингвистической характеристике этнонима канглы/канлы // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984. С. 34–47.

Калесник С. В. Проблемы физической географии. Избранные труды. Л.: Наука, 1984.

Калиновская К. П. Скотоводы Восточной Африки в XIX–XX вв. Хозяйство и социальная организация. М.: Наука, 1989.

Калиновская К. П. Традиционное скотоводство в Восточной Африке // СЭ. 1983. № 5. С. 38–48.

Калиновская К. П., Марков Г. Е. Скотоводы Азии и Африки. Проблемы исторической типологии // Вестник МГУ. Сер. история. 1983. № 5.

Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, 1988.

Калышев А. Б. Культура и быт современного сельского населения Павлодарского Прииртышья. Автореф. дисс. ... к. и. н. М., 1989.

Кальнин В. Порядок кочевания у сибирских киргизов // АВН. 1876. № 2. С. 124–128.

Капо-Рей Р. Французская Сахара. М.: Географгиз, 1958.

Карагодин А. И. Хозяйство и общественно-политический строй приволжских калмыков в последней трети XVIII – первой половине XIX в. Автореф. дисс. ... д. и. н. Ростов-на-Дону, 1988.

Кармышева Б. Х. «Кочевая степь» Мавераннахра и ее население в конце XIX – начале XX в. (по этнографическим данным) // СЭ. 1980. № 1. С. 46–55.

Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана: по этнографическим данным. М.: Наука, 1976.

Кармышева Б. Х. Степень изученности скотоводства у таджиков и узбеков // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1973. С. 80–86.

Карпини П., Рубрук В. Путешествия в восточные страны. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

Карпинская Р. С. О философских аспектах проблемы собственности в аграрном производстве // Сельскохозяйственная

практика: противоречия перестройки. М.: Агропромиздат, 1989. С. 40–58.

Каррыев А., Мошкова В. Г., Насонов А. Н., Якубовский А. Ю. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VII–XIX вв. Ашхабад, 1954.

Карсаевская Т. В. Изменение биологии человека как социально детерминированный процесс // Человек и природа. М.: Наука, 1980. С. 61–80.

Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910.

Катанов Н. Этнографический обзор турецко-татарских племен. Казань, 1894.

Кауфман А. К. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907.

Качановский Ю. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? Спор об общественном строе древнего и средневекового Востока, доколониальной Африки и доколумбовой Америки. М.: Наука, 1971.

Кашкаров Д. Н. Экология домашних животных // Памяти академика М. А. Мензбира. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 149–174.

Казн К. Кочевники и оседлые в средневековом мусульманском мире // Мусульманский мир. 950–1150. М.: Наука, 1981. С. 111–122.

Көнарский Л. Дифференциация киргизского хозяйства // Советская Киргизия. 1924. № 3–4, 5–6.

Кенесарин А. Султаны Кенесары и Сыздык. Алма-Ата: Жалын, 1992.

Кереева-Канафиева К. Дореволюционная русская печать о Казахстане: из истории русско-казахских литературных связей. Алма-Ата: Казгосиздат, 1963.

Керимбаев Д. Коневодство в Казахстане. Алма-Ата, 1951.

Керимбаев Д. Қазақстанның жылғы шаруашылығы. Алма-Ата, 1953.

Ким Г. Ф., Ашрафян К. З. Государство в традиционных обществах Востока: некоторые дискуссионные проблемы // Государство в докапиталистических обществах Азии. Сборник статей. М.: Наука, 1987. С. 3–16.

Ким М. П., Данилова Л. В. Введение. Природное и социальное в историческом процессе // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. М.: Наука, 1981. С. 6–19.

Киргиз-кайсаки // Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. II. СПб., 1865. С. 589–593.

Киргизское хозяйство в Акмолинской области по данным повторного статистического исследования в 1907–1909 гг. Т. I. Кокчетавский уезд; Т. II. Омский уезд; Т. III. Петропавловский уезд; Т. IV. Атбасарский уезд; Т. V. Акмолинский уезд. СПб., 1904–1910.

Кириков С. В. Человек и природа степной зоны: конец X – середина XIX в. (Европейская часть СССР). М.: Наука, 1983.

Кириченко Н. Г. Пастбища пустынь Казахстана: глинистые пустыни. Алма-Ата: Наука, 1980.

Кирста Б. Т., Кузнецов Н. Т. Вода в пустыне. Ашхабад: Ылым, 1985.

Кирста Ю. Б. Моделирование пустынных экосистем. Ашхабад: Ылым, 1986.

Киселев Г. С. Доколониальная Африка. Формирование классового общества: состояние проблемы и перспективы ее развития. М.: Наука, 1985.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951.

Кисляков Н. А. Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана: XIX – начало XX в. Л.: Наука, 1977.

Кисляков Н. А. О сущности понятия «патронимия» // Страны и народы Востока. Вып. XVIII. География. Этнография. История. Памяти А. В. Королева. М.: Наука, 1976. С. 269–280.

Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1969.

Клейн Л. С. Возникновение кочевого скотоводства // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1980. С. 30–36.

Клейн Л. С. Генераторы народов // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 126–134.

Климат Казахстана. Л.: Гидрометеиздат, 1959.

Климат, засухи и опустынивание // Природа и ресурсы. 1984. Т. XX. № 1. С. 2–10.

Кляшторный С. Г. Гуннская держава на Востоке: III в. до н. э. – IV в. н. э. // История древнего мира. Упадок древних обществ. М.: Наука, 1982. С. 170–181.

Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Изд-во АН СССР, 1964.

Кляшторный С. Г. О собственности на землю в тюркском каганате // *Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. Бартольдские чтения 1975 г.* М.: Наука, 1979. С. 97–101.

Кляшторный С. Г. Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии: VI–X вв. // *Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности.* М.: Наука, 1986. С. 217–228.

Кляшторный С. Г. Проблемы ранней истории племени турк (ашина) // *Новое в советской археологии.* М.: Изд-во АН СССР, 1965. С. 278–281.

Кляшторный С. Г. Социальные отношения в раннесредневековой Монголии: к постановке проблемы // *Третий международный конгресс монголоведов.* Т. I. Улан-Батор, 1978. С. 177–181.

Кляшторный С. Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии: конец I тысячелетия до н. э. – I тысячелетие н. э. // *Рабство в странах Востока в средние века.* М.: Наука, 1986а. С. 312–339.

Кобищанов Ю. М. Мелко-натуральное производство в общинно-кастовых системах Африки. М.: Наука, 1982.

Кобищанов Ю. М. Община или класс? (Формирование и социальное функционирование аристократических кланов в Тропической Африке) // *Аграрные структуры стран Востока. Генезис, эволюция, социальные преобразования.* М.: Наука, 1977. С. 49–72.

Кобищанов Ю. М. Системы общинного типа // *Община в Африке. Проблемы типологий.* М.: Наука, 1978. С. 133–260.

Кобищанов Ю. М. Феодализм, рабство и азиатский способ производства // *Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке: азиатский способ производства.* М.: Наука, 1966. С. 42–47.

Ковалевская В. Б. Конь и всадник. Пути и судьбы. М.: Наука, 1977.

Ковалевский В. И. Производительные силы России. Характеристики различных отраслей народного труда. СПб., 1896.

Ковалевский М. М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. Ч. 1. М., 1879.

Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М.: Соцэкгиз, 1939.

Ковальска-Левецка А. Мавритания. М.: Наука, 1981.

Ковешников В. С. Вопросы экономики табунного коневодства в совхозах пустынной зоны Казахской ССР: на примере совхозов Гурьевской и Кызыл-Ординской областей Казахской ССР // *Коневодство в опытах. Труды ВНИИК. Т. XXIV. Ч. 2.* М.: Московский рабочий, 1967. С. 197–208.

Коган Л. С. Проблемы социально-экономического строя кочевых обществ в историко-экономической литературе: на примере дореволюционного Казахстана. Автореф. дисс. ... к. э. н. М., 1981.

Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

Козлов В. И. Динамика численности народов: методология исследования и основные факторы. М.: Наука, 1969.

Козлов В. И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. 2-е изд. М.: Финансы и статистика, 1982.

Козлов В. И. О классификации этнических общностей: состояние вопроса // *Исследования по общей этнографии.* М.: Наука, 1979. С. 5–23.

Козлов В. И. О понятии этнической общности // *СЭ.* 1967. № 2. С. 100–111.

Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии // *СЭ.* 1983. № 1. С. 3–16.

Козлов В. И. Особенности воспроизводства населения в доклассовом и раннеклассовом обществе // *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе.* М.: Наука, 1982а. С. 9–32.

Козлов В. И. Этническая демография. М.: Статистика, 1977.

Козлов В. И. Этнос и культура: к проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры // *СЭ.* 1979а. № 3. С. 71–86.

Козлов В. И. Этнос и территория // *СЭ.* 1971. № 6. С. 89–100.

Козлов В. И. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности // *СЭ.* 1970. № 6.

Козлов В. И., Покшишевский В. В. Этнография и география // *СЭ.* 1973. № 1. С. 3–13.

Козлов В. И., Ямсков А. Н. Этническая экология // *Этнология в США и Канаде.* М.: Наука, 1989. С. 86–107.

Козлов И. Обычное право киргизов // *Памятная книжка Западной Сибири.* 1882. Омск, 1882. С. 319–338.

Козодоев И. И. О необходимом и прибавочном продукте в первобытной экономике // *СЭ.* 1977. № 3. С. 59–63.

- Козьмин Н. Н. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. Иркутск, 1934.
- Козьмин Н. Н. Хозяйство и народность: производственный фактор в этнических процессах // Сибирская живая старина. 1928. № 7. С. 1–22.
- Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974.
- Колганов М. В. Собственность. Докапиталистические формации. М.: Изд-во соц.-эконом. лит.-ры, 1962.
- Коновалов А. В. Казахи Южного Алтая: проблемы формирования этнической группы. Алма-Ата: Наука, 1986.
- Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.). Л., 1980.
- Кононов А. Н. Семантика цветовых обозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978. С. 159–179.
- Кононов А. Н. Способы и термины определения стран света у тюркских народов // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978а. С. 72–83.
- Коншин Н. Заметка о происхождении родов Средней киргизской орды // ПКСО. Вып. IV. Отд. II. 1900. С. 119–126.
- Коншин Н. Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области // ПКСО. Вып. V. Отд. II. 1901. С. 1–182.
- Корнеев А. И. Водное хозяйство в Акмолинской области // ЗСОРГО. 1906. Кн. XXXII. Отд. IV. С. 1–26.
- Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981.
- Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984.
- Косвен М. О. Патронимия и ее роль в истории общества. VII МКАЭН М.: Наука, 1964.
- Кочевники на границах Хорезма. М.: Наука, 1979.
- Крадин Н. Н. Кочевые общества: проблемы формационной характеристики. Владивосток: Наука, 1992.
- Крадин Н. Н. Социально-экономические отношения у кочевников в советской исторической литературе. Депонирована ВНИИОН № 29892 от 16.06.1987. Владивосток, 1987.
- Кранихфельд В. П. Степное киргизское хозяйство в Уральском уезде // ПКУО. Уральск, 1898. С. 87–129.
- Красная книга Казахской ССР. Т. I. Позвоночные животные. Алма-Ата, 1978. С. 69–74.

- Краснов А. Н. Очерк быта семиреchenских киргиз // ИРГО. 1887. Ч. XXIII. С. 436–481.
- Красовский Н. И. Область сибирских киргизов. Ч. I–III. СПб., 1868.
- Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898.
- Крахалев А. И. Суд и следствие у киргизов Сибири // ЮВ. 1888. Вып. XXVIII. Ч. V. С. 23–48.
- Кривошеев В., Зорин И. Население и рекреация // Окружающая среда и народонаселение. Вып. 35. М.: Финансы и статистика, 1981. С. 60–70.
- Кронрод Я. А. Производительные силы и общественная собственность. М.: Наука, 1987.
- Крупник И. И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989.
- Круть И. В., Забелин И. М. Очерки истории представлений о взаимоотношении природы и общества. М.: Наука, 1988.
- Крюков М. В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // СЭ. 1986. № 3. С. 58–69.
- Крюков М. В. О принципах типологического исследования явлений культуры // СЭ. 1983. № 5. С. 3–13.
- Крюков М. В. О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации // СЭ. 1967. № 6.
- Крюков М. В. Об общих принципах типологического исследования явлений культуры: на примере типологии жилища // Типология основных элементов традиционной культуры. М.: Наука, 1984. С. 7–17.
- Крюков М. В. Эволюция систем родства: механизм трансформации. IX МКАЭН. М.: Наука, 1973.
- Крюков М. В. Этнические и политические общности: диалектика взаимодействия // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982. С. 147–163.
- Крюков М. В. Этничность, безэтничность, этническая непрерывность // Расы и народы. Ежегодник. Вып. 19. М.: Наука, 1989. С. 5–18.
- Крюков М. В. Этнос и субэтнос // Расы и народы. Ежегодник. Вып. 18. М.: Наука, 1988. С. 5–21.
- Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979.

Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука, 1983.

Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978.

Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988.

Куббель Л. Е. Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979. С. 241–277.

Кугенев П. В. Молоко и молочные продукты. М.: Россельхозиздат, 1981.

Кузеев Р. Г. Об общности компонентов в этногенезе тюркских народов в лесостепном регионе Евразии // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус: Каракалпакстан, 1989. С. 231–244.

Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав и история расселения. М.: Наука, 1974.

Кузеев Р. Г. Роль исторической стратификации родоплеменных названий в изучении этногенеза тюркских народов Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии. IX МКАЭН. М.: Наука, 1973.

Кузнецов А. Т. Климатические зоны // Климат Казахстана. Л.: Гидрометеиздат, 1959. С. 64–89.

Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии: вторая половина XVIII – первая половина XIX в. Новосибирск: Наука, 1983.

Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. 3-е изд. М.: Политиздат, 1986.

Кузьмина Е. Е. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сборник. Вып. IV. Древняя и средневековая история и филология стран Переднего и Среднего Востока. М.: Наука, 1986. С. 169–228.

Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности: II тысячелетие до н. э. М.: Наука, 1981. С. 101–125.

Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и у других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье: история и культура. М.: Наука, 1977. С. 28–52.

Кузьмина Е. Е., Лившиц В. А. Еще раз о происхождении юрты // Прошлое Средней Азии: археология, нумизматика и эпиграфика, этнография. Душанбе: Дониш, 1987. С. 243–250.

Кульпин Э. С. Природа, хозяйство и человек в Монголии // Цибикивские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Улан-Удэ, 1989. С. 82–86.

Культелеев Т. М. Уголовное обычное право казахов: с момента присоединения Казахстана к России до установления Советской власти. Алма-Ата, 1955.

Культура и быт казахского колхозного аула. Алма-Ата: Наука, 1967.

Куракова Л. И. Современные ландшафты и хозяйственная деятельность. М.: Просвещение, 1983.

Курочкина Л. Я. Псаммофильная растительность пустынь Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1978.

Курочкина Л. Я., Османова Л. Т., Карибаева К. Н. Кормовые растения пустынь Казахстана. Справочное пособие. Алма-Ата: Кайнар, 1986.

Курылев В. П. К вопросу о земельных отношениях у кочевых казахов: XV – первая половина XIX в. // Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 337–341.

Курылев В. П. К вопросу о термине «кочевая семейно-родственная община» у казахов // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Апрель 1985 г. Л.: Наука, 1986. С. 16–17.

Курылев В. П. Казахские тамги как знаки родовой принадлежности // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус: Каракалпакстан, 1989. С. 210–222.

Курылев В. П. Об основных типах скотоводческого хозяйства у казахов // Хозяйство казахов на рубеже XIX – XX веков. Алма-Ата: Наука, 1980а. С. 81–93.

Курылев В. П. Опыт типологии скотоводческого хозяйства казахов: вторая половина XIX – начало XX в. // Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979. С. 166–173.

Курылев В. П. Семейно-родственные группы у казахов конца XIX – начала XX в.: по некоторым литературным источникам // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1978. С. 132–143.

- Кустанаев Х. Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов. Ташкент, 1894.
- Кууси П. Этот человеческий мир. М.: Прогресс, 1988.
- Куфтин Б. А. Киргиз-казаки. Культура и быт. М., 1926.
- Кшибеков Д. Кочевое общество: генезис, развитие, упадок. Алма-Ата: Наука, 1984.
- Кыдыралин У. С. Культура и быт казахов дореволюционного Мангышлака. Автореф. дисс. ... к. и. н. Алма Ата, 1975.
- Кызласов Л. Р. Древняя Тува: от палеолита до IX в. М.: МГУ, 1979.
- Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: МГУ, 1969.
- Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. М.: Высшая школа, 1984.
- Кызласов Л. Р. Ранние монголы: к проблеме истоков средневековой культуры // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск: Наука, 1975. С. 170–177.
- Кычанов Е. И. Монголы в первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1980. С. 136–148.
- Кычанов Е. И. О татаро-монгольском улусе XII в. // Восточная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука. 1986. С. 94–98.
- Кычанов Е. И. Рабство в странах Востока в средние века // Советское востоковедение. Проблемы и перспективы. М.: Наука, 1988. С. 183–191.
- Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Қонырат шежіресі. Ұраны – «Алатау». Алматы, 1992.
- Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Военное дело у киданей: по сведениям из «Ляоши» // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск: Наука, 1975. С. 99–112.
- Лашук Л. П. Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников // СЭ. 1967. № 4.
- Лашук Л. П. Кочевничество и общие закономерности истории // СЭ. 1973. № 2. С. 83–95.
- Лашук Л. П. О характере классовобразования в обществах ранних кочевников // ВИ. 1967а. № 7.
- Лашук Л. П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов // СЭ. 1968. № 1.

- Ле Руа Ладюри Э. История климата с 1000 года. Л.: Гидрометеоздат, 1971.
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-культурные области: к постановке вопроса // СЭ. 1955. № 4. С. 3–17.
- Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985.
- Левковский А. И. Некоторые проблемы деклассирования в переходном обществе стран Востока // Процессы деклассирования в странах Востока. М.: Наука, 1981. С. 3–8.
- Левшин А. И. Об имени киргиз-казакского народа и отличие его от подлинных или диких киргизов // Московский вестник. 1827. Ч. IV. № 16. С. 432–451.
- Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. I. Известия географические. СПб., 1832; Ч. II. Исторические известия. СПб., 1832; Ч. III. Этнографические известия. СПб., 1832.
- Лезина И. Н., Суперанская А. В. Об этнопонимах Крыма // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984. С. 77–89.
- Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Ленин В. И. ПСС. Т. 3. С. 1–609.
- Леонтьев А. Обычное право киргиз. Судостроительство и судопроизводство // ЮВ. 1890. № 5–6. С. 114–139.
- Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972.
- Литвинский Б. А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии: проблемы этнокультурной общности // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М.: Наука, 1984. С. 4–28.
- Литвинский Б. А. Этногенез и этническая история народов Средней Азии и Казахстана в древности и средневековье: теоретический аспект // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. I. Общие проблемы. М., 1990. С. 21–41.
- Логашова Б.-Р. Туркмены Ирана: историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1976.
- Логонов А. А. О числительности кочевого населения Аулиеатинского уезда // МСТК. Вып. I. СПб., 1872. С. 79–95.
- Логотов Н. А. Очерк родового быта казаков и распределение основных казакских родов на территории б. Семипалатинской губернии // ЗСОИИК. 1929. Вып. XVIII. С. 34–48.

- Лот А. К другим Тассили. Л.: Искусство, 1984.
- Лот А. Туареги Аггахара. М.: Наука, 1989.
- Лус Я. Я. Крупный рогатый скот кочевого населения Семиречья. МОКИСАР. Вып. 8. Б. м., 1927.
- Лусиги У. Дж., Глазер Г. Опустынивание и номадизм: экспериментальные исследования в Восточной Африке // Природа и ресурсы. 1984. № 1. С. 24–35.
- Лэмбтон Э. К. С. Аспекты расселения сельджуков-огузов в Иране // Мусульманский мир. 950–1150. М.: Наука, 1981. С. 123–144.
- Люблинская А. Д. Типология раннего феодализма и проблемы романо-германского синтеза // Средние века. Вып. 31. М.: Наука, 1968.
- Маевродина Р. М. Киевская Русь и кочевники: печенеги, торки, половцы. Историографический очерк. Л.: Наука, 1983.
- Маев Н. А. Очерки истории киргизского народа с 1732 по 1868 гг. // ТВ. 1871. № 3.
- Маев Н. А. Топографический очерк Туркестанского края. Орография и гидрография края // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. Вып. I. География и статистика. М., 1872. С. 7–115.
- Макаров И. Ф. Казахское земледелие в конце XIX – начале XX века // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сборник III. М.: Наука, 1959. С. 392–445.
- Макарова Л. А., Нурумов Т. Н. К проблеме коневодства в неолит-энеолите Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 122–131.
- Маковецкий П. Е. Материалы по изучению юридических обычаев киргизов. Вып. I. Омск, 1886.
- Максимов Н. Народный суд у киргизов // ЖЮО. 1897. Вып. VII. С. 48–80.
- Макшеев А. И. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае, с картой // ЗРГО. Т. II. 1871. С. 38–39.
- Макшеев А. Описание низовьев Сыр-Дарьи // Морской сборник. СПб., 1856. Т. XXIII. № 9.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.
- Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск: Наука, 1989.

- Малявкин А. Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск: Наука, 1983.
- Мамедов Э. Опыт географического анализа древнего расселения человека в бессточных районах пустынь // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 9–16.
- Маргулан А. Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979.
- Маргулан А. Х. Древние караванные пути через пустыню Бетпак-Дала // ВАН КазССР. 1949. № 1. С. 68–79.
- Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1950.
- Маргулан А. Х. Казахская юрта и ее убранство. VII МКАЭН. М.: Наука, 1964.
- Маргулан А. Х. Казахское народное прикладное искусство. Т. I. Алма-Ата: Онер, 1986; Т. 2. Алма-Ата: Онер, 1987; Т. 3. Алма-Ата: Онер, 1988.
- Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966.
- Маркарян Э. С. К экологической характеристике развития этнических культур // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. М.: Наука, 1981. С. 96–109.
- Маркарян Э. С. Локальные исторические особенности культуры и процессы экологической адаптации // ВАН СССР. 1981а. № 1. С. 111–117.
- Маркарян Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973.
- Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969.
- Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ. М.: Мысль, 1983.
- Марков Г. Е. История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. М.: МГУ, 1979.
- Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: МГУ, 1976.
- Марков Г. Е. Кочевники Азии. Хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества. Автореф. дисс. ... д. и. н. М., 1967.
- Марков Г. Е. Кочевничество // Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М.: Советская энциклопедия, 1965. С. 1017–1019.

Марков Г. Е. Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии // СЭ. 1973. № 1. С. 101–113.

Марков Г. Е. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии // СЭ. 1971. № 1.

Марков Г. Е. Община у кочевников и складывание в ходе их оседания территориально-соседской общины // Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 309–315.

Марков Г. Е. Очерки истории формирования северных туркмен. М., 1961.

Марков Г. Е. Проблемы дефиниций и терминологии скотоводческого хозяйства и кочевничества: ответ оппонентам // СЭ. 1982. № 4. С. 80–87.

Марков Г. Е. Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии. IX МКАЭН. М.: Наука, 1973а.

Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // СЭ. 1981. № 4. С. 83–94.

Марков Г. Е. Социальная структура и общественная организация древних и средневековых кочевников // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980а. С. 21–29.

Марков Г. Е. Структура и исторические типы образа жизни // Этнографические исследования развития культуры. М.: Наука, 1985. С. 244–261.

Марков Г. Е. Этнические общности как историческая категория // СЭ. 1986. № 4. С. 69–72.

Марков Г. Е., Масанов Н. Э. Значение относительной концентрации и дисперсности в хозяйственной и общественной организации кочевых народов // Вестник МГУ. Сер. история. 1985. № 4. С. 86–96.

Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23–26.

Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Первоначальный вариант «Капитала» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1–2.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 7–544.

Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. М.: Наука, 1981.

Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени. М.: Наука, 1983.

Марш Г. Человек и природа, или о влиянии человека на изменение физико-географических условий природы. СПб., 1866.

Масанов Н. Э. Дисперсное состояние – всеобщий закон жизнедеятельности кочевого общества // ВАН КазССР. 1987. № 3. С. 29–39.

Масанов Н. Э. Дисперсное состояние – всеобщий закон функционирования кочевого общества // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата: Наука, 1987а. С. 21–24.

Масанов Н. Э. Е. Скайлер об истории и этнографии казахов // Зарубежная литература. Реферативный сборник. Вып. 17. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 28–38.

Масанов Н. Э. К вопросу о ясачной повинности по «Уставу о сибирских киргизах» // ИАН КазССР. Сер. обществ. наук. 1977. № 4. С. 45–49.

Масанов Н. Э. К этнической истории уаков // Проблемы изучения и охраны памятников Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 129–135.

Масанов Н. Э. Казахи в XX столетии: этническое развитие и исторические судьбы // Расы и народы. Ежегодник. Вып. 22. М.: Наука, 1993. С. 98–117.

Масанов Н. Э. Кибиточная подать в Казахстане: 1837–1868 гг. // Вопросы истории Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 141–161.

Масанов Н. Э. Налоговая политика царизма в Казахстане в 20–60-х годах XIX в.: социально-экономический анализ. Автореф. дисс. ... к. и. н. Алма-Ата, 1980а.

Масанов Н. Э. Налоговая политика царизма во Внутренней орде в середине XIX в. // ИАН КазССР. Сер. обществ. наук. 1979. № 4. С. 52–59.

Масанов Н. Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. Алма-Ата: Наука, 1984.

Масанов Н. Э. Социальная организация кочевого общества казахов // ВАН КазССР. 1984а. № 4. С. 25–38.

Масанов Н. Э. Социально-экономические отношения в кочевом обществе казахов // ВАН КазССР. 1988. № 8. С. 45–55.

Масанов Н. Э. Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период: историко-экологические аспекты номадизма. Автореф. дисс. ... д. и. н. М., 1991.

Масанов Н. Э. Структура институциональных отношений в кочевом обществе казахов // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Л.: Наука, 1990. С. 24–25.

Масанов Н. Э. Типология скотоводческого хозяйства кочевников Евразии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 55–81.

Масанов Н. Э. Чокан Валиханов об этногенезе казахов // Чокан Валиханов и современность. Сборник материалов Всесоюзной научной конференции. Алма-Ата: Наука, 1988. С. 197–199.

Масанов Н. Э. Эволюция кочевого хозяйственно-культурного типа и проблема этногенеза казахского народа // ВАН КазССР. 1987б. № 8. С. 27–30.

Масанов Н. Э. Экологические аспекты этногенеза кочевников Казахстана // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984б. С. 43–47.

Масанов Н. Э. Элементы структуры социальной организации кочевников Евразии // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986. С. 20–26.

Масанов Н. Э. Эпоха Великих географических открытий в исторических судьбах кочевничества Евразии и Северной Африки // Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988–1989 гг. Тезисы докладов. Ч. 1. Алма-Ата, 1990а. С. 102–104.

Масанов Н. Э. Этнизация кочевого типа хозяйственной деятельности и проблема этногенеза казахов // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982–1983 годов. Тезисы докладов. Ч. I. Черновцы, 1984в. С. 86–87.

Масанов Н. Э. Этногенез казахов: проблема и метод // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. II. История и археология. М.: Наука, 1990б. С. 94–105.

Масанов Н. Э. Этногенез казахов: проблема исторической преемственности // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. М., 1988б. С. 84–88.

Масанов Э. А. Домашние промыслы и ремесла казахского народа во второй половине XIX – начале XX века // Ученые записки КазГУ. Сер. ист. 1959. Т. 38. Вып. 4. С. 167–177.

Масанов Э. А. Домашние промыслы и ремесла казахского народа во второй половине XIX – начале XX в.: историко-этнографический очерк по материалам северных областей Казахстана. Автореф. дис. ... к. и. н. М., 1960.

Масанов Э. А. Из истории ремесла казахов: вторая половина XIX – начало XX в. // СЭ. 1953. № 5. С. 31–49.

Масанов Э. А. Казахское войлочное производство во второй половине XIX и начале XX веков // ТИИАЭ АН КазССР. 1959а. Т. 6. С. 104–126.

Масанов Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата: Наука, 1966.

Масанов Э. А. Условия труда и бытовой уклад казахских ремесленников // ИАН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. 1961. № 1. С. 45–55.

Массон В. М. Культурогенез и этногенез в Средней Азии и Казахстане // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 1. Общие проблемы. М., 1990. С. 42–53.

Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.: Наука, 1964.

Массон В. М. Формирование раннеклассового общества и вопросы типологии древних цивилизаций // Древний Восток и античный мир. М.: МГУ, 1980. С. 11–41.

Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ в свете данных археологии. Л.: Наука, 1976.

Матвиевский П. Е. Дневник Джона Кэстля как источник по истории и этнографии казахов // ИСССР. 1958. № 4. С. 133–145.

Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. 1. СПб., 1872.

Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. 2. СПб., 1873.

Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. 3. СПб., 1874.

Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955.

Материалы по землепользованию туземного кочевого населения района Голодной степи и прилегающих местностей Ходжентского и Джизакского уездов Самаркандской области. Ташкент, 1914.

Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984.

Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков: извлечения из персидских и тюркских сочинений. Алма-Ата: Наука, 1969.

Материалы по истории Казахской ССР. Т. II. Ч. 2. 1741–1751 гг. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948; Т. IV. 1785–1828 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.

Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973.

Материалы по истории кочевых народов в Китае. Вып. 1. Сюнну. М.: Наука, 1989.

Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960.

Материалы по истории Средней Азии и Центральной Азии X–XIX вв. Ташкент: Фан, 1988.

Материалы по истории сюнну: по китайским источникам. Вып. 1. М.: Наука, 1968; Вып. 2. М.: Наука, 1973.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М., 1939.

Материалы по казахскому обычному праву. Сборник 1. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948.

Материалы по киргизскому землепользованию в Сырдарьинской области. I. Чимкентский уезд. Ташкент, 1908; II. Чимкентский уезд. Ташкент, 1910; Аулиеатинский уезд. Ташкент, 1911; Перовский уезд. Ташкент, 1912; Казалинский уезд. Ташкент, 1913.

Материалы по киргизскому землепользованию района реки Чу и низовьев реки Талас Черняевского и Аулиеатинского уездов Сырдарьинской области. Ташкент, 1915.

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. I. Акмолинская область. Кокчетавский уезд. Воронеж, 1898; Т. II. Акмолинская область. Атбасарский уезд. Воронеж, 1902; Т. III. Акмолинская область. Акмолинский уезд. Ч. I. Поаульные таблицы. СПб., 1907; Ч. 2. Чернигов, 1909; Т. IV. Семипалатинская область. Павлодарский уезд. Воронеж, 1903; Т. V. Тургайская область. Кустанайский уезд. Воронеж, 1903; Т. VI. Семипалатинская область. Каркаралинский уезд. СПб., 1905; Т. VII. Тургайская область. Актюбинский уезд. Воронеж, 1903; Т. VIII. Семипалатинская область. Зайсанский уезд. СПб., 1909; Т. IX. Семипалатинская область. Усть-Каменогорский уезд. СПб., 1905; Т. X. Семипалатинская область. Семипалатинский уезд. СПб., 1909; Т. XI. Акмолинская область. Омский уезд. Омск, 1902; Т. XII. Акмолинская область. Пет-

ропавловский уезд. Чернигов, 1908; Т. XIII. Сводка материалов по киргизскому землепользованию. СПб., 1906.

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Тургайский уезд. Оренбург, 1911; Иргизский уезд. Оренбург, 1913; Кустанайский уезд. Оренбург, 1912; Лбищенский уезд. Оренбург, 1914; Уральский уезд. Оренбург, 1909; Темирский уезд. Оренбург, 1910; Актюбинский уезд. Оренбург, 1912.

Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области. Т. I. Лепсинский уезд. СПб., 1911; Т. II. Капальский уезд. СПб., 1913; Т. III. Джаркентский уезд. СПб., 1913; Т. IV. Верненский уезд. СПб., 1913.

Материалы по повторному обследованию в 1910–1911 гг. хозяйства и землепользования киргиз Семипалатинской области. Т. 1. Павлодарский уезд. Семипалатинск, 1912; Т. П. Усть-Каменогорский уезд. СПб., 1913; Т. III. Зайсанский уезд. СПб., 1913.

Махонин сотник. О состоянии в хозяйстве верноподданных киргизов в Омской области // Земледельческий журнал. 1827. № 19. С. 5–9.

Мацкевич Н. Н. Сравнительная длина кочевков казахского населения бывшей Семипалатинской губернии // ЗСОИИК. Т. I. Вып. XVIII. Семипалатинск, 1929. С. 1–33.

Мгеладзе Н. В. Формы социальной организации и система терминов родства в традиционной культуре грузинского народа: этнокультурные аспекты, историческая и локально-региональная специфика. Автореф. дисс. ... д. и. н. М., 1992.

Медведский П. Внутренняя киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении // ЖМГИ. 1862. Ч. 80. Отд. II. С. 183–194, 285–308; Ч. 81. С. 34–63, 327–352.

Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975.

Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865.

Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.

Меньшикова Е. А. Влажность воздуха // Климат Казахстана. Л.: Гидрометеиздат, 1959. С. 233–247.

Меньшикова Е. А. Снежный покров // Климат Казахстана. Л.: Гидрометеиздат, 1959. С. 305–323.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

Мизун Ю. Г. Космос и погода. М.: Наука, 1986.

Милль Дж. С. Основы политической экономии. Т. I. М.: Наука, 1980.

Мильков Ф. Н. Человек и ландшафты. М.: Мысль, 1973.

Миняев С. С. Сюнну // Исчезнувшие народы. М.: Наука, 1988. С. 113–125.

Миркин Б. М. Что такое растительные сообщества. М.: Наука, 1986.

Миронов Б. Н. История в цифрах: (Математика в исторических исследованиях). Л.: Наука, 1991.

Мирошниченко Ю. М. Динамика и продуктивность пустынной растительности: Юго-Восточные Каракумы. Л.: Наука, 1986.

Мисевич К. Н., Рященко С. В. Географическая среда и условия жизни населения Сибири. Новосибирск: Наука, 1988.

Мкртумян Ю. И. Соотношение земледелия и скотоводства и его роль в формировании современной культуры и быта сельского населения Кавказа. IX МКАЭН. М.: Наука, 1973.

Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи: XVII–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1991.

Моисеев В. А. Социально-экономическое и политическое положение алтайских казахов Синьцзяна в 1911–1917 гг. // Новое в изучении Китая: история и историография. М.: Наука, 1988. С. 97–102.

Моисеев Н. Н., Александров В. В., Тарко А. М. Человек и биосфера. Опыт системного анализа и эксперименты с моделями. М.: Наука, 1985.

Моммадов И. М., Садиков Г. Н., Тупикова Г. А., Графова В. А. Оптимизация профессиональной деятельности в условиях аридной зоны // Физиологические механизмы оптимизации деятельности. Л.: Наука, 1985. С. 75–84.

Монин А. С. Популярная история Земли. М.: Наука, 1980.

Мордкович В. Г. Степные экосистемы. Новосибирск: Наука, 1982.

Морозов И. Положение овцеводства в Степном крае Западной Сибири // Труды I Всероссийского съезда по овцеводству в Москве 1912 г. Т. I. Ч. 2. М., 1913. С. 308–341.

Москалева З. Н. Исследования бассейна Урала // Научные записки Западно-Казахстанского отдела Географического общества СССР. Вып. X. Уральск, 1957.

Муқанов М. С. Казахская юрта. Алма-Ата: Кайнар, 1981.

Муқанов М. С. Казахские домашние художественные ремесла. Алма-Ата: Казахстан, 1979.

Муқанов М. С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата: Наука, 1974.

Муқанова Т. А. Из истории приготовления кумыса у казахов // Вопросы истории. Вып. 6. Алма-Ата, 1974а.

Муравлев Г. Г., Покровская Т. Н., Россолимо Л. Л. Озера // Казахстан. Природные условия и естественные ресурсы СССР. М.: Наука, 1969. С. 154–169.

Мурзаев Э. М. Монгольская Народная Республика. Физико-географическое описание. М.: Госиздат географ. лит-ры, 1952.

Мурзаев Э. М. Природа Синьцзяна и формирование пустынь Центральной Азии. М.: Наука, 1966.

Мякутин А. И. Юридический быт киргизов // ТОУАК. Вып. XXV. Оренбург, 1911. С. 1–180.

Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства (феодалное хозяйство Худояр-хана). Ташкент, 1973.

Назаревский О. Р. Географо-этнические особенности сельского расселения в республиках Средней Азии и Южном Казахстане. VII МКАЭН. М.: Наука, 1964.

Назаревский О. Р. Современные формы пастбищного животноводства в пустынных и горных районах Казахстана и республик Средней Азии // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1973. С. 249–258.

Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней Азии. СПб., 1821; Изд. 2-е. М.: Наука, 1968.

Народы мира. Историко-этнографический справочник. М.: Советская энциклопедия, 1988.

Народы Средней Азии и Казахстана. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1962; Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию. М.: Прогресс, 1989.

Небольсин П. Очерки Волжского низовья. СПб., 1852.

Негря Л. В. Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V–VII вв. М.: Наука, 1981.

Неусыхин А. И. Дофеодалный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодалному: на материале истории Западной Европы раннего средневековья // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968. С. 596–617.

Нефедьева Е. А. Влияние снежного покрова на ландшафтные связи. М.: Наука, 1975.

Нечаев И. Н. Мясное коневодство: табунное. Алма-Ата: Кайнар, 1975.

Нешель. Замечания о киргизской степи между Орскою крепостью и Аральским морем // ГИРГО. 1848. Вып. V. С. 123–128.

Никитин Д. П., Новиков Ю. В. Окружающая среда и человек. М.: Высшая школа, 1986.

Никифоров А. В. Проблемы кочевого населения Сомали // Ученые записки советско-сомалийской экспедиции. М.: Наука, 1974. С. 200–236.

Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. Изд. 2-е. М.: Наука, 1977.

Никишенков А. А. Из истории английской этнографии. Критика функционализма. М.: МГУ, 1986.

Никольский А. М. Путешествие на озеро Балхаш и в Семиреченскую область // ЗСОРГО. 1885. Кн. VII. Вып. I. С. 1–93.

Ниязклычев К. О скотоводческом и земледельческом хозяйстве Юго-Западного Туркменистана конца XIX – начала XX века // ТИИАЭ АН ТуркССР. Т. VII. Ашхабад: Изд-во АН ТуркССР, 1963. С. 58–70.

Новгородова Э. А. Древняя Монголия. М.: Наука, 1989.

Нураков И. К вопросу о пастбищно-кочевой аильной (аульной) общине у киргизов конца XIX – начала XX в. // Социальная история народов Азии. М.: Наука, 1975. С. 65–73.

Нурмагамбетов А. О казахских этнонимах адай и шеркес // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984. С. 91–93.

О местностях стоянки киргизов // АОВ. Особое прибавление. 1890. № 13.

О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов: к итогам обсуждения // ВИ. 1956. № 1.

Общее и особенное в историческом развитии стран Востока: Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства). М.: Наука, 1966.

Общественные науки в МНР. М.: Наука, 1977.

Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. М.: Наука, 1981.

Община в Африке. Проблемы типологии. М.: Наука, 1978.

Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1967.

Объедков Ю. Л. Формирование естественных ресурсов подземных вод аридных районов на примере Долиноозерского артезианского бассейна МНР. Наука, 1986.

Овцеводство Казахстана. Алма-Ата: Кайнар, 1968.

Одум Ю. Основы экологии. М.: Мир, 1975.

Одум Ю. Экология. Т. 1–2. М., 1986.

Олдак П. Г. Равновесное природопользование. Взгляд экономиста. Новосибирск: Наука, 1983.

Ольдерогге Д. А. Иерархия родовых структур и типы больших семейных домашних общин // Социальная организация народов Азии и Африки. М.: Наука, 1975. С. 6–19.

Ольдерогге Д. А. Эпигамия. Избранные статьи. М.: Наука, 1983.

Оплер М. К. Индейцы юта и пайюта на южной окраине Большого Бассейна // Североамериканские индейцы. М.: Прогресс, 1978. С. 253–285.

Опыт отгонно-пастбищного содержания скота в колхозах. М., Сельхозгиз, 1948.

Оразбаев А. М. Колодцы на поселении Чаглинка (Шагала-лы) // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 154–162.

Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 5. Алма-Ата, 1958. С. 216–282.

Оразов А. Некоторые формы скотоводства в дореволюционной Туркмении // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1978. С. 70–74.

Оразов А. О типах скотоводства в Ахале в конце XIX – начале XX в. // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1975. С. 206–219.

Оразов А. О типологии источников водопоя в Центральном и Юго-Восточных Каракумах // Очерк этнографии населения Южного Туркменистана: XIX – начало XX в. Сборник статей. Ашхабад: Ылым, 1979. С. 20–36.

Оразов А. Скотоводство у туркмен в XIX – начале XX в.: к проблеме хозяйственно-культурных типов Средней Азии. Автореф. дисс. ... д. и. н. М., 1985.

Оразов А. Хозяйство и основные черты общественной организации у скотоводов Западной Туркмении: в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1964.

Оразов А. Этнографические очерки хозяйства туркмен Ахала в XIX – начале XX в. Ашхабад: Ылым, 1985а.

Оранский И. М. Иранские языки в историческом освещении. М.: Наука, 1979.

Освоение пустынных и горных территорий Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1987.

Осипова О. А. Американская социология о традициях в странах Востока. М.: Наука, 1985.

Остафьев В. А. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // ЗЗСОПГО. 1895. Кн. XVIII. Вып. 2. С. 1–61.

Островский Э. Поездка во Внутреннюю киргиз-кайсацкую орду, с ветеринарной целью // ЖМВД. 1859. Ч. XXXIV. № 2. Февраль. Отд. II.

Отары в степи // Правда. 5 июня 1979 г.

Очерки экономической истории Казахской ССР: 1860–1970 гг. Алма-Ата: Казахстан, 1974.

Павленко Ю. В. К вопросу об условиях формирования этноса и этнических свойств // Методологические и методические вопросы археологии. Киев: Наукова Думка, 1982. С. 75–85.

Павленко Ю. В. Категория «социальный организм» и ее роль в историко-археологическом исследовании на материалах раннеклассовых обществ, применительно к изучению истории населения Украинской лесостепи в эпоху железного века. Автореф. дисс. ... к. и. н. Киев, 1985.

Павленко Ю. В. Пути становления раннеклассовых социальных организмов: логико-методологический анализ проблемы // Исследование социально-исторических проблем в археологии. Киев: Наукова Думка, 1987. С. 72–85.

Павленко Ю. В. Раннеклассовые общества, генезис и пути развития. Киев: Наукова Думка, 1989.

Павленко Ю. В. Этнос как социальная система // Новые методы археологических исследований. Киев: Наукова Думка, 1982а. С. 40–61.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. I. СПб., 1773.

Пантусов Н. Н. Сведения о Кульджинском районе за 1871–1877 годы. Казань, 1881.

Пахомов И. Киргизское хозяйство на Ак-Кабе и на верховьях Курчума // ЗСПЗСОПГО. 1911. Вып. 5. Отд. IV. С. 1–22.

Певцов М. В. Путешествия по Китаю и Монголии. М.: Госиздат географ. лит-ры, 1951.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Вып. 2. Астраханская губерния. Тетрадь 2. СПб., 1904; Вып. 81. Акмолинская область. СПб., 1904; Вып. 82. Закаспийская область. СПб., 1904; Вып. 85. Семиреченская область. СПб., 1905; Вып. 84. Семипалатинская область. СПб., 1905; Вып. 87. Тургайская область. СПб., 1904; Вып. 88. Уральская область. СПб., 1904; Вып. 86. Сырдарьинская область. СПб., 1905.

Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий: проблемы исторических контактов. М.: Наука, 1978.

Первобытное общество. Основные проблемы развития. М.: Наука, 1975.

Першиц А. И. Возможен ли формационный подход к социальным ценностям этнической культуры? // Этнографические исследования развития культуры. М.: Наука, 1985. С. 50–63.

Першиц А. И. Данничество. IX МКАЭН. М.: Наука, 1973.

Першиц А. И. К вопросу о саунных отношениях // Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология. М.: Наука, 1973а. С. 104–110.

Першиц А. И. К вопросу о «третьем типе» социальной организации первобытности // СЭ. 1970. № 2. С. 106–109.

Першиц А. И. Начальные формы эксплуатации и проблема их генетической типологии // Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979. С. 59–65.

Першиц А. И. Некоторые особенности классовообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Становление классов и государства. Сборник статей. М.: Наука, 1976. С. 280–313.

Першиц А. И. О коллективной собственности на скот у кочевников-скотоводов // СЭ. 1959. № 6.

Першиц А. И. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов // ВИ. 1955. № 11.

Першиц А. И. Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. // Разложение родового строя и формирование классового общества. М.: Наука, 1968. С. 320–355.

Першиц А. И. Оседлое и кочевое общество Северной Аравии в новое время. Автореф. дисс. ... д. и. н. М., 1971.

Першиц А. И. Остатки первобытнообщинного строя в классовых обществах // История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М.: Наука, 1988. С. 499–535.

Першиц А. И. Патриархально-феодальные отношения у кочевников Северной Аравии: XIX – первая четверть XX в. // Переднеазиатский этнографический сборник. Вып. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 110–155.

Першиц А. И. Патронимия // Социально-экономические отношения и социо-нормативная культура. М.: Наука, 1986. С. 133–134.

Першиц А. И. Проблема аксиологических сопоставлений в культуре // СЭ. 1982. № 3. С. 3–12.

Першиц А. И. Проблема типологизации общины в дореволюционной русской и советской этнографии // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. VIII. М.: Наука, 1978. С. 142–156.

Першиц А. И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., Наука, 1979. С. 210–240.

Першиц А. И. Социально-экономическая терминология в понятийном аппарате этнографии // СЭ. 1983. № 5. С. 59–69.

Першиц А. И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX – первой трети XX в. Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Першиц А. И. Этнические общности и формационный процесс // СЭ. 1986а. № 3. С. 69–73.

Першиц А. И. Этнос в раннеклассовых оседло-кочевнических общностях // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982а. С. 163–180.

Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1982.

Першиц А. И., Трайде Д. Община // Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М.: Наука, 1986. С. 109–114.

Першиц А. И., Хазанов А. М. Община у кочевых скотоводов // НАА. 1979. № 2. С. 51–60.

Петров К. И. Влияние природного пастбища как средства труда на общественные отношения скотоводов-кочевников // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе: Илим, 1975.

Петров К. И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI – начала XIII в. Фрунзе: Илим, 1981.

Петров К. И. Очерки феодальных отношений у киргизов в XV–XVIII вв. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1961.

Петров М. П. Пустыни земного шара. Л.: Наука, 1973.

Петров М. П. Пустыни СССР и их освоение. М.; Л.: Наука, 1964.

Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985.

Пика А. И. Гомеостаз в демографической истории народов Севера (XVII–XIX вв.): реальность или иллюзия? // СЭ. 1986. № 3. С. 36–46.

Пиков Г. Г. Некоторые вопросы экономики западных киданей // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1980. С. 127–135.

Пичета В. И. О кочевом феодализме // Исторический журнал. 1940. № 1.

Пищулина К. А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV–XVII веках // Казахстан в XV–XVIII веках. Вопросы социально-политической истории. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 5–49.

Пищулина К. А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI веков. Вопросы политической и социально-экономической истории. Алма-Ата: Наука, 1977.

Плетнева С. А. Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья // ВИ. 1981. № 6.

Плетнева С. А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982.

Плетнева С. А. От кочевий к городам. МИА № 142. М.: Наука, 1967.

Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА № 62. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Плетнева С. А. Половцы. М.: Наука, 1990.

Плетников Ю. К. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Т. 1. М.: Наука, 1981.

Плотников Л. О необходимости и средствах предупреждения дальнейшего развития сыпучих песков в степях Внутренней киргизской орды // ЗООРГО. 1871. Вып. 2. С. 239–258.

Погорельский П. В. Оседание кочевников и развитие животноводства. Труды экспедиции по изучению земельных фондов Казахской ССР. Вып. 8. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1949.

Погорельский П. В., Батраков В. С. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930.

Полетаев И. С. Записка // ЗООРГО. 1875. Вып. 3. С. 2–3.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. V. № 5999; Т. XIX. Отд. 1. № 17998; Т. XXVI. № 18773; Т. XXIX. № 28255; Т. XXXVIII. № 29126; № 29127.

- Полторацкий полковник*. Общий обзор страны, лежащей к западу от Заилийского края между реками Чу и Сырдарьей // ЗРГООГ. 1867. Т. 1. С. 55–72.
- Полферов Я.* Земледелие в Тургайской области. СПб., 1896.
- Полферов Я.* Охота в Тургайской области. Оренбург, 1896а.
- Поляков С. П.* Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. Хозяйство. Социальная организация. Этническая история. М.: МГУ, 1980.
- Померанцев*. Из Зайсанского пограничного поста // Семипалатинские областные ведомости. 1871. № 17, 20–22.
- Попов А. В.* Современная историография МНР о характере экономического базиса монгольского общества нового времени // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Межвузовский сборник. Вып. IX. Л.: ЛГУ, 1986. С. 156–172.
- Попов А. В.* Теория «кочевого феодализма» академика Б. Я. Владимирцова и современная дискуссия об общественном строе кочевников // *Mongolica*. Памяти академика Б. Я. Владимирцова. 1884–1931. М.: Наука, 1986а. С. 183–193.
- Попов В. А.* Ашантийцы в XIX в. Опыт этносоциологического исследования. М.: Наука, 1982.
- Поршнев Б. Ф.* Феодализм и народные массы. М.: Изд-во АН СССР, 1964.
- Потанин Г. Н.* Зимняя поездка на озеро Зайсан: зимой 1863–1864 гг. // ЗРГООГ. 1867. Т. 1. С. 429–461.
- Потанин Г. Н.* Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки // Живая старина. 1916. Вып. II–III. СПб., 1917. С. 47–198.
- Потанин Г. Н.* На притоке реки Токрау // Сибирская жизнь. 1914. № 82, 83, 86.
- Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. II. СПб., 1881; Вып. IV. СПб., 1883.
- Потапов Л. П.* Географический фактор в традиционной культуре и быте тюркоязычных народов Алтае-Саянского региона // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л.: Наука, 1984. С. 126–143.
- Потапов Л. П.* К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевников // КСИЭ. 1947. Вып. III. С. 66–69.
- Потапов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории

- Средней Азии и Казахстана в дореволюционный период. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955. С. 17–42.
- Потапов Л. П.* О феодальной собственности на пастбища и кочевья у тувинцев XVIII – начала XX в. // Социальная история народов Азии. М.: Наука, 1975. С. 115–125.
- Потапов Л. П.* Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни // Сборник МАЭ. Т. XII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 43–70.
- Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
- Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л.: Наука, 1969.
- Пригожин А. Г.* Карл Маркс и проблемы социально-экономических формаций // Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 22–90.
- Природа и древний человек. М.: Мысль, 1981.
- Природа и общество. М.: Наука, 1968.
- Природа и ресурсы. 1984. № 1.
- Проблемы Аральского моря. Развитие ландшафтов Приаралья в условиях опустынивания. Алма-Ата: Наука, 1983.
- Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М.: Наука, 1971.
- Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. М.: Наука, 1984.
- Проблемы этнической географии и картографии. М.: Наука, 1978.
- Проблемы этнографии и антропологии аридных зон // VII МКАЭН. Т. X. М. Наука, 1970. С. 489–513.
- Процессы деклассирования в странах Востока. М.: Наука, 1981.
- Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сборник 1. V в. до н. э. – XVIII в. н. э. Алма-Ата: Казакское краевое изд-во, 1935.
- Пуляркин В. А.* О содержании понятия «географическая среда» и о влиянии географической среды на общество // Природа и общество. М.: Наука, 1968. С. 69–81.
- Пуляркин В. А.* Проблема взаимодействия общества и природной среды в развивающихся странах // Развивающиеся страны. Природа и человек. М.: Мысль, 1982. С. 9–49.

Пуляркин В. А. Хозяйство кочевников Южной Азии: географический очерк // Страны и народы Востока. Вып. XVIII. География. Этнография. История. Памяти А. В. Королева. М.: Наука, 1976. С. 53–66.

Пуляркин В. А. Экологические аспекты хозяйственного развития в засушливых областях Южной Азии // Развивающиеся страны. Природа и человек. М.: Мысль, 1982а. С. 147–165.

Пуляркин В. А. Экономико-географические процессы в сельском хозяйстве развивающихся стран. Анализ исторического опыта Южной Азии. М.: Наука, 1976а.

Пустыня наступает. Последствия просчетов. Доклад для Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. М., Международные отношения, 1990.

Пэрлээ Х. К вопросу о происхождении родовых знаков и тамг монголов // Третий международный конгресс монголоведов. Т. 1. Улан-Батор, 1978. С. 233–237.

Пюрвеев Д. Б. Природа и кочевая архитектура // ИАН КазССР. Сер. обществ. наук. 1972. № 6. С. 13–29.

Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989.

Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. СПб., 1895.

Радлов В. В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Иркутск, 1929.

Радлов В. В. Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии. Томск, 1887.

Радченко Г. Ф. Проблемы опустынивания в аридных и семиаридных районах развивающихся стран на примере Сахеля // Развивающиеся страны. Природа и человек. М.: Мысль, 1982. С. 64–97.

Радченко Г. Ф. Страны Сахеля: состояние природной среды и проблемы развития сельского хозяйства. М.: Мысль, 1983.

Разложение родового строя и формирование классового общества. М.: Наука, 1968.

Разносезонный выпас овец в Сарытаукумах. Алма-Ата: Наука, 1984.

Ракитников А. Н. География сельского хозяйства. М.: Мысль, 1970.

Ракитников А. Н. Центральный Тянь-Шань и Иссык-Кульская котловина: вопросы построения горного животноводческого хозяйства. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

Ранние земледельцы. Этнографические очерки. Л.: Наука, 1980.

Рассудова Р. Я. Естественные условия и система хозяйственно-социальных отношений в позднефеодальный период истории народов Средней Азии // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л.: Наука, 1984. С. 144–166.

Растянкин В. Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М.: Наука, 1973.

Ратцель Ф. Земля и жизнь. СПб., 1906.

Ратцель Ф. Народоведение. СПб., 1896.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л., 1952.

Рашковский Е. Б. Востоковедческая проблематика в культурно-исторической концепции А. Дж. Тойнби. М.: Наука, 1976.

Реймерс Н. Ф. Природопользование. Словарь-справочник. М.: Мысль, 1990.

Рейснер И. М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М.: Изд-во АН СССР, 1954.

Рейснер Л. И. Разделение труда и способ общения в системе докапиталистических цивилизаций // Зарубежный Восток: вопросы экономической истории. М.: Наука, 1986. С. 110–127.

Рейхардт В. Очерки по экономике докапиталистических формаций. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1934.

Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. Т. VI. Азиатская Россия. СПб., 1900.

Ретеюм А. Ю. Земные миры. М.: Мысль, 1988.

Родословная башкир Юмран-Табынской волости со сведениями титулярного советника и кавалера Мухаметсалима Уметбаева, дополненная относящимися к ней документами. Уфа, 1997.

Розенберг Д. И. Комментарии к «Капиталу» К. Маркса. М.: Экономика, 1984.

Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л.: Наука, 1984.

Россия: Полное географическое описание нашего отечества. Т. XVIII. Киргизский край. СПб., 1903.

Россия: Полное географическое описание нашего отечества. Т. XIX. Туркестанский край. СПб., 1913.

Ростиславов М. Н. Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае // Труды третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге. 1876. Т. I. СПб., 1879. С. 327–359.

Роуз Ф. Аборигены Австралии. Традиционное общество. М.: Прогресс, 1989.

Рубен В. Древняя Индия и «азиатский», античный и феодальный способы производства // Узловые проблемы истории Индии. М.: Наука, 1981. С. 32–63.

Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по этнографии Географического общества СССР. Вып. I. Л., 1961. С. 2–15.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.

Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

Руденко С. И. Очерк быта казаков бассейна рек Уила и Сагызга // Казаки. Антропологические очерки. МОКИСАР. Вып. 3. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 7–32.

Руденский Н. Е. Теория этноса и белые пятна на этнической карте // Расы и народы. Ежегодник. Вып. 19. М.: Наука, 1989. С. 29–32.

(Рузбихан). Фазлаллах ибн Рузбихан Исфохани. Михманнаме-йи Бухара. Записки бухарского гостя. М., 1976.

Румянцев А. М. Первобытный способ производства. Политико-экономические очерки. Изд. 2-е. М.: Наука, 1987.

Румянцев П. П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910.

Румянцев П. П. Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем // Вопросы колонизации. 1909. № 5. С. 79–138.

Русанов И. Взгляд на экономический и общественный быт киргизов. Из путевых заметок // Томские губернские ведомости. 1861. № 34–44, 48–49.

Русанов И. О кочевых киргизах Акмолинской и Семипалатинской областей. Летние перекочевки по степи и зимние стойбища // Томские губернские ведомости. 1870. № 41, 42.

Рычков П. И. История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии. Оренбург, 1896.

Рычков П. И. Топография Оренбургская. СПб., 1762; Изд. 2-е. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.

Рязанов А. Ф. Восстание Исатая Тайманова (1836–1838 гг.). Очерки по истории национального движения казахского народа // ТОИК. Т. VIII. Вып. IV. Кызыл-Орда, 1927.

Рязанов А. Ф. Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797–1838 г.). Очерки по истории национального движения Казахстана // ТОИК. Т. VII. Вып. II. Кызыл-Орда, 1926. С. 3–300.

Сабырханов А. К истории земельных отношений Казахстана в XVIII веке: на материалах Младшего жуза // Казахстан в XV–XVIII веках: вопросы социально-политической истории. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 146–159.

Савина В. И. Этнонимы в топонимии Ирана // Ономастика Востока. М., 1980. С. 140–155.

Савинов Д. Г. Взаимодействие кочевых обществ и оседлых цивилизаций в эпоху раннего средневековья // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 305–313.

Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: ЛГУ, 1984.

Садыков Б. Х. Кониная. Алма-Ата: Кайнар, 1981.

Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967.

Самоковасов Д. Я. Сборник обычного права инородцев. Варшава, 1876.

Самосознание Европейской культуры XX века. М., 1991.

Сандаг Ш. Образование единого монгольского государства и Чингисхан // Татаро-монголы в Азии и Европе. 2-е изд. М.: Наука, 1977. С. 23–45.

Санчилов В. П. Этнический состав ойратов XV–XVIII вв. по данным «Илэтхэл шастир» // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. Элиста, 1977. С. 3–33.

Сапаргалиев Г. Карательная политика царизма в Казахстане: 1905–1917 гг. Алма-Ата: Наука, 1966.

Сапелкин А. А. К истории феодализма в Киргизии в конце XIX – начале XX веков. (Административное устройство и налоговая система). Фрунзе: Илим, 1968.

Сапожников В. В. Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо. Томск, 1911.

Саушкин Ю. Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственная деятельность населения в различных районах Советского Союза. М., 1947.

Сафин М. Б., Рахматуллин Д. Н., Сатыев Б. Х. Табунное коневодство. Уфа, 1985.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884; Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

Свешникова В. М. Доминанты казахстанских степей: эколого-физиологическая характеристика. Л.: Наука, 1979.

Свиштунова Н. П. Обзор дискуссии об азиатском способе производства // Общественные науки в КНР. М.: Наука, 1986. С. 370–404.

Седельников А. Н. Распределение населения Киргизского края по территории, его этнографический состав, быт и культура // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. XVIII. Киргизский край. СПб., 1903. С. 175–222.

Седельников А. Н., Букейханов А. Н., Чадов С. Д. Исторические судьбы Киргизского края и культурные его успехи // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. XVIII. Киргизский край. СПб., 1903. С. 138–175.

Седов Л. А. К типологии средневековых общественных систем Востока: попытка системного подхода // НАА. 1987. № 5. С. 52–61.

Седов Л. А. О социально-экономических типах развития // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке: азиатский способ производства. М.: Наука, 1966. С. 48–55.

Сейдалин Т. О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая // ЗООРГО. 1870. Вып. I. С. 234–257.

Семенов А. А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Сталинабад, 1954. С. 2–37.

Семенов В. А., Шимкевич Г. Л. Реки // Казахстан. Природные условия и естественные ресурсы СССР. М.: Наука, 1969. С. 133–154.

Семенов С. А. Происхождение земледелия. Л.: Наука, 1974.

Семенов Ю. И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки // ВИ. 1966. № 8. С. 88–106.

Семенов Ю. И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // СЭ. 1982. № 2. С. 48–59.

Семенов Ю. И. Ленинская категория «общественно-экономический уклад» и некоторые проблемы истории первобытного общества // Ленинизм и проблемы этнографии. Л.: Наука, 1987. С. 97–117.

Семенов Ю. И. О племени, народности и нации // СЭ. 1986. № 3. С. 73–75.

Семенов Ю. И. О специфике производственных (социально-экономических) отношений первобытного общества // СЭ. 1976. № 4. С. 93–113.

Семенов Ю. И. О стадильной типологии общины // Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979. С. 75–91.

Семенов Ю. И. Об изначальной форме первобытных социально-экономических отношений // СЭ. 1977. № 2. С. 15–28.

Семенов Ю. И. Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации // Разложение родового строя и формирование классового общества. М.: Наука, 1968. С. 25–290.

Семенов Ю. И. Об особенностях развития производительных сил докапиталистических классовых обществ // Философские науки. 1985. № 1. С. 24–35.

Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. Сборник статей. М.: Наука, 1976а. С. 7–86.

Семенов Ю. И. Проблема начального этапа родового общества // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. I. М.: Наука, 1968а. С. 156–222.

Семенов Ю. И. Проблема социально-экономического строя древнего Востока // НАА. 1965. № 4. С. 69–89.

Семенов Ю. И. Типология ранних форм эксплуатации // НАД. 1985а. № 4. С. 59–68.

Семенов Ю. И. Эволюция экономики раннего первобытного общества // Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979а. С. 61–124.

Семенова-Тянь-Шанская А. М. Мир растений и люди. Л.: Наука, 1986.

Семенюк Г. И. Земледелие казахов-кочевников в XVIII – начале XIX в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сборник VIII. М.: Наука, 1974. С. 180–200.

Семенюк Г. И. К проблеме рабства у кочевых народов: на материалах Казахстана // ИАН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. Вып. I. 1958. С. 55–82.

Семенюк Г. И. Ликвидация рабства в Казахстане и ее предпосылки // ВАН КазССР. 1958а. № 11. С. 19–29.

Семенюк Г. И. О некоторых особенностях перехода к феодализму кочевых племен и народов: на материале Казахстана // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.: Наука, 1969. С. 266–276.

Семенюк Г. И. Опыт кочевого скотоводства в Казахстане в XVIII – начале XIX в. // Из исторического опыта сельского хозяйства СССР. М.: Наука, 1969а. С. 117–137.

Семенюк Г. И. Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма: на материалах Казахстана. Калинин, 1974а.

Семенюк Г. И. Рабство в Казахстане в XV–XIX веках // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 6. Алма-Ата, 1959. С. 164–214.

Семенюк Г. И., Моржанов В. М. Материалы по родоплеменному составу казахов Старшего и Среднего жузов в XVIII веке // Ученые записки Каз. Гос. ун-та. Сер. ист. Т. 48. Вып. 7. Алма-Ата, 1961.

Серов О. В. К вопросу о стадильной типологии общины // Исследование социально-исторических проблем в археологии. Киев: Наукова Думка, 1987. С. 85–91.

Сидику Х. А. Человек и пустыня // Курьер ЮНЕСКО. 1987. Июль. С. 16–19.

Симаков Г. Н. О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX – начале XX века // СЭ. 1982. № 4. С. 67–76.

Скалов Б. А. Естественно-исторические условия и хозяйство киргиз южных волостей Темирского уезда // ИООРГО. 1911. Вып. 22. С. 61–120.

Скалов Б. А. Киргизское коневодство в северных уездах Тургайской области // Вестник сельского хозяйства. 1903. № 13–16.

Скалов Б. А. Строй хозяйства южных кочевников. Оренбург, 1907.

Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.

Скрынникова Т. Д. К вопросу о формировании монгольской государственности в XI–XII вв. // Исследования по истории и культуре Монголии. Сборник научных трудов. Новосибирск: Наука, 1989. С. 29–45.

Скури М. Региональное развитие и проблемы опустынивания аридных и семиаридных территорий к северу и югу от Сахары // Природа и ресурсы. 1984. № 1. С. 11–23.

Следзевский И. В. Земледельческая община в Западной Африке: хозяйственная и социальная структура // Община в Африке. Проблемы типологии. М.: Наука, 1978. С. 61–132.

Словохотов А. А. Народный суд обычного права киргиз Малой орды // ТОУАК. Вып. XV. Оренбург, 1905. С. 5–156.

Словцов И. Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд, Акмолинской области, в 1878 г. // ЗЗСОРГО. 1881. Кн. III. Отд. II. С. 1–152.

Смены пустынной и субальпийской растительности при пастбищном использовании. Алма-Ата: Наука, 1982.

Смиренская Ж. Д. Крестьянство в странах Азии: общественное сознание и общественная борьба. М., 1979.

Смирнов Е. Т. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1887.

Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964.

Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935.

Соболев Л. Н. Кормовые ресурсы Казахстана. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Соколовский В. Г. Казакский аул. Ташкент, 1926.

Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане. МИА № 120. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Сорокин С. С. Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Сборник статей. Л.: Аврора, 1978. С. 172–191.

Спасский Г. И. Киргиз-кайсаки // Азиатский вестник. 1827. С. 369–392.

Спасский Г. И. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды // Сибирский вестник. 1820. Ч. IX. Кн. 1. С. 51–58; Кн. 2. С. 98–124; Кн. 3. С. 167–196; Ч. X. Кн. 4. С. 211–234; Кн. 5. С. 285–292; Кн. 6. С. 343–357.

Средняя Азия. Физико-географическая характеристика. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Сталь Б. И. Краткий обзор киргизского овцеводства // Труды I Всероссийского съезда по овцеводству в Москве 1912 г. Т. 1. Ч. 2. М., 1913. С. 360–380.

Степанова С. И. Биоритмологические аспекты проблемы адаптации. М.: Наука, 1986.

Стратанович Г. Г. Военная организация триадного типа и ее судьбы // Проблемы алтаистики и монголоведения. Материалы

Всесоюзной конференции. Серия литературы, фольклора и истории. Вып. 1. Элиста, 1974. С. 220–230.

Струве К. В., Потанин Г. Н. О рыбном промысле на Цзайсане и на Черном Иртыше // ЗРГО. 1865. Кн. IV.

Струве К. В., Потанин Г. Н. Путешествие на озеро Зайсан и в речную область Черного Иртыша, до озера Марка-Куль и горы Сартау летом 1863 г. // ЗРГООГ. Т. I. СПб., 1867. С. 363–427.

Студенецкий Л. И. Очерки по экономике казакского хозяйства // ИЗСОРГО. Т. 6. 1929. С. 61–124.

Субботин В. А. Кочевое и оседлое население Суданского Сахеля в XIX в. // Некоторые вопросы истории стран Африки. М.: Наука, 1968. С. 87–94.

Суворов Н. И. О пасторальной дигрессии растительности в пустынях Южного Прибалхашья // ИАН КазССР. Сер. ботан. Вып. 3. 1949. С. 67–77.

Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начала XX в. (1867–1907 гг.). Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963.

Сулейменов Б., Басин В. Я. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX в. Алма-Ата: Наука, 1981.

Сулейменов Р. Б. Формационная природа кочевого общества: проблема и метод // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 89–102.

Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. Из истории Казахстана XVIII века: о внешней и внутренней политике Аблая. Алма-Ата: Наука, 1988.

Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. Вопросы этнической и социальной истории. М.: Наука, 1982.

Султанов Т. И. Опыт анализа традиционных списков 92 «племен илатийа» // Средняя Азия в древности и средневековье. М.: 1977. С. 165–176.

Сундетов С. А. О генезисе капитализма в сельском хозяйстве Казахстана: на материалах северо-восточных областей. Алма-Ата. Наука, 1970.

Сухие степи МНР: природные условия. Л.: Наука, 1984.

Сухорукова С. М. Экономика и экология: политэкономический аспект. М.: Высшая школа, 1988.

Табolina Т. В. Этническая проблематика в современной американской науке. Критический обзор основных этносоциологических концепций. М.: Наука, 1985.

Тажибаяев Е. Е. Изменения в хозяйстве казахов в 20–60-х гг. XIX века: на материалах Младшего и части Среднего жузов. Автореф. дисс. ... к. и. н. Алма-Ата, 1969.

Таскин В. С. Введение // Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. I. Сюнну. М.: Наука, 1989. С. 5–28.

Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984.

Таскин В. С. Материалы по истории ухуаней и сяньби // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1980. С. 54–102.

Таскин В. С. Скотоводство у сюнну по китайским источникам // Вопросы истории и историографии Китая. М.: Наука, 1968. С. 21–44.

Текеи Ф. К теории общественных формаций. М.: Прогресс, 1975.

Темирханов Л. Восточные пуштуны в новое время: этносоциальная характеристика. М.: Наука, 1984.

Темирханов Л. Хазарейцы: очерки новой истории. М.: Наука, 1972.

Теория общественно-экономической формации. М.: Наука, 1982.

Тер-Акопян Н. Б. О социально-экономических отношениях «в первобытном обществе» // СЭ. 1977. № 3. С. 64–67.

Тернбул К. М. Человек в Африке. М.: Наука, 1981.

Тернер Дж. Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1985.

Тилло А. А. Извлечение из отчета о действиях Оренбургского военно-топографического отдела за 1870 год // ЗООРГО. 1871. Вып. 2. Казань, 1872.

Типы в культуре. Методологические проблемы классификации, систематики и типологии в социально-исторических и антропологических науках. Л.: ЛГУ, 1979.

Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М.: Наука, 1982.

Тогжанов Г. Казакский колониальный аул. Ч. I. М., 1934.

Тойнби А. Дж. Постигание истории. Сборник. М.: Прогресс, 1991.

Толеубаев А. Казахские старинные обычаи, связанные со скотоводством // ВАН КазССР. 1984. № 12. С. 56–60.

Толеубаев А. Происхождение и сущность казахского обычая посвящения умершему коня // ИАН КазССР. Сер. обществ. наук. 1984а. № 2. С. 35–40.

Толубаев А. Т. Реликты доисламских верований казахов. Автореф. дисс. ... д. и. н. Алма-Ата, 1992.

Толочко В. С. Материалы о населении Казахстана на страницах журнала «Военный сборник» и газеты «Русский инвалид» // Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1978.

Толстов С. П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Известия ГАИМК. Вып. 103. 1934. С. 165–199.

Толстов С. П. Города гузов (Историко-географические этюды) // СЭ. 1947. № 3. С. 55–102.

Толстов С. П. Древний Хорезм. М.: МГУ, 1948.

Толстов С. П. К истории древнетюркской социальной терминологии // ВДИ. 1938. № 1. С. 72–81.

Толстов С. П. Основные вопросы древней истории Средней Азии // ВДИ. 1938а. № 1. С. 176–203.

Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948а.

Толыбеков С. Е. Вопросы экономики и организации скотоводческого хозяйства казахов в конце XIX и начале XX веков // Труды Института экономики АН КазССР. Т. II. Алма-Ата, 1957. С. 3–91.

Толыбеков С. Е. К вопросу о правильном определении общественно-экономического строя казахов в XVIII в. и позже // ИАН КазССР. Сер. обществ. наук. 1970. № 3. С. 45–62.

Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века: политико-экономический анализ. Алма-Ата: Наука, 1971.

Толыбеков С. Е. Кочевое скотоводство и оседлое земледелие как различные сферы материального производства // ВАН КазССР. 1955. № 8. С. 36–46.

Толыбеков С. Е. О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов // ВИ. 1955а. № 1. С. 75–83.

Толыбеков С. Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII–XIX вв. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1959.

Томановская О. С. Этнос и этноним в предклассовом обществе: частные аспекты их соотношения // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982. С. 180–207.

Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2002.

Трубецкой В. В. Бахтияры: оседло-кочевые племена Ирана. М.: Наука, 1966.

Трубецкой В. В. Переход к оседлости кочевников Ирана. VII МКАЭН. М.: Наука, 1964.

Трубецкой В. В. Трансформация традиционной социально-экономической структуры кочевых и полукочевых племен Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки // Аграрные структуры стран Востока: генезис, эволюция, социальные преобразования. М.: Наука, 1977. С. 73–105.

Тургиев Т. Б. Скотоводство и земледелие у алан в позднеантичное время. Автореф. дисс. ... к. и. н. Тбилиси, 1977.

Туркестанские ведомости. 1871. № 39.

Турсунбаев А. Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1950.

Турсунбаев А. Б. Казахский аул в трех революциях. Алма-Ата: Казахстан, 1967.

Турсунбаев А. Б. Переход к оседлости кочевников и полукочевников Средней Азии и Казахстана // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л.. Наука, 1973. С. 223–234.

Турсунова М. С. Из истории казахов Мангышлака в первой половине XIX века // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 2. Алма-Ата, 1961. С. 174–202.

Турсунова М. С. Из истории казахов Мангышлака во второй половине XIX века // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 18. Алма-Ата, 1963. С. 122–152.

Турсунова М. С. Казахи Мангышлака во второй половине XIX в.: вопросы социально-экономической и политической истории. Алма-Ата: Наука, 1977.

Тынышпаев М. Историческая справка и племенной состав коренного населения Ташкентского уезда // ТОИКК (Киргизского края). Кызыл-Орда, 1926. Т. VII. Вып. II. Отд. III. С. 1–12.

Тынышпаев М. Киргиз-казаки в 17 и 18 веках // ТОИК (Киргизского края). Кызыл-Орда, 1926а. Т. VII. Вып. II. Отд. II. С. 1–14.

Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казакского народа. Ташкент, 1925.

Тынышпаев М. Происхождение киргизской народности // ТОИКК (Киргизского края). Кызыл-Орда, 1926б. Т. VII. Вып. II. Отд. IV.

Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983.

Тяукин М. Г. Записки о хозяйстве, скотоводстве и других средствах к существованию ордынцев, кочующих в Зауральской степи // Экономические записки. 1861. № 41. С. 323–325.

Ураи-Көхальми К. К вопросу об образовании кочевых государств: на материалах даурской племенной конфедерации XVII в. // Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука, 1985. С. 124–129.

Утешев А. С. Атмосферная засуха // Климат Казахстана. Л.: Гидрометеиздат, 1959. С. 117–138.

Утимагамбетов М. М. Физико-географическая характеристика территории // Климат Казахстана. Л.: Гидрометеиздат, 1959. С. 9–17.

Утченко С. Л., Дьяконов И. М. Социальная стратификация древнего общества. XIII МКИИ. М.: Наука, 1970.

Фадеев В. А., Слудский А. А. Сайгак в Казахстане: экология, хозяйственное значение. Алма-Ата: Наука, 1982.

Фаизов К. Ш. Почвы пустынной зоны Казахстана: региональная характеристика почв. Алма-Ата: Наука, 1983.

Файнберг Л. А. У истоков социогенеза: от стада обезьян к общине древних людей. М.: Наука, 1980.

Федоров Д. Опыт военно-статистического описания Илийского края. Ч. I–II. Ташкент, 1903.

Федоров Д. Чжунгарско-Семиреченский приграничный район. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Ташкент, 1910.

Федоров Е. Г. Казахстан – колония царизма в конце XIX и в начале XX столетия // Ученые записки Алма-Атинского Государственного педагогического института. Т. II. Алма-Ата, 1941. С. 147–183.

Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.: Искусство, 1976.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золото-ордынских ханов. М.: МГУ, 1966.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ, 1973.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй кочевников в средневековую эпоху // ВИ. 1976а. № 8. С. 39–48.

Федорович Б. А. Динамика и закономерности рельефообразования пустынь. М.: Наука, 1983.

Федорович Б. А. Лик пустыни. М.: Изд-во культпросвет литры, 1950

Федорович Б. А. Основные черты орографии и гидрографии // Казахстан. Природные условия и естественные ресурсы СССР. М.: Наука, 1969. С. 15–20.

Федорович Б. А. Природные условия аридных зон СССР и пути развития в них животноводства // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1973. С. 207–222.

Федорович Б. А. Типы рельефа // Казахстан. Природные условия и естественные ресурсы СССР. М.: Наука, 1969а. С. 78–89.

Федорович Б. А., Есауленко П. И. Пути развития животноводства в полупустынях и пустынях // Казахстан. Природные условия и естественные ресурсы СССР. М.: Наука, 1969. С. 450–456.

Федосеев А. Климат и пастбищные травы Казахстана: агроклиматическая характеристика и агрометеорологические прогнозы. Л.: Гидрометеиздат, 1964.

Федосеев А. П. Климатические условия зимнего выпаса овец на пастбищах Казахстана // Труды КазНИГМИ. М., 1959. Вып. 13. С. 3–10.

Федосеев И. А., Плахотник А. Ф. Человек и гидросфера: краткая история взаимодействия. М.: Наука, 1985.

Федотов П. А. Коневодство. М., Колос, 1981.

Фиельструп Ф. Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана // Казаки. Антропологические очерки. МОКИСАР. Вып. II. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 78–107.

Фокин А. Д. Почва, биосфера и жизнь на Земле. М.: Наука, 1986.

Формозов А. Н. Животный мир Казахстана. М.: Наука, 1987.

Формозов А. Н. Проблемы экологии и географии животных. Сборник статей. М.: Наука, 1981.

Фошон Ж. Кочевники наших дней // Курьер ЮНЕСКО. 1983. Июль. Сельский мир. С. 30–32.

Франкфор А. П. Существовал ли Великий шелковый путь во II–I тысяч. до н. э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 203–217.

Фукс С. Л. Некоторые моменты казахского права и «Описание киргизских обычаев» д'Андре // ИАН КазССР. Сер. юридическая. 1948. № 50. Вып. I. С. 77–94.

Фукс С. Л. Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX века. Алма-Ата: Наука, 1981.

Хабдулина М. К., Зданович Г. Б. Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 136–158.

Хазанов А. М. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979. С. 125–177.

Хазанов А. М. Некоторые проблемы экологии номадизма // Карта, схема и число в этнической географии. М.: Изд. Географического общества СССР, 1975. С. 43–50.

Хазанов А. М. Роль рабства в процессе классообразования у кочевников Евразийских степей // Становление классов и государства. Сборник статей. М.: Наука, 1976. С. 249–279.

Хазанов А. М. Сармато-калмыцкие параллели: к вопросу о закономерностях кочевого хозяйства в однотипной экологической обстановке // Проблемы алтаистики и монголоведения. Материалы Всесоюзной конференции. Вып. I. Серия литературы, фольклора и истории. Элиста, 1974. С. 213–219.

Хазанов А. М. Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей. М.: Наука, 1975а.

Хазанов А. М. Характерные черты кочевых обществ Евразийских степей. IX МКАЭН. М.: Наука, 1973.

Харузин А. Н. К вопросу о происхождении киргизского народа // ЭО. 1895. № 3. С. 49–92.

Харузин А. Н. Киргизы Букеевской орды. (Антрополого-этнологический очерк). Вып. 1. М., 1889.

Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России // ЭО. 1896. № 1. С. 1–53; № 2. С. 1–71.

Хворостанский П. Эволюция киргизского хозяйства в Тургайской области: статистико-экономический очерк // Вопросы колонизации. 1915. № 18. С. 158–206.

Хвостова К. В. Социологические модели: «западные» и «восточные» типы общественных отношений // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке: азиатский способ производства. М.: Наука, 1966. С. 202–211.

Хёфлинг Г. Жарче ада. М.: Мысль, 1986.

Хлопин И. Н. Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе // Ленинские идеи в

изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М.: Наука, 1970.

Хлопин И. Н. Исторические закономерности сложения степных культур Средней Азии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 217–224.

Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1979.

Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Алма-Ата: Наука, 1980.

Хорошхин А. Народы Средней Азии // МСТК. Вып. III. СПб., 1874. С. 303–330.

Хорошхин А. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876.

Хотинский Н. А. Голоцен Северной Азии. М.: Наука, 1977.

Хубиев К. А. Сложные производственные отношения и методология их исследования // Экономические науки. 1983. № 9. С. 7–14.

Хубиев К. А. Собственность и присвоение в процессе воспроизводства экономических отношений // Экономические науки. 1978. № 6.

Хубиев К. А. Соотношение собственности и системы производственных отношений. Автореф. дисс. ... к. э. н. М., 1978а.

Худяков Ю. С. Формирование военного искусства кочевников в условиях степного ландшафта // Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 105–111.

Цалкин В. И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. МИА № 135. М.: Наука, 1966.

Цаплин Ф. С. Этнонимия в алтаистике // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. Сер. лингвистики. М., 1975.

Цырендондоков Н. Д. Основы овцеводства. Биологические особенности овец. Технология производства. М.: Росагропромиздат, 1989.

Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. М.: Наука, 1971.

Человек и природа. М.: Наука, 1980.

Человек и среда обитания. Л.: Наука, 1974.

Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. Теоретические проблемы истории феодализма. М.: Наука, 1981.

Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА № 88. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

- Черников С. С. Загадка золотого кургана. М.: Наука, 1965.
- Черников С. С. К вопросу о классообразовании у кочевников // Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978. С. 73–80.
- Черников С. С. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана // КСИЭ. Вып. XXVI. М., 1957. С. 28–33.
- Черновский А. А. Население // Материалы по киргизскому землепользованию района реки Чу и низовьев реки Таласа Черняевского и Аулиеатинского уездов Сырдарьинской области. Ташкент, 1915. С. 11–31.
- Черновский А. А. Родословная киргиз-казахов, живущих в районе р. Чу и низовьев р. Таласа, Аулие-Атинского и Черняевского уездов. Ташкент, 1915а.
- Чеснов Я. В. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979. С. 189–203.
- Чеснов Я. В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов // СЭ. 1970. № 6. С. 15–26.
- Чеснов Я. В. Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982. С. 109–124.
- Чибилев А. А. Лик степи: эколого-географические очерки о степной зоне СССР. Л.: Гидрометеиздат, 1990.
- Чигаркин А. В. Люди и пустыня. Алма-Ата: Наука, 1979.
- Чигаркин А. В. Освоение пустынь Казахстана: географические аспекты природопользования. Алма-Ата, Казахстан, 1984.
- Чогдон Ж. Обводнение пастбищ: на примере МНР. М.: Колос, 1980.
- Чорманов М. Заметка о киргизах Павлодарского уезда // ЗЗСОРГО. 1906. Кн. XXXII. Отд. VI. С. 1–27.
- Чорманов М. Зимовка или зимняя кочевка киргизов // СОВ. 1871. № 37.
- Чорманов М. О кочевках киргизов // СОВ. 1871а. № 33.
- Чорманов М. О скотоводстве у киргиз Западной Сибири // Сельское хозяйство и лесоводство. 1883. Ч. 142. № 1. Отд. II. С. 39–50.
- Чубуков Л. А. Климат // Казахстан. Общая физико-географическая характеристика. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 141–148.
- Чулошников А. П. К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII–XVIII вв. // ИАН СССР. 1936. № 1.

- Чулошников А. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. I. Оренбург, 1924.
- Чупахин В. М. Высотно-зональные геосистемы Средней Азии и Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1987.
- Чупахин В. М. Природное районирование Казахстана: для целей сельского хозяйства. Алма-Ата: Наука, 1970.
- Чупахин В. М. Физическая география Казахстана. Алма-Ата: Мектеп, 1968.
- Шакарим Кудайберды-улы. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. Алма-Ата, 1990.
- Шалекенов У. Х. Казахи низовьев Амударьи: к истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII–XX вв. Ташкент: Фан, 1966.
- Шамиладзе В. М. О некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства Кавказа // СЭ. 1982. № 3. С. 70–76.
- Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии: историко-этнографическое исследование. Автореф. дисс. ... д. и. н. Тбилиси, 1979.
- Шангин И. П. Извлечения из описания экспедиции, бывшей в Киргизскую степь в 1816 году // Сибирский вестник. 1820. Ч. IX. Кн. 3.
- Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа. Ташкент: Фан, 1974.
- Шаниязов К. Ш. Основные отрасли животноводства в дореволюционном Узбекистане // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1975. С. 188–193.
- Шаниязов К. Ш. Отгонное животноводство у узбеков // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1973. С. 87–98.
- Шапиро А. Л. О природе феодальной собственности на землю // ВИ. 1969. № 12. С. 57–72.
- Шахматов В. Ф. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1946.
- Шахматов В. Ф. К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане // ВАН КазССР. 1951. № 7. С. 18–36.
- Шахматов В. Ф. К вопросу об этногенезе казахского народа // ИАН КазССР. Сер. ист. 1950. Вып. 6. С. 80–99.
- Шахматов В. Ф. Казахская пастбищно-кочевая община: вопросы образования, эволюции и разложения. Алма-Ата: Наука, 1964.

Шахматов В. Ф. О влиянии цикличности солнечной активности на сельское хозяйство // ИАН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. 1961. Вып. 2. С. 43–53.

Шахматов В. Ф. О пастбищно-кочевой (земельной) общине у казахов // Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962. С. 3–40.

Шахматов В. Ф. О собственности на водные источники в кочевых районах Казахстана в XIX в. // ИАН КазССР. Сер. истории, экономики, философии и права. 1956. – Вып. 3. С. 114–121.

Шахматов В. Ф. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Казахстана // Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955. С. 50–59.

Шахматов В. Ф. О формах феодальной эксплуатации в Казахстане в XIX в. // ВАН КазССР. 1951а. № 11. С. 93–108.

Шахматов В. Ф. Патриархально-феодальные отношения в Казахстане: вопросы зарождения, специфики и эволюции. Доклад вместо автореферата на соискание ученой степени доктора исторических наук по совокупности опубликованных работ. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962а.

Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника. М., 1976.

Швабский. О семенах и посеве тургайской пшеницы и проса, называемых в Киргизской степи конак, акпикеч и конур-чулак // Земледельческий журнал. 1832. № 5. С. 106–108.

Шварева Ю. Н. Общая характеристика. Климат // Казахстан. Природные условия и естественные ресурсы СССР. М.: Наука, 1969.

Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.

Шимкевич С. Динамика монгольской системы родства // Третий международный конгресс монголоведов. Т. I. Улан-Батор, 1978. С. 277–282.

Ширмамедов М. Подвижные пески Западного Туркменистана и их освоение. Ашхабад: Ылым, 1985.

Шмидт Э. А. Материалы по родовому составу казакского населения юго-западной части Чимкентского уезда // В. В. Бартольд у туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927. С. 301–312.

Шмидт Ю. Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской области // ЗЗСОРГО. 1894. Кн. XVII. Вып. 1–2. Отд. VI. С. 1–149.

Шнайдштейн Е. В. Некоторые проблемы развития скотоводства Юго-Восточной Европы в эпоху средневековья // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Сер. ист. 1974. № 9.

Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства. М.: Наука, 1989.

Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства: проблема первичных и вторичных очагов. Автореф. дисс. ... д. и. н. М., 1989а.

Шнирельман В. А. Демографические и этнокультурные процессы эпохи первобытной родовой общины // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986. С. 427–489.

Шнирельман В. А. О первобытной этнической непрерывности // Расы и народы. Ежегодник. Вып. 19. М.: Наука, 1989б. С. 32–38.

Шнирельман В. А. Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов и собирателей // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986а. С. 236–426.

Шнирельман В. А. Проблема доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982. С. 207–252.

Шнирельман В. А. Проблема перехода к производящему хозяйству в зарубежной историографии. М.: Наука, 1987.

Шнирельман В. А. Производственные предпосылки разложения первобытного общества // История первобытного общества. Эпоха классового образования. М.: Наука, 1988. С. 5–139.

Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства: культурно-историческая проблема. М.: Наука, 1980.

Шнирельман В. А. Этапы развития древнего скотоводства в Восточном Средиземноморье // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989в. С. 131–149.

Шнирельман В. А. Этнокультурные контакты и переход к производящему хозяйству: по материалам Африки и Азии // СЭ. 1982а. № 4. С. 26–39.

Шнитников А. В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957.

Шнэ В. Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области // ЗЗСОРГО. 1894. Кн. XVII. Вып. 1–2. С. 1–18. Отд. II.

Щербина Ф. Киргизская народность в местах крестьянских поселений. СПб., 1905.

Эванс-Причард Э. Э. Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. М.: Наука, 1985.

Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М.: Наука, 1984.

Эволюция и биоценологические кризисы. М.: Наука, 1987.

Экология и земледелие. М.: Наука, 1980.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 20. С. 5–338.

Энгельс Ф. Диалектика природы // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 20. С. 339–625.

Энгельс Ф. Продвижение России в Средней Азии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 12. С. 614–619.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 21. С. 23–178.

Эрдниева У. Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1980.

Этнографические исследования развития культуры. М.: Наука, 1985.

Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М.: Наука, 1979.

Этнография питания народов стран зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии. М.: Наука, 1981.

Этнография. М.: Высшая школа, 1982.

Этно-культурные процессы: методы исторического и синхронного изучения. М.: Наука, 1982.

Этнологические исследования за рубежом. Критические очерки. М.: Наука, 1973.

Этнология в США и Канаде. М.: Наука, 1989.

Эфендиев М. М., Першиц А. И. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов // ВИ. 1955. № 11. С. 65–75.

Югай Р. Л. История развития географических и картографических представлений о пустыне Кызылкум: с древнейших времен до середины XIX в. Ташкент: Фан, 1966.

Юдин В. П. О родоплеменном составе могулов, Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими сосед-

ними народами // ИАН КазССР. Серия общественная. Алма-Ата, 1965. Вып. 3. С. 52–65.

Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 106–165.

Юдин В. П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы: Дайк-Пресс, 2001.

Южаков Ю. Наши приобретения в Средней Азии. Ч. II. Чимкентский округ // Отечественные записки. 1867. № 7.

Юнатов А. А. Использование местной дикорастущей флоры кочевым населением Центральной Азии. VII МКАЭН. М.: Наука, 1964.

Юшков С. В. К вопросу о феодальной собственности в досоветском Казахстане // ВАН КазССР. 1951. № 9. С. 59–69.

Язлыев Ч. Скотоводческое хозяйство туркмен Иолотанского оазиса во второй половине XIX – начале XX в. // Очерк этнографии населения Южного Туркменистана: XIX– начало XX в. Ашхабад: Ылым, 1979. С. 37–44.

Ямсков А. Н. Географический детерминизм: мифы и реальность. Рукопись. М., 1988.

Ямсков А. Н. Отгонно-пастбищное скотоводство. Опыт этноэкологического и типологического исследования: на примере хозяйства народов Кавказа в конце XIX – начале XX в. Автореф. дисс. ... к. и. н. М., 1987.

Ямсков А. Н. Экологические факторы эволюции форм скотоводства у тюрко-язычных народов Северного Кавказа // СЭ. 1986. № 5. С. 22–34.

Ямсков А. Н. Этноэкологический подход к классификации форм скотоводства: на примере традиционного хозяйства народов Кавказа // Этническая культура: динамика основных элементов. М.: Наука, 1984. С. 5–17.

Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Алма-Ата: Наука, 1966.

Abbas M. The nomadic and sedentary: polar complementaries – not polar opposites // The Deserts and the Sown: Nomads in a Wider Society. University of California, Institute of International Studies, research series. No. 21. Berkeley, 1973. P. 97–113.

Abdalla A. J. Sudan Pastoralists in Transition. Problems of Evolution and Adjustment // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Heft 33. Berlin, 1981. S. 203–211.

Agricultural in Semi-Arid Environments / Ed. by A. E. Hall, Y. H. Cannel and H. W. Lawton. New-York, 1979.

An Introduction to Human Ecology Research on Agricultural Systems in Southeast Asia. College, Laguna: University of the Philippines at Los Banos, 1984.

Atkinson T. Oriental and Western Siberia, a narrative of 7 years explorations and adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghis Steppes, Chinese Tartary and part of Central Asia. New-York, 1858.

Bacon E. E. Obok: a Study of Social Structure in Eurasia. Viking Fund Publication in Anthropology. No. 25. New-York, Wenner Gren, 1958.

Bacon E. E. Central Asians under Russian Rule. A Study in Cultural Change. Ithaca-New-York, 1965.

Barfield T. J. The Nomadic Alternative. Boston University: Prentice Hall, 1993.

Bataillon C. Modernisation du nomadisme pastoral // Nomads and nomadism in the Sahara. Part II. Nomadism and the modern world. Arid Zone Research, 1963. Vol. XIX. P. 165-177.

Bataillon C. and Verlaque C. Nomadisme et économie moderne // Nomads and nomadism in the Sahara. Part II. Nomadism and the modern world. Arid Zone Research, 1963. Vol. XIX. P. 153-164.

Bawden C. R. The Modern History of Mongolia. New-York, 1968.

Birks S. The Mountain Pastoralists of the Sultanate of Oman: Reactions to Drought // Development and Change. Vol. 9. No. 1. The Hague, 1978. P. 71-86.

Bodger A. Abulkhair, Khan of the Kazakh. Little Horde, and his Oath of Allegiance to Russia of October 1731 // The Slavonic and East European Review. Vol. 58. No. 1. London, 1980. P. 40-57.

Bonté P. Égalité et inégalité chez les pasteurs nomades // Production Pastorale et Société. No. 2. Paris, 1978. P. 2-8.

Boulger D. C. England and Russia in Central Asia. Vol. I-II. London, 1879.

Bourgeot A. Le développement des inégalités // Production Pastorale et Société. No. 2. Paris, 1978. P. 16-22.

Bourgeot A. Production pastorale et pénétration capitaliste: anthropologie ou sociologie? // Tiers monde. Vol. 23. No. 90. Paris, 1982. P. 345-366.

Boyle J. A. A form of horse sacrifice amongst the 13th and 14th century Mongols // Central Asiatic Journal. Vol. X. No. 3-4. December 1965. The Hague-Wiesbaden, 1965. P. 145-150.

Boyle J. A. The seasonal residences of the Great Khan Ogedei // Central Asiatic Journal. Vol. XVI. No. 2. Wiesbaden, 1972. P. 125-131.

Brenties B. Die Entwicklung des Nomadismus im Alten Orient nach archäologischen Quellen und unter Berücksichtigung der postglazialen Klimatschwankungen // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Heft 33. Berlin, 1981. S. 41-48.

Briant P. État et pasteurs au Moyen-Orient ancien. Cambridge-Paris, 1982.

Brooks C. E. P. Climate Through the Ages. A Study of the Climatic Factors and Their Variations. London: Ernest Benn Ltd., 1949.

Brooks C. E. P. The Climatic Changes of the Thousand Years // Experientia. Vol. X. Fasc. 4. 15.IV.1954. P. 153-192.

Bundt Ch., Heiland G., Lang H., etc. Wo ist «vorn». Sinn und Unsinn entwicklungspolitischen Eingreifens bei östafrikanischen Hirtennomaden // Sociologus. Zeitschrift für empirische Ethnopsychologie und Ethnopsychologie. Berlin, 1979. Jahrgang 29. Heft 7. S. 21-59.

Cahun L. Introduction à l'Histoire de l'Asie. Turcs et Mongols, des origines jusqu'à 1405. Paris, 1896.

Cant G. Perception and Environment: The World of the Pastoral Nomads // New Zealand Journal of Geography. Christchurch, 1984. No. 77. P. 7-10.

Chagdarsurung Ts. À propos de l'élevage des Cinq espèces de bétail chez les Mongols // Production Pastorale et Société. No. 5. Paris, 1979. P. 19-23.

Change and Development in Nomadic and Pastoral Societies / Ed. by J. Galaty and Ph. Salzman. Leiden, 1981.

Chatty D. Pastoralism: adaptation and optimization // Foik. 1972. Vol. 14. P. 27-38.

Christodoulou D. Settlement of nomadic and semi-nomadic people in the Kazakh SSR // Land Reform. 1970. No. 1. P. 50-63.

Clark M. J. «How the Kazaks fled to Freedom» // National Geographic Magazine. 1954. No. 106. P. 621-644.

Clark M. J. Leadership and Political Allocation in Sinkiang Kazak Society. Harvard University Press, 1955.

Clauson G. Turkish and Mongolian horses and use of horses, an etymological study // Central Asiatic Journal. Vol. X. No. 3-4. December. The Hague-Wiesbaden, 1965. P. 161-166.

Copans J. Mode de productions: formation sociale, ou ethnie? // Canadien Journal of African Studies. Vol. 20. No. 1. Ottawa, 1986. P. 74-90.

Czaplicka M. A. The Turks of Central Asia in History and at the Present Day. Oxford, 1918.

Darling F. F. and Farvar M. A. Ecological consequences of the Sedentarization of Nomads // The Careless Technology: Ecology and International Development. New-York: Natural History Press, 1972. P. 671–682.

Demko G. The Russian colonization of Kazakhstan. 1896–1916. Bloomington, 1969.

Dingelstedt V. Le régime patriarcal et le droit coutumier des Kirghiz. Paris, 1891.

Dreyer J. T. The Kazakhs in China // Ethnic Conflicts in International Relations. New-York, 1977. P. 146–177.

Ecology and Empire. Nomads in the Cultural Evolution of the Old World. Ethnographics / USC Monographs, University of Southern California. Los-Angeles, 1989.

Ecsedy I. Nomads in History and Historical Research // Acta Orientalia. Budapest, 1981. T. XXXV. Fasc. 2–3. P. 201–227.

Ecsedy I. Nomadic Societies and State Formations // Acta Orientalia. Budapest, 1981a. T. XXXV. Fasc. 2–3. P. 393–396.

Ecsedy I. Tribe and Empire, Tribe and Society in the Turk Age // Acta Orientalia. Budapest, 1977. T. XXXI. Fasc. 1. P. 3–15.

Ecsedy I. Tribe and Tribal Society in the 6th Century Turk Empire // Acta Orientalia. Budapest. 1972. T. XXV. Fasc. 1–3. P. 245–262.

Expert Consultation on the Settlement of Nomads in Africa and the Near East. Held in Cairo, 4–12 Dec. 1971. Food and Agriculture Organization. Roma, 1972. No. 20.

Feudalism in Kazakhstan. Some difficulties of Marxist historiography // Central Asian Review. 1961. Vol. IX. No. 2.

Fletcher J. The Mongols: Ecological and Social Perspective // Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge, Massachusetts University Press, 1986. Vol. 46. No. 1. P. 11–50.

Forde D. Ecology and Social Structure // Proceedings of the Royal Anthropological Institute for 1970. 1971. P. 15–29.

Fox-Holmes G. The Social Structure and Customs of Kazakhs // Central Asian Review. 1957. Vol. I. No. 5.

Frantz C. Ecology and Social Organization among Nigerian Fulde (Fulani) // The Nomadic Alternative. Modes and Models of Interaction in the African-Asian Deserts and Steppes. The Hague, 1978. P. 97–118.

Fried M. H. On the Concepts of «Tribe» and «Tribal Society» // Essays on the Problems of Tribe. Washington, 1968. P. 3–18.

Gabain A. von. Die heutigen Kasaken // Studia Turcologica. Memoria Alexii Bombacii Dedicata. Institute Unuversitario Orientale, Seminario di Studi Asiatici. Series Minor 19. Napoli, 1982. P. 205–217.

Gellner E. Introduction: Approaches to Nomadism // Desert and the Sown: Nomads in a Wider Society. University of California, Institute of International Studies, research series. No. 21. Berkeley, 1973. P. 1–9.

Glatzer B., Casimir M. Herds and Household among Pashtun Pastoral Nomads: Limits of Growth // Ethnology. Pittsburg, 1983. Vol. 22. No. 4. P. 307–325.

Goldschmidt W. Independence as an element in pastoral social systems // Comparative studies of nomadism and pastoralism. Anthropological Quarterly. 1971. Vol. 44. No. 3. Special issue. P. 132–142.

Goldschmidt W. On the accommodation of pastoralists to modern life // American Anthropologist. 1967. No. 69. P. 223–224.

Grousset R. The Empire of the Steppes: A History of Central Asia. London, 1970.

Grünert H., König W. Die Nomadenviehzucht als wirtschaftlich kultureller Typ. Bericht vom 3 Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift – Kolloquium Leipzig, 1973 // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. Berlin, 1974. Jahrgang 15. Heft 3. S. 453–468.

Hartwig W. A. Die «Spezific» der gesellschaftlichen Organisation der Nomadenviehsucher // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. Berlin, 1974. Jahrgang 15. Heft 4. S. 621–627.

Hayashi T. Agriculture and Settlements in the Hsiung-nu // Bulletin of the Ancient Orient Museum. Vol. VI. Tokyo, 1984. P. 51–92.

Herzog R. Auswirkungen der letzten Dürre auf die Sahel-Nomaden // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Berlin, 1981. Heft 33. S. 133–140.

Herzog R. Geographische Verbreitung und Geschichte des Nomadismus // Der Tropenlandwirt. Journal of Agriculture in the Tropics and Subtropics. Beiheft. No. 38. Nomaden und ihre Umwelt im Wandel. Vorträge der 17. Witzenhäuser Hochschulwoche, 1988. S. 7–15.

Hole F. Pastoral nomadism in Western Iran // Explorations in Ethnoarchaeology. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1978. P. 127–167.

Howorth H. H. History of the Mongols from the 9th to the 19th century. 4 volumes in 5 parts. 1876–1927. Vol. II. The So-Called Tartars of Russia and the Central Asia. 2 parts. Taipei, 1970.

Hudson A. Kazak Social Structure // Yale University Publications in Anthropology. No. 20. New Haven: Yale University Press, 1938.

Humphrey C. Pastoral nomadism in Mongolia: the role of herdsman's Cooperatives in National Economy // Development and Change. The Hague, 1978. Vol. 3. No. 1. P. 133–160.

Huntington E. Civilization and Climate. Third edition. New Haven: Yale University Press, 1924.

Huntington E. The Pulse of Asia. Boston-New-York, 1907.

Hussel L. Sahel-Ranching in Westafrika // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Heft 33. Berlin, 1981. S. 141–150.

Irons W. and Dyson-Hudson N. Perspectives on Nomadism. Leiden: E. J. Brill, 1972.

International Labour Organization. Report on the Inter-regional Study Tour and Seminar on the Sedentarization of Nomadic Populations in the Soviet Socialist Republics of Kazakhstan and Kirghizia. Geneva, 1967.

International Labour Organization. Sedentarization of Nomadic and Semi-nomadic Tribes. Geneva, 1962.

Jarring G. Owner's Marks (Marks?) among the Turks of Central Asia // Scholia. Beiträge zur Turkologie und Central-Asienkunde. Wiesbaden, 1981. S. 103–106.

Jenkins G. A note on Climatic Cycles and the Rise of Chinggis Khan // Central Asiatic Journal. Wiesbaden, 1974. Vol. XVIII. No. 2. P. 217–226.

Jettmar K. Die Bedeutung politischer Zentren für die Entstehung der Reiternomaden Zentralasiens // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Heft 33. Berlin, 1981. S. 49–70.

Johnson D. L. The Nature of Nomadism. A comparative study of pastoral migrations in Southern (Southwestern?) Asia and Northern Africa. Chicago: University of Chicago, Department of Geography, 1959. Research Paper. No. 118.

Jones W. D. and Derwent S. W. Nomadic Herding Regions // Economic Geography. 1932. Vol. 8. No. 4. P. 378–385.

Khazanov A. M. Nomads and the Outside World. Cambridge-New-York: Cambridge University Press, 1984.

Khazanov A. M. Notes on the emergence of the Mongolian State under Genghis Khan // Production Pastorale et Société. Paris, 1979. No. 5. P. 13–18.

Konczacki Z. A. The Economics of Pastoralism: A Case Study of Sub-Saharan Africa. London: Franck Cass., 1978.

König W. Zu Fragen der Gesellschaftsorganisation der Nomaden // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Heft 33. Berlin, 1981. S. 26–30.

Kolars J. F. Tradition, Season and Change in a Turkish Village // The University of Chicago. Department of Geography. Chicago, 1963. Research Paper. No. 82.

Krader L. Ecology of nomadic pastoralism // International Social Science Bulletin (Journal). 1959. Vol. XI. No. 4. Part I. Nomads and nomadism in arid zones. P. 499–510.

Krader L. Ecology of Central Asian Pastoralism // Southwestern Journal of Anthropology. 1955. Vol. 12. No. 4. P. 301–326.

Krader L. Ethnonymy of Kazakh // American Studies in Altaic Linguistics / Ed. by N. Poppe. Bloomington: Indiana University Press, 1963. P. 123–128.

Krader L. Feudalism and the Tatar polity of the Middle Ages // Comparative Studies in Society and History. 1958. Vol. 1. No. 1. P. 76–99.

Krader L. Pastoral Nomadism in Eurasia: As Evolution and as History. Proceedings VIII ICAES (MKA H). Vol. III. Tokyo: Science Council of Japan, 1970. P. 321–323.

Krader L. Peoples of Central Asia. Indiana University Publications. Bloomington, 1966.

Krader L. Principles and structures in the organization of the Asiatic Steppe Pastoralists // Southwestern Journal of Anthropology. 1955a. Vol. 12. No 2. P. 67–92.

Krader L. Social Life in the Arid Zones // Arid Lands. A Geographical Appraisal / Ed. by E. S. Hills. Paris, UNESCO, 1966a. P. 405–420.

Krader L. Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Vol. 20. The Hague: Moutou Co., 1963a.

Krader L. The Origin of the State Among the Nomads of Asia // Pastoral Production and Society. Proceedings of the international meeting on nomadic pastoralism Paris, 1–3 Dec. 1976. Cambridge University Press, 1979. P. 231–234.

Krader L. The Origin of the State Among the Nomads of Asia // The Early State / Ed. by H. J. M. Claessen and P. Skalnik. New Babylon Studies in the Social Sciences. No. 32. The Hague-Paris-New-York: Mouton Publishers, 1978. P. 93–107.

Krader L. The Origin of the State Among the Nomads of Asia // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Heft 33. Berlin, 1981. S. 71–82.

Krader L. and Wayne I. The Kazakhs. A Background study for Psychological Warfare. Human Resources Research Office. Technical Report. No. 23. Washington D. C., 1955.

Krausse A. Russia in Asia. A record and a study 1558–1899. London, 1899.

Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. London-New-York: Oxford University Press, 1940.

Lattimore O. The Geographical Factor in Mongol History // *Lattimore O.* Studies in Frontier History. Collected Papers. 1928–1958. Paris-La Haye: Mouton et Co., 1962. P. 241–250.

L'Ethno-Archéologie et les Sociétés de pasteurs nomades. Débats // Production Pastorale et Société. Paris, 1979. No. 5. P. 3–12.

Lewis I. M. The Dynamic of Nomadism: prospects for sedentarization and social change // Pastoralism in Tropical Africa. Oxford University Press, 1975.

Lias G. Kazak Exodus. London, 1956.

Livestock Development in Sub-Saharan Africa: Constraints, Prospects Policy. Colorado, Boulder, 1984.

Litvinskii B. A. The Ecology of the Ancient Nomads of Soviet Central Asia and Kazakhstan // Ecology and Empire: Nomads in the Cultural Evolution of the Old World. Los Angeles. 1989. P. 61–72.

Mac Gahan J. A. Campaigning on the Oxus and the Fall of Khiva. London, 1874.

Magnarella P. J. Kazakhs // Muslim Peoples. A World Ethnographic Survey. Vol. 1. Westport, CO. 1984. P. 394–399.

Massanov N. E. La dispersion comme loi générale de l'activité de la société nomade // Nomades et sédentaires en Asie Centrale. Paris, 1990. P. 193–203.

McLean N. L. D. The Much-Courted Kazakhs // The Geographical Magazine. No. 21. 1948. P. 256–263.

Mirren A. Das Eigentum an Vieh und Wasser bei den Nomaden im Norden der Demokratischen Republik Somalia // Veröffentlichungen

des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Heft 33. Berlin, 1981. S. 183–190.

Mirren A. Die Wirtschaftlichen und gesellschaftlichen Verhältnisse der nomadischen Bevölkerung im Norden der Demokratischen Republik Somalia // Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Bd. 32. Berlin, 1980. S. 217–221.

Morrison I. Some notes on the Kazakhs of Sinkiang // Journal of the Royal Central Asian Society. No. 36. 1949. P. 67–71.

Moser H. À travers l'Asie Centrale. Paris, 1885.

Murphey R. An Ecological History of Central Asian Nomadism // Ecology and Empire: Nomads in the Cultural Evolution of the Old World. Los-Angeles, 1989. P. 41–58.

Nagrodzka-Majchrzyk T. Geneza miast u dawnych ludow tureckich (VII–XII w.). Wrocław etc., 1978.

Neubert H. Nomadenviehhaltung und Karakulhaftzucht in Kazakhstan // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Heft 33. Berlin, 1981. S. 127–131.

Nicolaisen J. Ecology and Culture of the Pastoral Tuareg: With Particular Reference to the Tuareg of Ahaggar and Avr. Copenhagen, The National Museum, Ethnographical Series. No. IX. 1963.

Nomades et Sédentaires: Perspectives Ethno-Archéologiques. Paris, 1984.

Nomades et Sédentaires en Asie Centrale. Apports de l'archéologie et de l'ethnologie. Ed. du Centre National de la Recherche scientifique 15, quai Anatole-France. 75700(?). Paris, 1990.

Nomadismus – etn Entwicklungprobleme Beiträge du einem Nomadismus – Symposium, veranstaltet in der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin vom 11 bis 14 Februar 1982 // Abhandlungen des Geographischen Instituts. Anthropogeographie. Bd. 33. Berlin, 1982.

Nomads and nomadism in Arid Zones. – International Social Science Bulletin / Ed. by J. Berque. 1959. UNESCO. Vol. XL. No. 4. Part I. P. 481–584.

Nomads and nomadism in the Sahara. Part I: Traditional nomadism. Part II: Nomadism and the modern World / Ed. by C. Bataillon // Arid Zone Research. 1963. Vol. XIX.

Nomads and Sedentary Peoples / Ed. by Jorge Silva Castillo. Mexico: El Colegio de Mexico, 1981.

Nomads of Eurasia. Natural History Museum of Los Angeles County in Association with Denver Museum of Natural History. Los Angeles, 1989.

Nomads of the World. National Geographic Society Special Publications Division, 1971.

Obeid H. I. Some General Aspects of Nomadism in Sudan // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Heft 33. Berlin, 1981. S. 199–202.

Oberling P. The Qashqa'i Nomads of Fars. Near and Middle East Monographs. Columbia University. Vol. 6. London, 1974.

Obermeyer G. J. Leadership and transition in Beduin society: a case study // The Desert and the Sown: Nomads in a Wider Society. University of California, Institute of International Studies, research series, No. 21. Berkeley, 1973. P. 159–172.

Olcott M. B. The Emergence of National Identity in Kazakhstan // Canadian Review of Studies in Nationalism. 1981. Vol. 8. No. 2. P. 285–300.

Olcott M. B. The Kazakhs. Studies of Nationalities in the USSR. Stanford: Hoover Institution Press, 1987.

Paloczi-Horvath A. L'immigration et l'Établissement des Comans en Hongrie // Acta Orientalia. 1975. T. XXIX. Fasc. 3. P. 313–333.

Pastner S. Camels, sheep and nomad social organization; a comment on Rubel's model // Man. New series. 1971. Vol. 6. No. 2. P. 285–288.

Pastner S. Conservatism and Change in a Desert Feudalism: The Case of Southern Baluchistan // The Nomadic Alternative. Modes and Models of Interaction in the African-Asian Deserts and Steppes. The Hague, 1978. P. 247–260.

Pastoral Production and Society. Proceedings of the international meeting on nomadic pastoralism. Paris, 1–3 December 1976 / Ed. by l'Équipe écologie et anthropologie des sociétés pastorales. London: Cambridge University Press, 1979.

Pastoralists and Nomads in South Asia / Ed. by L. S. Leshnik and G.-D. Sontheimer. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1975.

Patai R. Nomadism: Middle Eastern and Central Asian // Southwestern Journal of Anthropology. 1951. Vol. 7. No. 4. P. 401–414.

Patai R. The Arab Ming. London, 1973.

Penrose G. L. Kazakh // Muslim Peoples. A World Ethnographic Survey / Ed. by R. V. Weeks. Westport, CO 1978. P. 210–212.

Production Pastorale et Société (suite). Débats // Production Pastorale et Société. Paris, 1978. No. 2. P. 1–31.

Rawlinson H. England and Russia in the East. London, 1875.

Riasanovsky V. A. Customary Law of the Nomadic Tribes of Siberia. Uralic and Altaic Series. No. 48. Bloomington, 1965.

Riasanovsky V. A. Customary Laws of the Nomadic Tribes of Siberia. Tientsin, 1938.

Riasanovsky V. A. Fundamental Principles of Mongol Law. 1965a.

Roux J. P., Ozbayri K. Les Traditions des Nomades de la Turquie Méridionale. Istanbul, 1969.

Rowton M. The Physical Environment and the Problem of the Nomads // XVe Rencontre Assyriologique Internationale. La Civilisation de Mari. Paris: Société d'Édition «Les Belles Lettres», 1967. P. 109–112.

Rubel P. G. Herd Composition and Social Structure: On Building Models of Nomadic Pastoral Societies // Man. New series. 1969. Vol. 4. No. 2. P. 268–273.

Safi L. Nomadism in Afghanistan // Pasto Quarterly. 1982. Vol. 5. No. 3. P. 9–19.

Saguchi T. Kazakh Pastoralists on the Tarbaghatai Frontier under the Ch'ing // Proceedings of the International Conference on China Border Area Studies. Taipei, 1985. P. 963–996.

Salzman Ph. C. Inequality and oppression in nomadic society // Pastoral Production and Society. Proceedings of the international meeting on nomadic pastoralism. Paris, 1–3 December 1976. London: Cambridge University Press, 1973. P. 429–446.

Salzman Ph. C. Political Organization among Nomadic Peoples // Proceedings of the American Philosophical Society. 1967. Vol. 111. No. 2. P. 115–131.

Saray M. The Russian Conquest of Central Asia // Central Asia Survey. 1982. Vol. 1. No. 2/3. P. 1–31.

Saunders G. The History of the Mongol Conquests. London, 1971.

Schuyler E. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja. Vol. I. London, 1876; Vol. II. London, 1876.

Schwartz H. J. Understanding the Ecology of a Nomadic System of Livestock Production // Impact of Science on Society. 1980. Vol. 30. No. 4. P. 279–288.

Schwartz S., Schwartz H. J. Nomadic Pastoralism in Kenya – Still a Viable Production System // Quarterly Journal of International Agriculture. Frankfurt (Main), 1985. Vol. 24. No. 1. P. 5–21.

Seiwert W.-D. Viehleihe und soziale Abhängigkeit bei den Hirtenomaden der Westsahara // Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Heft 33. Berlin, 1981. S. 173–182.

Seiwert W.-D. Zur Frage der wirtschaftlichen Klassifizierung von Bevölkerungsgruppen mit beweglicher Viehzucht in Nordwestafrika und der Sahara // *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*. Berlin, 1982. Jahrgang 23. Heft 4. S. 684–691.

Service E. K. *Origins of the State and Civilization*. New-York-Norton, 1975.

Shakhanova N. The System of Nourishment among the Eurasian Nomads: The Kazakh Example // *Ecology and Empire: Nomads in the Cultural Evolution of the Old World*. *Ethnographics / USC*. Los Angeles, 1989. P. 111–117.

Simon R. Symbiosis of Nomads and Sedentaries. On the Character of the Middle Eastern Civilization // *Acta Orientalia*. 1981. T. XXXV. Fasc. 2–3. P. 229–242.

Singer A. Contemporary Khanates: Compromises Adopted by Kazakh and Kirghiz Leaders // *Ecology and Empire; Nomads in the Cultural Evolution of the Old World*. *Ethnographies / USC*. Los Angeles, 1989. P. 193–203.

Sinor D. Horse and Pasture in Inner Asian History // *Oriens Extremus*. Wiesbaden, 1972. Dezember. Jahrgang 19. Heft 1/2. S. 171–183.

Skrine F. H., Ross E. D. *The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanats from the Earliest Times*. London, 1899.

Smith J. M. Mongol and Nomadic taxation // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1970. Vol. 30. P. 46–85.

Smith S. E. The Environment Adaptation of Nomads in the West African Sahel: A Key to Understanding Prehistoric Pastoralists // *The Nomadic Alternative. Modes and Models of Interaction in the African-Asian Deserts and Steppes*. The Hague: Mouton Publishers, 1978. P. 75–96.

Spooner B. *The Cultural Ecology of Pastoral Nomads*. University of Pennsylvania. Addison-Wesley Publishing Company, Inc., 1973.

Spooner B. Towards a generative model of nomadism // *Comparative studies of nomadism and pastoralism*. *Anthropological Quarterly*. 1971. Vol. 44. No. 3. Special issue. P. 198–210.

Spuler B. *History of the Mongols. Based on Eastern and Western Accounts of the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. London, 1972.

Stauffer T. R. The Economics of Nomadism in Iran // *The Middle East Journal*. 1965. Vol. 19. No. 3. P. 284–302.

Stein L. Beduinen in neuen Berufen. Versuch einer Analyse // *Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig*. Heft 33. Berlin, 1981. S. 159–170.

Stein L. Zur Rolle des Bodenbaus bei der Ansiedlung der Baggara – Nomaden in der Demokratischen Republik Sudan // *Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig*. Berlin, 1980. S. 209–216.

Stöber G. Die Afshar – Nomadismus im Raum Kerman (Zentraliran). Marburg-Lahn, 1978.

Stöber G. Die Gawdaran. Sozio-ökonomischer Wandel bei Rinderhaltern in Sistan (Iran) in 20. Jh. // *Soziologus*. Zeitschrift für empirische Ethnosoziologie und Ethnopsychologie. Berlin, 1984. Jahrgang 34. Heft 1. S. 47–73.

Stratégies pastorales et agricoles des Sahéliens durant la sécheresse 1969–1974 / Ed. by Gallais J. Paris, 1977.

Sugita K. Les études japonaises sur l'Organisation Sociale a l'époque de l'apparition de l'empire Cinggisganide // *Production Pastorale et Société*. Paris, 1978. P. 32–37.

Sullivan G. M., Farris D. E., Simpson J. R. Production Effects of Improved Management Practices in East African Cattle Grading Systems // *Quarterly Journal of International Agriculture*. Frankfurt (Main), 1985. Vol. 24. No. 1. P. 22–37.

Svanberg I. A Collection of Kazak Riddles from Chinese Turkistan and Mongolia // *Scandinavian Yearbook of Folklore* 38/1982. 1984. P. 163–173.

Svobodova J. Die Tradition der Nomadenlebensweise bei den Fulbe – Viehzüchtern in Senegal // *Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig*. Heft 33. Berlin, 1981. S. 191–197.

Swider W. Adaptive processes regulation Nomad – sedentary interaction in the Middle East // *The desert and the sown: Nomads in a wider society*. Berkeley, 1973. P. 23–38.

Szynkiewicz S. Die Situation von privatem und staatlich kontrolliertem nomadischen Pastoralismus in der Mongolei im 20. Jahrhundert // *Der Tropenlandwirt*. *Journal of Agriculture in the Tropics and Subtropics*. Beiheft Nr. 38. Nomader und ihre Umwelt im Wandel. Vorträge der 17. Witzenhäuser Hochschulwoche, 1988. S. 31–45.

The Future of Pastoral Peoples. Proceedings of a conference held in Nairobi. Kenya, 4–8 August 1980 / Ed. by G. Galaty, D. Aronson, Ph. Salzman. Ottawa, 1981.

The Kazaks of China. Essays on an Ethnic Minority / Ed. by L. Benson and I. Svanberg. Uppsala, Ekblads, Vastervik, 1988.

The Nomadic Alternative. Modes and Models of Interaction in the African-Asian Deserts and Steppes / Ed. by W. Weissleder. The Hague, 1978.

Torry W. Residence Rules Among The Gabra Nomads: Some Ecological Considerations // *Ethnology*. 1976. Vol. 15. No. 3. P. 269–285.

UNESCO. The problems of the arid zone. Part II. Nomadism in reaction to grazing resources // *Arid Zone Research*. 1962. Vol. XVIII. P. 301–370.

Vambéry H. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig, 1885.

Wardell J. W. In the Kirghiz Steppes. London, 1961.

Werner E. Zwei Bemerkungen zum Nomaden wesen // *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*. Berlin, 1976. Jahrgang 17. Heft 2. S. 295–302.

When Nomads Settle. Processes of Sedentarization as Adaptation and Response / Ed. by Ph. C. Salzman. New-York: Praeger, 1980.

Winner I. Some problems of Nomadism // *Central Asian Review*. 1963. Vol. XI. No. 3.

Zaleski Br. La vie des steppes Kirghizes. Paris, 1865.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Нурбулат Эдигеевич Масанов
(краткая биография)

Нурбулат Эдигеевич МАСАНОВ (1954–2006 гг.) родился 20 апреля 1954 г. в Караганде в семье выдающегося казахского этнографа Эдиге Айдарбековича Масанова (1926–1965 гг.) и Сауле Мусатаевны Ахинжановой (1929–2009 гг.). Отец его был первым исследователем казахской дореволюционной историографии, автором широко известного труда «Очерки истории этнографического изучения казахского народа в СССР», вышедшего в 1966 г. в Алма-Ате. Мать – дочь известного казахского историка Мусатая Бекбулатовича Ахинжанова и старшая сестра не менее известного ученого, археолога Сержана Ахинжанова, много лет проработала заведующей отделом фонда редких книг Государственной библиотеки им. А. С. Пушкина.

В 1971 г. Нурбулат Масанов поступил на исторический факультет Казахского государственного университета им. С. М. Кирова, который успешно закончил в 1976 г. С 1976 по 1986 г. он работал старшим лаборантом, потом младшим, а с 1983 г. – старшим научным сотрудником Института истории, археологии и этнографии (далее – ИИАЭ) им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР, с 1986 по 1988 год – ученым секретарем Отделения общественных наук АН Казахской ССР. В 1980 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Налоговая политика царизма в Казахстане в 20–60-е годы XIX в. (социально-экономический анализ)» в специализированном Ученом совете ИИАЭ. А в 1992 г. в Ученом совете Института антропологии и этнологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, завершив обучение в докторантуре того же института, успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период (историко-экологические аспекты номадизма)». В 1995 г. ее переработанный текст был опубликован в виде монографии под названием «Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества». Эта книга во многих отношениях стала этапной для исторической науки Казахстана и получила широкий резонанс среди зарубежных ученых-этнологов и востоковедов.

Возвратившись в Алматы, Нурбулат Масанов в 1992–1998 гг. преподавал в Казахском национальном университете им. аль-Фараби, где получил сначала звание доцента, а затем, профессора. В аудиториях университета для студентов исторического, политологического факультетов и слушателей Института повышения квалификации он читал спецкурсы по этногенезу и этнической истории казахов, кочевничеству в Казахстане и Центральной Азии, социально-экономической истории Казахстана, этнологии народов мира, актуальным вопросам экономического, государственно-политического и межэтнического развития Казахстана и др. В этот период Н. Э. Масанов, вдохновленный новыми идеями переустройства общества и науки в Казахстане, много времени и сил посвятил изучению вопросов реформирования и модернизации посттоталитарных государств, их демократизации, межэтническим отношениям, открыто и остро высказывая свои взгляды в многочисленных дискуссиях и СМИ. В 1998 г. не по своей воле покинул университет и в течение нескольких лет был независимым ученым-аналитиком, занимаясь кочевниковедческими и политологическими исследованиями. Отлученный от преподавания в своей стране, с конца 1990-х гг. Н. Э. Масанов стал *visiting professor* парижской Высшей школы исследований по социальным наукам (L'Ecole des hautes etudes en sciences sociales).

В декабре 2005 г. Н. Э. Масанов стал директором созданного при Министерстве культуры и информации Казахского научно-исследовательского института по проблемам культурного наследия номадов, в котором проработал до последних дней своей жизни. Нурбулат Эдигеевич с огромным энтузиазмом взялся за организацию Института, поскольку всю свою сознательную жизнь посвятил изучению кочевого общества казахов. Он говорил, что «создание Института позволит актуализировать роль Казахстана как территории самого древнего и самого обширного в Центральной Азии зоны номадизма, а Институт должен стать научным центром мирового уровня по исследованию проблем евразийского кочевничества». Н. Э. Масанов разработал долгосрочную стратегию развития специальных научных исследований, определил основные направления деятельности, составил детальную программу исследования материальной культуры, хозяйства, социальной и общественной организации кочевых народов Казах-

стана. Под его руководством сотрудники Института приступили к практической реализации этой программы, но 5 октября 2006 года основателя этого научного учреждения не стало.

Н. Э. Масанов активно занимался общественно-политической деятельностью, являясь основателем и учредителем ряда неправительственных некоммерческих организаций – «Международного фонда интеллектуальной поддержки реформ в Казахстане и Центральной Азии», «Казахстанско-Американского Бюро по правам человека и соблюдению законности», фонда «Открытый гуманитарный институт». Он был членом правления Фонда «Сорос-Казахстан» (1998–2000 гг.), членом Европейского общества исследователей Центральной Азии, членом редколлегии журналов «Центральная Азия и Кавказ» (Стокгольм, Швеция; 1998–2000 гг.) и «Евразия» (Москва; 2000–2006 гг.), сопредседателем Форума демократических сил Казахстана (1999–2004 гг.), руководителем дискуссионного клуба «Политон» (2002–2006 гг.).

Н. Э. Масанов является автором около двухсот научных и научно-популярных работ, большинство из которых посвящены проблемам кочевничества, истории и культуры, этногенеза и этнической истории казахов и других народов Центральной Азии.

Научные труды Н. Э. Масанова

Монографии

1. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.
2. Казахстан между прошлым и будущим. Алматы: МГП «Берен», 1994. 207 с. (В соавторстве с Н. Амрекуловым).
3. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы–Москва: Социнвест-Горизонт, 1995. 320 с.
4. Этнополитический мониторинг в Казахстане. Вып. 1. Осень 1995 г.; Вып. 2. Зима 1995–1996 г.; Вып. 3. Алматы, 1996.
5. Положение этнических меньшинств в суверенном Казахстане. Алматы, 1997. 80 с.
6. Казахстан. Модель этнологического мониторинга. М.: ИЭА, 1997. 170 с. (в соавторстве с И. С. Савиным).
7. История Казахстана: народы и культуры: Уч. пос. (в соавторстве с Ж. Б. Абылхожиным, И. В. Ерофеевой, А. Н. Алексеенко, Г. С. Баратовой). Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 608 с.
8. История Казахстана и Центральной Азии: Уч. пос. (в соавторстве с М. Х. Абусеитовой, Ж. Б. Абылхожиным, С. Г. Кляшторным, Т. И. Султановым, А. М. Хазановым). Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 616 с.
9. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана (в соавторстве с И. В. Ерофеевой и Ж. Б. Абылхожиным). Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 296 с.

Сборники статей

10. The Nationalities Question in Post-Soviet Kazakhstan. Chiba, Japan, Institute of Developing Economies, 2002. 160 p. (co-authored with E. Karin, A. Chebotarev, N. Oka).
11. Я, Нурбулат Масанов, ... Сборник статей и интервью Н. Э. Масанова. Алматы: Искандер, 2007. 396 с.

Статьи

12. К вопросу о ясачной повинности по «Уставу о Сибирских киргизах» // Известия АН КазССР. Сер. общ. наук. 1977. № 4. С. 45–49.

13. Кибиточная подать в Казахстане: 1837–1968 гг. // Вопросы истории Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 141–161.
14. К истории царского ясака в Младшем и Среднем жузах в XVIII в. // Мат-лы Республиканской науч.-практ. конф. молодых ученых по общественным наукам (24–25 февраля 1978 года). Алма-Ата, 1978. С. 159.
15. Налоговая политика царизма во Внутренней орде в середине XIX в. // Известия АН КазССР. Сер. общ. наук. 1979. № 4. С. 52–59.
17. Население // Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, 1980. С. 14–28 (в соавторстве с В. В. Востровым).
18. Земледелие: историко-археологический очерк // Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, 1980. С. 137–166 (в соавторстве с К. М. Байпаковым).
19. К этнической истории уаков // Проблемы изучения и охраны памятников Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 129–135.
20. Налоговая политика царизма в Казахстане в 20–60-е годы XIX в. (социально-экономический анализ). Автореф. дисс. ... к. и. н. Алма-Ата, 1980. 23 с.
22. Отражение современных этнических процессов в материальной культуре сельского населения Казахстана // Всесоюзная конференция «Этнокультурные процессы в современном мире». Тезисы докладов и сообщений. Элиста, 1981. С. 88–90 (в соавторстве с Х. А. Кауановой).
23. Этнографическая наука на службе общества: Интервью с акад. АН КазССР А. Х. Маргуланом // Известия АН КазССР. Сер. общ. наук. 1981. № 1. С. 25–28.
24. Освоение целины и основные направления этнических процессов в Казахстане // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980–1981 гг. Тез. докл. Нальчик, 1982.
26. Видный ученый М.-С. Бабаджанов // Вестник АН КазССР, 1982. № 11. С. 60–65 (в соавторстве с Н. П. Ивлевым).
27. Е. Скайлер об истории и этнографии казахов // Зарубежная литература. Реф. сб. Вып. 17. Алма-Ата, 1983. С. 28–38.
28. Критика буржуазной фальсификации национальных отношений в Советском Казахстане: к историографии проблемы //

Вопросы историографии Казахстана. Алма-Ата, 1983. С. 168–179 (в соавторстве с Б. М. Сужиковым).

29. Социальная организация кочевого общества казахов // Вестник АН КазССР, 1984. № 4. С. 25–38.

30. Экологические аспекты этногенеза кочевников Казахстана // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984. С. 43–47.

31. Социальная организация кочевников Евразии // Первая конференция молодых историков Средней Азии и Казахстана. Душанбе, 1984. С. 81–82.

32. Этнизация кочевого типа хозяйственной деятельности и проблема этногенеза казахов // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982–1983 годов. Тез. докл. Ч. I. Черновцы, 1984. С. 86–87.

33. Қазақ ССР Ғылым Академиясының академигі Ә. Х. Марғұланның ғылыми педагогикалық және қоғамдық қызметі туралы қысқаша шолу // Әлкей Хақанұлы Марғұланың / Сер.: Қазақстан ғалымдарының библиографиясына материалдар. Алматы: Ғылым, 1984. 12–20 бб.

Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности академика Академии наук Казахской ССР А. Х. Марғұланы // Алькей Хақанович Марғұланың / Сер.: Материалы к библиографии ученых Казахстана. Алма-Ата, Наука, 1984. С. 21–28 (в соавторстве с Х. А. Арғынбаевым).

34. Казахский ученый М.-С. Бабаджанов // Простор, 1984. № 3. С. 196–199 (в соавторстве с Н. П. Ивлевым).

35. Значение относительной концентрации и дисперсности в хозяйственной и общественной организации кочевых народов // Вестник МГУ. Сер. 8. История. М., 1985. № 4. С. 86–96 (в соавторстве с Г. Е. Марковым).

36. Этногенез казахов в освещении русской историографии // Вопросы истории Казахстана в русской дворянско-буржуазной и современной историографии советологов. Алма-Ата, 1985. С. 3–19.

37. Внутренняя орда в русской дореволюционной историографии // Вопросы истории Казахстана в русской дворянско-буржуазной и современной историографии советологов. Алма-Ата, 1985. С. 50–63 (в соавторстве с К. И. Кобландиным и Ж. К. Касымбаевым).

38. История рабочего класса СССР // Известия АН КазССР, серия общественных наук, 1985. № 2. С. 85–87 (в соавторстве с Д. И. Дулатовой).

40. Болмыс пен бітім // Білім және еңбек, 1985. № 1. С. 17–18.

41. Элементы структуры социальной организации кочевников Евразии // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986. С. 20–26.

42. Проблемы этногенеза уйгуров // К вопросу об историко-культурном развитии Восточного Туркестана (IX–XII вв.). Алма-Ата, 1986. С. 3–25 (в соавторстве с Г. С. Баратовой).

43. Эволюция кочевого хозяйственно-культурного типа и проблема этногенеза казахского народа // Вестник АН КазССР, 1987. № 8. С. 27–30.

44. Дисперсное состояние – всеобщий закон жизнедеятельности кочевого общества // Вестник АН КазССР, 1987. № 3. С. 29–39.

45. Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане // Вестник АН КазССР, 1987. № 1. С. 15–16.

46. Кочевниковедение в ускорении социально-экономического развития советского общества // Роль этнографии в идеологической работе и в ускорении социально-экономического развития общества. Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. «Этнографическая наука и пропаганда этнографических знаний». Омск, 1987. С. 149–150.

47. Дисперсное состояние – всеобщий закон жизнедеятельности кочевого общества // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тез. докл. советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата, 1987. С. 21–24.

46. О совершенствовании координационной работы в научных учреждениях и Научных советах Отделения общественных наук // Вестник АН КазССР, 1987. № 1 (в соавторстве с Е. К. Нурпеисовым и С. М. Таировым).

49. Социально-экономические отношения в кочевом обществе казахов // Вестник АН КазССР, 1988. № 8. С. 45–55.

50. Этногенез казахов: проблема исторической преемственности // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Тез. докл. Всесоюз. конф. М., 1988. С. 84–86.

51. Чокан Валиханов об этногенезе казахского народа // Чокан Валиханов и современность. Сборник материалов Всесоюзной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ч. Ч. Валиханова. Алма-Ата, 1988. С. 197–199.
52. Типология скотоводческого хозяйства кочевников Евразии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 55 – 81.
53. Этногенез казахов: проблема и метод // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. II. История и археология. М., 1990. С. 94–105.
54. La dispersion comme loi generale de l'activite de la societe nomade // Nomades et sedentaires en Asie Centrale. Apports de l'archeologue et de l'ethnologie". Paris, 1990. S. 193–203.
55. Структура институциональных отношений в кочевом обществе казахов // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Л., 1990. С. 24–25.
56. Эпоха Великих географических открытий в исторических судьбах кочевничества Евразии и Северной Африки // Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988–1989 гг. Тез. докл. Ч. 1. Алма-Ата, 1990. С. 102–104.
57. Оседание кочевников в доиндустриальную эпоху: реальность и миф // Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988–1989 гг. Тез. докл. Ч. 3. Алма-Ата, 1990. С. 43–45 (в соавторстве с Ж. Б. Абылхожиным).
58. Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период: историко-экологические аспекты нomaдизма. Автореф. дисс. ... д. и. н. М., 1991. 47 с.
59. Казахи в XX столетии: этническое развитие и исторические судьбы: Этнодемографический очерк // Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник. 1992. Вып. 22. М., 1993. С. 98–117.
60. Современное состояние и перспективы развития Казахстана // East-West-South Project. Publication N. 5. Central Asian Civil Society in Search of Partners. Proceedings of a Conference on Democratization, Economic Transformation and International Cooperation. The Hague–Utrecht–Amsterdam, 1993. P. 79–85.

61. Национально-государственное строительство в Казахстане // Национализм и безопасность в постсоветском пространстве. М., 1994. С. 45 – 53.
62. Права человека в многонациональном Казахстане и решение межэтнических проблем // Общественные организации и власти: взаимодействие в демократическом обществе. Алматы, 1994. С. 170–172.
63. Пора бы всем задуматься... // Мысль, 1994, № 2. С. 43–47 (в соавторстве с Н. Амрекуловым).
64. Историческая типология государственных структур и проблема их преемственности: на примере государственно-потестарных структур казахского общества // Этнические аспекты власти. СПб., 1995. С. 36–51.
65. Национально-государственное строительство в Казахстане: анализ и прогноз // Вестник Евразии. Acta Eurasica. № 1. М., 1995. С. 117–128.
66. Этнический состав, география расселения и численность казахского этноса // Казахи. Историко-этнографическое исследование. Алматы, 1995. С. 9–21.
67. В Казахстане ислам проигрывает этнической идее // Государства Центральной Азии: поиск места в мировой политике. М.: ИМЭМО РАН, 1995. С. 13–15.
68. Реинтеграция Центральной Азии и России – только вопрос времени. Там же. С. 20–21.
69. Ситуация в Казахстане: взгляд изнутри // Государства Центральной Азии: поиск места в мировой политике. Там же. С. 34–39.
70. К оценке состояния окружающей среды в Казахстане // Государства Центральной Азии: поиск места в мировой политике. Там же. С. 55.
71. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Вестник Евразии. Acta Eurasica. № 1 (2). М., 1996. С. 46–61.
72. Казахстан и мировое окружение // Штурм, 1996. № 2. С. 45–49 (совместно с Н. Амрекуловым).
73. Русские в Казахстане // Bulletin. Network ethnological monitoring. May, 1996. № 9. М., 1996. С. 38–43.
74. Политическая ситуация в Казахстане // Современные политические процессы. Бишкек, 1996. С. 63–73.
75. Геополитическая ситуация в Центральной Азии // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского про-

странства. Вып. III. Международный симпозиум 12–14 января 1996 г. М., 1996. С. 181–188.

76. Феномен патерналистского сознания // Мат-лы круглых столов и семинаров. Алматы, 1996. С. 85–89.

77. Особенности функционирования традиционного кочевого хозяйства казахов // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. Алматы, 1997. С. 5–18.

78. Социально-экономические отношения в казахском кочевом обществе // Там же. С. 35–45.

79. Казахстан в 1995–1996 гг.: результаты этнополитического мониторинга // Социальные конфликты: Экспертиза. Прогнозирование. Технологии разрешения. Центр конфликтологии Ин-та социологии РАН; Конфликтол. центр. Вып. 13. Региональная конфликтология. Алма-Ата, М., 1997. С. 112–129.

80. Особенности функционирования традиционного кочевого хозяйства казахов // Пасторализм в Центральной Азии. Мат-лы междунар. научн. конф. "Состояние и перспективы развития животноводства в республиках Центральной Азии в условиях перехода к рыночной экономике". М., 1997. С. 97–111.

81. Современное состояние скотоводства в Казахстане. Там же. С. 216–231.

82. Феномен кочевого общества казахов // Культурные контексты Казахстана: история и современность. Алматы, 1998. С. 46–56.

83. Взаимодействие миграционных систем Казахстана, России, Китая и Средней Азии // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. Моск. Центр Карнеги. М., 1998. С. 55–66.

84. Политическая и экономическая элита Казахстана // Центральная Азия и Кавказ, 1998. № 1. С. 79–92.

85. Миграционные метаморфозы Казахстана // В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии. М., 1999. С. 127–152.

86. Итоги первого года социологического исследования скотоводства в Казахстане // Животноводство и скотоводство в Казахстане на этапе перехода к рыночным отношениям. М., 1999. С. 103–131.

87. Региональная стабильность и безопасность в Центральной Азии. К итогам международной конференции Европейского

Центра им. Джорджа К. Маршалла в Гармиш-Партенкирхене (Германия, 7–11 декабря 1998 г.) // Центральная Азия и Кавказ, №1(2), 1999.

88. Тенге – это налог на... // Современный Казахстан. Политика. Экономика. Безопасность. М., 1999. С. 247–256.

89. Политические аспекты евразийства // Центральная Азия и Кавказ, 2000. № 1(7). С. 162–168 (в соавторстве).

90. Особенности функционирования традиционного кочевого общества казахов // Сезонный экономический цикл населения северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. Труды государственного исторического музея. Вып. 120. М., 2000. С. 116–130.

91. Specific traits of traditional nomadic society of the Kazakhs. Там же. С. 188–192.

92. Политическая элита Казахстана // Политическая элита Казахстана: история, современность, перспективы. Мат-лы круглого стола. Алматы, 5 февраля 2000 г. Алматы, 2000. С. 35–50.

93. Итоги первого года социологического исследования скотоводства в Казахстане // Животноводство Центральной Азии в переходный период. Серия научных статей Университета Висконсин в городе Медисон. Медисон, США, 2000. Отчет № 6.

94. Итоги этносоциологического исследования в Актюбинской области. Там же. Отчет № 7.

95. Национальный политический диалог в Казахстане как механизм согласования интересов гражданского общества и повышения эффективности государственной политики // Инициатива в области общественной политики: прикладные исследования. Фонд Евразия; Фонд Сорос-Казахстан. Т. 8. Алматы, 2001.

96. The Economy. Production and Trade // History of Civilizations of Central Asia. Volume V. Development in contrast: from the sixteenth to the mid-nineteenth century. Turin, UNESCO, 2003. P. 373–425 (co-authored with K. M. Baipakov, S. Moosvi and A. Burton).

97. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Евразия. Люди и мифы. М.: Наталис, 2003. С. 365–381.

98. Россия в казахских учебниках истории // Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: Старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения. Под ред Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, «АИРО- XX», 2003. С. 301–312 (в соавторстве с И. С. Савиным).

99. Номадизм и пасторализм: проблемы типологии и сравнительного анализа сущности понятия // *Nomadism and pastoralism between the Vistula and Dnieper rivers (Neolithic, Eneolithic, Bronze Age)*. Poznan, 2004. P. 15–23. То же см. Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова: Сб. мат-лов Межд. науч. конф. Алматы: Print-S, 2010. С. 5–20.

100. Судьбы демократии в контексте диалога // Власть и оппозиция в Казахстане: перспективы диалога: Сб. материалов междунар. научно-практ. конф. Алматы: Ин-т национальных исследований, 2004. С. 71–76.

101. Кочевничество в современном мире // Мир Евразии: история, современность, перспектива: Труды пятого Международного Евразийского научного форума. Астана: Изд-во ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2006. С. 27–31; См. то же Kazenergy, 2006. № 1. С. 86–89.

102. Историческая типология государственных структур и проблема их преемственности // Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства. Сб. материалов междунар. науч. конф. Алматы, 19–20 декабря 2005 г. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 44–61.

Статьи в энциклопедии

103. Уақ // Қазақ Совет Энциклопедиясы. Т. 11. Алматы, 1977.

104. Шақшақ // Қазақ Совет Энциклопедиясы. Т. 12. Алматы, 1978. С. 169.

105. Шимойын // Қазақ Совет Энциклопедиясы. Т. 12. Алматы, 1978. С. 251.

106. Шеруші // Қазақ Совет Энциклопедиясы. Т. 12. Алматы, 1978. С. 243.

107. Шегендік // Қазақ Совет Энциклопедиясы. Т. 12. Алматы, 1978. С. 230.

108. Шәйкөз // Қазақ Совет Энциклопедиясы. Т. 12. Алматы, 1978. С. 206.

109. Шұбарайғыр // Қазақ Совет Энциклопедиясы. Т. 12. Алматы, 1978. С. 298.

110. Шұбыртпалы // Қазақ Совет Энциклопедиясы. Т. 12. Алматы, 1978. С. 300.

111. Шмидт Ю. А. // Қазақ Совет Энциклопедиясы. Т. 12. Алматы, 1978. С. 259.

112. Ядринцев Н. М. // Қазақ Совет Энциклопедиясы. Т. 12. Алматы, 1978. С. 521.

113. Этногеография // Қазақ Совет Энциклопедиясы. Т. 12. Алматы, 1978. С. 482.

114. Алым // Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 1. Алма-Ата, 1985. С. 66.

115. Казахи // Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 1. Алма-Ата, 1985. С. 198–201 (в соавторстве).

116. Племенной союз // Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 1. Алма-Ата, 1985. С. 368–369.

117. Племя // Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 1. Алма-Ата, 1985. С. 369.

118. Ладыженский М. В. // Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 1. Алма-Ата, 1985. С. 281.

119. Обручев В. А. // Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 1. Алма-Ата, 1985. С. 333.

120. Перовский В. А. // Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 1. Алма-Ата, 1985. С. 363.

121. Эссен П. К. // Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 1. Алма-Ата, 1985. С. 557.

122. Н. А. Аристов // Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 3. Алма-Ата, 1989.

Предисловия, комментарии и рецензии

123. Ценное пособие по истории Советского Казахстана (Рец. на: «Казахстан за годы советской власти (к 60-летию Великого Октября): Указатель литературы. Алма-Ата: Наука, 1979. 300 с.) // Известия АН КазССР, серия общественных наук, 1980. № 2. С. 82–83 (в соавторстве с Ж. Б. Абылхожиным, Г. С. Баратовой).

124. Ценный источник по истории и этнографии казахов (О книге: Бларамберг И. Ф. Воспоминания. М., 1978) // Известия АН КазССР. Сер. общ. наук, 1979. № 6. С. 90–91 (в соавторстве с Г. С. Баратовой и К. Кобландиным).

125. Важный вклад в изучение опыта решения национального вопроса в СССР. (Рец. на: «Советский опыт решения национального вопроса и его значение для народов Африки и Азии.

Ереван, 1982. 299 с.) // Известия АН КазССР. Сер. общ. наук. 1982. № 5. С. 75–76 (в соавторстве с Ж. Б. Абылхожиным).

126. Комментарии // Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч. в пяти томах. Т. 2. Алма-Ата, 1985.

127. Чокан Чингисович Валиханов – выдающийся казахский ученый, мыслитель, просветитель-демократ (о заседании «круглого стола» ЮНЕСКО, посвященного 150-летию со дня рождения Ч. Ч. Валиханова, Алматы, 20 сентября 1985 года; о научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ч. Ч. Валиханова, Москва, 16 сентября 1985 года; о Всесоюзной научно-технической конференции «Выдающийся мыслитель, просветитель-демократ Ч. Ч. Валиханов и его вклад в развитие науки и культуры», Алматы, 18–19 сентября 1985 года) // Вестник АН КазССР, 1985. №11. С. 3–14 (в соавторстве с Х. А. Аргынбаевым).

128. Рецензия: И. В. Асеев, И. И. Кириллов, Е. В. Ковычев. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья // Білім және еңбек, 1985. № 3. С.47 (в соавторстве с Н. Алимбаевым).

129. Рецензия: Дулатова Д. И. Историография дореволюционного Казахстана (1861–1917 гг.). Алма-Ата, 1984 // Вестник АН КазССР, 1985. № 10. С.84–86 (в соавторстве с Х. А. Аргынбаевым).

130. Рецензия: Прошлое Казахстана глазами европейцев // Азия, 1992. № 31. С. 3 (в соавторстве с И. В. Ерофеевой).

131. Рецензия: М. С. Муканов. Этническая территория казахов в XVIII–начале XX веков. Алма-Ата, Казахстан, 1991 // Известия НАН РК, серия общественных наук, 1993. № 1. С. 92–93 (в соавторстве с Х. А. Аргынбаевым).

132. Рецензия: Р. Г. Кузеев. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., Наука, 1992 // Этнографическое обозрение, 1994. №. 1. С. 166–167 (в соавторстве с Х. А. Аргынбаевым и М. С. Мукановым).

133. Предисловие // Казахи. Историко-этнографическое исследование. Алматы, 1995. С. 3–8.

Публикации в СМИ

134. Патриарх казахстанской науки. Интервью с А. Х. Маргуланом // Вечерняя Алма-Ата. 1984. 11 мая.

135. Тереңнен толғар ғұлама. Әлкей Марғұлан 80 жаста // Социалистік Қазақстан. 1984. 11 май (в соавторстве с Х. А. Аргынбаевым).

136. Совет тарихнамасына қосылған үлес // Орталық Қазақстан. 1985. 4 апреля. № 78 (в соавторстве с Х. А. Аргынбаевым).

137. К стабильному гражданскому миру // Казахстанская правда. 1992. 21 марта (в соавторстве).

138. Как обустроить Казахстан // Казахстанская правда. 1992, 1, 5, 6 мая (в соавторстве с Н. Амрекуловым).

139. Как вывести Казахстан из кризиса // Казахстанская правда. 1992. 16 июня (в соавторстве).

140. Гиперинфляция – угроза экономической катастрофы // Казахстанская правда. 1992. 23, 24 сентября (в соавторстве).

141. Мы жители степи: Откуда пошли казахи // Казахстанская правда. 1992. 30 сентября.

142. Казахские жузы // Казахстанская правда. 1992. 6 октября.

143. «Всеобщее огосударствление»: зло под личиной блага // Панорама. 1992. Декабрь. N 17.

144. Патриотизм не имеет ничего общего с национализмом // Казахстанская правда. 1993. 30 декабря (в соавторстве).

145. Социально-экономическая ситуация в современном Казахстане // All over the globe. Время по Гринвичу. Almaty, 1996. July.

146. Казахстан и международные финансовые институты – стратегия экономических приоритетов // All over the globe. Время по Гринвичу. Almaty, 1996. № 25 (52).

147. Структура власти, номенклатура и национальная буржуазия // All over the globe. Время по Гринвичу. Almaty, 1996. № 57(84).

148. Феномен патернализма на пост-советском пространстве // All over the globe. Время по Гринвичу. Almaty, 1996. № 30(57).

149. Пост-советские политические структуры, рыночная экономика и этнические конфликты // All over the globe. Время по Гринвичу. Almaty, 1996. № 59 (86).

150. Islam Karimov, Nursultan Nazarbaev: the two roads of two presidents // All over the globe. Время по Гринвичу. Almaty, 1996. № 74 (101)–75(102).

151. Traditionalist Nazarbaev versus pragmatist Kazhegeldin // All over the globe. Время по Гринвичу. Almaty, 1997. № 2 (120).

152. Глобальная геополитика и мировой порядок // All over the globe. Время по Гринвичу. Almaty, 1997. № 25 (143).

153. Миграции в Казахстане: история, проблема и метод // All over the globe. Время по Гринвичу. Almaty, 1997. № 37(155)–38 (156).

154. Политическая ситуация в современном Казахстане // All over the globe. Время по Гринвичу. Almaty, 1997. October.

155. Современное состояние скотоводства Казахстана // All over the globe. Время по Гринвичу. Almaty, 1997. № 47 (165); № 48 (166); № 49 (167); №50 (168).

156. Национальная буржуазия и иностранная элита в Казахстане и Центральной Азии // All over the globe. Время по Гринвичу. Almaty, 1998. № 22 (240); № 23 (241).

157. Кризис Казахстана – это есть кризис президентской власти: О политической ситуации в стране // Караван. 21 августа 1998. С. 8–9.

158. Время – диалогу и консенсусу. Запад и Казахстан // XXI век. 1999. 4 марта.

159. Мы маргиналы // Eco Study, 2005. 23 февраля. № 1. С. 32–35.

160. У казахского народа – своя особая история и культура: Вопросы этногенеза и номадизма // Казахстанская правда. 24 марта. 2006. С.11.

161. В свете прошлого и современности // Эксперт Казахстана. № 17. 8–14 мая 2006. С. 38–41.

162. Реноме кочевников // Мир Евразии. Информационно-аналитический журнал. №9 (34). 2006. С.17–19.

159. Кочевая цивилизация казахов // Астана. 2006. № 5. С. 33–35.

163. Кочевничество в современном мире // Kazenergy. 2006. № 1. С. 86–89.

164. Дар предков. Концепция современной государственной власти – наследие кочевников // Central Asia Monitor. 2006. 3 февраля.

«Утверждаю»

Директор Института этнологии
и антропологии АН СССР
д. и. н. В. А. Тишков

Выписка из протокола расширенного заседания сектора
этнической экологии

Института этнологии и антропологии АН СССР
от 15 января 1991 г. Рукопись, 6 с.

Председатель – д. и. н., профессор В. И. Козлов

Секретарь – к. и. н. О. Д. Комарова

Присутствовали: д. и. н. Б. В. Андрианов, д. и. н. Р. Ш. Джарылгасинова, д. и. н. Т. А. Жданко, д. и. н. Н. Л. Жуковская, д. и. н. Б. Х. Кармышева, д. и. н. В. И. Козлов, к. и. н. В. Н. Басилов, к. и. н. Н. И. Григулевич, к. и. н. Н. А. Дубова, к. и. н. Ю. В. Иванова, к. и. н. О. Д. Комарова, к. и. н. Н. М. Лебедева, к. и. н. А. П. Павленко, к. и. н. С. Шимкевич, к. и. н. А. Н. Ямсков, О. И. Брусина, О. Б. Наумова, Н. Э. Масанов.

Повестка дня: Аprobация диссертации Н. Э. Масанова «Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период: историко-экологические аспекты номадизма» на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография.

Слушали: Сообщение Н. Э. Масанова об основных положениях и выводах диссертационной работы, актуальности и научной новизне исследования.

Выступили: Б. В. Андрианов, А. Н. Ямсков, Н. Л. Жуковская, Т. А. Жданко, Б. Х. Кармышева, Р. Ш. Джарылгасинова, В. Н. Басилов, Ю. В. Иванова, О. Б. Наумова, Н. А. Дубова, В. И. Козлов.

Постановили:

I. Принять следующее заключение: Диссертационная работа Н. Э. Масанова, представленная на соискание ученой степени доктора исторических наук, посвящена исследованию историко-экологических аспектов номадизма на примере кочевого общества казахов в дореволюционный период. Научная значимость

рассматриваемой проблемы определяется тем, что кочевничество играло важную роль в исторических судьбах народов Евразии и Северной Африки, а также тем, что и поныне в мире проживает более 40 млн. кочевников в более чем 80 странах. Выбор объекта исследования представляется вполне оправданным, поскольку казахи вплоть до 30-х гг. нашего столетия вели кочевой образ жизни и занимались скотоводческим хозяйством. Вместе с тем кочевничество представляет собой один из наиболее жестко детерминированных экологически способов производства. Вследствие этого появляется возможность исследовать основные закономерности процесса взаимодействия природно-экологических и культурно-исторических факторов, раскрыть механизм влияния географической среды на социально-экономическое развитие кочевого общества. Работа основывается на анализе большого объема фактического материала, включающего этнографические, статистические, архивные, литературные, археологические источники, и представляет собой первый опыт системного исследования и теоретического обобщения экологических аспектов номадизма.

В диссертации получено всестороннее исследование и изучен следующий комплекс вопросов: типология местообитаний кочевников-скотоводов в историко-географическом аспекте, процессы генезиса и эволюции номадизма, влияние особенностей природы и климата Казахстана на систему материального производства, география расселения и численность «родоплеменных» групп казахского населения, структура хозяйственных занятий и типология кочевого скотоводческого хозяйства, особенности производственного цикла и системы выпаса скота по сезонам года, социальная организация и ее основные составляющие элементы, прежде всего община, патронимия и социально-потестарные группы, производственные отношения, главным образом отношения собственности на средства производства, формы зависимости и эксплуатации кочевого населения, стадийно-формационная природа номадного общества. Основные выводы и положения диссертационной работы носят оригинальный, творческий характер и представляют собой сочетание теоретического обобщения и поиска новых подходов и методов анализа рассматриваемой проблемы.

Автором глубоко и научно аргументировано и обосновано положение об ареалах и маргинальных зонах, игравших далеко неоднозначную роль как в процессах социально-экономического и хозяйственно-культурного функционирования кочевничества и его взаимодействия с оседло-земледельческими цивилизациями, так и в этнической истории региона. Важное значение имеет вывод о дисперсной организации общественного производства, оказывавшей влияние практически на все стороны общественной жизни кочевников и определявшей специфику функционирования системы материального производства. Следует также выделить разработанную автором типологию хозяйства кочевников-казахов, основанную на учете прежде всего экологических факторов, что позволило ему выделить два принципиально различных типа кочевого скотоводческого хозяйства. Важное значение имеет вывод диссертанта о роли антропогенного фактора в жизнедеятельности степного и пустынного ландшафта, природных ресурсов среды обитания, что позволило ему по новому поставить вопрос о формах собственности в кочевом обществе.

Выявленные в рассматриваемой работе закономерности развития кочевников, в значительной степени обусловленные экологическими факторами, убедительно свидетельствуют об особенностях хозяйственно-культурного функционирования кочевников и в полной мере подтверждают главный результат исследования – вывод о номадном способе производства, в наибольшей степени отражающем специфику общественного развития кочевых народов. В диссертационной работе в научно аргументированной форме показана глубоко прослеживаемая взаимосвязь всех сторон жизни и быта кочевников с природными ресурсами среды обитания, лимитирующая роль географических факторов в функционировании номадизма. Автором найдены новые и убедительные доводы в пользу пересмотра традиционного взгляда на систему социально-экономических отношений в кочевой среде. В частности, это касается анализа таких принципиально важных вопросов, как природа территориально-общинной организации, процессы концентрации средств производства и монополизации всей системы материального производства, детерминирующая роль отношений собственности на скот в структуре производственных отношений, возникновение индивидуальных и общинных форм собственности на пастбищные угодья и водные источ-

ники, преобладание экономических форм зависимости и системы найма в процессе эксплуатации непосредственных производителей. Несомненный интерес представляют выводы автора, касающиеся проблем этнической истории кочевников-казахов, которые свидетельствуют о важной роли экологических факторов в этногенезе кочевых народов.

В целом, полученные диссертантом результаты способствуют более глубокому пониманию характера воздействия природных процессов на систему хозяйственных занятий, социальную организацию, производственные отношения и влияния окружающей среды на специфику этнокультурного развития. Они в полной мере свидетельствуют о важности и плодотворности экологических подходов к истории и теории общественного развития. Принципиальное значение имеет то, что диссертация Н. Э. Масанова носит междисциплинарный характер и представляет собой первый опыт системного анализа закономерностей и механизмов общественного развития кочевников на стыке не только комплекса гуманитарных наук – этнографии, истории, археологии и т. д., но и естественных – экологии, биологии, географии и т.п. Одновременно работа диссертанта имеет важное практическое значение, приобретающее актуальное звучание в свете резко ухудшающейся экологической обстановки во всем регионе Казахстана, Средней Азии и Западной Сибири, и свидетельствует о необходимости учета богатого народного опыта в освоении аридной зоны Евразии. Исследование Н. Э. Масанова открывает новое направление научного поиска – изучение традиционного опыта экологической и социокультурной адаптации народов, проживающих в засушливых районах нашей страны, системы природопользования и жизнеобеспечения кочевников-скотоводов.

2. Рекомендовать диссертацию Н. Э. Масанова «Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период: историко-экологические аспекты номадизма» к защите на специализированном совете при Институте этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография.

3. Считать, что опубликованные Н. Э. Масановым монография, статьи и тезисы докладов в целом отражают основные положения и выводы диссертационной работы.

4. Считать, что текст автореферата в полной мере соответствует основному содержанию и выводам докторской диссертации Н. Э. Масанова.

В. И. Козлов,
зав. сектором
этнической экологии Института
этнологии и антропологии АН СССР,
д. и. н., профессор

А. П. Павленко,
ученый секретарь сектора этнической
экологии Института этнологии и
антропологии АН СССР, к. и. н.

Справка

о присуждении Масанову Нурбулату Эдигеевичу ученой степени доктора исторических наук на основании защиты диссертации «Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период:

историко-экологические аспекты номадизма», представленной по специальности 07.00.07 – этнография в специализированном совете Д 002.76.01 в Институте этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва) 14 января 1992 г.

Протокол № I, дело №. Рукопись, 5 с.

Масанов Нурбулат Эдигеевич, 1954 г. рожд., казах, кандидат исторических наук с 1980 г. Докторант сектора этнической экологии Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

Диссертация выполнена в Институте этнологии и антропологии РАН (г. Москва). Соискатель имеет по теме диссертации 35 опубликованных работ общим объемом 40 п. л., в том числе монографию «Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XX веков» (Алма-Ата, Наука, 1984).

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор А. И. Першиц (Институт этнологии и антропологии РАН), доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН Р. Г. Кузеев (Институт истории, языка и литературы АН Башкортостана), доктор исторических наук М. С. Муканов (Институт истории и этнологии АН Республики Казахстан) дали весьма положительные отзывы о диссертации Н. Э. Масанова. Так, член-корр. РАН Р. Г. Кузеев отметил, что рецензируемая диссертация незаурядное явление. В отзыве М. С. Муканова указано, что диссертация представляет собой важный вклад не только в изучение проблемы кочевничества и создает новое научное направление, но и в анализ закономерностей всемирно-исторического процесса.

Ведущее научное учреждение – кафедра археологии МГУ – представило отзыв, высоко оценивающий научную новизну и актуальность диссертации Н. Э. Масанова. В отзыве говорится, что рассматриваемая работа представляет законченный и оригинальный труд, в которой решен ряд важнейших исторических

проблем, связанных с особенностями кочевничества казахов и номадизма вообще. Значение этой работы велико. Многие вопросы кочевниковедения в диссертации получили новое решение. Диссертация Н. Э. Масанова открывает новые горизонты в исследовании номадизма. Это исключительно ценный и большой вклад в науку.

При проведении тайного голосования по присуждению Н. Э. Масанову ученой степени доктора исторических наук специализированный совет в составе 18 присутствовавших членов совета (из 21) проголосовал следующим образом:

“за” – 18, “против” – нет.

Специализированный совет принял следующее заключение.

Диссертация Н. Э. Масанова представляет собой оригинальное исследование, посвященное изучению особенностей общественного развития номадов. Она является существенным вкладом в изучение истории и культуры кочевых народов Евразии, теоретическое осмысление пространственно-временных закономерностей всемирно-исторического процесса. В диссертации впервые научно аргументировано проанализированы основные механизмы социокультурной адаптации номадов к природным условиям аридной зоны, раскрыты принципы взаимодействия природы и общества в среде кочевников. На базе глубокого изучения кочевой стратегии природопользования выявлены специфические черты общественного развития номадов.

Основным объектом исследования является специфика социально-экономического развития казахского кочевого общества в дореволюционный период, обусловленная процессом социокультурной адаптации номадов к природным условиям среда обитания.

Основная цель исследования – рассмотреть специфический облик казахского кочевого социума во взаимосвязи с процессом его приспособления к природным ресурсам аридной зоны и выявить основные механизмы взаимодействия природы и общества.

Практическая значимость работы определяется тем, что освоение аридной зоны, занимающей значительную часть поверхности планеты, невозможно без всестороннего исследования опыта экологической и социокультурной адаптации кочевников. Номадами также был накоплен огромный опыт ведения скотоводческого хозяйства в засушливых условиях, использование которого позволит ограничить негативное воздействие человека на окружающую среду.

Актуальность темы исследования определяется тем, что и поныне в более чем 30 странах мира бытует кочевничество и остро стоит проблема их адаптации к ценностям индустриально-урбанизированного общества.

По теме диссертации опубликована монография и более 30 научных работ общим объемом публикаций около 40 п. л.

Основные выводы:

1. Кочевничество представляло собой жестко экологически детерминированный способ производства, имевший место в особых географических условиях.

2. Местообитания кочевников могут быть типологизированы в качестве ареалов (экосистема) и маргинальных зон (эко-тон). В ареалах полностью преобладало кочевое скотоводство, в маргинальных зонах имел место комплексный тип хозяйства – скотоводческо-земледельческий.

3. В процессе эволюции кочевничества выделяются следующие стадии его развития: а) генезиса кочевничества в течение I тысячелетия до н. э. – первой половины I тысячелетия н. э.; б) «классического кочевничества» – до середины II тысячелетия; в) кризиса кочевничества – до начала XX в. и г) финальная стадия кочевничества на современном этапе развития.

4. Существовало два основных типа кочевого хозяйства: во-первых, тип кочевого хозяйства, основанный на системе естественного водопользования и, во-вторых, тип кочевого скотоводства, основанный на искусственных водоисточниках.

5. Занятие земледельческим хозяйством в ареалах кочевничества не всегда приводило к оседанию кочевников-скотоводов.

6. Фундаментальным фактором функционирования кочевничества была закономерность дисперсного состояния, выразившаяся в организации процесса производства в небольших по числу скота хозяйственных организациях и приводившая к прерыванию процессов концентрации трудовых и материальных ресурсов посредством естественно- и социально-сегментирующей функций.

7. Система материального производства строилась на конкурентном способе ведения хозяйства, который приводил к отторжению обедневших масс кочевников за пределы ареалов кочевничества.

8. Кочевая община в плане синхронной типологии подразделялась в зависимости от сезонного характера функционирования природных условий на два основных подтипа: минимальную общину в зимний период года и расширенную общину в теплое время года.

9. В самом процессе производства объективно возникали отношения фактической собственности на основные средства производства, в частности скот, землю и воду. Имела место монополизация процесса производства слоем богатых скотовладельцев, которым противостоял слой “рядовых кочевников”.

10. Основной формой эксплуатации зависимого населения были “совместный труд” в общине и найм.

11. Главной характерной чертой кочевого способа производства было то, что утилизация ресурсов среды обитания осуществлялась кочевниками ценотическими по своей природе средствами (скотом), в отличие от оседло-земледельческого общества, в котором утилизация осуществлялась главным образом аценотическими средствами (сохой, плугом и т. п.).

12. В ареалах кочевничества имел место конвергентный процесс накопления однотипных культурных признаков, приводивший к формированию этнических общностей, в отличие от маргинальных зон, где этногенетические процессы постоянно прерывались миграцией сюда оседающих кочевников.

М. В. Крюков,
заместитель председателя
специализированного совета,
д. и. н., профессор

А. Е. Тер-Саркисянц,
ученый секретарь
специализированного совета, к. и. н.

Г. Е. Марков

Н. Э. Масанов. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. Изд-во «Наука» Казахской ССР. Алма-Ата, 1984. 176 с.

Актуальность истории кочевничества объясняется той важной ролью, которую номады играли на протяжении тысячелетий в судьбах многих народов Евразии и Африки, своеобразием их социально-экономических отношений и образа жизни, а также состоянием изучения кочевых народов Западной Азии, Северной и Восточной Африки. Привлечение обширных письменных, архивных, этнографических, археологических и прочих данных позволило советским исследователям восстановить историю кочевничества в Евразии начиная от эпохи зарождения номадизма и вплоть до новейшего времени. Однако отдельные проблемы социально-экономических отношений у скотоводческих народов остаются дискуссионными.

Одной из работ, обогащающих наши представления о социально-экономической истории кочевников на примере Казахстана, является книга научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, кандидата исторических наук Н. Э. Масанова. История хозяйства кочевников рассматривается в ней с точки зрения его соотношения с экологическими условиями. Автор привлекает широкий круг источников, в том числе архивных. В книге освещены два круга вопросов. Первый – природно-климатические условия освоения кочевниками засушливых областей, генезис кочевничества; второй – социальная организация кочевых казахов.

Автор отмечает, что кочевое хозяйство могло функционировать лишь в определенных природных условиях аридных (засушливых) и субаридных зон Евразии и Африки (с. 6–7). На основе обширного и разностороннего фактического материала в монографии характеризуются под этим углом зрения отдельные области Казахстана, возможности ведения там скотоводческого хозяйства. Интересна, хотя и спорна, предлагаемая Н. Э. Масановым трактовка генезиса кочевничества. По его мнению, номадизм складывался как один из главных способов добывания жизненных благ, вытесняя охоту по мере сокращения численности диких животных (с. 29–30). Однако известно, что многие области

Передней и Средней Азии, где в начале I тысячелетия до н. э. складывался номадизм, входили, примерно с VIII тысячелетия до н. э., в ареал так называемых первичных центров возникновения производящего хозяйства. На протяжении многих тысячелетий обитавшие там племена вели хозяйство, сочетавшее в разной мере в разных местах производящие отрасли – разведение животных и земледелие и присваивающие – охоту, рыболовство, собирательство.

С течением времени часть племен, занимавшихся комплексным хозяйством, стала мигрировать на открытые пространства аллювиальных долин. Здесь возникали ранне-земледельческие поселения, на основе которых впоследствии сложились городские центры цивилизации. Часть же племен осталась на прежних местах обитания, где продолжала вести комплексное хозяйство, в котором охота вряд ли играла определяющую роль в добывании жизненных благ, о чем свидетельствуют костные находки археологов. Едва ли прав Н. Э. Масанов, выражая сомнение в возможности широкого распространения земледельческого хозяйства в аридной зоне Евразии (с. 29). Не сокращение возможности ведения охоты, а кризис комплексного хозяйства в целом, в том числе и его земледельческой отрасли, вынудил развивать пастушеское хозяйство, ставшее со временем кочевым.

В числе интересных теоретических выводов автора положение о диалектическом взаимодействии тенденций «дисперсного» и «относительно концентрированного» состояния общин и общественной организации в целом (с. 40–44 и др.). Обстоятельно исследуются в книге проблемы выбора и распределения пастбищных угодий, их использование и система выпаса скота в разные сезоны.

Во многом дискуссионными представляются разделы, где идет речь о социальной организации кочевых казахов на рубеже XVIII и XIX веков. В частности, следует отметить характер используемых источников. В их числе немало относящихся к рассматриваемому в книге времени, но широко привлекаются и материалы значительно более поздние – конца XIX и начала XX столетия. Многие существенные выводы построены на данных «Материалов по киргизскому землепользованию» за 1898–1913 годы. Оговаривая необходимость критического использования их в ретроспективном анализе (с. 122), автор не всегда следует этому

правилу. Случаев, когда его выводы без всяких оговорок основываются на поздних данных, много.

Во введении, говоря о проблемах общественного строя кочевых народов, Н. Э. Масанов пишет, что в настоящее время «все большее признание получает точка зрения..., согласно которой кочевники не могли спонтанно перейти рубеж классового общества и в целом оставались на уровне до феодального, раннеклассового общества» (с. 13). Но такое определение существа данной точки зрения далеко не полно. Отмечая ее распространенность и не рассматривая аргументацию сторонников этой концепции [1], Н. Э. Масанов считает, однако, возможным, не приводя убедительных доказательств, говорить о феодальной идентификации кочевого общества (с. 144 и др.).

В кочевых обществах всегда существовала значительная имущественная и социальная дифференциация. Так обстояло дело и в Казахстане на рубеже XVIII и XIX веков. Бедняки либо работали по найму, либо, искали средства существования вне номадизма. Особенно усилилась дифференциация во второй половине XIX в., когда происходил массовый переход казахов к оседлости и земледелию. В конце XIX и начале XX в. (а используемый Н. Э. Масановым материал и относится в значительной мере к тому времени) в Казахстане происходил интенсивный рост товарности кулацких хозяйств, что и имело следствием монополизацию богачами скота и зимних пастбищ, развитие элементов капиталистических отношений. В связи с этим едва ли верно, что, посвятив свою книгу социально-экономической истории казахов на рубеже XVIII и XIX вв., автор оперирует и данными значительно более позднего времени и при этом ограничивается главным образом вопросами кочевничества, оставляя в стороне процессы оседания кочевников на землю, последствия связей с общероссийским рынком и т. п.

Хорошо в принципе, что в книге приводится большой сравнительный материал. К сожалению, зачастую он касается народов с несколько иными, чем у казахов, формами хозяйства (например, туркмены Ирана), тогда как многие современные исследования, рассматривающие непосредственно казахов или народы со сходным типом хозяйства, оставлены без внимания (например, труды С. И. Вайнштейна, А. М. Васильева, К. Нурмухамедова, А. Оразова, указанная выше работа автора этих строк и др.) [2].

Однако наряду с отдельными неудачами при исследовании проблем социального строя Н. Э. Масанов делает ряд интересных и хорошо аргументированных выводов. Заслуживает одобрения его мысль о том, что саунные отношения отнюдь не были главной формой эксплуатации у номадов (с. 138). Совершенно прав он и тогда, когда развивает далее мнение С. Е. Толыбекова и других авторов о стагнационном состоянии кочевых обществ Евразии (с. 140). Перечень удачных теоретических выводов, содержащихся в книге, можно было бы продолжить.

Труд Н. Э. Масанова в целом полезен. Общая постановка проблем, предлагаемые гипотезы, даже и наиболее спорные, свидетельствуют о высоком научном уровне этого исследования. В дальнейшем автору следует обращать большее внимание на динамику исторического процесса, шире привлекать сравнительные данные о кочевниках Евразии, вести аргументированную полемику с другими учеными.

Опубл.: Вопросы истории. 1986. № 12. С. 127–129.

1. См.: *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М. 1976; *его же.* Образ жизни туркмен в XIX–начале XX века. Вопросы истории. 1983. № 12; *Семенов Ю. И.* Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества. Советская этнография. 1982. № 2; *Шнирельман В. А.* Демографические и этнокультурные процессы эпохи первобытной родовой общины // История первобытного общества. М., 1986. С. 244, 336.

2. *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев. М. 1972; *Нурмухамедов К.* Этнические процессы и расселение туркмен в XVIII–XIX веках. Ашхабад. 1979; *Оразов А.* Этнографические очерки хозяйства туркмен ахала в XIX – начале XX века. Ашхабад. 1985.

Г. Е. Марков

Н. Э. Масанов. Кочевая цивилизация казахов
(основы жизнедеятельности кочевнического общества).
Алматы; Москва, 1995. 317 с.

В шумной и недружной семье публикаций о кочевых народах произошло весьма существенное прибавление: вышел в свет новый труд известного казахского историка и этнографа Н. Э. Масанова, посвященный проблемам хозяйственной деятельности и социально-экономических отношений кочевых казахов в XVIII – начале XX в., который несомненно станет заметной вехой в истории изучения номадизма.

Как известно, структура хозяйства и особенно система социально-экономических отношений кочевников уже много десятилетий, начиная с 30-х годов нашего века, составляют в русскоязычной литературе предмет острейшей, крайне политизированной дискуссии. В ее ходе многие авторы пытались, хотя и разными путями, обосновать у кочевников наличие государственности, той или иной формы феодальных отношений.

В 60-х годах была предложена принципиально новая концепция, согласно которой общественный строй номадов на всем пути их исторического развития определялся как особый «патриархально-кочевой» способ производства, несовместимый ни с развитыми классовыми феодальными отношениями, ни с государственностью [1].

В рассматриваемой книге ее автор по-своему развивает далее эту концепцию и, подвергая сокрушительной критике взгляды сторонников наличия у номадов феодализма и государственности, рисует затем на основе обильного фактического материала детальную, хотя и не во всем бесспорную, картину основ жизнедеятельности и социального строя кочевых казахов, уделяя при этом внимание и общим проблемам теории номадизма.

Что касается источниковой базы, то тут, можно сказать, труд Н. Э. Масанова безупречен. Очень значителен архивный материал, многие публикации дореволюционных авторов, на которые ссылается исследователь, до сих пор не привлекались в научных работах. При этом использование свидетельств источников достаточно корректно, если не считать одной методической погрешности, а именно – привлечение в отдельных случаях относитель-

но поздних данных конца XIX и начала XX в. для попыток обоснования ряда выводов о явлениях, связанных хронологически с более ранними этапами в истории кочевничества и, в частности, казахов. Сказать об этом необходимо, так как такого рода подход делает уязвимыми для критики некоторые, в целом весьма существенные, выводы автора.

Автор рецензируемой книги уже давно выделяется среди этнографов и историков, пишущих на русском языке, своим особым «эколого-историческим» подходом к исследованию кочевничества, что можно только приветствовать. Такой подход позволяет освободиться от ряда гипотез прошлого, сделанных на основе сухих умозрительных рассуждений, и дает возможность во многом по-новому посмотреть на различные аспекты хозяйственной деятельности номадов. «Экологический» подход весьма широко представлен в трудах многих зарубежных авторов, изучавших кочевников, однако часто в чисто условном, формальном, оторванном от жизни виде, что лишает их выводы убедительности. Методика, используемая Н. Э. Масановым, в целом освобождена от этого недостатка, что хорошо видно из первых двух глав его книги: «Кочевничество и среда обитания» и «Природа и кочевое население Казахстана». В отношении этих глав достаточно сказать, что содержащиеся в них выводы имеют значительную научную ценность, и столь убедительно аргументированы, что практически открывают новую страницу в истории изучения кочевого скотоводства в русскоязычной литературе.

Самое отрадное впечатление производят историографические экскурсы и отношение Н. Э. Масанова к своим предшественникам, что выгодно отличает его от некоторых авторов новейших работ по номадам, полагающих, очевидно, что замалчивание или искажение взглядов других ученых возвышают их собственные достижения [2]. Хотя попутно нельзя не заметить, что в этом отношении и автор рассматриваемого труда не всегда безгрешен [3]. Очевидно, к сожалению, такова уже судьба «кочевниковедения».

Полностью хочется поддержать одну из главных установок Н. Э. Масанова, что «функционирование кочевого скотоводческого хозяйства как особого типа производственной деятельности во многом детерминировалось географической средой» (с. 21). И действительно, игнорирование этого бесспорного обстоятельства, что было характерно для очень многих советских исследователей конца 20-х – 60-х годов, было причиной многих недораз-

умений в нашей науке. При этом следует подчеркнуть, что если некоторые авторы и ранее писали о том, что номадизм являлся в прошлом единственно возможным способом приспособления к аридной среде, то Н. Э. Масанов делает важное дополнение к этому положению, распространяя его и на наши дни (с. 22). Не вызывает в целом возражений изложение генезиса и эволюции кочевничества, за исключением одной очень спорной проблемы, а именно: каковы были отправные условия, предшествовавшие началу номадизма. Автор пишет: «На наш взгляд, именно охота стала той ступенькой, которая обеспечила переход от пастушеского скотоводства к номадизму...» (с. 35). Что касается роли охоты в возникновении этой отрасли производящего хозяйства, то многие исследователи придавали ей в прошлом чуть-ли не решающее значение, хотя большинство современных авторов стоит на других позициях [4]. Можно считать установленным, что зона предгорий влажных и сухих субтропиков, где было начато одомашнивание животных на начальных этапах неолитической эпохи, длительное время оставалась местом господства комплексного хозяйства, в котором первое время важное место занимали традиционные виды присваивающей деятельности: охота и собирательство. Однако со временем, и это отмечается в рецензируемой книге, вследствие разных причин стало происходить существенное изменение природной среды, что вынудило людей искать новых способов добывания средств существования. В частности, это проявилось в усилении значения животноводства. На его основе возникало пастушество, при котором охота не потеряла своего значения, однако уже не была той отраслью, которая определяла дальнейшее хозяйственное развитие. Удлинение пастушеских маршрутов привело в конечном счете к сложению в I тыс. до н. э. кочевничества [5].

И теперь об одной кардинальной мысли, проходящей красной нитью через все исследование Н. Э. Масанова. А именно, о путях эволюционного (впрочем, не только эволюционного. – Г. М.) развития номадизма. Так, на с. 42 (и о том же говорится вплоть до заключительных страниц исследования) автор пишет: «... следует отказаться от мысли, что эволюционное развитие номадизма завершается оседанием». И далее: «Процессы седентаризации могли иметь место только за пределами ареальных экосистем – в маргинальных зонах, либо в оседло-земледельческих ареалах». В принципе эта концепция не совсем нова и уже не раз выска-

зывалась в зарубежной литературе в связи с так называемой «теорией конвергенции» [6]. Но отечественные авторы предшествовавших десятилетий не могли решиться на такую «крамолу» и твердили о прогрессивности процесса оседания кочевников. Теоретически вывод Н. Э. Масанова совершенно верен, хотя, что делать с номадами на практике, никто не знает и сегодня, так как призывы к их интеграции в структуры современных обществ остаются пока пустым звуком, а многочисленные программы по реализации этой идеи до сих пор терпели крах, например, в Судане и Эфиопии, не говоря уж о регионах подвижного скотоводства на территории бывшего СССР. Но, что бесспорно, так это заключение Н. Э. Масанова о том, что с пламенными призывами перевести кочевых скотоводов на оседлый образ жизни пора покончить, как из соображения блага самих номадов, так и спасения заселяемых ими областей аридной зоны.

Совершенно по-новому ставит Н. Э. Масанов вопрос о принципах типологии кочевого скотоводства, уже многократно обсуждавшийся в работах других исследователей. Так, Н. Э. Масанов полагает, что «... мы можем положить в основу типологической характеристики кочевого скотоводства всеобщий и универсальный признак-условие – систему водообеспечения и водопользования» (с. 79). В связи с этим говорится о двух типах скотоводческого хозяйства: «... во-первых, естественного и, во-вторых, искусственного водопользования» (с. 80). Эта новая гипотеза несомненно заслуживает самого пристального внимания, однако полагаю, что далеко не все исследователи согласятся с таким мнением, и прежде всего потому, что такая типология применима далеко не ко всем регионам распространения кочевничества и не исчерпывает всех характерных признаков номадизма [7]. Особенно это относится к скотоводческим народам, использующим оба типа водоснабжения.

Значительное место в своем труде Н. Э. Масанов посвящает проблемам общественной организации и общественным отношениям кочевых народов в целом, и казахов в частности. Об этом говорится во II части книги, заслуживающей особенно детального разбора вследствие обширности поднимаемых автором фундаментальных проблем и значимости предлагаемых научных выводов.

Первое, на чем останавливается Н. Э. Масанов, это община и территориально-общинная организация. Рассматриваются различные взгляды на существо этих элементов общественной

структуры, в связи с чем делается достаточно, на мой взгляд, бесспорный вывод, что «кочевая община... это прежде всего функционально интегрированная организация трудящихся индивидов, социальное образование, основанное на принципах трудовой кооперации. В основе жизнедеятельности общины находился главным образом фактор обеспечения процесса производства совместными усилиями трудящихся индивидов» (с. 134, 135). Конечно, можно было бы сказать, что такое определение несколько узко, что община имела и иные функции – военные, обрядовые и т. п. Но, во-первых, автор справедливо указал на фундаментальный признак общины, а во-вторых, далее он достаточно полно характеризует и все прочие функции кочевой общины.

В соответствии с особенностями производственного процесса в разные сезоны года и в различных условиях, Н. Э. Масанов выделяет два типа общин: «минимальный», существовавший в условиях ограниченности кормовых ресурсов для животных, и «расширенный», складывавшийся в теплое изобильное время года. Полностью можно согласиться с автором, когда он пишет, что община в целом характеризуется наличием у ее членов частной собственности на скот и общинной собственностью (подчеркнуто мною. – Г. М.) на землю. А минимальная община «являлась не только функционально интегрированным организмом, но и единицей землевладения и землепользования, общественно-экономическим институтом по наиболее рациональной организации процесса производства и обеспечению скота кормовыми ресурсами» (с. 140, 141). Соглашаясь с высказанными мыслями, хочу, однако, остановиться на терминологической стороне, на подчеркнутом мною понятии «собственность», постоянно употребляемом Н. Э. Масановым в связи с имущественными отношениями в кочевых обществах. Думается, что «собственность», как экономические и социальные отношения, возникающие в процессе жизнедеятельности, обязательно предполагает некоторые обязательные условия: закрепление предмета владения за собственником, право продажи, обмена, наследования, залога и т. п. Между тем, у кочевников, за исключением отдельных случаев, относящихся к тому же главным образом к позднейшим этапам существования кочевничества в условиях подчинения их земледельческим государствам, такого рода отношения в связи с пастбищной землей, особенно

летовками, источниками не фиксируются. Поэтому вернее было бы использовать понятия: применительно к зимовкам – «владение», летовкам – «пользование».

Некоторые замечания можно сделать и по поводу отдельных терминов, связанных с социальной организацией. Так, на с. 144 и след. автор неоднократно использует понятия «патронимическая и социально-потестарная», а также «родоплеменная» организация. Что касается «патронимии», то представляется, что это надуманный термин, вне несущий в себе смысловой нагрузки, что было в свое время отмечено Ю. И. Семеновым [8]. Неоднократно приходилось писать и о «родоплеменной организации», что использование термина «род» применительно к кочевничеству приводило многих авторов к попыткам найти у кочевников «родовые» – первобытные «пережитки». И, как часто это случается, их «находили». Хотя в действительности кочевники, в том числе и казахи, столь давно вышли из состояния первобытности, что полностью изгладилась память о далеком прошлом, и «первобытным» остался лишь термин, используемый авторами. Вообще, принципы общественной организации кочевников излагаются в рассматриваемой книге не везде достаточно четко, что особенно заметно на с. 146 в таких, в частности, формулировках: «Главной причиной преобладания у кочевников генеалогической системы родства являлось то, что основным каналом жизнеобеспечения у них был диахронный способ передачи информации и собственности». Или: «Иначе говоря, кочевников образ жизни был возможен только на базе унаследованной собственности (скота и имущества) и высочайшей квалификации кочевника и скотовода, которые могли быть приобретены исключительно от своих предков, и знаний, аккумулируемых, сохраняемых и преумножаемых многими поколениями кочевников. При иной направленности информационных потоков (? – Г. М.) кочевничество в принципе невозможно. Отсюда приоритет генеалогического родства и генеалогического принципа позиционирования индивидов в пространстве». Существо генеалогического принципа организации общества кочевников уже давно было предметом исследования, и его основы сформулированы во многих публикациях в более удобопонятном виде. Ясно желание молодого автора внести в проблему нечто новое. Но зачем все усложнять до «информационных потоков» и «позиционирования индивидов»? Кроме того, в определении, предлагаемом Н. Э. Масановым, содержатся не-

которые сомнительные, на мой взгляд, утверждения. Так, нельзя согласиться с тем, что кочевник был возможен только на базе «унаследованной собственности». Хорошо известно, что скот мог приобретаться и теряться самыми разными путями, далеко не всегда «наследственными», чему достаточно доказательств содержится в рецензируемой книге. Генеалогическая система родства была единственно возможной основой организации общества кочевников, обеспечивавшей жизнестойкость и воспроизводство кочевого общества в экстремальных условиях, присущих кочевничеству.

Автор предлагает классификацию подразделений племенной организации в виде «низших» и «крупных», «патронимических» и «ассоциативных» групп (с. 149, 150). Если оставить в стороне терминологию, о чем уже говорилось, принципы, положенные Н. Э. Масановым в основу такого рода классификации, могут быть одобрены. То же самое можно сказать и относительно выделяемой им «военно-потестарной организации» (с. 155). Существование такого рода организации определено совершенно верно. Однако уже ранее эти виды общественной организации рассматривались в литературе и предлагалось классифицировать их в виде «общинно»- и «военно»-агрегатных состояний. Едва ли особенно удачно именованное последнее «военно-потестарной» организацией. Термин «потестарность» был сравнительно недавно заимствован некоторыми авторами из иностранной литературы в связи с земледельческими народами тропиков, и применительно к кочевничеству вследствие своей неопределенности и искусственности ничего не дает в сравнении с употребляемыми обычно понятиями «общинно»- и «военно»-племенная структура.

В принципе все эти замечания второстепенны. Но что особенно важно, и что следует всячески подчеркнуть, это совершенно верные выводы Н. Э. Масанова относительно фундаментальных принципов общественной организации кочевых скотоводов. По этому поводу он констатирует на с. 160 отсутствие у всех кочевников «сколько-нибудь развитых форм власти и ее институциональной формы – государственности». Это обстоятельство автор справедливо объясняет малой плотностью населения, отсутствием городов и оседлых поселений, неразвитостью разделения труда и иными факторами. Поэтому можно полностью согласиться с хотя и не совсем новым выводом о том, что «... в собственно кочевнических ареалах неизвестно ни одного случая возникнове-

ния государственности. Военно-потестарные организации (автор имеет в виду, очевидно, так называемые *кочевые империи*). – Г. М.) не могут считаться государственными образованиями» [9].

При том, что практически все разделы рассматриваемой книги можно оценить как серьезное, во многом новаторское исследование, особенное внимание привлекают богатством материала и аргументированностью VII—IX глав, в которых содержится детальный анализ общественных отношений кочевых казахов в рассматриваемое время, имеющий несомненное теоретическое значение при исследовании закономерностей социальных отношений у всех кочевников.

Серьезное внимание автор уделяет исследованию отношений собственности на основные средства производства, широко привлекая данные по обычному праву. Интересны, хотя и не бесспорны соображения, высказываемые при этом относительно того, чем следует считать пастбища – чисто природным явлением, на котором «паразитируют» кочевники, или плодом антропогенной деятельности. Рассматривая взгляды, высказывавшиеся по этому поводу в литературе, Н. Э. Масанов приходит в конечном счете к выводу, что «в действительности... пастбищные угодья кочевников... являлись продуктом человеческой деятельности. Это обуславливалось тем, что они с момента возникновения кочевничества уже не являлись ни „естественным травостоем“, ни „диким пастбищем“, а носили антропогенный характер. И поэтому они были не только средством, но и предметом труда...» (с. 161). Едва ли можно полностью согласиться с мнением, что пастбища были «продуктом» человеческой деятельности. Траву не сеяли, не орошали, и как предмет труда пастбища можно рассматривать только в отношении рационального ведения выпаса животных. К тому же, как быть с пастбищами, которые использовались скотоводами впервые?

Значительно существеннее выводы автора о том, что «... в процессе производства и земля, и скот в кочевой среде выступали в органическом единстве, неразрывной целостности, а их общность образовывала основные средства производства» (с. 162). С этим выводом можно полностью согласиться, тем более, что он не нов в кочевниковедении [10]. В той же мере справедливыми представляются и слова Н. Э. Масанова, когда он пишет, что «у кочевников-казахов скот был объектом индивидуальной собственности, но как правило в частносемейной форме» (с. 164),

тогда как «пастбища – в общинной собственности» (с. 166). Попутно следует только заметить, что как уже сказано выше, корректнее говорить не о «собственности», а о «владении» зимниками и «пользовании» летниками.

Относительно пастбищ в кочевой среде казахов автор на с. 167 безоговорочно утверждает, что «практически ни одна из... социальных групп не обладала монополией ни на землю, ни на воду». И далее: «Таким образом мы вправе заключить, что с общеправовой точки зрения в системе производственных отношений не существовало каких-либо условий монополизации средств производства: земли и воды в большей степени, скота – в меньшей» (с. 168). Это важное подтверждение к уже известным теоретическим положениям в области социально-экономических отношений в кочевых обществах [11].

Менее обоснованным представляется вывод Н. Э. Масанова, когда он, переходя к рассмотрению отношений собственности в процессе производства, утверждает, противореча сказанному им же выше, что «следует иметь в виду абсолютную объективность и закономерность процесса присвоения пастбищных угодий в собственность классом богатых скотовладельцев, которое, как правило, не сознавалось даже самими номадами» (с. 174). То, что богатые скотовладельцы, располагая значительными стадами скота, использовали путем обычая «первозахвата» наибольшие и наилучшие участки пастбищ, бесспорно. Но если это не «осознавалось» прочими скотоводами, то это означает, что их коренные интересы практически не затрагивались. К тому же говорить в данном случае о монополии класса вряд ли справедливо, так как в условиях нестабильности кочевого хозяйства богатство и бедность скотом не были постоянной величиной, и вчерашний богач мог завтра стать бедняком, так что говорить о сложении каких-то классов едва ли можно, тем более, что и зажиточные хозяйства очень различались по размерам и состоятельности.

Как в отношении использования пастбищ, так и распределения собственности на скот в условиях «номадного способа производства» (с. 182), трудно согласиться с терминологией, а в конечном счете и с категоричностью выводов Н. Э. Масанова, когда он пишет, что «тем самым процесс производства совершенно объективно определял монополию класса богатых скотовладельцев как на средства производства (скот, землю, воду), так и на сам процесс производства...» (с. 184).

Думается, что в системе аргументации автора можно найти по крайней мере два уязвимых места. Во-первых, рассуждения Н. Э. Масанова относятся как бы к вневременному пространству и не учитывают происходивших в казахском обществе исторических изменений. А они были очень значительными за те века, о которых идет речь. И, конечно, то, что наблюдалось в хозяйстве и социальных отношениях казахов в начале XVIII в., выглядело существенно иначе в середине, а тем более в его конце, в XIX и начале XX в. Поэтому то, что справедливо в выводах автора для начала XX в., не может быть безоговорочно распространено на более раннее время, а тем более на все кочевничество в целом, когда ни о каком «классовом» расслоении и речи не может идти.

Другое слабое место заключается в том, что Н. Э. Масанов, так же как в свое время С. Е. Толыбеков [12], как бы «забыл» о социальном слое средних по зажиточности, хозяйственно самостоятельных скотоводов. Между тем, если в самом конце XIX и начале XX в., (а данными именно об этом времени пользуется в основном автор) слой «средняков» катастрофически сокращался, то в более раннее время он был не только значителен, но даже преобладающ. Поэтому говорить о какой-либо «монополии» особенно богатых скотовладельцев на пастбища и скот в более ранние исторические периоды не приходится.

Совершенно справедливо Н. Э. Масанов опровергает точку зрения тех авторов, которые бездоказательно утверждали, что у номадов формы зависимости определялись главным образом внеэкономическими факторами. В связи с этим исследователь приходит к верному выводу: «На наш взгляд преобладали, главным образом, экономические формы зависимости» (с. 189). Исключения составляли отдельные исторические эпохи крупных миграций кочевых скотоводов, или когда возникали эфемерные «кочевые империи». Тогда жизненно важная необходимость военной субординации и сохранения порядка создавала на время иные, внеэкономические отношения не столько зависимости, сколько подчинения.

Едва ли, однако, можно согласиться с Н. Э. Масановым, когда он утверждает, что в связи с экономической зависимостью и особенностями распределения прав собственности на основные средства производства «...мы вправе говорить о функционировании класса непосредственных производителей, с одной стороны, и класса собственников основных средств производства, – с другой» (с. 192). Если не касаться здесь термина «класс», то такого рода

отношения, возможно, и складывались в части казахского общества в начале XX в. Но для более раннего времени такое утверждение представляется по меньшей мере преувеличенным. Поэтому такой вывод – не обобщение, а частный результат. Если уж идет речь о «классах» и резкой дифференциации общества, то объяснить отсутствие классовой борьбы (а ни на одном этапе истории казахского народа, как и других кочевников мира, она не отмечается источниками внутри кочевных обществ) «...геронтократической ориентацией идеологических постулатов...», как это делает автор, невозможно (с. 193). Точно так же, как и утверждение, что «...специфика кочевничества «сняла» остроту классовых антагонизмов и определяла мирное сосуществование различных классов» (с. 209). Но в таком случае понятие «класс» предстает в каком-то совершенно новом виде, так как в обычном понимании наличие классов предполагает классовые противоречия, борьбу, а вовсе не мирное сосуществование. В связи с этим хотелось бы высказать еще одно соображение относительно терминологии. Раз Н. Э. Масанов во многих местах своей работы говорит об особом «кочевном» способе производства, то, вероятно, следовало подумать и о необходимости создания нового категориального аппарата, вместо использования понятий, выработанных и применяющихся для обществ, стоящих на совершенно ином, чем кочевники, уровне общественного развития. Думается, что это настоятельная необходимость. И, очевидно, в первую очередь речь должна идти не о «классах», а каких-то иных общественных слоях, группах социально-дифференцированной структуры в условиях особого кочевничества.

Одним из наиболее важных и заслуживающих внимания разделов книги следует считать IX главу – о стадийной идентификации кочевого общества, – открывающуюся разделом о его формационной характеристике. В связи с исследованием этой проблемы дается краткая, но емкая историографическая справка о существующих в литературе по этому поводу взглядах. Их, по мнению Н. Э. Масанова, можно свести к трем гипотезам: о доклассовой стадии общественного развития; о раннеклассовой стадии; о феодальной стадии. В какой-то степени (однако не целиком) с таким мнением можно согласиться.

Отказываясь от «формационного», и присоединяясь к «цивилизационному» подходу в периодизации исторических этапов, Н. Э. Масанов выдвигает концепцию о том, что «логически обо-

снованным представляется нам выделение внутри аграрной цивилизации «кочевого способа производства»...» (с. 223). Оставляя в стороне проблему формационного или цивилизационного подходов, что выходит за рамки задач настоящей рецензии, отмечу лишь, что если неоправданы попытки ряда авторов отнести кочевничество к какой-либо формации, то многое также неясно и с «аграрной цивилизацией». Как можно предположить, этот термин, обозначающий этап общественного развития, потребовался автору главным образом для того, чтобы предложить новое понятие «кочевая цивилизация казахов». Беды здесь никакой нет, но становится окончательно неясно, что такое «цивилизация», и необходимо дальнейшее обсуждение этого вопроса. Однако наиболее важно то, что Н. Э. Масанов присоединяется к выводу о кочевничестве как «кочевном способе производства». При этом думается, что то содержание, которое было впервые вложено в данное понятие [13], практически не отличается, вопреки утверждению Н. Э. Масанова на с. 223, от его собственной позиции, которую он формулирует следующим образом: «В наиболее обобщенной форме кочевничество — это специфический способ производства в рамках аграрной цивилизации, порожденный особенностями утилизации природных ресурсов среды обитания биологическими по своей сущности средствами производства, т. е. скотом, и характеризующийся целостностью и взаимообусловленностью всего спектра общественных отношений прежде всего по поводу главного средства производства – скота» (с. 224).

Если говорить об оценке труда Н. Э. Масанова в целом, то можно с полным основанием утверждать, что это заметное и весьма положительное явление в литературе о кочевничестве. Обширные фактические данные, тщательный и корректный их анализ делает большую часть выводов автора вполне обоснованными и вносящими существенный вклад в теорию кочевничества. Неизбежные в рецензии замечания не касаются в принципе основ тех выводов, к которым приходит Н. Э. Масанов в своей книге, которую хочется рекомендовать читателям. Наиболее, пожалуй, существенное пожелание связано с проблемой выработки терминов и понятий, более соответствующих специфике кочевого способа производства, чтобы заменить те, которые связаны с совершенно иными общественными условиями.

1. Марков Г. Е. Кочевники Азии (хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества). Автореф. дисс.... д. и. н. М., 1976; см. также: Андрианов Б. В., Марков Г. Е. Хозяйственно-культурные типы и способы производства // Вопросы истории. 1990. № 2; Марков Г. Е. Кочевники Азии. М., 1976.

2. См. об этом рецензию К. П. Калиновской на книгу Н. Н. Крадина. Кочевые общества. Владивосток, 1992 // Этнографическое обозрение. 1994. № 4.

3. См. рассуждения Н. Э. Масанова относительно «генеалогического» принципа общественной организации кочевников, о чем писалось и ранее: см. Марков Г. Е. Кочевники Азии.

4. См. например: Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953; Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Географическое общество СССР. Материалы по этнографии. Вып. 1. Л., 1961; Марков Г. Е. Кочевники Азии; его же. Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии // Советская этнография. 1973. № 1; Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989 и др.

5. См.: Марков Г. Е. Кочевники Азии. Гл. VI.

6. См.: Марков Г. Е. Развитие современной германской этнологии // Этнография за рубежом. М., 1979. С. 166, 167.

7. См. Калиновская К. П., Марков Г. Е. Скотоводы Азии и Африки. Проблемы исторической типологии и периодизации // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1983. № 5.

8. Семенов Ю. И. О некоторых проблемах первобытности // Советская этнография. 1968. № 4.

9. См.: Марков Г. Е. Кочевники Азии. С. 312, 313.

10. Там же. С. 288 и сл.

11. Например: Марков Г. Е. Кочевники Азии. С. 241–279.

12. Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVIII – начале XX в. Алма-Ата, 1959 (2-е изд. 1971).

13. Марков Г. Е. Кочевники Азии... Автореф. дисс. д. и. н.; см. также: Андрианов Б. В., Марков Г. Е. Хозяйственно-культурные типы...

Опубл.: Этнографическое обозрение. 1996.
№ 5. С. 142–147.

В. Н. Басилов

Н. Э. Масанов. Кочевая цивилизация казахов
(основы жизнедеятельности кочевнического общества).

Алматы-Москва, 1995. 317 с.

Книга Н. Э. Масанова охватывает широкий спектр проблем, связанных с исследованием кочевничества; в ней рассмотрены и система материального производства, и общественные отношения. Хотя книга посвящена кочевничеству у казахов, автор привлек огромный материал, относящийся к разным народам и эпохам, начиная с возникновения кочевничества. Подчеркивая, что «... ни по одному из вопросов истории кочевничества среди исследователей нет единства мнений и общности подходов» (с. 163), Н. Э. Масанов стремится дать свою оценку высказанным гипотезам, решительно отвергая все, что, на его взгляд, противоречит фактическим данным.

Появление кочевничества, считает автор, может быть понято только при учете особенностей природной среды: «Среди основных факторов, которые детерминировали возникновение кочевничества, следует выделить прежде всего природно-климатические» (с. 29). Особенности окружающей среды и в дальнейшем были главным условием существования кочевничества, ибо оно «оставалось единственно возможным и наиболее оптимальным способом жизнедеятельности человека в условиях аридной зоны Евразии» (с. 73). Ограничения, которыми природа определяет хозяйственные занятия человека, сохраняются и в современную эпоху: «...Процессы седентаризации в ареальных экосистемах принципиально невозможны... и никогда в исторически обозримое время не имели места... В ареалах кочевничества оседание никогда не имело природной и материальной базы и даже в условиях индустриального общества нет альтернативы кочевничеству...» (с. 42). Здесь трудно что-либо возразить. Целесообразность экстенсивного скотоводства в аридной зоне очевидна, поэтому современные концепции государственной экономики должны быть направлены не на устранение кочевничества, а на поиски наиболее разумных форм приспособления кочевнических обществ к условиям технологической цивилизации.

Огромный интерес представляют разделы книги, в которых подробно рассмотрен производственный цикл кочевнического хозяйства. Автор останавливается на биологических особенностях

животных, которые по существу определяют характер производственных работ, их специфику в разное время года. Убедительно обоснована мысль о взаимозависимости видов животных, с древности составляющих стада кочевников (овцы, козы, лошади, верблюды и крупный рогатый скот). Приведенные в книге материалы разъясняют, чем вызван раздельный выпас разных видов животных, неодинаковый характер перекочевки и организации труда в целом в разные сезоны, раздельное содержание лошадей и других видов скота зимой и т. д. Без этих сведений, раскрывающих сам механизм хозяйственной деятельности, кочевничество просто не понять. В книге Н. Э. Масанова впервые дана столь полная и детальная картина производственного цикланомада. Критикуя предположения некоторых ученых, выделявших стадии, которые будто бы проходило в своем развитии кочевничество (с. 39–41), автор хорошо показывает уязвимость теорий, сконструированных без учета конкретных потребностей материального производства. Процесс труда, по его мнению, должен быть положен и в основу типологии кочевого хозяйства. Он считает наиболее правильной типологию, отражающую особенности водопользования: «...именно наличие водных источников определяло самую возможность существования номадизма» (с. 79). «Можно говорить о двух типах кочевого скотоводческого хозяйства: во-первых, естественного и, во-вторых, искусственного водопользования» (с. 80). Обосновывая такую типологию, Н. Э. Масанов разъясняет, как влиял каждый способ водопользования на характер производственной деятельности, на производственные отношения в среде номадов.

Производственный циклномада Н. Э. Масанов связывает не только с природной средой. Условием повседневной работы скотовода являются и устоявшиеся отношения между группами людей: «...Сам факт посезонной организации процесса производства, а следовательно, посезонного использования пастбищных угодий, является, на наш взгляд, ярким доказательством естественно и объективно существующей системы регулирования поземельных отношений в масштабах всего номадного общества» (с. 87).

Исследователи социальных отношений в кочевой среде теперь обязаны будут принимать во внимание взгляды Н. Э. Масанова на особенности общественной структуры номадов. Его отказ от термина «родо-племенная организация» с заменой его термином «патронимическая организация» (с. 145) может и не получить поддержку коллег, так как «патронимия» имеет иное со-

держание, и лучше не вносить путаницу в язык науки, наделяя устоявшиеся термины новым смыслом. Однако термин «ассоциативная группа», скорее всего, будет принят, так как выделяет реальный круг «родо-племенных групп», которые связаны между собой отношениями, основанными на упорядочении хозяйственной деятельности. «В кочевой среде существовала специфическая организация, объединявшая различные общинные группы и регулировавшая их взаимоотношения по поводу системы землепользования, распределения пастбищных угодий и водных источников, кочевых маршрутов» (с. 150). Для этой общности Масанов и предлагает термин «ассоциация общин», либо «ассоциативная группа». В ней Масанов видит важную социальную единицу, которая составляла основу системы землевладения и землепользования. Она «была прямым и непосредственным собственником всех пастбищных площадей, на территории которых в летнее время располагались составляющие ее части». В связи с выделением этой группы следует понимать и указания источников на то, что «ханами, старейшинами регулировалась система кочевания и землепользования» (с. 153). Масанов полагает, что здесь не может быть речи о регламентации системы кочевания («поскольку в условиях кочевого хозяйства только экономическая целесообразность и посезонная ритмичность процессов определяли режим миграционных передвижений»), а можно лишь говорить «о подаче сигнала к началу кочевания для общинных структур внутри ассоциативной общности» (с. 153). Добавлю, что роль хана более весома. Он был не только подателем сигнала, но и гарантом установленного целесообразного порядка, предоставлявшего всем равные возможности прибытия на пастбища.

Большую теоретическую ценность имеет положение, что кочевое хозяйство создает все возможности для имущественной дифференциации (с. 174, 184). Это положение обосновывается данными, свидетельствующими о многообразии форм собственности (с. 176). Еще более важным аргументом служат факты, говорящие об обеднении большей части кочевников-казахов в XIX в. (с. 187). По материалам, на которые опирается автор, «от 60 до 90% всех номадов не имели необходимого минимума жизненных средств» (с. 190). «Отсутствие у абсолютного большинства кочевников-скотоводов необходимого минимума скота...» обуславливало «...многообразные формы зависимости трудящихся индивидов от класса богатых скотовладельцев» (с. 199). Хотелось

бы установить, в какой степени цифры (факты), характерные для XIX в., могут быть распространены на предшествующие столетия. Отмечая разнообразие форм зависимости бедных от богатых, Н. Э. Масанов подчеркивает, что картина социальных взаимосвязей у кочевников была достаточно сложной: богатые, неспособные только своими силами поддерживать свое хозяйство и сохранять богатство, также зависели от бедных (с. 176 и далее).

Единой точки зрения на возможность образования классов в среде кочевников нет. По мнению одних исследователей, номады в своем социально-экономическом развитии в принципе не могли сделаться классовым обществом. Другие специалисты признают наличие классов у кочевников; Н. Э. Масанов причисляет себя к ним. «...Конечно же, не может быть и речи о равенстве всех номадов в ... обеспеченности скотом... Из самого характера труда, высокой степени его зависимости от знаний и опыта кочевника, вполне закономерно вытекало неравенство в степени обеспеченности скотом...» (с. 201–202). Эта дифференциация «носила всеобщий и универсально стабильный характер» (с. 202). «Именно на этой основе... происходило формирование класса зависимого населения...» (с. 206). «...Среди кочевников-казахов существовала значительная социальная прослойка (66,5–91,7% всего населения), которая фактически по своему социально-экономическому положению ... может быть обозначена в качестве зависимого класса непосредственных производителей» (с. 206). Отсутствие в среде номадов какой-либо классовой борьбы было обусловлено тем, что часть общества вымывалась из кочевого социума и оседала на его периферии. «Тем самым классовые противоречия никогда не доходили до обострения и всеобщего конфликта... Специфика номадного способа производства ... определяла мирное сосуществование различных классов» (с. 208–209). Эти выводы автора представляют собой важный вклад в теоретическое осмысление кочевничества и, несомненно, дадут толчок для дальнейших исследований – хотя бы потому, что рождают соблазн проверить заключения Масанова на других сведениях.

Хотя названием книги Н. Э. Масанов настраивает читателя на ознакомление с культурой казахов, он затронул практически все основные вопросы исследования кочевничества в целом, обнаружив глубокое знание предмета и литературы. При этом не все его суждения представляются достаточно обоснованными. Рассмотрим некоторые из спорных положений.

И сегодня возникновение кочевничества остается одной из наименее разработанных проблем. Какие причины заставили большие группы людей перейти от смешанного хозяйства, соединявшего в себе занятия земледелием, скотоводством и охотой, к экстенсивному скотоводству? Чаще всего ссылаются на усыхание климата, сделавшее затруднительным или невозможным земледелие в районах, где оно прежде практиковалось. Н. Э. Масанов, признавая, что сложный комплекс факторов обусловил генезис кочевничества, считает весьма важным обстоятельством и накопление знаний. По его мнению, в предшествующий кочевничеству период «уровень знаний был явно недостаточен для экологического освоения пустынно-степных пространств» (с. 33) и необходимый информационный минимум мог быть достигнут только на протяжении очень длительного исторического периода. «Многие тайны пастушеско-кочевой технологии передавались от отца к сыну... Нередко даже не все члены рода знали расположение колодцев...» (с. 34). Здесь явное преувеличение. При кочевом образе жизни, когда человек постоянно на виду у окружающих, вряд ли можно держать в секрете хозяйственные навыки. Человек мог не знать, где разыскать колодец, при полукочевом укладе, если он не выезжал из селения далеко в степь или в пески. Но разве мыслимо, чтобы кочевник, многие годы, а то и всю жизнь перегонявший скот по степным просторам, не знал, где находятся водные источники на известной ему территории? Не удивительно, что автор ссылается здесь лишь на сведения о туркменах Ирана. В этнографии туркмен Туркменистана и казахов вряд ли можно выискать факты, подтверждающие сообщение о подобных «тайнах» скотовода. На с. 34 читаем: «Для того, чтобы самому узнать о всех технологических аспектах функционирования системы материального производства и естественно-природных процессов, человеку порою не хватало целой жизни...». Можно, конечно, сказать и так. Но следует и добавить, что минимум производственных знаний, позволяющих содержать скот, был коллективным достоянием, доступным каждому степняку.

Вообще мнение, что тысячелетия назад скотовод не обладал необходимыми запасом знаний, невозможно доказать. Напротив, логика здравого смысла скорее располагает к заключению, что хозяйственного опыта и в древности было вполне достаточно, раз скотоводство не исчезало и развивалось из века в век. Скорее всего, значительная часть пустынно-степной зоны

была освоена скотоводами и до появления кочевничества. Зная, где найти воду и траву, люди могли отгонять стада от селений на большие расстояния. Колодцы, сооружение которых требует лишь сноровки, а не особых технических ухищрений, могли быть в употреблении в степной зоне уже на заре скотоводства. Так что кочевничество возникло на территории, уже обжитой скотоводами, хорошо знавшими, куда, когда и почему надо перегонять скот.

Можно принять мысль автора, что занятие охотой помогло скотоводческим народам аридной зоны изучить особенности территории своей жизнедеятельности. Но утверждение, что «именно охота стала той ступенькой, которая обеспечила переход от пастушеского скотоводства к номадизму и одновременно стала способом освоения новой экологической ниши» (с. 35), выглядит странным. Охота издавна кормила человека и осталась важным источником пропитания и тогда, когда появилось скотоводство. Но скотовод не стал кочевником в IV, III или II тысячелетии до н. э., значит, причину возникновения номадизма надо искать не в охоте, а в чем-то другом. Н. Э. Масанову понравилась мысль В. Г. Мордковича, увидевшего в охоте акцию по «очищению экологической ниши от конкурентных видов диких копытных животных» в пользу домашних (с. 37). Но и это замечание невозможно подтвердить фактическим материалом. Все было проще. Степняки охотились, чтобы развлечься и добыть вкусную еду. Дикие животные и не мешали домашним, о чем свидетельствует сама история номадизма: прошло почти две тысячи лет, а номады все еще продолжали «очищать экологическую нишу» для своего скота. Так, у кимаков охота служила одним из основных средств существования. Ал-Джахиз (IX в.) отмечал, что «тюрки не испытывают удовольствия от пищи, если она не приготовлена из дичи». Ал-Масуди (X в.) писал, что тюрки не знают другого дела, кроме охоты. Двумя-тремя столетиями позже охота оставалась важным подспорьем в хозяйстве кыпчаков. А воины Тимура во время похода на Тохтамыш устроили по повелению владыки облавную охоту: «Попалось много дичи, что увеличило запасы продовольствия и мощь войскам». Как видим, оставалось всего два-три столетия до упадка номадизма, а дикие животные в изобилии заполняли «экологическую нишу». Воины Тимура даже выпустили на свободу тощих диких ослов. Нет, рассуждения об «очищении экологической ниши» далекие от реальной жизни степняков, не помогают понять причины возникновения кочевничества.

Вместе с тем о необходимом условии номадизма в книге сказано лишь вскользь. Я имею в виду транспорт, позволивший скотоводам передвигаться по необозримым пространствам со всем своим скарбом. Во II тысячелетии до н. э. от Греции до Китая быстро вошли в употребление легкие двухколесные боевые колесницы, влекомые конями. Традиция запрягать коней в колесницы, видимо, сложилась в степях. Такие колесницы произвели подлинный технический переворот: скорость передвижения возросла примерно в 10 раз. Распространению этого новшества способствовали гигантские миграции арийцев. А навык ездить верхом на коне широко вошел в жизнь степняков в конце II тысячелетия до н. э. — практически одновременно с появлением кочевничества. За этим совпадением стоит прямая причинно-следственная связь. С домами на колесах, став всадником, скотовод смог сделаться кочевником. Роль верхового коня хорошо видна и на примере индейцев северо-американских прерий. Заимствование лошадей совершенно преобразило жизнь пеших охотников. Высказывалась мысль, что кочевниками их сделала не охота на бизонов, а необходимость смены пастбищ для лошадей. Конный транспорт облегчил скотоводам освоение новых территорий. В конце II тысячелетия до н. э. пастушеские племена впервые поднялись со своими стадами на горные пастбища Тянь-Шаня и Памира.

Некоторые суждения автора упрощают процесс развития культуры кочевников. Масанов полагает, что в середине I тысячелетия н. э. наступает переломный этап: формируется классическое кочевничество. Для этого этапа характерна «замена громоздких, тяжелых и плохо завьючиваемых предметов материальной культуры легкими и транспортабельными материалами (кожа, кошмы, дерево и т. п.), поддающимися быстрой сборке и разборке (юрта, мебель и т. п.)» (с. 43). Однако пример с юртой неудачен. Автор утверждает: «К середине I тысячелетия н. э. кибиточная система кочевания на повозках достигает своего предельного развития и в течение последующего тысячелетия полностью исчерпывает свой потенциал и отмирает» (с. 45). Но это суждение противоречит сообщениям Рубрука, Плано Карпини (XIII в.), Ибн Батуты (XIV в.), из которых следует, что кибитки на повозках были в очень широком употреблении много позже указанной даты. У ногайцев жилище на повозке было распространено и в XVI–XVII вв. Смена типа жилища была очень длительным процессом, который не может быть сведен к «переломному этапу» в середине I тысячелетия. К этому же этапу Масанов относит

и «широкое распространение кожи, шерстоваленных и других новых сырьевых материалов» (с. 45). Но изображения скифов показывают кожаную одежду; кожаные сосуды найдены в Пазырыкских курганах; скифские дома на повозках покрывались войлоком, значит, производство войлока было уже налажено. Чем историк может подтвердить мнение, что у ранних кочевников кожа и войлок применялись в быту не столь широко, как у древних тюрков?

Масанов прав, утверждая, что шел процесс приспособления материальной культуры кочевников к подвижному образу жизни. (В частности, со временем кочевники перестали делать керамику. Но это случилось не в середине I тысячелетия н. э., а много позже. И гузы, и печенегии еще изготавливали керамику). Но это лишь одна сторона процесса. Одновременно набирала силу и другая тенденция – рост интереса кочевников к предметам, изготовленным в центрах оседлой жизни. Ради этих вещей в кочевом государстве Чингисхана создавались города и процветала международная торговля.

Указания Масанова на середину I тысячелетия н. э. связаны с его убеждением, что в это время «становление классического номадизма в Центральной Азии [в этот регион, согласно новой моде, включен и Казахстан. – В. Б.]... привело к возрастанию роли кочевников в судьбах народов Евразии..., коренному преобразованию этнополитической карты ойкумены» (с. 43). Да, видимо, в I тысячелетии сложились основные черты «классического номадизма», но преобразования шли постепенно, их нельзя приурочить лишь к середине I тысячелетия н. э. Влияние кочевников на судьбы других народов проявлялось и в более ранний период; скифы прогнали из Причерноморья киммерийцев; «великое переселение народов» с движением гуннов началось еще до середины I тысячелетия н. э.

Еще один упрек автору интересной книги связан с его недооценкой роли внеэкономического принуждения в кочевой среде (см., например, с. 223: «при минимальном значении внеэкономических форм отчуждения»). Между тем, вооруженный грабеж обычно сопровождал жизнь кочевника. История кочевников – это история беспрестанных войн ради новых пастбищ и добычи. Великая Китайская стена – убедительное свидетельство важной роли внеэкономического принуждения как средства жизнеобеспечения у кочевников. Завоевание мира с целью обогащения стало государственной задачей в державе Чингисхана. Грабительские войны, в конце концов, погубившие ее, вела Золотая Орда. До-

бавим к этому и разбойничьи набеги туркмен на персов, и знаменитую барымту, нарушавшую покой казахских степей еще в XIX в.

Вопроса о внеэкономическом принуждении Н. Э. Масанов касается, рассматривая изменения в жизни казахов в XIX в. По его мнению, «в составе Российского государства произошло значительное возрастание внеэкономических форм эксплуатации казахского кочевого населения как посредством налоговой системы, так и посредством многочисленных злоупотреблений со стороны должностных лиц и государственных чиновников» (с. 229). Оставим на совести автора его веру в то, что «прежде разного рода сборы и подати... в пользу казахских ханов... были незначительны, нерегулярны и носили скорее добровольный характер...» (с. 228). Но что касается налогов, то их действительное значение следует понимать иначе. Налоги были платой за защиту казахов от внеэкономической эксплуатации, которую несли с собой вторжения внешнего врага, отнимавшего накопленное добро, разорявшего хозяйство, уничтожавшего людей. Казахи на трагическом опыте (набеги джунгаров) познали, сколь губительна для самой жизни народа незащищенность от грабительских нашествий. Поэтому в казахской среде и вызрели устремления к России, поиски российского подданства. Гибель людей и скота в условиях постоянной борьбы с захватчиками и внутренних усобиц – это бремя, несопоставимое с налогами. Не случайно казахи в XIX – начале XX в. в мирной обстановке относительного общественного порядка, обеспеченного Российским государством, постоянно росли в числе.

Признавая, что у кочевников были классы и разные формы эксплуатации, Масанов в применении понятия «феодалные отношения» к кочевой среде видит идеологическое наследие командно-административной системы (с. 221). Вместо этого он предлагает определять номадизм как «специфический способ производства в рамках аграрной цивилизации». По его мнению, «при таком понимании уровня стадийного развития кочевничества... отпадает необходимость в подгонке реалий номадного способа производства к идеальной модели «феодализма» либо иного «классического» способа производства...» (с. 224). Однако здесь Масанов упрощает процесс научных поисков, шедший годы назад. Попытки найти место кочевничеству в формационной шкале вызваны логикой научного исследования, а не «декретированным характером практически всех научных дефиниций в условиях тоталитарной модели управления...» и т. д. (с. 221). Сам же Масанов замечает, что и некоторые зарубежные

ученые «широко пользуются методами и критериями формационного анализа» (с. 220). Почему гипотеза о феодальных отношениях в кочевой среде должна столь решительно отторгаться? Указания на семью, общину, «патронимию», рабство у кочевников неприятия не вызывают, хотя всем ясно, что эти явления имели у кочевых народов свой облик. Конечно, и феодальная зависимость у кочевников не могла быть такой же, как в средневековой Франции. Предложив видеть в номадизме «специфический способ производства», Масанов не решил вопрос, а лишь дипломатично ушел в сторону. Между тем, от проблемы кочевого феодализма нельзя просто отмахнуться. Нельзя не замечать работ российских исследователей о Золотой Орде, в которых сохраняется обоснованная фактическими данными точка зрения на феодальный характер зависимости рядовых кочевников от аристократов, владельцев улусов. Позволю себе привести выдержку из недавней книги Г. А. Федорова-Давыдова: «Возвышение Темучина, который принял титул Чингиз-хана, и объединение всех монгольских племен под властью его дома означало создание нового строя, который не мог быть никаким другим, кроме как феодальным. Перераспределение пастбищ среди новой аристократии было ломкой старой патриархально-племенной структуры и означало сложение новых феодальных отношений в среде монголов» [1]. Представляется, что разработка проблемы феодальных отношений в кочевом обществе является реальной научной задачей и еще не раз будет предметом обсуждения.

Ряд спорных положений в книге Н. Э. Масанова несколько не умаляет важного научного значения этой хорошей работы. Было бы странным, если такое масштабное исследование, охватившее самые разные стороны сложного исторического явления, не вызвало бы желаний специалистов высказать иные, чем у его автора, мнения. Книга Н. Э. Масанова – заметное событие в нашей науке; она по праву встанет в один ряд с самыми крупными работами по кочевниковедению.

Опубл.: Этнографическое обозрение. 1996.
№ 5. С. 147–150.

1. Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. С. 5.

Отзыв

на диссертацию Н. Э. Масанова «Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период: историко-экологические аспекты номадизма», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук. Рукопись, 5 с.

Актуальность и важность темы диссертации Н. Э. Масанова не вызывает никаких сомнений. Действительно, на развитие того или иного общества оказывают воздействие как экологические факторы, так и социально-экономические, причем удельный вес их все время меняется. Проследить эти разносторонние воздействия на развитие кочевников-казахов, выявить основные параметры жизнедеятельности их общества – такова одна из основных и наиболее важных и увлекательных задач автора диссертации. Решение этой задачи несомненно окажет благотворное влияние на продвижение исторической науки вперед в области исследования номадизма. Номадизм автор правильно определяет и рассматривает в ходе своего исследования как один из способов социального функционирования коллективов в отдельных экологических нишах посредством кочевого скотоводческого хозяйства и соответствующего способа производства и жизни. Автор все время подчеркивает высокую адаптивность номадов, что ставит вопрос о всестороннем изучении системы жизнеобеспечения кочевников. Актуальность рецензируемой работы еще более увеличивается в связи с тем, что номады сыграли в истории цивилизаций огромную, иногда решающую роль, они меняли не раз геополитическую карту мира. Существование кочевников до сего дня вызывает настоятельную необходимость и открывает богатые возможности их изучения.

Объектом исследования автор избирает общество казахов XVIII – начала XX в. Автор рассматривает генезис и развитие их общества, хозяйственные занятия, систему выпаса скота, способы кочевания и маршруты, выбор маршрутов, а также обширный круг вопросов, связанных с социальной стратификацией общества казахов указанного времени, отношения собственности у них. Автор высоко оценивает достижения русской дореволюционной этнографии в изучении кочевников вообще и казахов в частности. Он дает обзор теорий о взаимоотношении природных условий и социума у кочевников. Автор осуждает географический нигилизм

в советской науке и показывает его отрицательные последствия в практической деятельности властей, в частности отрицательные последствия POSSИБИЛИТИСТСКОЙ концепции. Подробно рассмотрены взгляды зарубежных исследователей на историю и сущность номадизма и на проблему географического детерминизма. Это само по себе является большой заслугой автора диссертации. Глубокое изучение в историческом аспекте специфики социального и этнокультурного развития кочевничества и механизмов сохранения равновесия и сбалансированности природопользования и хозяйства вообще у них – все это имеет практическое значение для судеб кочевников.

Автор выделяет и систематизирует, дает типологию ареалов номадизма и его маргинальных зон. Появление кочевничества на территории современного Казахстана автор относит к началу I тысячелетия до н. э. С этим видимо следует согласиться, хотя нужно отметить, что по археологическим данным памятники кочевничества в этот период частью сопровождаются поселениями. Именно это имеет в виду автор, когда пишет о становлении классического номадизма только во второй половине I тысячелетия до н. э.

Автор правильно считает, что номады играли решающую роль в мировых геополитических процессах в Старом свете до изобретения огнестрельного оружия и великих географических открытий, то есть до XV в. После этого начинается период стагнации и упадка кочевничества, включение номадов в систему крупных оседлых централизованных государств.

Далее подробно рассматриваются природные условия, в которых обитало кочевое население Казахстана. Рассматривается динамика численности населения, исследуется по новому, глубоко и подробно, родоплеменная структура казахов, места расселения тех или иных их подразделений. Исследуется также структура хозяйства казахов и дается его типология. Показано различие хозяйств с преимущественно искусственным и с преимущественно естественным водопользованием. С этими особенностями кочевнического хозяйства связаны некоторые социальные особенности. Важно отметить, что диссертация дает представление о значительном разнообразии хозяйства номадов одного этноса и существенно меняет в этом отношении наши представления о номадизме и его хозяйственных системах, основанных на трехчленной формуле Руденко, сводившего все разнообразие номадизма

к трем типам. Особый раздел диссертации посвящен исследованиям производственного цикла у номадов.

Подробно характеризует автор социальный механизм и факторы жизни кочевников. Убедительно выявлены лимиты, ограничивающие хозяйства кочевников, в частности пределы количества скота. Автор характеризует так называемое дисперсное состояние кочевничества, т. е. организацию производства в небольших по числу скота хозяйствах. Показаны способы прерывания концентрации скота как естественные, так и социальные. Последние особенно интересны. Автор хорошо объясняет ряд особенностей строя и быта кочевников необходимостью прервать этот процесс увеличения и концентрации скота зашедшего дальше определенного предела.

«Дисперсионному состоянию» кочевого хозяйства противостоят процессы интеграции-кочевников, в том числе и объединение их для ведения внешней экспансии. Исследуются далее патронимические и социально-потестарные общины у кочевников. Община – это также один из способов интеграции номадов. Выделены два вида общины: дисперсионная и расширенная, концентрированная. Автор хорошо показал, каким образом генеалогические связи в структуре кочевнического общества становятся механизмом властного доминирования, построения гегемонии одних групп или личностей над другими кочевыми группами.

Подробно автор рассматривает различные виды собственности у кочевников. Он много внимания уделяет вопросу собственности на землю и приходит к выводам созвучным тем утверждениям по этому спорному вопросу, которые сводятся к признанию в том или ином виде наличия феодальной собственности на землю у номадов. Автор пишет, что земля также вовлекалась в отношения фактической собственности у кочевников посредством присвоения кормовых и водных ресурсов группой богатых скотовладельцев и выражалось в праве последних на «перезахват» пастбищ. Выясняется действительная роль в социальной жизни кочевников института сауна. Показаны в различных аспектах последствия для социума кочевников имущественной дифференциации и поляризации.

Автор обосновывает так называемую номадную социально-экономическую формацию, номадный способ производства. Нельзя считать этот вопрос окончательно решенным. Есть сторонники признания феодализма у кочевников, поскольку суще-

ствовала феодальная собственность на землю и власть над непосредственными производителями со стороны кочевой аристократии, внеэкономическое принуждение с их стороны. Автор выделяет главную черту «номадного» способа производства», отличающую его от земледельческого оседлого. Это то, что утилизация природных ресурсов осуществлялась в среде кочевников биологическим средством производства, т. е. скотом, что лимитировало величину трудовых затрат в процессе производства. Но в средневековом земледельческом обществе биологическим тоже был способ присвоения природных ресурсов и там существовали свои лимиты. Многие сближает в социальной структуре средневековых земледельцев и кочевников и, прежде всего, это феодальная собственность на землю, выражавшаяся как у кочевников, так и у оседлых земледельцев в монополии власти аристократии и богатеев над бедным населением, непосредственными производителями, обитавшими на той или иной территории и ведших в своем большинстве самостоятельное хозяйство.

В целом работа Н. Э. Масанова представляет законченный и оригинальный труд, в котором решен ряд важнейших исторических проблем, связанных с особенностями кочевничества казахов и номадизма вообще. Значение этой работы велико. Многие вопросы кочевниковедения в диссертации получили новое решение. Диссертация Н. Э. Масанова открывает новые горизонты в исследовании номадизма. Это исключительно ценный и большой вклад в науку. Автор диссертации безусловно достоин присуждения ему ученой степени доктора исторических наук.

В. Л. Янин,
зав. кафедрой археологии
Исторического факультета МГУ
им. М. В. Ломоносова, академик

Отзыв утвержден на заседании кафедры археологии Исторического факультета МГУ от 23 декабря 1991 г. Протокол № 14.

Подпись заведующего кафедрой археологии *В. Л. Янина* заверяю – зав. канцелярией исторического факультета МГУ – *Л. С. Самойленко.*

Отзыв
на автореферат диссертации Н. Э. Масанова
«Специфика общественного развития кочевников-казахов
в дореволюционный период: историко-экологические
аспекты номадизма». Рукопись, 3 с.

Важность выведения исследовательской проекции на анализ адаптивно-адаптирующих механизмов, эволюционировавших в ходе исторического развития социоэкологической функции «общество-природа», предопределяется весьма сильными практическими и научно-познавательными стимулами. Что касается практического аспекта, то его данность более чем очевидна: грядущий экологический апокалипсис настоятельно требует выработки «щадящей» стратегии природопользования, что, естественно, невозможно без абсорбции всего того позитива, который был наработан в этом направлении человеческой цивилизацией. В этом контексте чрезвычайно конструктивный характер обретает исторический опыт номадных обществ, демонстрирующих восхитительные прецеденты достижения искомого консенсуса, т. е. приближения к некоей гармонизации интересов природной сферы и человека. Понятно, что научное осмысление данного опыта суть одна из актуальных задач исторического знания. Судя по автореферату, значительная часть целевых установок диссертации Н. Э. Масанова реализуется в пределах именно такого предметного периметра, что, на наш взгляд, должно вызывать не только чувство профессионального удовлетворения, но и убежденность в том, что проблема, разрабатываемая в исследовании, имеет бесспорные актуализирующие предпосылки к своей постановке.

Нельзя не увидеть и научно-познавательный смысл обращения к теме: социально востребованный исторический опыт должен быть тщательно и, самое главное, объективно проанализирован, поскольку лишь в таком качестве он может оказаться значимым для решения задач текущего и будущего развития. Знакомство с авторефератом убеждает, что это условие реализуется у Н. Э. Масанова в полной мере, а в иных сюжетах почти абсолютно.

Привлекает и чрезвычайно высокая степень теоретизации и концептуализации работы. Многие концептуальные версии выводят на совершенно новое восприятие целого ряда историографически сложных вопросов. Так, на наш взгляд, фундаментальный

характер имеют идеи автора по поводу приложимости к кочевым структурам законов концентрации и дисперсности, принципа дополнительности, оптимума и т. д. Новую интерпретацию получают у Н. Э. Масанова и целый ряд других проблем (касающихся, в частности, организации процесса производства, отношений, складывающихся по поводу обеспечения воспроизводства средств производства, прибавочного и необходимого продукта, монополизации производства и т. д.). Многолетние усилия историографии выйти на понимание этих сюжетов через социально-политические аспекты, патриархально-генеалогические или институциональные отношения оказались тупиковыми. Автор убедительно доказал, что выход на ракурс этнической экологии с симметричным подключением социально-экономического инструментария может явить собой именно тот ключ к познанию социальной организации номадов, поиском которого так долго занимается историографическая традиция. И в этом нам видится огромный позитивный заряд работы Н. Э. Масанова, способный сообщить сильнейший импульс историографической эволюции в рамках данной проблемы. Хотя мы и повторяемся, но тем не менее не откажем себе в оказии еще раз сартикулировать внимание на следующей констатации: анализ механизмов социальной адаптации кочевым социумом аридного пространства, интеграции кочевого скотоводческого типа хозяйственно-культурной деятельности в аридную эко-нишу, предпринятый в диссертации Н. Э. Масанова, выводит на новое, более адекватное историческим реалиям, понимание принципов функционирования и трансформации номадного общества. И в этом нам видится генеральный итог исследования.

К сожалению, приходится отметить, что целый ряд концептуально оригинальных идей, судя по автореферату, не получили в работе доскональной детализации и структурно завершенной разработки. Эти очень, на наш взгляд, интересные мысли, обозначенные автором, при условии развертки могут вызвать существенную коррекцию в понимании отдельных аспектов. Однако складывается впечатление, что автор настолько перенасыщен свежими концептуальными идеями, что позволяет себе ограничиваться лишь констатацией некоторых из них, как бы оставляя их последующим разработчикам проблемы. Мы понимаем, что объем не всегда позволял исследователю углубиться в анализ. Но хотелось бы надеяться, что те из концептуальных фрагмен-

тов, которые автор как бы «застолбил», т. е. лишь обозначил в отдельных сюжетах исследования, найдут свое пространное развитие в его монографических публикациях.

В целом же мы ни на йоту не сомневаемся, что диссертация Н. Э. Масанова отвечает всему комплексу критериев, наработанных по отношению к докторским диссертациям. Сам же Н. Масанов показывает себя концептуально мыслящим исследователем, способным работать на самом высоком уровне теоретизации и, конечно же, заслуживающим степени доктора исторических наук.

Х. А. Аргынбаев,
научный сотрудник
Института истории и этнологии
АН Республики Казахстан
д. и. н., профессор

Ж. Б. Абылхожин,
ведущий научный сотрудник
Института истории и этнологии
АН Республики Казахстан, д. и. н.

Подпись тов. *Х. А. Аргынбаева* и *Ж. Б. Аылхожина* заверяю:
Ученый секретарь. 03.01.1992.

Отзыв

на автореферат докторской диссертации Н. Э. Масанова «Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период: историко-экологические аспекты номадизма». М., 1991. 47 с. Рукопись. 3 с.

Дискуссия о характере социально-экономического строя традиционного общества казахов, которая является составной частью более широкой дискуссии о формационной природе номадизма, пополнилась еще одним серьезным неординарным исследованием, уровень которого и глубина разработки охваченных в нем проблем сразу же ставят его в ряд основных в дискуссии работ. Не преувеличением будет заметить, что положения, сформулированные в работе Н. Э. Масанова, найдут отклик в работах его коллег кочевниковедов, будут обсуждаться в ходе нынешней дискуссии.

Главная цель автора – изучение специфики социального строя кочевников-скотоводов. Однако эту проблему он рассматривает под углом зрения историко-экологического подхода. Поэтому к числу поставленных задач Н. Э. Масанов относит изучение природных ареалов распространения номадизма в целом в мире и в Казахстане в частности, процессы генезиса кочевого скотоводства и его последующую эволюцию, структуру экономики кочевников-казахов и производственный цикл традиционного казахского скотоводческого хозяйства, социальную организацию и социальную структуру казахского общества, отношения собственности в кочевой среде, формы зависимости и эксплуатации, бытовавшие у казахов в дореволюционный период (с. 9). Такая постановка проблемы обусловила специфику структуры исследования, которое фактически состоит из двух разных частей. Первые четыре главы посвящены экологическим аспектам номадизма, а в 5–8 главах рассматривается собственно кочевой социум казахов.

Особенную ценность исследованию придает то обстоятельство, что автор впервые в отечественной номадистике вскрыл системный механизм функционирования номадной экономики, показал посезонные особенности хозяйственных процессов (гл. 4), посезонные ритмы динамики социальной организации (гл. 6). Важным представляется и вывод Н. Э. Масанова о том, что «скорость кочевания выступает в качестве фундаментальной пара-

дигмы социально-экономических процессов в кочевой среде» (с. 32). Исследователями неоднократно отмечалось, что неравенство в отношении к пастбищным ресурсам нередко выражалось в том, что богатый скотовладелец, имея больше скота, кочевал дальше и использовал большее количество пастбищных угодий (Хазанов, 1975, с. 254; Он же, 1984, с. 123–125; Бунятян, 1985, с. 38 и др.). Но Н. Э. Масанову принадлежит заслуга в обосновании данного явления. Нельзя не согласиться с его тезисом, что в хозяйствах богатых скотовладельцев удельный вес подвижных животных был выше, чем у бедных номадов (можно вспомнить и известную казахскую поговорку «Лошади для роскоши») и именно поэтому первые и кочевали дальше, и быстрее, охватывая наиболее продуктивные пастбища (с. 32).

Венчает диссертационную работу Н. Э. Масанова 9 глава, в которой рассматривается «стадиально-формационный уровень» развития кочевых обществ. В ней автор приходит к мнению о существовании у кочевников «номадного способа производства». К числу основных характеристик этого способа производства он относит: биологический характер средств производства (скот), дисперсную организацию системы материального производства, противоречие между коллективной организацией общественного производства и частным распределением произведенной продукции, сезонную динамику форм социальной организации, деление на классы богатых и бедных скотовладельцев и обязательность хозяйственной интеграции бедных номадов с обеспеченными скотоводами и др. (с. 40–41).

Если говорить о тех моментах, которые мы отнесли к недостаткам, то они никоим образом не влияют на значимость поднятых автором проблем, глубину его аргументации. Так, на с. 13 Н. Э. Масанов пишет, что к середине I тысячелетия номадизм вступает в стадию классического кочевничества. В качестве дискуссии хотелось бы обратить внимание на то, что далеко не все кочевниковеды разделяют это мнение (см. например: Латтимо, 1940. С. 53–75; Хазанов, 1973; 1975. С. 268–272; Калиновская, Марков, 1983. С. 67; Шнирельман, 1988. С. 48; Дебэн-Франкфор, 1989. С. 251 и др.). Трудно также согласиться с выводом, что «в номадных ареалах военно-потестарная организация имела весьма ограниченный потенциал влияния» (с. 31). Наверное, в данном случае автор имел ввиду кочевое общество казахов XVIII – начало XX в., поскольку к древним и средневековым кочевым

империям, да и не только к ним, этот вывод не применим. На наш взгляд более гибким представляется подход Г. Е. Маркова о взаимопереходности "военно-кочевого" и "общинно-кочевого" состояний друг в друга в зависимости от конкретных обстоятельств. Тем более, что и сам Н. Э. Масанов ранее писал об этом же (Марков, Масанов, 1985. С. 87). Возможно, в дальнейшем, при работе над монографией, потребуется дополнительное методологическое обоснование вывода о кочевом способе производства.

В целом, исследование Н. Э. Масанова "Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период: историко-экологические аспекты номадизма" представляет собой крупное историко-этнологическое исследование, которое является существенным вкладом в отечественную номадистику, а его автор, вне всякого сомнения, заслуживает присуждения ему ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 Этнография. После защиты исследование Н. Э. Масанова необходимо опубликовать, чтобы оно было доступно широкому кругу специалистов кочевниковедов.

Н. В. Кочешков,
ведущий научный сотрудник сектора этнографии
Института истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, д. и. н.

Н. Н. Крадин,
научный сотрудник сектора археологии
средневековых государств Института
истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, к. и. н.

Подпись *Н. В. Кочешкова, Н. Н. Крадина* заверяю: ст. инспектор по кадрам *Иванова*.

Отзыв
на диссертацию Н. Э. Масанова «Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период. (Экологические аспекты номадизма)», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук

Я давно знаком с работами Н. Э. Масанова по данной теме и высоко оцениваю его предыдущие статьи и книгу «Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков» (Алма-Ата: Наука, 1984). Определенная часть взглядов, вошедших в обсуждаемую ныне докторскую диссертацию, была отражена уже в тех публикациях. Благодаря своей новизне и оригинальности, позиция Н. Э. Масанова получила широкую известность среди специалистов и уже вызывала острые дискуссии.

В окончательном виде концепция автора представлена в рукописи докторской диссертации. Несомненно, Н. Э. Масанов учел опыт предыдущих дискуссий и, не отказываясь от своих принципиальных положений, сумел развить и существенно углубить основные линии своих исследований, сделав их изложение более логически стройным, взаимосвязанным и убедительным.

Мне довелось тщательно ознакомиться с первым вариантом рукописи диссертации накануне ее обсуждения в секторе этнической экологии Института этнологии и антропологии АН СССР, которое состоялось 29.03. 1990 г. Никаких принципиальных возражений или сомнений тот текст у меня не вызвал. Тем не менее автору был передан мною небольшой список замечаний и сделаны пометки на полях рукописи, касавшиеся путей сокращения объема текста, правки стиля, снятия некоторых повторов в цитировании и возможной частичной перекомпоновки материала. Ныне я вновь просмотрел исправленную рукопись диссертации.

Самое общее впечатление, возникающее после знакомства с текстом работы Н. Э. Масанова – это действительно очень оригинальная, но притом обоснованная значительным фактическим материалом и детально проработанная концепция. Даже неспециалист по истории и этнографии казахов, каким являюсь я, находит в диссертации Н. Э. Масанова очень доказательное объяснение ключевых моментов этногенеза и этнической истории, особенностей сферы материального производства и социальной организации этого народа. Хочется подчеркнуть, что все это дос-

тигнуто на основе самого тщательного учета роли факторов природной среды, причем в данной области автор нигде не соскальзывает к упрощенным, напоминающим географический детерминизм положениям.

Думается, о положениях Н. Э. Масанова, дающих объяснение генезиса и функционирования основных элементов социума кочевых казахов, будут немало спорить как специалисты по этнографии и истории региона, так и исследователи общих проблем номадизма. Однако нельзя не признать, что в пользу правильности взглядов автора диссертации свидетельствуют как минимум два важных момента. Во-первых, они выстроены в очень цельную и стройную, лишенную внутренних логических противоречий или неувязок концепцию. Во-вторых, именно эта концепция полностью «вписывается» в природные условия Степи, причем эти условия, как убедительно показал сам автор, отличаются высокой степенью пространственной и временной изменчивости. Таким образом, даже подходя к оценке работы Н. Э. Масанова с чисто исторических позиций, не стоит игнорировать и эти два ее несомненных и весомых достоинства.

Особую ценность работе Н. Э. Масанова придает ее подлинный и последовательный экологизм. Принятый автором системный подход к анализу естественно-природных и социально-экономических факторов исторического развития номадизма позволил не только ярко показать природные условия среды обитания кочевников-казахов. Благодаря такой исследовательской ориентации ему удалось раскрыть весь комплекс сложных взаимообусловленных связей между физико-географическими особенностями степей и полупустынь Казахстана и сложившимися здесь основными чертами кочевого скотоводческого хозяйства и социальной организации казахов. Иначе говоря, работа Н. Э. Масанова действительно имеет междисциплинарный характер, что значительно усиливает обоснованность защищаемой им концепции.

Многие составные части выдвинутой Н. Э. Масановым концепции отличаются новаторским характером, а потому достойны подробного разбора и оценки. Основываясь на некотором опыте собственных этноэкологических исследований традиционного хозяйства, я хотел бы привлечь внимание прежде всего к играющей принципиальную роль в обсуждаемой работе идее автора о наличии двух экологически существенно разных (ареальной

и маргинальной) зон распространения кочевого уклада. Полагаю, что это положение Н. Э. Масанова в итоге войдет в учение о хозяйственно-культурных типах, значительно его обогатив и сделав гораздо более операциональным. Действительно, только признание того, что каждый ХКТ (как и кочевой скотоводческий, проанализированный с этих позиций Н. Э. Масановым) складывается в определенной (ареальной) для него природной зоне, но потом может распространиться и в несколько отличную (маргинальную) природную зону и там сосуществовать с другими ХКТ, позволяет понять и объяснить, почему на одной территории у разных народов, находящихся на примерно одинаковом уровне социально-экономического развития иногда могут быть представлены различные ХКТ. Эти не столь уж редкие факты некоторые исследователи пытались трактовать как показатель ограниченности либо неточности концепции ХКТ. Но принятие идеи Н. Э. Масанова о маргинальных зонах прекрасно объясняет такие случаи и тем самым снимает указанные сомнения.

Рецензентам обычно полагается также отмечать стилистические достоинства либо недостатки работы. Это непросто сделать в отношении диссертации Н. Э. Масанова – безусловно, его текст насыщен (временами даже кажется, что перенасыщен) научными терминами и формулировками, что делает чтение диссертации тоже нелегкой работой. Однако этот текст безусловно очень сжатый и емкий, он действительно насыщен информацией и обобщениями, так что неоправданного или нарочитого наукообразия в нем не найти. Видимо, в работе прежде всего концептуального плана, каковой и является диссертация Н. Э. Масанова, иной стилистики и не могло бы быть. К тому же автору удалось заметно оживить изложение за счет частого включения весьма выразительных цитат из описаний очевидцев былого уклада жизни кочевых казахов. Одновременно эти свидетельства удачно подтверждают убедительность сжато и сухо сформулированных выводов и заключений самого Н. Э. Масанова.

Хочется надеяться, что в самое ближайшее время в несколько расширенном виде и с более простым стилем изложения рукопись Н. Э. Масанова будет опубликована. Несомненно, его взгляды достойны того, чтобы с ними могли ознакомиться широкие слои читателей историко-этнографической литературы. Вероятно, концепция Н. Э. Масанова вызовет значительный резонанс и в кругах специалистов-кочевниковедов.

В заключение считаю необходимым подчеркнуть, что оригинальность, значимость и обоснованность концепции Н. Э. Масанова, изложенной в данной работе, вполне соответствует требованиям, предъявляемым к вкладу в науку соискателями ученой степени доктора исторических наук. Поэтому рекомендую представить обсуждаемый текст Н. Э. Масанова к защите и присвоить автору искомую ученую степень.

А. Н. Ямсков,
научный сотрудник сектора этнической экологии
Института этнологии и антропологии АН СССР, к. и. н.
14 января 1991 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВАН	– Вестник Академии наук
ВДИ	– Вестник древней истории
ВИ	– Вопросы истории
ВИНИОН	– Всесоюзный институт научной информации по общественным наукам АН СССР
ВК	– Вопросы колонизации
ВНИИК	– Всесоюзный научно-исследовательский институт коневодства
ВРГО	– Вестник РГО
ВС	– Военный сборник
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры
ГИРГО	– Географические известия, выдаваемые от РГО
ГО	– Географическое общество
ЖМВД	– Журнал Министерства внутренних дел
ЖМГИ	– Журнал Министерства государственных имуществ
ЖЮО	– Журнал Юридического общества при Санкт-Петербургском университете
ЗЗСОРГО	– Записки Западно-Сибирского отдела РГО
ЗООРГО	– Записки Оренбургского отдела РГО
ЗРГО	– Записки РГО
ЗРГООГ	– Записки РГО по общей географии
ЗРГООС	– Записки РГО по отделению статистики
ЗРГООЭ	– Записки РГО по отделению этнографии
ЗСООИК	– Записки Семипалатинского отдела Общества изучения Казахстана
ЗСПЗСОРГО	– Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО
ИА	– Исторический архив
ИАН	– Известия Академии наук
ИЗСОРГО	– Известия Западно-Сибирского отдела РГО
ИОЛЕАЭ	– Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
ИООРГО	– Известия Оренбургского отдела РГО
ИРГО	– Известия РГО
ИОАИЭ	– Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИСССР	– История СССР

КазНИГМИ	– Казахский Научно-исследовательский гидрометеорологический институт
КРО	– Казахско-русские отношения
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИЭ	– Краткие сообщения Института этнографии
ЛО ИИСССР	– Ленинградское отделение Института истории СССР
МАЗ	– Музей антропологии и этнографии
МИА	– Материалы и исследования по археологии
МИКССР	– Материалы по истории Казахской ССР
МИКХ	– Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1969.
МИПС	– Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960.
МКАЭН	– Международный конгресс антропологических и этнографических наук
МКВ	– Международный конгресс востоковедов
МКЗ	– Материалы по киргизскому землепользованию
МКИН	– Международный конгресс исторических наук
МКОП	– Материалы по казахскому обычному праву. Алма-Ата, 1948.
МОКИСАР	– Материалы Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик
МОТ	– Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области
МСТК	– Материалы по статистике Туркестанского края
НАА	– Народы Азии и Африки
НЕС	– Новые ежемесячные сочинения
НИИЯЛИ	– Научно-исследовательский институт языкознания, литературы и истории
ОЛ	– Оренбургский листок
ЛВПН	– Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.
ПКСО	– Памятная книжка Семипалатинской области
ПСЗ	– Полное собрание законов Российской империи
РГО	– Русское географическое общество
РМ	– Русская мысль
СА	– Советская археология
СК	– Советская Киргизия

СМИЗО	– Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды
СОВ	– Семипалатинские областные ведомости
СЭ	– Советская этнография
ТОВ	– Тургайские областные ведомости
ТОИК	– Труды общества изучения Казахстана
ТОИКК	– Труды общества изучения Киргизского края
ТВ	– Туркестанские ведомости
ТИИАЭ	– Труды Института истории, археологии и этнографии
ТИЭ	– Труды Института этнографии
ТКИПС	– Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран
ТОУАК	– Труды Оренбургской ученой архивной комиссии
ЦГА	– Центральный Государственный архив
ЭО	– Этнографическое обозрение
ЮВ	– Юридический вестник

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ко второму изданию	3
От составителей	9
Введение	15
Часть I. Система материального производства	
Глава 1. Кочевничество и среда обитания	42
1.1. Типология местообитаний кочевников	42
1.2. Генезис и эволюция кочевничества	51
Глава 2. Природа и кочевое население Казахстана	81
2.1. Природно-климатические условия	81
2.2. Кочевое население Казахстана	93
Глава 3. Сфера материального производства	277
3.1. Структура традиционного хозяйства.....	277
3.2. Типология кочевого хозяйства.....	296
Глава 4. Производственный цикл	310
4.1. Выпас скота в зимний период	312
4.2. Выпас скота в теплое время года	332
Глава 5. Закономерности организации процесса производства	351
5.1. Закономерность дисперсной организации системы материального производства и образа жизни номадов	351
5.2. Закономерность концентрации общественного производства	364

Часть II. Система общественных отношений

Глава 6. Социальная организация	375
6.1. Община и территориально-общинная организация	378
6.2. Патронимическая и социально-потестарная организация	395
Глава 7. Производственные отношения	419
7.1. Отношения собственности на средства производства: обычноправовой аспект	419
7.2. Отношения собственности на землю в процессе производства	431
7.3. Отношения собственности на скот	444
Глава 8. Социальная структура общества и формы эксплуатации зависимого населения	461
8.1. Формы эксплуатации	461
8.2. Социально-экономическая структура	477
Глава 9. Стадиальная идентификация кочевого общества	498
9.1. Формационная характеристика кочевого общества: проблема и метод	498
9.2. Кочевое общество казахов в составе Российского государства	515
Экология и этническая история кочевников-казахов (Вместо заключения)	535
Таблицы	550
Литература	567
Приложения	665
1. Н. Э. Масанов (<i>краткая биография</i>)	667
2. Научные труды Н. Э. Масанова.....	670
3. Выписка из протокола расширенного заседания сектора этнической экологии Института этнологии и антропологии АН СССР о рекомендации к защите	

диссертации Н. Э. Масанова на специализированном совете по историческим наукам на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности «этнография» 683

4. Справка о присуждении Масанову Нурбулату Эдигеевичу ученой степени доктора исторических наук на основании защиты диссертации «Специфика общественного развития кочевников-казаков в дореволюционный период: историко-экологические аспекты номадизма» 688

5. Рецензии на монографии и отзывы на автореферат и рукопись докторской диссертации Н. Э. Масанова 692

Список сокращений 733

Научное издание

Нурбулат Эдигеевич Масанов

**Кочевая цивилизация казахов:
основы жизнедеятельности
номадного общества**

Издание 2-е, дополненное

Подписано в печать 27.08.11. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 46,25. Уч.-изд. л. 42,23.
Тираж 750 экз.

Отпечатано в типографии ТОО "Print-S"
тел. (727) 389-97-31, (727) 329-48-42.
e-mail:print-s@mail.ru 9